

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Оренбургский институт (филиал)

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВА**

Материалы межвузовской научной конференции магистрантов
(18 марта 2022 года)

Оренбург
2022

УДК
ББК
А43

340(063)
67.0

А43 Актуальные проблемы современного права: материалы межвузовской научной конференции магистрантов. – Оренбург: Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – 518 с.

В сборник вошли материалы межвузовской научной конференции магистрантов «Актуальные проблемы современного права», прошедшей в Оренбургском институте (филиале) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 18 марта 2022 года.

Содержащиеся в сборнике материалы представляют интерес для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов.

УДК 340(063)
ББК 67.0

© Оренбургский институт (филиал)
федерального государственного
бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Московский государственный
юридический университет имени
О.Е. Кутафина (МГЮА)», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Абрамов Г.С. Развитие правового регулирования деятельности в области спорта в Российской Федерации и зарубежных странах	11
Агеева Е.В. Особенности предмета доказывания по спорам, возникающим из договора контрактации	21
Аглиуллина М.М. О правовой природе исполнительского сбора	24
Ажигулова А.И. Нормативно правовые акты, защищающие права человека от дискриминации в сфере труда.....	27
Антонова К.В. Спорные вопросы разграничения кражи и грабежа.....	30
Артамонова Е.Е. Принудительный выкуп акций: сравнительный анализ правового регулирования в России и Германии	33
Атаманова П.С. К вопросу о понятии и правовой природе концессионных соглашений	36
Баймуканова В.С. Некоторые особенности договорного регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики в Российской Федерации.....	40
Балабуркина А.Д. Мировое соглашение, как способ защиты прав ответчика в гражданском судопроизводстве.....	43
Банникова М.В. Правовое регулирование рекламы в телепрограммах и телепередачах в Российской Федерации	46
Бастрыкина С.Н. Самовольная постройка в отечественном законодательстве: исторический аспект	49
Батакова И.П. Электронный документ, как самостоятельное средство доказывания	52
Безукладов А.И. Актуальные проблемы правового института субсидированной ответственности в процессе несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации	55
Бузаева О.А. Актуальные вопросы квалификации торговли людьми по совокупности преступлений	60
Бурбыга Н.Н. Правовая природа арбитража (третейское разбирательство)	63
Бутаева Л.А. Соккрытие доходов иностранных и международных компаний в целях уклонения от уплаты налогов	67
Бутенко Г.А. Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном договоре участников обществ с ограниченной ответственностью в РФ.....	70
Бутенко Д.В. Проблемы участия третьих лиц в корпоративном договоре... ..	73
Быкова М.В. Формы упрощения арбитражного судопроизводства: теоретические и практические аспекты	76
Васильченко А.В. Предпосылки права на иск и права на предъявление требования о выдаче судебного приказа в гражданском судопроизводстве: сравнительный анализ	79
Вернер О.В. Судебная практика, как источник регулирования трудовых отношений.....	82

Власенко Н.А. Особенности подготовки государственного обвинителя к участию в уголовном процессе с присяжными заседателями	86
Васякина И.С. Современные проблемы анализа товарных рынков для целей антимонопольного регулирования	88
Власов Д.А. Управляющая организация, как единоличный исполнительный орган хозяйственного общества и условия ее имущественной ответственностью	94
Воронцова А.В. Правовое положение субъектов правоотношений, возникающих из договора строительного подряда	97
Войдер Е.А. Значение минимального размера оплаты труда в современных условиях	100
Волченкова Т.А. Конституционное право граждан на медицинскую помощь: гарантии и проблемы реализации.....	103
Воронов В.В. К вопросу о роли органов внутренних дел в обеспечении соблюдения правил проведения предвыборной агитации.....	106
Высочанская А.А. Незаконное разглашение или использование сведений, составляющих коммерческую тайну.....	109
Гильдебрандт Д.В. Правовое регулирование создания и прекращения деятельности «Компании одного лица»	111
Глубокая В.И., Куцева Н.А. Процесс цифровизации рынка недвижимости в Российской Федерации.....	114
Горбачева Т.А. Проблемы судебного приказа, как исполнительного документа.....	116
Гоньшев М.А. Особенности правового статуса самозанятых граждан	119
Гусейнов Р.А. Специфика юридической ответственности в трудовом праве	124
Гумарова А.Р. Реестр субъектов естественных монополий в Российской Федерации: проблемы и пути решения.....	126
Гурина Д.А. К вопросу о механизме проведения электронного аукциона, как способа определения поставщиков для обеспечения государственных нужд в Российской Федерации.....	129
Давлетшин Р.Р. Проблемы квалификации использования рабского труда	133
Даугерева М.Е. О проблемных аспектах расторжения договора аренды.	135
Делева И.А. Правовое регулирование финансирования политических партий в РФ.....	138
Джукусова А.К. Понятие принудительного труда в нормах международного и российского трудового права.....	141
Дмитриева А.Е. Отличие дел об оспаривании отцовства (материнства) от дел об установлении отцовства и дел об установлении неправильности записи в книге актов гражданского состояния	144
Долматова К.М. Проблемы правового регулирования и реализации конституционного права на свободу слова в сети Интернет.....	147
Дощинская А.В. Вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий	151

Дрожжина И.А. Проблемы увольнения работника по инициативе работодателя в период пандемии Covid-19	154
Дубовицкая А.Е. Перспективы развития электронного приказного производства в России	159
Ежель Е.А. Способы приобретения обществом размещенных акций.....	163
Елизаров А.Ю. Некоторые процессуальные особенности рассмотрения судами дел о расторжении брака.....	165
Ершова И.Н. Особенности нотариального обеспечения электронных доказательств	168
Ждаков А.В. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в период пандемии Covid-19 в Российской Федерации	171
Забунова А.Д. Значение материально-правовых и процессуальных норм в регулировании отношений по взысканию алиментов на несовершеннолетних детей.....	174
Завальнюк В.О. Проблемные аспекты реализации прав работниками в процессе нетипичного труда	176
Замосковин И.С. Некоторые аспекты правового регулирования внешнеторговых отношений в Российской Федерации.....	180
Затонская А.А. Аттестация, как способ эффективной оценки персонала..	184
Захарченко Я.С. Понятие злоупотребления процессуальными правами в гражданском процессе	187
Иванова К.О. Роль налоговой экспертизы при расследовании налоговых преступлений	190
Илищук Р.В. Некоторые аспекты правового регулирования преднамеренного банкротства в Российской Федерации	194
Исентаева Д.А. К вопросу об особенностях процессуального порядка привлечения представителя по назначению суда.....	197
Исмаков Е.В. К вопросу о существенных условиях договора подряда на выполнение кадастровых работ	200
Исхакова Р.И. Обоснованность судебного решения в гражданском процессе.....	203
Ишмуханова Д.М. К вопросу о преюдициальном значении решений третейских судов (арбитражей)	207
Кайратов Т.К. Применение специальных экологических знаний в гражданском судопроизводстве.....	209
Калинский Д.А. Некоторые аспекты правового института признание сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации	212
Калюжина В.М. Обжалование судебных решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу: эффективное средство защиты или уголовно-процессуальная фикция?	217

Каньшина А.А. Особенности рассмотрения и разрешения административных дел в упрощенном порядке по КАС Российской Федерации	220
Карнаухова О.К. История создания контрольно-счетных органов России	223
Катыхина А.В. К вопросу о статусе юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности	226
Керуенбаева К.Б. Особенности застройщика, как субъекта несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации	228
Кобзарук С.В. Правовые предпосылки формирования института корпорации одного лица	231
Коваленко Н.С. К вопросу о правовом положении индивидуального предпринимателя в Российской Федерации.....	234
Кожухова Ю.В. Истребование сведений, предметов и документов как иное процессуальное действие по собиранию доказательств в уголовном процессе.....	238
Комарова О.И. Отдельные аспекты применения цифровых технологий при рассмотрении и разрешении трудовых споров	241
Корнеева У.А. Действие принципа состязательности в упрощенном производстве в гражданском процессе	243
Короткова Н.В. Некоторые аспекты государственной поддержки самозанятых граждан в Российской Федерации.....	245
Коскулова А.К. Актуальные проблемы процессуального положения прокурора в гражданском процессе	249
Костуганова М.Б. Принцип добровольности при применении медиации .	252
Костюченко Д.И. Полномочия кассационного суда общей юрисдикции ..	254
Ксюпова Д.Н. Особенности правового регулирования рекламы товаров при дистанционном способе продажи.....	257
Кудрина М.И. Правовые аспекты распределения имущества ликвидируемой корпорации.....	259
Кузьмина Е.А. Участие прокурора в гражданском судопроизводстве для дачи заключения по делу.....	265
Куликова Т.А. Проблемы реализации Конституционного права на образование в России	267
Куцева Н.А. Интернет-торговля, как один из видов предпринимательской деятельности, осуществляемой в сети Интернет: проблемы и тенденции развития.....	270
Кучерова Ю.С. Субсидиарная ответственность участника корпорации....	275
Лазаренко А.А. Отличие групповых исков от схожих институтов гражданского процесса.....	278
Лаптева О.С. Правовое регулирование инвестиционной деятельности физических лиц в Российской Федерации.....	281
Лир А.С. К вопросу о понятии усыновления	285
Мальцева А.В. Роль правоохранительных органов в борьбе с коррупцией.....	287

Маматенко Н.В. Специальные основания оспаривания сделок должника, предусмотренные законом о банкротстве	290
Мелкомян А.С. Особенности определения цены иска по делам о разделе общего имущества супругов	293
Метаев М.Ж. «Двойственный» элемент правового статуса государственных корпораций в Российской Федерации.....	297
Минебаева А.И. Субсидиарная ответственность наследников при банкротстве	299
Мирзоян С.И. Сущность государственного кредита как правовой категории.....	302
Мирославский А.А. Правовое регулирование порядка предоставления государственных услуг в электронной форме	305
Мордвинова А. В. Конституционно-правовые гарантии свободы массовой информации	308
Музирова И.М. О практике использования косвенных доказательств в гражданском процессе	312
Музычук А.С. Процессуальное положение несовершеннолетнего по делам об усыновлении (удочерении)	315
Назарян Ш. Понятие и критерии самозанятых граждан в Российской Федерации.....	318
Никитенко М.А. Актуальные проблемы правового регулирования заключения и исполнения государственных контрактов в Российской Федерации.....	322
Никулин В.А. Понятие и сущность внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства Российской Федерации (антимонопольного комплаенса).....	326
Орлова Д.А. Мировое соглашение в гражданском процессе: понятие и перспективы	332
Парфенов Р.С. Противодействие терроризму в Российской Федерации: правовые реалии и совершенствование конституционно-правового механизма.....	335
Пахомов Д.И. Состояние экстремистской преступности в России и за рубежом.....	338
Пеннер Н.В. Защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: правовое регулирование и практика.....	341
Петренко А.К. Роль кодекса корпоративного управления в предупреждении возникновения корпоративных конфликтов	344
Полевщикова А.С. О правовом регулировании участия государства в уставном капитале акционерных обществ	346
Полуянов В.А. Актуальные проблемы применения уголовного законодательства по вопросам контрабанды алкогольной продукции и табачных изделий.....	349
Полшкова А.А. Проблемы регулирования налогообложения криптовалюты в Российской Федерации.....	353

Попова С.А. Полномочия и компетенция суда апелляционной инстанции	356
Поротько Е.В. Защита прав граждан в эпоху развития цифровых технологий	358
Потоцкий Д.А. Некоторые аспекты правового регулирования несостоятельности (банкротства) гражданина в Российской Федерации....	361
Прищепо К.Н. Правовые акты представительного органа местного самоуправления	365
Прокудина Е.В. Нотариальные действия в гражданском судопроизводстве: понятие, значение	369
Прунова А.А. Правовое регулирование участия Президента Российской Федерации в законодательном процессе	372
Рафиков И.А. Заключение прокурора, как форма участия в гражданском процессе: проблемы реализации	373
Садоводова Я.В. Специфика злоупотребления правом в контексте корпоративных правоотношений в Российской Федерации	377
Серeda Н.Н. Уголовно-правовое противодействие экстремизму в молодежной среде с учетом ее социально-психологических особенностей	380
Симаева Е.М. Правовой статус медицинского работника в дореволюционный период	383
Ситдинов Э.З. Стороны мирового соглашения в гражданском процессе ..	386
Слатова Т.А. Поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации в сфере налогообложения: актуальные меры поддержки в условиях антироссийских санкций	388
Соболев Е.С. К вопросу о понятии технически-сложных товаров в законодательстве Российской Федерации	391
Солдатова А.С. Проблемы реализации электронного дистанционного голосования в Российской Федерации	394
Стрекаловская А.В. О некоторых вопросах определения судом размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок	397
Студенников В.О. Проблемы установления причинной связи в преступлении, предусмотренном статьей 264 УК РФ	400
Суриков В.С. Участие военного прокурора в суде общей юрисдикции	403
Сырцов М.А. Экспериментальное регулирование в современной России	405
Тарасова В. Особенности доказывания по делам о признании наследника недостойным	408
Тимошкин М.А. Защита персональных данных в аспекте обеспечения неприкосновенности частной жизни	412
Титова Д.Е. Юридический анализ ст. 205.5 УК РФ	415
Ткачев В.А. Проблемы применения уголовного законодательства при привлечении лиц к уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей	418
Томин А.О. Субсидиарная ответственность лиц, контролирующих должника при банкротстве	420

Трофимов С.В. К вопросу о порядке определения долей супругов при рассмотрении споров о разделе общей собственности супругов	423
Тукаева Д.Е. Проблемы реализации права граждан на охрану здоровья ...	426
Туктаров Д.А. Правовая охрана заработной платы и ее отражение в международно-правовых актах.....	428
Тулегенова Д.Б. Социальное предпринимательство: понятие, сущность, проблемы и пути решения.....	432
Тулинцева А.В. Соотношение контроля и надзора в банковском секторе в Российской Федерации.....	436
Туюшева А.Р. Юридическая природа конституционного права на обращение	439
Ургенишбаева А.К. Вопросы квалификации убийства, совершенного с особой жестокостью.....	422
Урынбасарова Р.М. Процессуальные ошибки при назначении судебных экспертиз в досудебном производстве Российской Федерации.....	444
Устименко Е.С. Некоторые проблемы правового регулирования коммерческой концессии в Российской Федерации.....	447
Федотова М.А. Негативные стимулы реализации принципа добросовестности субъектов в процессе настоятельности (банкротства) в Российской Федерации.....	450
Федюнин Е.С. Субъекты малого предпринимательства как участники финансовых отношений.....	452
Халафутдинова Э.А. Уполномоченный по правам ребенка в Российской Федерации.....	454
Хасина А.В. Значение предварительных обеспечительных мер в делах о защите авторских прав.....	457
Хижня А.А. Пересмотр судебных актов арбитражных судов в судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации в системе пересмотра судебных актов Арбитражных Судов	460
Хотенов М.Д. Правовое регулирование защиты права работника на получение заработной платы в условиях несостоятельности (банкротства) работодателя	463
Хрусталева А.В. Исторические аспекты правового регулирования изнасилования в законодательстве древней Руси и Московского государства	467
Чепрасова А.Ю. Заключение соглашения об уплате алиментов: процессуальный аспект.....	469
Чиркова А.А. Некоторые проблемы теоретического и практического применения понятия «товарный рынок» в Российской Федерации	472
Черникова К.Д. Необходимые доказательства по делам об установлении отцовства	481
Шарафиева А.И. Представление и истребование аудио- и видеозаписей в цивилистическом процессе	485

Шарин В.Ю. Некоторые процессуальные особенности рассмотрения судами дел об усыновлении (удочерении) детей-граждан России иностранными гражданами и лицами без гражданства.....	488
Шашина А.О. Значение подготовки дела к судебному разбирательству на современном этапе, как механизма обеспечения разумных сроков рассмотрения дела.....	490
Шейда Т.Г. Перспективы развития института медиации в России.....	491
Шибин Д.Ю. Алкогольная продукция, табачные изделия, как предмет контрабанды: понятие, значение для квалификации.....	494
Шишкин С.В. Финансовое стимулирование развития оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации.....	497
Щанькин Д.Ю. Правовые проблемы контроля и надзора за деятельностью частных охранных организаций в Российской Федерации	500
Юсипенко К.А. Особенности механизма наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью.....	504
Якунина Д.А. Особенности участия в гражданском процессе органов государственной власти, органов местного самоуправления в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора	506
Ямщикова К.О. О проблемах заключения арбитражного соглашения в электронной форме	510
Яничкина В.А. Некоторые аспекты правового регулирования отношений в сфере закупок товаров для обеспечения государственных нужд в Российской Федерации	513

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБЛАСТИ СПОРТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ

Абрамов Г.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Развитие физической культуры и спорта имеет огромную историю, выступая залогом формирования здорового образа жизни всего населения современного мира. Вместе с тем, данная деятельность имеет своеобразные характерные черты, которые усложняют ее правовое регулирование, но законодательное закрепление норм в сфере спорта обязательно, так как от этого зависит защита прав и свобод не только самих спортсменов, но и иных лиц, заинтересованных в своем физическом развитии или так или иначе соприкасающихся со спортивной деятельностью. Поэтому актуальным вопросом является развитие правового регулирования спортивной деятельности, совершенствование законодательства, формирование общих направлений самой системы общественных отношений, возникающих в сфере спорта. Создание правовой системы, которая позволит всем участникам вышеуказанных отношений надежно и эффективно функционировать в данной отрасли, что естественно будет обеспечиваться грамотно выстроенным механизмом защиты прав и свобод субъектов спортивных правоотношений при включении не только государственных, но и негосударственных механизмов воздействия.

В современном мире профессиональный спорт затрагивает большое количество отраслей права и носит комплексный характер, что существенно усложняет практику применения законодательных и иных правовых актов, поэтому успешное развитие данной отрасли возможно только при наличии структурированной нормативно-правовой базы, основными характеристиками которой являются стабильность, системность и адекватность.

В российской правовой науке существует дискуссия о выделении спортивного права в отдельную отрасль, для чего, согласно общей теории права, необходимо выделить отдельный предмет правового регулирования в лице определенных правоотношений. Общественные отношения могут стать предметом правового регулирования, если, во-первых, они отличаются устойчивостью, повторяемостью; во-вторых, государство и общество заинтересованы в придании этим общественным отношениям правовой формы и, следовательно, в охране и защите их; в-третьих, отличаются способностью к внешнему контролю - судебному, административному, со стороны государства. Следует отметить, что данные общественные отношения должны обладать также своей спецификой, быть уникальными,

т.е. отличаться от общественных отношений, входящих в предмет других отраслей.

Первая группа ученых - специалистов в области физической культуры и спорта (Ю. Бытко, А. Жуков, В. Ильиных) предлагают выделить в качестве самостоятельной отрасли права «спортивное право». Вторая группа - например, С.В. Алексеев, А.А. Соловьев, Д.И. Рогачев, А.В. Сердюков, рассматривают «спортивное право» как комплексную, пограничную отрасль российского права, регулирующую спортивные, трудовые и другие тесно связанные с ними отношения. Третья группа, в лице К.Н. Гусова и О.А. Шевченко, полагают, что спортивное право есть свод законодательства и учебная дисциплина. О формировании самостоятельной отрасли спортивного права пока говорить преждевременно, так как сложно выделить его предмет.

Правовое регулирование любой сферы общественных отношений традиционно разделяется на международный и национальный уровни, который в свою очередь делится на федеральный и региональный уровень, а также на акты, носящие общий и специальный регулятивный характер.

Основополагающее значение в сфере правового регулирования спортивной деятельности в Российской Федерации имеет Конституция Российской Федерации, в которой закрепляются конституционные основы правового регулирования спортивных отношений в нашем государстве, например, ч. 2 ст. 41, регламентирующая финансирование федеральных программ развития физической культуры и спорта, п. «е» ст. 72 Конституции, закрепляющий совместное ведение Российской Федерации и субъектов Российской Федерации в вопросах физической культуры и спорта.

Наряду с основным законом страны важнейшими источниками регулирования спортивной деятельности являются федеральные законы. Наиболее важным выступает Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ (далее Закон о спорте), который устанавливает правовые, организационные, экономические и социальные основы деятельности в области физической культуры и спорта в РФ, определяет основные принципы законодательства о физической культуре и спорте.

Согласно п. 3 ст. 3 Закона о спорте, законодательство о физической культуре и спорте основывается на следующих принципах: сочетание государственного регулирования отношений в области физической культуры и спорта с саморегулированием таких отношений субъектами физической культуры и спорта. Соответственно, анализ данного положения позволяет прийти к выводу о том, что все правоотношения в сфере спорта должны регулироваться как законодательством, так и предписаниями нормативных документов различных спортивных организаций, которые носят локальный характер. По нашему мнению, данная норма является достаточно

проблематичной, так как порождает ряд вопросов правоприменительной практики.

Данная формулировка не несет четкой разграниченности между государственным и негосударственным регулированием, как показывает практика, это зачастую приводит к принятию спорных решений в отношении спортсменов, к отсутствию защитных механизмов и порядка пересмотра решений международных спортивных комиссий и ассоциаций, а также в целом ставит вопрос о действенности спортивных регламентов. Таким образом, признав саморегулирование, российский законодатель тем не менее не уточнил, что под ним следует понимать, в каких формах, какими субъектами и в каких случаях оно допустимо, как оно должно сочетаться с государственным регулированием¹.

Так как сфера спорта носит комплексный характер, регулирование спортивной деятельности в Российской Федерации также находит свое правовое закрепление и в иных нормативно-правовых актах, в частности в кодифицированном отраслевом законодательстве – Гражданский Кодекс РФ, Трудовой Кодекс РФ, Налоговый Кодекс РФ, Уголовный кодекс РФ, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, а также в иных специализированных отраслевых федеральных законах - Закон Российской Федерации «Об образовании» от 10 июля 1992 г. № 3266-1, Федеральный закон «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ, Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 и ряд других законов и подзаконных нормативных правовых актов, обеспечивающих регулирование и охрану спортивных отношений. Важно отметить, что огромное место занимают ведомственные и отраслевые подзаконные акты федеральных органов исполнительной власти.

Помимо этого, в Российской Федерации правовое регулирование развития спорта и физической культуры устанавливается путем разработки и принятия стратегий и концепций, которые призваны стимулировать развитие общественных отношений на более гибком уровне в отличие от законов и подзаконных актов. В частности, приняты Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утверждённая Распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 г., утверждённая Распоряжением Правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 г. № 1101-р, Указ Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». Кроме того, в России распоряжением Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1188-р утверждена Стратегия развития спортивной

¹ Шевченко О.А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов и тренеров в зарубежных странах и российском законодательстве // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. - 2015. - № 4. – С. 111.

индустрии до 2035 г. и комплекс мер по формированию современной отрасли спортивной индустрии на 2019-2020 гг., Приказом Министерства спорта РФ от 21 ноября 2017 г. № 1007 утверждена Концепция развития студенческого спорта в Российской Федерации на период до 2025 г.

Так как согласно Конституции Российской Федерации, регулирование вопросов спорта и физической культуры относится к предметам совместного ведения, на региональном уровне принято множество правовых актов, регулирующих спортивные отношения, а также программ и концепций развития данной отрасли.

Международные принципы и нормы также являются составной частью всего массива правового регулирования спорта в Российской Федерации. В данном случае, следует говорить о деятельности международных организаций, самой влиятельной из которых является Международный Олимпийский Комитет. Как следует из положений ч. 1 ст. 15 Олимпийской Хартии, принятой в 1949 году, Международный Олимпийский Комитет обладает верховной властью и руководством в отношении олимпийского движения. Соответственно, ни государства, ни иные международные организации ни коим образом не могут воздействовать на сферу олимпийских правоотношений¹. Данное правило относится и к другим международным организациям по конкретным видам спорта, только данные субъекты главенствуют в рамках этого вида, не выходя за его пределы.

Анализируя вышесказанное, следует сделать вывод о существовании определенной проблемы правового регулирования, а именно неясность и нечеткость формулирования, что в целом, ставит вопрос о неопределенности нормативного регулирования спорта. Прямым свидетельством этого является отсутствие четко закрепленных пределов нормотворчества спортивных организаций не только на государственном и международном уровнях, но и на уровне саморегулирования². Данная ситуация порождает огромный риск отсутствия защищенности спортсменов как субъектов права, что способствует повсеместному распространению нарушений прав, свобод и законных интересов данных лиц, так как в сфере спорта немаловажное значение имеют такие источники негосударственного регулирования, как правила, положения и другие акты, принимаемые спортивными федерациями по соответствующим видам спорта и другими спортивными организациями, регламенты спортивных соревнований, различные договоры со спонсорами, партнёрами, рекламодателями, организаторами спортивных мероприятий, спортивными федерациями и т. д.

Решение проблемы правового регулирования спортивной деятельности в Российской Федерации видится в сравнительно-правовом анализе зарубежного законодательства, что позволит перенять положительные

¹ Юрлов С.А. Правовая природа, особенности и общая характеристика спортивных правоотношений // Вестник РУДН. - 2014. - № 4. – С. 170.

² Мельник Т.Е. Государственное регулирование и саморегулирование в области физической культуры и спорта // Журнал российского права. - 2012. - № 3. – С. 32.

модели систематизации и структурирования правовой базы, регулирующей вопросы спорта и физической культуры в России.

Правовое регулирование спортивной деятельности в разных странах является своеобразным, так как в одних странах существует достаточно развитое законодательство в виде специальных законов, регулирующих все аспекты спортивных отношений, в других странах существует единый кодифицированный акт, регулирующий вопросы спорта, а также в некоторых странах, наоборот, вся сфера спортивной деятельности регламентируется ведомственными актами и регламентами спортивных организаций либо не регламентируется на отдельном уровне, а лишь упоминается в нормативных актах, носящих общий характер.

Ярким примером первой группы стран является Испания, в которой действует Закон от 15 октября 1990 г. № 10/1990 «О спорте». В развитие указанного Закона Испании был издан Королевский Декрет № 1835/1991 от 20 декабря 1991 г. «Об испанских спортивных федерациях и реестре спортивных ассоциаций», ряд иных актов¹. Специальные законы о спорте также приняты в Италии (Закон Италии от 23 марта 1981 г. № 91 «Правовые основы отношений между спортивными организациями и профессиональными спортсменами»), в Польше (Закон Польской Республики «О спорте» 2010 г.), в Чехии (Закон от 28 февраля 2001 г. № 115 «О поддержке спорта»), в Китае (Закон КНР 1995 г. «О физической культуре и спорте»), в Мексике (Общий закон Мексики от 5 июня 2013 г. «О физической культуре и спорте») и ряде других стран².

В ряде стран действуют кодифицированные акты, регулирующие спортивные отношения. Например, во Франции принят Спортивный кодекс Франции. В Бразилии приняты Бразильский кодекс спортивной юстиции и Бразильский кодекс профессиональной этики в сфере физического воспитания³.

В других странах нормы, направленные на регулирование спортивных отношений, содержатся в различных нормативных правовых актах. Например, в Основном законе Германии (Grundgesetz) к сфере спорта можно отнести следующие положения: ст. 2 (1) (общая свобода действий), ст. 9 (1) (свобода ассоциаций), ст. 12 (1) (свобода профессии). Отношения между спортивными федерациями и спортсменами регулируются, в частности, нормами гражданского права и Законом об ассоциациях. Трудовое законодательство Германии в полной мере распространяется на сферу спорта.

¹ Соловьёв А.А., Понкин И. В. Испанское законодательство о спорте / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. - 2011. - № 7 – С. 158.

² Шевченко О.А. Особенности правового регулирования труда профессиональных спортсменов и тренеров в зарубежных странах и российском законодательстве // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. - 2015. - № 4. – С. 125.

³ Соловьёв А.А. Зарубежные модели и опыт кодификации спортивного законодательства / Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. - 2011. - № 3 – С. 100.

Кроме того, анализ законодательства зарубежных стран в сфере спорта свидетельствует о том, что практика приоритетного негосударственного регулирования сферы спортивных отношений достаточно распространена, то есть в некоторых странах существует минимальное количество норм, принятых уполномоченными государственными органами, так как приоритет отдается локальному и договорному регулированию спортивной деятельности. Ярким примером является Швеция, где многие отношения, возникающие в сфере спорта, в том числе и трудовые, регулируются на негосударственном уровне, например, нормами, закреплёнными в коллективных договорах.

Любопытной является практика Европейского Союза, так как данная форма носит интеграционный характер также и в сфере права. Так странах Европейского союза существенная роль в регулировании спортивных отношений отводится прецедентной судебной практике на уровне международного права, признавшей право спортсменов на свободное передвижение в рамках Европейского Союза, так как в данном объединении существует единое гражданство, что существенно упрощает форму взаимодействия спортивных организаций в ряде договорных вопросов трансферов между спортивными клубами и ассоциациями, а также способствует мобильности спортсмена¹.

Важно отметить, что спортивное право многих стран не носит четкого обязательного характера, общие вопросы регулируются на принципах диспозитивности, поэтому широкое распространение получили нормы рекомендательного характера, а в частности, международные декларативные акты. Например, Генеральная Ассамблея ООН в принятых резолюциях 48/10 от 1 ноября 1993 г., 64/4 от 19 октября 2004 г., 66/5 от 17 октября 2011 г., 07/17 от 28 ноября 2012 г., 67/296 от 23 августа 2013 г., 69/6 от 31 октября 2014 г. и многих других неоднократно обращала внимание на значимость спорта как мощного инструмента продвижения мира, благополучия и равенства. «Спорт как фактор обеспечения устойчивого развития» - так озаглавлена резолюция, принятая 3 декабря 2018 г. Генеральной Ассамблеей ООН в Нью-Йорке в области устойчивого развития на период до 2030 г., в которой признается, в частности, что спорт является одним из важных факторов обеспечения устойчивого развития.

Нельзя обходить стороной также и универсальные международные акты, а именно, Всеобщую декларацию прав человека 1948 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах человека и гражданина 1966 г., Олимпийскую хартию, введённую в действие с 9 октября 2018 г., Международную хартию физического воспитания и спорта 1978 г., Конвенцию против применения допинга 1989 г., Международную конвенцию против апартеида в спорте 1985 г., Конвенцию Международной организации труда (МОТ) и др. Среди международных

¹ Иглин А.В. Актуальные проблемы европейского спортивного права // Спорт: экономика, право, управление. - 2014. - № 1. – С. 39.

актов регионального характера в сфере спорта можно отметить Европейскую спортивную хартию 1992 г., Европейскую конвенцию о предотвращении насилия и хулиганского поведения зрителей во время спортивных мероприятий 1985 г., Кодекс спортивной этики Европейского союза 1992 г., Концепцию евразийской социальной хартии, принятой Межпарламентской Ассамблеей ЕврАзЭС в 2004 г., Регламент Европейского союза 593/2008 от 17 июня 2008 г. «О праве, применимом к договорным обязательствам» (Рим I) и другие многочисленные директивы и рекомендации Совета министров Европейского союза.

Решение вопросов оптимизации правового регулирования в области спорта в Российской Федерации является дискуссионным уже на протяжении продолжительного времени. В связи с событиями, происходящими в последние годы вокруг российского спорта, данный спор набирает новый виток, признавая большую актуальность защиты не только спортсменов, как субъектов права, но и российского спорта на международной арене, в целом. Так, в российской правовой науке продолжительное время обсуждается проблема принятия унифицированного спортивного кодекса. По мнению А.А. Соловьёва, издание нескольких десятков федеральных законов в этой сфере, в том числе законов, не может рассматриваться как реалистичная возможность совершенствования спортивного права России. Поэтому автор предлагает Концепцию Спортивного кодекса РФ как основополагающего, системообразующего, фундаментального акта, консолидирующего все законодательные акты в этой области¹.

Данное положение многими принимается за утопичную идею, так как сфера спортивной деятельности носит комплексный характер, который включает в себя не только собственно спортивные правоотношения. Следовательно, принять кодекс, который будет носить межотраслевой характер, регулирующий смежные области права – гражданские, трудовые, административные, уголовные и другие, является практически невозможным, так как уместить огромный массив норм будет не только сложно, но и нецелесообразно, учитывая неисчерпывающий и постоянно прогрессирующий характер данных правоотношений.

Российскому праву в сфере спорта характерно наличие огромного количества актов, которые зачастую противоречат друг другу, а также оставляют часть вопросов совершенно не регламентированными, что выливается в наличие огромных пробелов в праве и губительно сказывается на развитии данной сферы в нашем государстве. Действующий Федеральный закон «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» не регулирует все возникающие в сфере спорта общественные отношения. Многие нормы данного нормативного акта нуждаются в совершенствовании с целью восполнения пробелов, устранения коллизий, а также унификации и гармонизации с нормами международного права.

¹ Соловьёв А.А. Концепция проекта Спортивного кодекса Российской Федерации // Комиссия по спортивному праву Ассоциации юристов России. - 2009. - № 8 – С. 55.

Правоведами выдвигается другой способ – детальное регулирование спортивной деятельности, путем принятия ряда специализированных отраслевых федеральных законов. А.Т. Сихарулидзе считает, что в процессе совершенствования правового регулирования спортивных отношений во главу угла необходимо поставить именно правовое регулирование посредством принятия нормативных правовых актов, и в первую очередь законов, с учётом положительного опыта зарубежных стран. Данная точка зрения имеет свое значение, так как несомненно, что развитие спортивных отношений требует адекватного совершенствования правовых норм.

Примечательно, что за последние годы спортивное законодательство в большей массе формировалось путем принятия актов, регулирующих отдельные элементы разнообразных межотраслевых отношений в сфере спортивной деятельности. В целом, данная тенденция положительна в плане более полного нормативного регулирования данной отрасли, однако имеет ряд недостатков. Так, в настоящее время спортивное право практически не структурировано, не имеет общих положений, обеспечивающих системную связь между нормативными актами, нет единых принципов права в сфере спорта, а также нет единого и действенного механизма защиты субъектов спортивных правоотношений. На низком уровне находятся вопросы не только материального права, но и процессуальных положений, регулирующих осуществление и реализацию прав и свобод в сфере спортивной деятельности.

В правовой науке существует распространенное мнение о непризнании судебных решений в качестве источника национального права Российской Федерации, однако, зачастую практика показывает обратное, так как при разрешении некоторых споров суды учитывают решения вышестоящих инстанций, в частности Постановлений Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации. Они действуют непосредственно и не требуют подтверждения другими органами и должностными лицами. Ряд специалистов указывают на возрастающее значение судебной практики в Российской Федерации, данный вопрос также не обошел стороной сферу спортивной деятельности¹.

Так немаловажное значение имеет Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 52 от 24 ноября 2015 г. «О применении судами законодательства, регулирующего труд спортсменов и тренеров», Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, возникающим из трудовых правоотношений спортсменов и тренеров (утверждён Президиумом Верховного Суда РФ 8 июля 2015 г.) и др.

Огромную роль в данной категории играют также и судебные решения межгосударственных органов, в частности решения Европейского суда по правам человека. Специалисты отмечают, что они, являясь разновидностью прецедентного права, успешно привились в континентальной правовой

¹ Гук П.А. Судебное нормотворчество: вопросы теории и практики // Lex Russica. - 2016. - № 7. – С. 24.

системе и стали выполнять функцию одного из важнейших источников российского права¹. Однако, конституционная реформа Российской Федерации ввела некоторые коррективы в процесс признания решений межгосударственных органов в Российской Федерации. Так, согласно ст. 79 Конституции Российской Федерации, решения межгосударственных органов, принятые на основании положений международных договоров Российской Федерации в их истолковании, противоречащем Конституции Российской Федерации, не подлежат исполнению в Российской Федерации. Соответственно, при общих положениях признания норм международного права и включения их в систему национального законодательства Российской Федерации, законодатель отдает приоритет нормам национального права.

Резюмируя вышесказанное, следует прийти к выводу о том, что на современном этапе развития исключительно государственное регулирование сферы спорта, в силу специфики данной отрасли, не является достаточной базой, поэтому в мире возрастает роль негосударственного регулирования. Данный фактор подтверждается практикой многих зарубежных стран и является положительным для развития диспозитивного начала спортивных правоотношений. Негосударственное регулирование спортивной деятельности выражается в распространении локального и договорного нормотворчества.

По мнению многих теоретиков права, данный вид регулирования имеет ряд положительных аспектов:

1) способен учесть специфику отношений, возникающих между конкретными субъектами спортивного права, имеющими возможность самим создавать для себя нормы и правила поведения;

2) обеспечивает соблюдение баланса интересов субъектов спортивных отношений посредством установления в договоре соответствующих прав и обязанностей, актуальных для конкретной ситуации;

3) служит надёжным гарантом защиты нарушенных прав и законных интересов субъектов, так как может предусматривать адекватные санкции для недобросовестной стороны договора.

Однако, в российской правовой системе существует проблема необходимости совершенствования сочетания государственного и договорного регулирования, которое должно основываться на закреплении за каждым уровнем регулирования определённых рамок². Напротив, ряд авторов отмечают тот факт, что законодательство, допуская диспозитивность в сфере регулирования оплаты труда спортсменов и тренеров, должно предоставлять возможность в локальных актах корпоративных организаций

¹Кучин М.В. Эволюция международного судебного нормотворчества // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». - 2018. - № 5. – С. 28.

² Агузаров А.М. К вопросу об оплате труда спортсменов и тренеров и его правовому регулированию // Спортивное право. - 2013. - № 6. – С. 46.

устанавливать особенности регулирования оплаты труда с учётом интересов всех участников трудовых отношений.

Анализ теоретических взглядов позволил сделать вывод о том, существует огромное количество вопросы, касающихся различий осуществления своей спортивной деятельности профессиональными спортсменами на основе либо гражданско-правового договора, либо трудового договора, продолжают оставаться одной из актуальных тем научных дискуссий. Многие авторы указывают, что в сфере спорта доминирует трудовой договор, оформляющий трудовые отношения между спортсменом и работодателем, и предлагают включать в содержание трудовых договоров с профессиональными спортсменами ряд ограничивающих условий¹.

Немаловажно заметить, что многие современные разработки и научные предложения в сфере спортивного права не пользуются широким распространением при законотворческой и правоприменительной деятельности, однако необходимость развития данной отрасли объективна и актуальна. Одним из главных вопросов правового регулирования остается проблема степени вмешательства государства в регулирование спортивных отношений. Так, зарубежный опыт предлагает две модели – полная самостоятельность регулирования спортивной деятельности со стороны негосударственных органов и спортивных организаций либо полная опека и управление спортивной деятельностью со стороны уполномоченных государственных органов.

Нельзя обойти стороной процесс межгосударственного сотрудничества, так как многие авторы отмечают транснациональный характер правил профессионального спорта, что непосредственно подразумевает под собой унифицирование норм не только на уровне страны или региона, но и на уровне международного пространства. Следовательно, в силу сложности и специфичности спортивных отношений для их развития необходимы усилия всех заинтересованных лиц.

Исходя из анализа российского и зарубежного законодательства, можно сделать вывод о том, что сфера спорта является комплексной, что несет в себе определенную сложность в ее правовом регулировании, это многоуровневая система, включающая в себя не только разные отрасли законодательства, но и разные уровни власти в лице федерации и ее субъектов. Спортивные отношения базируются на двух началах государственного и негосударственного регулирования, что предопределяет трудности выделения баланса интересов, сочетание централизованного и локального регулирования, включая и международные принципы, регулирующие как в целом всю спортивную деятельность, так и отдельные виды спорта.

¹ Вавилкин Д.С., Ташиян А.А. Особенности трудового договора профессионального спортсмена // Юристъ-правоведъ. - 2017. - № 3. – С. 176.

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ДОКАЗЫВАНИЯ ПО СПОРАМ, ВОЗНИКАЮЩИМ ИЗ ДОГОВОРА КОНТРАКТАЦИИ

Агеева Е.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и
процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Кархалев Д.Н.

Договор контрактации занимает одно из ведущих мест среди предпринимательских договоров, что в свою очередь, обуславливает значительное количество споров, рассматриваемых судами в рамках данных правоотношений. Важной частью судебного разбирательства по делам данной категории является деятельность арбитражного суда по доказыванию, которая позволяет суду установить фактические обстоятельства конфликта, разрешить дело по существу и вынести законное и обоснованное судебное решение.

На основе осуществленного анализа практики арбитражных судов автором выделены позиции судов по предмету доказывания по спорам, вытекающим из правоотношений контрактации при рассмотрении ситуации заявления изготовителем требования о взыскании с производителя предоплаты в рамках заключенного договора контрактации в связи с непоставкой последним сельскохозяйственной продукции в обусловленный срок или поставкой ее на всю сумму предоплаты.

Требованиями, с которыми изготовитель обращается за защитой нарушенного права при такой ситуации, являются:

- о взыскании задолженности по возврату предоплаты;
- о взыскании неустойки (в случае, если она предусмотрена договором за данное нарушение);
- о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами (если их взыскание возможно в данном случае с учетом п. 4 ст. 395 ГК РФ).

Рассматривая подобного рода требования, арбитражный суд определяет следующие обстоятельства, подлежащие доказыванию:

- наличие договора контрактации;
- перечисление предоплаты;
- размер задолженности по возврату предоплаты;
- факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, предусмотренного законом или договором.

Рассмотрим особенности доказывания и перечень необходимых доказательств в каждом из перечисленных случаев. Так, например, Арбитражный суд Астраханской области, рассмотрев дело по иску ООО «Агросистема» к Главе КФХ Х.Р.М. о взыскании 1 010 000 руб. остатка от перечисленной суммы аванса за сельскохозяйственную продукцию, 14 250 руб. договорной неустойки, 7 982 376 руб. 68 коп. убытков в виде

упущенной выгоды, установил, что между сторонами был заключен договор контрактации сельскохозяйственной продукции № К1603-04, что подтверждается наличием двухстороннего договора, сторонами в котором являются ООО «Агросистема» к Глава КФХ Х.Р.М.; дополнительными соглашениями к договору № К1603-04, спецификацией на сельскохозяйственную продукцию, в которой стороны согласовали наименование сельскохозяйственной продукции, объем поставок (тонн), период поставки и цену (руб. с НДС)¹.

В качестве доказательства наличия между сторонами заключенного договора контрактации являются также протокол разногласий и приложения к договору контрактации²; график поставок продукции³, актом согласования цены и т.д.

Доказательствами перечисления заготовителем предоплаты могут служить, в том числе, платежные поручения, банковская выписка и т.д.

Так, например, в доказательство исполнения договора контрактации № К1603-04 в части перечисления производителю предоплаты ООО «Агросистема» было представлено платежное поручение от 20 марта 2017 г. № 25 перечислении Главе КФХ Х.Р.М. предварительной оплаты в сумме 1 110 000 руб. В другом случае подтверждением перечисления заготовителем предварительной оплаты по заключенному между сторонами договора контрактации явилась банковская выписка⁴.

В качестве доказательств размера задолженности по возврату предоплаты и применения санкций к стороне по договору контрактации арбитражными судами признаются расчеты задолженности, акты сверки, переписка сторон и т.д.

Так, например, доказательством недобросовестного поведения истца судом были признаны письмо ответчика с требованием предоставить тару и транспорт для вывоза товара, справкой ФГБУ «Северо-Кавказское управление по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды», из которой следует, что максимальная температура воздуха за июль 2017 г. составляла 40,7 С, минимальная температура почвы 30.09.2017 г. – - 0,4 С, 03.10.2017 г. – - 0,9 С уведомлением от 01.09.2017 г. о готовности товара к поставке. Также, ответчиком представлена электронная переписка,

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29 мая 2020 г. № Ф06-59881/20 по делу № А06-1801/2018. URL: <https://home.garant.ru/#/document/> (дата обращения: 112.03.2022).

² Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 12.05.2009 № А33-10563/08-Ф02-2128/09 по делу № А33-10563/08. URL: <https://home.garant.ru/#/document/> (дата обращения: 112.03.2022).

³ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 29.11.2011 по делу № А19-8957/2011. URL: <https://home.garant.ru/#/document/> (дата обращения: 112.03.2022).

⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.08.2017 № Ф04-3074/2017 по делу № А70-16045/2016; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.08.2017 № Ф10-2759/2017 по делу № А14-17374/2016. URL: <https://home.garant.ru/#/document/> (дата обращения: 112.03.2022).

осуществляемая с электронного адреса Л.Р.В. по причине того, что ответчик не владел навыками пользования электронными системами связи.

Факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, предусмотренного законом или договором подтверждается претензиями, перепиской сторон, уведомлениями и т.д. Так, например, из Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа следовало, что «в связи с неисполнением производителем обязанности по поставке сельскохозяйственной продукции и частичным возвратом суммы предварительной оплаты обществом «Планта» направлено обществу «Ишимагропродукт» требование от 11.11.2016 г. о возврате суммы предварительной оплаты, выплате штрафных санкций»¹.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о том, что наличие задолженности по возврату предоплаты по договору контрактации будет считаться установленным, если производитель не представит доказательств поставки сельскохозяйственной продукции на сумму предоплаты или возврата суммы предоплаты².

Отказ в удовлетворении требований заготовителя о возврате предоплаты в рамках заключенного договора контрактации в связи с непоставкой последним сельскохозяйственной продукции в обусловленный срок или поставкой ее на всю сумму предоплаты, возможен в том случае, если производителем будет доказан факт поставки продукции³.

Требования заготовителя о возврате предоплаты по договору контрактации остаются без рассмотрения в случае несоблюдения досудебного (претензионного) порядка, предусмотренного законом или договором⁴.

Таким образом, при рассмотрении требования заготовителя о взыскании с производителя предоплаты в рамках заключенного договора контрактации в связи с непоставкой последним сельскохозяйственной продукции в обусловленный срок или поставкой ее на всю сумму предоплаты, предмет доказывания образуют следующие обстоятельства: наличие договора контрактации; перечисление предоплаты; размер

¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.08.2017 N Ф04-3074/2017 по делу № А70-16045/2016. URL: <https://home.garant.ru/#/document/> (дата обращения: 112.03.2022).

² Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 13.12.2017 № Ф08-9756/2017 по делу № А53-26356/2016; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 29 мая 2020 г. № Ф06-59881/20 по делу № А06-1801/2018. URL: <https://home.garant.ru/#/document/> (дата обращения: 112.03.2022).

³ Постановлением Одиннадцатого Арбитражного апелляционного суда от 19.02.2020 № 11АП-22546/2019 по делу № А55-14687/2019; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.08.2017 № Ф10-2759/2017 по делу № А14-17374/2016. URL: <https://home.garant.ru/#/document/> (дата обращения: 112.03.2022).

⁴ Постановление Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.05.2017 № 18АП-5225/2017 по делу № А07-288/2017; Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 12.05.2009 N А33-10563/08-Ф02-2128/09 по делу № А33-10563/08. URL: <https://home.garant.ru/#/document/> (дата обращения: 112.03.2022).

задолженности по возврату предоплаты; факт соблюдения досудебного (претензионного) порядка, предусмотренного законом или договором.

О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО СБОРА

Аглиуллина М.М. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

В рамках деятельности по принудительному исполнению исполнительного документа одним из наиболее актуальных и по сей день дискуссионных остается вопрос о правовой природе исполнительского сбора.

Отметим, что впервые рассматриваемый правовой институт исполнительного производства был включен в нормы Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве»¹. Следует подчеркнуть, что вновь принятый Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» сохранил данную конструкцию, как составляющую часть исполнительного производства. Между тем, ключевое различие между двумя названными нормативными правовыми актами состоит в том, что в законе 2007 года уже содержится легальное определение исполнительского сбора.

В частности, в соответствии с нормой ч. 1 ст. 112 Федерального закона № 229-ФЗ исполнительский сбор является денежным взысканием, налагаемым на должника в случае неисполнения им исполнительного документа в срок, установленный для добровольного исполнения исполнительного документа, а также в случае неисполнения им исполнительного документа, подлежащего немедленному исполнению, в течение суток с момента получения копии постановления судебного пристава-исполнителя о возбуждении исполнительного производства.

Однако, несмотря на закрепление в законодательстве и частое использование в правоприменительной практике, точно не установлено, чем по своей природе является данный правовой институт. Это в известной степени служит предпосылкой для возникновения дискуссий относительно правовой природы исполнительского сбора и появления различных его трактовок.

Зачатки споров о сущности исполнительского сбора содержатся непосредственно в самих нормах Закона об исполнительном производстве, где указан порядок определения размера исполнительского сбора, составляющего 7 % от стоимости подлежащей взысканию суммы или стоимости взыскиваемого имущества. Кроме того, с принятием Федерального закона от 28 декабря 2013 г. № 441-ФЗ «О внесении изменений

¹Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 119-ФЗ (ред. от 26.06.2007) «Об исполнительном производстве» // СЗ РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3591 (утратил силу).

в Федеральный закон «Об исполнительном производстве», определившим минимальные размеры исполнительского сбора, некоторые правоведы небеспочвенно пришли к выводу о том, что исполнительский сбор носит ярко выраженную фискальную функцию, что отчасти сближает его с налогами и сборами¹.

Стоит подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ еще в 2001 году выразил достаточно определенную позицию относительно природы исполнительского сбора. Конституционный Суд РФ постановил, что исполнительский сбор «представляет собой санкцию штрафного характера, т.е. возложение на должника обязанности произвести определенную дополнительную выплату в качестве меры его публично-правовой ответственности, возникающей в связи с совершенным им правонарушением в процессе исполнительного производства; несмотря на свое название, данная денежная сумма не указана в перечне налогов и сборов, и, следовательно, исполнительский сбор не относится к сборам в смысле ст. 57 Конституции². Кроме того, ввиду невозможности отнесения исполнительского сбора к числу видов государственной пошлины, Конституционный Суд пришел к выводу о том, что исполнительский сбор – это разновидность штрафной санкции административного характера, возникающей в связи с совершением лицом правонарушения в процессе исполнительного производства.

Примечательно, что правовая позиция Конституционного Суда РФ относительно правовой природы исполнительского сбора была поддержана многими правоведами и судами различных инстанций, что до сих пор находит отражение и в современной судебной практике.

Например, по мнению Д.Я. Малешина, исполнительский сбор является штрафной санкцией административного характера и поэтому он «должен отвечать всем требованиям, предъявляемым действующим законодательством к административным штрафам. Применение этой санкции должно осуществляться с учетом положений КоАП РФ, касающихся наложения штрафа³. Аналогичным образом группа авторов, среди которых И. Б. Морозова и А. М. Треушников, относят исполнительский сбор к мерам административной ответственности и считают, что он «применяется как санкция штрафного характера, как определенная дополнительная плата,

1 Кравченко К. Административный штраф или иной вид ответственности? // Адвокатская газета. – 2021. – № 18. – С. 12.

2 Постановление Конституционного Суда РФ от 30.07.2001 № 13-П «По делу о проверке конституционности положений подпункта 7 пункта 1 статьи 7, пункта 1 статьи 77 и пункта 1 статьи 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве» в связи с запросами Арбитражного суда Воронежской области, Арбитражного суда Саратовской области и жалобой открытого акционерного общества «Разрез «Изыхский» // СЗ РФ. – 2001. – № 32. – Ст. 3412.

3 Научно-практический комментарий к Федеральному закону Российской Федерации «Об исполнительном производстве» / Под ред.: Шерстюк В.М., Юков М.К. – М., 2001. – С. 343.

возникающая в связи с совершением должником правонарушения в процессе исполнительного производства»¹.

Я.М. Каганцов, полностью разделяя позицию Конституционного Суда РФ, отмечает, что после Постановления № 13-П «в дискуссии о правовой природе (понятии) исполнительского сбора, продолжавшейся почти четыре года, Конституционным Судом РФ поставлена точка, в результате чего исполнительский сбор должен однозначно трактоваться, как вид административного штрафа»².

Достаточно интересная позиция по природе исполнительского сбора высказана таким исследователем, как В. Анохин, который предлагает рассматривать исполнительский сбор в качестве платы за услуги, оказываемые судебным приставом-исполнителем по реализации имущества во исполнение требований исполнительного листа³.

Между тем, учитывая наличие подобной концепции нельзя не принять во внимание разъяснение по данному вопросу, данное Министерством юстиции Российской Федерации, в соответствии с которым определено, что исполнительский сбор не является платой судебным приставам за исполнение, а представляет собой правовой инструмент принудительного воздействия на должников в исполнительном производстве, который побуждает своевременно и в полном объеме исполнить требования судебных актов и актов уполномоченных органов.⁴ Несмотря на прямое указание Минюста о том, что исполнительский сбор не является платой за деятельность судебных приставов, что ставит определенную точку в разрешении данной позиции, следует выделить и негативный фактор, состоящий в том, что рассматриваемое разъяснение, тем не менее, по-прежнему не дает полного представления об исполнительском сборе.

Не следует забывать, что в правовой науке достаточно распространена и позиция о принадлежности исполнительского сбора к числу мер гражданско-правового характера. Так, по мнению Л.В. Белоусова, исполнительский сбор следует признать дополнительным видом имущественной ответственности, заключающейся в возложении на должника гражданско-правовой обязанности. Но возникающие при уплате исполнительского сбора правоотношения носят сугубо властный характер и соответственно не могут рассматриваться в качестве гражданско-правовых.

Также можно рассматривать исполнительский сбор в качестве меры принуждения, поскольку вынесенное постановление судебного пристава-

1 Морозова И. Б., Треушников А. М. Исполнительное производство: учебно-практическое пособие / И. Б. Морозова, А. М. Треушников. – М., 2006. С. – 94-95.

2 Каганцов Я.М. К вопросу о правовой природе исполнительского сбора // Арбитражный и гражданский процесс. – 2002. – № 4. – С. 43.

3 Анохин В. Квалификация правоотношений по исполнительному производству // Хозяйство и право. – 2000. – № 4. – С. 91.

4 Письмо Минюста РФ от 21 декабря 2000 г. № 06-5893 «Разъяснения по некоторым вопросам применения законодательства Российской Федерации об исполнительном производстве» // Бюллетень Минюста РФ. – 2001. – № 1.

исполнителя о возбуждении исполнительного производства содержит предупреждение должника о принудительном исполнении указанных требований по истечении срока для добровольного исполнения с взысканием с него исполнительского сбора, что вероятно должно побудить должника и создать для него определенную мотивацию к самостоятельному исполнению содержащихся в исполнительном документе требований, воздействовать на его поведение с целью обеспечения исполнения исполнительного документа и восстановления нарушенных прав взыскателя.

Обобщая представленные выше позиции, мы склонны прийти к следующему выводу. Ввиду явной правовой неопределенности и непоследовательности решений законодателя по вопросу сущности исполнительского сбора, наиболее корректным будет принятие концепции исполнительского сбора, изложенной в правовой позиции Конституционного Суда РФ.

Однако, на наш взгляд, исполнительский сбор выступает не просто в качестве штрафной санкции административного характера, а как некая превентивная мера в случае невозможности дальнейшего взыскания в установленном законом порядке. О возможности принятия подобной концепции исполнительского сбора свидетельствуют и тенденции некоторых правоведов о придании рассматриваемому институту дисциплинирующе-контрольной функции¹. Кроме того, наличие многообразий подходов к сущности исполнительского сбора, в конечном счете, не лишает возможности его рассмотрения и в качестве некой комплексной категории. Очевидно, при этом, что российское законодательство в данной сфере нуждается в дополнительной регламентации и детализации.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫЕ АКТЫ, ЗАЩИЩАЮЩИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ОТ ДИСКРИМИНАЦИИ В СФЕРЕ ТРУДА

Ажигулова А.И. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права
социального обеспечения Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

к.ю.н., Беребина О.П.

Одним из частых явлений нарушения прав человека является дискриминация, которая встречается во многих сферах жизни – экономической, трудовой, культурной, социальной и т.д..

¹ Гуреев В.А. Административная деятельность Федеральной службы судебных приставов в сфере исполнительного производства: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2013. – С. 188-200.

Под дискриминацией понимается нарушение прав и законных интересов человека по какому-либо признаку¹.

Трудовая сфера является частью жизни почти каждого взрослого человека, эту часть жизнедеятельности также затрагивает проблема дискриминации. В трудовой сфере дискриминация может встречаться со стороны работодателя по половому признаку, по национальному, по внешнему виду и т.д.

Учитывая, что проблемы дискриминации имеют мировые масштабы, а не ограничиваются одной страной или регионом, существуют нормативно-правовые акты, направленные на защиту прав человека от дискриминации, в том числе в трудовой сфере. Во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г. понятия «дискриминации» не дано, но в ст. 7 говорится о равной защите от какой бы то ни было дискриминации².

После появления Международной организации труда в XX веке, которая стала заниматься вопросами регулирования трудовых отношений, было сформулировано понятие «дискриминации»³, в ст. 1, дискриминация включает, во-первых, всякое различие, исключение или предпочтение, основанные на признаках расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национальной принадлежности или социального происхождения и имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий, во-вторых, всякое другое различие, исключение или предпочтение, имеющие своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей или обращения в области труда и занятий, как они могут быть определены заинтересованным членом Организации по консультации с представительными организациями предпринимателей и трудящихся, где таковые существуют, и с другими соответствующими органами⁴.

В Конституции Российской Федерации в ст. 17 признаются и гарантируются права человека согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Согласно ст. 19 Конституции РФ запрещаются любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности⁵. Отражение конституционных основ государства,

¹ Словарь терминов, используемых в законодательстве Российской Федерации. – М., 2014. – С. 54.

² Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). «Библиотека Российской газеты» совместно с библиотекой журнала «Социальная защита». 1995.

³ Молодцов М.В., Головина С.Ю. Трудовое право России: Учебник для вузов. – М., 2015. – С. 215.

⁴ Конвенция Международной Организации Труда № 111 о дискриминации в области труда и занятий (Женева, 25 июня 1958 г.) (в ред. от 1 ноября 1961 г.) // Ведомость Верховного Совета СССР. – 1961. – 1 ноября.

⁵ Конституция Российской Федерации (с гимном России): [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с учетом поправок, внесенных Законами Российской

направленных на исключение дискриминации в какой бы то ни было сфере, есть в Трудовом кодексе РФ. В соответствии со ст. 3, каждый имеет равные возможности для реализации своих трудовых прав. Никто не может быть ограничен в трудовых правах и свободах или получать какие-либо преимущества в зависимости от пола, расы, цвета кожи, национальности, языка, происхождения, имущественного, семейного, социального и должностного положения, возраста, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности или непринадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, а также от других обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника¹. Важное значение имеют Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»², Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 января 2014 г. № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних»³. В последнем постановлении дается разъяснение, что под дискриминацией в сфере труда по смыслу статьи 1 Конвенции Международной организации труда 1958 года № 111 относительно дискриминации в области труда и занятий и статьи 3 ТК РФ следует понимать различие, исключение или предпочтение, имеющее своим результатом ликвидацию или нарушение равенства возможностей в осуществлении трудовых прав и свобод или получение каких-либо преимуществ в зависимости от любых обстоятельств, не связанных с деловыми качествами работника (в том числе не перечисленных в указанной статье Трудового кодекса Российской Федерации), помимо определяемых свойственными данному виду труда требованиями, установленными федеральным законом, либо обусловленных особой заботой государства о лицах, нуждающихся в повышенной социальной и правовой защите⁴.

Таким образом, понятие «дискриминация» сформировалось не сразу, но с появлением ряда нормативно-правовых документов, регулирующих защиту прав человека на международном уровне, наличие определения

Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ]. – Москва: Проспект, 2020. – С. 6.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.02.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2022).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 № 2 (ред. от 24.11.2015) «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» //Российская газета. – 2004. – 8 апреля.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» //Российская газета. – 2014. – 7 февраля.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.01.2014 № 1 «О применении законодательства, регулирующего труд женщин, лиц с семейными обязанностями и несовершеннолетних» //Российская газета. – 2014. – 7 февраля.

такому понятию становится необходимым. Сам факт дискриминации в обществе подрывает основы демократии в любом государстве. Наличие нормативно-правовых актов, защищающих права работника от дискриминации, способствует его уверенности в беспрепятственном трудоустройстве и комфортной трудовой деятельности.

СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ КРАЖИ И ГРАБЕЖА

Антонова К.В.- магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Плотников А.И.

Кража и грабеж выступают наиболее распространенными преступлениями против собственности, а кражи являются наиболее распространенными преступлениями в целом, причем с объективной стороны каждое преступление предполагает противоправное завладение чужим имуществом. Несмотря на то, что признаки этих преступлений в основе имеют давнюю историю, их практическое установление и разграничение вызывает затруднения. Общеизвестно, что кража и грабеж принципиально различаются по способу завладения имуществом (тайное - открытое). Однако тайность – открытость в этих преступлениях далеко не всегда является очевидной. Во-первых, эти понятия имеют юридическую специфику в отличие от общеупотребительной, связанную с субъективной стороной, хотя их различия обычно называют чисто объективными. Во-вторых, критерии тайности или открытости применительно к конкретным ситуациям требуют уточнения.

Как тайное хищение чужого имущества (кража) следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества:

1) в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц. Например, виновный совершил хищение в магазине спиртных напитков. Все происходящее видел покупатель, который находился неподалеку. В своих показаниях виновный пояснил, что он убедился в момент совершения кражи о том, что за ним никто не наблюдает. В данном случае действия виновного будут квалифицироваться как кража, то есть как тайное хищение имущества, несмотря на то, что объективно изъятие имущества было открытым;

2) в тех случаях, когда совершается хищение в присутствии посторонних, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагает, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества. Например, виновный похитил велосипед от подъезда. Мужчина, стоявший через два подъезда от места совершения преступления, стал кричать, чтоб виновный не брал велосипед. Однако, виновный уже

удалялся на велосипеде с места преступления. В ходе допроса виновный пояснил, что он не слышал, как свидетель кричал ему.

3) если присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознает противоправность этих действий либо является близким родственником виновного, который рассчитывает в связи с этим на то, что в ходе изъятия имущества он не встретит противодействия со стороны указанного лица.

Факт хищения при грабеже очевиден для других лиц, а противодействие завладению предметом для разграничения кражи и грабежа значения не имеет, важен именно факт открытости хищения чужого имущества.

Открытым хищением чужого имущества, предусмотренным статьей 161 УК РФ (грабеж), является такое хищение, которое:

1) совершается в присутствии собственника или иного владельца имущества либо на виду у посторонних, когда лицо, совершающее это преступление, сознает, что присутствующие при этом лица понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий или нет, например, хищение из магазина, когда виновный на глазах у продавца похищает вещь и убегает.

2) если присутствующие при незаконном изъятии имущества лица, в том числе близкие родственники виновного, принимали меры к пресечению хищения чужого имущества (например, требовали прекратить эти противоправные действия).

3) если в ходе совершения кражи действия виновного обнаруживаются собственником или иным владельцем имущества либо другими лицами, однако виновный, сознавая это, продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание.

Не образуют состава кражи или грабежа противоправные действия, направленные на завладение чужим имуществом не с корыстной целью, а, например, с целью его временного использования с последующим возвращением собственнику либо в связи с предполагаемым правом на это имущество. В зависимости от обстоятельств дела такие действия при наличии к тому оснований подлежат квалификации по статье 330 УК РФ как самоуправство или другим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации.

При разграничении кражи и грабежа следует учитывать разъяснения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». Согласно пункту 6 Постановления, кража и грабеж считаются оконченными, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им пользоваться или распоряжаться по своему усмотрению (обратить похищенное имущество в свою пользу или в пользу других лиц, распорядиться им с корыстной целью иным образом). Например, виновный после хищения сотового телефона сдал его в ломбард и получил за него денежные средства.

Иногда возникает неопределенность в оценке хищений, когда виновный, уже завладев чужим имуществом, не смог распорядиться им, а его действия стали очевидны для окружающих, в этом случае кража не окончена и перерастает в грабеж. Например, виновный завладел сумкой в момент, когда потерпевшая шла к подъезду, и стал убежать с места происшествия, но его действия были замечены и он был задержан мужчиной, выходящим из подъезда. Действия виновного должны быть квалифицированы как покушение на грабеж.

Рассмотрим другой пример, виновный в такси незаметно крадет телефон, но при выходе из такси это замечает водитель такси и задерживает похитителя. У виновного не было возможности распорядиться телефоном, но хищение переросло в открытое, то есть стало покушением на грабеж. Если бы таксист хватился через какое-то время и задержал похитителя на другой улице или в другом месте, то кража была бы оконченной и, следовательно, состоявшейся, поскольку виновный имел возможность распорядиться предметом хищения. В этом случае решающее значение имело фактическое завладение телефоном, последующие действия, хотя и имели открытый характер, квалификационного значения для завладения телефоном не имели.

Приведем другой пример. В ходе хищения золотых часов с руки потерпевшего действия виновного были замечены уже после завладения часами, но он оказал сопротивление. Для завершения хищения виновный использовал не опасное для жизни насилие. Изначально следователем действия виновного были квалифицированы по пункту «г» части 2 статьи 161 УК РФ, но в дальнейшем при изучении показаний виновного и материалов дела был учтен способ завладения часами, и действия виновного были переквалифицированы на пункт «г» части 2 статьи 158 УК РФ.

Считаем, что более обоснованным в данной ситуации было бы квалифицировать действия виновного как грабеж, поскольку хищение не было завершено, а виновный избирает открытый способ хищения, что признается грабежом.

Другая проблема связана с правилами квалификации действий группы лиц по предварительному сговору, когда один виновный тайно совершает хищение и доводит его до конца, а второй завершает хищение открытым способом. Например, два приятеля договорились совершить кражу бытовой техники из магазина. Один похищает телефон и уходит, а второй на виду у охранника похищает аксессуары к телефону. Полагаю, что в оценке этой ситуации следует руководствоваться вышеуказанным Постановлением Пленума Верховного Суда РФ в редакции от 3 марта 2015 г. № 9 (пунктом 14.1), согласно которому в тех случаях, когда группа лиц предварительно договорилась о совершении кражи чужого имущества, но кто-либо из соисполнителей вышел за пределы состоявшегося сговора, совершив действия, подлежащие правовой оценке как грабеж или разбой, содеянное им следует квалифицировать по соответствующим пунктам и частям статей 161, 162 УК РФ. Если другие члены преступной группы

продолжили свое участие в преступлении, воспользовавшись примененным соисполнителем насилием либо угрозой его применения для завладения имуществом потерпевшего или удержания этого имущества, они также несут уголовную ответственность за грабеж или разбой группой лиц по предварительному сговору с соответствующими квалифицирующими признаками.

Таким образом, действия виновных совершивших хищение из магазина следует квалифицировать по части 3 статьи 30 УК РФ и пункту «а» части 2 статьи 161 УК РФ, как грабеж, совершенный группой лиц, хотя договоренность была на совершение кражи. В этом случае первый участник в рамках отведенной ему роли уже совершил свои действия как тайные, но преступление еще не закончилось и переросло в открытое, к которому он также присоединился.

Также при квалификации преступления следует обратить внимание, на то, что ответственность по пункту «г» части 2 статьи 158 УК РФ наступает за совершение кражи из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся только при живом лице. Если лицо совершает кражу из одежды, сумки или другой ручной клади после наступления смерти потерпевшего, его действия в этой части не образуют указанного квалифицирующего признака.

Таким образом, при разграничении кражи и грабежа следует детально учитывать обстоятельства совершения преступления, а также момент его окончания, исходя из фактической возможности распоряжаться похищенным имуществом.

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ВЫКУП АКЦИЙ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Артамонова Е.Е. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права

Оренбургского института (филиала) Университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Залавская О.М.

Качественное и эффективное управление корпорацией способствует успешному существованию корпорации на рынке, привлекает инвесторов в капитал корпорации. Одной из возможностей «входа» в корпорацию является приобретение ее акций.

Первые акции были выпущены в начале XVII века Голландской Ост-Индской компанией (ГОК). В настоящее время акция как ценная бумага признана мировой экономикой. Подводя итог первого двадцатилетия 21 века, ведущая российская компания «РосБизнесКонсалтинг» (далее – «РБК»)

отмечает¹, что большинство акций топ-20 – бумаги компаний традиционных секторов экономики

По российскому законодательству уставный капитал общества составляется из номинальной стоимости акций общества, приобретенных акционерами². Общество размещает обыкновенные акции и вправе размещать один или несколько типов привилегированных акций. Акция также используется среди механизмов увеличения уставного капитала.

Привлечение дополнительных акционеров напрямую влияет на управление этого общества: поскольку количество владеющих акциями увеличивается, корпоративный контроль «размывается». В процессе управления обществом может сложиться ситуация, являющаяся основанием для так называемого «squeeze-out» - принудительного выкупа акций мажоритарными акционерами у миноритариев.

Учитывая исторически разную историю развития законодательства государств, представляется интересным анализировать правовое регулирование института принудительного выкупа акций на примере Германии, как одной из государств, имеющих прогрессивное законодательство в сфере «вытеснения» миноритариев.

Рассматривая принудительный выкуп акций как способ консолидации корпоративного контроля, следует указать, что в немецких акционерных обществах корпоративный контроль напрямую связан с экономической зависимостью и рассматривается с экономической теории права.

«Вытеснение» миноритариев (или «замораживание» - *Freeze out*) – это действия мажоритариев, заставляющие миноритарных держателей продать свои акции в пользу мажоритариев. Такое принуждение является довольно агрессивной формой управления, поэтому подлежит государственному контролю.

До 2004 года регулирование «вытеснения» акционеров и принудительного выкупа акций было отнесено к национальным правовым порядкам. С принятием Директивы ЕС 2004/25/ЕС Европейского парламента и Совета от 21.04.2004 о поглощениях³ (далее – «Директива») государства-члены ЕС обязаны обеспечить приобретателей контрольных пакетов акций правом вытеснить миноритарных акционеров в течение трех месяцев после истечения срока для акцепта публичной оферты, если такие лица владеют не менее 90% акций компании-цели, предоставляющих 90% прав голоса, или иным образом приобретают 90% таких акций после окончания срока для акцепта оферты.

¹ Самые доходные акции XXI века. В лидерах - Monster, Apple и Сбербанк URL: <https://quote.rbc.ru/news/article/5fecdadbf9a7947536c9551a7> URL (дата обращения: 16.02.2022)

² Федеральный закон от 26 декабря 1995 года №208 – ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

³ Directive 2004/25/EC of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 on the prospectus to be published when securities are offered to the public or admitted to trading and amending Directive 2001/34/EC

Немецкое корпоративное право регулирует принудительный выкуп акций в таких законах, как Закон об акционерных корпорациях от 01.01.2002 г., Закон о реализации Директивы о поглощении от 14.07.2006 г.

Немецкое корпоративное право предусматривает несколько способов принудительного выкупа акций мажоритариями. При этом разные процедуры выкупа зависят от специфики самой корпорации и от выбора траектории развития бизнеса. Однако, во всех случаях механизм регулирования принудительного выкупа сводится к обеспечению баланса интересов мажоритариев и миноритариев.

В связи с нормативным "вытеснением" по германскому праву, миноритарные акционеры имеют право на справедливую и обоснованную денежную компенсацию за их акции в акционерном капитале. От мажоритарного акционера требуется обеспечить выплату денежной компенсации посредством банковской гарантии. Сумма денежной компенсации подлежит определению на момент инициации "вытеснения", должна учитывать состояние компании на момент проведения общего собрания, причем минимальным уровнем такой суммы служит средняя биржевая цена приобретаемых акций в течение трех месяцев, предшествующих проведению общего собрания, на котором принимается решение.¹

Данный способ принудительного выкупа акций исторически самый первый в немецком законодательстве. Стимулирование принудительного выкупа происходит «внутри» корпорации – все основные решения принимаются на общем собрании.

Принудительный выкуп акций мажоритариев введен в российский правопорядок в 2006 году. Институт вытеснения миноритарных акционеров, представлял наибольший интерес для крупного российского бизнеса при принятии главы XI.1 Закона об АО.

Правоприменительная практика процедуры вытеснения, предусмотренной главой XI. 1 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее – Закон об акционерных обществах), показала несовершенство данного института в отношении миноритарных акционеров, которые нуждаются в эффективной и действенной защите их прав. Основной проблемой является определение справедливой цены выкупаемых ценных бумаг. Стремление мажоритарных акционеров сократить издержки, связанные с осуществлением принудительного выкупа, приводит к созданию условий для выкупа ценных бумаг по заниженной цене.

В качестве механизма защиты прав владельцев выкупаемых ценных бумаг в случае их несогласия с ценой выкупа предусмотрено право владельца выкупаемых ценных бумаг обратиться в арбитражный суд с иском о возмещении убытков, причиненных в связи с ненадлежащим определением

¹ Ратхауски У. Вытеснение в Германии: эмпирическое исследование действий по расторжению договора и судебного разбирательства // AG-Report, o.Jg. 2004. – №1. – С.24-26.

цены выкупаемых ценных бумаг. Вместе с тем, предъявление владельцем ценных бумаг такого иска в арбитражный суд не является основанием для приостановления выкупа ценных бумаг или признания его недействительным.

Анализируя вышеизложенное, следует признать, что, будучи сложным, многогранным институтом, принудительный выкуп акций актуален в настоящее время, поскольку рынок сейчас насыщен сделками слияний и поглощений крупных корпораций. При этом, встречаются ситуации, когда контроль над публичным обществом достигается через косвенное или совместное распоряжение голосами, и управление такой компанией осуществляется фактически контролирующим лицом без предоставления миноритарным акционерам возможности прекратить участие в ней на справедливых условиях.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ И ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ КОНЦЕССИОННЫХ СОГЛАШЕНИЙ

Атаманова П.С. – магистрант Оренбургского института(филиала)
Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА), г.Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института(филиала) Университета
имени О.Е.Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Концессионное соглашение - это форма государственно-частного партнерства, которая в настоящее время играет ведущую роль в привлечении инвестиций в экономику страны. Определение концессионного соглашения не является новым для российского законодательства. Иностранские концессии имели особое значение для развития экономики страны. Концессионные соглашения активно используются в современном российском праве с момента принятия Федерального закона от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях»¹ (далее – Закон о концессионных соглашениях).

Стоит отметить, что понятие концессия известно каждому экономическому укладу, государственная гериархия брала на откуп весь популярный доходный труд, который в дальнейшем, руководствуясь той же доходностью по прерогативным привилегиям предоставляла индивидуальным лицам. Откуп представляет собой некую систему собирания с населения налогов и иной государственной прибыли, при которой государство за установленную плату предоставляет право их сбора частным лицам. В досоветской России и Советской России, а также в фазис новой экономической политики большую роль в развитии экономики представляли зарубежные концессии. Концессия есть право со стороны

¹ Федеральный закон от 21.07.2005 № 115-ФЗ «О концессионных соглашениях» // СЗ РФ. – 2005. – № 30 (часть II). – Ст. 3126.

правительства известной личности открыть предприятие, которое не подлежит вольному производству. К примеру, в рамках концессионного соглашения между Китаем и Россией была создана Китайско-Восточная железная дорога.

В современной России концессионные соглашения служат для привлечения инвестиций в экономику РФ, обеспечения высокоэффективного использования имущества, находящегося в государственной или муниципальной собственности, на условиях концессионных соглашений и для повышения качества товаров, работ, услуг, предоставляемых потребителям.

По концессионному соглашению концессионер (частный инвестор) за свой счет осуществляет строительство или реконструкцию объекта инфраструктуры, который принадлежит (будет принадлежать) концеденту (государству, муниципалитету). При этом концессионер получает право на эксплуатацию этого объекта в течение определенного периода времени. Таким образом можно сказать о том, что концессионные соглашения являются юридическим механизмом, который осуществляет и развивает инфраструктурные проекты, которые имеют большое преимущество в государстве.

На основании п. 1 ст. 3 Закона о концессионных соглашениях под концессионным соглашением осмысливается как договор, где одна сторона (концессионер) обязуется за свой счет создать и (или) реконструировать определенное этим соглашением имущество (недвижимое имущество или недвижимое имущество и движимое имущество, технологически связанные между собой и предназначенные для осуществления деятельности, предусмотренной концессионным соглашением), (далее - объект концессионного соглашения), право собственности на которое принадлежит или будет принадлежать другой стороне (концеденту), осуществлять деятельность с использованием (эксплуатацией) объекта концессионного соглашения, а концедент обязуется предоставить концессионеру на срок, установленный этим соглашением, права владения и пользования объектом концессионного соглашения для осуществления указанной деятельности.

Концессионное согласие представляется договором, в котором содержатся элементы разнообразных договоров, предусмотренных федеральными законами. К отношениям сторон концессионного соглашения используются в соответствующих долях правила гражданского законодательства о договорах, элементы которых содержатся в концессионном соглашении, ежели другое не вытекает из закона или существа концессионного соглашения.

Государственно-частное партнерство, помимо договора концессии включает в себя еще некоторые другие договоры, такие, как: договор аренды, подряда, контракты на оказание услуг и выполнение работ, договоры промышленной помощи, договоры на поставку продукции для государственных нужд и другие. Они имеют разнообразные программы и цели применения. Особое внимание уделено договору подряда и аренды.

На этапе создания и (или) реконструкции объекта концессионного соглашения используются нормы гражданского законодательства о договоре подряда (глава 37 «Подряд» ГК РФ). На этапе эксплуатации объекта концессионного соглашения применяются нормы гражданского законодательства об аренде (глава 34 «Аренда» ГК РФ). Именно для того чтобы не допускать ошибки в определении норм, которые подлежат применению при регулировании концессионных правоотношений и был принят рассматриваемый Закон.

Нередко концессионное соглашение признают смешанным договором. П. 3 ст. 421 Гражданского Кодекса РФ¹ гласит о том, что стороны могут заключить договор в котором содержатся элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными правовыми актами (смешанный договор). К отношениям сторон по смешанному договору используются в определенных частях правила о договорах, элементы которых содержатся в смешанном договоре, если иное не вытекает из соглашения сторон или существа смешанного договора.

Несмотря на определенное сходство договора концессии со смешанными договорами, в то же время существуют значительные различия. Одним из примеров такого различия является право участников смешанного договора по своему усмотрению устанавливать допустимость применения к их правоотношениям правил о договорах, элементы которых содержатся в соглашении сторон. Концессионное соглашение не предусматривает такое право. Таким образом, можно сделать вывод о том, что концессионное соглашение не относится к смешанным договорам, а, напротив, представляет собой независимый договор.

На сегодняшний день все же есть несколько концепций отраслевой особенности концессионного соглашения, из которых назовем три:

- а) публично-правовой договор;
- б) публично-частный договор;
- в) гражданско-правовой.

В основном из этих трех позиций концессионного соглашения особое внимание уделяют гражданско-правовым договору и публично-правовому договору. Выходит, что из этого можно сделать вывод что, концессионное соглашение представляется гражданско-правовым договором с публично-правовыми элементами. Следовательно, договор концессии характеризуется определенными гражданско-правовыми и публично-правовыми признаками.

К гражданско-правовым признакам концессионного соглашения относятся следующие:

а) субъектный состав. В субъектный состав договора концессии входят два основных участника: концедент - Российская Федерация, от имени которой выступает Правительство РФ, либо уполномоченный им федеральный орган исполнительной власти, или орган публичной власти

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

федеральной территории, либо субъект Российской Федерации, от имени которого выступает орган государственной власти субъекта Российской Федерации, либо муниципальное образование, от имени которого выступает орган местного самоуправления; концессионер –лицо, которое инвестирует средства в проект договора концессии, благодаря этому обретает объект концессионного соглашения после ввода в эксплуатацию и регистрации на него прав в качестве недвижимого имущества в управление.

б) приспособляемость к концессионным соглашениям правила гражданского законодательства о договорах, элементы которых в них содержатся;

в) возмездность и обоюдность договора.

К публично-правовым признакам концессионного соглашения относят следующие:

а) общественный интерес;

б) наличие у концедента административных полномочий при реализации концессионных соглашений;

в) введение в содержание соглашения публично-правовых норм;

г) решение о заключении концессионного соглашения (ст. 22 Закона о концессионных соглашениях).

Правовой характер договора концессии не определяется его содержанием, и не возникает на основании заключения публичного образования, а напротив появляется на основании соглашения концедента и концессионера.

Концессионное соглашение – это соглашение, где есть четкое согласование сторон на основании которых возникают гражданские права и обязанности. Правоотношения сторон базируются на их равенстве в следствии этого роль на стороне концедента публичного образования не меняет правовой природы концессионного соглашения как гражданско-правового.

Примером того, что концессионное соглашение действительно представляется гражданско-правовым договором является п. 5 ст. 16 Федерального закона от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹. В данной норме конкретно указано, что одним из важнейших условий разработки проекта программы деятельности Государственной компании на долгосрочный период является решение Правительства Российской Федерации о заключении концессионных соглашений, а также иных гражданско-правовых договоров.

Кроме того, стоит обратить внимание на то, что, как показывает практика, при разрешении споров между участниками концессионного соглашения суды рассматривают дела по гражданскому законодательству, а,

¹ Федеральный закон от 17.07.2009 № 145-ФЗ «О Государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2009. – № 29. – Ст. 3582.

значит, отраслевая особенность концессионных контрактов проявляется в том, что они являются гражданско-правовыми договорами.

Итак, исходя из вышеизложенного, концессионное соглашение является автономным видом договора, к отношениям сторон концессионного соглашения применяются в соответствующих частях правила гражданского законодательства о договорах, элементы которых содержатся в концессионном соглашении, если другое не вытекает из закона или существа концессионного соглашения.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Баймуканова В.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Законодательная регламентация и распространение практики использования цифровых технологий для целей гражданско-правового регулирования призвана способствовать упрощению взаимодействия участников гражданско-правовых отношений. В этой связи необходимым является изучение договорного регулирования предпринимательской деятельности в условиях цифровой экономики.

В первую очередь, стоит отметить особенности заключения сделок, как неотъемлемой части предпринимательской деятельности, в эпоху цифровизации. Развитие электронных технологий привело к тому, что перед законодателем возник вопрос о появлении такой формы сделки, как электронной.

В одних правовых системах электронные сделки приравнены к письменной форме (Швейцария), а в других правовых системах установлены специальные нормы о защите прав потребителей по сделкам, которые совершены с использованием сети «Интернет»¹ (Австрия). В Германии электронная сделка – это самостоятельная форма наряду с письменной².

Относительно российского правового поля, то в большинстве случаев практики и правоприменители рассматривают электронную форму сделки как разновидность письменной. На данном пути развития находится и отечественное законодательство. Так, реализовано отнесение электронного

¹ Kurzkommentar zum ABGB herausg. H. Koziol, P. Bydlinski, R. Bollenberger. Wien, 2017 S. 2085.

² Historisch-kritischer kommentar zum BGB herausg. M. Schmoeckel, J. Rückert, R. Zimmermann. Tübingen, 2007 Bd. I. Allgemeiner Teil. S. 499-531.

обмена волеизъявлениями к письменной форме сделки¹. В статью 160 ГК РФ было внесено важное изменение, в соответствии с которым письменная форма сделки соблюдена в том числе, если она совершена с помощью «электронных либо иных технических средств»².

Также в части договорного регулирования предпринимательской деятельности стоит отметить, что реализация принципов цифровой экономики (например, таких, как: цифровая информация как ресурс, появление цифровых платформ, размывание границ между производителем, продавцом и потребителем на основе автоматизации всех процессов и появлении новейших технологий и другие) проявляется в следующем:

1. Снижение транзакционных издержек. Например, один из видов транзакционных издержек – «издержки до сделки»: цифровое поле предлагает большой выбор решения проблема поиска информации, в том числе информации о потенциальном партнере, о ситуации на рынке, ценовой политики предприятий. Также развитие современных технологических средств дает возможность участникам предпринимательских отношений проводить переговоры с использованием сети «Интернет», по видеоконференцсвязи, исключая тем самым необходимость личной встречи между сторонами и позволяя при этом задействовать потенциального поставщика или потребителя из любой страны³.

2. Существование экономики совместного потребления (совместное владение теми или иными товарами и оплата за предоставленную информацию), следствием функционирования которой является рациональное использование ресурсов и появление Интернет-агрегаторов, легальное определение которых было введено в 2019 году⁴, в соответствии с которым понятие владельца агрегатора используется в качестве обозначения информационного ресурса (платформы), на котором потребитель имеет возможность получить информацию о товаре (услуге), оформить заказ и оплатить его.

3. Посреднические договоры в цифровой экономике утрачивают свое значение, поскольку появляется возможность взаимодействовать производителю и потребителю напрямую.

Стоит отметить также такую правовую категорию как смарт-контракты.

¹ Федеральный закон "О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации" от 18.03.2019 N 34-ФЗ». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 20.11.2021).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - ст. 3301.

³ Долгин А.Б. (Tapscott, 1995), Оливер Уильямсон (Williamson, 2010), Манифест новой экономики. Вторая невидимая рука рынка. – М: АСТ, 2010. – 224 с.

⁴ Федеральный закон от 29.07.2018 № 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»». URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 21.11.2021).

Наиболее известное определение было дано А.И. Савельевым, который считал, что «смарт-контракт – это соглашение сторон, существующее в форме программного кода, функционирующего в распределенном реестре данных, который обеспечивает самоисполнимость условий такого договора при наступлении заранее определенных в нем обстоятельств»¹. Но данное определение также подвергнуто критике рядом ученых, которые высказывают точку зрения о том, что смарт-контракт нужно рассматривать не как вид договора, а как способ его исполнения², а именно автоматизированное исполнение обязательств (по согласию сторон при помощи электронной платформы, а неконкретными действиями). Данная точка зрения также имеет место быть, поскольку именно таким образом смарт-контракты разрешают проблему надлежащего исполнения обязательств: компьютерная программа самостоятельно исполняет, а должник дает на это согласие при заключении смарт-контракта, которое не может быть отозвано или изменено (т.е. исключается прямое участие должника).

Таким образом, следствием появления смарт-контрактов является отход от традиционной концепции договора в бумажном виде и переход к концепции договора как алгоритма. Смарт-контракт также призван сократить издержки и устранить посредничество.

Одним из результатов появления рассматриваемой правовой категории является появление автономных правовых систем, поскольку заключение смарт-контрактов происходит на блокчейн-платформах, в рамках которых по сути и осуществляется их исполнение и оспаривание, в том числе защита прав. Предполагается, что обязательства из смарт-контракта могут быть защищены такими способами, как двухсторонняя реституция³ и понуждение к исполнению обязательств в натуре⁴. Двухсторонняя реституция применима, например, если была найдена ошибка в условиях смарт-контракта, а понуждение к исполнению обязательств в натуре как средство защиты прав возможно в случае, если неисполнение произошло вследствие технической ошибки при заключении договора.

Таким образом, рассмотрев изменения в законодательстве относительно договорного регулирования предпринимательской деятельности, а также конкретный пример из судебной практики, можно сделать вывод о том, что цифровая экономика оказывает большое влияние на формирование правовой базы. И хотя не все общественные отношения, возникающие в период цифровизации, урегулированы должным образом,

¹ Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 40.

² Новоселова Л.А. «Токенизация» объектов гражданского права // Хозяйство и право. – 2017. – № 12. – С. 32.

³ Комашко М.Н. Реституция как способ защиты права: автореф. дис.канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 7, 9.

⁴ Сушкова И.А. Общие и специальные способы защиты нарушенных гражданских прав // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 6. – С. 221–222.

отечественное законодательство находится на правильном пути, что подтверждается вносимыми изменениями в ряд нормативных правовых актов, регулирующих предпринимательские отношения, в том числе в договорной сфере, а также существованием ряда законопроектов, которые находятся в процессе разработки и принятия.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ, КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ПРАВ ОТВЕТЧИКА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Балабуркина А.Д. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Томина А.П.

Позиция о том, что мировое соглашение является одним из наиболее эффективных средств защиты субъективных прав ответчика, достаточно широко распространена в научной литературе. Мировое соглашение рассматривается как способ разрешения спора по инициативе сторон на взаимоприемлемых условиях, не противоречащих и не нарушающих права и законные интересы других лиц (ч. 2 ст. 153.8 ГПК РФ).

По данным Судебного Департамента при ВС РФ в первом полугодии 2021 г. число гражданских дел, по которым производство в суде первой инстанции прекращено мировым соглашением, составило 34 999 дел, в том числе 34 686 – в соответствии с п. 4 ст. 220 ГПК РФ, 127 – в результате проведения процедуры медиации (ст. 153.5 ГПК РФ), 186 – в результате судебного примирения (ст. 153.7 ГПК РФ)¹. Приведенные данные свидетельствуют о значимости и востребованности исследуемого института в урегулировании гражданско-правового конфликта.

Действующее гражданское процессуальное законодательство мировое соглашение рассматривает в качестве одного из результатов примирения участвующих в деле лиц (пп. 1 п. 1 ст. 153.7 ГПК РФ). При этом в таком случае мировое соглашение может быть заключено в отношении всех или части заявленных требований. Кроме того, в мировое соглашение допустимо включение положений, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства (ст. 153.9 ГПК РФ).

О том, что мировое соглашение служит одним из средств защиты ответчика против иска свидетельствует ряд обстоятельств. В первую очередь, необходимо говорить о том, что в самом общем смысле мировое соглашение являет собой взаимную уступку. Уступка ответчика с процессуальной стороны состоит а его отказе от иных средств защиты, применение которых исключается за счет достижения мирового соглашения.

¹ Данные судебной статистики // Официальный сайт Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896> (дата обращения: 01.03.2022).

Уменьшение размера ответственности должника (ответчика) в результате заключения мирового соглашения соответствует частичному отказу от иска, удовлетворению встречного иска или принятию судом возражения о зачете. В таком случае функция защиты мирового соглашения успешно достигнута. В случае, когда мировым соглашением заменяется первоначальное требование (новация) также достигается защитительная функция мирового соглашения, поскольку истец отказался от первоначально заявленного требования и заменил его новым, более выгодным ответчику.

Г.В. Молева полагает, что мировое соглашение всегда имеет своей целью изменение исковых требований (размер правопритязания, материальный объект иска, сроки исполнения обязательств и т.д.)¹. Истец располагает возможностью изменить основание или предмет иска, увеличить или уменьшить размер исковых требований, отказаться от иска. В свою очередь, ответчик подобными средствами не располагает. В этой связи он прибегает к применению института мирового соглашения, чтобы смягчить судебную ответственность. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что наиболее частыми условиями мирового соглашения, предлагаемыми ответчиком являются: изменение размера заявленных требований; изменение срока исполнения обязательств; изменение размера долей в общей собственности и т.д.

Выгодность заключения и утверждения судом мирового соглашения для ответчика подтверждается и тем обстоятельством, что первоначальное обязательство прекращается. В этом смысле можно говорить о том, что по существу в форму мирового соглашения облекается соглашение об отступном.

С точки зрения защиты прав ответчика научный интерес представляет законодательное положение о допустимости включения в мировое соглашение положений, которые связаны с заявленными требованиями, но не были предметом судебного разбирательства (ст. 153.9 ГПК РФ).

В доктрине высказываются различные позиции по данному вопросу. По мнению Е.Р. Русиновой, утверждение судом мирового соглашения необходимо «в тех случаях, когда стороны выходят за границы спорного правоотношения, в целях замены этого правоотношения бесспорным, либо изменения содержания спорного правоотношения»². Напротив, Е.Е. Бондарева полагает, что «обязанности истца по общему правилу могут быть предметом мирового соглашения только в случае, когда они поставлены на обсуждение арбитражного суда, утверждающего данное соглашение,

¹ Молева Г.В. Право на судебную защиту ответчика: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 1993. – С. 8.

² Русинова Е.Р. Распорядительные права сторон в гражданском процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 7.

ответчиком путем предъявления встречного иска или заявления возражений»¹.

Полагаем действующую позицию законодателя относительно возможности заключения мирового соглашения и в отношении вопросов (требований, отношений), не бывших предметом судебного рассмотрения в связи с заявленными требованиями и возражениями сторон, вполне обоснованной и целесообразной.

Считаем, что в данном случае следует говорить о дополнительных гарантиях реализации права ответчика на защиту. Самостоятельное требование ответчика к истцу могло быть заявлено прежде в виде встречного иска, не принятого судом к рассмотрению совместно с первоначальным. Ссылка ответчика на произведенный зачет также могла быть не признана судом основательной либо вообще не принята им во внимание.

В ситуации невозможности защиты интересов ответчика встречным иском и возражением о зачете мировое соглашение является единственным средством урегулирования в данном процессе большего количества взаимных требований во избежание новых самостоятельных процессов.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что мировое соглашение не может выступать средством санкционирования требований неправового характера. Последним юридическая защита не предоставляется вне зависимости от того, в какую форму предполагается их облечь.

Полагаем, что правовым последствием заключения мирового соглашения в отношении вопросов (требований, отношений), не бывших предметом судебного рассмотрения в связи с заявленными требованиями и возражениями сторон, следует считать недопустимость предъявления требований, уже урегулированных в нем.

Таким образом, мировое соглашение следует рассматривать как одно из наиболее эффективных средств защиты прав ответчика, поскольку, с одной стороны, в каждом мировом соглашении присутствует отказ истца от иска. С другой стороны, при заключении мирового соглашения истец отказывается от иска не в одностороннем порядке, а на определенных согласованных с ответчиком условиях, носящих материально-правовой характер. Утвержденное судом мировое соглашение порождает новые, более выгодные для ответчика требования, взамен первоначально заявленных истцом.

¹ Бондарева Е.Е. Реализация распорядительных прав сторон в арбитражном процессе (в суде первой инстанции): автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Самара, 2003. – С. 24.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЕКЛАМЫ В ТЕЛЕПРОГРАММАХ И ТЕЛЕПЕРЕДАЧАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Банникова М.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург.

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

В условиях рыночных отношений реклама играет значительную роль. Она является неотъемлемой частью торговли, поскольку направлена на привлечение потенциальных потребителей к приобретению товаров и услуг, реализуемых предпринимателями. Реклама позволяет обеспечивать стимулирование спроса и предложения на определенные виды товаров, работ и услуг, что, соответственно, влияет на объемы полученной прибыли.

Одним из способов распространения рекламы согласно статье 14 Федерального закона от 13.03.2006 года № 38-ФЗ «О рекламе»¹ (далее – ФЗ «О рекламе») является реклама в телепрограммах и телепередачах. В настоящее время эта реклама носит массовый характер, её эффективность подтверждена многолетней практикой, и поэтому российский законодатель выработал особый подход к правовому регулированию этого способа распространения рекламы в целях соблюдения законных интересов телезрителя, телекомпания (рекламораспространителя) и рекламодателя.

Правовое регулирование рекламы в телепрограммах и телепередачах направлено, с одной стороны, на защиту телезрителя от чрезмерного количества рекламы в ходе телевизионного вещания, а с другой – на обеспечение экономического интереса телевизионных компаний, для которых доходы от рекламы являются важнейшим условием нормального функционирования. Кроме того, реклама на телевидении способствует маркетинговому продвижению объекта рекламирования, укрепляя конкурентоспособность рекламируемого товара, следовательно, правовое регулирование рекламы на телевидении должно учитывать в том числе интересы рекламодателя.

В соответствии с законодательством, существует два способа телерекламы:

1) прерывание телепрограммы или телепередачи рекламой, то есть остановка трансляции телепрограммы или телепередачи для демонстрации рекламы;

2) совмещение рекламы с телепрограммой способом «бегущей строки» или иным способом ее наложения на кадр транслируемой телепрограммы.

По общему правилу, установленному законодательством о рекламе, в случае если реклама распространяется прерыванием телепрограммы или

¹ Федеральный закон от 13.03.2006 г. № 38-ФЗ (ред. от 30.12.2021 г.) «О рекламе» // СЗ РФ. – 2006. – № 12. – Ст. 1232.

телепередачи, такое прерывание должно предваряться сообщением о последующей трансляции рекламы, за исключением спонсорской рекламы.

При совмещении рекламы с телепрограммой способом «бегущей строки» или иным способом ее наложения на кадр транслируемой программы существуют следующие ограничения: во-первых, реклама не должна занимать более семи процентов площади кадра, и, во-вторых, реклама не должна накладываться на субтитры и надписи разъясняющего характера. Данные положения учитывают интересы как телезрителя, так и рекламодателя-распространителя. Телезритель, получая сообщение о последующей трансляции рекламы, принимает решение – продолжить просмотр рекламы или отвлечься от демонстрации рекламы, вернувшись к просмотру телепрограммы по окончании трансляции рекламы. В случае с «бегущей строкой», зритель остаётся в состоянии получать информацию из телепрограммы, не отвлекаясь на небольшие рекламные объявления. В то же время телекомпания-реklamораспространитель вправе осуществлять показ рекламы, не дожидаясь окончания телепрограммы, что существенно увеличивает возможность получения доходов от рекламы.

Так же существует ограничение продолжительности распространяемой в телепрограмме рекламы. Согласно ч. 3 ст. 14 ФЗ «О рекламе» общая продолжительность распространяемой в телепрограмме рекламы не может превышать 20% времени вещания в течение часа и 15% времени вещания в течение суток. Однако, существует ряд исключений. Так, если вещание канала распространяется на территориях менее чем половины субъектов Российской Федерации, продолжительность показа рекламы способом «бегущей строки» может быть увеличена ещё на 5% в течение часа либо, если программа носит информационный или развлекательный характер, продолжительность показа рекламы способом «бегущей строки» может быть увеличена на 15% в течение часа.

Следует сказать о том, что данные правила были закреплены в законе относительно недавно, в 2017-2018 гг. Ранее закон ограничивал продолжительность показа рекламы пятнадцатью процентами времени вещания программы в течение часа без предоставления специальных льгот каналам, вещание которых распространяется на территориях менее чем половины субъектов РФ (см., например, ФЗ «О рекламе» в редакции от 29.07.2017).¹

Исходя из этого, законодатель сделал уклон на обеспечение интересов рекламодателя и рекламодателя-распространителя, ограничив тем самым интересы телезрителя. Такое решение является вполне обоснованным: незначительное увеличение продолжительности показа рекламы вряд ли существенным образом скажется на возможности зрителя воспринимать информацию из телепрограммы, но в масштабах такого крупного хозяйствующего субъекта, как телекомпания, способствует заметному увеличению прибыли, что в свою

¹ Богацкая С.Г. Правовое регулирование рекламной деятельности. Учебное пособие. – М.: Университетская книга, 2007. – С. 117.

очередь, позволяет компании повышать качество оказываемых услуг в рамках телевизионного вещания и при этом обеспечивает интересы телезрителя.

Ещё одним общим требованием к показу рекламы является уровень громкости звука транслируемой рекламы. Так, в ч. 12 ст. 14 ФЗ «О рекламе» закреплено, что уровень громкости звука транслируемой рекламы не должен превышать средний уровень громкости звука прерываемой телепрограммы или телепередачи. Данный факт устанавливается на основании Методики измерений соотношения уровня громкости рекламы и среднего уровня громкости прерываемой рекламой теле- и радиопрограммы.¹

Ранее в отсутствие установленной методики подтвердить факт превышения уровня громкости рекламы над уровнем громкости телепередачи было достаточно сложно, поэтому устойчивая практика по выявлению подобных решений начала формироваться в последние несколько лет. Как правило, Федеральная антимонопольная служба выносит решения в пользу заявителей и привлекает телекомпании к ответственности. Данные нормы закона направлены на обеспечение прав и законных интересов телезрителя.

Кроме того, законодательством определены категории телепрограмм, которые не могут быть прерваны рекламой или совмещены с рекламой способом «бегущей строки». Во-первых, к ним относятся религиозные телепередачи и телепередачи продолжительностью менее 15 минут. Эти программы могут быть прерваны лишь спонсорской рекламой продолжительностью не более 30 секунд непосредственно в начале или непосредственно перед окончанием. Во-вторых, трансляция спортивных соревнований может прерываться только в перерывах в ходе спортивных соревнований или во время их остановок. В-третьих, если же телеканал осуществляет вещание агитационных материалов в преддверии выборов, прерывание этой трансляции рекламой запрещено.

Данные положения закона свидетельствуют об обеспечении интересов телезрителя: указанные телепередачи могут быть в полной мере восприняты им только в том случае, если будут показаны непрерывно (либо если демонстрация рекламы не разрывает отдельные смысловые фрагменты передачи). При этом значительного нарушения экономических интересов рекламодателя также не происходит, поскольку трансляция данных видов телепрограмм осуществляется нечасто, следовательно, прибыль от показа рекламы существенно не снижается.

¹ Приказ ФАС России от 22.05.2015 № 374/15 (ред. от 09.10.2019) «Об утверждении Методики измерений соотношения уровня громкости рекламы и среднего уровня громкости прерываемой рекламой теле- и радиопрограммы» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2015. – № 42.

Поскольку государство принимает особые меры по защите интересов детей на основании ст. 38 Конституции РФ¹, законодательством о рекламе устанавливается особый порядок показа рекламы в детских телепередачах. Так, при вещании детских телепрограмм запрещается распространение рекламы алкогольной продукции, продукции военного назначения и оружия, основанных на риске игр, пари и др.

Кроме того, на обеспечение интересов государства направлено положение ч. 13 ст. 14 ФЗ «О рекламе», в соответствии с которым реклама не может распространяться при трансляции телепередач, освещающих деятельность органов государственной власти. Распространение рекламы также не допускается в дни траура, объявленные в Российской Федерации.

В заключение следует отметить, что правовое регулирование рекламы в телепередачах и телепрограммах, устанавливает разумный баланс в соблюдении интересов всех заинтересованных лиц. Так, рекламодатель в лице телекомпании получает ряд привилегий, способствующих извлечению максимальной экономической выгоды из рекламы, а рекламодатель использует эти привилегии в целях маркетингового продвижения своего товара. При этом интересы телезрителя обеспечены ограничениями, которые законодатель накладывает на рекламную деятельность телекомпаний, существенно не снижая этими ограничениями получаемый компаниями доход.

Государство руководствуется отдельными положениями закона, поскольку имеет собственный интерес в регулировании рекламы. Кроме того, оно осуществляет контрольную деятельность через уполномоченные органы, имеющие полномочия по привлечению телекомпаний-нарушителей к ответственности. Такую функцию, например, осуществляет Федеральная антимонопольная служба.

В случае нарушения рекламодателем, рекламопроизводителем или рекламодателем законодательства о рекламе наступает ответственность, предусмотренная ст. 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.²

САМОВОЛЬНАЯ ПОСТРОЙКА В ОТЕЧЕСТВЕННОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Бастрыкина С.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.

Позднякова А.С.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02.12.2019 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

Самовольную постройку можно рассматривать как социальное и правовое явление, которое возникает на грани частных и публичных интересов. Это явление представляет законный частноправовой интерес владельца земельного участка, и отношения, которые регламентируются и контролируются органами публичной власти. Цель норм гражданского права, в соблюдении равновесия частных и публичных интересов.

Вопросы регламентации возведения самовольной постройки имеют глубокие исторические корни.

Российское дореволюционное гражданское законодательство во многом восприняло основные положения римского частного права. Отечественные правовые акты вплоть до начала 19 века содержали лишь фрагментарные нормы о самовольном строительстве, которые закрепляли нормативность приобретения права на строение при наличии некоторых условий.

В ст. 386 X Свода законов Российской империи было определено, что в случае принадлежности земли и строительного материала различным лицам, постройка влечет за собой возникновение права собственности у собственника земельного участка как главной вещи.

В советский период отдельные правовые аспекты самовольного строительства регламентировались СНК РСФСР от 22 мая 1940 г. № 390 «О мерах борьбы с самовольным строительством в городах, рабочих, курортных и дачных поселках».

4 ноября 1955 года вышло постановление Совета Министров № 1378 «О налоговом обложении граждан, самовольно возведших строения на не отведенных им участках».

Следующим этапом развития правового регулирования самовольного строительства стал Гражданский Кодекс РСФСР, принятый в 1964 году. Впервые в отечественном законодательстве дается определение понятию «самовольная постройка».

Главным правовым результатом самовольного строительства явилось отсутствие возможности у застройщика распоряжаться этой постройкой.

По решению суда также могло осуществляться изъятие строения и передача его в фонд местного Совета депутатов на безвозмездной основе. Необратимым правовым последствием самовольного строительства был снос постройки.

Для эпохи советского права характерно сохранение принципа связи земельного участка и строения на нем. Исходя из положений ГК РСФСР 1964 года, новый собственник постройки одновременно получал и право собственности на землю, на которой находилась постройка. Весьма строгими были ограничительные меры, нацеленные на борьбу с самовольными постройками. В целом, судебная практика тех лет оказала большое влияние на развитие института самовольной постройки.

Отправным пунктом современного периода в развитии института самовольной постройки явилось принятие в 1994 году Гражданского Кодекса

РФ¹. С этого момента можно говорить о смещении в отечественном законодательстве вектора регулирования самовольного строительства из области публичного права в область частного². Об этом свидетельствует появление возможности признания права собственности на самовольно возведенное строение, а также расположение в ГК РФ 1994г. нормы о самовольной постройке в главе «Приобретение права собственности». Возможность признания права собственности на самовольную постройку, возведенную на земельном участке, который не принадлежал застройщику, но при условии предоставления ему земельного участка под данную постройку, существовала в соответствии с ГК РФ 1994г. до 2006 года.

В 2001 году был принят Земельный кодекс РФ, вновь провозглашающий принцип «единства судьбы земельных участков и прочно связанных с ними объектов». Законодательство стало возвращаться к исконным принципам римского права, хоть и с изменениями.

Реформирование правового режима самовольной постройки в 2006 году заключается в том, что законодательно была исключена возможность признания права собственности на самовольную постройку, возводимую на участке, не принадлежащем застройщику³. Однако, существует идея, подкрепленная успешным зарубежным опытом, предполагающая объединение в единый объект гражданского оборота земельного участка и находящегося на нем строения, что соответствует целям гражданского оборота.

Новеллы Гражданского кодекса РФ 2015 года, которые в очередной раз изменили правовой режим самовольной постройки. Ужесточена процедура легализации самовольного строительства и значительно упрощен порядок сноса такого рода построек. С 1 сентября 2015 года, в силу изменений статьи 222 ГК РФ, к определению самовольной постройки стали относить объект, возведенный на участке, которые не предусматривает возведения на нем этого объекта. Также формулировка «жилой дом» была заменена на «здание, сооружение или другое строение». В данной редакции исчезло замечание о том, что только недвижимое имущество может признаваться самовольной постройкой. Теперь самовольный застройщик должен обладать правами, разрешающими осуществление строительства на этом земельном участке⁴. Постройка же должна отвечать правилам землепользования и застройки, а также соответствовать документально установленным параметрам по планировке территории. Появление 4 пункта является самым существенным

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) (с изм. и доп. от 21 декабря 2021 г. № 430-ФЗ) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2021. – № 23. – Ст. 1679.

² Глеба О.В. Признание объекта самовольной постройкой: проблемы правоприменительной практики // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 5. – С. 67.

³ Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством от 19 марта 2014 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – № 6.

⁴ Бевзенко Р.С. Земельный участок с постройками на нем: введение в российское право недвижимости. – М., 2017. – С. 51.

законодательным изменением в статье 222 ГК РФ. Данный пункт разъясняет полномочия органов местного самоуправления относительно сноса самовольных построек. Для принятия правильного решения относительно сноса того или иного сооружения необходимо провести комплексный анализ многих фактов. Например, выяснить, предпринимал ли самовольный застройщик меры по легализации такой застройки. Уполномоченным органом по выяснению данных обстоятельств является суд. Согласно Конституции Российской Федерации, каждый гражданин нашей страны обладает неотъемлемым правом защиты своих прав через суд, а наделение органов местного самоуправления вышеперечисленными полномочиями умаляет это право.

Заключаящим этапом развития правового режима самовольного строительства являются серьезные изменения законодательства 2018 года. Вновь подвергается изменению понятие «самовольная постройка». Теперь законодательно защищаются права граждан, которые не знали об ограничениях на возведение строений, действующих на принадлежащей им земле. В том числе, устанавливается запрет на использование самовольной постройки. Закреплено, что кроме сноса объект самовольного строительства может быть приведен в соответствие с требованиями.

Таким образом, для современного этапа правового регулирования самовольного строительства свойственно продолжать традиции, зародившиеся еще во времена римского права. По-прежнему очевидна необходимость дальнейшего улучшения законодательства в данной сфере, в целях оптимизации сочетания частных, корпоративных, а также государственных интересов. Законодательство в данной области нуждается в дальнейшем совершенствовании, поскольку остается много нерешенных вопросов. Судебная практика является достаточно противоречивой.

ЭЛЕКТРОННЫЙ ДОКУМЕНТ,

КАК САМОСТОЯТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ

Батакова И.П. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса

Оренбургского института (филиала) Университета

имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Томина А.П.

За последние четыре десятилетия информационные технологии существенно изменили способы фиксации и передачи информации. Все чаще в качестве электронных доказательств в процессе доказывания по гражданским делам используются электронные документы. Несмотря на то, что данный вид документа широко используется в различных правоотношениях, до сегодняшнего дня, ни в одном процессуальном кодексе Российской Федерации не дано понятие электронного документа как доказательства, что затрудняет на практике его использование.

В современном доказательственном праве электронный документ рассматривается в качестве разновидности письменных доказательств.

Согласно п. 1 ст. 71 ГПК РФ «письменными доказательствами являются содержащие сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела, акты, договоры, справки, деловая корреспонденция, иные документы и материалы, выполненные в форме цифровой, графической записи, в том числе полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», документы, подписанные электронной подписью в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, либо выполненные иным позволяющим установить достоверность документа способом. К письменным доказательствам относятся приговоры и решения суда, иные судебные постановления, протоколы совершения процессуальных действий, протоколы судебных заседаний, приложения к протоколам совершения процессуальных действий (схемы, карты, планы, чертежи)».

Анализируя эту статью, можно сделать вывод, что электронные документы включены в содержание понятия «иные документы и материалы», полученные посредством факсимильной, электронной или другой связи, с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Большинство ученых-процессуалистов не раскрывают понятие электронного доказательства, а лишь отождествляют его с электронным документом. В Федеральном законе № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в п.11.1 ст.2 понятие электронного документа – «документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах».

В юридической науке уже сформировалось несколько точек зрения на понятие «электронный документ», обобщая которые, можно выделить два основных подхода к его определению. Первый подход трактует электронный документ в широком смысле, понимая под ним не только акты письменного характера, но и аудио- и видеозапись. Второй подход относит аудио- и видеозапись к самостоятельным видам доказывания, а электронный документ представляет собой разновидность письменных доказательств¹.

По мнению М.А. Митрофановой, С.П. Ворожбит между электронным документом и письменным доказательством нужно поставить знак равенства. Как отмечает С. П. Ворожбит, электронный документ является письменным средством доказывания. Автор отмечает, что мысли, содержащиеся в электронном документе, можно воспринять путем прочтения письменных

¹ Брановицкий К.Л. Информационные технологии в гражданском процессе Германии: сравнительно-правовой анализ: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2010. – С. 31.

знаков. С.П. Ворожбит конкретизирует, что использование технических средств для восприятия электронного документа никак не влияет на приравнивание их к письменным доказательствам¹. Существует и другая точка зрения. Другие ученые, такие как, М.В. Горелов, Е.В. Ткаченко, Хуан Сян, И.Г. Медведев полагают, что электронный документ – это самостоятельное, нетрадиционное средство доказывания.

Отнесению электронных документов к письменным доказательствам в первую очередь противопоставляется отсутствие важнейшего признака таких доказательств – письменной формы. Вследствие того, что электронный документ служит лишь средством установления обстоятельств, имеющих значение для дела, его юридическая природа имеет сходство с вещественными доказательствами.

И.Г. Медведев отмечает, что «форма электронного документа является не только его отличительным признаком по сравнению с другими документами, но и влечет его полную самостоятельность как правовой и логической категории»².

По мнению М.В. Горелова, электронными доказательствами являются сведения об обстоятельствах, имеющих значение для дела, выполненные в форме цифровой, звуко- и видеозаписи. Также к таковым относятся протоколы судебных заседаний, протоколы процессуальных действий, которые зафиксированы с помощью электронно-вычислительных средств. М.В. Горелов обращает внимание, что электронные документы содержат в себе в качестве отличительных признаков не только форму, но и особый процесс создания и закрепления информации на материальном носителе. Автор отмечает, что компьютерная информация имеет определенную специфику по объему и скорости ее обработки, легкости и бесследности уничтожения. Электронная информация может создаваться, изменяться, копироваться только с помощью ЭВМ³. Следует согласиться с М.В. Гореловым в том, что основным отличием электронных от письменных доказательств является носитель закрепленной информации. Электронным является именно источник доказательственной информации.

Е.В. Ткаченко полагает, что электронный документ – это не письменный, а иной документ, так как процессуальное законодательство не содержит никаких прямых указаний на представление подобных материалов именно в бумажной форме⁴.

¹ Ворожбит С. П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб, 2011. – С. 16.

² Медведев И. Г. Письменные доказательства в гражданском процессе России и Франции: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2003. – С. 17-18.

³ Горелов М. В. Электронные доказательства в гражданском судопроизводстве России: вопросы теории и практики: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – С.100, 9-10.

⁴ Ткаченко Е.В. Письменные доказательства по делам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений в арбитражном процессе: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2004. – С. 14-15.

Гражданско-процессуальный кодекс РФ предъявляет всего лишь одно требование к электронным документам - использование при их создании способа, позволяющего установить их достоверность.

Одним из способов установления достоверности происхождения электронного документа является электронная подпись, которая в соответствии с ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи», представляет собой информацию в электронной форме, присоединенную к другой информации в электронной форме (подписываемой информации) или иным образом связана с такой информацией и которая используется для определения лица, подписывающего информацию. Также возможно для определения достоверности электронного документа привлечь к судебному заседанию специалиста.

Электронная подпись является основной частью электронного документа, которая преобразует его в юридически значимый документ и обеспечивает возможность использования электронных документов в качестве письменных средств доказывания наравне с бумажными документами.

Таким образом, сложно недооценить роль электронных документов в гражданском процессе, поскольку количество доказательств в электронном виде только растет, а на бумажном наоборот, уменьшается. Необходима разработка нормативно-правового акта, который закрепляет основные положения правоприменения электронных документов на практике, их относимость к электронным доказательствам.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ПРОЦЕССЕ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ.

Безукладов А.И. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Институт привлечения к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства за последние годы произвел огромный рывок в развитии.

Во многом это было вызвано задачей правительства по улучшению инвестиционного климата в России. В 2014 году Минэкономразвития России с целью продвижения в рейтинге Всемирного банка Doing Business по показателю «Разрешение неплатёжеспособности» был подготовлен проект "дорожной карты" по совершенствованию процедур несостоятельности (банкротства).

Одним из приоритетных направлений развития Законодательства о банкротстве было установлено совершенствование механизма привлечения к ответственности контролирующих должника лиц, т.е. развитие института привлечения к субсидиарной ответственности в рамках процесса о несостоятельности (банкротства)¹.

В рамках развития данного направления был принят Федеральный закон от 29.07.2017 N 266-ФЗ, который внес изменения в процедуру привлечения к субсидиарной ответственности, регламентированную Законом о банкротстве, путем введения Главы 3.2. "Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве".

С целью обеспечения единообразия судебной практики о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности было принято Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53.

Системное толкование нововведений, регулирующих процедуру привлечения к субсидиарной ответственности позволяет сделать вывод, что за основу данных нововведений была взята англо-саксонская доктрина «снятия корпоративной вуали» или, как ее еще называют, «прокалывания корпоративных покровов» (от англ. lifting / piercing the corporate veil), зародившаяся в странах англо-саксонской системы права как способ решения проблемы злоупотребления общепринятым принципом ограниченной ответственности корпорации. Она основывается на возможности привлечения к ответственности по обязательствам компании контролирующее ее лицо, будь то физическое или юридическое. По сути, «снятие корпоративной вуали» означает, «что суд для целей определенного спора признает, что компания не является отдельным субъектом права от контролирующего ее лица, таким образом, передавая этому лицу ее права или, что чаще встречается, обязательства».²

Вышеуказанные меры дали свои результаты, согласно статистике, опубликованной в статистических бюллетенях ЕФРСБ за последние годы, число заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности неуклонно растет, даже несмотря на пандемию, замедление экономической активности и временно введенный мораторий на банкротство. В 2018 году рост количества заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности составил 40 %, по сравнению с предыдущим годом, в 2019г. рост составил 20%, а в 2020 - 8,7 %, при этом показатели продолжали расти и в 2021 году.³ Стоит также отметить, что процент удовлетворенных заявлений также неизменно растет.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.07.2014 № 1385-р " Об утверждении мероприятий ("дорожная карта") "Совершенствование процедур несостоятельности (банкротства)" // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4440.

² Батыршина К.А. Применение доктрины "снятия корпоративной вуали" в условиях российского права Стр. 43 // Юрист. – 2015. – № 24. – С. 41 - 45

³ Статистический бюллетень ЕФРСБ за 2020 год. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/D0%BD%D1%8C%20%D0%95%D0%A4%D0%A0%D0%A1%D0%91%2031%20%20%B1%D1%80%D1%8F%202020.pdf>

Данная статистика у многих цивилистов вызывает опасение, ведь в случае дальнейшего развития законодательства о банкротстве в сторону упрощения привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, значение юридического лица как обособленного участника гражданского оборота фактически нивелируется.

В соответствии с Гражданским кодексом под юридическим лицом понимается организация, которая действует в гражданском обороте от своего имени и имеет обособленное имущество, которым оно отвечает по своим обязательствам.¹

Легального понятия же определения субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства на данный момент не существует. Общее определение субсидиарной ответственности можно сформулировать опираясь на содержание статьи 399 Гражданского кодекса Российской Федерации, как дополнительную ответственность, которую несет лицо в случае отсутствия удовлетворения, отказа от удовлетворения или же отсутствия ответа на требование об удовлетворении основного должника перед кредитором.

Исходя из системного толкования норм, содержащихся в Федеральном законе "О несостоятельности (банкротстве)" можно вывести определение субсидиарной ответственности в процессе несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации.

Субсидиарная ответственность в процессе несостоятельности (банкротства) - ответственность, накладываемая арбитражным судом на контролирующих должника лиц, при наличии оснований, предусмотренных Законом о банкротстве.

При этом под контролирующими должника лицами понимаются физические или юридические лица, имевшие возможность давать должнику обязательные для исполнения указания или иным образом определять его действия.²

Для признания лица контролирующим не обязательно наличие формально-юридических признаков аффилированности, суд учитывает степень вовлеченности в процесс управления должником. Также учитывается контроль, имевший место в период, предшествующий фактическому возникновению признаков банкротства, а также после данного периода.

Закон о банкротстве устанавливает правовые презумпции при определении контролирующих должника лиц. Пока не доказано иное, контролирующими должника лицами являются:

- руководитель должника, в том числе и номинальный руководитель
- управляющая организация,

¹ Ст. 48 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301

² п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 N 53 "О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве"

- ликвидатор, или член ликвидационной комиссии
- держатель контрольного пакета голосующих акций,
- лицо, обладающее более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица

- лицо, имеющее право назначать (избирать) руководителя должника
- выгодоприобретатель по сделкам, вытекающим из незаконного или недобросовестного поведения лиц, указанных в пункте 1 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

- бухгалтер, на основании п. 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве

Круг оснований для признания лица в качестве контролирующего является открытым, арбитражный суд может признать любые другие основания, например, неформальные личные отношения, такие как совместное проживание, длительная совместная рабочая деятельность.

В качестве оснований для привлечения руководителя должника и иных контролирующих лиц к субсидиарной ответственности Закон о банкротстве устанавливает следующие случаи:

- невозможность полного погашения требований кредиторов;
- неподача (несвоевременная подача) заявления должника;

В первом случае ответственность наступает за их недобросовестные действия, бездействие в результате совершения которых требования кредиторов не могут быть погашены в полном объеме. Для привлечения лица к субсидиарной ответственности по данному обстоятельству необходимо доказать следующую совокупность обстоятельств:

- Наличие у привлекаемого лица статуса контролирующего должника
- Факт недобросовестных действий (бездействия), которые явились причинами наступления банкротства должника.

- Наличие вины привлекаемого лица. При этом наличие вины должника презюмируется.

- Наличие причинно-следственной связи между совершенным действием и наступившими последствиями в виде недостаточности имущества (банкротства).

Во втором случае субсидиарная ответственность налагается судом за неисполнение обязанности контролирующих должника лиц по обращению в арбитражный суд с заявлением о несостоятельности (банкротстве), в течении месяца при возникновении обстоятельств, свидетельствующих о наличии признаков банкротства у должника.

Одним из основных обстоятельств, входящих в предмет доказывания по данным делам является момент возникновения обязанности по подаче заявления Должника. Согласно разъяснениям, данным Верховным судом такое заявление должно быть подано в суд, когда активы должника не имеют потенциала к росту, а пассивы напротив регулярно увеличиваются, и такой разрыв не может быть восстановлен за счет реабилитационных мероприятий или внешних источников. При этом осознание руководителем этой диспропорции и ее критического (для должника) характера носит

субъективный характер – определяется в каждом конкретном случае, исходя из информированности руководителя о состоянии собственных активов, конъюнктуры рынка, возможности привлечения внешнего финансирования¹.

Законом о банкротстве предусмотрена ответственность за нарушение банкротного законодательства, а также за убытки, причиненные должнику, по основаниям, предусмотренным корпоративным законодательством. Однако в данных случаях ответственность выражается в форме возмещения убытков, причиненных такими нарушениями, т.е. ответственность ограничивается лишь фактическими убытками должника, в то время как субсидиарная ответственность предполагает обязанность либо оплатить все неудовлетворенные требования кредиторов, либо их часть (в случае несвоевременной подачи заявления).

Таким образом, действующее законодательство о банкротстве содержит очень широкий круг лиц и оснований привлечения к субсидиарной ответственности. При этом размер субсидиарной ответственности может достигать баснословных чисел. Так в 2019 году решением Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-163846/2016 к субсидиарной ответственности были привлечены контролирующие должника лица на рекордную сумму 41,5 млрд. руб. Привычным делом также является накладываемая субсидиарная ответственность, исчисляемая миллионами рублей.²

Лица, привлеченные к субсидиарной ответственности, как правило, не в состоянии расплатиться по долгам в связи с недостаточностью имущества. Несмотря на это Закон о банкротстве содержит положение о запрете на списание субсидиарной ответственности при личном банкротстве.

Таким образом, лицо, имеющее задолженность, которую оно неспособно погасить, не будет добросовестно трудиться и постепенно погашать задолженность, а будет вынуждено уйти на теневой рынок экономики и различными способами скрывать свое имущество от взыскания. В свою очередь это будет делать бессмысленным сам институт субсидиарной ответственности в данном случае.

Постоянное увеличение количества лиц привлеченных к субсидиарной ответственности за последние годы ведет к росту числа таких граждан, неспособных погасить имеющуюся задолженность, что обуславливает необходимость проработки механизма погашения (реализации) субсидиарной ответственности.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.07.2017 N 309-ЭС17-1801 по делу N А50-5458/2015. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20072017-n-309-es17-1801-po-delu-n-a50-54582015> (дата обращения: 16.01.2022).

² Решение Арбитражного суда города Москвы по делу № А40-163846/2016 от 25 ноября 2019г. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/cd9d8fa4-3a86-4785-b55e-77f64b4a85dd/fa692dc3-33ea-4dc5-ad9d-894d21a947f8/A40-163846-2016_20191125_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 16.01.2022).

При разработке механизма погашения субсидиарной ответственности, допустимо предусмотреть некоторые ограничения для таких граждан, претендующих на освобождение, например:

1) доход гражданина в течение трех лет до даты освобождения от обязательств по субсидиарной ответственности не превышал, предположим, пятидесяти тысяч рублей в месяц;

2) гражданин в течение трех лет, предшествующего освобождению от обязательств по субсидиарной ответственности, не совершал безвозмездных сделок по отчуждению имущества, стоимость которого в совокупности превышает, предположим, триста тысяч рублей.

Другим вариантом может быть такое регулирование: освобождение от субсидиарной ответственности может быть предусмотрено для тех лиц, которые в течение срока, установленного законом (например, 5 лет после завершения процедуры реализации имущества), добросовестно погашали требования по субсидиарной ответственности. Суд, проверив, что эти 5 лет гражданин добросовестно сотрудничал с судом и кредитором, может освободить от субсидиарной ответственности.

Еще одним вариантом решения проблемы может стать отмена нормы о запрете освобождения от субсидиарной ответственности, посредством личного банкротства гражданина, так как, зачастую после реализации имущества гражданина, у него не остается активов, необходимых для погашения долга.

Указанные меры будут способствовать лицу, привлеченному к субсидиарной ответственности воспринимать данную ответственность не как несправедливую, нескончаемую кару, а как меру ответственности, которую возможно погасить своими добросовестными (законными) действиями.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ ПО СОВОКУПНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Бузаева О.А. - магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и
криминологии Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Хмелевская Т.А.

Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»¹ - дополнил уголовный закон уголовно-правовой нормой, предусматривающей ответственность за торговлю людьми.

Как отмечают различные авторы, данный состав преступления крайне часто путают с рядом смежных (например, ст. 240, 241 УК РФ), так как в них

¹ Федеральный закон от 08 декабря 2003 г. №162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – №50. – Ст. 4848.

наличествуют схожие правоотношения и элементы состава преступления. Этот состав преступления сложен и многогранен, а правоприменитель при квалификации обязан учитывать каждое обстоятельство его совершения, наличие основных признаков, анализировать состав деяния и совокупность различных элементов составов преступлений.

Преступление, закреплённое в ст. 240 УК РФ, регулирует ответственность за совершение двух видов деяний – вовлечение в занятие проституцией и принуждение продолжать заниматься проституцией. Для разграничения данного состава преступления и торговли людьми необходимо определить цель противоправного деяния. Так, у торговли людьми основная цель – это эксплуатация, которая представлена в законе в качестве обязательного признака. Одновременно в статье 240 УК РФ такая цель отсутствует¹, как и в ст. 127.1 УК РФ, если речь идет о деяниях в форме купли-продажи.

При расследовании деяний, установленных статьей 240 УК РФ, указывается на то, что сфера деятельности преступников – это использование занятия проституцией или принуждение к ней в открытой форме, а статья 127.1 УК РФ – это вербовка человека в целях его эксплуатации, которая в том числе возможна для использования его для занятия проституцией, однако в скрытой форме, которая не опосредована для потенциального потерпевшего.

Следует обратить внимание, что у рассматриваемых составов преступления различен объект уголовно-правовой охраны. Если в первом случае – это общественная нравственность, то во втором случае – это общественные отношения, которые обеспечивают свободу человека.

В статье 240 УК РФ закреплена ответственность за принуждение к продолжению занятия проституцией. Использование потерпевшего для занятия проституцией фактически демонстрируют цель преступника – принуждать продолжать заниматься проституцией. Таким образом, преступник пресекает отказ принуждаемого заниматься проституцией и лишает его права на реализацию в полном объёме права на личную свободу. Возможный отказ потерпевшего лишает злоумышленника незаконного дохода и соответственно эксплуатации лица².

На основании вышеизложенного мы приходим к заключению, что действия по торговли людьми могут предшествовать исполнению деяния по ст. 240 УК РФ. Потерпевшего на первом этапе покупают или совершают иные действия в целях его дальнейшей эксплуатации, что определяет момент окончания деяния по ст. 127.1 УК РФ. Если в последствие потерпевший в

¹Душко Д.А. Особенности квалификации торговли людьми и отличие от вовлечения в занятие проституцией // Общество и право. – 2009. – № 3 (25). – С.114.

²Осокин Р.Б. К вопросу об отграничении составов вовлечения в занятие проституцией и организации занятия проституцией от состава торговли людьми. // Социально-экономические явления и процессы. – 2012. – № 12. – С.387, 388.

результате принуждения будет вовлечен в занятие проституцией, то действия лица следует квалифицировать по совокупности указанных выше статей.

Торговлю людьми необходимо ограничивать от такого состава преступления, как использование рабского труда, закрепленного в ст. 127.2 УК РФ. В научной литературе торговлю людьми нередко называют современной формой рабства, то есть формой торговли. Рабство схоже с вещным правом, ведь потерпевший является вещью и теряет свою свободу и возможность распоряжаться своими правами. Оба преступления находятся в одном разделе и в одной главе УК РФ, что позволяет сделать вывод о том, что их родовой и видовой объект является единым¹.

Непосредственный объект рабского труда уже, чем непосредственный объект торговли людьми. Различается и их объективная сторона, поскольку статья 127.1 УК РФ включает в себя совершение ряда альтернативных действий. Однако, при рабском труде лицо пользуется работами и услугами потерпевшего, обладает полномочиями, которые касаются права собственности над ним: владение, пользование, распоряжение. Таким образом, торговля людьми и использование рабского труда можно разграничить по объекту и объективной стороне, однако это не всегда возможно. Существует позиция, в рамках которой торговля людьми может быть рассмотрена как предпосылка к использованию рабского труда, в случае если целью совершения преступления в конечном итоге является именно эксплуатация труда потерпевшего, а не какие-то иные совершаемые им действия.

Торговля людьми также имеет схожий состав с похищением человека (ст. 126 УК РФ) или незаконным лишением его свободы (ст. 127 УК РФ). Данные преступления содержатся в одном разделе и в одной главе УК РФ, что вновь указывает на тождественность их видового и родового объекта.

Объективная сторона похищения человека – это завладение им, и перемещение его в место, для последующего удержания против его воли. Необходимо отметить, что торговля людьми тоже может быть связана с удержанием человека, но только с целью эксплуатации. Таким образом, торговли людьми и похищение человека осуществляется как путем активных действий, связанных с ограничением личной свободы лица. Однако, объективная сторона – это удержание потерпевшего помимо воли по указанным составам разграничивается по цели совершения².

Для правильной уголовно-правовой оценки исследуемых преступлений высшая судебная инстанция сформулировала правило квалификации, которое по нашему мнению, снимает все вопросы о соотношении ст. ст. 126, 127, 127.1 УК РФ. В ситуациях, когда купле-продаже человека либо совершению с ним иных действий, относящихся к торговле людьми,

¹Авдеев В.А., Авдеева Е.В. Спорные вопросы квалификации торговли людьми и использования рабского труда // Рос. юстиция. – 2013. – № 7. – С. 22.

²Ивашкин Д.В. Отграничение торговли людьми от смежных составов преступлений // Российский следователь. – 2008. – № 20. – С. 19

предшествовало похищение данного лица, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями статьи 126 и статьи 127.1 УК РФ. Незаконное лишение человека свободы в целях осуществления в отношении его действий, относящихся к торговле людьми, а равно незаконное ограничение свободы потерпевшего в процессе совершения указанных действий охватываются соответствующей частью статьи 127.1 УК РФ и не требуют дополнительной квалификации по статье 127 УК РФ¹.

Проведённый анализ продемонстрировал, что торговля людьми во многих случаях предшествует или сопрягается с совершением таких преступлений, как вовлечением в занятие проституцией, использованием рабского труда, похищением человека и незаконным лишением его свободы. Специфика конструкции объективной стороны требует установление совокупности преступлений в таких ситуациях.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА АРБИТРАЖА (ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА)

Бурбыга Н.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

Правовая природа арбитража носит дискуссионный характер. В настоящий момент в юридической доктрине принято выделять шесть основных подходов к определению природы третейского разбирательства: договорный (консенсуальный), процессуальный (публичный или юрисдикционный), смешанный (доктрина *suī generis*), автономная доктрина (*suī juris*), теория частного процессуального права (диспозитивно-процессуальная или общественно-процессуальная), теория деюридизации арбитража². Изучение правовой природы арбитража традиционно проводилось специалистами в области международного права. Это не могло не отразиться на содержании разрабатываемых теорий, что, в свою очередь, негативно сказалось на оценке внутреннего законодательства в области арбитража, поскольку авторы часто не учитывали национальную специфику того или иного правового института, пытаясь создать цельную и комплексную концепцию³.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» /КонсультантПлюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341379/ (дата обращения: 15.03.2022).

² Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. – СПб., 2007. – С. 5-19.

³ Ануров В.Н. Юридическая природа международного коммерческого арбитража. Вопросы теории и практики. – М., 2000. – С. 7.

Представители первого подхода (Ф. Мерлен, Ф. Клейн, В.В. Комаров, А.И. Муранов) считают, что арбитраж не подходит под понятие гражданского процесса. Он носит исключительно материальный характер и представляет собой заключение гражданско-правового договора, которому стороны априорно подчиняются¹. С.Н. Лебедев также замечает, что по мнению консенсуалистов, арбитражное соглашение и арбитражное решение рассматриваются как две части единого договора об арбитраже². Сущность арбитража заключается именно в согласовании воли сторон. Без такого консенсуса существование третейского разбирательства представляется невозможным.

Критика договорной теории строится вокруг того, что арбитражное соглашение не порождает гражданско-правовых последствий. Последствия его заключения следует относить к процессуальным, поскольку исключается возможность рассмотрения дела в государственном суде³.

Также отмечается, что гипотетическое единство воли сторон не находит своего отражения ни в процедуре, ни в арбитражном решении. Тем самым исключается консенсуальный характер арбитражного соглашения⁴.

Сторонники второго подхода (например, А. Пилле, Е.А. Виноградова, О.Ю. Скворцов) полагают, что арбитраж имеет процессуально-правовую природу, поскольку третейский суд создается для осуществления правосудия, разрешения спора и вынесения правосудного решения (т.н. теория «акта юрисдикции»)⁵. Арбитраж выступает лишь особой формой отправления правосудия⁶. Отправление правосудия осуществляется государством, но оно может разрешить заинтересованным лицам прибегнуть к помощи третейского суда, ограничив тем самым компетенцию государственных судов (т.н. теория «делегирования»)⁷.

Основная критика подобных воззрений состоит в том, арбитражное соглашение непосредственно не влечет процессуальных последствий. Кроме

¹ Каса И. Арбитраж (третейский суд) история создания и правовая природа // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 2 – С. 274.

² Лебедев С.Н. Избранные труды по международному коммерческому арбитражу, праву международной торговли, международному частному праву, частному морскому праву. – М., 2009. – С. 62-63.

³ Скворцов О.Ю. Дискуссии о правовой природе арбитража // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2017. – № 2. – С. 59-60.

⁴ Курс международного частного права в 3 т. Т.3: Учебник / Л.А. Лунц, Н. И. Марышева. – М., 1976. – С. 217.

⁵ Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. СПб., 2007. – С. 8.

⁶ Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). – СПб., 2015. – С. 55.

⁷ Международное частное право. Т. 3. Трансграничные банкротства. Международный коммерческий арбитраж. Международный гражданский процесс: Учебник / Л.П. Ануфриева. – М, 2001. – С. 141.

того, происходит отождествление публичного (государственного) гражданского процесса и третейского разбирательства¹.

Третий подход представляет собой своеобразный компромисс. Одним из первых его представителей является швейцарский юрист Дж. Саиссэ-Холл. С одной стороны, арбитраж имеет материально-правовой характер, поскольку он создается на основании соглашения сторон, а с другой – он одновременно носит процессуально-правовой характер, так как законность решения третейского суда определяется государством². Материальные и процессуальные аспекты арбитража взаимно дополняют друг друга, находятся в неразрывной связи.

Но подобный синтез вызвал острую дискуссию в научной среде. Основная критика строится вокруг того, что нет четкого разграничения материальных и процессуальных аспектов, а сама природа третейского разбирательства недостаточно разъясняется. Так, хорватские правоведы С. Оманович и С. Трива называют ее «квазимеханическим синтезом гражданско-правовых и процессуальных элементов». В.Н. Ануров указывает, что смешанная теория не должна строиться на просто сумме элементов³.

Автором автономной теории арбитража является французский ученый Ж. Рюбеллен-Девиши. Юридическая природа арбитража может быть понята исключительно из его пользы и тех гарантий, которые оно предоставляет. Арбитраж носит оригинальный характер и не может быть раскрыт через перечисление материальных и процессуальных аспектов⁴. Е.А. Виноградова считает, что в этой теории необходимо выделять несколько уровней: а) международно-правовой; б) национального законодательства; в) локальных правовых актов. На каждом из них существуют те или иные нормативные положения, постоянно взаимодействующие между собой. В результате выделяются наиболее эффективные и полезные правила третейского разбирательства⁵.

С.А. Курочкин критикует подобный подход к определению природы третейского разбирательства, поскольку автономная теория была разработана исключительно для целей международного коммерческого арбитража, а

¹ Севастьянов Г.В. Правовая природа третейского разбирательства как института альтернативного разрешения споров (частного процессуального права). – СПб., 2015. – С. 55-56.

² Каса И. Арбитраж (третейский суд) история создания и правовая природа // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 2. – С. 275.

³ Севастьянов Г.В. Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. – 2017. – № 9. – С. 4.

⁴ Скворцов О.Ю. Дискуссии о правовой природе арбитража // Вестник международного коммерческого арбитража. – 2017. – № 2. – С. 63-64.

⁵ Виноградова Е.А. Правовые основы организации и деятельности третейского суда: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1994. – С. 22.

поэтому не может учитывать специфику национального законодательства о третейских судах¹.

В теории частного процессуального права (В.Н. Тарасов Г.В. Севастьянов) утверждается, что третейский суд не осуществляет правосудие. Процессуальная форма государственного судопроизводства строится на императивных началах, которые определяются федеральным законодательством. А в определении процессуальной формы третейского разбирательства основное участие принимают стороны арбитража и арбитры, которые согласовывают эту форму в арбитражном соглашении, регламентах арбитражного учреждения.² Форма арбитража не является неизменной, а может быть подвергнута изменениям в последующих соглашениях заинтересованных сторон (например, может допускаться обращение к иностранному праву). Здесь преимущественно отслеживается диспозитивное начало правового регулирования³.

По нашему мнению, недостаток этого подхода заключается в переоценке диспозитивных начал третейского разбирательства. Теория активно разрабатывалась во времена действия Федерального закона от 24 июля 2002 года № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации»⁴. Но впоследствии тот же Г.В. Севастьянов отмечал, что реформирование третейского разбирательства выявило тенденции по «судоизации» арбитража, которые проявляются в усилении императивных начал (введение разрешительного порядка создания постоянно действующих арбитражных учреждений, усиление государственного содействия деятельности третейских судов и т.д.)⁵.

Практически единственным сторонником теории деюридизации арбитража выступал французский юрист Р. Давид. Он считал, что арбитраж не относится к правовой сфере. Этот институт выступает антагонистом права. Следовательно, правоведы должны отказаться от уяснения сущности арбитража, исходя из его неправового характера⁶. Но данная концепция не была подробно разработана даже в трудах самого Р. Давида. А основная критика, по нашему мнению, состоит в том, что невозможно отрицать правовую природу арбитража.

¹ Курочкин С.А. Третейское разбирательство гражданских дел в Российской Федерации: теория и практика. – СПб., 2007. – С. 12.

² Севастьянов Г.В. Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. – 2017. – № 9. – С. 13-15.

³ Третейский процесс: Учебное пособие / В. Н. Тарасов. – СПб., 2002. – С. 18.

⁴ Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 8 декабря 2020 г. № 429-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3019.

⁵ Севастьянов Г.В. Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. – 2017. – № 9. – С. 18-23.

⁶ Арбитраж (третейское разбирательство) в Российской Федерации: Учебник / О.Ю. Скворцов. – СПб., 2019. – С. 70.

Таким образом, в развитии правовых воззрений на природу третейского разбирательства можно проследить два исторических периода. Первый связан с раскрытием сущности арбитража с опорой на наиболее значимые положения гражданского и процессуального права. Начало второго определяется, с одной стороны, в непрекращающейся дискуссии между сторонниками различных теорий арбитража, а с другой – поиском единого представления о природе арбитража либо констатацией автономии арбитража без конкретизации правового содержания¹.

Наиболее перспективной нам представляется смешанная теория, поскольку синтез разнонаправленных подходов к определению природы арбитража позволяет наиболее полным и понятным способом описать его материальную и процессуальную сущность, не вдаваясь в дальнейшие научные дискуссии, которые ведут лишь к непрекращающимся спорам и разногласиям.

СОКРЫТИЕ ДОХОДОВ ИНОСТРАННЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ КАМПАНИЙ В ЦЕЛЯХ УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ

Бутаева Л.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры административного и
финансового права оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА) к.ю.н. Глебова Ю.И.

В последние годы проблема использования различных схем налогового планирования с целью уклонения от налогов приобрела глобальный характер. Так, потери бюджетов стран ежегодно составляют огромные цифры: Италия – 9 млрд. евро; Германия – 1,25 млрд. евро и т.д. По сравнению с указанными странами в России показатели ниже и составляют 0,72 млрд. евро.

В целях противодействия уклонению от уплаты налогов на международном уровне была принята Типовая конвенция ООН «Об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами» 2013г., которая применяется в отношении резидентов договаривающихся государств применительно к налогам на доходы и капитал. Как следует из нее: «общие цели двусторонних налоговых договоров включают защиту налогоплательщиков от двойного налогообложения с целью усиления потока международной торговли и инвестиций и передачи технологий»². Страны «Большой двадцатки»

¹ Севастьянов Г.В. Теория частного процессуального права vs «судоизация и материализация арбитража» // Закон. – 2017. – № 9. – С. 3.

²Типовая конвенция Организации Объединенных Наций об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами. Введение ст. 6 Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 2013 год

одобрили план BEPS, который заключается в разработке действий по борьбе с размыванием налоговой базы и выводом прибыли из-под налогообложения¹. Таким образом, на международном уровне проводится регламентация способов противодействия уклонению от уплаты налогов. Кроме того, немаловажную роль в данном вопросе играют акты национального законодательства.

Исходя из международной практики, основными формами уклонения от уплаты налогов и сборов являются:

- финансовые сделки, заключенные по нормам английского права;
- регистрация российских компаний в офшорных юрисдикциях;
- создание филиалов, представительств или холдинговых компаний в странах с мягкой налоговой системой;
- ведения искусственного бухгалтерского учета;
- трансферт цен (установка цен, которые не соответствуют рыночной стоимости);
- стратегии stepping-stone;
- создание обществ-убежищ (societe-ecran);

По результатам проведенного исследования, по нашему мнению, выделяются следующие проблемы, существующие в данной сфере:

- 1) недостаточный обмен налоговой информацией между органами государств;
- 2) отсутствие единого унифицированного акта, регламентирующего порядок взаимодействия органов власти на международном уровне;
- 3) несогласованность действий в органах национального и международного налогового контроля.

В настоящее время решается первая проблема. Во-первых, фундаментом выступает Многостороннее соглашение компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией (далее – МСАА) от 29 октября 2014 г., во-вторых, немаловажным правовым актом в данном вопросе является Директива Европейского союза 2014/107 для обмена информацией между государствами-членами Европейского Союза «Единый стандарт отчетности по автоматическому обмену информацией о финансовых счетах» (далее – CRS) от 9 декабря 2014 г., применяемому на международном уровне. В рамках рассматриваемого автоматического обмена между компетентными органами, задействованной юрисдикции, к ним поступает от финансовых национальных учреждений информация относительно наличия и состояния счетов физических и юридических лиц, являющихся резидентами стран – участников CRS/МСАА.

Решение второй проблемы, по нашему мнению, представляется довольно затруднительным, поскольку все страны имеют свои особенности, обусловленные историческим развитием.

¹ Шелепов А.В. Проект BEPS: глобальное сотрудничество в сфере налогообложения // Вестник международных организаций. – 2016. – Т. 11 (№ 4). – С. 37.

В 2018 году Верховный Суд РФ неоднократно указывал, что Комментарии к Модельной налоговой конвенции ОЭСР являются "одним из средств толкования международных соглашений об устранении двойного налогообложения". Подобная локализация безусловно способствует большей определенности места Комментариев в иерархии источников права (средств толкования).

В то же время представляется вполне очевидным, что положения Комментариев в любом случае не могут использоваться для толкования положений международных налоговых договоров. Поэтому необходимо создание единого акта, позволяющего регулировать налоговые взаимоотношения государств.

Что касается третьей проблемы, то она вытекает из первых двух. Поскольку согласованность органов может быть достигнута только с созданием единого унифицированного акта и полноценным обменом информации между странами.

Решение данной проблемы мы видим во внесении изменений в уже существующие соглашения об избежании двойного налогообложения. Наше предложение заключается в добавлении в них положений о проведении контрольных процедур, в целях их соблюдения. Налоговые органы стран соглашения должны иметь возможность проводить совместные контрольные мероприятия на своих территориях с целью выявления и противодействия уклонению от уплаты налогов.

Таким образом, на основании проведенного исследования мы выявили проблемы, существующие в сфере международного уклонения от уплаты налоговых платежей и попытки их решения и регулирования, а также определили пути их преодоления. Мы, в свою очередь, для решения этих проблем предлагаем следующее, в целях осуществления эффективного противодействия уклонению от уплаты налогов, необходимо чтобы все страны в полном объеме предоставляли оперативную информацию о проводимых финансовых операциях. Для этого целесообразно обязать всех участников Многостороннего соглашения компетентных органов об автоматическом обмене финансовой информацией в обязательном порядке и в полном объеме предоставлять информацию, поскольку, как было выяснено в ходе исследования, данный вопрос пока не решён. Кроме того, существует потребность в конкретизации положений соглашений об избежании двойного налогообложения, в части определения контрольных мероприятий за их соблюдением. Все это, по нашему мнению, будет способствовать более эффективному противодействию уклонению от уплаты налоговых платежей.

СООТНОШЕНИЕ ИМПЕРАТИВНЫХ И ДИСПОЗИТИВНЫХ НАЧАЛ В КОРПОРАТИВНОМ ДОГОВОРЕ УЧАСТНИКОВ ОБЩЕСТВ С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ В РФ

Бутенко Г.А. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Залавская О.М.

Корпоративный договор в реалиях существующего времени позволяет урегулировать отношения участников.

Нормативное регулирование корпоративного договора ограничено парой статей в Гражданском кодексе и специализированных законах.

При этом термин корпоративный договор охватывает договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью и акционерное соглашение.

Как указано в ст. 67.2 ГК РФ¹, участники хозяйственного общества или некоторые из них вправе заключить между собой корпоративный договор об осуществлении своих корпоративных прав (договор об осуществлении прав участников общества с ограниченной ответственностью, акционерное соглашение), в соответствии с которым они обязуются осуществлять эти права определенным образом или воздерживаться (отказаться) от их осуществления, в том числе голосовать определенным образом на общем собрании участников общества, согласованно осуществлять иные действия по управлению обществом, приобретать или отчуждать доли в его уставном капитале (акции) по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств либо воздерживаться от отчуждения долей (акций) до наступления определенных обстоятельств.

С учетом положений ст. 67.2, подп. 1 п. 3 ст. 307.1 ГК РФ, а также гражданско-правовой природы корпоративного договора к спорам, связанным с корпоративными договорами, подлежат применению общие положения об обязательствах.

Определением Верховного Суда Российской Федерации от 14 апреля 2016 г. № 309-ЭС16-2453 по делу № А60-12804/2015 также подтверждена применимость к отношениям, вытекающим из корпоративного договора, норм договорного (общеобязательственного) права.

Может ли корпоративный договор являться смешанным договором, то есть регулировать, кроме отношений корпоративного участия и порядка осуществления участниками своих прав и обязанностей, иные отношения?

Несмотря на то, что заключение корпоративного договора предусматривает возможность участия определенного круга лиц,

¹ Мамагеишвили В.З. Преобладающий метод правового регулирования в корпоративном праве // Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве: Сб. ст. / Под ред. И. С. Шиткиной. - М.: Статут, 2017. -С. 20-29

представляется, что корпоративный договор может включать элементы иных договорных конструкций. На такую возможность, в том числе, указывает правоприменительная практика (Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11 апреля 2019 г. по делу № А40-118958/18, Определение ВС РФ от 8 ноября 2019 года 305-ЭС19-19443 по тому же делу).

Статьей 67.2 ГК РФ и ст. 32.1. Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» предусмотрено, что корпоративный договор является гражданско-правовой сделкой, носит гражданско-правовой характер и соответствует в полной мере предмету гражданского права, в круг регулируемых отношений которого входят корпоративные отношения (ст. 2 ГК РФ). В связи с этим к корпоративному договору применяются нормы гражданского законодательства о договорах и сделках, в том числе принцип свободы договора, установленный ст. 421 ГК РФ.

Учитывая определенные ограничения, установленные законодателем для правового регулирования, стоит отметить, что корпоративный договор не может регулировать любое правоотношение. Такие ограничения прямо поименованы в ст. 67.1 ГК РФ.

В то же время стоит признать, что целью заключения корпоративного договора является такое урегулирование правоотношений, которое не приведет к корпоративному конфликту в обществе или создаст благоприятную атмосферу для разрешения таких ситуаций.

По своей правовой природе корпоративный договор представляет собой легитимный инструмент для разрешения (недопущения) возможных конфликтов и разногласий между участниками общества в целях достижения главной цели деятельности коммерческой организации – извлечения прибыли и ее распределения между участниками¹:

1. порядок распределения прибыли общества;
2. порядок и условия продажи долей в уставном капитале общества;
3. порядок погашение возникших у общества расходов во исполнение решение общих собраний участников общества;
4. определение порядка по предложению кандидатур в избираемые органы управления;
5. голосование на общих собраниях определенным образом.

В целом, оценивая корпоративный договор как налагающий определенные ограничения на участников договора, стоит отметить, что такие ограничения не противоречат законодательству РФ.

Правовое содержание любого корпоративного договора заключается в том, что участники хозяйственного общества добровольно ограничивают

¹ Бирюков Д.О. Корпоративный договор как правовое средство диспозитивного регулирования корпоративных отношений // Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве: Сб. ст. / Под ред. И.С. Шиткиной. - М.: Статут, 2017. - С. 66-78.

объем принадлежащих им корпоративных прав и принимают на себя обязательства использовать данные права с учетом интересов других участников корпоративного договора. Таким образом, мнение, что любое условие корпоративного договора, ограничивающее права участника и/или ставящее реализацию этих прав в зависимость от волеизъявления других участников, является несостоятельной, противоречит буквальному содержанию норм права (ст. 8 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ "Об обществах с ограниченной ответственностью" (далее – Закон об ООО), ст. 67.2. ГК РФ) и общему смыслу данного правового института¹.

Механизмы регулирования в корпоративном договоре:

1. Неустойка

Неустойка как универсальный механизм ответственности за нарушение обязательства и при рассмотрении споров, вытекающих из корпоративных договоров, подчиняется общим правилам, актуальным является вопрос о возможности применения ст. 333 ГК РФ.

Взыскать неустойку будет невозможно, если будет установлен факт отсутствия нарушения. При этом при согласовании тех или иных условий участникам целесообразно отходить от принципа краткого изложения, поскольку отсутствие согласования формы поведения в суде может быть истолковано как отсутствие нарушения.

2. Условие о продаже (выкупе) доли по определенной цене при наступлении определенных условий.

Данное положение корпоративного договора позволяет при наличии намечающегося конфликта разрешить ситуацию с учетом интересов всех сторон.

При этом, учитывая, что сделки с долями подлежат нотариальному удостоверению, возникает вопрос о возможностях реального исполнения таких обязательств в будущем при наступлении соответствующих обстоятельств.

В данной ситуации подлежат применению особые правила о заключении договора, содержащего обязательство заключить сделку по передаче доли в уставном капитале.

Безусловно, нарушение императивных запретов, изложенных в законодательных нормах, приведет к признанию корпоративных договоров полностью или в части недействительными².

Таким образом, соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном договоре участников общества с ограниченной

¹ Буткова О.В. Применение положений о сделках, в совершении которых имеется заинтересованность: соотношение императивных и диспозитивных начал // Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве: Сб. ст. / Под ред. И.С. Шиткиной. - М.: Статут, 2017. - С. 47-65.

² Текутьев Д.И. Вознаграждение членов органов управления корпорации: соотношение императивного и диспозитивного регулирования // Соотношение императивных и диспозитивных начал в корпоративном праве: Сб. ст. / Под ред. И.С. Шиткиной. - М.: Статут, 2017. - С. 42-46

ответственностью соблюдает баланс между правами и обязанностями участников общества.

ПРОБЛЕМЫ УЧАСТИЯ ТРЕТЬИХ ЛИЦ В КОРПОРАТИВНОМ ДОГОВОРЕ

Бутенко Д.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н., доцент Залавская О.М.

Результатом реформирования гражданского законодательства касательно юридических лиц послужило внесение в ГК РФ положений, регулирующих правоотношения, которые вытекают из корпоративного договора (ст. 67.2 ГК РФ). В связи с этим в правовой доктрине возникли дискуссии о допустимости подобных соглашений и о последствиях их заключения.

В корпоративном договоре определяется порядок осуществления участниками юридического лица своих корпоративных прав. Разрешая вопрос о допустимости участия третьих лиц в корпоративном договоре нужно выяснить, допустимо ли вмешательство третьих лиц в процесс формирования воли участника юридического лица. Кроме того, нужно оценить какие последствия вызывает участие третьих лиц в корпоративном договоре как для самой корпорации в целом, так и для сторон корпоративного договора.

Сторонники теории, разрешающей участие третьих лиц в корпоративном договоре, подчеркивают, что участник юридического лица свободен в осуществлении своих прав, а также, что среди участников гражданского оборота корпоративный договор крайне востребован. Он может использоваться в целях защиты прав кредиторов¹, например, в случае привлечения корпорацией существенных кредитных ресурсов, и если у кредитора имеется соответствующий закону интерес в обеспечении своих прав, в том числе, путем получения права вето во время голосования при принятии участниками корпорации ряда ключевых решений, которые являются судьбоносными для корпорации (право запретить принятие решения о реорганизации, ликвидации корпорации, совершении каких-либо сделок, направленных на отчуждение всех или основной части активов корпорации)². Также кредитор может быть заинтересован в установлении запрета для участников юридического лица, являющихся сторонами

¹ Степанов Д.И., Фогель В.А., Шрамм Х.И. Корпоративный договор: подходы российского и немецкого права к отдельным вопросам регулирования // Вестн. ВАС РФ. – 2012. – № 10. – С.56.

² Степанов Д.И. Свобода договора и корпоративное право // Гражданское право и современность: сб. ст., посвященный памяти М.И. Брагинского /под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко. – М., 2013. – С. 231.

договора, на использование своего права на выход из корпорации в течение срока действия соглашения¹.

Кроме того, в заключении корпоративного договора с участниками юридического лица может быть заинтересован и будущий участник корпорации.

По нашему мнению, главным основанием допустимости участия третьих лиц в корпоративном договоре является влияние такого лица на формирование воли участника общества. По законодательству РФ участник корпорации свободен в осуществлении своих корпоративных прав. Данная свобода ограничена только двумя нормами ГК РФ: в обязанности участника не совершать действия, заведомо направленные на причинение вреда корпорации, и действия (бездействие), которые существенно затрудняют или делают невозможным достижение целей, ради которых эта корпорация создана (п. 4 ст. 65.2 ГК РФ). Следовательно, касательно других мотивов формирования своей воли участник корпорации свободен – он может голосовать по указанию своего друга, кредитора или кого-либо еще, и если это не причиняет вред обществу, то такой договор является правомерным.

Правомерный мотив, как и любые обстоятельства, не затрагивающие сделку, не искажают волю совершившего ее лица. На этом основано правило о несущественности мотивов при совершении сделок, заключенных под влиянием заблуждения. Воля лица осуществить сделку основывается на его желании достигнуть определенных правовых последствий (цель), а причина, по которой он желает достигнуть этих последствий, остается уже за пределами сделки (кроме случаев, когда мотив неправомерен).

В немецкой доктрине указывается, что в Германии существует запрет на заключение общего либо слишком широкого соглашения о голосовании, по которому право голоса участника фактически передается третьему лицу. В ином случае такой корпоративный договор через установление обязанности уплаты договорной неустойки за его нарушение или принудительных мер понуждения исполнения обязательства в натуре может привести к приобретению права голоса лицом, не являющимся участником корпорации, что, естественно, недопустимо².

Также, воздействие третьего лица на формирование воли участника при принятии решения должно быть ограничено принципом соблюдения интересов корпорации. Лицо, которое не является участником корпорации, не имеет заинтересованности в соблюдении прав общества, кроме того, оно не несет никакие риски, давая свои указания участнику, в связи с чем

¹ Глушецкий А. А. Реформа гражданского законодательства в части регулирования юридических лиц. Практический комментарий // Экономико-правовой бюл. – 2015. – № 3. – С.44.

² Wiedermann H. Verbandssouveranitat und ausseneinfluss. Gedanken zur Errichtung eines Bereits in einer Personengesellschaft // Gesellschaftsrecht und Unternehmensrecht: Festschrift für Wolfgang Schilling zum 65. S. 117

возникает опасность возможного нанесения вреда обществу¹. Такая расширенная формулировка закона, в соответствии с которой третьи лица имеют право участвовать в корпоративном договоре только с целью осуществления охраняемого законом интереса, порождает почву для различных злоупотреблений и нарушения прав учредителей (участников) корпорации². Более того, из-за ограниченного доступа к содержанию корпоративных соглашений очень сложно защитить интересы корпорации от подобных злоупотреблений.

В российской доктрине в отношении данных проблем обычно отмечается, что участник общества независимо от участия в корпоративном договоре может злоупотребить своими правами, осуществив их в противоречии с интересами корпорации. Следовательно, обычно предлагается просто проигнорировать проблему и решить ее по общему правилу – взысканием убытков с лица, намеренно нанесшего вред корпорации³.

Тем временем, в зарубежной доктрине данному вопросу уделяется особое внимание. Так, Г. Ведерман указывает, что соглашение о голосовании (Stimmbindungsvertrag) дает право третьему лицу оказывать влияние на осуществление деятельности корпорации, причем данное право основывается на очевидной оговорке о том, что, соблюдая обязанность голосовать, участник обязан и соблюдать права общества. Таким образом, участнику общества, связанному корпоративным договором, дается право на немотивированный отказ от такого соглашения в случае наличия уважительной причины, так как невозможно заранее предположить, какие именно обстоятельства могут стать основанием отказа.

Можно прийти к выводу, что проблема участия в корпоративном договоре третьих лиц заключается не в самой по себе допустимости или недопустимости такого участия, а в необходимости обеспечения защиты корпорации от возникновения возможных злоупотреблений со стороны третьих лиц в случае их участия в корпоративном договоре.

По нашему мнению, было бы целесообразно установить в законодательстве запрет на заключение корпоративных договоров общего характера, которые обязывают участника корпорации принимать корпоративные решения только в зависимости от указания лица, не являющегося участником общества. Также, для контроля над соблюдением сторонами корпоративного договора такого запрета целесообразно закрепить в гражданском законодательстве право юридического лица на раскрытие содержания корпоративного договора и характера осуществляемого с

¹ Богданов Е.В. Корпоративный договор как соглашение о коллективном осуществлении (неосуществлении) субъективных корпоративных прав // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 7. – С. 32.

² Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / под ред. Л. В. Санниковой. – М., 2015. – С.124.

³ Горбунов Е. Ю. О договорах «продажи голосов» третьим лицам // Вестн. ВАС РФ. – 2012. – № 9. – С. 76–84.

помощью него интереса, при наличии подтвержденного доказательствами предположения о том, что третье лицо имеет неправомерный интерес, участвуя в корпоративном договоре. При отказе в предоставлении такой информации корпорация, например, будет иметь право на обращение в суд с таким требованием. Если будет выявлен неправомерный интерес третьего лица, то корпоративный договор может быть признан недействительным в силу п. 2 ст. 168 ГК РФ как противоречащий п. 9 ст. 67.2 ГК РФ и интересам юридического лица.

ФОРМЫ УПРОЩЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Быкова М.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), д.ю.н., доцент Родионова О.М.

Процедуры упрощения судебного разбирательства в рамках цивилистических процессов направлены на оптимизацию судебного разбирательства за счет сокращения времени на рассмотрение бесспорных дел, уменьшение судебных издержек, ускорение порядка рассмотрения дела без применения сложной гражданской процессуальной формы. Данные изменения нацелены на реализацию судами задач арбитражного судопроизводства.

Отсчет истории своего развития упрощенные процедуры начинают с принятия в 1864 году Устава гражданского судопроизводства. На современном этапе развития процессуального законодательства нормы об упрощенных производствах впервые были закреплены в 1995 году в связи с введением в ГПК РСФСР глав, посвященных приказному и заочному видам производств. В Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - АПК РФ)¹ упрощенное производство впервые было введено в 2002 году. В дальнейшем в 2016 году, для унификации гражданского и арбитражного законодательства в АПК РФ были введены положения о приказном производстве, а в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – ГПК РФ)² – упрощенное производство.

Относительно правовой природы приказного производства и судебного приказа среди ученых-процессуалистов отсутствует единое мнение.

Так, существует точка зрения, по смыслу которой рассмотрение дел в порядке приказного производства является правосудием. Такого подхода

¹ СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

² СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

придерживаются Г.Л. Осокина¹, Г.А. Жилин². В обоснование этой позиции указывается, что выдача судебного приказа осуществляется исключительно судом в рамках процессуальной формы, которая при этом имеет определенные (и даже существенные) отличия по сравнению с исковым производством.

Напротив, Т.В. Сахнова³ указывает, что «судебный приказ ввиду его специфики не подчинен принципам гражданской процессуальной формы и принципам гражданского процесса». Автор рассматривает приказное производство как «особую судебную процедуру».

По мнению Н.А. Громошиной⁴, Д.А. Туманова⁵ деятельность по вынесению судебного приказа не относится к осуществлению правосудия, так как судебный приказ выносится при отсутствии гражданской процессуальной формы.

Д.А. Туманов, отказываясь признавать наличие процессуальной формы в приказном производстве, замечает, что процессуальная форма должна пониматься как система гарантий «...всего направленных на установление действительных обстоятельств дела и реальную защиту прав и интересов заинтересованных лиц и обеспечивающих безопасность от произвола, как со стороны суда, так и любых других лиц».

Но, по его мнению, в приказном производстве такая система гарантий отсутствует, так как ряд принципов судопроизводства (состязательности, гласности и др.) не действует.

Отсутствие единого мнения относительно сущности приказного производства, связано также с тем, что рассмотрение дел в порядке приказного производства основано только на беспорности возникших требований. При этом понятие беспорности ни в одном из процессуальных кодексов не раскрывается.

Относительно понятия беспорности в доктрине существуют различные точки зрения.

Так, О.Д. Шадловская⁶ отмечает, что беспорность «...подразумевает беспорность требований, беспорность доказательств и беспорность

¹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Особенная часть. – М.: НОРМА, 2007. – С. 335.

² Жилин Г.А. Цели гражданского судопроизводства и их реализация в суде первой инстанции: дис. ... докт. юрид. наук в форме научного доклада. – М., 2000. – С. 60 - 61.

³ Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2014. – С. 457 - 458.

⁴ Громошина Н.А. Дифференциация и унификация в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2010. – С. 41.

⁵ Туманов Д.А. Еще раз о том, является ли судебный приказ актом правосудия, или Размышления о сущности правосудия // Законы России: опыт, анализ, практика. –2016. – № 9. – С. 15.

⁶ Шадловская О.Д. Приказное производство как упрощенная форма гражданского судопроизводства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 22.

отношений, зависящих от конкретных обстоятельств и действий (либо бездействия) взыскателя и должника».

Наиболее точно о бесспорности дел, рассматриваемых в приказном производстве, сказала Е.В. Михайлова¹, указав, что бесспорность применительно к таким делам означает, что «...заявитель обладает необходимыми и а priori достоверными доказательствами, подтверждающими правомерность заявленного требования».

Обращаясь в суд за судебной защитой, лицо свободно в выборе способа защиты своих прав. Но в данном случае в выборе процессуальной формы действует императивный метод, так как отдельные категории дел, указанные в законе, могут быть рассмотрены только в порядке приказного производства.

Данный перечень, указанный в АПК РФ, является исчерпывающим (ст. 229.2. АПК РФ). В случае, если будет подано исковое заявление, но указаны требования, которые могут быть рассмотрены в порядке приказного производства, то заявление будет возвращено (ст. 129 АПК РФ).

Приказное производство, существующее долгое время в гражданском процессе, и теперь закрепленное в арбитражном процессе, имеет определенные сходства с упрощенным производством.

При этом, необходимо отличать два этих института.

В порядке упрощенного и приказного производства судебное заседание не проводится, что сокращает количество совершаемых процессуальных действий.

Категории дел, которые могут быть рассмотрены в порядке приказного производства, носят исчерпывающий характер, напротив, в упрощенном производстве, помимо категорий дел, указанных в АПК РФ законодатель закрепляет право сторон рассматривать иные дела, если это не противоречит исключениям, указанным в АПК РФ.

В порядке приказного производства рассматриваются бесспорные дела, и судебный приказ является исполнительным документом.

Напротив, упрощенное производство не исключает бесспорность правоотношений сторон. Каждая сторона должна раскрыть доказательства, предоставив их в суд и направив друг другу.

Отличается также порядок отмены судебного приказа и решения, вынесенного в порядке упрощенного производства.

Так, судебный приказ может быть отменен судом его вынесшим. Только при условии, если от должника в установленный процессуальным законодательством срок поступят возражения. В случае, если в установленный срок от должника не поступят возражения, то судебный приказ вступает в законную силу, и может быть обжалован только в суд кассационной инстанции. Решение, вынесенное по результатам упрощенного

¹ Михайлова Е.В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные): Монография. – М.: Проспект, 2017. – С. 145.

производства, может быть обжаловано в апелляционную, а в последующим в кассационную инстанцию.

Таким образом, и приказное, и упрощенное производство, имея одну общую цель – рационализацию и ускорение судебного процесса, обладают существенными отличиями и не могут быть отождествлены.

ПРЕДПОСЫЛКИ ПРАВА НА ИСК И ПРАВА НА ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ТРЕБОВАНИЯ О ВЫДАЧЕ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Васильченко А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (ст. 17 Конституции РФ¹). Данное декларативное положение раскрывается и действующим законодательством, в том числе – гражданским процессуальным, которое регламентирует различные виды гражданского судопроизводства. Так, приказное производство является самостоятельным видом гражданского судопроизводства, осуществляемым в строгом соответствии с гражданской процессуальной формой². Обусловлено это тем, что существенные признаки приказного производства имеют отличия от иных видов производств, в том числе от искового. Также, по требованиям, предусмотренным ст. 122 ГПК РФ³ закреплён приоритет приказного производства над исковым. Самостоятельность данных видов производств обуславливает наличие дискуссии о предпосылках права на предъявление требования о выдаче судебного приказа. В доктрине есть множество работ о предпосылках права на иск, но дискуссию о предпосылках права на обращение взыскателя с требованием о выдаче судебного приказа освещают не так часто. В юридической науке принято считать, что понятие «иск» произошло от слова «искать», в этой связи его можно интерпретировать как «поиск судебной защиты». Однако, чтобы "право искать защиты" было

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 01.07.2020 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

² Васильченко А. В. Правовая природа приказного производства и его место в гражданском процессе // Актуальные проблемы современного права: материалы научной конференции магистрантов. –Оренбург, 2021. С. 92.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 23 октября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 31 июля 2020 г. № 245-ФЗ). // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; Российская газета. – 2020. – № 171.

реализовано, необходимо наличие определенных процессуальных предпосылок¹.

Право лица на иск состоит из двух правомочий, а именно право на подачу иска (процессуальный аспект) и право на удовлетворение требований судом (материальный аспект). Представляется, что для получения надлежащей судебной защиты в приказном производстве также требуется наличие совокупности указанных правомочий. Их проверка осуществляется на разных этапах судопроизводства, в частности, право на предъявление требования устанавливается судьей при принятии заявления, то есть проверяется наличие или отсутствие процессуальных предпосылок. Как справедливо отмечает Е. В. Бунчеева, осуществление указанного права законодателем ставится в зависимость от наличия предпосылок, под которыми понимаются обстоятельства, наличие или отсутствие которых дает возможность человеку право обращаться в судебный орган на законных основаниях². А. А. Ференц-Соронский также предлагает право на предъявление требования связывать с наличием определенных минимальных условий, установленных законом, так называемых предпосылок³.

Одной из предпосылок права на предъявление иска закон называет процессуальную правоспособность лица, которое обращается в суд за защитой своих прав. В доктрине гражданского процесса общепринятым считается определение правоспособности, как способности (возможности) иметь гражданские процессуальные права и нести гражданские процессуальные обязанности⁴, содержание которого не умаляет общие положения ст. 36 ГПК РФ. Так как гражданская правоспособность появляется с момента рождения, а у юридических лиц с момента создания, то именно с этого момента лицо может быть стороной в деле.

Некоторые авторы стараются дать более точное определение гражданской процессуальной правоспособности, но при этом необоснованно сужают сферу действия указанного понятия, так как сводят правоспособность к способности быть стороной в процессе⁵. Одним из аргументов такой позиции выступает буквальное толкование ст. 36 ГПК РФ, которая содержит декларативное положение о том, что гражданская процессуальная правоспособность признается в равной мере за всеми гражданами и организациями, обладающими правом на судебную защиту. Данная авторская точка зрения кажется спорной потому, что в ней

¹ Свирин Ю.А. Процессуальные предпосылки права на предъявление иска // Современное право. – 2020. – № 2. – С. 51.

² Бунчеева Е.В. Предпосылки права на предъявление иска // Отечественная юриспруденция. – 2019. – № 6. – С. 16.

³ Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Т.2. – М.: Слово пресс, 1996. – С. 562.

⁴ Мохов А. А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации: Науч.-практ. комментарий (постатейный). – М., 2011.

⁵ Гражданский процесс: Учебник для вузов / Отв. ред. М. К. Треушников. – М., 2014 (автор главы – В. М. Шерстюк). – С. 48.

происходит необоснованное сужение гражданских процессуальных правоотношений до отношений, существующих только между сторонами, но такие правоотношения не возможны без участия суда и других участников процесса. Обусловлено это тем, что гражданские процессуальные правоотношения представляют собой общественные отношения, возникающие между судом и участниками процесса при отправлении правосудия по гражданским делам¹. Кроме того, в рамках таких правоотношений у сторон, суда и других участников гражданского судопроизводства возникают специфические права и обязанности, закрепленные процессуальным законодательством. Таким образом, можно сделать вывод, что декларативное содержание ст. 36 ГПК РФ о гражданской правоспособности необходимо толковать расширительно, так как содержание указанной нормы шире, чем ее фактическое изложение.

В свою очередь Д.А. Туманов и С.А. Алехина предлагают применять понятие гражданской процессуальной правоспособности только к лицам, имеющим материальный интерес в исходе дела, то есть к истцам, ответчикам и третьим лицам². Указанная позиция также представляется спорной ввиду того, что ГПК РФ называет других субъектов, помимо сторон и третьих лиц, способных иметь гражданскую процессуальную правоспособность. Кроме того, такой подход нивелирует границы между процессуальным и материальным аспектами права на предъявление требования. Обусловлено это тем, что при принятии заявления мировым судьей также устанавливается наличие процессуальной правоспособности лица, отсутствие которой влечет за собой процессуальное последствие (отказ в принятии заявления), а наличие материального интереса устанавливается и на этапе вынесения судебного приказа и влечет отказ в его выдаче.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что наиболее состоятельным является понятие гражданской процессуальной правоспособности, предложенное Н.В. Самсоновым, как способности (возможности) обладать гражданскими процессуальными правами, нести гражданские процессуальные обязанности и быть участником гражданских процессуальных правоотношений³.

Другой предпосылкой является возможность рассмотрения и разрешения дела в гражданском судопроизводстве. Указанная предпосылка обуславливает возможность рассмотрения гражданского дела компетентным судом общей юрисдикции и в равной степени распространяется и на дела, рассматриваемые в порядке приказного производства.

¹ Гражданский процесс: Учебник для вузов / Отв. ред. М. К. Треушников. – М., 2014 (автор главы – В.М. Шерстюк). С. 47.

² Туманов Д.А., Алехина С.А. К вопросу о правовом характере спора и правоспособности как предпосылках права на предъявление иска // Журнал российского права. – 2009. – № 12. – С. 95 – 105.

³ Самсонов Н.В. К вопросу о понятии и видах гражданской процессуальной правоспособности // Современное право. – 2018. – № 1. – С. 82.

Еще одна общая предпосылка связана с отсутствием вступившего в законную силу решения суда по спору между теми же сторонами о том же предмете и по тем же основаниям или отсутствие определения суда о прекращении производства по делу в связи с принятием отказа истца от иска или утверждением мирового соглашения сторон (п. 2 ст. 134 ГПК РФ). Следует отметить, что ни закон, ни постановление Пленума Верховного Суда РФ не содержит прямого указания на такую предпосылку как отсутствие вынесенного и выданного взыскателю судебного приказа, так как ст. 134 ГПК РФ говорит только о таком процессуальном акте как решение суда. Аналогично недопустимости наличия двух решений суда по тождественным делам, также недопустимо наличие двух судебных приказов по тождественным требованиям. В связи с этим, необходимо внести изменения в действующее законодательство и дополнить ч. 3 ст. 125 ГПК РФ пунктом 4 и изложить его в следующей редакции: «Имеется вступивший в силу судебный приказ по требованию между тем же взыскателем и должником, о том же предмете и по тем же основаниям».

Анализируя ранее изложенное, следует заключить, что общие предпосылки права на иск в равной степени применяются в отношении требования о выдаче судебного приказа. Представляется, что это обусловлено унификацией некоторых аспектов данных видов производств; ввиду установленного законом приоритета приказного производства над исковым. Кроме того, последствия несоблюдения указанных предпосылок идентичны как в исковом производстве, так в приказном, а именно – отказ в принятии заявления. Однако самостоятельность приказного производства обуславливает наличие специальных предпосылок, например, отсутствие спора о праве, подтверждаемое представленными документами и признаваемое самим должником; заявление требования предусмотренного ст. 122 ГПК РФ и нахождение должника или его места жительства на территории РФ. Последствием несоблюдения специальных предпосылок также является отказ в принятии заявления о выдаче судебного приказа.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА, КАК ИСТОЧНИК РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вернер О.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент

Черепанцева Ю.С.

Вопрос о понимании судебной практики как источника права, продолжает оставаться дискуссионным. При этом отметим, что в теории права известно три позиции по этому вопросу. Так, например, русский правовед Н.М. Коркунов говорил о судебной практике, как о

самостоятельном источнике права, отмечая, что при этом какое-либо принятое судом решение не должно становиться обязательным для будущего¹. Е.Н. Трубецкой также выделял судебную практику, как самостоятельный источник права, говоря о том, что такое значение ей было дано при подписании Судебных уставов 1864 года². Еще один государственный деятель К.Н. Победоносцев отрицал судебный прецедент, но признавал правотворчество судов на основе законодательства³.

Определению роли судебной практики способствует деятельность высших судов судебной системы Российской Федерации. Особенности трудового законодательства выражаются в том, что такими являются Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации.

В юридическом смысле, источник права – это форма выражения государственной воли. Следовательно, при применении судами норм законодательства происходит процесс конкретизации общих норм права.

Рассуждая о возможности признания судебной практики источником трудового права, следует отметить, что как суды первой инстанции при рассмотрении трудовых споров, так и высшие судебные органы при истолковании норм трудового законодательства и разъяснении их применения, вносят достаточный вклад для выработки правильного и единообразного применения данного законодательства.

Неоценима роль Конституционного Суда Российской Федерации, заключающаяся в деятельности по осуществлению судебной власти в целях защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере трудовых отношений. Конституционный контроль дополняет закон и завершает то, что им начато – правовое регулирование в соответствии с конституционно значимыми целями и задачами. Конституционный Суд РФ выступает реальным и действенным гарантом соблюдения субъективных прав сторон трудовых отношений, но при соответствующем содействии со стороны граждан и органов власти.

Так, многие нормы появляются благодаря его деятельности по отмене или изменению неконституционных норм трудового права. Многие нормы с незаконным ограничением прав граждан в сфере труда. Например, 18 июля 2013 года Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении № 19-П «По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы», проверяя на соответствие Конституции РФ положения Федерального закона от 23 декабря 2010 года № 387-ФЗ, пришел к выводу о незаконности

¹ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права (по изд. 1914 г.). - СПб., 2004. С. 361.

² Трубецкой Е.Н. Энциклопедия права. - СПб., 1998. – С. 132.

³ Марченко М.Н. Источники права. - М., 2005. – С. 379.

установления запрета на педагогическую профессию для некоторых граждан и обязал законодателя представить ограниченный перечень преступлений, которые влекут запрет на работу с детьми¹.

В некоторых случаях в целях реализации прав субъектов трудовых отношений Конституционный Суд РФ расширяет границы дискреции законодателя. В своем постановлении от 24 октября 2013 года № 22-П «По делу о проверке конституционности абзацев первого - восьмого статьи 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с жалобами Общероссийского профессионального союза работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства и Общероссийского профессионального союза работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации», суд постановил признать ст. 3 «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях» в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, – рассматриваются как устанавливающие закрытый (исчерпывающий) перечень видов профсоюзных организаций и их структурных подразделений и тем самым не позволяющие профсоюзам самостоятельно, исходя из стоящих перед ними целей и задач определять свою внутреннюю (организационную) структуру, в том числе создавать профсоюзные организации и структурные подразделения профсоюзных организаций, не упомянутые в данном Федеральном законе.

Примеры этих и многих других решений Конституционного Суда РФ свидетельствуют о том, что данный орган судебной системы своей деятельностью не только способствует совершенствованию правового регулирования трудовых отношений, выявляя несоответствие Основному закону нашей страны, но и формирует правовые позиции, которые становятся базой для деятельности нижестоящих судов.

Таким образом, Конституционным Судом Российской Федерации выявляются и устраняются пробелы правового регулирования. Он должен обобщенно подходить к формированию своей правовой позиции и выявлению смысла нормы, заложенного законодателем, применяя при этом сложившуюся судебную практику. Конституционный Суд Российской Федерации выступает реальным и действенным гарантом соблюдения норм трудового законодательства, но при соответствующем содействии со стороны граждан и органов власти.

В отношении роли разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации имеются различные точки зрения российских правоведов. Согласно ст. 2 Федеральному конституционному закону от 5 февраля 2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» одним из полномочий

¹ По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 3511 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К.Барабаш, А.Н.Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : постановление Конституционного суда РФ от 18 июля 2013 года № 19-П // Рос. газета. – 2013. – 31 июля.

Верховного Суда РФ является дача разъяснений по вопросам судебной практики на основе ее изучения и обобщения в целях обеспечения единообразного применения законодательства¹.

По мнению российского юриста Б.Н. Топорнина, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ – это акты законодательства, в которых можно обнаружить структуру правовой нормы. При этом он ограничивает компетенцию суда, видя ее в восполнении пробелов законов².

Формулировка некоторых понятий, не получивших закрепления в виде норм-дефиниций в Трудовом Кодексе РФ, осуществляется в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ путем раскрытия содержания через описание существенных признаков. Например, Пленум Верховного суда Российской Федерации от 29 мая 2018 года № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям», в п. 17 через перечисление основных признаков трудового отношения дает его определение: «К характерным признакам трудовых отношений в соответствии со [статьями 15](#) и [56](#) ТК РФ относятся: достижение сторонами соглашения о личном выполнении работником определенной, заранее обусловленной трудовой функции в интересах, под контролем и управлением работодателя; подчинение работника действующим у работодателя правилам внутреннего трудового распорядка, графику работы (сменности); обеспечение работодателем условий труда; выполнение работником трудовой функции за плату»³. Таким образом, законодатель принимает к сведению мнение, высказанное в судебных актах, путем обобщения правоприменительной деятельности судов, внося поправки в действующее законодательство.

Из вышесказанного следует, что в результате осуществления правосудия, судебные акты создают и вырабатывают ранее не существующие положения для регулирования конкретных правоотношений. То есть дают толкование и разъяснение действующих норм, устраняя пробелы права.

Но судебные акты не являются источником права в юридическом смысле, поскольку не вырабатывают правовые нормы, а лишь являются

¹ Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 N 3-ФКЗ (ред. от 02.08.2019) «О Верховном Суде Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019) // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_158641/ (дата обращения: 11.02.2022).

² Судебная практика как источник права / Отв. ред.: Топорнин Б.Н. - М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. – С. 5

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 N 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей - физических лиц и у работодателей - субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_299109/ (дата обращения: 11.02.2022).

одной из основ внесения изменений в действующее законодательство и создание новых норм права.

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБВИНИТЕЛЯ К УЧАСТИЮ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ С ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ

Власенко Н.А. – магистрант университета прокуратуры
Российской Федерации, г. Москва

Научный руководитель: заведующий кафедрой прокурорского надзора
за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и
участия прокурора в уголовном судопроизводстве Университета
прокуратуры Российской Федерации д.ю.н, профессор Халиулин А.Г.

В соответствии с Институт присяжных заседателей получил широкое распространение в связи с внесением в Уголовно-процессуальный кодекс поправок, фундаментальным образом меняющих правоприменительную практику данного института. На Всероссийском съезде судей Президентом РФ была высказана идея необходимости расширения суда присяжных заседателей до районного уровня судов. Указанные предложения были восприняты законодателем и нашли отражение в Федеральном законе от 23.06.2016 № 190 – ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей». Указанные поправки вступили в законную силу 01.06.2018.

Принятые поправки существенным образом сказались на деятельности прокурорских работников районного звена, поддерживающих обвинение, поскольку именно им теперь предстоит участвовать в данной категории дел.

Генеральный прокурор Российской Федерации обращает особое внимание на необходимость тщательной подготовки государственных обвинителей: «заблаговременно готовиться к судебному заседанию, беспристрастно оценивать совокупность имеющихся доказательств, продумывать тактику своих действий». В уголовном процессе с участием присяжных заседателей подготовка к судебным заседаниям выходит на совершенно иной уровень и требует особой кропотливости, повышенного внимания мелочам.

Сложность поддержания государственного обвинения перед коллегией присяжных заключается главным образом в том, чтобы убедить не искушенных в правовых вопросах людей – «судей факта» в обоснованности уголовного преследования подсудимого. Поэтому особое внимание стоит уделить именно доказательственной базе, тактике исследования доказательств, методике поддержания государственного обвинения.

На этапе изучения уголовного дела у государственного обвинителя должна сформироваться четкая позиция относительно инкриминируемого деяния обвиняемому, обвиняемым. При анализе уголовного дела необходимо

выделить и разделить доказательства по степени приоритетности, дать краткий анализ каждому доказательству, соотнести его с остальными, оценить на предмет относимости, допустимости, а в совокупности достаточности. С учетом того, что коллегия присяжных заседателей устанавливает факты, а не исследует правовые аспекты рекомендуется обратить внимание на доказательства, обладающие повышенными визуализационными (наглядными) эффектами. В первую очередь это орудия и средства совершения преступления. Поскольку присяжные заседатели не обладают полным объемом информации о результатах предварительного следствия, они оценивают лишь доказательства, изученные в их присутствии. Доказательства, обладающие наглядными эффектами оказывают существенное воздействие на присяжных – убеждая в обоснованности предъявленного обвинения и виновности подсудимого.

Рекомендуется заблаговременно подготовить тезисы вступительной речи, разработать клише по выступлениям в ходе судебного следствия, особое внимание уделить речи государственного обвинителя в прениях сторон.

Отдельным этапом подготовки предлагается проработывание плана формирования коллегии присяжных заседателей: подготовка вопросного листа для кандидатов в присяжные заседатели, подготовка основных критериев «отбраковки» кандидатов, подготовка критериев для возможного немотивированного отвода.

Учитывая особенности и сложности судебного процесса с участием присяжных заседателей видится необходимым при подготовке повторно изучить положения главы 42 УПК РФ, Федерального закона «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20.08.2004 № 113-ФЗ, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 № 23 (ред. от 15.05.2018) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей», Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», а также актуальную судебную практику. Безупречное знание норм права в данной области не позволит допустить нарушений федерального законодательства, способных привести к отмене приговора.

В заключение следует сказать, что от тщательности подготовки к судебному производству зависит результативность и эффективность обвинительной функции прокурора в уголовном процессе, а также возможности «импровизационного» устранения недоработок и ошибок органов предварительного следствия.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ АНАЛИЗА ТОВАРНЫХ РЫНКОВ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ АНТИМОНОПОЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Васякина И.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Традиционно вопросы анализа состояния конкуренции на товарных рынках являются центральными для антимонопольного регулирования. Без анализа товарного рынка невозможно провести ни одно антимонопольное разбирательство либо проанализировать последствия для конкуренции от каких-либо сделок (действий).

В современных условиях широкое распространение получили многосторонние рынки, однако отсутствует единое исчерпывающее понятие многостороннего рынка. Это порождает необходимость определять такие рынки в каждом конкретном случае, что вызывает определенные сложности. Выделяют следующие основные признаки многосторонних рынков: это рынок, на котором хозяйствующий субъект выступает в качестве платформы и продает продукты для разных групп потребителей, признавая, что спрос от одной группы клиентов зависит от спроса со стороны другой группы¹.

В настоящее время отсутствует понимание того, как правильно определять многосторонний рынок: необходимо ли определять единый рынок для всех сторон либо же определять свой рынок отдельно для каждой стороны платформы. Согласно исследованиям Организации экономического сотрудничества и развития определение единого рынка или определение отдельных рынков для различных сторон платформы являются одновременно жизнеспособными и правильными подходами до тех пор, пока анализ надлежащим образом учитывает взаимозависимость между различными сторонами, а также все соответствующие конкурентные силы на каждой стороне рынка².

Для правильного анализа состояния конкуренции необходимо изучить модели ценообразования на многосторонних рынках, в соответствии с которыми такие рынки классифицируются на трансакционные и нетрансакционные.

Отдельного внимания заслуживают многосторонние рынки - цифровые платформы. Однако стоит иметь в виду, что многосторонние рынки - это не всегда онлайн-платформы. Многосторонними могут признаваться и традиционные офлайн-рынки, например в качестве многостороннего рынка в Германии был определен рынок газет, а в качестве

¹ Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms // URL: <https://www.oecd.org/daf/competition/Rethinking-antitrust-tools-for-multi-sided-platforms.pdf> (дата обращения: 12.10.2021).

² Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms.

двух его сторон - покупатели и рекламодатели.¹

Важнейшей характеристикой многосторонних рынков, заслуживающей отдельного внимания, являются сетевые эффекты, которые также могут создавать ограничения для использования традиционных методов анализа рынка². Отмечается, что анализ таких эффектов даже важнее, чем само понятие многостороннего рынка³. Такие эффекты представляют собой воздействие, которое один пользователь товара оказывает на ценность этого продукта для других пользователей⁴.

Среди исследователей-экономистов, развивавших модель сетевой конкуренции, называют Майкла Л. Каца и Карла Шапиро. Со ссылкой на их работу "Сетевые внешние эффекты, конкуренция и совместимость" (1985 г.) выделяют односторонние и двухсторонние сетевые эффекты. При односторонних сетевых эффектах предполагается, что полезность потребителей продукта находится в непосредственной зависимости от общего количества потребителей, использующих данный продукт, т.е. от размера сети пользователей. При двухсторонних сетевых эффектах, характерных как раз для деятельности цифровых платформ, предполагается, что полезность потребителя зависит от доступности комплементарных данному благу товаров, которая, в свою очередь, зависит от количества потребителей этих товаров⁵

Наличие сетевого эффекта до XXI в. рассматривалось как непреодолимый барьер для входа на рынок и даже давало возможность относить рынок к естественным монополиям⁶. Однако, в настоящее время сетевые эффекты могут рассматриваться и как проконкурентное явление, так как могут повышать качество и ценность товара⁷. Несмотря на это, и в нынешних условиях сетевые эффекты могут признаваться фактором, ограничивающим конкуренцию. Однако, важно учитывать сетевые эффекты при анализе не только цифровых, но и традиционных рынков (например, рынки естественной монополии).

На сегодняшний день в юридическом сообществе проблема сетевых эффектов находит отражение в ключе нескольких понятий антимонопольного права. Так, В.А. Вайпан, анализируя программу

¹ Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms.

² Оценка состояния конкуренции на товарных рынках: правовые и экономические вопросы: монография / И.Ю. Артемьев, С.А. Пузыревский, В.В. Гриб [и др.]; отв. ред.: к. ю. н. А.В. Молчанов, д. ю. н. Д.А. Петров. – М., 2020. – С. 116.

³ Rethinking Antitrust Tools for Multi-Sided Platforms.

⁴ Записка Секретариата ЮНКТАД. Вопросы цифровой экономики // URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ciclpd54_ru.pdf (дата обращения: 11.10.2020).

⁵ Антимонопольная политика на связанных рынках: теория и практика / под ред. С.Б. Авдашевой, А.Е. Шаститко. – М., 2018. – С. 249

⁶ Сушкевич А.Г. Институты конкурентного права и новая экономика: как добиться соответствия // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2016. – N 3.

⁷ Антимонопольное регулирование в цифровую эпоху / под ред. Ю.А. Цариковского, А.Ю. Иванова, Е.А. Войниканис. – М., 2019. – С. 51.

"Цифровая экономика Российской Федерации" 2017 г.¹, указывает на необходимость разработки нормативного акта, направленного в том числе на приведение правил контроля экономической концентрации в соответствие с условиями цифровой экономики, в том числе в части концентрации больших массивов данных как средства монополизации и учета сетевых эффектов цифровых платформ². Далее, согласно связанной с обсуждением "пятого антимонопольного пакета" публикации на сайте ФАС России, указывается, что сетевые эффекты будут учитываться в определении хозяйствующего субъекта доминирующим и признании его таковым, даже если доля такого участника на рынке не превышает 35%³. Иными словами, признается, что сетевые эффекты могут оказывать влияние на общие условия обращения товаров и могут обеспечивать участнику рынка доминирующее положение.

Нетривиальный, на наш взгляд, вариант квалификации ситуации с сетевыми эффектами обнаруживает арбитражное дело Avito против Avto.ru. В рамках последнего заявитель, ООО "КЕХ eКоммерц", осуществляющее деятельность по оперированию и администрированию интернет-сайта avito.ru, именно через действие сетевых эффектов обосновывал направленность на получение преимуществ при осуществлении конкурентом, ООО "Яндекс. Вертикали", своей предпринимательской деятельности, связанной с управлением сайтом auto.ru. Иными словами, сетевые эффекты наряду с тем, о чем сказано выше, потенциально могут быть связаны с недобросовестной конкуренцией как признаками, ее образующими, согласно п. 9 ст. 4 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁴ (далее – Закон о защите конкуренции).

Представляется, что в условиях действующего правового регулирования, стоящего на пороге серьезных изменений, связанных с цифровизацией, такая постановка вопроса уже сейчас имеет весьма существенное значение для развития рынков цифровых платформ, в связи с чем далее предлагается подробнее остановиться на материалах указанного дела и проанализировать существующее на сегодняшний день представление о сетевых эффектах в структуре базовых признаков недобросовестной конкуренции.

Итак, поводом к обращению в ФАС России с заявлением о недобросовестной конкуренции послужили действия Auto.ru по массовому копированию объявлений о продаже подержанных автомобилей,

¹ Программа утверждена распоряжением Правительства РФ от 28 июля 2017 г. N 1632-р (документ утратил силу с 12 февраля 2019 г. в связи с изданием распоряжения Правительства РФ от 12 февраля 2019 г. N 195-р)

² Вайпан В.А. Основы правового регулирования цифровой экономики // Право и экономика. – 2017. – N 11. – С. 13.

³ Вызов принят: антимонопольное законодательство претерпит трансформации в ответ цифровой экономике - комментарий Пузыревского С.А. и Молчанова А.В. от 15 октября 2018 г. URL: <https://fas.gov.ru/publications/16697> (дата обращения: 02.10.2021).

⁴ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. – 2006. – N 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

опубликованных первоначально на сайте Avito. Такие объявления содержали в себе описание о продаваемом автомобиле в свободной форме, информацию технического характера, а также логотип Avito на фотографиях. Для того чтобы информация из объявлений Avito соответствовала условиям их публикации на Auto.ru, последним также совершались массовые обзвоны пользователей Avito, разместивших свои объявления, с целью уточнения скрытой на Avito информации. Указанные действия были квалифицированы заявителем в качестве нарушения ст. 14.8 и иных статей Закона о защите конкуренции. При этом в обоснование наличия недобросовестной конкуренции Avito ссылалось на то, что:

- действия Auto.ru противоречат законодательству, так как имеет место нарушение смежных прав Avito на базу данных, исключительных прав на товарные знаки, законодательства о рекламе и персональных данных;

- в части последствий Avito указывало на наличие убытков, связанных с оплатой входящих звонков на "подменные" номера, которые Avito предоставляет продавцам для размещения в объявлении вместо указания их реальных телефонных номеров, и на причинение вреда деловой репутации, поскольку действия конкурента по копированию объявлений приводили к массовым недовольствам со стороны пользователей;

- заявляя о направленности действий Auto.ru на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности, Avito ссылалось на то, что за счет скопированных объявлений формируется платный продукт "История размещения на Auto.ru", который приносит конкуренту доход, а кроме того, увеличение числа объявлений продавцов делает платформу более привлекательной для всех заинтересованных лиц по причине действия "сетевых эффектов".

В теоретическом аспекте направленность действий хозяйствующего субъекта на получение преимуществ в предпринимательской деятельности понимается в нескольких значениях. Одни отмечают, что это некая "объективная способность" представить преимущества, а сами преимущества означают такое превосходство над конкурентами, которое обеспечивает в том числе возможность увеличить размер получаемой прибыли по отношению к уровню прибыли при воздержании от указанных действий¹. Обратим внимание на то, что в данном случае отдельно не оговаривается, что такое превосходство получается исключительно за счет конкурентов в виде зеркального уменьшения прибыли последних, что вполне логично, иначе, по нашему мнению, стирается грань между данным признаком и последствиями недобросовестной конкуренции.

Другие полагают, что под направленностью действий на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности следует понимать лишь потенциальную возможность получения конкурентом указанных преимуществ. То есть реального получения

¹ Конкурентное право: учебник / под общ. ред. М.А. Егоровой, А.Ю. Кинева. – М.: Юстицинформ, 2018. – С. 297 (автор главы - Я.В. Складорова).

преимуществ при этом не требуется. Сами преимущества представляют собой превосходство над конкурентом (конкурентами), в частности в виде усиления положения субъекта на товарном рынке, привлечения дополнительных (обратим внимание - не факт, что тех же) потребителей, увеличения получаемой прибыли по отношению к размеру прибыли, которая могла быть получена им в случае добросовестного поведения¹

Суд, квалифицируя аргументы Avito как не доказывающие направленность действий Auto.ru на получение необоснованных преимуществ, в том числе заключение специалиста по оценке экономической природы бизнес-моделей, участниками которых являются онлайн-классифайды как площадки объявлений о продаже товаров и услуг для всех заинтересованных лиц, подчеркнул, что в отличие от последствий недобросовестной конкуренции направленность на получение преимуществ при осуществлении предпринимательской деятельности должна быть доказана, а не предполагаться.

Еще одним малоизученным явлением, которое необходимо учитывать при анализе рынка, являются большие данные (Big data) - динамически изменяющийся массив информации, представляющий собой ценность в силу своих больших объемов и возможности его использования для аналитики, прогнозирования и автоматизации бизнес-процессов². В условиях информационного общества большие данные являются важнейшим ресурсом многих крупных компаний, в связи с этим возникает множество антимонопольных аспектов их использования, которые находят свое отражение и в процессе анализа рынка³.

Как минимум в двух ситуациях большие данные могут нанести ущерб конкуренции, а именно: если они повышают барьеры для входа на рынок или если они снижают качество продукта⁴. Кроме того, использование хозяйствующими субъектами больших данных может отразиться и на правах потребителей, а потому их сбор и защиту можно оценивать и учитывать как элементы качества услуг, даже предоставляемых бесплатно⁵. Однако, необходимо отметить, что у всех потребителей разные предпочтения относительно конфиденциальности, поэтому оценка конкуренции на

¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону "О защите конкуренции" / отв. ред. И.Ю. Артемьев. – М., 2016. – С. 306 (авторы главы - Д.А. Гаврилов, Д.И. Серегин, Н.Н. Карташов).

² Савельев А.И. Направления регулирования больших данных и защита неприкосновенности частной жизни в новых экономических реалиях // Закон. – 2018. – N 5.

³ Katz M.L. Multisided Platforms, Big Data, and a Little Antitrust Policy // Review of Industrial Organization. 2019. N 51 (4). Pp. 695 - 716.

⁴ Wilson C.S. Op. cit.

⁵ OECD. Quality considerations in the zero-price economy // URL: [https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD\(2018\)135/en/pdf](https://one.oecd.org/document/DAF/COMP/WD(2018)135/en/pdf) (дата обращения: 11.10.2021).

основании конфиденциальности может быть затруднительной¹.

Использование больших данных имеет для потребителей и положительные стороны. Сбор сведений для коммерческих целей позволяет компаниям предлагать потребителям широкий спектр продуктов бесплатно². Иными словами, при согласии потребителя нести определенные издержки он может получить выгоду. Однако, здесь может возникнуть проблема сохранения конфиденциальности данных, а также вытекающий отсюда вопрос, должно ли конкурентное право вмешиваться в регулирование аспектов безопасности данных.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что традиционные инструменты анализа рынка не всегда способны надлежащим образом оценить состояние конкуренции. Проблемы возникают в связи с особым восприятием потребителей определенных товаров, развитием технологий, динамичностью инновационного процесса и, как следствие, размыванием границ рынка. Кроме того, количественные показатели рыночной власти утрачивают решающее значение, поскольку в современных условиях главным показателем является не рыночная доля, а способность компании к инновационному развитию.

В связи с этим в развитых правовых системах пересматриваются подходы к анализу состояния конкуренции на рынке, учитываются такие явления цифровой экономики, как сетевые эффекты и большие данные, приоритет отдается не механическому подсчету рыночных долей, а проводится полноценный экономический анализ, взвешиваются позитивные и негативные последствия действий хозяйствующих субъектов на рынке. Тем не менее многие проблемы остаются неразрешенными и требуют дальнейшего научного исследования.

Итак, в заключение отметим, что, несмотря на большое количество зарубежных публикаций по проблемам анализа состояния конкуренции в современных условиях и на разнообразие обсуждаемых в них вопросов, можно утверждать, что по большинству из них отсутствует единство мнений, в том числе по вопросу антимонопольного регулирования цифровых рынков. Это свидетельствует о том, что ни наука, ни практика пока не могут дать однозначных ответов на вызовы цифровой экономики в сфере анализа рынка³. В связи с этим имеется необходимость проведения дальнейших научных исследований по целому ряду проблем анализа состояния конкуренции на товарных рынках.

¹ Remarks of Commissioner Noah Joshua Phillips // URL: https://www.ftc.gov/system/files/documents/public_statements/1546405/phillips_-_paris_forum_9-13-2019.pdf (дата обращения: 11.10.2021).

² Ючинсон К.С. Большие данные и законодательство о конкуренции // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – N 1. – С. 230.

³ Gurkaynak G., Aktüre B. and Çoşkunoglu S. Challenges of the Digital Age: The Relevant Product Market Definition in Online and Offline Sales // URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3394903 (дата обращения: 15.10.2021).

УПРАВЛЯЮЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ, КАК ЕДИНОЛИЧНЫЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ОРГАН ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА И УСЛОВИЯ ЕЕ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Власов Д.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Марченко Т.В.

В настоящее время мы являемся свидетелями эпохи активного развития корпоративного права. В связи с этим, все чаще для управления хозяйственным обществом выбираются профессиональные участники рынка – организации, основной целью которых является организация стабильной и наиболее продуктивной работы управляемого хозяйственного общества. Привлечение управляющей организации в первую очередь преследует своей целью более эффективное руководство, так как управляющая организация может одновременно руководить несколькими корпорациями, что свидетельствует о большем опыте и наличии у такой организации профессиональных навыков в управлении юридическими лицами.

Статьей 65.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплено, что в качестве единоличного исполнительного органа в корпорации могут выступать как физические, так и юридические лица. Таким юридическим лицом, согласно абз. 3 п. 1 ст. 69 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ «Об акционерных обществах», может выступать коммерческая организация (управляющая организация). Похожее правило предусмотрено подп. 2 п. 2.1 ст. 32 Федерального закона от 8 февраля 1998 года № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», в силу которой совет директоров общества может принять решение о передаче полномочий единоличного исполнительного органа общества коммерческой организации или индивидуальному предпринимателю, утвердить такого управляющего и условия договора с ним¹.

К исключительной компетенции общего собрания участников относится принятие решения о передаче полномочий единоличного исполнительного органа общества другому хозяйственному обществу или индивидуальному предпринимателю согласно ст. 67.1 Гражданского кодекса Российской Федерации.

При этом, интересным представляется тот факт, что согласно подп. 2 п. 2.1 ст. 32 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» и п. 1 ст. 69 ФЗ «Об акционерных обществах» передача полномочий единоличного исполнительного органа возможна коммерческой организации, а согласно ст. 67.1 ГК РФ передача полномочий возможна

¹ Федеральный закон от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (ред. от 31 июля 2020 г.) // СЗ РФ. – 1998. – № 7. – Ст. 785; 2020. – № 31. – Ст. 5011.

хозяйственному обществу и. В данном случае видится противоречие норм Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью», Федерального закона «Об акционерных обществах» и Гражданского кодекса.

Согласно статье 53.1 ГК РФ лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, обязано возместить по требованию юридического лица, его учредителей (участников), выступающих в интересах юридического лица, убытки, причиненные по его вине юридическому лицу¹. При этом необходимо доказать, что указанное лицо действовало недобросовестно или неразумно, либо его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску.

Данное правило в юридической литературе является одним из примеров «проникновения за корпоративный занавес», «снятия корпоративных покровов»².

Согласно ст. 401 ГК РФ лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности. Лицо признается невиновным, если при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по характеру обязательства и условиям оборота, оно приняло все меры для надлежащего исполнения обязательства³.

При этом, специальное законодательство о хозяйственных обществах закрепляет, что управляющая организация может исполнять функции единоличного исполнительного органа, следовательно, на управляющую организацию распространяются нормы об ответственности, предусмотренные в ст. 71 Федерального закона «Об акционерных обществах», и соответственно ст. 44 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью».

Так, например, в п. 1 Постановления Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 30 июля 2013 года № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» управляющая организация или управляющий хозяйственного общества указаны наравне с директором и генеральным директором как единоличный исполнительный орган.

В свою очередь, в случае если в действиях управляющей организации, привлеченной к имущественной ответственности в качестве единоличного

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2021. – № 1. – Ст. 67.

² Шевченко Г.Н. Проблема «снятия корпоративных покровов» в Проекте изменений Гражданского кодекса РФ // Бизнес, менеджмент и право. – 2017. – № 1-2. С. 102.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // СЗ РФ. –1994. –№ 32. –Ст. 3301; 2021. –№ 1. – Ст. 67.

исполнительного органа, виновен ее директор (лицо, исполняющее обязанности единоличного исполнительного органа), то управляющая организация или ее участник, в свою очередь, могут привлечь к ответственности своего директора, если будет доказано, что он действовал неразумно, недобросовестно в отношении управляющей организации, которая в том числе обязана качественно осуществлять функции единоличного исполнительного органа управляемого общества¹.

Однако существуют некоторые особенности при определении ответственности управляющей организации. Так, например, ст. ст. 61.11, 61.12 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрена субсидиарная ответственность контролирующего должника при невозможности вследствие его действий и (или) бездействия погашения требований кредиторов. В данном случае возникает вопрос, кто несет субсидиарную ответственность, управляющая организация как юридическое лицо или физическое лицо (руководитель) управляющей организации, вследствие действия (бездействия) которого, возникла невозможность погашения требований кредиторов?

В п. 3 ст. 53.1 ГК РФ указано, что лицо, имеющее фактическую возможность определять действия юридического лица, обязано действовать в интересах юридического лица разумно и добросовестно и несет ответственность за убытки, причиненные по его вине юридическому лицу². В синтезе с п. 4 указанной статьи, в которой устанавливается солидарная ответственность в случае совместного причинения убытков юридическому лицу, можно сделать вывод об обязанности несли солидарно субсидиарную ответственность за невозможности полного погашения требования кредиторов.

Указанную позицию поддержал Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 5 постановления от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» указав, что если в качестве руководителя должника выступает управляющая компания, предполагается, пока не доказано иное, что контролирующими должника лицами являются как эта управляющая компания, так и ее руководитель, которые по общему правилу несут ответственность, указанную в статьях 61.11-61.13, 61.20 Закона о банкротстве, солидарно³.

Резюмируя изложенное, следует сказать, что институт привлечения управляющей организации для руководства хозяйственным обществом

¹ Корпоративное право: Учебник / Отв. ред. И.С. Шиткина. – М., 2019. – С. 277.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 11 июня 2021 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2021. – № 1. – Ст. 67.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2018. – № 3.

появился сравнительно недавно, именно поэтому наблюдается активное совершенствование норм, регулирующих указанные правоотношения. В последнее время можно проследить тенденцию унификации и единообразного применения норм о гражданско-правовой ответственности управляющих в корпоративных отношениях за причинение юридическому лицу убытков, что положительно отражается на развитии корпоративного права.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ, ВОЗНИКАЮЩИХ ИЗ ДОГОВОРА СТРОИТЕЛЬНОГО ПОДРЯДА

Воронцова А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Права и обязанности сторон по договору строительного подряда в целом также характерны для прав и обязанностей сторон в соответствии с общими положениями договора подряда без привязки к виду. Однако специфика объекта, а также проведение строительных работ требует дополнения прав и обязанностей особыми положениями. Данные положения предусмотрены законодателем в параграфе 3 главы 37 ГК РФ¹.

Поскольку результатом строительных работ является объект недвижимости, подлежащий передаче в собственность заказчика, на заказчика возлагается дополнительная обязанность своевременно предоставить для строительства земельный участок. Право собственности на созданный объект недвижимости может быть зарегистрировано лишь за лицом, владеющим земельным участком на законном основании, поэтому заказчик, заключая договор подряда на строительство здания, сооружения, должен обладать таким правом на земельный участок, на котором будет осуществляться строительство, и предоставить его подрядчику.

В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.07.2011 предусмотрено, что, если строительство осуществляется на земельном участке, принадлежащем лицу, осуществляющему строительство, с обязательством последнего передать готовый объект лицу, его оплатившему, то такой договор следует квалифицировать не как договор строительного подряда, а как договор купли-продажи будущей вещи².

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102039276> (дата обращения 17.12.2021).

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // СПС Консультант (дата обращения 17.12.2021).

Проведение строительных работ крупных объектов невозможно качественно выполнить без проекта. Отдельной законодательной регламентации требуют взаимоотношения сторон в связи с уточнением и изменением технической документации. Это связано с тем, что подрядчик должен выполнить большой объем строительных работ, параметры которых заданы графическими, расчетными, текстовыми материалами, это является его основной обязанностью.

Предполагается, что технической документацией охватывается весь комплекс работ по строительству, а в согласованной сторонами смете учтены затраты на все необходимые работы. Однако нередки случаи, когда в ходе строительства выявляются не учтенные в технической документации работы, и возникают дополнительные работы, требующие превышения затрат, а также соблюдения интересов сторон. Законодатель предусмотрел право заказчика вносить изменения в техническую документацию при условии, если вызываемые этим дополнительные работы по стоимости не превышают десяти процентов указанной в смете общей стоимости строительства и не меняют характера предусмотренных в договоре строительного подряда работ, о чем указывается в статье 744 ГК РФ. Внесение изменений в документацию в большем объеме возможно только на основании согласованной сторонами дополнительной сметы.

Подрядчик, обнаруживший в ходе строительства, не учтенные в технической документации работы и в связи с этим, необходимость проведения дополнительных работ, обязан сообщить об этом заказчику. Помимо этого, у подрядчика есть право требовать возмещения разумных расходов, которые понесены им в связи с установлением и устранением дефектов в технической документации.

Екатерина Борисовна Шмакова в своей работе отмечает, что сроки сообщения подрядчика о необходимости проведения дополнительных работ и увеличении сметной стоимости строительства законом не уставлены. Данная обязанность носит безусловный характер и не зависит от объема и стоимости дополнительных работ. Поскольку в статье 743 Гражданского кодекса Российской Федерации не устанавливается срок сообщения заказчику о необходимости выполнения работ и увеличения сметной стоимости строительства, то подрядчик обязан информировать об этом заказчика незамедлительно¹.

Это также подтверждается практикой. Высший Арбитражный суд в Определении от 20.12.2010 № ВАС-16538/10 указал: «Подрядчик, не выполнивший обязанности, установленной пунктом 3 статьи 743 Гражданского кодекса Российской Федерации, лишается права требовать от заказчика оплаты выполненных им дополнительных работ и возмещения

¹ Шмакова Е.Б. Права и обязанности подрядчика по договору строительного подряда: проблемные аспекты исполнения // Образование и право. – 2015. – № 9(73). – С. 306-313.

вызванных этим убытков, если не докажет необходимость немедленных действий в интересах заказчика.

Е.В. Богданов в своей монографии дает определение дополнительным работам. Это работы, которые выявляются в процессе деятельности и не учтенные в технической документации. Те работы, которые не предусмотрены сметой и возникли по недоработке подрядчика, также являются дополнительными, однако за них подрядчик не вправе требовать оплаты выполненных дополнительных работ, так как они возникли по его вине¹.

Также заказчику принадлежит право осуществлять контроль и надзор за ходом и качеством выполняемых работ, соблюдением сроков их выполнения, качеством предоставленных подрядчиком материалов, а также правильностью использования подрядчиком материалов заказчика, не вмешиваясь при этом в хозяйственную деятельность подрядчика. У заказчика возникает обязанность немедленно заявить подрядчику об обнаруженных отступлениях от условий договора, которые могут ухудшить качество работ, или иных недостатках.

Обязанность по организации и проведению приемки результата работ возлагается на заказчика, если иное не предусмотрено договором. Приемка законченного строительного объекта должна быть организована заказчиком в предельно короткий срок после получения от подрядчика сообщения о готовности результатов строительных работ к сдаче.

Если стороны в договоре не согласовали обязанность подрядчика извещать заказчика о готовности работы к сдаче, суд может по аналогии признать наличие у подрядчика этой обязанности.

Сдача-приемка объекта строительства оформляется актом, который подписывается обеими сторонами. Отказ стороны от подписания акта сдачи-приемки не исключает оформления сдачи объекта. Если подрядчиком выполнены работы надлежащего качества, акт с указанием допущенных недостатков с установлением срока для их устранения заказчиком не составлялся, доказательства, что обнаруженные недостатки исключают возможность использования результата работ и являются неустраняемыми, не представлены, то заказчик обязан подписать акт.

О.В. Макаров говорит об отрицательных последствиях для заказчика просрочки приемки объекта, так как, во-первых, это переносит на него риск случайного разрушения результата работ и, во-вторых, дает подрядчику право требовать возмещения понесенных убытков².

Таким образом, характерной особенностью договорных отношений по строительному подряду является сотрудничество сторон, которое здесь проявляется в значительно большей мере, чем в других подрядных

¹ Богданов Е.В. Договоры в сфере предпринимательства: монография. – Москва: Проспект, 2018. – С. 219.

² Макаров О.В. Содержание договора строительного подряда: соотношение прав и обязанностей сторон, проблемы, перспективы // Юрист. – 2017. № 3.

договорах. Нюансы при строительстве, сложность объекта и невозможность предусмотреть, какие дефекты могут возникнуть во время строительства, ведут к их правовой регламентации, необходимой для упорядочения действий сторон при возникших условиях.

ЗНАЧЕНИЕ МИНИМАЛЬНОГО РАЗМЕРА ОПЛАТЫ ТРУДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Войдер Е.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

к.ю.н. Беребина О.П.

Пандемия COVID-19 превратилась в беспрецедентный глобальный кризис экономики и рынка труда, от которого пострадали миллионы работников и предприятий.

Вопросам влияния пандемии на заработную плату работников, как изменилась минимальная заработная плата до и во время кризиса посвящен доклад МОТ «Заработная плата в мире в 2020-2021 гг. Заработная плата и минимальный размер оплаты труда в период пандемии COVID-19»¹.

В докладе подчеркивается, что кризис экономики и рынка труда, вызванный COVID-19, нанес ущерб социально незащищенным слоям населения, угрожая дальнейшим ростом неравенства. В этом контексте важную роль может сыграть адекватный минимальный размер оплаты труда, устанавливаемый правительствами стран мира. Это поможет защитить заработную плату работников от падения до неоправданно низкого уровня, предотвратить еще больший рост бедности и неравенства и способствовать экономической стабильности и восстановлению.

На степень, в которой минимальный размер оплаты труда может полностью реализовать свой потенциал, влияют несколько факторов:

- 1) широкий правовой охват и соблюдение законодательства о минимальном размере оплаты труда
- 2) адекватный уровень минимального размера оплаты труда.

Что касается получателей минимальной заработной платы, то примерно 327 миллионов работников во всем мире получают заработную плату на уровне минимального размера оплаты труда в своей стране или ниже. Это составляет около 19% работающих по найму в мире, включая 152 миллиона женщин.

Работники, получающие минимальную заработную плату или ниже, как правило, живут в обществах с более низкими доходами. Женщины,

¹ Global Wage Report 2020-21: Wages and minimum wages in the time of COVID-19. URL: <https://www.ilo.org/infostories/en-GB/Campaigns/Wages/globalwagereport#introduction> (дата обращения: 12.03.2022).

молодые работники (в возрасте до 25 лет), работники с более низким уровнем образования и сельские рабочие составляют огромную часть населения. Однако почти 80 процентов лиц, получающих заработную плату ниже минимальной, старше 25 лет, и почти у половины из них есть дети. Эти результаты различаются в зависимости от страны и региона.

Еще одним ключевым аспектом, который следует учитывать в связи с влиянием кризиса пандемии COVID-19 на заработную плату, является неравенство в оплате труда.

Учитывая, что сектора, которые больше всего пострадали от мер социального дистанцирования и необходимости оставаться дома, часто являются трудоемкими и низкооплачиваемыми, асимметричное воздействие кризиса COVID-19 может привести к увеличению неравенства в оплате труда. Об этом уже сообщили в некоторых странах: например, в Болгарии, Чехии, Эстонии, Греции, Литве и Люксембурге.¹ Кризис больше затронул низкооплачиваемых рабочих, чем других работников². Если принять во внимание более высокий рост заработной платы, зарегистрированный в государственном секторе, неизбежным результатом станет общее увеличение неравенства.

Минимальная заработная плата также должна регулярно корректироваться. За десять лет до кризиса только около 70% стран, по которым у МОТ есть данные, повысили реальную величину своей минимальной заработной платы.

После вспышки COVID-19 некоторые страны решили придерживаться запланированного повышения минимальной заработной платы, в то время как другие решили временно приостановить этот процесс.

В ближайшем будущем последствия кризиса COVID-19 для экономики и занятости, вероятно, продолжат оказывать сильное влияние на минимальный размер оплаты труда.

Адекватно сбалансированные корректировки заработной платы – как минимального размера оплаты труда, так и заработной платы выше существующего минимума — потребуются для сохранения рабочих мест и в то же время для защиты доходов работников и их семей.

Социальный диалог может способствовать тому, чтобы все работающие и нуждающиеся в защите получали справедливый минимальный размер оплаты труда. Так, подтверждение вышеперечисленных тезисов доклада МОТ о необходимости повышения минимального размера оплаты труда в современный кризисный период можно проследить и на примере Оренбургской области.

¹ Eurofound (2021), COVID-19: последствия для занятости и трудовой жизни, Издательское бюро Европейского Союза, Люксембург.

² Кубрич, М. (2020), «На передовой: защита низкооплачиваемых работников во время COVID-19», Психологическая травма: теория, исследования, практика и политика, Vol. 12, № С1, с. 186–187.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 06.12.2021) «О минимальном размере оплаты труда»¹ установлен минимальный размер оплаты труда с 1 января 2022 года в сумме 13 890 рублей в месяц.

В соответствии с Постановлением Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 2 июля 1987 г. N 403/20-155 «О размерах и порядке применения районных коэффициентов к заработной плате рабочих и служащих, для которых они не установлены, на Урале и в производственных отраслях в северных и восточных районах Казахской ССР»² на территории Оренбургской области применяется районный коэффициент к заработной плате рабочих и служащих предприятий, организаций и учреждений, расположенных в районах Урала в размере 1,15.

Таким образом, на территории Оренбургской области на данный момент устанавливается минимальный размер оплаты труда с учетом районного коэффициента 15 973,50 рублей. По сравнению с прошедшим 2021 годом показатель вырос на 8,6 % (12 792 рублей без учета районного коэффициента, с ним - 14 710,80 рублей). Рост минимального размера оплаты труда показывает желание законодателя поддержать социально незащищенные слои населения, успевать за уровнем инфляции.

Считаем, что особенное значение приобретает минимальный размер оплаты труда в условиях пандемии. Так, согласно официальным данным сайта стопкоронавирус.рф³ на 07 февраля 2022 года зарегистрировано 171 905 тысяч случаев заражения COVID-19 за сутки. Это показывает сложную эпидемиологическую обстановку в Российской Федерации.

Размер минимального размера оплаты труда влияет на установление минимального размера пособия по временной нетрудоспособности. Так, если размер заработной платы сотрудника за месяц в течение последних двух лет не превышал минимального размера оплаты труда, либо дохода не было совсем – пособие по временной нетрудоспособности начисляется исходя из минимального размера оплаты труда. Также это актуально и для молодых специалистов – в случае болезни, если страховой стаж составляет менее полугода, расчет выплат производится аналогично.

¹ Федеральный закон «О минимальном размере оплаты труда» от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 06.12.2021). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27572/ (дата обращения: 15.03.2022).

² Постановление Госкомтруда СССР и Секретариата ВЦСПС от 2 июля 1987 г. N 403/20-155 «О размерах и порядке применения районных коэффициентов к заработной плате рабочих и служащих, для которых они не установлены, на Урале и в производственных отраслях в северных и восточных районах Казахской ССР». URL: <https://base.garant.ru/12114074/> (дата обращения: 15.03.2022).

³ Официальный интернет-ресурс для информирования населения по вопросам коронавируса (COVID-19). URL: <https://стопкоронавирус.рф> (дата обращения: 15.03.2021).

Нельзя не согласиться с мнением МОТ и позицией отечественного законодателя – минимальный размер оплаты труда в условиях современного мира имеет большое значение.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО ГРАЖДАН НА МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ: ГАРАНТИИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Волченкова Т.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Васякина Е.В.

Конституция Российской Федерации отвела одно из приоритетных мест в основах правового положения личности естественному и неотъемлемому праву каждого человека на охрану здоровья и медицинскую помощь¹ (ст. 41 Конституции РФ²). Последние два года в результате распространения COVID–19 реализация данного конституционного права – одна из острых, актуальных и, одновременно, сложных для российского общества.

В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 21.11.2011 № 323–ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинская помощь означает комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг³. Законодательством предусмотрено, что гражданам Российской Федерации, находящимся за ее пределами, так же гарантируется право на охрану здоровья в соответствии с международными договорами Российской Федерации⁴. Таким образом, государство гарантирует обеспечить граждан качественной и бесплатной медицинской помощью, отвечающей международным стандартам, не только в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения России, но и за ее пределами.

¹ Сергеев, А. И. Реализация конституционного права каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации: автореф дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.03 // Сергеев Александр Игоревич. - Москва, 2007. - 24 с.

² Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках в Конституцию Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2– ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11– ФКЗ, от 14 марта 2020 года № 1- ФКЗ). URL: pravo.gov.ru

³ Федеральный закон от 21.11.2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724.

⁴ Олейник Ч. Г. О систематизации законодательства об охране здоровья населения // Проблемы совершенствования законодательства Российской Федерации о здравоохранении: материалы науч.-практ. конф. (Москва, 20 ноября 2006 г) // под ред. Т.Я. Хабриевой. - М.: Юриспруденция, 2007.

И.Г. Ломакина понимает под медицинской помощью «совокупность необходимых профессиональных действий исполнителя медицинской помощи по удовлетворению потребностей пациента в поддержании здоровья, профилактике и лечении заболеваний, а также диагностике в соответствии с согласием пациента подвергнуться тому или иному виду медицинского вмешательства¹».

Конституцией РФ определена бесплатность медицинской помощи, которая оказывается гражданам за счет средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений, федеральных программ охраны и укрепления здоровья населения, которые финансируются государством. Им же контролируются принимаемые меры по их развитию. В ст. 41 Конституции РФ указано, что сокрытие должностными лицами фактов и обстоятельств, создающих угрозу для жизни и здоровья людей, влечет ответственность согласно Федеральному законодательству Российской Федерации. Таким образом, одна из гарантий права на медицинскую помощь - своевременная информированность общества о санитарном состоянии населенных пунктов, вспышках инфекций, распространенности заболеваний, вариантах получения медицинской помощи и т.п.².

Благополучное состояние здоровья населения – фактор устойчивого развития государства и общества. В Указе Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» устанавливается, что реализуемая в Российской Федерации государственная социально–экономическая политика направлена на обеспечение достойной жизни и свободного развития человека, создание условий для укрепления здоровья граждан, увеличение продолжительности жизни, снижение смертности, улучшение жилищных условий и расширение возможностей для получения качественного образования³.

В настоящее время в сфере реализации права граждан на медицинскую помощь существует ряд проблем, среди которых одна из наиболее острых – отказ медицинскими организациями в плановой госпитализации невакцинированным от COVID-19 пациентам. Приказом Департамента здравоохранения г. Москвы⁴ от 18.06.2021 в столице введен временный

¹ Сидорова В.Н. Соотношение понятий «медицинская помощь», «медицинская услуга» и «медицинская работа» как проблема гражданского законодательства // Медицинское право. – 2012. – № 4 (44). – С. 25-27.

² Постановление Главного Государственного санитарного врача Российской Федерации от 28.01.2021 г. № 4 Об утверждении санитарных правил и норм СанПиН 3.3686-21 «Санитарно-эпидемиологические требования по профилактике инфекционных болезней» // URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 18.01.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. № 27. – (Ч. II). – Ст. 5351.

⁴ Приказ Департамента здравоохранения г. Москвы от 18 июня 2021 г. № 541 «О плановой госпитализации взрослого населения в стационарные медицинские организации государственной системы здравоохранения города Москвы в период повышенной заболеваемости новой коронавирусной инфекцией COVID-19»

порядок, согласно которого оказание медицинской помощи в плановой форме осуществляется только при наличии у пациента сертификата о вакцинации против коронавирусной инфекции или при наличии сведений о проведенной вакцинации, либо при наличии медицинских противопоказаний к прививке. Департамент основывался на мнении о том, что данная мера носит временный характер и направлена на защиту пациентов.

По нашему мнению, гарантии права граждан на медицинскую помощь не всегда реализуются из-за загруженности системы здравоохранения, особенно в связи со сложной эпидемиологической обстановкой в последние 2 года. Сходной точки зрения придерживается и М. Мишустин, который на совещании по вопросам социально-экономического развития сказал о том, что «Вместе с борьбой с коронавирусом надо продолжить решение и других вопросов в здравоохранении, особенно которые волнуют людей. Здесь прежде всего речь должна идти о первичном звене. Именно оно сегодня столкнулось с огромным вызовом и испытывает колоссальные нагрузки¹».

Решением выявленной нами проблемы может стать включение в федеральное законодательство, регулирующее сферу здравоохранения, положений об участии частных медицинских организаций в программе государственных гарантий права гражданина на медицинскую помощь на долгосрочной основе. Предлагаем установить, что участие частных медицинских организаций в реализации программы государственных гарантий должно происходить исключительно на долгосрочной основе, с выполнением всех требований и условий, предъявляемых к государственным организациям, а также при условии, что эту помощь невозможно оказать в государственном секторе (по объему, стоимости и/или на требуемом уровне качества).

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что конституционные гарантии качества и доступности медицинской помощи возлагают на государство ответственность за предоставление доступа к качественным и надлежащим услугам здравоохранения для всех граждан, поскольку праву всегда аккумулирует обязанность. В данную обязанность включается все для обеспечения права на качественную медицину, в том числе доступное здравоохранение. Нормативное регулирование вопросов доступности и качества медицинской помощи должно стать стратегическим направлением российской государственной политики.

¹ Риа Новости. «Мишустин призвал решать проблемы первичного звена здравоохранения» URL: ria.ru/20220201/zdravookhranenie-1770506642.html

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ОБЕСПЕЧЕНИИ СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВИЛ ПРОВЕДЕНИЯ ПРЕДВЫБОРНОЙ АГИТАЦИИ

Воронов В.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и
международного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Соколова О.В.

Действующее законодательство о выборах устанавливает функции и полномочия органов внутренних дел в обеспечении соблюдения правил проведения предвыборной агитации.

Правовую основу деятельности органов внутренних дел в обеспечении соблюдения правил проведения предвыборной агитации составляют: Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав»), Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»).

Согласно п. 9 ст. 56 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав» правоохранительные и иные органы обязаны принимать меры по пресечению противоправной агитационной деятельности, предотвращению изготовления подложных и незаконных предвыборных печатных, аудиовизуальных и иных агитационных материалов и их изъятию, устанавливать изготовителей указанных материалов и источник их оплаты, а также незамедлительно информировать соответствующую избирательную комиссию, комиссию референдума о выявленных фактах и принятых мерах.

В соответствии с п. 31 части 1 статьи 12 ФЗ «О полиции», сотрудники полиции обязаны, в числе прочего, принимать в соответствии с федеральным законом меры по пресечению в ходе избирательных кампаний, при подготовке и проведении референдумов противоречащей закону предвыборной агитации, агитации по вопросам референдума, информировать избирательные комиссии, комиссии референдума о фактах выявленных нарушений и принятых в связи с этим мерах; оказывать по запросам избирательных комиссий, комиссий референдума иное содействие в целях обеспечения беспрепятственного осуществления этими комиссиями полномочий, возложенных на них федеральным законом¹.

Подзаконными нормативными актами регулируются вопросы взаимодействия избирательных комиссий и органов внутренних дел в процессе проведения избирательных действий. Например, соглашением о взаимодействии Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации

¹ Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (с изм. на 30 декабря 2021 года № 3-ФЗ) URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 14.02.2022).

(заключенным 01.09.2016 №08/14295-2016, 02.09.2016 №1/8913) сотрудничество сторон осуществляется в сфере выявления и пресечение противоправной деятельности при проведении избирательных кампаний, кампаний референдумов на территории Российской Федерации¹.

В действующем законодательстве специальная правовая норма, подробно регулирующая функции и полномочия органов внутренних дел в сфере предвыборной агитации, отсутствует. Исходя из этого, компетенция органов внутренних дел определяется из общих функций и полномочий, с учётом специфики агитационной деятельности.

В научной литературе исследуются вопросы о роли органов внутренних дел в обеспечении соблюдения требований закона при проведении предвыборной агитации, а также о направлениях деятельности (функциях) соответствующих органов. В частности, Ю.Н. Носатов выделяет следующие функции органов внутренних дел.

Первая группа – функции противодействия злоупотреблениям правом на предвыборную агитацию:

1. предупреждение, выявление и пресечение фактов незаконной агитации;
2. предотвращение и пресечение фактов изготовления подложных и незаконных агитационных материалов и их изъятие;
3. установление источников финансирования незаконных агитационных материалов;
4. пресечение экстремистской и иной агитационной деятельности, направленной на разжигание национальной, религиозной и иной ненависти.

Вторая группа – функции охраны и защиты избирательных прав:

1. обеспечение правопорядка во время проведения публичных агитационных мероприятий;
2. обеспечение безопасности всех без исключения участников предвыборной агитации, а также материальных объектов предвыборной агитации, к коим относятся и агитационные материалы.

Третья – процессуальные функции:

1. производство в пределах своей компетенции по делам об административном правонарушении, возбужденных по фактам нарушения установленного законодательством порядка проведения предвыборной агитации;
2. сбор материалов и первоначальная проверка по аналогичным происшествиям, имеющим признаки состава преступления².

¹ Соглашение о взаимодействии Центральной избирательной комиссии Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации // Материалы официального сайта Центральной Избирательной Комиссии Российской Федерации. URL: <http://www.cikrf.ru/law/agreements/mvd.html> (дата обращения: 14.02.2022).

² Носатов Ю. Н. Правовые и организационные основы деятельности органов внутренних дел по обеспечению правопорядка в период проведения предвыборной агитации: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2019. – С. 83.

При осуществлении данных функций на практике органы внутренних дел сталкиваются с рядом проблем, значительная часть которых связана с использованием в агитационной деятельности телекоммуникационных технологий.

Так, использование сети Интернет обеспечивает относительную анонимность лиц, осуществляющих предвыборную агитацию, что препятствует не только привлечению к ответственности за правонарушения в данной сфере, но и выявлению правонарушений, например, агитации со стороны лиц, не имеющих права на её осуществление.

Использование сети Интернет также затрудняет определения источника затрат на предвыборную агитацию, которым в соответствии с законодательством может являться исключительно фонд кандидата, а также величину указанных затрат.

Представляется практически невозможным контроль за соблюдением сроков предвыборной агитации, в том числе за соблюдением запрета на агитацию в день голосования, поскольку отсутствует техническая возможность проконтролировать удаление агитационных материалов из личных блогов, а также предотвратить отправку материалов на электронную почту.

Данные проблемы существенно ограничивают возможность использования органами внутренних дел мер принуждения и осуществления правосоставительной функции. По этой причине приоритетным направлением деятельности органов внутренних дел представляется предупреждение совершения правонарушений, в том числе путем формирования негативного общественного мнения о противоправной деятельности в указанной сфере.

Приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений» относит к предупреждению преступлений органами внутренних дел деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направленную на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением¹.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что текущих полномочий органов внутренних дел достаточно для их эффективного участия в обеспечении соблюдения правил проведения предвыборной агитации. Тем не менее, отсутствие специального правового регулирования агитации с использованием сети Интернет, а также недостаточная развитость

¹ Приказ Министерства внутренних дел Российской Федерации от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 14.02.2022).

материально-технических способов и средств контроля, существенно осложняют данную деятельность.

НЕЗАКОННОЕ РАЗГЛАШЕНИЕ ИЛИ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СВЕДЕНИЙ, СОСТАВЛЯЮЩИХ КОММЕРЧЕСКУЮ ТАЙНУ

Высочанская А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии
Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Бессонова И.В.

Актуальное значение имеет проблема квалификации незаконного разглашения и использования сведений, составляющих коммерческую тайну. Наличие данной проблемы в большинстве своем обусловлено несовершенством существующих уголовно–правовых норм, имеющих бланкетный характер. Также и сам термин «коммерческая тайна» требует своей конкретизации.

Уголовная ответственность за незаконное разглашение и использование коммерческой тайны предусмотрена в ч. 2–4 ст. 183 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ (далее – УК РФ)¹. Данные нормы выступают бланкетными, в связи с чем требуется обращение к отраслевым нормативным актам: Гражданскому кодексу Российской Федерации от 30.11.1994 г. №51-ФЗ², Федеральному закону от 29.07.2004 г. № 98–ФЗ «О коммерческой тайне» (далее – ФЗ от 29.07.2004 г. №98–ФЗ)³ и локальным актам самого юридического лица: Положение о коммерческой тайне, Перечень сведений и так далее.

Однако, не всякую информацию можно признать конфиденциальной. Например, данные об активах организации, о планируемых или совершенных сделках, о научно–технических достижениях можно признать коммерческой тайной. В нормах ФЗ от 29.07.2004 г. №98–ФЗ коммерческая тайна – это режим конфиденциальности информации, который позволяет ее обладателю при существующих или возможных обстоятельствах:

- увеличить доходы;
- избежать неоправданных расходов;
- сохранить выгодное положение на рынке товаров, работ, услуг;
- получить коммерческую выгоду.

Информация, составляющая коммерческую тайну – это сведения любого характера, которые также касаются результатов интеллектуальной деятельности в научно–технической сфере, а также сведения о способах

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

² Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 г. №51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

³ Федеральный закон от 29.07.2004 г. № 98–ФЗ «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. – 2004. – №32. – Ст. 3283.

осуществления профессиональной деятельности, которые имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность. Их главное отличие в том, что они неизвестны третьим лицам, у третьих лиц нет свободного доступа к ним, а также в их отношении введен режим коммерческой тайны. Тем самым законодатель понимает под коммерческой тайной специальный режим, а сам режим должен быть установлен в отношении таких сведений, которые сами по себе имеют коммерческую ценность.

Однако, обоснование критериев, которые позволяют идентифицировать информацию, как значимую не разработаны в полном объеме. Ученые, которые занимаются проблемами правового регулирования коммерческой тайны, на данный момент не выделяют признаки, позволяющие относить информацию к такой тайне. Анализируя данный вопрос, специалист в области охраны коммерческой тайны В.А. Северин, указал на то, что степень конфиденциальности информации определяется ее важностью и ценностью для организации, а также размером ущерба, который может быть причинен ей в случае разглашения или незаконного использования третьими лицами¹. Существующие на данный момент критерии отнесения информации к коммерческой тайне просты:

- не допускается открытое использование данных сведений, так как это приведет к ущербу для организации;
- сведения не являются общеизвестными или общедоступными на законных основаниях;
- организация принимает надлежащие меры по охране их конфиденциальности;
- сведения не являются государственной тайной, не защищены авторским и патентным правом.

Это демонстрирует то, что режим коммерческой тайны должен быть установлен обладателем информации специально. Для соблюдения всех условий в организации должны быть приняты специальные локальные акты, которые имеют четкий перечень сведений, образующих коммерческую тайну, а также определен порядок обращения с данной информацией. Одновременно, к сведениям, образующим коммерческую тайну, не могут быть отнесены сведения, содержащиеся в учредительных документах юридического лица, сведения о нарушениях законодательства Российской Федерации и фактах привлечения к ответственности за совершение этих нарушений, а также сведения, обязательность раскрытия которых установлена иными федеральными законами.

Если же будет возбуждено уголовное дело, в соответствии с нормами ч. 2–4 ст. 183 УК РФ, необходимо указать с помощью каких мер в организации был установлен режим коммерческой тайны. Должностное лицо должно указать на названия и номера локальных нормативных актов, а также конкретный пункт или пункты локального нормативного акта. При

¹ Северин, В. А. Коммерческая тайна в России. – Москва: Норма, 2019. – С. 45-49.

отсутствии установленного режима коммерческой тайны ее разглашение, по смыслу ст. 183 УК РФ, нельзя считать «незаконным» и, соответственно, влекущим уголовную ответственность.

При таком условии возникает вопрос о том, что можно ли отнести к сведениям, составляющим коммерческую тайну, сведения о каком-либо имуществе физического лица:

- руководителя;
- лица, выполняющего управленческие функции;
- данные членов его семьи.

Анализируя данный вопрос можно отметить то, что данные сведения не могут быть признаны коммерческой тайной. Это вызвано тем, что они не находятся в связи с деятельностью коммерческой организации и представляют собой сведения о конкретных физических лиц. Следовательно, они не имеют какой-либо действительной или потенциальной коммерческой ценности в силу неизвестности третьим лицам.

Таким образом, проведенное исследование показало, что необходимо разграничивать коммерческую тайну от иных видов конфиденциальной информации, в том числе от личной и семейной тайны. Если имеет место посягательство на личную и семейную тайну при наличии всех необходимых признаков состава преступления, то оно представляет собой преступление против конституционных прав и свобод личности (гл. 19 УК РФ).

Учитывая бланкетность данной нормы, под разглашением следует понимать действия или бездействие лица, в результате которых информация, составляющая коммерческую тайну, в любой возможной форме становится известной третьим лицам без согласия обладателя информации. Сведения, составляющие коммерческую тайну, имеют действительную или потенциальную коммерческую ценность в силу их неизвестности третьим лицам.

Когда информация становится известной третьим лицам, она теряет свою коммерческую ценность для обладателя информации. Это возникает и в тех случаях, когда третьи лица могут использовать полученную информацию в своих коммерческих целях.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОЗДАНИЯ И ПРЕКРАЩЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «КОМПАНИИ ОДНОГО ЛИЦА»

Гильдебрандт Д.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Ершова Ю.В.

В российской правовой практике общества с ограниченной ответственностью (ООО) и акционерные общества (АО), состоящие из одного лица, могут быть изначально учреждены единственным участником

или акционером, либо могут стать таковыми лишь после определенных действий, совершаемыми членами этих хозяйственных обществ. Гражданский кодекс Российской Федерации (далее ГК РФ) говорит о том, что такие действия могут выражаться в выходе из общества всех лиц, кроме одного, выкупе одним лицом всех акций или долей, а также в результате реорганизации юридического лица (ст. 88, 98)¹.

В первом варианте создания «компании одного лица» путем её учреждения данные коммерческие организации создаются на основании решения единственного учредителя (ч.2 ст.50.1 ГК РФ). В решении, помимо сведений о факте создания организации, фиксируется информация об органах управления, об учредительном документе – уставе, который может быть как типовым, так и составленным иным образом, об уставном капитале и т.д. В дальнейшем необходимый пакет документов подается в органы Федеральной налоговой службы (ФНС), где непосредственно происходит регистрация юридического лица, а необходимые сведения вносятся в единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ).

Во втором случае решение принимается также учредителями, на его основании соответствующие изменения вносятся в ЕГРЮЛ, а оставшееся лицо становится единственным участником или акционером хозяйственного общества.

Суханов Е. А. подчеркивает, что, рассматривая процесс создания «компании одного лица» по правилам, закрепленным в российском законодательстве, можно сделать выводы об их особенностях в ООО и АО²:

1. Компания может создаваться как вновь, так и путем выхода всех участников, кроме одного;

2. Решение об учреждении принимается единолично;

3. В решении устанавливаются факты, связанные с уставным капиталом, долями участника, категориями акций акционера и т.д.;

4. В решении отражаются вопросы об учреждении хозяйственного общества и его устава, фирменном наименовании, месте его нахождения, размере уставного капитала, об органах управления и иных органах: ревизионные комиссии, регистраторы и т.д.;

5. Создание «компании одного лица» возможно и в рамках процедуры реорганизации, которая осуществляется в форме слияния, выделения, раздела, присоединения, преобразования;

6. Уставный капитал ООО составляет сумму от 10.000 руб., в ПАО от 100.000 руб., непубличных от 10.000 руб.

Можно сказать, что процесс создания российских хозяйственных обществ мало чем отличается друг от друга. В Федеральном законе

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.

² Суханов Е. А. Предприятие и юридическое лицо // Хозяйство и право. – 2014. – №7. – С. 9.

«Об акционерных обществах»¹ имеется лишь дополнительная статья о способах создания таких юридических лиц в отличие от ООО, по-разному обстоят дела в сфере организации работы компаний, но здесь уже идет отсылка на общие нормы, распространяющиеся на все ООО и АО, а также по-разному обстоит дело с вкладами единственных участников. В одном случае определяются доли, а в другом – акции.

Создание «компаний одного лица» в зарубежных странах осуществляется двумя похожими способами:

– прямое разрешение (официальное закрепление норм иностранным законодательством на такое создание);

– косвенное разрешение (несмотря на отсутствие норм, позволяющих регистрировать одним лицом юридические лиц, их существование возможно благодаря выбытию из состава участников иных лиц).

Из этого можно сделать вывод, что, как и в Российской Федерации, так и в зарубежных странах процесс создания юридических лиц совпадает, иных форм или способов приобретения статуса «компания одного лица» не выявлено. Однако, есть некоторые отличия, которые заключаются в учреждении компании как вновь созданной. Тогда, как в Российской Федерации единственным учредительным документом является лишь устав, то в европейских странах, например, это уже может быть либо устав, либо меморандум. Данные расхождения всего лишь связаны с формой документов, а точнее с их названиями, никакого дополнительного назначения эти отличия не несут. Аналогичная точка зрения высказывается И.И. Коробовской².

Процесс прекращения деятельности «компаний одного лица» как в российском, так и в зарубежном законодательстве имеет следующие варианты³:

1. Ликвидация самого юридического лица;
2. Увеличение количества участников в результате входа-выхода иных лиц;
3. Изменение организационно-правовой формы компании;
4. Иные случаи, предусмотренные отдельным законодательством каждой из стран.

По поводу прекращения деятельности «компаний одного лица» в России путем ликвидации сложилась практика добровольного и принудительного порядка, здесь либо принимается самостоятельное решение единственного учредителя организации, либо выносится судебное решение,

¹ Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ "Об акционерных обществах" // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 1.

² Коробовская И.И. Компания одного лица: актуальные проблемы и способы их разрешения // Сборник статей III Международной научной студенческой конференции. 2016. – С. 64.

³ Авилов Г.Е. Юридические лица в современном российском гражданском праве // Вестник гражданского права. – 2006. – № 1. – С. 32.

обязывающее юридическое лицо прекратить свою деятельность, несмотря на волеизъявление лица (ч.1 ст. 61 ГК РФ). Подобным образом регулируется данный вопрос и в английском праве, где во время ликвидации компания сначала переживает юридическую смерть, затем следует фактическая ликвидация; также возможны варианты добровольного и принудительного прекращения деятельности.

Вход-выход иных лиц осуществляется в форме покупки или продажи долей или акций, а преобразование юридического лица в иную организационно-правовую форму возможно при удовлетворении требованиям законодательства о реорганизации и юридических лицах в целом.

Помимо указанных способов прекращения деятельности «компанией одного лица» следует сказать о закрепленных в законодательстве обстоятельствах, при которых может быть ликвидирована компания, в РФ это истечение срока, на который создано юридическое лицо, и достижение поставленных целей (ч.1 ст. 61 ГК РФ). В КНР, например, дополнительно к уже перечисленному выделяют: лишение Свидетельства или предписание о роспуске (ст. 181 Закона «О компаниях» КНР).

При прекращении деятельности «компаниями одного лица» применяются общие правила о ликвидации юридических лиц, исключения их из реестров, реорганизации и т.д. Каких-либо отличающихся от этих общих процедур способов не предусмотрено, но, тем не менее, исходя из всего вышесказанного, можно сказать о том, что в разных правовых системах свое определение правового положения «компаний одного лица», они имеют свои отличительные черты, которые делают их уникальными по отношению к другим государствам. Но стоит обратить внимание на то, что в основном характеристики имеют общие начала, от которых в связи со свойственному только отдельной стране законодательству происходит дальнейшее реформирование.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод о том, что в Российской Федерации не совсем идеальный процесс создания и прекращения деятельности «компаниями одного лица» по сравнению с зарубежным законодательством. Сильно впечатляет более продуманный состав правовых норм в европейской практике, где предусмотрены детальные способы регулирования действия таких компаний. Российскому законодательству не хватает такого четкого урегулирования правоотношений, наше законодательство носит более поверхностный характер.

В конечном итоге, внедрение в российской практике подобных норм у законодателя есть все шансы не только упорядочить работу «компаний одного лица», но и установить баланс в гражданском обороте. При условии совершенствования законодательства, регулирующего деятельность «компаний одного лица», такая правовая конструкция сможет стать одной из основных юридических конструкций, используемых при ведении малого бизнеса как в России так, и за рубежом.

ПРОЦЕСС ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНКА НЕДВИЖИМОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Глубокая В.И., Куцева Н.А., магистранты Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Рынок недвижимости - это сектор национальной рыночной экономики, который представляет собой совокупность объектов недвижимости, субъектов хозяйственной деятельности, действующих на рынке, процессов функционирования рынка, то есть процессы производства, использования и обмена недвижимостью и управления рынком, а также механизмы, обеспечивающие рыночную инфраструктуру ¹. Сделки с недвижимостью являются одним из главных секторов современной рыночной экономики.

Хотя в России процесс цифровизации рынка недвижимости идет не такими быстрыми темпами, однако можно отметить положительные тенденции по внедрению информационных технологий в сферу сделок с недвижимостью.

Большим толчком к развитию процессов цифровизации послужила тяжелая экономическая ситуация, связанная с COVID-19 и мировым кризисом. Все это потребовало быстрый переход практически всех сфер экономики в дистанционный формат. В условиях ограничений, возникших в период пандемии, физические встречи участников рынка недвижимости стали практически невозможными ². В связи с этим возникла острая необходимость изменения процесса заключения сделок с недвижимостью и перевода его в дистанционный формат.

Для проведения сделок с недвижимостью и обмена информацией между участниками рынка недвижимости сегодня активно используются различные мессенджеры (WhatsApp, Viber, Telegram и т.д.), которые позволяют проводить консультации с клиентами, обмениваться необходимыми документами и информацией по интересующим вопросам в режиме онлайн.

Также большой популярностью сейчас пользуются онлайн-площадки для подбора и купли-продажи недвижимости, например, ДомКлик, Дом.ру, Авито, Циан и пр. Такие площадки позволяют сократить физические и временные затраты и пройти все стадии продажи, покупки и оформления недвижимости в онлайн-формате.

¹ Официальный сайт Оренбургского государственного университета. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cde.osu.ru/demoversion/course126/1_1.html

² Чурилова В.Р. Сервис и цифровизация в сфере недвижимости // Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса. 2020. № 2-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/servis-i-tsifrovizatsiya-v-sfere-nedvizhimosti> (дата обращения: 14.03.2022).

Важным событием в процессе цифровизации рынка недвижимости стал также запуск федеральной государственной информационной системы ведения Единого государственного реестра недвижимости (ФГИС ЕГРН), позволяющей получить любую услугу, связанную с недвижимостью, не выходя из дома. Там же можно подать и зарегистрировать необходимые документы, но для этого необходимо наличие электронно-цифровой подписи, использование которой заменило посещение нотариуса и заверение им документов.

Инновационные технологии с каждым днем вносят изменения в привычное функционирование рынка недвижимости. В настоящее время отмечается активное внедрение блокчейн-технологий, с помощью которых происходит полная цифровизация и автоматизация процессов на рынке недвижимости. Преимуществом технологии блокчейн является исключение посредников при сделках с недвижимостью, что экономит время и финансы продавцов и покупателей. Использование этой технологии повысит доступность информации реестра недвижимости, сделает транзакции более прозрачными, сократит количество случаев мошенничества и ускорит процесс транзакций¹.

Процесс цифровизации рынка недвижимости в Российской Федерации начал развиваться не так давно. Активное его развитие началось только в 2018-2021 годах, чему способствовало множество различных политических, экономических и социальных факторов. Тем не менее следует признать, что цифровые технологии становятся новой реальностью сферы недвижимости и от того, насколько быстро произойдет адаптация отрасли и ее участников к новой реальности, зависит ее будущее².

ПРОБЛЕМЫ СУДЕБНОГО ПРИКАЗА, КАК ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОКУМЕНТА

Горбачева Т.А.- магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

Институт судебного приказа был введен в арбитражный процесс Федеральным законом №47-ФЗ от 02.03.2016 «О внесении изменений в

¹ Перепечаев Александр Викторович Применение технологии blockchain в сфере недвижимости // Сила систем. 2018. №3 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/primenenie-tehnologii-blockchain-v-sfere-nedvizhimosti> (дата обращения: 14.03.2022).

² Брюханова В.Б., Бартаева Д.С. Подход к комплексному использованию методов анализа пространственного развития региона // Российское предпринимательство. – 2016. – № 23.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»¹. Из постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 62 от 27.12.2016 следует, что приказное производство было введено в арбитражное процессуальное законодательство для последующего сближения судов общей юрисдикции и арбитражных судов².

Однако, до настоящего времени остается актуальным вопросом исполнения судебных актов, в частности такого исполнительного документа как судебный приказ. Правильное и своевременное исполнение судебных актов корреспондируют задачам гражданского и арбитражного судопроизводства и направлено на защиту нарушенных прав, свобод и законных интересов участников гражданских правоотношений.

Часть 2 ст. 229.1 АПК РФ устанавливает, что судебный приказ является одновременно исполнительным документом и приводится в исполнение в порядке, установленном для исполнения судебных решений³. Часть 3 ст. 229.5 АПК РФ предусматривает, что экземпляры судебного приказа, выполненные на бумажном носителе, составляются на специальном бланке, так как одновременно являются и судебным постановлением и исполнительным документом⁴, предъявляемым в последующем в службы судебных приставов на исполнение.

В настоящее время одной из проблем исполнения судебных приказов является то, что на практике они изготавливаются не на специальных бланках, как это предусмотрено законодательством, а распечатываются типографским способом на белых листах бумаги размера - А4, без водяных знаков и иных видов защиты от подделок⁵. В результате чего, в судебные приказы, отпечатанные типографским способом легко занести информацию посредством компьютерной печати, соответственно выявляется не эффективность и неактуальность данного способа их изготовления. Фактическое отсутствие каких-либо бланков судебных приказов делает невозможным контролировать количество их изготовления, а так же исключает возможность привлечения к ответственности изготовителя.

¹ Федеральный закон от 02.03.2016 N 47-ФЗ (ред. от 23.06.2016) "О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" // Российская газета. – 2016. – N 47.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 N 62 "О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации о приказном производстве" // Российская газета. – 2017. – N 6.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ч.2. – Ст. 229.1.

⁴ [Федеральный закон от 02.10.2007 N 229-ФЗ "Об исполнительном производстве"](#) // Российская газета. – 2007. – N 223.

⁵ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 28.12.2015 № 399 "Об утверждении Инструкции о порядке обеспечения бланками исполнительных листов и их приема, учета, хранения, использования и уничтожения в федеральных судах общей юрисдикции и федеральных арбитражных судах" // Бюллетень актов по судебной системе 2016. – № 3.

Поскольку судебный приказ является исполнительным документом, то, по мнению автора статьи, к его бланку следует предъявлять повышенные требования безопасности. Аналогом могут являться требования, предъявляемые в настоящее время к бланкам исполнительных листов. Так, для повышения персональной ответственности судебных приставов и с целью исключения фактов предъявления на исполнение поддельных исполнительных листов 31.07.2008 г. было принято Постановление Правительства РФ № 579 «О бланках исполнительных листов», которое официально утвердило форму бланка исполнительного листа и правила его изготовления, учета, хранения и уничтожения¹.

Данное постановление установило, что бланки исполнительных листов изготавливаются централизованно по заказу Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по образцу, утвержденному вышеуказанным Постановлением Правительства РФ². Структурно бланк исполнительного листа состоит из четырех двусторонних листов формата А4, скрепленных между собой склейкой, перфорированной по правой границе формата, и крепящихся на едином корешке. Бланки исполнительного листа заполняет ответственный работник аппарата суда средствами автоматизированной системы судебного делопроизводства с использованием соответствующих электронных шаблонов³.

Однако судебный приказ как документ равнозначный по юридической силе исполнительному листу, не имеет подобной формы и никоим образом не защищен от подделок. Отсутствие специальных бланков судебных приказов приводит к неблагоприятным последствиям, возможности их подделки и как следствие нарушение прав субъектов гражданских правоотношений, вследствие чего автором данной работы представляется целесообразным разработать и утвердить бланк судебного приказа, а также правил его изготовления, учета, хранения и уничтожения, используемые в отношении исполнительного листа.

Автором данной статьи предлагается дополнить действующее законодательство положениями, в соответствии с которыми бланки судебных приказов будут изготавливаться на специальной бумаге с водяными знаками, а также с иными видами защиты согласно критериям отнесения товаров к категории защищенной от подделок полиграфической продукции. К тому же, бланки судебных приказов должны иметь каждый свою серию и номер, которые будут наноситься автоматическим путем по порядковому номеру. Немаловажным является и введение правил учета бланков судебных приказов (по сериям и номерам) в журнале учета бланков, в соответствии с

¹ Постановление Правительства РФ от 31.07.2008 № 579 "О бланках исполнительных листов" // СЗ РФ. – 2008. – N 31. – Ст. 3748.

² Методические рекомендации о порядке приема, учета, хранения, использования и уничтожения бланков исполнительных листов, утв. Судебным департаментом при Верховном Суде РФ 30.10.2009 // СПС КонсультантПлюс.

³ Валева Д.Х. Указ. соч. // СПС КонсультантПлюс.

которым они будут выдаваться работникам суда по роспись. В результате чего, установится персональная ответственность лиц, получивших бланки судебных приказов за достоверность отраженной в них информации их изготовление и выдачу.

В заключение хотелось бы сказать, что на данный момент судебный приказ, как форма упрощения производства, активно применяется в арбитражном процессе, но для дальнейшего развития данный институт нуждается в изменениях. В данной статье автором были рассмотрены пути решения недостатков в законодательстве, регулирующем приказное производство, которые приведут к более эффективной и быстрой защите прав граждан и организаций.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН

Гоньшев М.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

В реалиях современного рынка, в частности в связи с развитием цифровых технологий, все большее значение принимает термин самозанятых граждан. Изначальной целью государства для введения данного субъекта на правовое поле была попытка вывести из тени доходы граждан, занимающихся частной деятельностью, приносящей доход, и последующее ее налогообложение. Главная причина, стимулирующая граждан оформить себя в статусе самозанятых, является введенный ФЗ от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 02.07.2021) "О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход", специальный налоговый режим для данной категории субъектов. В современных реалиях, когда число людей, занимающихся частной деятельностью направленной на получение дохода (т.е. самозанятые граждане), многократно возросло, возникла острая необходимость четкого правового регулирования этой категории граждан.

Прежде всего, необходимо определить, что законодатель понимает под термином «самозанятый», и кого можно отнести к изучаемой категории лиц. Так, до сих пор нет единого нормативно-правового акта, который бы комплексно регулировал деятельность самозанятых граждан. Более того, само определение «самозанятых» не зафиксировано ни в одном законе, а раскрывается лишь в актах, носящих декларативный характер. Согласно п. 3.18 ГОСТ 12.0.0042015: самозанятый - это человек, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового

характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства¹. Однако, более точное определение, согласно письму Министерства труда и социальной защиты РФ от 3 марта 2020 г. № 16-1/В-87, содержится в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ на период до 2030 г., утверждённой распоряжением Правительства РФ от 2 июня 2016 г. № 1083-р. Исходя из данного документа, самозанятость определяется как осуществление гражданами, не зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, приносящей доход деятельности с возможностью добровольного уведомления об осуществлении указанной деятельности налоговых органов в целях освобождения от ответственности за ведение незаконной предпринимательской деятельности.

Указанная выше дефиниция позволяет считать «предпринимательство» и «самозанятость» родственными понятиями, содержанием которых является деятельность, приносящая прибыль (доход), но различающаяся по признаку формальной легализации.

В ст. 23 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ), посвящённой предпринимательской деятельности граждан, данные категории разведены по тому же основанию. Абзацем 2 ч. 1 указанной статьи определено, что в отношении отдельных видов предпринимательской деятельности законом могут быть предусмотрены условия их осуществления гражданами без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Это наталкивает на мысль, что самозанятость - форма предпринимательской деятельности, осуществляемая гражданами без регистрации в качестве ИП самостоятельно, инициативно, на свой риск.

М.Х. Исаев считает, что идентифицировать самозанятого гражданина можно на основании следующих критериев: независимый самостоятельный труд без привлечения наемных работников; отсутствие регистрации в качестве индивидуального предпринимателя; отсутствие юридического статуса; использование дохода для удовлетворения основных жизненных потребностей и т. д.²

Законодательно определено, кто может быть самозанятым. Это граждане РФ либо государств ЕАЭС, состоящие на учете в налоговом органе и выплачивающие налоги с доходов, полученных от профессиональной деятельности. Таким образом, самозанятым можно считать человека, который:

- работает на себя, а не в интересах работодателя;
- не нанимает сотрудников;
- не заключает агентских или комиссионных соглашений, договоров;

¹ ГОСТ 12.0.004-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организация обучения безопасности труда. Общие положения (вместе с Программами обучения безопасности труда) (введен в действие приказом Росстандарта от 9 июня 2016 г. № 600-ст)

² Исаев М. Х. Основные перспективы развития самозанятости населения в РФ // Глобальный научный потенциал. – 2019. – № 3 (96). – С. 135.

– получает регулярный доход от занятия определенным видом деятельности¹.

Также указанный выше ФЗ № 442 в ст. 6 определяет, что объектом специального налогового режима являются доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). Тем самым, законодатель оставляет неограниченный круг субъектов, деятельность которых подходит к статусу самозанятых. Однако, для более четкого регулирования и разграничения данного термина законодатель устанавливает закрытый перечень видов деятельности, которые нельзя считать деятельностью самозанятых. Согласно той же ст. 6 ФЗ № 442 к ним относятся: 1) получаемые в рамках трудовых отношений; 2) от продажи недвижимого имущества, транспортных средств; 3) от передачи имущественных прав на недвижимое имущество (за исключением аренды (найма) жилых помещений); 4) государственных и муниципальных служащих, за исключением доходов от сдачи в аренду (наем) жилых помещений; 5) от продажи имущества, использовавшегося налогоплательщиками для личных, домашних и (или) иных подобных нужд; 6) от реализации долей в уставном (складочном) капитале организаций, паев в паевых фондах кооперативов и паевых инвестиционных фондах, ценных бумаг и производных финансовых инструментов; 7) от ведения деятельности в рамках договора простого товарищества (договора о совместной деятельности) или договора доверительного управления имуществом; 8) от оказания (выполнения) физическими лицами услуг (работ) по гражданско-правовым договорам при условии, что заказчиками услуг (работ) выступают работодатели указанных физических лиц или лица, бывшие их работодателями менее двух лет назад; 9) от уступки (переуступки) прав требований; 10) в натуральной форме; 11) от арбитражного управления, от деятельности медиатора, оценочной деятельности, деятельности нотариуса, занимающегося частной практикой, адвокатской деятельности.

Примечателен тот факт, что законодатель не проводит четкой границы между сферами деятельности самозанятых и работников по трудовому договору, и в связи с чем, могут возникнуть споры, связанные с определением статуса гражданина.

Так, решением Октябрьского районного суда г. Самары от 29.07.2020 по делу N 2-2069/2020 суд признал отношения, сложившиеся на основании договоров оказания образовательных услуг (гражданско-правовых договоров), заключенных между академией и гражданином, трудовыми.

Суд оценивал сложившиеся отношения между заказчиком и исполнителем на предмет наличия в них признаков, характерных для трудовых отношений и сделал вывод об отсутствии в них элементов, необходимых для определения статуса деятельности самозанятых граждан².

¹ Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства: монография / отв. ред. Ершова И.В., Левушкин А.Н. – М.: Проспект, 2021. – С.172.

² Кирина А. Какие трудовые споры возникают с самозанятыми, и как они разрешаются на практике мирно и в судах // Трудовое право. – 2021. – № 6. – С. 82.

Еще одной особенностью и огромным плюсом для правового статуса самозанятых является упрощенная форма получения указанного статуса, в том числе с использованием современных технологий, вместо личного посещения соответствующих государственных органов.

Статус самозанятого физическое лицо вправе получить в добровольном порядке с момента начала осуществления деятельности, путём уведомления об этом налогового органа. После подачи заявления налоговый орган не выдаёт уведомления о постановке на учёт (снятии с учёта) самозанятому лицу, вся необходимая информация будет отражаться в приложении «Мой налог».

В любой момент самозанятое лицо может принять решение о прекращении своей деятельности. Для аннулирования соответствующего статуса подаётся заявление через приложение (либо через банк, в случае если первоначально заявление подавалось таким способом), и датой прекращения будет считаться дата его направления в налоговый орган.

В случае прекращения деятельности, отсутствия профессионального дохода самозанятый может не сниматься с налогового учёта, за время бездействия платить налог и сдавать отчётность не нужно. Это позволяет в любое время продолжить осуществлять соответствующую деятельность путём возобновления учёта поступающих доходов через приложение «Мой налог». Таким образом, реализована возможность приостановления деятельности самозанятого в любое время на любой период, не влекущая никаких правовых последствий.

Данный способ регистрации (а именно с использованием приложения «мой налог») имеет множество положительных аспектов, в частности, зарубежный опыт свидетельствует о том, что при переходе к подаче налоговых деклараций «в один клик» повышается собираемость налогов¹.

В упрощенном порядке происходит и прекращение изучаемого статуса. Так, если доход за календарный год превысит 2,4 млн руб. либо, самозанятый занялся деятельностью, которая не соответствует налоговому режиму налога на профессиональный доход (далее - НПД), он автоматически лишается этого статуса с соответствующим доначислением НДФЛ по доходам, которые не попали под установленные Федеральным законом от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» (далее - Закон № 422-ФЗ) критерии (п. 2, 8 ч. 2 ст. 4, ч. 15 ст. 5). О снятии с учёта в качестве самозанятого уведомление поступит через приложение «Мой налог». Повторная регистрация в качестве самозанятого возможна при условии отсутствия недоимки по НПД, а также пени и штрафов (ч. 11 ст. 5 Закона № 422-ФЗ).

Вместе с тем физические лица, не являющиеся ИП, или не зарегистрированные в налоговом органе в качестве самозанятых, могут быть привлечены к ответственности за ведение предпринимательской

¹ Ершова И.В., Левушкин А.Н. Там же. – С. 126.

деятельности без государственной регистрации (п. 1 ст. 23 ГК РФ, ч. 6 ст. 2 Закона № 422-ФЗ). За данное правонарушение предусмотрена административная ответственность (ч. 1 ст. 14.1. КоАП РФ) с одновременным взысканием неуплаченных сумм НДФЛ, пеней и штрафов за неуплату налога и за непредставление декларации по форме 3-НДФЛ в налоговый орган (п. 1 ст. 75, п. 1 ст. 119, п. 1, 3 ст. 122 НК РФ). За незаконное предпринимательство и уклонение от уплаты налогов предусмотрена также уголовная ответственность (ст. 171, 198 УК РФ)¹.

Помимо этого, интересным аспектом правового статуса самозанятых граждан является тот момент, что указанный статус по мнению многих специалистов может получить и несовершеннолетний. Однако это возможно только в трех ситуациях: приобретение несовершеннолетним гражданином дееспособности в полном объеме в связи с вступлением в брак; наличие письменного согласия законных представителей несовершеннолетнего гражданина на совершение им сделок; объявление несовершеннолетнего гражданина полностью дееспособным решением органа опеки и попечительства или судебным решением или, иными словами, эмансипация².

Однако самой главной особенностью самозанятых граждан конечно же, является специальный налоговый режим, введенный в отношении данной категории граждан.

Частью 8 ст. 2 Закона № 422-ФЗ установлено, что физические лица, уплачивающие НПД, освобождаются от НДФЛ в отношении доходов, являющихся объектом обложения НПД, которыми признаются доходы от реализации товаров (работ, услуг, имущественных прав). Кроме того, в ст. 6 отдельно перечислены доходы, которые не могут являться объектом налогообложения по НПД.

Доходы самозанятого лица облагаются НПД при его соответствии определенным критериям: он не должен продавать подакцизные товары и товары, подлежащие обязательной маркировке средствами идентификации, перепродавать товары или имущественные права, за исключением личного домашнего имущества, заниматься добычей или реализацией полезных ископаемых, иметь работников, быть посредником, применять иные специальные налоговые режимы или платить НДФЛ, его доходы в текущем календарном году не должны превышать 2,4 млн руб.

Для юридических лиц плюсом работы с самозанятыми является то, что в отношении них не надо начислять страховые взносы и удерживать НДФЛ, исполняя функции налогового агента. Такое разъяснение приведено в письме Минфина России от 29 января 2019 г. № 03-11-11/5075.

Таким образом можно сделать вывод, что статус самозанятых граждан является необходимым элементом экономической деятельности в современном рыночном пространстве. Однако, законодателю необходимо

¹ Макарова Л.А., Невзгодина Е.Л. Правовой статус самозанятых граждан // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2021. – Т. 18. – № 4. – С. 42.

² Ершова И.В., Левушкин А.Н. Там же. – С. 126.

четко сформулировать данный институт, обозначив все основные элементы этого статуса. На наш взгляд, самым верным решением будет издание отдельного нормативно-правового акта, который бы полностью регулировал деятельность самозанятых граждан, или внести соответствующую главу в действующий ГК РФ.

СПЕЦИФИКА ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ТРУДОВОМ ПРАВЕ

Гусейнов Р.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права
социального обеспечения Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н.,
доцент Черепанцева Ю.С.

На сегодняшний день юридическая ответственность является обязательным элементом правовой системы российского государства. На протяжении долгого времени этот термин является сложным и многогранным.

Анализ источников международного права, в частности Венской Конвенции 1948 г.¹, Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.², Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.³ позволяет говорить об отсутствии в них терминов «ответственность» и «юридическая ответственность».

Исследование российского правоведения и законодательства показало, что понятие «юридическая ответственность» используется для обозначения последствий правонарушения, состоящих в применении и реализации санкции нарушенной нормы права.

В энциклопедическом словаре «юридическая ответственность» трактуется как государственное принуждение к исполнению требований права, правоотношение, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством, обществом⁴. Такая трактовка, на наш взгляд, с достаточной полнотой определяет ее понятие, смысл и сущность.

¹Венская конвенция 1948 г. // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 10.03.2022).

²Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г.// URL:http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 10.03.2022).

³Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г // URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 10.03.2022).

⁴ Энциклопедический словарь. – М., 1995. – С. 186.

Вместе с тем к исследованию о понимании юридической ответственности подходят как ученые-правоведы общей теории права, так и отдельных отраслевых наук. Однако, до настоящего времени в литературе единого определения не дано.

Одни авторы, например, С.С. Алексеев, Н.А. Стручков, определяют «ответственность как государственное принуждение, выраженное в праве, выступающее как внешнее воздействие на поведение, основанное на организованной силе государства и наличии у него «вещественных» орудий власти и направленное на внешне безусловное (непреклонное) утверждение государственной воли¹.

Другие авторы под юридической ответственностью понимают, прежде всего, государственное принуждение к исполнению требований права, содержащее осуждение деяний правонарушителя государством и обществом².

С.Н. Братусь считает, что юридическая ответственность – это «исполнение обязанности посредством государственного принуждения, например, уплата суммы долга заемщиком на основе решения суда»³.

В свою очередь М.Ю. Тихомиров трактует термин «юридическая ответственность» как государственное принуждение к исполнению требований права, правоотношение, каждая из сторон которого обязана отвечать за свои поступки перед другой стороной, государством и обществом⁴.

Анализируя указанные мнения, можно заметить значительные сходства позиций авторов. В связи, с чем мы разделяем точку зрения по вопросу понимания юридической ответственности как меры государственного принуждения с одной стороны, и отождествления ее с наказанием за совершение правонарушения с другой⁵.

По отраслевому критерию юридическую ответственность можно подразделить на четыре основных вида: административную ответственность; гражданско-правовую ответственность; уголовную ответственность; ответственность в трудовом праве.

Являясь самостоятельной отраслью, трудовое право воспринимает юридическую ответственность, прежде всего, в ее общем позитивном значении - как ответственное отношение лица к своим обязанностям, возложенным на него законом, правильное, добросовестное и эффективное

¹См., напр.: Алексеев С.С. Социальная ценность права в советском обществе. М., 1971. С. 106.; Стручков Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов, 1977. – С. 23.

²См. напр.: Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Сущность юридической ответственности в советском обществе. – М., 1974. – С. 6.

³Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. – М., 1978. – С. 85, 94.

⁴Юридическая энциклопедия / под ред. М. Ю. Тихомирова. – М., 1999. – С. 503.

⁵См. напр.: Спиридонов Л. И. Теория государства и права: Учебник. - М.: Проспект, 1999. С. 286; Венгеров А.Б. Теория государства и права. – М., 1999. – С. 468-470.

их исполнение, действенный государственный и общественный контроль над таким исполнением обязанностей¹.

Между тем исследования проблем ответственности в российском трудовом праве сводится лишь к рассмотрению ее отдельных видов, а именно дисциплинарной и материальной ответственности, что полностью отвечает нормам Трудового кодекса РФ², так как в главе 62 «Ответственность за нарушение трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права» закреплена единственная статья 419. В ней определяется, что лица, виновные в нарушении трудового законодательства и иных актов, содержащих нормы трудового права, привлекаются к дисциплинарной и материальной ответственности в порядке, установленном ТК РФ и иными федеральными законами, а также привлекаются к гражданско-правовой, административной и уголовной ответственности в порядке, установленном федеральными законами.

Подобное понимание ответственности в трудовом праве, на наш взгляд, является узким, так как сводится лишь к конкретным видам наступающих неблагоприятных последствий в связи с неправомерными действиями субъектов трудовых правоотношений. В связи с чем, считаем необходимым ввести и закрепить в трудовом законодательстве более универсальное понятие ответственности в целом в трудовом праве.

РЕЕСТР СУБЪЕКТОВ ЕСТЕСТВЕННЫХ МОНОПОЛИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Гумарова А.Р. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Главным требованием является регистрация участников естественно – монопольных рынков в специальном реестре деятельности субъектов естественных монополий. На основании положений ст. 10 Федерального закона «О естественных монополиях» от 17 августа 1995 г. № 147–ФЗ (далее – Закон о естественных монополиях) прямая обязанность по формированию и ведению данного реестра возложена на органы регулирования естественных монополий.

Важно отметить, что в контексте указанной нормы отсутствует конкретное указание, позволяющее определить контролирующий орган, на который возложены функции по регулированию. Следовательно, для

¹Липинский Д. А. Проблемы юридической ответственности. – СПб.: Изд-во «Юр. центр Пресс», 2003. – С. 56.

²Трудовой кодекс Российской Федерации: от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (с изм. от 21.11.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.

дальнейшего определения полномочного органа, необходимо обратиться к отдельным положениям о деятельности такового.

Обращаясь к предыдущей редакции, в части изучаемого вопроса ранее актуальным было Положение о Федеральной службе по тарифам, утвержденное Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 332¹, на данный момент утратившее силу, но интересное с точки зрения проведения последующего анализа. Норма п. 5.3.2. указанного документа определяла, что данная служба выступает органом регулирования, полномочным на формирование и ведение реестра субъектов естественных монополий².

На Федеральную службу по тарифам помимо вышеуказанных были возложены и функции контроля за установлением и применением цен и тарифов. Впоследствии произошло упразднение такого органа, как Федеральная служба по тарифам³. Вместе с тем в качестве правопреемника полномочий теперь уже упраздненной Федеральной службы по тарифам выступила Федеральная антимонопольная служба.

Особое внимание, на наш взгляд, исходя из анализа реформирования, необходимо уделить переданному в рамках правопреемственности от упраздненной Федеральной службы по тарифам к Федеральной антимонопольной службе полномочию, содержание которого составляет ведение предусмотренного Законом о естественных монополиях Реестра субъектов естественных монополий.

В ситуации, когда возникают определенные сложности в оценке вопроса относительно того, осуществляется ли субъектом деятельность в условиях естественной монополии, обращение к Реестру может во многом помочь.

В связи с упразднением Федеральной тарифной службы РФ утратил силу и действующий в части анализируемого вопроса Регламент, закрепляющий за ФСТ РФ единый порядок исполнения функции по формированию и ведению реестра субъектов естественных монополий, в

¹ Постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 332 «Об утверждении Положения о Федеральной службе по тарифам» // СЗ РФ. – 2004. – № 29. – Ст. 3049.

² Приказ ФСТ от 30 августа 2010 г. № 417–э «Об утверждении Административного регламента исполнения ФСТ государственной функции по формированию и ведению Реестра субъектов естественных монополий, в отношении которых осуществляются государственное регулирование и контроль // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 51.

³ Постановление Правительства РФ от 4 сентября 2015 г. № 941 «О внесении изменений, признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации в связи с упразднением Федеральной службы по тарифам и об утверждении Правил принятия Федеральной антимонопольной службой решений об определении (установлении) цен (тарифов) и (или) их предельных уровней в сфере деятельности субъектов естественных монополий и иных регулируемых организаций» // СЗ РФ. – 2015. № 37. – Ст. 5153.

отношении которых осуществляются государственные регулирование и контроль¹.

В дальнейшем правопреемником Федеральной тарифной службы РФ стала Федеральная антимонопольная служба РФ². Вместе с тем в связи с возложением функций на другой орган регулирования не был разработан и утвержден до настоящего времени новый порядок ведения Реестра. На наш взгляд, возникшая ситуация неприемлема, поскольку процесс государственной регистрации, вынесенный в качестве одной из самостоятельных функций, возложенных на орган регулирования ввиду конститутивного характера, обусловленного моментом внесения в реестр, имеющим правоустанавливающее значение, должен быть регламентирован в связи с:

- особой значимостью специфики регулируемого субъекта (так как речь идет о стремительных темпах роста в сферах деятельности субъектов естественных монополий, необходимо отметить их прямое влияние на экономический сектор, являющийся одним из системообразующих в нашем государстве, как следствие нуждающийся в детальном нормативном урегулировании в целях более эффективного контроля и воздействия);

- формированием единообразной судебной практики и во избежание возникновения трудностей у правоприменителя (если ранее подобная ситуация возникала, когда правоприменитель в своих итоговых процессуальных решения руководствовался сведениями из реестров двух вышеуказанных служб, в связи с чем они разнились, то на сегодня, в принципе, отсутствие единых нормативных положений в данном вопросе, на наш взгляд, дают основания полагать о ненадежности обращения хотя бы к одному существующему реестру);

- обеспечением уменьшения нагрузки на суды, ввиду возникающих вопросов, обусловленных отсутствием четкого нормативного порядка (как правило, субъекты обращаются в суд;

- недопущения дискриминационных условий, в виду которых для разных субъектов предусматривался бы порядок включения в Реестр на разных условиях (на наш взгляд, вполне возможно существование на практике ситуации, в рамках которой те или иные субъекты деятельности естественных монополий включались в Реестр на разных основаниях, ввиду чего возникала бы дискриминация).

Важно отметить, что Закон о естественных монополиях, предусматривающий в положениях ст. 8 данную функцию органов

¹ Приказ ФСТ от 30 августа 2010 г. № 417-э «Об утверждении Административного регламента исполнения ФСТ государственной функции по формированию и ведению Реестра субъектов естественных монополий, в отношении которых осуществляются государственное регулирование и контроль // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – № 51.

² Указ Президента РФ от 21 июля 2015 г. № 373 «О некоторых вопросах государственного управления и контроля в сфере антимонопольного и тарифного регулирования» // СЗ РФ. – 2015. – № 30. – Ст. 4571.

регулирования в качестве одной из первых, также не содержит норм, закрепляющих единый порядок их последующего применения.

Итак, в качестве пути решения данной проблемы, считаем целесообразным утвердить самостоятельный акт, именуемый «Регламентом исполнения Федеральной антимонопольной службой государственной функции по формированию и ведению Реестра субъектов естественных монополий, в отношении которых осуществляются государственное регулирование и контроль».

К ВОПРОСУ О МЕХАНИЗМЕ ПРОВЕДЕНИЯ ЭЛЕКТРОННОГО АУКЦИОНА КАК СПОСОБА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОСТАВЩИКОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гурина Д.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского
и природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Система государственных закупок имеет длительный период формирования и становления, настоящая существующая система государственных закупок ранее претерпела достаточное количество изменений и реформаций, цель чего – наличие «прозрачности» в процессе ее реализации в отношении законности, также очередной немаловажной – первостепенной целью выступила необходимость минимизировать необоснованные государственные бюджетные затраты.

Мнение Е.А. Сергеевой состоит в том, что «внесение изменений в Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» несомненно указывают на изначальное несовершенство контрактной системы Российской Федерации»¹.

Базовым мероприятием, реализующим вышеуказанные цели, стал процесс внедрения в систему закупок «конкурентных процедур», основное значение которых состояло в предоставлении потенциальной возможности большому количеству лиц принять участие в какой-либо процедуре по предоставлению собственных товаров и (или) услуг.

Наиболее распространенной процедурой, а особенно в актуальных условиях пандемии COVID-19, является проведение аукциона в электронной форме.

Н. Кудряшова в своей научной работе указывает: «Торги – это основной элемент достижения экономического компромисса, а также они

¹ Сергеева Е.А. Обзор изменений и нововведений в 44-ФЗ за период 2019-2020 гг // Скиф. 2020. №1 (41). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-izmeneniy-i-novovvedeniy-v-44-fz-za-period-2019-2020-gg> (дата обращения: 20.12.2021).

являются основным механизмом осуществления выполнения государственных заказов. Именно по данной причине одним из более развивающихся направлением в российском законодательстве является Федеральный закон №44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹. Под электронным аукционом стоит идентифицировать способ определения поставщика на базе электронной торговой площадки с помощью реализации торгов, в которых победителем признается участник закупки, предложивший наименьшую цену заключаемого контракта.

Электронные торги дифференцируются в зависимости от цели проведения на следующие виды:

- те, которые реализуются с целью размещения заказов на осуществление поставки товаров;
- те, которые реализуются по запросу коммерческих организаций;
- те, которые проводятся с целью осуществить реализацию имущества должников в делах о банкротстве;
- те, которые реализуются с целью осуществить продажу арестованного имущества.

Также торги дифференцируются в зависимости от квалификации участников. Так, выделяют:

- закрытые электронные торги;
- открытые электронные торги.

Закрытые электронные торги реализуются с целью осуществления закупки товаров, работ, услуг, которые составляют государственную тайну, на подобных торгах выбираются поставщики, которые прошли предварительную квалификацию, получили допуск к участию.

Отличие открытых электронных торгов от закрытых электронных торгов состоит в том, что в таковых участие принимают поставщики, которые прошли аккредитацию на электронных торговых площадках.

Вполне логичным выводом является факт того, что участие в торгах может принять любое лицо, которое соответствует установленным требованиям.

Основные положения относительно особенностей проведения электронных торгов содержатся в Федеральном законе от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»², (далее - Закон о

1 Кудряшова Н., Паулов П.А. Проблема сговора при проведении электронного аукциона // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 4-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sgovora-pri-provedenii-elektronnogo-auktsiona> (дата обращения: 20.12.2021).

2 Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // СПС КонсультантПлюс // Опубликован 08.04.2013 на официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 19.12.2021).

контрактной системе), исходя из анализа которого стоит отметить, что в качестве участника электронного аукциона может быть:

- юридическое лицо вне зависимости от организационно-правовой формы, формы собственности;
- физическое лицо;
- индивидуальный предприниматель.

Более конкретизированные критерии содержатся в вышеназванном законе.

Относительно стадий проведения электронного аукциона стоит представить мнение Т.В. Кузьминой: «Усовершенствование системы закупок для государственных нужд необходимо осуществлять комплексно на всех стадиях размещения заказа»¹.

Основным критерием выбора лидирующего участника – потенциального победителя электронных торгов является именно ценовое предложение, представляемое субъектом – участником.

Основным критерием для возможности принять участие в электронном аукционе выступает наличие у участника квалифицированной электронной подписи, именно с 2020 года к участию в электронном аукционе допускаются только те лица, которые прошли регистрацию в ЕИС.

Следующей стадией рассматриваемого нами процесса выступает аккредитация участника на площадке операторами ЭТП не позднее следующего рабочего дня после осуществления участником регистрации, процесс аккредитации реализуется путем осуществления информационного обмена между базами ЭТП и ЕИС.

Для того, чтобы осуществить реализацию подачи заявки на участие в электронном аукционе, участнику предлагается открыть специальный счет для осуществления внесения обеспечения по заявкам – это обязательное требование. Вышеназванный счет также будет использоваться в случае реализации списания платы с ЭТП, если участник будет признан победителем электронного аукциона.

Следующие стадии представляют собой:

- процесс поиска сведений о проводимом электронном аукционе в ЕИС;
- анализ закупочной документации, и принятие решения о дальнейшем участии в закупке;
- внесение на специальный счет в банке необходимой суммы обеспечения, либо оформление банковской гарантии (право на использование банковской гарантии для обеспечения заявок появилось у участников в июле 2019 года);
- подготовка и направление заявки на участие в электронном аукционе. Заявка на участие состоит из двух частей, обе они подписываются и

¹ Кузьмина Т.В. Государственные закупки // Вестник науки и образования. 2017. №10 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-zakupki> (дата обращения: 20.12.2021).

передаются оператору ЭТП (заявка подается сразу в двух частях, а доступ к ней заказчику предоставляется постепенно);

- участие в электронном аукционе, если первая часть заявки была признана соответствующей установленным требованиям;

- заключение контракта с заказчиком, если участник был признан победителем.

Электронный аукцион может быть признан несостоявшимся по следующим причинам:

1. Когда по окончании срока подачи заявок на участие в электронном аукционе была подана одна заявка, или не подано ни одной (на основании ч. 16 ст. 66 Закона о контрактной системе);

2. Если по результатам рассмотрения первой части заявок на участие электронная комиссия приняла решение об отказе в допуске к аукциону всех участников или о признании только одного участника, подавшего заявку (на основании ч. 8 ст. 67 Закона о контрактной системе);

3. Если в течение 10 минут после начала проведения электронного аукциона ни один из участников не подал предложение о цене контракта (по ч. 20 ст. 68 Закона о контрактной системе);

4. Если по результатам рассмотрения второй части заявок все они были отклонены, или соответствующей требованиям была признана одна заявка (на основании ч. 13 ст. 69 Закона о контрактной системе);

5. Если второй участник не предоставил заказчику в установленные сроки подписанный проект контракта и обеспечение исполнения контракта, то электронный аукцион также считается несостоявшимся (по ч. 15 ст. 83.2 Закона о контрактной системе).

Победитель аукциона признается уклонившимся и теряет договор, обеспечение, банковскую гарантию, если он:

- не направил подписанный контракт в установленные сроки;

- направил протокол разногласий по истечению 13 дней с даты итогового протокола.

Заказчик вправе через суд взыскать убытки, не покрытые суммой обеспечения.

Далее заказчик в течение 10 дней направляет следующему за победителем участнику проект контракта. Второй участник подписывает документ в течение 5 дней или может отказаться от подписания.

Отменить открытый или закрытый аукцион заказчик вправе, если:

- в проведении закупки отпала необходимость в виду перераспределения приоритетов осуществления основных действий самого государственного или муниципального заказчика;

- проведение закупочной процедуры признано нецелесообразным ввиду того, что объект закупки не будет эксплуатироваться, либо необходимость в проведении закупки отпала полностью;

- при осуществлении той или иной государственной закупки было выявлено перераспределение имеющихся бюджетных средств, итогом которых стало сокращение конкретной статьи финансирования;

- была проведена аудиторская проверка, которая выявила перерасход бюджетных средств, выделенных конкретному государственному или муниципальному заказчику, в результате чего общий объем финансирования был полностью сокращен либо назначена проверка, по факту которой вынесено предписание о необходимости отмены той или иной закупки.

В каждом конкретном случае информация об отмене аукциона независимо от его формы будет считаться юридически действительной в том случае, если она прошла официальную публикацию в виде оформленного решения заказчика. При этом в опубликованном приказе об отмене необходимо указать причины такой отмены.

Итак, закрытый или открытый электронный аукцион – это специальная закупочная процедура, которая должна обеспечить возможность для заключения контракта конкурентным путем. «Контрактная система в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд представляет собой набор правил и положений, которые предусматривают формирование единого технологического цикла»¹. Для проведения той или иной процедуры предусмотрены свои правила и особенности проведения, которые зафиксированы в статьях Закона о контрактной системе. При необходимости такая процедура может быть отменена, но для этого должны быть веские и обоснованные юридические основания.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РАБСКОГО ТРУДА

Давлетшин Р.Р. – магистрант Сибирского юридического университета,
г. Омск

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и
криминологии Сибирского юридического университета
к.ю.н., доцент Пестерева Ю.С.

Конституция Российской Федерации закрепляет, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью. В России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права. Так часть 1 статьи 27 Конституции предоставляет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства. Статья 37 Конституции говорит о том, что каждый имеет право свободно распоряжаться своими

¹ Байсаева М.У., Ахмедов С.А., Дагаева Х.Б., Газгериев Ш.Ш. Государственные и муниципальные закупки // Международный журнал прикладных наук и технологий «Integral». 2019. № 4-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennye-i-munitsipalnye-zakupki> (дата обращения: 20.12.2021).

способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию, а принудительный труд запрещен.

В современной демократической и правовой России, существует феномен использования рабского труда, который негативно влияет на сосуществование людей между собой. В юридической литературе сказано, что «рабским трудом является такой, который осуществляется лицом, находящимся в подневольном состоянии, например при угрозе причинить вред ему или его близким, разгласить о них нежелательные сведения, а также при объективной невозможности человека свободно покинуть место, где используется его труд».¹

Статья 127.2 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за использование рабского труда. Из анализа статьи видно, что уголовный закон запрещает эксплуатировать труд человека, а не его обращение в подневольное состояние. Это объясняется тем, что в правоприменительной практике ст. 127.2 УК РФ применяется в совокупности со ст.126, 127, 127.1 УК РФ.²

Для того чтобы дать правильную квалификацию преступлениям, необходимо верно установить, когда преступление будет признаваться оконченным, то есть когда лицом совершается деяние, которое содержит все признаки состава преступления. По законодательной конструкции ст. 127.2 УК РФ является формальным составом и считается оконченным с момента совершения деяния (использования рабского труда).³

В научных работах Галахова А. и Акимова Ю. подчеркивается, что использование труда человека, предусмотренного ст. 127.2 УК РФ, надлежит рассматривать оконченным составом преступления с момента, когда подневольный человек начал насильно выполнять трудовую деятельность, при этом не может от нее отказаться, а получение результатов от данной деятельности и (или) их использование для квалификации значение не имеет, также как и период времени использования рабского труда. Если же лицо не приступило к рабской трудовой деятельности, то и деяние необходимо квалифицировать как неоконченное преступление.⁴

В исследовательских публикациях возникает вопрос, как относится ст.127.2 УК РФ к длящимся и продолжаемым преступлениям. Длющиеся преступления - совершаются в течение неопределенного промежутка времени и не исчерпываются определенными действиями. Продолжаемые

¹ Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.И. Рарога. - 10-е изд., перераб. и доп. - М: Проспект, 2019. – С. 944.

² Гордей М.В., Епифанов Б.В. Проблемы квалификации использования рабского труда в России // Вестник Санкт-Петербургского Университета МВД России. – 2011. № 2(50). – С. 80-84.

³ Уголовное право. Особенная часть: учебник для бакалавров / под ред. А.И. Чучаева. - 3-е изд., перераб. и доп. - М: Проспект, 2019. – С. 592.

⁴ Курсаев А.В. Квалификации использования рабского труда в зависимости от завершенности деяния // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2020. № 2(93). – С. 96-104.

преступления – совершаются рядом однородных повторяемых деяний, которые объединены общей целью.¹ По мнению Жинкина А.А. «преступление является длящимся и характеризуется непрерывным осуществлением его состава».² Справедливо высказываются о длящемся характере преступления ст. 127.2 УК РФ Галахова А. и Акимова Ю., но отмечают что возможно говорить и о продолжаемом преступлении «когда одного и того же раба привлекают к труду периодически либо каждодневно, давая время для приема пищи и отдыха».³ В таком варианте исключается совокупность преступлений. Курсаев А.В. пишет о том, что ст. 127.2 УК РФ относится к длящимся преступлениям и считать состав продолжаемым невозможно, так как отсутствуют тождественные акты, но имеется правовое состояние.⁴

Также в уголовно-правовых статьях нет четкой позиции относительно объекта состава преступления предусмотренного ст. 127.2 УК РФ. Видеться возможным в ч.2 и ч.3 ст. 127.2 УК добавить квалифицирующие признаки, например, совершения преступления группой лиц по предварительномуговору; с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия; в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности; разделение с учетом времени использования рабского труда.

Таким образом, можно заметить, что на сегодняшний день существует множество нерешенных вопросов, которые притягивают к себе внимание со стороны научного сообщества и которые требуют дальнейшего исследования и решения.

О ПРОБЛЕМНЫХ АСПЕКТАХ РАСТОРЖЕНИЯ ДОГОВОРА АРЕНДЫ

Даугерева М.Е. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Кархалев Д.Н.

¹ Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Векленко. – М.: Издательство Юрайт, 2017. – С. 405.

² Жинкин А.А. Торговля людьми и использование рабского труда: проблемы квалификации и соотношение со смежными составами преступлений: Автореф. дисс... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2006. – С. 28.

³ Галахова А., Акимова Ю. Актуальные вопросы квалификации использования рабского труда // Уголовное право. – 2007. – № 4. – С. 24-28.

⁴ Джафарова В.Э., Щербина Е.М. Проблемы квалификации преступлений торговли людьми и использование рабского труда и возможные пути их решения // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. – 2021. – №1. – С. 48-52.

Аренда – это институт гражданского права, который позволяет возмездно пользоваться чужим имуществом за плату, однако, не нести при этом риск случайной гибели арендованного имущества. Одновременно, арендодатель по данному договору также находится в выгодном положении, поскольку он передает во временное владение объект, извлекая из этого выгоду.

В главе 26 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) сформулированы все законные основания прекращения обязательств, в том числе и расторжение договора¹. Анализ главы 29 ГК РФ позволяет сделать вывод, что расторжение выступает частным случаем прекращения договора. А потому, отмечается, что сделки расторгаются посредством волеизъявления обеих сторон или по требованию одной из них.

Как отмечает З.М. Заменгоф расторжение договора – это акт, направленный на досрочное прекращение действия договора с целью прекращения на то же время возникшего из договора обязательства, срок исполнения которого еще полностью или в части не наступил или исполнение которого имеет длящийся характер². В свою очередь, такой исследователь, как Е. Е. Миронец, отмечала, что расторжение договора является частным случаем прекращения обязательств³. Н.Ю. Шлюндт указывает на то, что расторжение договора аренды – это волевое действие, которое иницируется стороной, которая имеет своей целью задачу прекратить существование арендных обязательств⁴.

Исследователи гражданского права отмечают проблемы, существующие в институте расторжения договора аренды. Например, Н.Ю. Шлюндт в своём исследовании отмечала, что основания расторжения договора аренды, согласно статье 450 ГК РФ, могут быть дополнительно определены арендатором в договоре⁵. Одновременно статья 619 ГК РФ отмечает, что договор аренды по требованию арендодателя можно расторгнуть только в судебном порядке. Свою позицию высказывает и Е.Е. Миронец: «договор аренды можно досрочно расторгнуть только с помощью суда по иску заинтересованной стороны». Данной позиции придерживается большинство современных учёных цивилистов.

Однако, нельзя отрицать, что гражданское законодательство имеет диспозитивный характер, а статья 1 ГК РФ провозглашает принцип свободы договора. Соответственно сами стороны при расторжении договора могут оговорить основания расторжения договора аренды, которые не будут противоречить законодательству. Соответственно сами стороны могут

¹ СЗ РФ. 2 –001. – № 85. – Ст.4101.

² Заменгоф, З. М. Изменение и расторжение хозяйственных договоров. – М.: Юрайт, 2014. – №5. – С. 45–61.

³ Миронец, Е. Е. [Гражданское право: общая часть.](#) – М.: Норма, 2014. – №11. – С. [55–57.](#)

⁴ Шлюндт, Н. Ю. Изменение и расторжение договора аренды. – Краснодар, 2005. С. 55–61.

⁵ Там же. – С. 55-61.

определить в договоре право на досрочное расторжение без соблюдения судебной формы. Однако, столь противоречивые высказывания цивилистов по данному вопросу демонстрируют актуальность проблемы соотношения положения ГК РФ с общими основаниями расторжения гражданско-правового договора и основаниями досрочного расторжения договора аренды.

Основной способ расторжения договора – это расторжение по соглашению сторон, которое предусмотрена статьей 450 ГК РФ. Эта статья носит общий характер и применяется не только в арендных отношениях, но и к договорным отношениям в целом.

Так, по соглашению сторон можно расторгнуть договор и самостоятельно определить последствия расторжения. Если же при взаимном расторжении договора возникают вопросы, их можно дополнительно разрешить в судебном порядке. Расторжение договора аренды влечёт за собой прекращение обязательств, однако не лишает заинтересованную сторону права потребовать долг или применить санкцию к виновной стороне. Всегда можно взыскать убытки, вызванные ненадлежащим исполнением договора. Подписанное соглашение сторон о расторжении договора аренды также не освобождает стороны от обязанности уплатить задолженность по арендной плате или договорную неустойку.

Следующий вид расторжения договора – это расторжение судом по требованию одной из сторон. Современный ГК РФ выделил два случая, при которых допускается расторжение договора по требованию одной из сторон в судебном порядке. Первое возникает в тех случаях, когда сторона нарушила условия договора и данные действия могут быть квалифицированы как существенное нарушение. Ранее уже отмечалось, что данный термин не раскрыт должным образом законодательстве, однако по общим правилам означает, что одна из сторон в значительной степени лишается того, на, что она рассчитывала.

Второй случай расторжения – это когда договор, может быть расторгнут в иных случаях, предусмотренных ГК РФ, а также другими законами или самим договором. Третий способ расторжения договора – это реализация самой стороной права, предусмотренного по закону или договору, на односторонний отказ от исполнения договора. Односторонний отказ возможен лишь в тех случаях, когда это допускается законодательством или соглашением сторон. Например, после истечения срока договора аренды арендатор всё ещё пользуется имуществом, у арендодателя нет возражений, и договор считается возобновленный на неопределенный срок. Однако, это означает, что любая сторона может в любое удобное время отказаться от исполнения договора аренды, но обязана предупредить об этом заранее другую сторону за 3 месяца. Указанное право предусмотрено статьей 610 ГК РФ.

Таким образом, в течение длительного периода времени институт аренды имел исключительно обязательственную природу, что делало правый

статус арендатора ниже, чем статус арендодателя. Советское законодательство признало существование вещно-правовых отношений, однако, дискуссии по данному вопросу ведутся до сих пор. Более того, имеет место спор о возможности включения арендных отношений в систему обязательственных. Тем не менее, подобного рода изменения не имеют фундаментальных оснований, а потому следует придерживаться вещно-обязательственной природы арендных отношений.

Расторжение договора представляет собой акт, направленный на прекращение договора. Отмечается и то, что расторжение выступает частным случаем прекращения сделки, но отличается от отказа от договора и отказа от обязательства.

Основания расторжения договора аренды предусмотрены в 619 и 620 ГК РФ. Анализ данных норм показывает, что основания досрочного расторжения договора аренды по решению суда дополнительно устанавливаются самостоятельно сторонами. Мнение о том, что статьи 619, 620 ГК РФ содержит расшифровку термина «существенное нарушение условий договора» не является истинной, поскольку толкование норм порождает необходимость доказать, что возникшие основания были существенным нарушением условий договора.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ФИНАНСИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Делева И.А. - магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и
криминологии, к.ю.н. Бессонова И.В.

Политические партии оказывают существенное влияние на становление и развитие демократичного гражданского общества. По сути, они являются своеобразными посредниками между государством и обществом и нацелены на представление и защиту интересов последнего. Для обеспечения функционирования деятельности политических партий им необходимы финансовые ресурсы. Данные общественные объединения являются некоммерческими организациями, поэтому получение прибыли не является их основной целью. Именно поэтому, для реализации своих планов, закрепленных в уставных документах, им необходимы финансовые средства, которые, в свою очередь, являются гарантом их финансовой стабильности и независимости. Кроме того, вопросы финансового обеспечения их деятельности крайне важны в настоящее время, так как на фоне усложнения избирательных технологий, увеличиваются потребности в финансовых ресурсах со стороны политических партий. Как справедливо отмечает Ф.И. Долгих: «для осуществления своих целей партии нуждаются в финансовых

ресурсах, отсутствие которых означает фактическое отсутствие возможности проводить свои избирательные кампании»¹.

Основы финансового обеспечения политических партий в Российской Федерации регламентируется Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством, а также постановлениями и распоряжениями ЦИК Российской Федерации и избирательных комиссий субъектов Российской Федерации.

В соответствии с Федеральным законом от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» источниками финансирования их деятельности являются: «вступительные и членские взносы; средства федерального бюджета; пожертвования; поступления от мероприятий, проводимых политической партией, ее региональными отделениями и иными структурными подразделениями, а также доходов от предпринимательской деятельности; поступления от гражданско-правовых сделок; другие, не запрещенные законом поступления»². Все указанные источники, по нашему мнению, целесообразно сгруппировать на две группы: внутренние и внешние.

К первой группе относятся средства самофинансирования (вступительные и членские взносы). При этом их совокупный размер в течение календарного года не может превышать 4 млн. 300 тыс. руб. В соответствии с Уставами политических партий России установлено следующее: КПРФ «членский взнос составляет 1% от дохода»³, «Единая Россия» «уплата членских взносов носит добровольный характер»⁴; «Справедливая Россия» «уплата членских взносов является обязанностью всех членов Партии. Решение о введении членских взносов принимается Президиумом Центрального совета Партии. Размер членских взносов, порядок их уплаты и распределения полученных денежных средств между структурными подразделениями устанавливаются Президиумом Центрального совета Партии»⁵.

Исходя из этого, следует вывод, что существенной роли в деятельности партий членские взносы не играют, поскольку являются незначительными. Так, у партии КПРФ они составляют 6% от бюджета партии, а у партии «Единая Россия» порядка 4,4%⁶. В связи с этим, представляется, что было бы

¹ Долгих Ф.И. Правовое регулирование деятельности политических партий – теория и практика: Монография. – М.: МаркетДС, 2010. – С. 130.

² Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях»//Российская газета. – 2001. – № 133.

³ Устав КПРФ. URL: <https://kprf.ru/party/charter> (дата обращения: 31.01.2022).

⁴ Устав партии «Единая Россия». URL: <https://er.ru/party/rules/#4> (дата обращения: 31.01.2022).

⁵ Устав партии «Справедливая Россия». URL: <https://spravedlivo.ru/11128410?> (дата обращения: 02.02.2022).

⁶ Васильев А. Миллиарды каждый год, еще и из бюджета. На какие деньги живут российские партии и куда они их тратят? URL: [https://dev.bankstoday.net/last-](https://dev.bankstoday.net/last-139)

разумно, чтобы доля членских взносов возросла, поскольку именно эта часть бюджета обеспечивает независимость политической партии в рамках своей деятельности.

К иным источникам самофинансирования следует отнести средства, которые получает партия от проведения съездов и конференций, а также от иных массовых мероприятий. Кроме того, партии могут получать доходы от предпринимательской деятельности, которая допустима федеральным законодательством: от информационной, рекламной, издательской и полиграфической деятельности для пропаганды своих взглядов, целей, задач и обнародования результатов своей деятельности; изготовления и продажи сувенирной продукции с символикой и (или) наименованием политической партии, а также изготовления и продажи издательской и полиграфической продукции; продажи и сдачи в аренду имеющегося в собственности политической партии движимого и недвижимого имущества¹. Вместе с тем, данные общественные объединения имеют право совершать различные гражданско-правовые сделки.

К внешним источникам относятся финансовые ресурсы, поступившие в виде пожертвований от частных субъектов. Эти средства обязательно должны быть подтверждены документально с указанием источника. Юридические лица могут осуществить пожертвование только в безналичной форме, а физические могут еще и в наличной (не более 4330 руб. в год). Также определяется перечень субъектов, которые не могут осуществить пожертвования. Данные ограничения являются оправданными, поскольку, представляется, что это может противоречить интересам и безопасности нашей страны. Полагаем, что пожертвования, с одной стороны, позволяют развиваться данным общественным объединениям и открывают перед ними большие возможности, в рамках реализации программных задач, а с другой стороны, могут поставить в зависимость партию от иных субъектов. Как справедливо отметил О.В. Романенко, «пожертвование может осуществляться, как с целью материально поддержать политическую организацию, программу которой он разделяет, так и с целью получить определенные выгоды (место в партийном списке и т.п.)»². Именно поэтому, по нашему мнению, в целях избежания данного факта необходимо ужесточить контроль со стороны государства за такими пожертвованиями.

К внешним источникам следует отнести средства федерального бюджета. По объему они не могут быть менее двадцати рублей, умноженных на число избирателей, включенных в списки избирателей на ближайших предыдущих

[articles/milliardy-kazhdyj-god-eshhe-i-iz-byudzheta-na-kakie-dengi-zhivut-rossijskie-partii-i-kuda-oni-ih-tratyat](#) (дата обращения: 12.01.2022).

¹ Воробьев В.И., Голушков Д.И., Митин Г.Н. [Комментарий к Федеральному закону от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях»](#). URL:http://perviydoc.ru/v6991/воробьев_н.и.,_голушков_д.и.,_митин_г.н._комментарий_к_федеральному_закону_от_11.07.2001_п_95-фз_о_политических_партиях (дата обращения: 12.01.2022).

² Романенко О.В. Финансирование политических партий в России: конституционно-правовые проблемы: Дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 22.

выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации либо выборах Президента Российской Федерации. По сути, данные средства носят компенсационный характер и выплачиваются по итогам выборов. В настоящее время, данный источник является основным для политических партий в России. Так, исходя из финансовых отчётов партий за 2020 год: «Единая Россия» - 4 336 229 856, 00 руб.; КПРФ – 1 067 002 304, 00 руб.; ЛДПР – 1 051 393 576, 00 руб¹. По нашему мнению, несмотря на большую зависимость политических партий от бюджета, данный источник более приемлем, по сравнению, с ранее рассмотренными. Представляется, что использование избыточного количества частных средств может негативно повлиять на качественный состав членов партии и способствовать росту коррупции в стране. Однако, следует учитывать, что неразумное выделение средств из бюджета, также, может привести к излишнему вмешательству государства в деятельность политической партии.

Таким образом, рассмотренные источники финансирования деятельности политических партий носят достаточно противоречивый характер. В связи с этим, были сделаны следующие выводы:

1) государственное финансирование является наиболее приемлемым, поскольку нацелено на развитие партий и является препятствием для коррупции внутри неё;

2) высокая зависимость политических партий от средств бюджета ограничивает их политическую самостоятельность;

3) неограниченное использование частных финансовых ресурсов может повлиять на качественный состав политических партий и поставить её в зависимость от иных субъектов;

4) осуществление государственного контроля за финансовыми ресурсами политических партий должно реализовываться не только на стадии их формирования, но и в рамках расходования.

ПОНЯТИЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ТРУДА В НОРМАХ МЕЖДУНАРОДНОГО И РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ПРАВА

Джукусова А.К. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права
социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент Черепанцева Ю.С.

Принудительный труд - это неприемлемая форма сознательной деятельности человека в любом демократическом государстве. Принудительный труд – это противоестественное состояние человека, выполнение работы под принуждением или иным насильственным

¹ Сводные финансовые отчёты политических партий за 2020 г. URL:http://www.cikrf.ru/politparty/finance/svodn_otchet_20.php (дата обращения: 15.01.2022).

воздействием, приводящее к нарушению прав работника. Его правовая природа раскрывается через субъект давления, которым признается лицо, обладающее полномочиями применения мер наказания. Поэтому такие категории как «необходимость в труде» и «принуждение к труду» являются характеристиками сущности принудительного труда.

Международные стандарты, регулирующие сферу трудовых отношений, играют важнейшую роль в правоприменительной практике. Как отмечается в теории трудового права, одним из основных определений «принудительного труда» считается понятие, содержащееся в Конвенции МОТ №29 «О принудительном или обязательном труде» (1930 г.), которое означает всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг¹.

В соответствии с положениями ч. 2 ст. 4 Конвенции о защите прав человека и основных свобод никто не должен привлекаться к принудительному или обязательному труду.² Однако в самой Конвенции не содержится определение понятиям «принудительный труд» и «обязательный труд», но указывается, что относится к термину «принудительный или обязательный труд». Во-первых, это всякая работа, которую обычно должно выполнять лицо, находящееся в заключении согласно положениям ст. 5 Конвенции или условно освобожденное от такого заключения; во-вторых, это всякая служба военного характера, а в тех странах, в которых правомерным признается отказ от военной службы на основании убеждений, службу, назначенную вместо обязательной военной службы; в-третьих, всякая служба, обязательная в случае чрезвычайного положения или бедствия, угрожающего жизни или благополучию населения; в-четвертых, всякая работа или служба, являющаяся частью обычных гражданских обязанностей. Таким образом, можно говорить о тождественности данных понятий в международном трудовом праве и созданию предпосылок для их расширительного толкования.

Однако отечественные исследователи не соглашаются с указанной точкой зрения. Так, О.И. Новикова разграничивает данные понятия через этимологию этих слов. Она считает, что слово «принудительный» означает «осуществляемый насильно, совершаемый», в то время как слово «обязательный» характеризуется как «необходимый для исполнения, требуемый в законодательном порядке».³ Таким образом, понятие «принудительный» носит более отрицательный характер, противоречащий законодательству государства, тогда как понятие «обязательный» хоть и

¹ Конвенция Международной организации труда № 29 «О принудительном или обязательном труде» 1930 года / Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами, - М. 1960 г. Выпуск XIX.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) / СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

³ Новикова О.И. Запрещение принудительного труда как принцип трудового права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. – С. 20-21.

содержит признак принуждения, но имеет одобрение со стороны государства. Однако, если рассматривать в системе международного и российского трудового права, то разделение понятий «принудительный» и «обязательный» труд выглядит нелогично, создается коллизия норм права.

Международные исследователи выделяют следующие характеристики принудительного труда¹. Прежде всего, это то, что принудительный труд определяется выполнением всех видов работ, занятий, законность которых не принимается во внимание. Другой его характеристикой является субъект, подвергающийся принуждению, независимо от пола, возраста и наличия у лица гражданства государства, где был установлен факт использование принудительного труда. Еще одной особенностью данного труда является угроза наказания, которая может быть выражена в виде уголовного наказания, а также в виде иных форм принуждения (угроза, насилие, невыплата заработной платы и др.). Добровольность как признак принудительного труда выражается через свободное согласие работника на возникновение между ним и работодателем длительных трудовых отношений

Можно сказать, что международные нормы устанавливают два основных признака принудительного труда: во-первых, это отсутствие добровольного свободного волеизъявления в форме предложения своих услуг лицом для выполнения какой-либо работы и, во-вторых, - наличие угрозы применения наказания в случае его отказа от такого труда.

В российском законодательстве понятие принудительного труда содержится в ст. 4 Трудового кодекса Российской Федерации (ТК РФ-далее). Согласно данной правовой дефиниции к принудительному труду относится работа, которую работник вынужден выполнять под угрозой применения какого - либо наказания (насильственного воздействия). Несмотря на определение, можно отметить, что оно не содержит такого признака принудительного труда, как отсутствие добровольного волеизъявления лица на выполнение работы. Кроме того, отсутствие этого признака не дает возможность признать принудительным трудом некоторые случаи, которые явно являются таковыми. Так, если лицо, осуществляющее работу, не будет исполнять свои трудовые обязанности без уважительных причин, в отношении него применяется наказание. Буквальное толкование [ст. 4](#) ТК РФ приводит к следующему выводу, что любая трудовая функция по трудовому договору - принудительная, так как за отказ от ее исполнения лицо будет подвергнуто наказанию.

На наш взгляд, отсутствие признака добровольности в норме национального трудового законодательства, можно считать существенным недостатком правового регулирования, поскольку это затрудняет процесс квалификации содеянного, как принуждение к труду, а, следовательно, восстановление прав лица, подвергшегося такому принуждению, и

¹ См., напр.: Андерс Б. Принудительный труд и торговля людьми: руководство для инспекторов труда // Международное бюро труда. – М.: Междунар. бюро труда, 2009. – С.4.

привлечение к ответственности недобросовестного работодателя становится затруднительным.

В ТК РФ содержится более расширенный перечень форм принудительного труда по сравнению с нормами международного трудового права. Таким образом, отечественная трактовка понятия «принудительного труда» создает предпосылки для более полной защиты прав и законных интересов работника, при этом соответствуя цели международного трудового права – это уничтожение принудительного труда и абсолютный запрет всех его форм проявления. Однако, это порождает правовую коллизию при разрешении споров относительно признания труда принудительным. Кроме того, необходимо заметить, что согласно п. 2 ст. 2 Конвенции № 29 имеются исключения, при которых может применяться принудительный или обязательный труд в течение переходного периода для общественных целей. То есть, такой принудительный труд не подлежит запрету, так как является «легально» принудительным, в отличие от других форм принудительного труда, которые подлежат абсолютному запрету.

В связи с чем, считаем необходимым обратить внимание законодателя на выявленные несоответствия. В целях совершенствования понятийного аппарата и правового регулирования трудовой деятельности предлагаем привести в соответствие ст. 4 ТК РФ в соответствии с нормами международного трудового права, а также изменить наименование статьи на «Запрещение принудительного и обязательного труда». Кроме того, нуждается в уточнении определение принудительного труда, содержащееся в ст. 4 ТК РФ. В связи с этим, предлагаем считать под принудительным трудом - выполнение работы или службы, при которой лицо, не предложило добровольного выполнения услуг, под угрозой применения к нему какого-либо наказания (в том числе насильственного воздействия).

ОТЛИЧИЕ ДЕЛ ОБ ОСПАРИВАНИИ ОТЦОВСТВА (МАТЕРИНСТВА) ОТ ДЕЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОТЦОВСТВА И ДЕЛ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ НЕПРАВИЛЬНОСТИ ЗАПИСИ В КНИЖЕ АКТОВ ГРАЖДАНСКОГО СОСТОЯНИЯ

Дмитриева А.Е. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

Установление отцовства, а также его оспаривание в процессе осуществления установленных законодателем юридических процедур являются частью правового механизма института установления происхождения детей от конкретных родителей (Гл. 10, ст. 47-53 Семейного

кодекса Российской Федерации (далее СК РФ))¹. Несмотря на общую цель процедуры установления происхождения детей, а именно – обеспечить ребенка достойными условиями воспитания и защиты интересов в семье, общением с кровными родителями и лицами, признанными таковыми, – дела об установлении отцовства (материнства), оспаривании отцовства и записей актов гражданского состояния представляют собой относительно самостоятельные категории судебных дел, и обладают спецификой, которая требует отдельного научного анализа.

Судебная практика показывает, что судебный спор по вопросам установления отцовства и иным правовым процедурам, имеющим целью определить правоотношение родителя и ребенка, часто имеет расхождения в оценке судов, и даже может приводить к диаметрально противоположным решениям по одному и тому же судебному иску. Это послужило основанием для вынесения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей»².

Дела об оспаривании отцовства (материнства) следует отличать от других сходных категорий дел, особенно от дел об оспаривании записи об отцовстве (материнстве). К сожалению, законодателем на сегодняшний день не проведено четкого их разграничения. Несмотря на то, что ст. 52 СК РФ носит название «оспаривание отцовства (материнства)» и фактически подразумевает оспаривание кровного родства, в самом тексте п. 1 ст. 52 законодатель говорит о том, что «запись родителей в книге записей рождений, произведенная в соответствии с пп. 1 и 2 ст. 51 настоящего Кодекса, может быть оспорена».

По материалам одного из дел Верховный Суд РФ выразил позицию, согласно которой решение суда должно быть основано на полном и всестороннем исследовании доказательств достоверно подтверждающих факт рождения ребенка от конкретного лица³. Это обстоятельство важно для защиты интересов всех участников процесса – одного из основных принципов осуществления правосудия.

Согласно п. 2 ст. 48 СК РФ, если ребенок родился от лиц, состоящих в браке между собой, а также в течение трехсот дней с момента расторжения брака, признания его недействительным или с момента смерти супруга матери ребенка, отцом ребенка признается супруг (бывший супруг) матери, если не доказано иное (ст. 52 СК РФ). Отцовство супруга матери ребенка удостоверяется записью об их браке. В силу п. 1 ст. 51 СК РФ, а также п. 1

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

² Постановление Пленума ВС РФ от 16 мая 2017 г. № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей» // Российская газета. – 2017. – № 110.

³ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 18-КГ14-39. URL: <https://www.vsrif.ru/files/14830/> (дата обращения: 20.02.2022).

ст. 17 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ (далее ФЗ «Об актах гражданского состояния») отец и мать, состоящие в браке между собой, записываются родителями в записи акта о рождении ребенка по заявлению любого из них¹.

В соответствии с нормой ст. 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния», пунктом 1 признание брака родителей ребенка недействительным в судебном порядке, либо, если брак расторгнут добровольно, либо в случае смерти супруга и с этого момента до дня рождения ребенка прошло 300 дней то сведения о матери ребенка вносят в запись акта о его рождении в порядке, предусмотренным п. 1 ст. 17 ФЗ «Об актах гражданского состояния». Информация об отце ребенка вносится – на основании данных, записанных в свидетельстве о браке родителей или любого иного документа, подтверждающего факт государственной регистрации заключения брака, либо подтверждения факта его прекращения. По смыслу нормы ст. 47 СК РФ доказательством происхождения ребенка от конкретных лиц является произведенная в установленном законом порядке запись родителей в книге записей рождений.

В соответствии со ст. 52 СК РФ запись родителей в книге записей рождений может быть оспорена только в судебном порядке по требованию лица, записанного в качестве отца или матери ребенка, либо лица, фактически являющегося отцом или матерью ребенка, а также самого ребенка по достижении им совершеннолетия, опекуна (попечителя) ребенка, опекуна родителя, признанного судом недееспособным (п.1, п.2 ст. 51 СК РФ).

По смыслу приведенных норм, а также ст. 49 СК РФ суд, рассматривая требования об оспаривании отцовства (материнства), должен установить, соответствует ли действительному происхождению ребенка сделанная органом ЗАГС запись о родителях, т.е. является ли лицо, записанное отцом/матерью ребенка, его биологическим отцом/матерью. При этом суду необходимо принимать во внимание любые предоставленные сторонами доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица². К таким доказательствам относятся любые фактические данные, установленные с использованием средств доказывания, перечисленных в ст. 55 ГПК РФ: объяснений сторон и третьих лиц, показаний свидетелей, письменных доказательств, аудио- и видеозаписей, вещественных доказательств, заключений экспертов.

Таким образом, рассмотренные нами элементы правового механизма реализации конституционного права на защиту детей, их интересов, а именно: правовые процедуры установления отцовства (материнства),

¹ Федеральный закон от 15 ноября 1997 № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»: (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 1997. – № 47. – Ст. 5340.

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 мая 2014 г. № 18-КГ14-39. URL: <https://www.vsrp.ru/files /14830/> (дата обращения: 20.02.2022).

оспаривание отцовства и признание недействительной записи в органах ЗАГС о рождении ребенка – элементы одного правового механизма обеспечения защиты интересов детей. Тем не менее, правовые основания этих процедур, порядок их осуществления и юридические последствия позволяют говорить о необходимости их исследования и устранения противоречий. В противном случае возникает угроза вынесения незаконного и необоснованного судебного решения, которое, в свою очередь, может значительно трансформировать правоотношения родителей и детей создать значительные риски в системе защиты прав граждан материального и нематериального характера.

Как показывает анализ нормативно-правовой базы, специфика процедуры установления отцовства (материнства), оспаривания отцовства и признание недействительной записи государственной регистрации при рождении детей отличается по основаниям возникновения спора, по реализации правового порядка при урегулировании этой категории гражданских дел в судопроизводстве и по особенностям процедуры правового регулирования данной категории гражданско-правовых дел. Оспаривание записи в актах гражданского состояния в отличие от аналогичных правовых споров состоит в доказывании юридических фактов, влекущих изменение правового статуса истца.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА СВОБОДУ СЛОВА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Долматова К.М. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и
международного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Бровченко Н.В.

На текущем этапе развития мировой и российской общественности и государственности глобальная сеть Интернет переросла роль масштабного ресурса по хранению, использованию и распространению информации. Интернет приобрел значение важнейшего фактора формирования и дальнейшего развития институтов гражданского общества в России. Это, безусловным образом повлияло на то обстоятельство, что вовлечение широкого круга граждан в сферу действия сети Интернет начало приобретать ярко выраженные правовые оттенки. Так, по утверждению некоторых правоведов, большинство конституционных прав и свобод человека и гражданина могут быть реализованы с помощью сети Интернет¹.

¹Середа В. Н., Середа М. Ю. Защита прав и свобод человека и гражданина в сети Интернет. – Воронеж, 2013. – С.53.

Таким образом, актуальной тенденцией развития современного общества и права является переход деятельности граждан и организаций в киберпространство, представленное по большей части глобальной сетью Интернет. Иными словами, на сегодняшний день киберпространство выступает в качестве преобладающего по объему источнику потребления и распространения информации¹. Одна из ключевых проблем правового регулирования деятельности, осуществляемой в Интернете, является либо отсутствие нормативно-правовой регламентации такой деятельности, либо крайне фрагментированный характер законодательства, что выражается в пробелах правового регулирования отдельных сфер или видов деятельности, даже с учетом их активного использования, например, реклама, распространяемая в сети Интернет.

Гарантированное в ст. 29 Конституции Российской Федерации право на свободу слова не является абсолютным². Его пределы должны быть ограничены недопустимостью противоречия правам и законным интересам иных лиц. В условиях отсутствия правового регулирования деятельности в сети Интернет, в том числе, в части распространения и получения информации, ключевой проблемой данной сферы является наличие информации, потенциально способной нанести вред обществу в целом, а также отдельным гражданам. Это требует разработки подзаконного акта, в котором необходимо отразить перечень социально опасной информации, распространение которой должно быть запрещено в Интернете. В перечень подобного рода информации необходимо включить следующие сведения:

- инструкции, обучающие материалы, направленные на подготовку и производство взрывчатых веществ, наркотических веществ, проведение террористических актов и т.п;

- информация, направленная на пропаганду насилия, порнографии, снижение общественной морали и нарушение нравственных укладов общества;

- пропаганда деятельности, носящей экстремистский характер³;

- информация, содержащая сведения, нарушающие авторские права законных правообладателей;

- информация, наносящая или потенциально способная нанести вред чести и достоинству граждан, деловой репутации юридических лиц, стимулирующая проведение антирекламных мероприятий.

Наличие пробелов правового регулирования сети Интернет в целом, кроме того, вызывает и ряд некоторых теоретических проблем в понимании

¹ Алиуллов Р. Р. О некоторых правовых проблемах реализации свободы слова в сети Интернет на современном этапе (вопросы методологии, теории и практики) // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 1. – С. 3.

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) (с поправками от 30 декабря 2008 г., 5 февраля, 21 июля 2014 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря (№ 237); 2020. – 16 марта (№ 55).

³ Степанов О.А. Противодействие кибертерроризму в цифровую эпоху: монография. – М., 2020. – С.67.

категории «реализация права на свободу слова в сети Интернет». Вызвано это следующими обстоятельствами. Во-первых, необходимо проводить четкую границу между так называемым «правом на Интернет» и непосредственную реализацию прав и свобод человека и гражданина с использованием глобальной сети. Право на интернет, как законодательная и теоретическая конструкция по своей сути не урегулировано ни одним нормативным актом, как международного, так и внутригосударственного уровня.

В частности, обращаясь к содержанию Всеобщей Декларации прав человека, невозможно определить подлинную природу и отнесения «права на Интернет» к числу неотъемлемых прав человека. В совокупном и систематическом толковании данное право, на наш взгляд, не может соответствовать ряду иных неотчуждаемых прав человека. Например, при соотношении права на Интернет с принципом равенства прав и свобод, очевиден вывод, что реализация права на Интернет не может быть в равной степени обеспечена в отношении каждого человека из-за объективной разницы в уровне экономического и социально-экономического развития конкретного взятого государства.

Кроме того, реализация уже существующих прав и свобод человека и гражданина посредством сети Интернет не может не учитывать и крайне специфическую правовую природу «права на Интернет». Речь идет о том, что в отличие от так называемых традиционных и провозглашенных всеобщих прав человека и гражданина, право на Интернет в своем роде является первым, а возможно, и единственным видом права виртуального формата. В этой связи возникает закономерный вопрос о соотношении традиционного комплекса прав и свобод с виртуальной частью. В частности, весьма актуальным представляется вопрос о том, весь ли комплекс предоставляемых человеку прав может быть реализован посредством сети Интернет.

С одной стороны, глобальная сеть Интернет предоставляет собой очевидную возможность наиболее простой, оперативной и самое главное эффективной реализации практически любого права человека. С другой стороны, будучи по сути неограниченным в плане формы и содержания информации глобальной платформой, Интернет открывает широкие «возможности» для осуществления неправомерной деятельности, что ярко проявляется на сегодняшний день в активном распространении фишинговых сайтов, использования сети Интернет для агрессивного распространения фейковой информации, способной привести к разжиганию межнациональной розни, пропаганде террористических актов, попытках проведения мероприятий, направленных на дестабилизацию политической и социальной обстановки в отдельно взятом государстве. Очевидная актуальность данной проблематики проявляется непосредственно в момент написания данного научного исследования в части активной информационной войны, развязанной на просторах сети Интернет вследствие напряженной геополитической ситуации между Российской Федерацией и Украиной.

В этой связи остро встает вопрос о том правомерно ли на равных началах ограничение реализации некоторых прав в соответствии со ст. 55 Конституции РФ наряду и в комплексе с правом на интернет и реализации других прав в нем. Многие исследователи особенно подчеркивают, что с учетом объективной специфики виртуального пространства и реализация таких ограничений должна быть предметом отдельного исследования правоведов и российского законодателя. На наш взгляд, реализация прав и свобод в реальном и виртуальном формате происходит по различным принципам. Это вызывает необходимость не только формального провозглашения прав в сети Интернет, но и разработки специальных мер по их обеспечению, а в отдельных случаях и включении в орбиту правового регулирования специальных способов их защиты¹.

Одной из основных повесток обсуждения проблемы реализации свободы слова в сети Интернет является потенциальная возможность ограничения цензуры. Однако, любая форма распространения цензуры в конечном счете означает самостоятельное распоряжение государством права граждан на поиск, доступ и ознакомление с любой информацией, что нарушает принципы правового и демократического государства, на пути к построению к которому находится Россия.

В условиях конституционного запрета на цензуру в Российской Федерации при массовом распространении информации в Интернете необходимо предусмотреть на законодательном уровне внедрение системы фильтрации «неприемлемого» контента, запрещенного по российскому законодательству посредством разработки специализированного программного обеспечения, предоставляющего возможность блокировки доступа к сайтам, содержащим информацию, запрещенную к распространению в целях охраны общественной морали и нравственности, а также чести и достоинства частных лиц.

Кроме того, для реализации концепции фильтрации нежелательной информации необходимо учитывать особенности многонационального устройства российского общества, что предполагает учет особенностей культурных, национальных и религиозных особенностей отдельных граждан при выработке мер по ограничению доступа к информации, что несколько затрудняет установление четких критериев подобной информации². В свою очередь данное обстоятельство свидетельствует о глубокой проработке государственной политики в указанной сфере.

Обозначенные в настоящем исследовании проблемы реализации прав и свобод в сети Интернет на текущем этапе развития российского общества и права, требует активного вмешательства законодателя в части разработки

¹ Иванова К. А. Трансформация права граждан на свободу мнения в сети Интернет // Юридическое образование и наука. – 2018. – № 4. – С. 43-47.

² Алиуллов Р.Р. О некоторых правовых проблемах реализации свободы слова в сети Интернет на современном этапе (вопросы методологии, теории и практики) // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2020. – № 1. – С. 7.

устойчивой правовой базы регулирования поставленных вопросов. С учетом активного и перспективного развития сети Интернет, данное направление законодательства станет одним из наиболее приоритетных уже в ближайшем будущем.

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Дощинская А.В. – магистрант Сибирского юридического университета
(СибЮУ), г. Омск

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии
Сибирского юридического университета (СибЮУ), к.ю.н. Пестерева Ю.С.

Наше государство определило приоритетной целью осуществлять защиту детей от разных факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие, поддержка семьи в целях обеспечения обучения, воспитания.¹ Также законодатель защищает интересы детей уголовным законом.

Основная опасность преступления состоит в том, что если в привычку ребёнка войдёт регулярное распитие алкоголя, то его здоровье подвергнется реальной опасности, поэтому последствия могут быть печальными. Специалисты в этой сфере отмечают, что в подростковом возрасте мозговая ткань находится в стадии совершенствования, поэтому даже однократное употребление любого спиртного напитка оказывает «опустошающее» воздействие на подростка. Задерживается не только развитие мышления, выработка этических и нравственных категорий и эстетических понятий, но и утрачиваются уже развившиеся способности. Подросток деградирует интеллектуально, эмоционально и нравственно². Употребление одурманивающих веществ угрожает не только физическому здоровью, но психическому. Бродяжничество и попрошайничество наносит моральный вред.

Действует список, утверждённый Постоянным комитетом по контролю наркотиков. В него входят клофелин, смесь димедрола с алкоголем, барбитурато-алкогольная смесь, хлороформ, эфир, толуол, хлорэтил, закись азота, спиртовые экстракты растений, содержащих алкалоиды тропановой группы.³ В научной литературе обоснованно высказана мысль о том, что указанный список необходимо дополнять новыми одурманивающими веществами, в частности, лекарственным препаратом и любым растительным

¹ Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" // СЗ РФ. – 1998. – №31. – Ст. 3802.».

² Сокол Е.В. Понятие систематичности при вовлечении несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий // Общество и право. – 2014. – №4(50). – С. 134.

³ Критерии и перечни психотропных веществ [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/9039802> (дата обращения: 16.08.2021).

и бытовым химическим веществом, которые вызывают одурманивающий эффект.¹

Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1984 г. раскрывает данные понятия. Так, бродяжничество – это скитание лица, не имеющего постоянного места жительства из одного населенного пункта в другой или в одном городе (районе) из одного места в другое, проживающего на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда более четырех месяцев подряд или в течение года в общей сложности более четырех месяцев. Попрошайничество – это проживание лица на нетрудовые доходы, добываемые путем выпрашивания у посторонних граждан денег, продуктов питания, одежды и иных материальных ценностей.² Как мы полагаем, нужно учитывать действующее законодательство, а также современное состояние государства, в связи с чем указанные понятия можно адаптировать под настоящее время. Нельзя признавать в качестве признака бродяжничества отсутствие постоянного места жительства. Подросток может и не заниматься общественно полезным трудом. В качестве признаков бродяжничества можно закрепить: 1) перемещение лица из одного места в другое без определённой цели; 2) нахождение в местах, не предназначенных для проживания людей; 3) отсутствие постоянного источника дохода.

Диспозиция указанной статьи вызывает некоторую неопределённость. Так, авторы по-разному толкуют признак отнесения систематичности к антиобщественным действиям. Систематическое вовлечение относят ко всем формам или только к некоторым видам? Например, О.В. Поликашина отмечает, что изложение ст. 151 УК РФ не позволяет сделать вывод о том, относится ли признак систематичности ко всем перечисленным в статье антиобщественным действиям или только к употреблению спиртных напитков и одурманивающих веществ.³ В связи с чем однократное вовлечение в занятие попрошайничеством и бродяжничеством квалифицируется как преступление.⁴ Если относить признак «систематическое» вовлечение в занятие попрошайничества и бродяжничества, то права несовершеннолетних не соблюдаются. А.В. Бриллиантов полагает, что указанный признак относится ко всем

¹ Косова Н. Н. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и (или) иных антиобщественных действий: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 36.

² Постановление Президиума ВС РСФСР от 13.12.1984 г. «О порядке применения статьи 209 Уголовного кодекса РСФСР» // Ведомости ВС РСФСР. – 1984. – № 51.

³ Поликашина О.В. Расследование вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2004. – С. 45.

⁴ Мкртычян Б.А. Вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений и иных антиобщественных действий: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дисс. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2003. – С. 121.

перечисленным антиобщественным действиям.¹ Законодатель использует термин «занятие», тем самым, полагая, что попрошайничество и бродяжничество являются регулярной деятельностью. Мы полагаем, что попрошайничество не обладает признаком систематичности, и вовлечение несовершеннолетнего в занятие попрошайничеством и бродяжничеством невозможно при систематичном поведении виновного. Например, несовершеннолетнего один раз вовлекли в бродяжничество или попрошайничество, то, по смыслу статьи 151 УК РФ, подростка не охраняют законом. Если обратиться к судебной практике, то в приговорах описывается признак систематического вовлечения в занятие попрошайничеством, но в то же время есть судебная практика за однократное вовлечение.

В отличие от статьи 150 УК РФ, статья 151 предусматривает примечание, которое гласит, что родитель не подлежит уголовной ответственности за вовлечение своего ребёнка в занятие бродяжничеством в силу безвыходного положения, которое возникло вследствие тяжелых жизненных обстоятельств, вызванных утратой источника средств существования. Действительно, каждая семья имеет разное материальное положение, которое нередко бывает нищенским, и люди нуждаются в обеспечении своей семьи. В каждом конкретном случае субъекты правоприменения оценивают сложившуюся жизненную ситуацию. Но как мы видим, в примечании закреплено только бродяжничество, а попрошайничество - нет. Может сложиться такая ситуация, что законные представители несовершеннолетнего не имеют дохода, не здоровы, живут в нищенских условиях, обратиться за помощью не к кому, выходом из подобного положения является попрошайничество детей. Для единства смысловой нагрузки нормы мы предлагаем в указанное примечание добавить освобождение от уголовной ответственности за вовлечение в попрошайничество, вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств.

Мы предлагаем дополнить ст. 151 УК РФ частью, которая будет иметь следующее содержание: деяния, предусмотренные частью первой в отношении двух и более несовершеннолетних. Если обратиться к статье 151.2 УК РФ, которая находится в рассматриваемой главе, то в указанной норме есть квалифицирующий пункт, касающийся вовлечения двух и более несовершеннолетних в совершении действий, представляющих опасность для их жизни. Из этого следует, что норма учитывает интересы всех вовлекаемых, а статья 151 УК РФ такого пункта не содержит.

Таким образом, всё изложенное позволяет сделать следующие выводы:

- 1) Необходимо дополнить список, утверждённый Постоянным комитетом по контролю наркотиков новыми одурманивающими веществами;
- 2) В качестве признаков бродяжничества можно закрепить:
 - 2.1) перемещение лица из одного места в другое без определённой цели;

¹ Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации т. 2. Особенная часть. Разделы VII-VIII. – М., 2020. – С. 155.

2.2) нахождение в местах, не предназначенных для проживания людей;
2.3) отсутствие постоянного источника дохода;

3) Попрошайничество не обладает признаком систематичности и вовлечение несовершеннолетнего в занятие попрошайничеством и бродяжничеством невозможно при систематичном поведении виновного;

4) Необходимо добавить освобождение от уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетнего в попрошайничество, вследствие стечения тяжелых жизненных обстоятельств;

5) Дополнить ст. 151 УК РФ частью, которая будет иметь следующее содержание: деяния, предусмотренные частью первой в отношении двух и более несовершеннолетних.

ПРОБЛЕМЫ УВОЛЬНЕНИЯ РАБОТНИКА ПО ИНИЦИАТИВЕ РАБОТОДАТЕЛЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19

Дрожжина И.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

к.ю.н., доцент Хабибуллина А.С.

В связи со сложной экономической ситуацией, обусловленной пандемией коронавируса и введением в связи с этим режима нерабочего времени, перед многими работодателями всерьез встал вопрос о сокращении штата и увольнении работников.

Основания для расторжения трудовых отношений по инициативе работодателя закреплены в ст. 71 и 81 Трудового кодекса Российской Федерации¹. Перечень оснований для увольнения работников по инициативе работодателя является закрытым и таких оснований, как эпидемия, кризис, карантин в нем, соответственно, не предусмотрено. Однако, уволить работника во время плохой эпидемиологической ситуации возможно, если есть законные основания для этого. При этом сама по себе неблагоприятная ситуация в стране либо регионе не является в настоящее время самостоятельным законным основанием для увольнения.

В качестве оснований для увольнения работника по инициативе работодателя законодатель формулирует три группы причин: 1) виновные действия работника; 2) причины, относящиеся к личности работника, но не являющиеся результатом его виновных действий; 3) обстоятельства, не зависящие от личности работника.

Наиболее остро в период с начала пандемии COVID-19, во время режима повышенной готовности, «самоизоляции» и нерабочих дней стоял вопрос увольнения за прогул отдельных категорий работников.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 3.

В соответствии с ч. 1 п. 6 подп. «а» ст. 81 ТК РФ работник может быть уволен за однократное грубое нарушение трудовых обязанностей, в частности прогул – отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также в случае отсутствия на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены).

На основании указов Президента РФ от 25.03.2020 № 206¹, от 02.04.2020 № 239², от 28.04.2020 № 294 в период с 30 марта 2020 г. по 8 мая 2020 г. были установлены нерабочие дни с сохранением за работниками заработной платы в связи с пандемией коронавируса COVID-19. Действие данных указов не распространялось на непрерывно действующие организации, однако перечень непрерывно действующих организаций устанавливался на уровне субъектов указами губернаторов в зависимости от санитарно-эпидемиологической обстановки, что, в свою очередь, приводило к сложностям в правоприменении: работники просто не понимали, необходимо ли им оставаться на самоизоляции дома или выходить на работу. Однако сложности в толковании указанного нормативного акта возникали не только у простых работников.

Так, Ч. обратился в суд с иском к администрации города Вилючинска Камчатского края о признании распоряжения о расторжении трудового договора незаконным и его отмене, восстановлении на работе, взыскании заработной платы за время вынужденного прогула, компенсации морального вреда. В обоснование требований указал, что проходил муниципальную службу в администрации Вилючинского городского округа. Распоряжением трудовой договор с ним расторгнут за прогул на основании [пп. "а" п. 6 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации](#). Считает увольнение незаконным, поскольку он прогул не совершал, а его отсутствие на работе связано с исполнением Указа Президента Российской Федерации об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней в период с 30 марта по 8 мая 2020 года. Он не был надлежащим образом уведомлен работодателем о включении его в число муниципальных служащих, обеспечивающих в период объявленных Президентом РФ нерабочих дней функционирование органа местного самоуправления, и по уважительной причине отсутствовал на рабочем месте, соблюдая введенный распоряжением режим самоизоляции. Решением Вилючинского городского суда и в удовлетворении исковых требований Ч. отказано. Апелляционным определением судебной коллегии по гражданским делам решение суда первой инстанции оставлено без

¹ Указ Президента РФ от 25.03.2020 N 206 «Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней» // СЗ РФ. – 2020. – № 13. – Ст. 1898.

² Указ Президента РФ от 02.04.2020 N 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID19)»// СЗ РФ. –2020. – N 14 (часть I). – Ст. 2082.

изменения. Разрешая спор, и отказывая истцу в удовлетворении заявленных исковых требований, суд первой инстанции, с которым согласилась апелляционная инстанция, руководствовался положениями Трудового [кодекса](#) Российской Федерации, Федеральным [законом](#) "О муниципальной службе в Российской Федерации", и исходил из того что основания для увольнения Ч. за прогул имелись, процедура применения дисциплинарного взыскания работодателем соблюдена. Истец, занимая старшую должность муниципальной службы в органе местного самоуправления, обязан был подчиняться правилам внутреннего трудового распорядка, соблюдать трудовую дисциплину, а также распоряжение главы администрации N 78 от 26 марта 2020 года предписывающие обеспечить функционирование работы органов местного самоуправления в полном объеме. Достоверно зная о необходимости явки на работу, истец игнорировал попытки работодателя связаться с ним, что суд расценил как злоупотребление правом со стороны работника. Неявка истца на службу верно расценена работодателем как прогул.

Однако, Судебная коллегия по гражданским делам Девятого кассационного суда находит, что судебными инстанциями допущены существенные нарушения норм права. Так, пунктом 4 Указа Президента РФ от 25 марта 2020 N 206 предписано органам государственной власти субъектов РФ и органам местного самоуправления определить в зависимости от санитарно-эпидемиологической обстановки на соответствующей территории Российской Федерации численность государственных и муниципальных служащих, обеспечивающих с 30 марта по 3 апреля 2020 г. функционирование этих органов.

В ходе рассмотрения дела вопрос о том, был ли определен численный состав муниципальных служащих обеспечивающих функционирование органа местного самоуправления в период нерабочих дней не выяснялся, связаны ли функциональные обязанности Ч. со структурами жизнеобеспечения города и входил ли он в число лиц, обеспечивающих функционирование администрации не проверялся. Между тем, выяснение данных обстоятельств имеет существенное значение при проверке законности увольнения истца за прогул в период введенных в стране в связи с пандемией ограничений. Формальный подход суда к рассмотрению данного дела, противоречит задачам и смыслу гражданского судопроизводства, установленных статьей 2 Гражданского процессуального кодекса РФ.

Что касается причины, относящиеся к личности работника, но не являющиеся результатом его виновных действий, то сюда относятся несоответствия работника занимаемой должности или выполняемой работе вследствие недостаточной квалификации, подтвержденной результатами аттестации; неудовлетворительный результат испытания.

Законом не запрещено увольнять работников, которые не прошли испытательный срок в период распространения коронавируса. Специальной процедуры увольнения по [ч. 1 ст. 71](#) ТК РФ в данный период нет, поэтому

оформление увольнения проходит стандартно. В частности, необходимо уведомить работника об увольнении в связи с неудовлетворительным результатом испытания, издать приказ, внести информацию об увольнении в трудовую книжку (в случае ее ведения) и в сведения о трудовой деятельности, а также произвести с работником расчет.

Трудовым кодексом РФ предусмотрена возможность увольнения работника по обстоятельствам, не зависящим от воли сторон, например из-за наступления чрезвычайных обстоятельств (в том числе эпидемии). Но уволить по этой статье можно, только если соблюдены одновременно два условия (п. 7 ч. 1 ст. 83 ТК РФ):

- такие обстоятельства препятствуют продолжению работы;
- данное обстоятельство признано чрезвычайным решением Правительства РФ или органа государственной власти соответствующего субъекта РФ.

Стоит отметить определенное несовпадение терминологии и процедур признания обстоятельств чрезвычайными между п. 7 ст. 83 ТК РФ и другими федеральными актами, в частности Федеральным конституционным законом от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» и Федеральным законом от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»¹.

Так, в соответствии со ст. 1 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» чрезвычайное положение означает такой особый правовой режим деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, их должностных лиц, общественных объединений, который допускает отдельные ограничения прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, прав организаций и общественных объединений, а также возложение на них дополнительных обязанностей².

Однако, во-первых, чрезвычайное положение на всей территории Российской Федерации или в ее отдельных местностях вводится указом Президента РФ с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе, а в ст. 83 ТК РФ упоминается решение Правительства РФ, а во-вторых, в перечне мер и временных ограничений, применяемых при введении чрезвычайного положения, отсутствует прямое указание на возможность прекращения трудовых договоров с работниками.

Применение положений Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и

¹ Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и технического характера» // СЗ РФ. – 1994. – № 35. – (часть 1). – Ст. 3648.

² Федеральный закон от 30.05.2001 № 3-ФКЗ «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ. – 2001. – № 23 (часть 1). – Ст. 2277.

техногенного характера» было менее вероятным, поскольку определение чрезвычайной ситуации, приведенное в ст. 1 указанного Закона не включает в себя понятия эпидемии.

Однако, стоит обратить внимание, что параллельно развитию ситуации с коронавирусом были приняты Госдумой РФ, одобрены Советом Федерации и подписаны Президентом поправки в законы. Принятые изменения, в частности, изменения в ФЗ-68 «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», уточняют, что чрезвычайная ситуация — это также «распространение заболевания, представляющего опасность для окружающих» (раньше максимально подходящим понятием в ст. 1 этого закона было словосочетание «иные бедствия»). Кроме того, поправки дают полномочия правительству напрямую вводить режимы повышенной готовности или чрезвычайной ситуации на федеральном уровне. Также правительство наделяется правом в случае чрезвычайной ситуации или при возникновении угрозы заболевания, представляющего опасность для окружающих, устанавливать ограничения (но не более чем на 90 дней) на осуществление оптовой и розничной торговли медицинскими изделиями. Таким образом, принятые изменения тогда создали возможность для юридического обоснования некоторых ограничений, которые уже введены на территории страны.

Пунктом 2 ч. 1 ст. 81 ТК РФ предусмотрено такое основание для увольнения работника по инициативе работодателя, как сокращение численности или штата работников организации или индивидуального предпринимателя. Оно применяется при принятии работодателем решения о прекращении деятельности определенных структурных подразделений и (или) работников. Однако, существует ряд причин, который не предполагает применения механизмов, заложенных в трудовом законодательстве в части сокращения численности в рассматриваемой ситуации. В числе таких причин следует назвать:

1. Временный характер социальной изоляции. Сокращение численности (штата) носит постоянный характер, кроме того, быстрое принятие других работников вместо увольняемых традиционно рассматривается как обстоятельство, свидетельствующее о фиктивном, неправомерном проведении работодателем этой процедуры.

2. Организационные сложности, связанные с проведением процедуры сокращения численности (штата). Сокращение численности (штата) — одна из самых сложных процедур в трудовом законодательстве, связанная с увольнением работников. Все работники должны быть персонально и под подпись предупреждены о предстоящем увольнении не менее чем за два месяца до увольнения, сокращение этого срока допускается только с согласия работника (ст. 180 ТК РФ). В сочетании с фактором временной изоляции работодатель может предположить, что распространение инфекции закончится раньше, чем срок предупреждения работника о сокращении численности (штата).

3. Финансовые затраты. При проведении процедуры сокращения численности (штата) каждый высвобождаемый работник, помимо заработной платы за период предупреждения, получает в случае дальнейшего нетрудоустройства выходное пособие за два месяца после увольнения (в исключительных случаях пособие выплачивается и за третий месяц после увольнения) (ст. 178 ТК РФ). Указанные положения трудового законодательства направлены на защиту прав работника, потерявшего работу по инициативе работодателя, однако работодатель может не иметь финансовой возможности удовлетворить потребности работников именно в связи с временным спадом производства или временным прекращением текущей деятельности.

Так, при увольнении по инициативе работодателя в связи с виновными действиями работника работодатель несет такие риски как:

– административная ответственность по [ч. 1, 2 ст. 5.27](#) КоАП РФ за нарушение процедуры увольнения;

– административная ответственность по [ч. 6, 7 ст. 5.27](#) КоАП РФ, если не было выплаты работнику суммы, причитающиеся ему при увольнении;

– признание увольнения незаконным, восстановление работника на работе с выплатой ему среднего заработка за все время вынужденного прогула - если имело место необоснованное увольнение работника. Это следует из [абз. 1, 2 ст. 234, ч. 1, 2 ст. 394](#) ТК РФ, [абз. 1 п. 60](#) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2, [п. 25](#) Приложения к Письму Роструда от 09.04.2020 N 0147-03-5;

– возмещение работнику морального вреда, судебных издержек. Это возможно при любых нарушениях прав работника ([ч. 1 ст. 21, ст. 237, ч. 9 ст. 394](#) ТК РФ, [ч. 1 ст. 98](#) ГПК РФ, [п. 63](#) Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2).

Таким образом, распространение новой коронавирусной инфекции не привело к глобальному пересмотру заложенных в ТК РФ прав и обязанностей работников, но позволило по-новому оценить имеющийся баланс интересов работников и работодателей.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОННОГО ПРИКАЗНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

Дубовицкая А.Е. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к. ю. н. Янева Р.Р.

За последние несколько лет наблюдается общая тенденция упрощения и ускорения судопроизводства, в рамках этого институт судебного приказа демонстрирует свою целесообразность: в 2017 г. из всех рассмотренных гражданских дел 70% разрешены в порядке приказного производства; в

2019 г. – 93%, а в 2020 г. – 94%¹. Представленные сведения свидетельствуют о продуктивности института и его необходимости постоянной оптимизации в связи с развитием цифровизации.

К вопросу о возможности реализации, перспективах развития электронного приказного производства обращались многие авторы.

Так, В. А. Кончева отметила продвинутость и упрощенность, доступность системы вынесения судебного приказа Германии в электронном порядке, заключила, что такое приказное производство ориентиром или образцом для развития процессуального регулирования в России быть не может².

Д.А. Ловцов и Д.В. Шibaев выявили проблему развития эффективного электронного документационного обмена по причине недостаточной правовой базы, ограничивающей создание межведомственного электронного документооборота³.

Е.В. Маркина, в свою очередь, развивая некоторые идеи Д.А. Ловцова и Д.В. Шibaева, исследовала возможность создания определенного алгоритма, то есть правового протокола документооборота по делам, относящимся к приказному производству, и детально раскрыла двухэтапную процедуру протокола в соответствии с требованиями нормативных документов⁴. Результаты труда автор получила из личного опыта работы мировым судьей, в силу чего аргументировала целесообразность в комплексной автоматизации приказного производства. Можно согласиться с авторами, склоняющимися к общему итогу: распространение сервисов электронного правосудия, в том числе в процедуре вынесения судебного приказа, разработка и успешная эксплуатация искусственного интеллекта (далее – ИИ) в судах есть направление усовершенствования судопроизводства, снижения нагрузки судей, высвобождения времени для разрешения непростых споров.

Внедрение в эксплуатацию Государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» способствовало образованию единого структурированного информационного пространства федеральных судов общей юрисдикции, органов судейского сообщества и органов системы

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 – 2020 гг.. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 07.02.2022).

² Кончева В. А. Электронное приказное производство в ФРГ: перспективы правового заимствования // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2013. № 2. – С. 198-206.

³ Ловцов Д. А., Шibaев Д. В. Семейство унифицированных правовых протоколов электронного документооборота в судебной системе // Российское правосудие. – 2011. № 7(63). – С. 44-52.

⁴ Маркина Е. В. Комплексная автоматизация приказного производства в ГАС РФ «Правосудие» // Правовая информатика. – 2019. – № 2. – С. 57-68.

Судебного департамента¹. Немаловажное значение в ГАС «Правосудие» имеет подсистема «Судебное делопроизводство и статистика», содержащая программное изделие АМИРС «Модуль интеграции с участками мировых судей» (ПИ АМИРС). ПИ АМИРС предоставляет средства формирования, анализа и интеграции информационных массивов данных, образующихся на всех стадиях судебного делопроизводства на участках мировых судей. Модуль способствует оперативному информированию всех заинтересованных лиц, участников судебного процесса о движении дела, автоматическому обезличиванию судебных актов для их публикации, формированию статистической отчетности. ПИ еще не совершенно и в него постоянно вносятся изменения, в том числе в рамках внедрения технологии изготовления судебных приказов по шаблону.

В 2019 г. заместитель председателя Благовещенского городского суда И.С. Емшанов в рамках состоявшегося семинара инженеров ФГБУ «Информационно-аналитический центр поддержки ГАС «Правосудие» Судебного департамента» в Амурской области представил присутствующим лицам упомянутую ранее технологию. Она была разработана при участии Благовещенского городского суда и филиала ИАЦ Судебного департамента в Амурской области². Демонстрация программного продукта позволила изучить нюансы процесса изготовления судебного приказа по шаблону за счет внедрения в АМИРС дополнительных вкладок. Несмотря на то, что в Амурской области было принято решение по распространению ИИ на все судебные участки мировых судей области, подобная технология будет востребована и целесообразна на всей территории РФ. Однако, в рамках модификации ПИ АМИРС разработчиками ГАС «Правосудие» конструкция по формированию судебного приказа указанным способом не создавалась, хотя актуализация конструктора шаблонов судебных приказов планировалась в 2021 г.

Сегодня совершенствование приказного производства осуществляется в рамках третьего этапа цифровизации судопроизводства. С 01 февраля 2022 г. вступили в силу общие изменения в законодательные акты, в том числе и в ГПК РФ, направленные на модернизацию порядка применения электронных документов в судопроизводстве с использованием госуслуг. Перемены затронули и институт судебного приказа, в силу чего закреплена возможность подачи заявления о вынесении судебного приказа в электронном виде. Между тем, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 уже регламентирует особенности электронного документооборота в судопроизводстве, в частности, подачу документов в

¹ Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17 марта 2014 г. № 52 «Об утверждении Положения об организации эксплуатации Государственной автоматизированной системы Российской Федерации «Правосудие» // СПС «Консультант Плюс».

² Официальный сайт Благовещенского городского суда Амурской области. URL: http://blag-gs.amr.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=2574 (дата обращения: 08.02.2022).

электронном виде в суды общей юрисдикции и арбитражные суды¹. Однако непосредственное закрепление в ГПК РФ данного способа обращения в указанном порядке упрощает лицам реализацию своего права на судебную защиту, экономит расходы граждан, судебных органов, обеспечивает безопасность их здоровья в условиях COVID-19.

Посредством системы госуслуг, электронного документооборота между госорганами, при наличии на этом же портале согласия участника процесса, судебные акты и извещения также будут направляться в электронном виде. При этом содержание статьи 128 ГПК РФ², регламентирующее извещения должника о вынесении судом судебного приказа, осталось неизменным. Исходя из этого, считаем целесообразным внесение изменений в статью 128 ГПК РФ³, закрепив возможность получения должником судебного приказа в госуслугах, а также скорректировать статью 129 ГПК РФ⁴, закрепив право ознакомления должника с содержанием судебного приказа и на подачу возражения относительно его исполнения через госуслуги.

В рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» Совет судей РФ обсудил вопрос снижения нагрузки судебной системы при помощи модификации института судебного приказа благодаря новейшим технологиям⁵. С этой целью разработана программа формирования судебных приказов, базирующаяся на конструкторе шаблонов. Также был анонсирован проект о подключении ИИ к судебным участкам мировых судей, который упростит подготовку документов в приказном производстве. Проект запущен в Белгородской области, где ИИ был подключен для решения указанной задачи в рамках взыскания земельного, имущественного, транспортного налогов с граждан⁶. Но полноценно проект еще не реализован, соответственно, проанализировать его результаты пока невозможно.

Резюмируя, отметим, что перспективы развития электронного приказного производства существуют. Законодатель к настоящему моменту, учитывая вектор развития технологий, уже предпринимает активные действия по совершенствованию электронного приказного производства в

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 № 57 (ред. от 26.12.2017) «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» // Российская газета. – 2017. – № 297.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

⁴ Там же.

⁵ Официальный сайт Совета судей РФ. URL: <http://ssrf.ru/news/vystupleniia-intierv-iu-publikatsii/42229> (дата обращения: 09.02.2022).

⁶ Куликов В. Жалобный клик. Суперсервис поможет гражданам подавать иски // Российская газета. – 2017. – № 121(8472).

России, однако полноценная его реализация ограничена временными причинами: технической оснащённостью в судах и слабым внедряемым ИИ. Необходимо обновить и дополнить всю судебную систему страны технической составляющей, в дальнейшем привлечь IT-специалистов, разработчиков для создания оптимального ИИ, а также разработать альтернативные сервисы подачи заявления о вынесении судебного приказа. При этом введение технологий в приказном производстве посредством полной замены работы мировых судей исключается.

СПОСОБЫ ПРИОБРЕТЕНИЯ ОБЩЕСТВОМ РАЗМЕЩЕННЫХ АКЦИЙ

Ежель Е.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Залавская О.М.

После эмиссии акции становятся объектом вторичного рынка ценных бумаг, где осуществляется их купля-продажа разными лицами. Акционерное общество, как субъект гражданских правоотношений, также может быть инициатором приобретения выпущенных им акций. Необходимо отметить, что под приобретением понимается не только покупка акций по решению самого общества, но и другие способы посредством которых право собственности на акции переходит к акционерному обществу.

Российское корпоративное законодательство предусматривает различные способы приобретения обществом размещенных акций. Копылов Д.Г.¹ предлагает классифицировать их следующим образом: в зависимости от того, каким законодательством регулируется способ приобретения акций существуют общегражданские и специальные или корпоративные способы.

К первым относятся приобретение акций в порядке дарения и наследования. Отсутствие необходимости в специальной регламентации объясняется тем, что акции переходят в собственность акционерного общества на основании безвозмездных сделок. Поэтому в этих случаях не затрагиваются интересы акционеров и кредиторов. Специальные способы наоборот нуждаются в особом регулировании из-за их возмездного характера.

Проведя анализ ст. 72 и 75 Федерального закона об Акционерных обществах, специальные способы приобретения акций можно разделить на две группы: когда у общества есть интерес в приобретении размещённых акций и когда общество обязано их приобрести.

К первой группе относятся такие способы как приобретение обществом размещённых акций (обратный выкуп акций), приобретение непубличным

¹ Копылов Д.Г. Правовое регулирование приобретения обществом размещенных акций : дис. ... к.ю.н.: 12.00.03. – М., 2019.

обществом собственных акций в результате реализации им преимущественного права.

По смыслу ст. 72 ФЗ об Акционерных обществах приобретение обществом размещённых акций – это выкуп акционерным обществом собственных акций у акционеров путём направления им предложения о продаже акций. Эту российскую процедуру часто сравнивают с зарубежным тендерным предложением. Порядок, условия, а также ограничения осуществления таких сделок регламентированы ст. 72 ФЗ об АО. Общество вправе приобрести размещённые им акции, если это предусмотрено его уставом. Для этого необходимо провести общее собрание акционеров или собрание совета директоров.

Преимущественное право непубличного АО на приобретение акций основано на ст. 7 Федерального закона «Об акционерных обществах». Уставом общества может быть предусмотрено преимущественное право его акционеров на приобретение отчуждаемых по возмездным сделкам акций, также может быть предусмотрено преимущественное право самого общества на приобретение отчуждаемых акций в случае, если его акционеры не использовали такое право. Наделение Акционерных обществ таким правом является своеобразной гарантией защиты прав и интересов акционеров, а также самого общества от вхождения в состав АО акционеров, которые могут иметь другие взгляды в отношении направлений деятельности общества.

Приобретая собственные акции, компания может преследовать различные цели. В соответствии с п. 1 ст. 72 ФЗ об Акционерных обществах общество вправе приобретать собственные акции для уменьшения уставного капитала путём погашения приобретённых акций, а также в иных целях, если это предусмотрено его уставом. К иным целям можно отнести например, регулирование стоимости своих акций, повышение капитализации компаний, стимулирование работников.

На практике же вышеуказанные процедуры приобретения акций российскими компаниями начали применяться относительно недавно.

Ко второй группе способов приобретения акций обществом относятся все остальные специальные способы. Они характеризуются тем, что общество обязано их приобрести независимо от того, есть ли у него интерес в таком приобретении. К ним относятся выкуп акций по требованию акционеров, переход акций в общество в случае их неоплаты или неполной оплаты, а также переход права собственности на акции к обществу в случае исключения участника из общества.

Ст. 75 Федерального закона «Об акционерных обществах» предоставляет акционерам право требования выкупа обществом всех или части принадлежащих им акций в случае принятия общим собранием акционеров решения по одному из вопросов, указанных в п. 1 ст. 75 вышеуказанного закона или в иных законах, если они голосовали против решения по соответствующему вопросу либо не принимавших участия в

голосовании. Ломакин Д.В. высказывает точку зрения, что право требовать от общества выкупа принадлежащих акционеру акций – это особый корпоративный способ защиты прав и интересов акционеров, который служит гарантией от угрозы нарушения их прав.

После реформы гражданского законодательства в части, касающейся юридических лиц, был расширен круг корпоративных коммерческих организаций, участники которых могут требовать исключения другого участника из такой организации в судебном порядке. Мнения авторов на этот счёт расходятся. Некоторые полагают, что право требовать исключения акционера из общества должно принадлежать самому обществу, а не отдельным его участникам.

Таким образом, не только акционеры могут приобретать и отчуждать акции, но и общество может быть участником таких сделок (по собственной инициативе или по требованию акционеров). Такие сделки могут регулироваться как гражданским, так и корпоративным законодательством. В обоих случаях необходимо соблюдать требования к проведению процедуры приобретения акций и помнить об установленных в законе ограничениях.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ О РАСТОРЖЕНИИ БРАКА

Елизаров А.Ю. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), д.ю.н., доцент Родионова О.М.

Не все семейные отношения способны сохраниться в первоначальном виде, при закреплении брака. Иногда, когда нет смысла сохранять брак и семейные отношения, единственным возможным решением становится процедура расторжения брака. Семейные отношения основаны на принципах равенства супругов, разрешения споров по взаимному соглашению, добровольности брачного союза, приоритета заботы о воспитании и содержании детей и свободы расторжения брака.

Дела о расторжении брака часто встречаются в судебной практике и рассматриваются судами общей юрисдикции в тех случаях, когда расторжение брака невозможно в органах ЗАГСА. Расторжение брака в судебном порядке регламентируется нормами процессуального и материального права, а именно, такими нормативными правовыми актами, как Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - ГПК РФ)¹ и Семейный кодекс Российской Федерации (далее - СК РФ)¹. Вопросы,

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г. № 243-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2018. – № 47. – Ст. 7523.

касающиеся расторжения брака, разъясняются также в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

В соответствии с п. 1 ст. 19 СК РФ при взаимном согласии на расторжение брака супругов, не имеющих общих несовершеннолетних детей, расторжение брака может быть произведено в органах записи актов гражданского состояния. Статья 21 СК РФ предусматривает случаи, когда расторжение брака производится в судебном порядке, при наличии у супругов несовершеннолетних детей за исключением случаев, когда один из супругов признан судом безвестно отсутствующим или недееспособным, или осужден за совершение преступления к лишению свободы на срок свыше трех лет; отсутствие согласия одного из супругов на расторжение брака; уклонение одного из супругов подать заявление в ЗАГС о расторжении брака.

При обращении в суд с иском о расторжении брака в исковом заявлении необходимо указать общие основания для расторжения брака, в частности: когда и где зарегистрирован брак; имеют ли супруги общих несовершеннолетних детей, в случае если имеются, указывается их возраст; достигнуто ли супругами соглашение о содержании и воспитании детей; при отсутствии взаимного согласия на расторжение брака - мотивы расторжения брака; имеются ли другие требования, которые могут быть рассмотрены одновременно с иском о расторжении брака. В соответствии с пунктом 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»² исковое заявление о расторжении брака должно отвечать требованиям ст. ст. 131, 132 ГПК РФ.

Приняв исковое заявление о расторжении брака, судья обязан по каждому делу провести подготовку к судебному разбирательству в порядке, указанном в главе 14 ГПК РФ. Данное правило также закреплено и регламентировано п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 5 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака».

В соответствии со ст. 22 СК РФ суд расторгает брак, если будет установлено, что совместная жизнь супругов в дальнейшем невозможна. Исходя из этого, главным основанием для расторжения брака является прекращение семейных отношений, причины которых устанавливает суд.

Несмотря на то, что закон устанавливает обязательное указание в исковом заявлении причин расторжения брака, действующее законодательство не содержит перечень мотивов расторжения брака, которые, логично было бы указать. Законодатель обращает внимание на то,

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. – 1996. – № 17. – Ст. 793.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» от 5 ноября 1998г. № 10 // СЗ РФ. – 1999. – № 1. – Ст. 379.

что истцу необходимо учитывать и руководствоваться специальными основаниями при подаче искового заявления, но при этом, законодательно не закрепляет данные основания ни в одних юридических актах. Кроме того, по этому вопросу не существует специальных судебных разъяснений. Данный факт затрудняет процесс подготовки искового заявления, а также в некоторых случаях препятствует рассмотрению дела.

На наш взгляд, законодателю следует закрепить специальный перечень причин, на которые суды могли бы ссылаться при вынесении решения по делам о расторжении брака. Это будет способствовать улучшению проведения судебного процесса по делам данной категории.

В соответствии с ч. 1 ст. 23 СК РФ суд расторгает брак, не выясняя причин развода при наличии согласия обоих супругов на расторжение брака в случае, если супруги имеют общих несовершеннолетних детей, а также в том случае, если один из супругов уклоняется от расторжения брака в органах ЗАГС, в том числе отказывается подавать заявление. Если согласие супругов на расторжение брака отсутствует, суд должен выяснить мотивы, которые стали причиной расторжения брака и прекращения семейных отношений.

Согласно п. 2 ст. 22 СК РФ если один из супругов не согласен расторгнуть брак, суд может принять меры к примирению супругов. Данные меры возможны как в ходе подготовки дела к судебному разбирательству, так и непосредственно на стадии судебного разбирательства. Предоставление супругам срока для примирения является правом, а не обязанностью суда.

Возможно, имело бы смысл закрепить принятие судом мер к примирению супругов не как право, а как обязанность, а также, закрепить те меры, которые суд может применить для примирения супругов. Указанные изменения действующего законодательства могут способствовать увеличению количества сохранённых семей и снизят уровень бракоразводных процессов.

Основной мерой по сохранению семейных отношений лиц, решившихся развестись в судебном порядке, является предоставление срока для примирения, который ограничен законом и не может превышать три месяца. В каждом конкретном случае продолжительность срока для примирения устанавливается судом, исходя из фактических обстоятельств дела. Предоставление супругам срока для примирения является одним из способов сохранить семейные отношения лиц.

Если имеются уважительные причины, срок для примирения сокращается по заявлению сторон. В этом случае судом выносится мотивированное определение. Данное определение не может быть обжаловано в суде вышестоящей инстанции, поскольку оно не препятствует дальнейшему движению дела.

Если в течение назначенного судом срока супруги придут к примирению, то производство по делу о расторжении брака прекращается,

согласно ст. 220 ГПК РФ. В противном случае суд рассматривает дело по существу и выносит решение.

По окончании судебного разбирательства по делам о расторжении брака суд выносит решение. Резолютивная часть решения суда, удовлетворившая исковое заявление о расторжении брака, должна содержать выводы по всем требованиям сторон, а также должно быть указана дата регистрации брака, номер записи акта гражданского состояния, наименование органа, зарегистрировавшего брак, фамилии супругов указываются согласно свидетельству о браке, а если фамилия изменялась при вступлении в брак, указывается также добрачная фамилия.

Таким образом, материально-правовая специфика дел о расторжении брака предопределяет процессуальные особенности рассмотрения судами дел указанной категории. Вместе с тем, действующее законодательство содержит ряд нерешенных вопросов, предложенные варианты нивелирования которых вполне могли бы способствовать вынесению законных и обоснованных судебных решений по делам о расторжении брака.

ОСОБЕННОСТИ НОТАРИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Ершова И.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и
процесса Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

Нотариальное обеспечение электронных доказательств предусмотрено ст. 102 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате¹.

А.В. Бегичев отмечает преимущества нотариального обеспечения доказательств: средства доказывания, обеспеченные нотариусом, не ограничены сроком их действия; нотариальные акты оформляются соответствии с требованиями процессуального законодательства; обеспечение доказательств может осуществляться любым нотариусом в пределах нотариального округа². Достоинством нотариальной формы обеспечения доказательств является то обстоятельство, что установленные нотариусом факты, согласно ст. 61 ГПК РФ не требуют дополнительного доказывания в судебном заседании.

Например, осмотр интернет-страницы осуществляется нотариусом путем исследования её на мониторе компьютера и распечатывания информации. Не исключается осмотр электронной переписки, но для проведения нотариальной процедуры необходимо заявление добросовестного

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1 (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. – 2003. – № 50

² Бегичев А. В. Проблемы использования электронных технологий нотариусами при обеспечении доказательств // Нотариус. – 2020. – № 1. – С. 41-43.

владельца электронной почты или учетной записи в мессенджерах. Заявление владельца подтверждает принадлежность права пользования и владение ресурсом в электронной почте/мессенджерах. Нотариус должен удостовериться в том, что заявление подал именно владелец учетной записи электронного почтового ящика, так как в ином случае нарушалась бы тайна переписки. Но представляется сложным определить, действительно ли лицо, подавшее заявление, является истинным владельцем электронного почтового ящика. Нотариус должен при принятии заявления действовать осмотрительно, сверяя данные заявителя с информацией, содержащейся в почтовом ящике (наименование, подпись).

Представляет интерес вопрос об осмотре нотариусом информации, носящей ограниченный доступ. Например, в социальных сетях существуют закрытые группы, материалы которых доступны только их участникам. Данный осмотр можно совершить только с аккаунта заявителя, если ему предоставлен доступ к этому сообществу. Фактически, нотариус может провести осмотр данных с закрытых групп после того, как он станет их участником и будет иметь беспрепятственный доступ ко всей информации закрытого сообщества. Однако нотариус, став участником закрытого сообщества в социальной сети, не вправе обеспечивать доказательства, поскольку он входит в него от своего имени, и это противоречит ст. 47 Основ законодательства РФ о нотариате. Поэтому решением данного вопроса является совершение нотариального действия с аккаунта заявителя. Но следует позаботиться о фиксации волеизъявления заявителя на передачу данных аккаунта для совершения входа путем получения письменного согласия на передачу данных.

При обеспечении доказательств нотариусом по общему правилу, присутствие заинтересованных лиц обязательно. Случаи же, связанные с обеспечением доказательств в сети Интернет, являются не терпящими отлагательства, поэтому осмотр информации, находящейся в сети Интернет, производится без извещения заинтересованных лиц, так как в случае их уведомления существует большая вероятность утраты информации, ее уничтожения или искажения. Учитывая возможность оперативного устранения информации в Интернете, процедура обеспечения доказательственной информации, размещенной в сети Интернет, по объективным причинам должна осуществляться безотлагательно в целях ее незамедлительной фиксации. В противном случае при извещении нотариусом заинтересованных лиц (нарушителя) о времени и месте обеспечения такого доказательства данная процедура не сможет быть реализована. Данной позиции придерживается Верховный суд РФ¹ - «при оценке информации с сети Интернет суд не вправе признать недопустимым

¹ Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26 декабря 2017 г. № 57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов // Российская газета. – 2017. – № 297.

обеспеченное нотариусом доказательство только на основании того, что нотариус не известил о времени и месте его обеспечения владельца сайта или иное лицо, которое предположительно разместило в сети Интернет информацию, относящуюся к предмету спора».

Представляется, что осмотр электронной переписки в мессенджерах по смыслу п. 4 ст. 103 Основ законодательства РФ о нотариате также проходит без извещения и участия заинтересованных лиц. Необходимость обеспечения электронной переписки в мессенджере вызвана вероятностью уничтожения и утери переписки. При этом заявитель также должен подтвердить право владения телефоном или номером, с которого используется учетная запись мессенджера, например, товарным чеком. Принадлежность SIM-карты подтверждается справкой оператора сотовой связи. Если SIM-карта оформлена на другое лицо, требуется его письменное согласие.

А.В. Бегичев считает необходимым расширить перечень нотариальных действий в целях обеспечения доказательств, например, дополнив их заслушиванием аудио-записи, просмотром видео-записи. По нашему мнению, закрепление закрытого перечня подобных действий не имеет смысла в виду постоянного развития научно-технического прогресса. Такой же точки зрения придерживается М.Е. Егорова¹.

В вопросе обеспечения доказательств нотариусами существует точка зрения об обязательном участии специалиста в нотариальном осмотре². Это обусловлено сложностью электронных доказательств, что влечет невозможность их получения и исследования без использования специальных знаний. К.А. Сергеева высказывает предложение о закреплении нормы об обязательном участии специалиста при обеспечении нотариусом электронных доказательств по делам, связанным с нарушением прав и законных интересов участников электронного документооборота, а также лиц, чьи авторские права либо честь, достоинство и деловая репутация пострадали в результате правонарушений в интернет-пространстве³. А.В. Ковалев считает, что к категориям дел следует добавить ситуации, когда только возникает угроза нарушения вышеназванных прав и законных интересов⁴. На наш взгляд, ограничение категорий дел, по которым участие специалистов обязательно при обеспечении нотариусом электронных доказательств, нецелесообразно. При этом нотариус самостоятельно должен определять в каждом случае необходимость привлечения специалиста. Например, при осмотре интернет-страницы нотариусу не понадобится техническая помощь, а при обеспечении доказательств в делах с

¹ Егорова М.Е. Информация и реклама в Интернете: найти и зафиксировать, или к вопросу об обеспечении нотариусом доказательств в виде рекламных объявлений в сети Интернет // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 9. – С. 135.

² Сергеева К.А. Обеспечение доказательств в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург., 2012. – С. 4.

³ Сергеева К. А. Указ. соч. С. 26.

⁴ Ковалев А.В. О возможности участия специалиста при обеспечении доказательств // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 3. –С. 107-117.

электронным документооборотом потребуются применение специальных технических знаний. В последнем случае необходимость привлечения специалиста при нотариальном обеспечении электронных доказательств вызвана отсутствием у нотариуса познаний в соответствующей области. Если в ст. 188 ГПК РФ упоминается консультация специалиста, то в ст. 103 Основ законодательства РФ о нотариате не содержится положения о праве нотариуса привлекать последнего для совершения нотариальных действий по обеспечению доказательств.

Таким образом, нотариальное обеспечение электронных доказательств является необходимым средством фиксации их содержания.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНЕМТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ COVID-19 В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ждаков А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Толочкова Н.Г.

Период коронавирусной инфекции нанёс сильнейший экономический удар по малым и средним предпринимателям (далее – МСП). Значительные убытки, уменьшение числа работников, перебои поставок сырья, комплектующих деталей, сложности при сдаче отчётности в налоговые органы привели институт МСП к большому упадку. Данный сектор экономики буквально оказался под угрозой. При таких обстоятельствах государство не могло оставаться в стороне, ведь в условиях рыночной экономики, данный сектор определяет такие важные элементы, как занятость населения, рост экономики страны, качество товаров, работ и услуг, предлагаемых предпринимателями на внутреннем рынке, объем налоговых отчислений как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях, развитие технологий.

В результате пандемии в 2020 году у малых предприятий снизился денежный оборот в фактически действовавших ценах. Для примера представляется возможным взять статистику Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области. Так, в 2018 году денежный оборот в фактически действовавших ценах малых предприятий составил 9.987.108 руб., а к 2020 году снизился на 3.260.591,9 руб. и составил 6.726.516,1 руб.¹

В 2020 году в своем докладе Президенту РФ Уполномоченный по защите прав предпринимателей Борис Титов озвучил, что 53,3% МСП

¹ Управление Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области. URL: <https://mosstat.gks.ru> (дата обращения: 09.03.2022).

считают своё положение в сложившихся обстоятельствах как «кризис» и «катастрофа»¹.

Если обратиться к Единому реестру субъектов малого и среднего предпринимательства, то можно увидеть уменьшение числа субъектов МСП к 2020 году. Так, по состоянию на 10 января 2018 года в Российской Федерации было зарегистрировано 6.042.898 субъектов МСП, а ровно через два года, то есть по состоянию на 10 декабря 2020 года 5.702.150 субъектов².

Таким образом, мы видим, что сектор МСП сильно пострадал в период пандемии в 2020 году. При таких обстоятельствах правительство Российской Федерации начало разрабатывать и применять пакеты комплексных мер направленных на поддержку субъектов МСП в период коронавирусной инфекции.

Государственная поддержка субъектов МСП стала реализовываться по нескольким направлениям, таких как, выплаты субсидий из средств бюджетного фонда, предоставление предпринимателям льгот, отсрочки обязательных платежей, налоговые послабления.

Согласно Постановлению Правительства РФ от 24.04.2020 № 576, субъектам МСП было предоставлено безвозмездная денежная помощь на выплату заработной платы сотрудникам таких субъектов, при условии сохранения рабочих мест на уровне не менее 90%. При соблюдении данных условий, размер такой денежной помощи, составил 12.130 рублей на одного сотрудника³.

Также в 2020 году согласно распоряжению Правительства РФ от 02.04.2020 № 846-р кредитные организации получили субсидии в общей сумме на 5 млрд. рублей для отсрочки платежа по кредитам, выданным субъектам малого и среднего предпринимательства⁴. Данная программа призвана на период с 1 апреля по 1 октября 2020 года, в который банки должны будут предоставить заемщику отсрочку платежей по основному долгу, а также в течение 9 месяцев не станут повышать процент по кредиту и предъявлять требования о досрочном исполнении обязательств, если МСП выполняет свои обязательства.

¹ Уполномоченный при президенте РФ по защите прав предпринимателей. Доклад Президенту РФ – 2020. URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2020.html (дата обращения: 09.03.2022).

² Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства. URL: <https://ofd.nalog.ru/index.html> (дата обращения: 09.03.2022).

³ Постановление Правительства РФ от 24.04.2020 № 576 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий субъектам малого и среднего предпринимательства, ведущим деятельность в отраслях российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // СЗ РФ. – 2020. – № 18. – Ст. 2895.

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 02.04.2020 № 846-р «О предоставлении субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям на обеспечение отсрочки платежа по кредитам, выданным субъектам малого и среднего предпринимательства» // СЗ РФ. – 2020. – № 15 (часть IV). – Ст. 2335.

В период пандемии правительство РФ увеличило размер бюджетных ассигнований на уже ранее существовавшие программы по поддержке субъектов МСП. Так, для финансового обеспечения национального проекта "Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы" Минэкономразвития России из резервного фонда Правительства РФ выделило 12 млрд. рублей¹.

Для облегчения положения малого и среднего бизнеса в наиболее пострадавших отраслях правительство решило увеличить срок уплаты ранее начисленных административных штрафов для них с 60 до 180 дней².

Ещё одной немаловажной мерой поддержки субъектов МСП стало стимулирование арендодателей предоставлять отсрочки по взиманию денежной платы за аренду недвижимого имущества, занимаемого малыми и средними предпринимателями. Таким образом, те арендодатели, которые согласились предоставить отсрочки, освобождались от уплаты налогов на данное недвижимое имущество на период предоставления такой отсрочки³.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что государство действительно реализовало достаточно мощный комплекс мер для обеспечения нормальной экономической деятельности субъектов МСП. Данные действия государства помогли увеличить количество субъектов МСП в 2021 году на 136.859. Так, исходя из статистики реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, по состоянию на 10 декабря 2021 года малых и средних предпринимателей было зарегистрировано 5.839.009. Также если вернуться к примеру, который был приведен в начале статьи, о малых предприятиях г. Москвы и Московской области, то мы увидим, что по данным Управления Федеральной службы государственной статистики по г. Москве и Московской области, только за период с января по сентябрь 2021 года денежный оборот в фактически действовавших ценах малых предприятий составил 5.930.125 рублей.

¹ Распоряжение Правительства РФ от 16.05.2020 № 1297-р «О выделении Минэкономразвития России бюджетных ассигнований на увеличение в 2020 г. финансового обеспечения национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 19. Ст. 3024.

² Федеральный закон от 08.06.2020 № 166-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях принятия неотложных мер, направленных на обеспечение устойчивого развития экономики и предотвращение последствий распространения новой коронавирусной инфекции» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 24. Ст. 3740.

³ Постановление Правительства РФ от 03.04.2020 № 439 «Об установлении требований к условиям и срокам отсрочки уплаты арендной платы по договорам аренды недвижимого имущества» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 15 (часть IV). Ст. 2293.

ЗНАЧЕНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ НОРМ В РЕГУЛИРОВАНИИ ОТНОШЕНИЙ ПО ВЗЫСКАНИЮ АЛИМЕНТОВ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ДЕТЕЙ

Забунова А.Д. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой гражданского права и
процесса Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент Томина А.П.

В судах общей юрисдикции споры, возникающие из семейных правоотношений, составляют значительную часть гражданских дел. К данной категории относятся и дела о взыскании алиментов, изменении размера алиментов, о прекращении их взыскания, о сложении или уменьшении задолженности по алиментам.

Как показывает практика, рассмотрение данных дел зачастую сопряжено с рядом проблем, в том числе с связанными с несовершенством законодательства, регулирующего алиментные правоотношения и порядок их взыскания.

Безусловно, порядок рассмотрения и разрешения такого огромного пласта гражданских дел как споры, возникающие из алиментных обязательств, требует особого процессуального регулирования, отражающего специфику алиментного обязательства. Такое регулирование достигается, в том числе, и за счет специальных процессуальных норм, что свидетельствует о способности гражданского процессуального законодательства к дифференциации. Такая дифференциация, как утверждает И.Н. Сенякин, является основой правовой специализации. По мнению автора, учет конкретных обстоятельств, их специфики, детализации, объема действия, а также связанное с этим формирование более конкретных правил поведения субъектов – вот неполный круг вопросов, на осуществление которых направлен процесс специализации¹.

Причиной, определяющей формирование специальных норм, по мнению О.В. Баулина, является необходимость учета специфики регулируемых общественных отношений, субъекта, объекта, содержания этих отношений. Автор выделяет также субъективные причины образования специальных норм: приоритеты социальной политики государства, лишенные объективной основы законодательные традиции².

Разумный баланс унификации и дифференциации, по нашему мнению, достигается законодателем, в том числе, и посредством включения в источник материального права специальных процессуальных норм. Так, например, специальное процессуальное регулирование порядка рассмотрения

¹ Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. – Саратов, 1987. – С. 12.

² Баулин О.В. Специальные нормы в гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – С. 9.

и разрешения гражданских дел, возникающих из алиментных обязательств, закреплено не только в ГПК РФ (ч.3 ст. 29, п. 3 ч. 1 ст. 91, ст. 120, ст. 122, ч. 2 ст. 127, ч. 2 ст. 154, ст. 211, п. 3 ч. 3 ст. 202, п. 3 ч. 3 ст. 402, ч. 3 ст. 445), но и в акте материального права – СК РФ (п. п. 2-3 ст. 80, ст. 106, ст. 108 и др.). Вопрос о причинах включения специальных процессуальных норм в источник материального права достаточно широко исследован в юридической науке.

Е.А. Позднякова выделяет общие и специфические причины включения процессуальных норм в материальные нормативные акты. Общие причины – неразрывная связь процессуальных правил с материальной нормой; исторические предпосылки такого закрепления; стремление избежать детализации отдельных вопросов в ГПК РФ; необходимость устранения пробелов в правовом регулировании, связанных с тем, что материальное законодательство, как правило, меняется быстрее, чем процессуальное. Специфические причины – широкий круг субъектов семейных правоотношений; наличие таких специфических субъектов как несовершеннолетние, нуждающиеся в особом внимании со стороны государства; разнообразный характер корреспондирующих прав и обязанностей, как следствие – многообразие споров, возникающих из семейно-правовых отношений (которое обуславливает значительное число норм о подведомственности в СК РФ)¹.

Однако, как указывает О.С. Батова, законодателю не следует злоупотреблять включением процессуальных норм в СК РФ. Сегодня, по мнению автора, неоправданно большое количество процессуальных норм содержится в СК РФ, при этом нарушается принцип верховенства процессуального законодательства при включении процессуальных норм в материальные отрасли права².

Кроме того, совместное изложение материальных и процессуальных норм, способствует более высокой степени их согласованности. Возможные противоречия могут быть замечены уже в процессе правотворчества и вовремя нивелированы законодателем. Так, М.К. Юков указывал на то, что при изменении содержания отдельной нормы гражданского процессуального права, обязательно нужно проследить допустимы ли такие изменения в пределах соответствующих норм профилирующей отрасли материального права. Однако, безусловно, что противоречия таких правовых норм, закрепленных в разных источниках права, являются неотъемлемым элементом правовой жизни, поэтому законодателем и теоретиками должны быть выработаны пути их преодоления.

¹ Позднякова Е.А. Особенности гражданских процессуальных норм, содержащихся в Семейном кодексе Российской Федерации: автореф. дис. ... канд.юрид. наук. – Воронеж, 2007. – С. 17.

² Батова О.С. Процессуальные особенности рассмотрения споров, связанных с воспитанием детей: автореф. дис. ... канд.юрид. наук. – М., 2007. – С. 14.

В качестве примера коллизии норм процессуального и материального источника права приведем положения пункта 2 ст. 24 СК РФ, которые достаточно часто подвергаются критике в научной литературе: при расторжении брака в случае, если между супругами отсутствует соглашение о порядке выплаты средств на содержание детей, а также, если установлено, что такое соглашение нарушает интересы детей, суд обязан определить, с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты. В нарушение принципа диспозитивности и общих норм ГПК РФ, регулирующих порядок предъявления иска, СК РФ с помощью императивной нормы обязывает суд вынести решение по не заявленным истцом требованиям. Какому же источнику права должно быть отдано предпочтение правоприменителем: ГПК РФ или СК РФ?

В силу ч. 1 ст. 1 ГПК РФ порядок гражданского судопроизводства, определенный иными федеральными законами, должен соответствовать положениям ГПК РФ. То есть, с одной стороны, мы можем говорить о верховенстве процессуального кодекса.

С другой стороны, теория права выработала определенные правила, применяемые при обнаружении конкуренции правовых норм, а именно: в случае наличия противоречий между общей и специальной нормой применению подлежит последняя¹.

Соглашаясь с тем, что включение процессуальных норм в источник материального права должно быть осуществлено исключительно в соответствии с процессуальной конструкцией, установленной в ГПК РФ, позволим себе не согласиться с тем, что решением вопроса о несогласованности правового регулирования двух актов разных отраслей является отказ законодателя от закрепления процессуальных норм в актах материального права.

Заимствованием норм стремятся объединить, унифицировать процессуальные нормы, но очевидно, следует признать необходимость дифференциации некоторых элементов цивилистического процесса, в том числе и в зависимости от категории рассматриваемых споров.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ РАБОТНИКАМИ В ПРОЦЕССЕ НЕТИПИЧНОГО ТРУДА

Завальнюк В.О. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права
социального обеспечения Оренбургского
института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н. Яковенко Н.А

¹ Сенякин И.Н., Арзуманян А.Э. Конкуренция норм российского права. – Саратов, 2011. – С. 58.

Современные демократические государства считают своей главной целью противодействие негативным тенденциям, которые влияют на права их граждан. Однако, такие ключевые проблемы, как трудоустройство и обеспечение надлежащих условий труда не теряют своей актуальности, в том числе и в Российской Федерации. Это происходит, несмотря на то, что сфера социально-трудовых прав сегодня претерпела масштабную трансформацию, которая была вызвана принятием международных норм права, развитием процесса прекаризации, появлением неформальной занятости. Использование нетипичных форм труда предполагает расширение свободы договора, однако, именно это приводит к проблеме сохранения уровня гарантий прав работников по трудовому договору. Анализируя данный вопрос, А. Ф. Нуртдинов пишет следующее: «для дальнейшего развития трудового законодательства необходимо при осуществлении правового регулирования обеспечивать баланс конституционных прав и свобод ... именно это и составляет правовую основу справедливого согласования прав и интересов работников и работодателей как сторон трудового договора»¹.

Таким образом, дополняя Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. №197-ФЗ (далее - ТК РФ) новыми категориями нетипичного труда, необходимо гарантировать для них сложившийся уровень правовых гарантий, аналогичный уже закрепленному в законодательстве стандарту прав работника². Не допускается снижение, ухудшение или умаление прав работников, в любом виде, вне зависимости от специфики нетипичной формы занятости. Однако, как указывает Н.В. Черных «способность страны обеспечить адекватную занятость и социальную защиту работникам с различными формами занятости станет лакмусовой бумажкой для проверки ее готовности к идущей трансформации рынка труда. Обеспечение социальной защиты работников, вовлеченных как в новые, так и в ранее существовавшие формы занятости, характеризующиеся высокой уязвимостью, волатильностью и подверженностью различным рискам, приобретает сегодня решающее значение». Авторы также отмечают, что в связи с этим на докладе Глобальной комиссии по вопросам будущего сферы труда указывалось на необходимость возрождения общественного договора, который обеспечивал бы работникам справедливую долю экономического прогресса, уважал их права и давал защиту от рисков в обмен на их дальнейший вклад в развитие экономики³.

Процессы трансформации в сфере гарантий и прав работников стали особенно заметны, на фоне пандемии коронавируса, которая в 2020 г. дала импульс для развития новых форм организации труда, включая удаленную

¹Нуртдинова А.Ф. Трудовые права работников в контексте экономической политики // Журнал российского права. – 2017. – № 2. – С. 74.

²СЗ РФ. – 2002. – №1. – (ч. 1). – Ст. 3.

³Черных Н.В. Проблемы обеспечения справедливого и экономически эффективного баланса интересов сторон трудового договора... при развитии нетипичной занятости (на основе анализа норм главы 53. 1 ТКРФ) // LexRussica. – 2020. – №8. – (165).

работу. Так, в статье 312.4 ТК РФ отражены особенности рабочего времени и времени отдыха дистанционного работника. Данные нормы закрепляют, что у работника появилась свобода в определении времени работы и отдыха, поскольку если это не отражено в договоре или в коллективном соглашении, то работник может самостоятельно их определять. Одновременно, порядок предоставления отпуска для дистанционного работника, который работает на постоянной основе, устанавливается и регулируется коллективным договором, а предоставление отпусков для работников, которые работают дистанционно на временной основе, регулируется общими правилами, а именно главой 19 ТК РФ. В ТК РФ указано: «Время взаимодействия дистанционного работника с работодателем включается в рабочее время».

Как демонстрирует практика, рабочий день у работников, занятых дистанционным трудом часто нарушается. Практически каждый работник столкнулся при дистанционной работе с продолжительным рабочим временем и нарушением права работника на отдых. Работодатели, злоупотребляя своим должностным положением, привлекают работников к исполнению трудовых обязанностей в ночное время суток, в выходные дни, что приводит к постоянному психологическому стрессу. В докладе Международной организации труда (далее – МОТ) к Всемирному дню охраны труда 2016 г. «Стресс на рабочем месте» была представлена динамика развития стресса на работе¹. Одной из причин появления стресса является отсутствие баланса между рабочим временем и временем отдыха работника при выполнении дистанционной работы.

Показатели демонстрируют большой разрыв между установленными гарантиями трудовых прав и фактическими возможностями трудящихся по их реализации. На это также указывает и то, что ежегодно к Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации поступают обращения по вопросам нарушения трудовых прав граждан. Так в 2020 году к Уполномоченному поступило 1392 обращения по вопросам соблюдения и реализации трудовых прав, что на 34,32% больше, чем в 2019 году. Для сравнения, в 2019 году таких обращений было всего 1069, в 2018 году – 1260, а в 2017 году – 1296². Обращения касались следующих вопросов: нарушение права на справедливую и равную оплату за равный труд, невыплата заработной платы, длительные задержки выплаты заработной платы и незаконное увольнение с работы, привлечение к работе в выходные и праздничные дни без надлежащего оформления, и оплаты, отсутствие благоприятных условий труда.

¹Стресс на рабочем месте: коллективная проблема. МОТ, Женева, 2016 год
Электронный ресурс: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---safework/documents/publication/wcms_466547.pdf

²Новые формы занятости и качество занятости: последствия для официальной статистики
Электронный ресурс: <https://unece.org/sites/default/files/2021-06/New%20forms%20of%20employment%20RUS.pdf>

По состоянию на 2021 годна «горячую линию» Уполномоченного поступило 304 жалобы¹. Это демонстрирует то, что сфера трудовых отношений на фоне пандемии коронавируса отличается повышенной конфликтностью и социальной напряженностью. Нельзя не отметить и протестные акции работников ряда организаций из-за невыплаты заработной платы в различных регионах России. Так, по данным Интернет–ресурса «Мониторинг трудовых протестов», в 2020 году в Российской Федерации прошло более 350 протестных трудовых акций².

Кроме того, при нетипичном труде работодатели не всегда выполняют или имеют возможность выполнить свои обязанности, что также нарушает права работников. Так, если рабочее место работника предоставляется не работодателем, вне места его нахождения, обеспечить достойные условия труда не представляется возможным. Однако, данный вопрос является актуальным, поскольку по закону необходимо обязательное признание даже нетипичного труда безопасным и, как следствие, достойным. При таком условии на работника как на более слабую сторону трудовых отношений ни при каких обстоятельствах не должны возлагаться негативные последствия, связанные с небезопасностью условий труда для его жизни и здоровья. Однако, и это не всегда соблюдается.

Таким образом, исследование продемонстрировало, что регулирование нетипичного труда на данный момент не обеспечивает справедливого и экономически эффективного баланса интересов сторон трудового договора. Работодатели полагают, что им экономически выгодно использовать труд работников, занятых в его нетипичных формах, и при этом минимизировать расход на персонал – гарантии, выплаты и прочее. Однако, данная мнимая эффективность, основанная на сиюминутных выгодах и экономии, может оказать негативное влияние не только на будущее развитие организации, но и на законодательство и экономическую систему России в целом. Дальнейшее развитие как законодательства, так и правоприменительной практики должно строиться на основе обеспечения действительно равного статуса основных работников и работников, занятых нетипичном трудом. Кроме того, характер нетипичных трудовых отношений не должен рассматриваться как основание для освобождения от риска возникновения неблагоприятных последствий для работника.

¹Там же.

²Новые формы занятости и качество занятости: последствия для официальной статистики Электронный ресурс: <https://unece.org/sites/default/files/2021-06/New%20forms%20of%20employment%20RUS.pdf>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Замосковин И.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры
предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института
(филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Кузьмина
М.В.

Рассматривая вопрос правового регулирования внешнеторговых отношений в Российской Федерации, в первую очередь, необходимо понимать, что представляет из себя внешнеэкономическая деятельность в целом.

Внешнеэкономическая деятельность – это совокупность производственно-хозяйственных, финансовых, экономических, научно-технических, коммерческих отношений между хозяйствующими субъектами из разных стран.

В свою очередь Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров дает нам понимание того, что эта совокупность из себя представляет. Рассматривая внешнеэкономическую деятельность, необходимо выделить следующие аспекты:

1. Внешнеторговая деятельность – это международный обмен товарами, услугами (международный туризм, инжиниринг, консалтинг), работами, информацией, результатами интеллектуального труда и оборудованием, товарными знаками. К формам внешнеторговой деятельности относятся: бартер, компенсационные сделки, встречные закупки.

2. Международное инвестиционное сотрудничество – это предпринимательская деятельность, связанная с ввозом и вывозом капитала как самовозрастающей стоимости в виде ссудного или предпринимательского капитала.

3. Международные производственно-хозяйственные кооперационные связи – это связи фирм-изготовителей продукции из разных стран, специализирующихся на изготовлении комплектующих узлов и деталей.

4. Международные кредитно-финансовые и валютно-расчетные отношения – это отношения, связанные с использованием различных финансовых инструментов при расчетах во внешнеэкономических сделках¹.

Обращаясь к нормативным правовым актам, хотелось бы выделить легальное определение внешнеэкономической деятельности, которое

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Заключена в г. Вене 11.04.1980) (вместе со «Статусом Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Вена, 11 апреля 1980 года)» // Вестник ВАС РФ. – 1994. - № 1.

закреплено в Федеральном законе от 18 июля 1999 г. № 183-ФЗ «Об экспортном контроле», согласно которому внешнеэкономическая деятельность – это внешнеторговая, инвестиционная и иная деятельность, включая производственную кооперацию, в области международного обмена товарами, информацией, работами, услугами, результатами интеллектуальной деятельности (правами на них)¹.

Переходя к рассмотрению заявленной темы, необходимо определить правовую основу внешнеторговой деятельности:

1. Международные акты. В соответствии со ст. 15 Конституции РФ общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы, а международные договоры Российской Федерации имеют приоритет над внутренним законодательством.

Углубляясь в обозначенный пункт, выделим среди международных актов следующие:

1) Конвенция Организации Объединенных наций о договорах международной купли-продажи товаров (Венская конвенция 1980 г.)².

Данный документ предусмотрел возможность заключения договоров как в письменной, так и в устной форме. Конвенция была подписана множеством государств, в том числе СССР, и на сегодняшний день ее участниками являются 80 стран³.

2) Гагская конвенция 1978 г. о праве, применимом к договорам о посредничестве.

Гагская конвенция устанавливает применимое право к отношениям, носящим международный характер и возникающим в случае, когда агент обладает полномочиями действовать, действует или имеет своей целью действовать от имени принципала в отношениях с третьей стороной.

3) Гагская конвенция о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров 1986 г.

Документ предусматривает, что при разрешении споров применяется закон государства, в котором продавец имел свое местонахождение в момент заключения договора.

4) Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге 1988 года. Данная Конвенция регулирует сделки финансового лизинга и применяется тогда, когда коммерческие предприятия арендодателя и арендатора находятся в разных государствах.

¹ Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) (вместе со «Статусом Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Нью-Йорк, 10 июня 1958 года)» // Вестник ВАС РФ. – 1993. - № 8.

² Конвенция УНИДРУА о международном финансовом лизинге (Заключена в Оттаве 28.05.1988) // СЗ РФ. – 1999. - № 32.

³ Типовой закон ЮНСИТРАЛ о международном торговом арбитраже. [Электронный ресурс]. URL. http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/arbitration/ml-arb/07-87000_Ebook.pdf (дата обращения: 16.12.2013).

5) Регламенты ЕС «Рим I» и «Рим II».

Регламент «Рим II» о праве, подлежащем применению к внедоговорным обязательствам, принят в 2007 г. Он содержит коллизионное регулирование вопросов определения права, применимого к внедоговорным обязательствам. Регламент рассматривает вопросы определения права, применимого к деликтам, обязательствам вследствие неосновательного обогащения, ведения чужих дел без поручения и действий до заключения договора. Документ носит «универсальный характер», то есть, право, к которому отсылает Регламент «Рим II», применяется даже в том случае, если оно не является правом одного из государств-членов ЕС. Регламент «Рим I» о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам, содержит коллизионные нормы, определяющие, законодательство какого именно государства (не обязательно государства-члена ЕС) должно применяться в том случае, если правоотношение содержит иностранный элемент и, соответственно, может регулироваться правом разных стран (например, правом страны продавца, страны покупателя или страны, где приобретен товар, в случае договора купли-продажи).

6) Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. Принципы устанавливают общие нормы для международных коммерческих договоров и подлежат применению в случае, если стороны согласились, что их договор будет регулироваться этими Принципами¹.

2. Российское законодательство.

1) Конституция Российской Федерации содержит нормы о приоритете международных договоров (ст. 15), о праве выезда за границу (ст. 27) и праве на занятие любой «не запрещенной законом экономической деятельностью», о статусе иностранцев (ст. 62), о компетенции субъектов РФ в сфере регулирования и осуществления внешнеэкономической деятельности (ст. 71-72).

2) Гражданский кодекс Российской Федерации устанавливает правила, применяемые к отношениям с участием иностранных граждан и иностранных юридических лиц².

3) Федеральный закон «Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности». Законом установлены правовые основы осуществления внешнеторговой деятельности. Определены основные направления государственной политики и принципы государственного регулирования в данной сфере³.

4) Таможенный кодекс Таможенного Союза (ТС) является основополагающим нормативным актом в области таможенного

¹ Таможенный кодекс Таможенного союза (ред. от 16.04.2010) // СЗ РФ. – 2010. - № 50.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 30.09.2013) // Рос. газ. – 2001. - № 233.

³ О валютном регулировании и валютном контроле: федер. закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Рос. газ. – 2003. - № 253.

регулируемого. В Таможенном кодексе ТС определен механизм регулирования перемещения товаров, работ, услуг, капиталов через таможенную границу¹.

5) Федеральный закон «О таможенном регулировании в Российской Федерации» содержит ряд общих положений о таможенном деле в РФ, а также нормы о таможенных платежах, таможенном контроле и т.д.².

6) Закон РФ «О таможенном тарифе» устанавливает понятие таможенного тарифа, виды ставок таможенных пошлин, права и обязанности декларанта и таможенного органа, методы определения таможенной стоимости товара, механизм определения страны происхождения товара, режим и виды тарифных льгот³.

7) Федеральный закон «О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров» раскрывает механизм применения защитных мер⁴.

8) Федеральным законом «О валютном регулировании и валютном контроле» установлены принципы валютной политики. В Законе раскрыты основные понятия валютных правоотношений: «валюта РФ», «иностранная валюта», «резиденты», «нерезиденты» и т.д., а также установлены сферы и порядок валютного регулирования, определены органы валютного регулирования и валютного контроля, их полномочия, установлены требования к совершению валютных операций, предусмотрен механизм валютного контроля⁵.

9) Федеральный закон «Об экспортном контроле» устанавливает принципы осуществления государственной политики, правовые основы деятельности органов государственной власти РФ в области экспортного контроля в отношении товаров, информации, работ, услуг, результатов интеллектуальной деятельности, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иных видов вооружения и военной техники, а также определяет права и обязанности участников внешнеэкономической деятельности⁶.

¹ О специальных защитных, антидемпинговых и компенсационных мерах при импорте товаров: федер. закон от 08.12.2003 № 165-ФЗ (ред. от 11.07.2011) // Рос. газ. – 2003. - № 253.

² О таможенном регулировании в Российской Федерации: федер. закон от 27.11.2010 № 311-ФЗ (ред. от 23.07.2013) // Рос. газ. – 2010. - № 269.

³ Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федер. закон от 08.12.2003 № 164-ФЗ (ред. от 30.11.2013) // Рос. газ. – 2003. - № 254.

⁴ Об экспортном контроле: федер. закон от 18.07.1999 № 183-ФЗ (ред. от 06.12.2011) // Рос. газ. – 1999. - № 146.

⁵ О международном коммерческом арбитраже (вместе с «Положением о Международном коммерческом арбитражном суде при Торгово-промышленной палате Российской Федерации», «Положением о Морской арбитражной комиссии при Торгово-промышленной палате Российской Федерации»): Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 // Рос. газ. – 1993. - № 156.

⁶ О таможенном тарифе: Закон РФ от 21.05.1993 № 5003-1 (ред. от 02.11.2013) // Рос. газ. – 1993. - № 107.

Таким образом, анализируя вышеупомянутые нормативные правовые акты, напрашивается вывод, что регулирование внешнеторговых отношений обладает обширной нормативной базой, которая затрагивает подавляющее большинство аспектов рассматриваемых отношений.

В свою очередь, необходимо обратить внимание на не очень объемный, но не менее важный фактор: судебная практика.

3. Судебная практика.

Судебная практика является источником правового регулирования внешнеэкономических отношений, если одной из сторон сделки является иностранный элемент, принадлежащий к странам англо-американской правовой семьи.

В отечественном праве понятие «судебный прецедент» применяется, как правило, к решениям исключительно высших судебных органов (Конституционный суд РФ, Верховный суд РФ).

4. Обычай – единообразные устойчивые правила, сложившиеся в предпринимательской практике, обязательные для участников коммерческой сделки при условии указания на это обстоятельство в коммерческом контракте¹. Обычай не должен противоречить законодательству.

Наиболее распространенными обычаями можно считать Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс-2010». Данные правила впервые были опубликованы в 1936 году Международной торговой палатой. Поправки и дополнения внесены в 1953, 1967, 1976, 1980, 1990, 2000, 2010 годах. «Инкотермс» устанавливают обязанности продавца и покупателя по доставке товара и устанавливают момент перехода риска гибели или повреждения товара с продавца на покупателя.

Следует отметить, что приведенный перечень источников правового регулирования внешнеторговой деятельности не является исчерпывающим и может быть дополнен.

Итак, в заключение отметим, что правовое регулирование внешнеторговой деятельности в Российской Федерации носит структурный, проработанный характер; имеет обширную нормативную правовую базу. Данная тема крайне важна на современном этапе экономического развития нашего государства, и является одним из основополагающих элементов общественного развития, так как внешнеторговые отношения – неотъемлемый элемент экономической системы любого государства.

¹ Рекомендации по минимальным требованиям к обязательным реквизитам и форме внешнеторговых контрактов: Письмо Банка России от 15.07.1996 № 300 // [Электронный ресурс]. // СПС «КонсультантПлюс».

АТТЕСТАЦИЯ, КАК СПОСОБ ЭФФЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ПЕРСОНАЛА

Затонская А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Яковенко Н.А.

Современный рынок труда обусловлен такими явлениями, как изменение и усложнений трудовых процессов, внедрение новейших технологий, повышение требований к квалификации работников, наличие потребности в непрерывном обучении персонала. В связи с этим возрастает значимость проведения периодической оценки квалификации сотрудников для выявления уровня компетенций и проблем в реализации трудовых функций. В качестве одного из видов такой оценки выступает аттестация работников. К сожалению, единого механизма регулирования данного процесса не существует, однако он регламентируется локальными нормативными актами каждого работодателя.

Изначально необходимо выяснить, что подразумевается под аттестацией работников. Под аттестацией следует понимать процедуру, направленную на обоснованную объективную оценку профессионально-квалификационных, деловых, личностных качеств работника и подтверждение (установление) соответствия его занимаемой должности, а также стимулирование работника к повышению своего профессионального уровня¹.

Первое упоминание о проведении оценки персонала в России относится к началу 50-х гг. XX века. Уже в 70-х гг. этого же столетия были приняты нормативные документы, включающие основы оценки личности. Изначально аттестация проводилась среди руководящих, инженерно-технических коллективов и других специалистов предприятий². Целью проводимой оценки являлось повышение эффективности труда работников и ответственности за порученное дело, а также повышение квалификации и идейно-политического уровня.

На сегодняшний день в трудовом законодательстве Российской Федерации оценка персонала, в том числе и аттестация лишь упоминается, однако заметен рост значимости данной процедуры. Существует несколько

¹ Егошина Л. А. Аттестация как способ определения квалификации работников: проблемы правового регулирования и практики применения: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2017. – С. 11.

² Постановление Совета Министров СССР от 26 июля 1973 г. № 531 «О введении аттестации руководящих, инженерно-технических работников и других специалистов предприятий и организаций промышленности, строительства, сельского хозяйства, транспорта и связи» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9035213> (дата обращения: 05.02.2022).

отраслей, где аттестация работников регламентируется на федеральном уровне, однако по большей части этот процесс носит лишь локальный характер. Так, обязательное проведение аттестации работников предусмотрено ст. 336.1, 332 ТК РФ, согласно которым, аттестации подлежат научные сотрудники и педагоги. Помимо этого существуют отраслевые нормативно-правовые акты, предусматривающие обязательное проведение аттестации для следующих категорий:

- работники, призванные обеспечивать транспортную безопасность;
- государственные гражданские служащие;
- работники железнодорожного транспорта;
- работники, занятые в сфере промышленной безопасности;
- лица, возглавляющие федеральные унитарные предприятия¹.

Аттестация персонала в современных организациях проводится с целью выявления уровня компетентности сотрудников, а также своевременного обнаружения слабых работников и устранения недочетов в работе. Кроме того, аттестация предусмотрена для определения степени мотивации персонала, повышения дисциплины труда и лояльности персонала. Такой вид оценки кадрового состава предприятия способствует формированию качественного кадрового резерва, оценке эффективности кадровой политики в организации.

Аттестацию работников на соответствие занимаемой ими должности на данный момент работодатель обязан проводить согласно ФЗ «О внесении изменений в трудовой кодекс российской Федерации и ст. 11 и 73 ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» от 02 мая 2015 г. № 122-ФЗ». Использование положений профессиональных стандартов для определения требований квалификации необходимо для тех специальностей, к которым выдвигаются особые требования. Тем самым, основная цель аттестации работника – это определение уровня его квалификации, поэтому с 2016 г. становится обязательным использование профессиональных стандартов.

В виду того, что в процессе аттестации персонала оценивается квалификация сотрудников, которая представляет собой уровень знаний, умений, профессиональных навыков и опыта работы работника, возрастает значение профессиональных стандартов². Отчасти в процессе оценки персонала проводится сопоставление квалификации оцениваемого сотрудника требования профессиональных стандартов. Тем самым, еще одним документом, используемым при проведении аттестации, является профессиональный стандарт по той или иной профессии, специальности или должности.

¹ Кулагина Е. Аттестация персонала: пример и правила проведения // Электронный журнал «Директор по персоналу». 2021. URL: <https://www.hr-director.ru/article/66370-attestatsiya-personala-19-m1>.

² Трудовой Кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 г. № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30 ноября 2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Таким образом, аттестация работников является проверкой их профессиональной квалификации и подготовки. Она берет свое начало в 50-х гг. XX в. и продолжает активно развиваться по сегодняшний день. В трудовом законодательстве порядок проведения аттестации четко не прописан, поэтому регламентация носит сугубо локальный характер и разрабатывается в организации самостоятельно. Для этого, как правило, утверждается положение, согласно которому по итогам проведения аттестации принимается решение по каждому аттестуемому. Так, тема аттестации персонала является недостаточно изученной и требует больше внимания для устранения проблем в законодательстве.

ПОНЯТИЕ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Захарченко Я.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой гражданского права и
процесса Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент Томина А.П.

Актуальность поиска наиболее полного определения понятия злоупотребления процессуальными правами в гражданском процессе связана прежде всего, с отсутствием законодательного закрепления данного понятия и четких критериев для его квалификации, несмотря на то, что такое поведение безусловно нарушает законные права другой стороны, а также принципы диспозитивности и состязательности в гражданском процессе.

В настоящее время в Российском законодательстве в части 1 статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, закреплено понятие злоупотребление правом - «осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции и злоупотребление доминирующим положением на рынке, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав»¹

Однако, в процессуальных актах до сих пор отсутствует законодательно закреплённое понятие злоупотребления процессуальными правами.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации данный термин раскрывается через определение прав и обязанностей лиц, участвующих в деле, а именно через принцип добросовестности. В части 1 статьи 35 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации под злоупотреблением процессуальными правами понимается недобросовестное

¹ Гражданский кодекс РФ (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. от 21.12.2021) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

поведение участников гражданского процесса, которое нарушает один из принципов гражданского судопроизводства – принцип добросовестности¹.

Понятие и содержание названного принципа также является дискуссионным и не имеет законодательного толкования. В судебной практике данный принцип рассмотрен в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений разд. I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации. Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (п. 2 ст. 10 ГК РФ)»².

Также в практике существует толкование злоупотребления процессуальными правами в Определении Верховного Суда РФ от 20.04.2018 N 305-АД18-7 по делу N А40-70923/2017 – как действий лица, нарушающие права и интересы других лиц и направленные на затягивание судебного процесса³. Тем не менее данные акты не входят в перечень источников законодательства о гражданском судопроизводстве.

Анализ юридической литературы также свидетельствует об отсутствии единого мнения в определении понятия «злоупотребление процессуальным правом», однако позволяет выделить несколько подходов.

Первый подход схож с закрепленным понимаем в Гражданском процессуальном кодексе и отражает связь принципа добросовестности и понятия злоупотребления процессуальными правами. Так в своей работе В.П. Грибанов пишет «...Практике известны случаи, когда лицо, пользуясь возможностями, предоставленными... законодательством, пытается путем возбуждения дела в различных инстанциях решить дело в свою пользу.... Такое недобросовестное использование требования защиты права... может быть признано злоупотреблением правом...»⁴ Также в своем диссертационном исследовании М.А. Боловнев выделил два основных

¹ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 23.10.2002 N 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. – 2002. – № 220.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации" // Российская газета. – 2015. 30 июня № 140 (6711).

³ Определение Верховного Суда РФ от 20.04.2018 N 305-АД18-7 по делу № А40-70923/2017 URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20042018-n-305-ad18-7-po-delu-n-a40-709232017/> (дата обращения: 02.03.2022)

⁴ Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В.П. Грибанов. – М., 2000. – С. 202–203.

критерия для определения злоупотребления правом : «разумность» и «добросовестность»¹. Исследователь приходит к выводу, что «недобросовестность является своеобразным ядром определения злоупотребления. Она используется во многих нормативных правовых актах, где речь идет о злоупотреблении правом участниками отношений и является предметом исследования специалистов во многих отраслях права»²

Второй подход сводится к тезису о том, что процессуальное злоупотребление - это правомерное действие участников процесса, не соответствующие целям осуществления правосудия. Е.В. Васьковский определял злоупотреблением процессуальными правами как осуществление их тяжущимися для достижения целей, несогласных с целью процесса - правильным и скорым разрешением дел³. Т.П. Подшивалов писал, что злоупотребление процессуальными правами это любое действие участника арбитражного процесса, которое не служит целям разрешения спора⁴.

В научной доктрине также существуют точки зрения относительно целей злоупотребления процессуальными правами, так Д.Е. Зайков считал, что целью является получение лицом, участвующим в деле, процессуальных выгод, а его последствием - причинение процессуального вреда лицам, участвующим в деле, и/или воспрепятствование деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению судебного дела⁵.

Третий подход рассматривает исследуемое понятие как правонарушение. Данная позиция высказана в работе В.И. Добровольского - злоупотребление процессуальными правами «правонарушение, совершаемое участником процесса при осуществлении принадлежащего ему права, связанным с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему общего типа поведения»⁶. Также Д.А. Липинского и Е.В. Чукловой писали о том, что злоупотребление правом является особой разновидностью процессуального правонарушения, поскольку обладает всеми его признаками⁷.

¹ Боловнев М.А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2018. – С. 6.

² Боловнев М.А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дис. ... канд. юрид. наук. – Омск, 2018. – С. 17.

³ Курс гражданского процесса / Е.В. Васьковский. – М., 1915. – Т. 1. – С. 677.

⁴ Подшивалов Т.П. Запрет злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 17 - 20.

⁵ Зайков Д.Е. Понятие и содержание злоупотребления процессуальными правами в арбитражном и гражданском процессах // Арбитражный и гражданский процесс. – 2014. – № 9. – С. 48 - 53.

⁶ Актуальные вопросы арбитражного законодательства: о чем молчит Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации / В.И. Добровольский. – М., 2010. – С. 85 - 86.

⁷ Липинский Д.А., Чуклова Е.В. Процессуальная ответственность как институт права // Вестник гражданского процесса. – 2016. – № 4. – С. 33 - 51.

Стоит отметить позицию А.В. Юдина, в своем диссертационном исследовании автор рассмотрел злоупотребление процессуальными правами как «особую форму процессуального правонарушения, т.е. умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса (а в отдельных случаях и суда), сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела ...»¹. Данная точка зрения включает в себя понимание злоупотребления как правонарушения и связывает его с принципом добросовестности.

Таким образом рассматриваемое понятие не имеет закрепления ни в законе, ни единого толкования в доктрине, что может привести к нарушениям принципов гражданского процесса и нарушению процессуальных прав его участников.

РОЛЬ НАЛОГОВОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НАЛОГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Иванова К.О. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры административного и финансового
права института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н. Жукова С.М.

На сегодняшний день налоговые поступления являются одним из основных источников доходов государства. В ст. 57 Конституции РФ установлено обязательство граждан по уплате налогов: «Каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы...»². Неисполнение данной обязанности влечет за собой наступление в том числе и уголовной ответственности, предусмотренной ст.ст. 198, 199 УК РФ (связаны с уклонением от уплаты налогов и сборов путем непредставления в налоговые органы налоговых деклараций или же занесения в них искаженных данных в целях снижения налоговой базы).

Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу о том, что наиболее частым способом уклонения от уплаты налога выступает внесение искаженных данных в бухгалтерскую и налоговую отчетность.

При расследовании уголовных дел в сфере экономической направленности следователи и дознаватели не обладают достаточным уровнем знаний, в связи с чем возникает необходимость привлечения эксперта и назначения экономической или налоговой экспертизы.

¹ Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – СПб., 2009. – С. 10.

² Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020] // СПС «Консультант Плюс».

Налоговая экспертиза представляет собой осуществляемое экспертом по заданию органа расследования или суда исследование предоставленных в его распоряжение различных документов с целью установления сумм налогов фактически подлежащих уплате в бюджет.

Судебная налоговая экспертиза является самостоятельным видом экспертизы. При ее проведении осуществляется исследование первичных документов, на базе которых проводят расчет налоговой базы и соответственно сумму налога, подлежащую уплате¹.

Как справедливо отмечает И.И. Кучеров, «специфика вопросов, возникающих у следователя в процессе расследования налоговых преступлений, а также особенности экспертных исследований, позволяющих ответить на них, побуждает вести речь о самостоятельном виде экономических экспертиз - налоговой экспертизе. По мнению автора, налоговая экспертиза непременно должна получить свое скорейшее теоретическое и практическое развитие, поскольку судебно-экономическая, судебно-бухгалтерская и иные судебные экспертизы, назначаемые при расследовании преступлений в области налогообложения, не решают всех задач, стоящих при расследовании данной категории уголовных дел»².

Целью исследования при производстве экспертизы или исследования специалиста по делам о налоговых преступлениях является:

- восстановление действительного содержания и объективного характера обстоятельств преступного события, отражённых в следах преступления;

- определение соответствия действий (бездействий) по применению подозреваемым (обвиняемым) лицом образовательных компетенций специальной области знаний правилу, установленному законом, и режиму применения знаний в налоговых правоотношениях.

В число документов, которые могут являться объектом исследования налоговой экспертизы, включаются:

- первичные документы: акты, справки, счета, квитанции, платежные и расчетные документы, ордера, накладные и пр.;

- бухгалтерские и отчетные документы: отчеты, расчеты, декларации, журналы-ордера, ведомости, учетные карточки и т.п.;

- регистрационные документы плательщика;

- договоры, акты проверок, решения налоговых органов и др.

По мнению Р.С. Якубова, основными объектами исследования в рамках налоговой экспертизы являются налоговая декларация и документы налогового учета, как обязательные при представлении налоговой отчетности согласно гл. 25 НК РФ.

¹ Голикова В.В., Предмет, задачи и объекты судебной налоговой экспертизы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2021. – № 6. – С. 73-76.

² Кучеров И.И., Налоговая экспертиза как правовое средство борьбы с уклонением от уплаты налогов // Дом «Арбитражная практика». – 2018. – С. 55-59.

По результатам проведенной налоговой экспертизы эксперт дает заключение в письменной форме от своего имени. Если эксперт при производстве налоговой экспертизы установит имеющие отношение к предмету налоговой экспертизы обстоятельства, по поводу которых ему не были поставлены вопросы, он вправе включить выводы об этих обстоятельствах в свое заключение.

Эксперт может отказаться от проведения экспертизы, если предоставленные ему материалы, относящиеся к предмету налоговой экспертизы, являются недостаточными или если он не обладает необходимыми знаниями для проведения налоговой экспертизы. Отказ от проведения экспертизы оформляется в виде письменного сообщения о невозможности дать заключение.

Если в заключении эксперта содержатся выводы, выходящие за пределы его компетенции, соответствующая часть заключения должна рассматриваться как не имеющая доказательственного значения.

В уголовном процессе судебная налоговая экспертиза применяется по делам об уклонении от уплаты налогов и сборов с физических или юридических лиц. Например, предварительным следствием было установлено, что исполнительным директором ООО А. гр-кой Б. был заключен договор купли-продажи с АО С., согласно которому ООО А. продало, а ЗАО С. приобрело объект незавершенного строительства – фундамент под жилой десятиэтажный дом, общей площадью 1600 квадратных метров, расположенный по адресу: г. Оренбург. ул. Степана Разина. Стоимость проданного объекта составила 9,5 млн. руб. В договоре купли-продажи, составленном продавцом – ООО А. был указан расчетный счет, на который должна была поступить оплата за проданный объект, принадлежащий другой организации, а именно ООО Р., собственником которого является владелец и ООО А. гр-н. К. В счет-фактуре, выставленном покупателю от имени ООО А., также был указан расчетный счет не ООО А., а ООО Р. Покупатель ЗАО С. перечислил всю сумму за приобретенный объект незавершенного строительства именно на этот счет. После чего гр-н. К. снял по чековой книжке с этого счета 500 тыс. руб., а оставшуюся сумму платежным поручением перечислил на счет в коммерческом банке Г., открытый на его имя, как физического лица. Таким образом, в ООО А. были сокрыты полученные доходы, что привело к уклонению от уплаты налогов с организации.

С целью получения информации, необходимой для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, была назначена судебная налоговая экспертиза.

Примером умышленного совершения налогового правонарушения, влекущего применение налоговой ответственности, предусмотренной п. 3 ст. 122 НК РФ, является совокупность действий налогоплательщика, направленных на построение искаженных, искусственных договорных отношений, имитация реальной экономической деятельности подставных

лиц (фирмы-однодневки). Эти обстоятельства не позволяют усомниться в отсутствии элементов случайности происходящего¹.

Так, схема уклонения от налогообложения, заключающаяся в искусственном «дроблении» бизнеса с целью сохранения или получения статуса плательщика налога по специальному налоговому режиму, может быть характеризована как элементарная имитация работы нескольких лиц, в то время как в реальности все они действуют как одно лицо.

Использование подставных лиц (фирмы-однодневки) происходит, как правило, умышленно, и задача налоговых и следственных органов это выявить и доказать. Например, между поставщиком и покупателем есть несколько посредников, и один из них имеет яркие и однозначные признаки фирмы-однодневки, в том числе не уплачивает налоги. Эта схема приведена на официальном сайте ФНС России в качестве одного из способов ведения финансово-хозяйственной деятельности с высоким налоговым риском и находится. В таких случаях налоговому органу необходимо установить принадлежность фирмы-однодневки (поставщику или покупателю) и доказать это.

В таких условиях использование показателей, содержащихся в отчетности предприятий или их отдельных подразделений, является недостаточным.

Налоговая экспертиза, проводимая в процессе расследования преступлений, имеет более широкую информационную базу и, кроме материалов отчетности, опирается на данные текущего учета. Исходным пунктом для анализа, осуществляемого следователем или соответствующими специалистами, является не только хозяйственная деятельность организации, но и конкретные характеристики события преступления, которые могли проявиться в виде особенностей этой деятельности, получивших отражение в экономической информации. Методы экономико-криминалистического анализа основываются на объективно существующей связи между изменениями значений экономических показателей и особенностями события преступления, вызвавшими эти изменения.

В соответствии с утвержденной в МВД России классификацией экспертами-экономистами проводятся экспертизы следующих видов: бухгалтерские, налоговые, финансово-аналитические и финансово-кредитные. В подразделениях ЭКЦ МВД России в 2021 году работало около 500 экспертов-экономистов. В 1 полугодии 2021 года в ЭКЦ ГУ МВД России зарегистрировано 77 экономических экспертиз, в том числе 69 бухгалтерских, 2 финансово-аналитических².

Представляется, что исходя из важности для практической деятельности унифицированной и четкой классификации судебно-

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

² Официальный сайт МВД РФ. URL:https://64.xnb1aew.xnp1ai/gumvd/Struktura_GU_MVD/Apparat_Glavnogo_upravlenija/ekcg/mssp/item/25175758/

экономических экспертиз, в качестве ее критерия целесообразно использовать специфическую область познаний экономического характера, обусловленную конкретной специальностью эксперта («Экономика и управление на предприятии» (по отраслям), «Бухгалтерский учет, анализ и аудит» и т.д.).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОГО БАНКРОТСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Илищук Р.В. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель – заведующий кафедрой предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Ефимцева Т.В.

Активные реформы, проводимые государством в сфере экономики, к сожалению, не приносят позитивных результатов, так, на их фоне резко увеличилось количество преступлений в сфере банкротства, а именно преднамеренное банкротство. К этому приводят многие факторы: разработанные механизмы выявления данного преступления не эффективны, многие положения законодательства уже устарели, а само оно пестрит пробелами.

Сам термин «преднамеренное банкротство» раскрыт в статье 196 Уголовного кодекса Российской Федерации¹ и в статье 14.12. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях² и подразумевает под собой совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо гражданином, в том числе индивидуальным предпринимателем, действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица или гражданина, в том числе индивидуального предпринимателя, в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей, если эти действия (бездействие) причинили крупный ущерб.

Общественная опасность преднамеренного банкротства заключается в том, что недобросовестные банкроты несут материальный вред для добросовестных субъектов экономической деятельности, их число не уменьшается, а данные дела редко доходят до стадии судопроизводства.

Именно поэтому важное значение в данной проблеме приобретает фигура арбитражного управляющего в чьи обязанности, в соответствии с

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Российская газета. – 2001. – № 256.

Законом о несостоятельности (банкротстве)¹, входит выявление признаков преднамеренного банкротства и сообщение о них лицам, участвующим в деле о банкротстве, в саморегулируемую организацию, членом которой является арбитражный управляющий, собранию кредиторов и в органы, к компетенции которых относятся возбуждение дел об административных правонарушениях и рассмотрение сообщений о преступлениях.

Довольно часто арбитражные управляющие сталкиваются с рядом проблем в ходе выявления преднамеренного банкротства, которые касаются непосредственно их деятельности. Также не редки проблемы, которые не зависят от действий арбитражного управляющего, наиболее острые из которых будут раскрыты в статье.

Одной из главных проблем является устаревшее и несовершенное законодательство, так, термин «преднамеренное банкротство» раскрыт не в Законе о несостоятельности (банкротстве), что было бы вполне логичным, а в УК РФ и КоАП РФ, а при выявлении признаков преднамеренного банкротства, арбитражный управляющий должен руководствоваться правилами, установленными Постановлением Правительства РФ², которые датированы 2004 годом, изменения и дополнения в данный нормативный правовой акт ни разу не вносились.

Методические рекомендации, утвержденные Распоряжением ФСНД России от 08.10.1999 N 33-р³ также требуют доработок, так как не всегда руководствуясь ими возможно выявить признаки преднамеренного банкротства, даже если они на самом деле присутствуют. Ещё одним недостатком Рекомендаций является использование в них достаточно сложных для оценки категорий: сложившаяся рыночная конъюнктура, нормы и обычаи делового оборота, невыгодные сроки оплаты. Данные факторы в разы усложняют проведения анализа на выявление признаков преднамеренного банкротства.

На первой стадии выявления признаков преднамеренного банкротства, арбитражному управляющему необходимо получить документы, характеризующие финансово-хозяйственную деятельность должника для проведения анализа финансового состояния предприятия (организации), однако ни один нормативный правовой акт не содержит конкретного перечня данных документов, лишь требования, относящиеся к бухгалтерской отчетности. Также нигде не установлена ответственность должника за

¹ Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ (последняя редакция) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190. Далее – Закон о несостоятельности (банкротстве).

² Постановление Правительства РФ от 27.12.2004 N 855 «Об утверждении Временных правил проверки арбитражным управляющим наличия признаков фиктивного и преднамеренного банкротства» // СЗ РФ. – 2004. – № 52 (часть 2). – Ст. 5519.

³ Распоряжение ФСДН РФ от 8 октября 1999 г. N 33-р «О методических рекомендациях по проведению экспертизы о наличии (отсутствии) признаков фиктивного или преднамеренного банкротства» // Вестник Федеральной службы России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению. – 1994. – № 12. Далее – Рекомендации.

ненадлежащее хранение таких документов, опять же, законом урегулированы только случаи ненадлежащей сохранности и ведения бухгалтерской отчетности.

УК РФ, определяя понятие преднамеренного банкротства и указывая на причиненный данным преступлением крупный ущерб, не конкретизирует, какой именно ущерб следует считать крупным, хотя к иным составам преступления данные определения содержатся в примечании к соответствующей статье.

Существенно осложнился процесс выявления признаков преднамеренного банкротства и привлечение к ответственности должника с упразднением в 2003 году Федеральной службы налоговой полиции Российской Федерации, так как выявление, предупреждение и пресечение налоговых преступлений и правонарушений являлось одной из основных задач данного органа.

Еще одна проблема, возникающая на практике – это длительность сроков расследования дел о преднамеренном банкротстве. В данном случае речь идет именно о расследовании уголовных дел. Как показывает практика, на расследование и рассмотрение дела судом, уходит большое количество времени, что порождает ряд проблем. Во-первых, становится невозможным реализация субсидиарной ответственности, так как имущество у виновного лица на этот момент может отсутствовать. Во-вторых, в случае продления процедуры конкурсного производства, происходит увеличение расходов на финансирование процедуры банкротства, так как необходимо помимо вознаграждения арбитражного управляющего, оплачивать и различные текущие платежи. Как итог, после признания виновности лица, кредиторы не получают возмещения своих материальных потерь. В качестве доказательства можно привести статистику, которая была представлена Единым федеральным реестром сведений о банкротстве, согласно бюллетени «Банкротство компаний», по состоянию на октябрь 2018 года, 67% компаний, которые были признаны банкротами, не выплатили кредиторам ничего.

Кроме того, практически невозможно найти практику с максимально предусмотренным УК РФ наказанием за преднамеренное банкротство, а именно с лишением свободы на срок до шести лет со штрафом в размере двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода за период 18 месяцев. Данное преступление наказывается либо наложением административного штрафа, либо обвинительным приговором с более мягким наказанием, либо ограничивается условным сроком. Именно факт осознания мягкости наказания, по моему мнению, и влечет с каждым годом рост преступного банкротства.

Следующей проблемой является некомпетентность арбитражных управляющих, выражающаяся в недостаточной квалификации и опыте при выявлении признаков преднамеренного банкротства, так, ст. 20.3. Закона о несостоятельности (банкротстве) даёт арбитражному управляющему право привлекать для обеспечения возложенных на него обязанностей в деле о

банкротстве на договорной основе иных лиц с оплатой их деятельности за счет средств должника. Поэтому многие арбитражные управляющие просто возлагают свои непосредственные обязанности на других лиц, а деньги за оказанные услуги выделяют из конкурсной массы, что негативно сказывается на процедуре банкротства.

Итак, такое явление, как банкротство организаций, является неизменным спутником как российской, так и мировой действительности, поскольку обеспечивает все условия для дальнейшего развития и процветания экономики. В законодательстве нашло свое отражение и преступное банкротство, однако механизмы его предупреждения, выявления и наказания нельзя назвать эффективными, что доказывает информация в сети Интернет. Решение поднятых в настоящей статье проблем приведет к совершенствованию правового механизма и к резкому сокращению преднамеренных банкротств, что, несомненно, положительно отразится на российской экономике.

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПО НАЗНАЧЕНИЮ СУДА

Исентаева Д.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

Действующее процессуальное законодательство не регламентирует процессуальный механизм применения ст. 50 ГПК РФ. Очевидным является тот факт, что как и все действия суда, связанные с рассмотрением дела, привлечение к участию в деле адвоката в порядке ст. 50 ГПК РФ должно быть оформлено определением суда с последующим направлением его в соответствующее адвокатское образование (абз. 6 п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 11)¹.

Для назначения адвоката суду необходимо установить обстоятельства, на которые указывается в ст. 50 ГПК РФ. К фактам, служащим основанием для такого назначения относятся: факт неизвестности места жительства ответчика, являющийся основным подлежащим установлению юридическим фактом; факт отсутствия представителя у ответчика.

Дискуссионным в доктрине гражданского процесса остается вопросы о том, на каком этапе рассмотрения дела в суде первой инстанции суду

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 9.

целесообразно вынести соответствующее определение, в какой форме и каким должно быть его содержание¹. А.И. Ахметшина полагает, что вопрос о назначении адвоката ответчику следует решать при принятии искового заявления, поскольку на стадии подготовки дела к судебному разбирательству может возникнуть необходимость участия представителя ответчика в совершении тех или иных действий, предусмотренных ст. 149 ГПК РФ². Анализ судебной практики свидетельствует об отсутствии единого подхода в разрешении вопроса о назначении представителя в порядке ст. 50 ГПК РФ.

Так, например, в решении Магарамкентского районного суда Республики Дагестан указывается, что «в порядке подготовки дела к судебному разбирательству в адрес соответчиков М. и К. были направлены копии исковых заявлений с приложенными документами с разъяснением процессуальных прав и обязанностей, а также был предоставлен срок для принесения возражений по поводу заявленных требований. Возражения на исковое заявление в адрес суда не представлены, по месту регистрации ответчик и соответчик не проживают и фактическое их место жительства не известно. Непредставление ответчиками доказательств и возражений не препятствует рассмотрению дела по имеющимся в нем доказательствам (ст. 150 ГПК РФ)»³.

Правоприменительной практике известны также случаи назначения представителя в порядке ст. 50 ГПК РФ при принятии искового заявления⁴. Однако полагаем такую практику не вполне обоснованной, поскольку на момент принятия искового заявления у суда отсутствуют достаточные доказательства факта неизвестности места жительства, который служат основанием для принятия решения о назначении представителя. В данном случае суд может руководствоваться только той информацией, которая представлена истцом. При этом следует подчеркнуть, что возможность получения сведений о месте жительства ответчика у истца существенно ограничена в силу положений ст. 7 и 9 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»⁵, устанавливающих необходимость получения согласия владельца данных, в том числе, об адресе места регистрации. В этой связи полагаем нецелесообразным возложение на

¹ Вилисов А. В. Представительство по назначению суда в гражданском процессе России и Германии // Евразийский юридический журнал. – 2017. – № 5(108). – С. 72.

² Ахметшина А. И. Правовой институт судебного представительства на современном этапе // Российская наука в современном мире: сборник статей XII Международной научно-практической конференции. – М., 2017. – С. 394.

³ Решение Магарамкентского районного суда Республики Дагестан от 17 декабря 2019 г. по делу № 2-498/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 03.02.2022).

⁴ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 25 марта 2016 г. по делу № 33-1946/2016. URL: <https://sudact.ru/regular/> (дата обращения: 03.02.2022).

⁵ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (с изм. и доп. от 02 июля 2021 г. № 331-ФЗ) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451; 2021. – № 27 (часть I). – Ст. 5159.

истца обязанности по предоставлению доказательств неизвестности места жительства ответчика.

Обстоятельство неизвестности места жительства ответчика должно устанавливаться судом на стадии подготовки к судебному разбирательству, что позволит своевременно рассмотреть дело без его отложения. В данном случае суду необходимо предпринять меры, направленные на установление такого рода информации. В частности, рекомендуется направить запросы в УФМС, Росреестр, ФНС, органы ЗАГС. Это позволит установить какие-либо сведения об ответчике и месте его жительства. Результаты совершения указанных процессуальных действий будут служить основанием для вынесения определения о назначении ответчику адвоката.

Вторым фактом, который суду необходимо установить для назначения ответчику, место жительства которого неизвестно, является факт отсутствия у него представителя. Правоприменительная практика свидетельствует о том, что в большинстве случаев судом данный вопрос специально не выясняется. Суд исходит из предположения о том, что ответчик достиг возраста восемнадцати лет, является полностью дееспособным, следовательно, у него отсутствует законный представитель. Сведения о возрасте ответчика судом могут быть получены из запрашиваемых им для установления его места жительства, из содержания искового заявления, непосредственно от истца. Вместе с тем полагаем, что судам следует устанавливать, не был ли ранее ответчик признан недееспособным или ограниченно дееспособным судом по последнему известному месту жительства.

Установив с помощью доказательств факты, являющиеся основанием для назначения адвоката, суд выносит определение. Ранее было отмечено, что действующее процессуальное законодательство не содержит четких требований к форме и содержанию определения суда о назначении адвоката. Данный вопрос неоднозначно решается и в правоприменительной практике. В большинстве случаев судами выносятся немотивированные определения или протокольные определения с краткой мотивировкой.

Л.В. Туманова отмечает, что вынесение единого определения о принятии искового заявления, подготовке дела и назначении адвоката отвечает принципу процессуальной экономии¹. Однако, такая позиция ученого представляется спорной, поскольку в п. 19 Постановления Пленума ВС РФ № 11 разъясняется необходимость обязательного направления определения о назначении адвоката в соответствующее адвокатское образование. Таким образом, возможность вынесения единого определения, разрешающего ряд вопросов, в том числе и о назначении адвоката, исключается. Следовательно, определение суда о назначении адвоката должно быть вынесено в форме отдельного процессуального документа в соответствии с требованиями, установленными в ст. 225 ГПК РФ.

¹ Туманова Л. В. Заметки о представительстве // Вестник Тверского государственного университета. – 2016. – № 3. – С. 27.

Так, определение суда о назначении адвоката должно состоять из четырех частей: вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной. При этом в резолютивной части определения суда о назначении адвоката должно быть указано соответствующее адвокатское образование, в которое оно направляется, а также невозможность его обжалования.

Изложенное позволяет сформулировать предложение по совершенствованию действующего законодательства. В частности, предлагается дополнить статью 50 ГПК РФ пунктом 2 следующего содержания: «О назначении адвоката в качестве представителя выносится определение суда, копия которого направляется в соответствующее адвокатское образование для исполнения. Указанное определение не подлежит обжалованию.».

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА ПОДРЯДА НА ВЫПОЛНЕНИЕ КАДАСТРОВЫХ РАБОТ

Исмаков Е.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

В соответствии со ст. 702 Гражданского кодекса Российской Федерации по договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется выполнить по заданию другой стороны (заказчика) определенную работу и сдать ее результат заказчику, а заказчик обязуется принять результат работы и оплатить его.

Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности»¹ (далее – Закон о кадастровой деятельности) закрепляет, что по договору подряда на выполнение кадастровых работ индивидуальный предприниматель или юридическое лицо обязуется обеспечить выполнение кадастровых работ по заданию заказчика этих работ и передать ему документы, подготовленные в результате выполнения этих работ с учетом требований закона, а заказчик этих работ обязуется принять указанные документы и оплатить выполненные кадастровые работы.

Договор подряда на выполнение кадастровых работ может содержать условие об обязанности кадастрового инженера - индивидуального предпринимателя или работника юридического лица - представлять без доверенности документы, подготовленные в результате выполнения кадастровых работ, в орган регистрации, в случаях, если:

1) кадастровые работы выполняются в связи с подготовкой межевого плана в целях образования земельных участков и заказчиком кадастровых работ является либо собственник земельного участка, из которого в

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «О кадастровой деятельности» // СЗ РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4017.

результате раздела, выдела или иного соответствующего законодательству РФ действия с земельным участком образованы новые земельные участки, либо лицо, которому земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, из которого в результате раздела или объединения образуются новые земельные участки, предоставлен в пожизненное наследуемое владение или постоянное (бессрочное) пользование;

2) кадастровые работы выполняются в связи с подготовкой межевого плана в целях уточнения границ земельных участков и заказчиком кадастровых работ является собственник земельного участка, границы которого уточняются, либо лицо, которому земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, предоставлен в пожизненное наследуемое владение, постоянное (бессрочное) пользование, в аренду или безвозмездное пользование на срок более пяти лет;

3) кадастровые работы выполняются в связи с подготовкой акта обследования и заказчиком кадастровых работ является либо собственник прекратившего существование здания, сооружения, объекта незавершенного строительства, единого недвижимого комплекса, либо принявший наследство наследник физического лица, которому до дня открытия наследства принадлежали прекратившие свое существование здание, сооружение, объект незавершенного строительства, единый недвижимый комплекс, либо собственник земельного участка, на котором были расположены указанные объекты недвижимости, если собственник этих объектов недвижимости ликвидирован (в отношении юридического лица) или если его правоспособность прекращена в связи со смертью (в отношении физического лица);

4) кадастровые работы выполняются в связи с подготовкой технического плана в целях осуществления государственного кадастрового учета и государственной регистрации прав на созданный объект недвижимости, для строительства которого в соответствии с законодательством о градостроительной деятельности не предусматривается выдача разрешения на строительство и (или) разрешения на ввод в эксплуатацию, и заказчиком кадастровых работ является собственник земельного участка либо лицо, которому земельный участок предоставлен для строительства на ином праве, или лицо, которому в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации предоставлено право на использование земель или земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, без предоставления или установления сервитута. В случаях, предусмотренных законом, документами, подтверждающими полномочия кадастрового инженера - индивидуального предпринимателя или кадастрового инженера - работника юридического лица на подачу заявления в орган регистрации прав, являются договор подряда на выполнение кадастровых работ и (или) справка с места работы, подтверждающая, что кадастровый инженер, выполняющий кадастровые

работы, является работником юридического лица, а также документы, свидетельствующие о приемке заказчиком результатов кадастровых работ и его согласии с содержанием подготовленных по результатам таких работ документов.

Договор подряда на выполнение кадастровых работ является публичным договором. В соответствии со ст. 426 ГК РФ публичным договором признается договор, заключенный лицом, осуществляющим предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, и устанавливающий его обязанности по продаже товаров, выполнению работ либо оказанию услуг, которые такое лицо по характеру своей деятельности должно осуществлять в отношении каждого, кто к нему обратится (розничная торговля, перевозка транспортом общего пользования, услуги связи, энергоснабжение, медицинское, гостиничное обслуживание и т.п.).

Существенными условиями договора подряда являются вид работ, сроки их начала и окончания. Правомерность подобных выводов подтверждается судебной практикой. В постановлении от 16.05.2007 № А56-35237/2006 ФАС Северо-Западного округа указал, что существенными условиями договора подряда являются условие о предмете договора, определение результата работ и условие о сроке выполнения работ. Согласно ст. 190 ГК РФ срок, установленный законом, иными правовыми актами, сделкой или назначаемый судом, определяется календарной датой или истечением периода времени, который исчисляется годами, месяцами, неделями, днями или часами. Срок может определяться также указанием на событие, которое должно неизбежно наступить. В постановлении от 23.05.2006 № КГ-А40/2771-06 ФАС Московского округа указал, что установление срока договора подряда в зависимости от получения подрядчиком аванса (предварительной выплаты) не соответствует закону. Получение аванса не является событием, которое должно неизбежно наступить. Если сторонами существенные условия договора не согласованы, договор является незаключенным. Так, в постановлении от 01.04.2009 № Ф04-1970/2009 (3760-А45-38) ФАС Северо-Западного округа пришел к выводу, что договор подряда не позволяет определить предмет договора - виды работ, подлежащих выполнению, содержание и объем, а также сроки производства работ, следовательно, данный договор является незаключенным. Последующее подписание сторонами дополнительных соглашений (о предмете договора и сроках) к изначально не заключенному договору не подтверждает согласование сторонами условий этого договора и не порождает правовых последствий.

Цена подлежащих выполнению кадастровых работ определяется сторонами договора подряда на выполнение кадастровых работ путем составления твердой сметы. Смета приобретает силу и становится частью договора подряда на выполнение кадастровых работ с момента подтверждения ее заказчиком кадастровых работ. Договором подряда на выполнение кадастровых работ может быть предусмотрено обязательство

заказчика уплатить обусловленную договором подряда на выполнение кадастровых работ цену в полном объеме после осуществления государственного кадастрового учета и (или) государственной регистрации прав на объекты недвижимости, в отношении которых выполнялись кадастровые работы в соответствии с таким договором подряда.

Кадастровые работы выполняются на основании договора подряда на их выполнение, в котором подробно должны быть указаны все выполняемые кадастровым инженером работы. Обязательными приложениями к договору являются смета, утвержденная заказчиком, и задание на выполнение работ.

Цель договора - подготовить один из документов, необходимых для кадастрового учета недвижимости. Какой именно это должен быть документ - технический или межевой план либо акт обследования - обязательно нужно указать в договоре.

Кроме того, важно согласовать сроки выполнения работ, поскольку условие о сроках выполнения работ является существенным, и без него договор считается незаключенным. Специальных сроков для выполнения кадастровых работ закон не устанавливает, и поэтому можно определить их по своему усмотрению с учетом особенностей работ.

Важным является также вопрос, связанный с предоставлением соответствующих документов в Росреестр, так как Росреестр не участвует в разрешении спорных моментов в отношениях заказчиков с кадастровыми инженерами.

Итак, в заключение отметим, что существенными условиями договора подряда на выполнение кадастровых работ являются предмет договора и сроки выполнения работ. Чтобы стороны согласовали предмет договора, им необходимо указать содержание, объем и результат выполняемой работы, так как работа по договору подряда должна иметь о вещественный результат, подлежащий передаче заказчику. Для надлежащего согласования условия о сроках выполнения работ сторонам необходимо и достаточно, во-первых, предусмотреть начальный и конечный сроки выполнения работ, а, во-вторых, сроки, согласованные сторонами, нужно указывать в договоре в соответствии с нормами ст. 190-194 ГК РФ.

ОБОСНОВАННОСТЬ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Исхакова Р.И. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры гражданского права и
процесса Оренбургского

института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

д.ю.н. Кархалев Д.Н.

Одним из ключевых, значимых и важных требований, предъявляемых законодателем к судебному решению, является требование обоснованности

(ст. 195 ГПК РФ). Наличие данного свойства, наряду с законностью, позволяет в целом говорить о правосудности судебного акта.

Требование обоснованности судебного решения разъясняется в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 23)¹, согласно которому «решение является обоснованным тогда, когда имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости и допустимости, или обстоятельствами, не нуждающимися в доказывании (ст.ст. 55, 59 – 61, 67 ГПК РФ), а также тогда, когда оно содержит исчерпывающие выводы суда, вытекающие из установленных фактов».

В Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015)² указывается, что «решение суда признается законным и обоснованным, если оно принято при точном соблюдении норм процессуального права и в полном соответствии с нормами материального права, а имеющие значение для дела факты подтверждены исследованными судом доказательствами, удовлетворяющими требованиям закона об их относимости, допустимости, достоверности и достаточности, а также при наличии в решении суда исчерпывающих выводов, вытекающих из установленных судом фактов».

Анализ приведенных положений позволяет констатировать, что судебное решение будет соответствовать требованию обоснованности при выполнении следующих условий: 1) судом в полном объеме, достаточном для вынесения решения, установлены обстоятельства, имеющие значение для дела; 2) такие обстоятельства доказаны, а выводы суда, сформулированные на данной основе, соответствуют установленным обстоятельствам.

Изложенное позволяет говорить о том, что соблюдение требования обоснованности судебного решения предопределяется деятельностью лиц, участвующих в деле, по представлению доказательств в обоснование своей позиции. Именно активная роль сторон в доказывании позволяет суду рассмотреть и разрешить дело по существу и сформулировать выводы, соответствующие обстоятельствам дела. Однако, следует учитывать, что суд располагает только теми доказательствами, которые были представлены сторонами. Лица, участвующие в деле, самостоятельно указывают обстоятельства, имеющие значение. Следовательно, логично предположить, что ряд такого рода обстоятельств может быть просто не известен суду в силу ряда причин: правовой неграмотности участников процесса, в силу соглашения самих сторон и т.д. В этом смысле суд ограничен перечнем тех

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2003 г. № 23 «О судебном решении» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2004. – № 2.

² Обзор судебной практики Верховного Суда РФ: утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25 ноября 2015 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 6.

обстоятельств, которые указаны сторонами, и доказательствами, представленными сторонами. Таким образом, рамки для вынесения судебного решения очерчиваются самими сторонами.

В этой связи вполне закономерным становится вопрос об истинности решения суда. Так, например, И.В. Решетникова считает, что в настоящее время необходимо констатировать отказ гражданского процессуального права от принципа установления объективной истины¹. Ученый отмечает, что ввиду отсутствия законодательно установленного критерия доказывания, в качестве такового следует ввести стандарт доказывания². Развивая это положение, М.А. Плюхина указывает, что стандарт доказывания можно рассматривать как критерий, в соответствии с которым суд выносит решение в пользу той стороны, которая успешнее справилась с выполнением возложенной на нее обязанности по доказыванию³.

Верной представляется позиция А.Т. Боннера, указывающего на изменение методов достижения в гражданском процессе истины. Как такового отказа от принципа объективной истины, подчеркивает ученый, не произошло⁴. Теперь судебное познание характеризуется тем, что суд исследует не все обстоятельства, имеющие значение для дела, а лишь представленные спорящими сторонами⁵.

Таким образом, принятое судом решение на основе исследования доказательств, подтверждающих или опровергающих доводы сторон по поводу установления фактических обстоятельств дела, становится обоснованным, но оно не является истинным. Возникает лишь презумпция истинности решения, которая предполагает, что выводы суда по итогам рассмотренного и разрешенного дела являются законными, обоснованными⁶.

В основе обоснованности судебного решения лежит правильное определение предмета доказывания и оценка судом доказательств. Предмет доказывания позволяет предопределить правильную квалификацию спорного материального правоотношения, установить границы доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле⁷. Суд устанавливает предмет доказывания на основе применимой нормы материального права к спорным материальным правоотношениям, учитывая требования и возражения сторон.

¹ Решетникова И. В. Доказательственное право в гражданском судопроизводстве. – Екатеринбург, 1997. – С. 271.

² Там же. – С. 272.

³ Плюхина М. А. Процессуальные средства обеспечения эффективности судопроизводства по гражданским делам: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – С. 7.

⁴ Боннер А. Т. Проблемы установления истины в гражданском процессе // Вестник Московского университета. – 2010. – № 2. – С. 108.

⁵ Там же. – С. 109.

⁶ Ярков В. В. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства. – М., 2021. – С. 117.

⁷ Нахова Е. А. Функции предмета доказывания в гражданском судопроизводстве // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 2 (60). – С. 150.

При установлении фактов предмета доказывания суд устанавливает, в чем заключается содержание спорного права.

Предмет доказывания находится в тесной взаимосвязи с возлагаемыми на сторону обязанностями доказывания. Границы доказательственной деятельности лиц, участвующих в деле, определяют факты предмета доказывания. Содержание доказательности сводится к обоснованию своей правовой позиции перед судом с целью его убеждения в существовании в объективной действительности фактов предмета доказывания¹.

Вместе с тем достижение истины по делу как общей цели гражданского судопроизводства невозможно в силу ряда причин объективного характера: в распоряжении суда имеются не действия и события, а следы совершенных действий и произошедших событий. У суда имеется возможность проводить только ретроспективный их анализ; понятие истины зависит от субъективного восприятия ее конкретным лицом; суд имеет дело с конфликтом, в котором участвуют заинтересованные стороны. Указанные обстоятельства приводят к распространению в процессуальной доктрине позиции о том, что поиск абстрактной истины в суде должен уступить поиску и оценке доказательств по делу. Приоритетом становится обоснованность решений, а не их истинность.

Таким образом, требование обоснованности судебного акта предопределяется правильным определением обстоятельств предмета доказывания и оценкой судом доказательств на основе вероятности, с учетом использования в правоприменительной деятельности правовых презумпций и фикций – стандарта доказывания. Обоснованность – это требование, предъявляемое к судебному решению, согласно которому выводы суда должны соответствовать установленным судом обстоятельствам предмета доказывания, при этом указанные обстоятельства должны быть изложены исчерпывающе, выводы суда подтверждены доказательствами, всесторонне и полно исследованными в судебном заседании. Обоснованность судебного решения предполагает наличие своеобразной триады: обстоятельств, доказательств и выводов.

¹ Нахова Е. А. Предмет доказывания и обязанности по доказыванию в гражданском судопроизводстве // Цивилистика и право. – 2020. – № 1. – С. 18.

К ВОПРОСУ О ПРЕЮДИЦИАЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ РЕШЕНИЙ ТРЕТЕЙСКИХ СУДОВ (АРБИТРАЖЕЙ)

Ишмуханова Д.М. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

Преюдиция есть элемент доказывания, льгота для субъектов доказывания, освобождающая от обязанности нового доказывания ранее установленного юридического факта.

Следует подчеркнуть, что проблема преюдиции решений третейских судов (арбитражей) неоднократно отмечалась в доктрине гражданского процессуального права.

Ряд исследователей высказывает позицию, согласно которой решению третейского суда присуще свойство обязательности, что обуславливает обладание их преюдициальным характером (С.А. Курочкин¹, А.А. Костин²).

Однако, данная позиция не совсем согласуется с положениями российского процессуального законодательства (ст. 61 ГПК РФ, ст. 64 КАС РФ, ст. 69 АПК РФ), которое не содержит положений о том, что решение третейского суда является основанием для освобождения от доказывания (ст. 69 АПК РФ, ст. 61 ГПК РФ).

Другая группа ученых (например, А.Н. Балашов³, В.В. Ярков⁴ и другие) полагает, что решение третейского суда не может являться основанием для освобождения от доказывания, а государственные суды не связаны арбитражным решением, причем ни в части установленных фактов, ни в части выводов.

На сегодняшний день в судебной практике снова встал вопрос о преюдициальности третейских решений. К сожалению, недавние постановления судов общей юрисдикции (к примеру, Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 26 июля 2019 г. по делу № 33-34038/19⁵, Определение

¹ Курочкин С. А. Третейское разбирательство и международный коммерческий арбитраж. – М., 2017. – С. 67.

² Костин А. А. Проблема преюдициальной силы решений международных коммерческих арбитражей в законодательстве РФ // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 3. – С. 493.

³ Третейское судопроизводство в Российской Федерации: учебное пособие / А. Н. Балашов, А. И. Зайцев, Ю. А. Зайцева. – М., 2008. – С. 131.

⁴ Ярков В. В. Арбитражный суд и международный коммерческий арбитраж. Некоторые направления взаимодействия // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. – 2007. – № 2. – С. 121.

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Московского городского суда от 26 июля 2019 г. по делу № 33-34038/19 // Официальный сайт Московского городского суда URL: <http://вс.рф/> (дата обращения: 02.02.2022).

Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2020 г. по делу № 88-3792/2020¹) создали правовую неопределенность в этой области и дали повод усомниться в привлекательности третейского разбирательства в тех случаях, когда решение третейского суда необходимо исполнить именно в России.

В одном из дел должник, проигравший третейский спор, подал заявление об отмене решения третейского суда, но Пресненский районный суд г. Москвы отказал ему в удовлетворении заявления, и все попытки должника обжаловать определение первой инстанции впоследствии остались безуспешными. На основании своего определения (и в соответствии с его резолютивной частью) Пресненский суд г. Москвы выдал кредитору по его заявлению в установленном порядке исполнительный лист на принудительное исполнение решения третейского суда. Однако, примерно год спустя должник подал в тот же Пресненский суд заявление об отзыве исполнительного листа и о его признании ничтожным, в чем ему Пресненский суд отказал в апреле 2019 г. Должник обжаловал это определение Пресненского суда в апелляционном порядке в Судебную коллегия по гражданским делам Московского городского суда, которая Апелляционным определением от 26 июля 2019 г. (дело № 33-34038/19) отменила решение Пресненского суда и отозвала исполнительный лист. Определением от 12 марта 2020 г. (дело № 88-3792/2020) Второй кассационный суд общей юрисдикции отказал кредитору в удовлетворении его кассационной жалобы на Апелляционное определение от 26 июля 2019 г.

Оба вышестоящих суда пришли к выводу, что кредитор, несмотря на вступившее в законную силу определение об отказе в отмене решения третейского суда, вправе получить исполнительный лист, лишь подав в свою очередь заявление о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда в порядке, предусмотренном гл. 47 ГПК РФ.

Иными словами, кредитор не может получить исполнительный лист на основании вступившего в законную силу определения об отказе в отмене решения третейского суда (и это несмотря на содержащееся в его резолютивной части прямое указание на такую возможность, как этого требует п. 6 ч. 2 ст. 422 ГПК РФ), но должен возбудить новое производство, скорее всего, в другом суде (по месту нахождения должника), и в рамках этого нового производства суд должен заново рассматривать возможность признания и принудительного исполнения того же решения третейского суда².

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 12 марта 2020 г. по делу № 88-3792/2020 // Официальный сайт Второго кассационного суда общей юрисдикции URL: <http://вс.рф/> (дата обращения: 01.05.2021).

² Костин А. А. Правовые основания признания и исполнения иностранных судебных решений в Российской Федерации. – М., 2020. – С. 101.

Определение о выдаче исполнительного листа снова может быть обжаловано во всех инстанциях, что открывает должнику широкий простор для недобросовестного затягивания процесса по принудительному исполнению вынесенного против него третейского решения. По сути, речь идет о двойной экзекватуре, что, по всей видимости, чревато риском получить по итогам каждого из производств два противоположных судебных постановления: например, определения об отказе в выдаче исполнительного листа при наличии ранее вынесенного и вступившего в законную силу определения об отказе в отмене решения третейского суда¹.

В связи с чем, во избежание подобных противоречий необходимо в рамках ст. 61 ГПК РФ закрепить норму об освобождении от доказывания обстоятельств, установленных вступившим в законную силу судебным постановлением по результатам рассмотрения спора по оспариванию решения третейского суда в рамках гражданского судопроизводства по выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда.

Таким образом, следует заключить, что с учетом положений законодательства, а также практики судов, на данный момент решения третейских судов (арбитражей) не обладают свойствами преюдициальности для государственных судов. Однако, такое положение дел не может считаться оправданным, так как снижает авторитет третейских судов, которые являются одним из элементов для развития гражданского оборота и инвестиционной привлекательности. Поэтому представляется необходимым внести изменения в процессуальное законодательство, напрямую указав, что решения третейских судов обладают свойством преюдициальности.

ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Кайратов Т.К. - магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Марченко Т.В.

Судебная практика в области охраны окружающей среды стала достаточно распространенной в последние десятилетия. В современном судопроизводстве по рассмотрению исков субъектов экологических правоотношений принимает участие широкий круг лиц. Основные действующие лица процесса судопроизводства - это стороны конфликта, третьи лица и прокурор. Также в ходе рассмотрения исков, связанных с нарушением законодательства РФ в сфере охраны окружающей среды, к

¹ Шер М., Гайдаенко Н. И., Зайцев О. В. Принудительное исполнение решений третейских судов в России - случился опасный судебный прецедент // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 5. – С. 105.

процессу могут привлекаться отдельные лица с целью дачи заключения по вопросам, установленным Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации (ГПК РФ).

В случае необходимости специалисты могут быть привлечены судом в разных целях. Согласно ст. 188 ГПК РФ для получения консультаций; для пояснений по специальным вопросам; оказания непосредственной технической помощи, такой как фото- или видеосъемки; составления планов и схем; отбора образцов для экспертизы; оценки имущества¹.

Специалист — это лицо, обладающее специальными знаниями и навыками, не заинтересованное в исходе дела и привлекаемое в процесс с целью дачи консультаций, пояснений, выполнения отдельных процессуальных действий и т. п.²

Специалисты - экологи могут для содействия суду проводить экспертизу компонентов окружающей среды (например, качества воды); проводить идентификацию видовой принадлежности живых организмов, являющихся вредителями хозяйственной деятельности; давать заключения о тяжести нанесенного вреда.

Содействие специалиста - эколога суду может быть необходимо в следующих случаях:

- для определения местоположения и вида источника негативного техногенного или антропогенного воздействия;
- при необходимости характеристики негативного техногенного или антропогенного воздействия на окружающую среду во времени и пространстве;
- для установления механизма негативного техногенного или антропогенного воздействия;
- для выявления масштабов, обстоятельств и условий, способствующих усилению негативного техногенного или антропогенного воздействия;
- при необходимости установления обстоятельств, связанных с нарушением природоохранного законодательства, правил использования потенциально опасных объектов и действий (или бездействий) специально уполномоченных лиц в области охраны окружающей среды и природопользования, которые способствовали причинению экологического ущерба.

Часто одна из сторон, реализуя свои процессуальные права, отраженные в п. 3 ст. 188 ГПК РФ, самостоятельно обращается за помощью к специалисту и представляет в судебном заседании самостоятельно полученную консультацию. Она в свою очередь оглашается и приобщается к

¹ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23.10.2002; одобрен Советом Федерации 30.10.2002 // РГ. – 2002. – 20 ноября. – N 220.

² Цепкова Т.М., Мальченко К.Н. Некоторые вопросы правового положения специалиста в гражданском судопроизводстве. // Право. Законодательство. Личность. – 2012. – № 1(14).

материалам дела¹. ГПК РФ обязует суд своевременно предупреждать эксперта об ответственности за дачу ложных показаний и брать с него подписку за дачу заведомо ложного заключения. Специалист, в отличие от эксперта, не предупреждается и подписку не дает. Хотя в отличие от эксперта специалист не несёт уголовную ответственность за дачу ложного пояснения или консультации.

В целях обеспечения качественного выполнения обязанностей специалисту необходимо предоставить право принимать участие в изучении доказательств. Данное право должно реализовываться в той мере, которая необходима для формирования правильного вывода по вопросам, которые были выяснены с помощью специалиста.

Как правовое основание применения специальных знаний в области экологии и охраны окружающей среды выступает потребность в них для получения доказательственной информации по делу.

Специалист не является экспертом, все же имеет право давать письменную консультацию как консультант суда:

- в случае решения конкретных вопросов, без проведения исследования, для установления определенных обстоятельств;
- в случае устного или письменного представления научных положений, опытных, справочных данных из теории и практики применения специальных знаний.

Консультационное заключение, составленное специалистом-экологом в письменной форме, может включать его умозаключения, которые сделаны исходя из профессиональных знаний, а не только основываются на фактах объективной реальности, хотя при этом специалист не проводит специальное исследование.

Специалист может лишь способствовать суду при осуществлении им познавательной деятельности, но сам не может добывать новых доказательств, полученных путём специальных исследований.

Выделение специалиста отдельным субъектом судебного процесса предполагает введение регламентации его статуса в ГПК РФ, а также определение объема его процессуальных прав и обязанностей.

В системе процессуального права специалист, также, как и эксперт, относится к субъектам гражданского судопроизводства, которые содействуют осуществлению правосудия. Конституционным признаком таких субъектов судебного процесса является наличие у них специальных знаний и навыков, их незаинтересованность в исходе дела, в связи с тем, что они не являются субъектами судебного разбирательства².

¹ Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23.10.2002; одобрен Советом Федерации 30.10.2002 // РГ. – 2002. – 20 ноября. – N 220.

² Мохов А.А. Специальные знания и практика их использования в гражданском судопроизводстве России: Монография. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 222.

Очевидно, существует необходимость внесения следующих изменений и дополнений в ГПК РФ: - добавить новую статью в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации регламентирующую деятельность специалистов в судопроизводстве; - ввести понятие специалиста в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации; - дать возможность суду использовать данные полученные от специалиста в качестве доказательств.

Не стоит относить использование специальных знаний только к гражданскому судопроизводству, ведь они применяются во всех видах судопроизводств, а институт лиц, обладающих специальными знаниями, является межотраслевым. Знания специалиста – эколога могут оказаться полезными в исках по возмещению ущерба окружающей природной среде, которые могут рассматриваться и с позиции гражданских правоотношений. При достаточной проработке законодательства о экспертах и специалистах в гражданском судопроизводстве можно получить обширный источник независимых и актуальных сведений об ущербе окружающей среде, которые позволят наиболее точно рассчитать компенсации для ответчика.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА ПРИЗНАНИЯ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМИ В ПРОЦЕДУРАХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Калинский Д.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры
предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института
(филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н. Кузьмина М.В.

Современное российское законодательство, регламентирующее правоотношения, возникающие в сфере несостоятельности (банкротства), закрепляет совокупность инструментов, предназначенных для обеспечения защиты прав и законных интересов кредиторов, претендующих на погашение своих требований. К числу таких инструментов относится институт признания сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства).

По данным статистики указанный институт не только входит в число инструментов защиты прав и законных интересов кредиторов в процедурах банкротства, но и является одним из наиболее распространенных и эффективных их видом.

В соответствии с отчетами о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по делам о банкротстве Судебного департамента при Верховном суде Российской Федерации за 2018 год¹, 2019 год¹, первое

¹ www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/AC1a-svod-2018.xls.

полугодие 2020 года² именно на долю заявлений о признании сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) приходится большая часть заявленных требований в общей совокупности ключевых инструментов защиты прав и законных интересов кредиторов в процедурах банкротства (Таблица 1).

Таблица 1 – Статистика рассмотрения арбитражными судами Российской Федерации требований по делам о банкротстве

Характер требований	Всего подано заявлений за период (из них удовлетворено)		
	2018 г.	2019 г.	6 мес. 2020 г.
Об оспаривании сделок должника	34434 (16233)	37690 (16801)	13570 (5465)
Об ответственности должника в деле о банкротстве	745 (278)	475 (198)	123 (56)
О взыскании убытков с арбитражных управляющих	395 (129)	486 (174)	216 (90)
О взыскании убытков с органов управления должника	815 (380)	876 (442)	307 (164)
О привлечении к субсидиарной ответственности	4295 (2021)	5906 (2995)	2071 (1063)

Активное применение института признания сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) на практике диктует необходимость детального исследования его структурных элементов с точки зрения их теоретической обоснованности и практической реализации. Однако складывающиеся между участниками гражданского оборота правоотношения не являются статичными, а постоянно трансформируются под воздействием происходящих социально-экономических изменений. Динамика этих изменений определяет потребность в постоянной актуализации теоретических аспектов указанного института и корректировке порядка применения их на практике.

Вопросы, связанные с признанием сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации, нельзя назвать лишенными внимания исследователей и ученых: научные труды, посвященные данной проблематике, выходили в свет как в советский период развития законодательства о банкротстве (С.Н. Братусь, А.В. Венедиктов, З.И. Шкундин, Г.Ф. Шершеневич и другие авторы), так и на современном его этапе (В.В. Витрянский, С.В. Сарбаш, С.И. Ковалев и другие авторы).

В то же время нельзя говорить о наличии обширного списка комплексных исследований института признания сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации, сосредотачивающихся на всех, без исключения, его

¹ www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/AC1a_svod-2019.xls.

² www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2020/AC1a_svod-6m-2020.xls.

основных структурных компонентах, ознакомление с которыми позволило бы получить если не исчерпывающее, то максимально достоверное и актуальное представление об указанном инструменте защиты прав и законных интересов кредиторов несостоятельного должника в целом. При этом высокий уровень применения на практике положений, регламентирующих данный институт, обуславливает особую значимость исследований, которые позволят сформировать представление не только об отдельных фрагментах сложного механизма, а будут способствовать осознанию функционирования всех его структурных элементов с точки зрения их принадлежности к целостной, взаимозависимой системе.

Проведение системного исследования ключевых компонентов действующего в Российской Федерации порядка признания сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) даст возможность осмыслить особенности его структуры, принципов действия, а также будет способствовать выявлению и устранению проблем и неясностей, возникающих на практике.

Современное законодательство Российской Федерации о несостоятельности (банкротстве) закрепляет, на первый взгляд, достаточно стройный и лаконичный механизм признания сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации.

Данному вопросу посвящена отдельная глава Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закон о банкротстве) – глава III.1 «Оспаривание сделок должника». Указанная глава определяет основания, порядок, последствия признания сделок должника недействительными, особенности оспаривания отдельных сделок и рассмотрения заявления о признании сделок должника недействительными, устанавливает круг лиц, уполномоченных подавать такие заявления, основания отказа в оспаривании и так далее.

Разъяснения относительно порядка применения главы III.1 Закона о банкротстве содержатся в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

Вопросам, связанным с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Законом о банкротстве, посвящено Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)».

Отдельные элементы указанного института отражены в положениях Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве», Гражданского кодекса Российской Федерации,

Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и многих других нормативных актов и иных актов.

Применение же указанного института на практике показывает, что он не лишен недостатков, противоречий и пробелов: по многим вопросам однозначная позиция законодателя и, как следствие, судов не сформировалась до настоящего времени. Так, например, правом на обращение в арбитражный суд с заявлением об оспаривании сделки должника наделяются также конкурсные кредиторы и уполномоченные органы, если размер кредиторской задолженности перед ними, включенной в реестр требований кредиторов, составляет более десяти процентов общего размера кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, не считая размера требований кредитора, в отношении которого сделка оспаривается, и его аффилированных лиц (п. 2 ст. 61.9 Закона о банкротстве).

При этом порядок расчета установленного соотношения для целей определения приходящихся на требования конкурсного кредитора или уполномоченного органа процентов в общей сумме кредиторской задолженности, включенной в реестр требований кредиторов, судами на практике был интерпретирован по-разному:

- часть судов для определения процентной доли кредиторской задолженности перед конкурсным кредитором или уполномоченным органом определяла соотношение их требований и общего размера требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, с учетом требований первой и второй очереди¹;

- другие суды определяли указанную процентную долю как соотношение кредиторской задолженности перед конкурсным кредитором или уполномоченным органом и общего размера требований кредиторов, включенных в третью очередь реестра требований кредиторов²;

- некоторые суды исходят из необходимости соотнесения кредиторской задолженности перед конкурсным кредитором или уполномоченным органом с общим размером требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, а также учтенных в качестве требований, заявленных после закрытия реестра требований кредиторов и подлежащих удовлетворению за счет оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов, имущества должника³.

Наличие в правоприменительной практике нескольких подходов к определению указанного в пункте 2 статьи 61.9 Закона о банкротстве процентного соотношения, предусматривающих использование для расчета

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.01.2018 г. № Ф05-18884/2017 по делу № А40-85416/2016.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 14.08.2018 г. №09АП-19729/2018 по делу №А40-193876/15.

³ Определение ВС от 26.11.2018 г. №305-ЭС18-11840 по делу № А40-70992/2017.

разных исходных данных, приводит, во-первых, к запутыванию участников гражданского оборота: у конкурсного кредитора или уполномоченного органа возникают затруднения при расчете процентного соотношения; во-вторых, к подаче заявлений в деле о банкротстве об оспаривании сделок должника лицами, размер кредиторской задолженности перед которыми не превышает установленный пунктом 2 статьи 61.2 Закона о банкротстве десятипроцентный порог, что приводит к необоснованной нагрузке на суд, затягиванию процедуры банкротства, а также к уменьшению конкурсной массы (о фактах подачи иными лицами, помимо арбитражного управляющего, заявления о признании сделки должника недействительной и вынесения судебного акта по итогам рассмотрения указанного заявления в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве публикуются соответствующие сообщения, стоимость каждого из которых в отношении должника - юридического лица по состоянию на 30 ноября 2020 года составляет 860,35 руб.¹); в-третьих, к вынесению судами незаконных судебных актов.

Указанный пробел является лишь одним примером из числа многих противоречий, возникающих в рамках практической реализации института признания сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) в Российской Федерации.

Вопросы подсудности, определения критериев неравноценности встречного исполнения, установления обычной хозяйственной деятельности; определения процедуры, в ходе которой может быть подано заявление о признании недействительными сделок должника по основаниям, указанным в Законе о банкротстве, или по общим основаниям, предусмотренным Гражданским кодексом Российской Федерации; многие другие вопросы до настоящего времени не нашли однозначного толкования и вызывают затруднения у участников оборота.

В оправдание современного российского механизма признания сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) необходимо отметить, что каждая, без исключения, система содержит пороки, не позволяющие назвать ее совершенной. Более того, современное законодательство Российской Федерации о банкротстве нельзя назвать устоявшимся: оно постоянно трансформируется и дополняется новыми элементами, что также является основанием для возникновения сложностей в рамках их практической реализации.

Итак, изложенное позволяет заключить, что формирующийся в законодательстве Российской Федерации институт признания сделок должника недействительными в процедурах несостоятельности (банкротства) нуждается в модернизации и постоянной адаптации к динамично

¹ Правила взаимодействия оператора и пользователей Единого федерального реестра юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности от 18.03.2020 (версия 1.20 действует с 01.04.2020).

меняющимся условиям функционирования современного общества. Указанный вывод, в свою очередь, обуславливает необходимость проведения системных исследований данного института, нацеленных на осуществление комплексного анализа ключевых его составляющих, способствующих повышению эффективности его реализации и степени осведомленности участников хозяйственного оборота об особенностях его применения на практике.

ОБЖАЛОВАНИЕ СУДЕБНЫХ РЕШЕНИЙ О ПРИМЕНЕНИИ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ В ВИДЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПОД СТРАЖУ: ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ЗАЩИТЫ ИЛИ УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФИКЦИЯ?

Калюжина В.М. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Саюшкина Е.В.

Обжалование судебных решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу находится в прямой связи с институтом обжалования промежуточных судебных решений. В этом позволяют убедиться положения ч. 11 ст. 108 УПК РФ, ст. 127, ч. 4 ст. 255, а также ч. 3 ст. 389², регламентирующей перечень судебных решений, подлежащих апелляционному обжалованию до вынесения итогового судебного решения, п. 1 ч. 3 ст. 401³ УПК РФ, где указано на порядок обжалования промежуточных судебных решений в суде кассационной инстанции.

Однако так было не всегда. В период действия УПК РСФСР 1960 года об обжаловании промежуточных судебных решений не было и речи, хотя справедливости ради стоит отметить, что в отношении решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу определенная процедура все же была предусмотрена, но имела свои особенности и недостатки: 1) модель обжалования решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу наделяла судебный орган, по сути, двумя функциями: судебного контроля и функциями апелляционного пересмотра решений, принимаемых несудебными органами; 2) основная идея УПК РСФСР относительно меры пресечения в виде заключения под стражу – 1) решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, вынесенные на этапе досудебного производства вообще не подлежали пересмотру в проверочных инстанциях; 2) решения о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, вынесенные на этапе судебного производства могли быть обжалованы на общих основаниях.

УПК РФ 2002 г. подошел к вопросу обжалования промежуточных судебных решений в целом, и к обжалованию решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, в частности, более детально. Так,

на сегодняшний день существует два порядка обжалования судебного решения: 1) обжалование судебных решений, вынесенных на стадиях досудебного производства; 2) обжалование судебных решений, вынесенных на стадиях судебного производства. Однако, сама процедура обжалования еще требует доработок. На этом настаивает и ЕСПЧ: «отсутствие в российском законодательстве регламентации пересмотра судебных решений, вынесенных по ходатайствам об освобождении из-под стражи, влечет за собой необоснованные отказы в пересмотре подобных судебных решений судами проверочных инстанций»¹.

Анализ судебной статистики, а также правоприменительной практики показал, что апелляционная инстанция не исправляет ошибки, а пролонгирует их, оставляя незамеченными. В связи с этим напрашивается вопрос: а есть ли возможность устранить указанные пробелы и недочеты с помощью иных видов пересмотра, не пытаясь более четко отрегулировать нормативные положения и всецело положиться на инструменты кассационного обжалования?

В связи с судебной реформой 2018 года², в результате которой появились новые апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, практика потребовала более системно отрегулировать вопрос с порядком подачи кассационных жалоб и представлений. Теперь жалобы и представления на промежуточные судебные решения, согласно п. 1 ч. 3 ст. 401³ УПК РФ, подаются в порядке выборочной кассации (как ее именует Пленум ВС от 25 июня 2019 г. № 19³). Это означает, что судебное заседание суда кассационной инстанции назначается с предварительным решением судьи о передаче кассационных жалобы, представления для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. Тем самым, вопреки ожиданиям реформаторов, выборочная кассация продолжает сохранять все недостатки прежнего кассационного производства.

Как же обстоят дела с обжалованием промежуточных судебных решений в надзорном порядке? И предусмотрена ли вообще такая возможность? Противоречия не были до сих пор устранены и в этой части. Статья 127 УПК РФ устанавливает, что жалобы и представления на приговоры, определения, постановления судов первой и апелляционной инстанций, а также жалобы и представления на судебные решения, принимаемые в ходе досудебного производства по уголовному делу,

¹ Постановление ЕСПЧ от 12 июня 2014 г. Дело «Чуприков (Chuprikov) против Российской Федерации» (жалоба № 17504/07), а также вынесенное в связи с ним Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 18 марта 2015 г. № 9-П15 в отношении Чуприкова А.Н.

² Федеральный конституционный закон от 29 июля 2018 г. № 1-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации».

³ Пункт 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 19 «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции».

приносятся в порядке, установленном главами 45¹ и 47¹ настоящего Кодекса. Жалобы и представления на судебные решения, вступившие в законную силу, приносятся в порядке, установленном главами 48¹ и 49 настоящего Кодекса. То есть обжалование промежуточных судебных решений о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, вынесенных на этапе досудебного производства не могут быть обжалованы в порядке надзора.

Как действовать в такой ситуации? Выборочная кассация вообще не гарантирует должного пересмотра промежуточного судебного решения, в надзорном порядке их обжаловать не представляется возможным. На это практика отвечает следующим – действовать по принципу «прямого действия через ЕСПЧ». Анализ практики показал, что 78 % постановлений за 2018-2020 гг., выносимых Президиумом Верховного Суда РФ, были посвящены возобновлению производства ввиду новых обстоятельств на основе решений ЕСПЧ. Только после того, как ЕСПЧ признавал избрание меры пресечения в виде заключения под стражу незаконным, это подхватывалось Верховным Судом РФ.

В чем состоит опасность? В том, что пересмотр по новым и вновь открывшимся обстоятельствам не гарантирует полной завершенности в рассмотрении данного вопроса. Материалы дела вновь передаются в суд первой инстанции, затем вновь возможна апелляция, потом кассация, все это превращается в замкнутый круг.

Таким образом, следует заключить, что требования справедливого правосудия и эффективного восстановления в правах применительно к актам предыдущих судебных инстанций предполагают обязательность проверки обоснованности и мотивированности обжалуемых решений не только судами апелляционной инстанции, но и судами кассационной и надзорной инстанций. И для того, чтобы встать на путь к достижению такого результата, предлагается следующее:

1. Внести изменения в действующий порядок кассационного обжалования промежуточных судебных решений, предусмотрев следующее: ввести порядок сплошной кассации для пересмотра промежуточных судебных решений для судов первой кассации, за судами второй кассации оставить прежний порядок выборочной кассации.

2. Предусмотреть возможность обжалования в надзорном порядке промежуточных судебных решений, вынесенных как на стадиях досудебного, так и на стадиях судебного производства после исчерпания иных средств обжалования, предусмотренных УПК РФ. При этом оставить за Президиумом Верховного Суда РФ право рассматривать такие жалобы и представления без предварительного изучения жалобы судьей, т.е. в порядке «сплошного надзора». Также следует предусмотреть возможность обжалования промежуточных судебных решений, вынесенных самим Президиумом Верховного Суда РФ, в порядке «сплошного надзора». При

этом жалоба на решения Президиума должна рассматриваться Председателем Верховного Суда РФ.

ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ДЕЛ В УПРОЩЕННОМ ПОРЯДКЕ ПО КАС РФ

Каньшина А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

В 2015 году в целях реализации задач по оптимизации, унификации, повышения качества и доступности современного цивилистического процесса подверглось модернизации исковое производство. Изменения выразились в упразднении подраздела III «Производство по делам, возникающим из публичных правоотношений» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГПК РФ). Вместе с этим в российской правовой системе появился новый регламент рассмотрения административных дел – Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации² (далее – КАС РФ). В новом КАС РФ появился институт упрощенного (письменного) производства.³

При внешней схожести институтов упрощенного производства трех цивилистических процессов в административное судопроизводство заложена абсолютно иная модель, нежели в гражданский и арбитражный процесс.

Рассмотрение административных дел по правилам упрощенного (письменного) производства происходит согласно ст. 292 КАС РФ без проведения устного разбирательства, а формирование выводов суда об обстоятельствах дела осуществляется на основе представленных ему письменных доказательств⁴.

В порядке упрощенного производства возможно рассмотреть любое административное дело (кроме прямых запретов КАС РФ) в случае неявки всех лиц, участвующих в деле, их представителей при надлежащем извещении, если явка не является обязательной или не признана судом обязательной, а также в случае заявления всеми лицами, участвующими в

¹Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

²Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

³Ионова Ю.А. Исковое производство в контексте тенденций развития гражданского судопроизводства // Новый университет. Серия «Экономика и право». – 2016. – № 9-1 (67). – С. 90.

⁴Передрий Т.Е. О новеллах института упрощенного производства по кодексу административного судопроизводства Российской Федерации // Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства: Материалы межвузовской научно-практической конференции. – 2019. – С. 75-80.

деле, ходатайства о рассмотрении административного дела в их отсутствие и если их участие при рассмотрении данной категории административных дел не является обязательным. Конечно, это не полный аналог заочного производства в гражданском процессе, но до КАС РФ ни один процессуальный кодекс не рассматривал упрощенное производство как последствие неявки в процесс¹.

Согласно ч. 6 ст. 292 КАС РФ срок рассмотрения административного дела в упрощенном порядке не может превышать десять дней со дня вынесения определения о рассмотрении дела в порядке упрощенного (письменного) производства. Однако фактически данный срок отражает не общую продолжительность рассмотрения и разрешения административного дела, а лишь продолжительность стадии судебного разбирательства. То есть время на подготовку дела к судебному разбирательству в десятидневный срок не включается.

Исходя из положений КАС РФ общий срок рассмотрения дела складывается из трех дней для решения вопроса о принятии административного искового заявления (ч. 1 ст. 127 КАС РФ), десяти дней для представления ответчиком возражений относительно применения упрощенного порядка (ч. 2 ст. 292 КАС РФ), что будет являться сроком для подготовки административного дела к судебному разбирательству, и десять дней для рассмотрения дела в порядке упрощенного производства (ч. 6 ст. 292 КАС РФ).

Решение по административному делу, которое рассматривается в порядке упрощенного (письменного) производства, выносится в соответствии с главой 15 КАС РФ, то есть по общим правилам. Одно из существенных обстоятельств, отличающих упрощенное производство по КАС РФ, заключается в порядке принятия решения судом. Как известно, в соответствии с ГПК РФ и АПК РФ решение по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается судьей единолично немедленно после разбирательства дела путем подписания его резолютивной части. При этом мотивированное решение по делу составляется только при наличии ходатайства лиц, участвующих в деле, о его составлении или в случае подачи апелляционной жалобы. КАС РФ такой нормы не содержит. Законодателем указано, что все административные дела рассматриваются как и все иные дела административного судопроизводства. Следовательно, мотивированное решение суда по административному делу, рассмотренному в порядке упрощенного (письменного), производства составляется всегда.

Кроме того, КАС РФ предусматривает возможность отмены решения судом первой инстанции, постановившим его в порядке упрощенного производства. Законодателем указано, что суд по ходатайству лица, участвующего в деле, выносит определение об отмене решения, принятого в порядке упрощенного производства, о возобновлении рассмотрения дела по

¹[Царегородцева Е.А. Реформирование упрощенного производства: цели и результаты // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 11. – С. 30.](#)

общим правилам в том случае, если после принятия решения от лиц, участвующих в деле, поступят возражения в связи с применением порядка упрощенного производства. Такие возражения должны быть направлены в срок, не превышающий пятнадцати дней со дня получения копии решения, или в течение двух месяцев, если от лица, не привлеченного к участию в деле, поступит заявление, которое свидетельствует о наличии оснований для отмены решения. Таким основанием согласно ст. 310 КАС РФ является принятие судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле¹.

Если же говорить об основаниях для отмены решения, то стоит отметить, что законодатель в административном судопроизводстве отказывается от модели возложения ответственности за соблюдение процессуальных сроков представления процессуальных документов и доказательств на стороны, предусматривая в качестве правового последствия не возвращение поступивших в суд с опозданием документов, а отмену решения суда и возобновление рассмотрения дела².

В связи с этим, норма выглядит как некий аналог отмены заочного решения, но, естественно, по несколько иным основаниям. Сама возможность отмены решения вынесенного судом по делу, рассмотренному в упрощенной процедуре, и продолжение рассмотрения дела в ординарной процедуре соотносятся с задачами и принципами судопроизводства и воспринимаются положительно. Однако, удивляет отсутствие в статье 294.1 КАС РФ сроков, в течение которых заинтересованное лицо вправе заявить ходатайство об отмене решения. Получается, что решение может уже вступить в законную силу и быть исполнено³. При этом для лиц, не привлеченных к участию в деле, установлен двухмесячный срок. Иными словами, норма, несмотря на свои положительные качества, нуждается в доработке.

В отличие от гражданского и арбитражного судопроизводства в рамках упрощенного производства по КАС РФ правила упрощенного (письменного) производства не применяются при рассмотрении административных дел судами апелляционной и кассационной инстанций.

Таким образом, порядок вынесения решения суда по административному делу, рассматриваемому в порядке упрощенного (письменного) производства, является своеобразным и содержит в себе проявление черт заочного производства. Характерным отличием упрощенной процедуры рассмотрения административных дел являются сроки рассмотрения дела и вынесения решения по делу. Норма, позволяющая суду

¹Громошина Н.А. Очередной шаг в упрощении цивилистического процесса: оценки и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 10. – С. 21.

²Царегородцева Е.А. Реформирование упрощенного производства: цели и результаты // Арбитражный и гражданский процесс. – 2020. – № 11. – С. 31.

³Громошина Н.А. Очередной шаг в упрощении цивилистического процесса: оценки и перспективы // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 10. – С. 21.

первой инстанции отменить вынесенное им решение, является исключением из правила отмены решения вышестоящим судом, как и в случае с заочным решением по ГПК РФ.

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ КОНТРОЛЬНО-СЧЕТНЫХ ОРГАНОВ РОССИИ

Карнаухова О.К. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры административного и
финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Колодина М.В.

Государственный финансовый контроль – неотъемлемая составляющая государственного устройства современной страны. В цивилизованном обществе принято, чтобы граждане знали, на какие цели и каким образом государство расходует бюджетные средства. Имеющиеся фундаментальные исследования по изучению различных аспектов финансовой деятельности государства и муниципальных образований, финансово-правовой ответственности убеждают нас в том, что важную роль в процессе аккумулирования, распределения и использования денежных фондов государства играет государственный финансовый контроль.

Финансовый контроль в России на протяжении всего периода своего развития претерпевал различные организационные изменения в зависимости от особенностей экономической и политической ситуации. Неизменными оставались только его суть и цели. Таким образом, обращение к истории становления контрольно-счетных органов в России является актуальным, поскольку это позволит проследить процесс развития финансового контроля и оценить степень его значимости в настоящее время.

Система государственного финансового контроля в России имеет более чем тысячелетнюю историю.

Можно выделить следующие этапы формирования контрольно-счетных органов: 1) XVIII-XIX вв.; 2) советский период; 4) постсоветский период.

Первые сведения об учреждениях с контрольными функциями – в том числе в области финансов – относятся к России XVII века, особенно его вторая половина – эпоха формирования абсолютизма. Центральными правительственными учреждениями тогда являлись так называемые Приказы. Приказы, занимавшиеся осуществлением внутренней политики, делились на приказы общегосударственной компетенции и приказы с областной компетенцией. Единого финансового приказа с общегосударственными полномочиями в течение всего XVII века не существовало.

Вместе с тем современники отмечали, что воровство продолжалось, несмотря на создание органа финансового контроля: «Из ста рублей дохода только одна треть попадала в казну, а остальное по карманам чиновников»¹.

Последующие реформы системы управления привели к необходимости создания такого органа, как Сенат, который заменил Боярскую Думу и был наделен функциями высшего финансового контрольного органа.

К 60-м годам XVIII века, в период правления Елизаветы Петровны за Сенатом сохранилось исполнение контрольных функций, при этом создавались конторы при ведомствах и счетные экспедиции. Формирование счетных контор способствовало разделению единого государственного контроля в России.

С установлением местных контрольных учреждений в 1779 г. создается центральное учреждение контроля - Экспедиция ревизии счетов².

При правлении Александра III был принят новый закон о государственном контроле, важной позицией которого являлось направленность контроля за соблюдением законности и правильности распорядительных и исполнительных функций по действиям с капиталами. В этот период на первое место был выдвинут предварительный контроль, направленный на предупреждение финансовых нарушений.

Органы Государственного контроля этого периода не в силах были осуществлять детальную финансовую проверку расходования средств всеми ведомствами. Проверки и ревизии носили выборочный характер, страдали элементами формализма.

К концу XIX – началу XX века государственный финансовый контроль России начал представлять собой многофункциональную систему, использующую в своей деятельности различные контрольные формы и методы.

После Октябрьской революции в России стали создаваться органы рабочего контроля. В начальный период советской власти финансовый контроль рассматривался как составная часть рабочего контроля над производством. Под его надзор попадали купля-продажа продуктов и сырьевых материалов, финансовое хозяйство.

В системе государственного финансового контроля в СССР основные функции государственного финансового контроля были возложены на финансовую систему, на Наркомфин.

В начале двадцатых годов начинают создаваться контрольные службы и при финансовых органах. В связи с тем, что органы Рабоче-крестьянской инспекции в своей контрольной работе главное внимание начинают уделять ревизионно-инспекционным обследованиям по планам, утвержденным Правительством, то для проведения ревизий непосредственно на предприятиях и в учреждениях, постановлением Правительства СССР от

¹ Сборник русского исторического общества. Т. 2. – СПб., 1873 –С. 361.

² Чечулин Н.Д. Очерки по истории русских финансистов в царствование Екатерины II / Н.Д. Чечулин. – СПб., 1906. – С. 255-257.

23 октября 1923 года в составе Народного комиссариата финансов было создано Финансово-контрольное управление.

С этой даты начинается отсчет деятельности Контрольно–ревизионного аппарата Министерства финансов Российской Федерации.

Принятая в 1993 году Конституция Российской Федерации в должной степени не отразила вопросы финансового контроля. В статьях 101-103 включены контрольные полномочия парламента и очень кратко освещен вопрос организации контроля исполнения федерального бюджета. В этих условиях осуществлялся только внутренний контроль Минфином России.

Вместе с тем, в статье 101 Конституции указано, что «для осуществления контроля за исполнением федерального бюджета Совет федерации и Государственная Дума образует Счетную палату, состав и порядок деятельности которой определяется федеральным законом»¹. В соответствии с этим 11 января 1995 года был принят Федеральный закон № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» и создан принципиально новый орган государственного финансового контроля, независимый от исполнительной власти и осуществляющий внешний контроль над управлением государственными финансовыми средствами.

Таких образом, построение системы органов внешнего финансового контроля в современной России проводились приблизительно по одной схеме, как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Федерации.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что в России всегда следовали принципу, что государственный контроль – это неотъемлемая часть государственного устройства, важнейшая функция управления финансовыми ресурсами. За годы становления государственного финансового контроля, начиная с княжеских времён правовое регулирование прошло огромный путь эволюционного развития, способствовало накоплению опыта и развитию контрольных органов в приоритетных направлениях.

При этом стоит отметить, что исторический опыт указывает на необходимость полной независимости и самостоятельности государственного контроля и подчинения его только закону при условии, конечно, роста правового сознания народа. Поэтому актуальным на сегодняшний день представляется введение новых перспективных систем и методов в исследуемую сферу.

¹ Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года. /«Российская газета». – 1993. - № 237.

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО ВОЗВРАТУ ПРОСРОЧЕННОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ

Катыхина А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: заведующая кафедрой предпринимательского
и природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

В действующем законодательстве Российской Федерации наметилась тенденция систематизации деятельности юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности. Основным законом, регулирующим деятельность подобных организаций является Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»¹ (далее – Федеральный закон № 230-ФЗ).

Федеральный [закон](#) № 230-ФЗ не использует термин «коллектор», не содержит определений «коллекторское агентство», «коллекторская организация». Однако обозначение организации, осуществляющей деятельность по возврату просроченной задолженности в качестве основного вида деятельности – «коллектором», прочно вошло в оборот.

Нововведением данного Закона является создание и ведение государственного реестра, который формирует правоспособность юридического лица: юридическое лицо вправе осуществлять предпринимательскую деятельность только после включения его в особый реестр юридических лиц. В случае, если у организации отсутствует регистрация в данном реестре, то это означает, что она осуществляет свою деятельность вне рамок закона.

Анализ новых тенденций законодательства в области регулирования деятельности юридических лиц, осуществляющих деятельность по возврату просроченной задолженности, позволяет прийти к следующим выводам:

1. До 2013 года коллектором могло назвать себя любое юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или даже физическое лицо, в настоящий момент ситуация кардинально изменилась. В 2013 году был принят Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)»², в [ст. 15](#) которого появилось определение такого

¹ Федеральный закон от 03.07.2016 № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» // СПС «Консультант Плюс».

² Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ "О потребительском кредите (займе)" // СПС «Консультант Плюс».

взыскателя: «юридическое лицо, с которым кредитор заключил агентский договор, предусматривающий совершение таким лицом юридических и (или) иных действий, направленных на возврат задолженности, возникшей по договору потребительского кредита (займа)». Иначе говоря, субъектный состав был сужен до юридических лиц (а не индивидуальный предприниматель или физическое лицо).

В дальнейшем был принят Федеральный закон № 230 «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», который детально прописал требования к юридическим лицам, осуществляющим возврат просроченной задолженности.

2. Деятельность юридических лиц, осуществляющих возврат просроченной задолженности, абсолютно законна, поскольку профессиональное взыскание долгов регулируется Федеральным законом № 230.

Федеральная служба судебных приставов России регулирует деятельность коллекторов, принимает жалобы граждан на агентства, проводит проверки и составляет протоколы об административных правонарушениях.

3. Требования к работникам коллекторских агентств, установленные государством, зачастую выше, чем к отдельным категориям государственных служащих. Работник коллекторского агентства не только не может иметь судимостей в прошлом — даже неоплаченная в течение 30 дней сумма долга по судебному акту (например, штраф [ГИБДД](#)), переданный на исполнение в службу судебных приставов, станет поводом для увольнения такого сотрудника.

4. Федеральным [законом № 230-ФЗ](#) установлены жесткие требования к юридическому лицу, осуществляющему деятельность по возврату просроченной задолженности. Это, в частности, государственная регистрация данного юридического лица в форме хозяйственного общества, указание в учредительных документах юридического лица на то, что деятельность по возврату просроченной задолженности является основным видом деятельности данного юридического лица, размер чистых активов организации должен составлять не менее 10 млн. руб., договор профессиональной ответственности со страховой суммой не менее, чем 10 млн. руб., наличие собственного сайта и др.

5. Законодатель уделил внимание проблеме разглашения банковской тайны, а также персональных данных должника. У юридического лица, осуществляющего деятельность по возврату просроченной задолженности, возникает необходимость включения в реестр операторов, осуществляющих обработку персональных данных, в порядке, предусмотренном Федеральным [законом](#) от 27.07.2006 № 152-ФЗ

«О персональных данных»¹. Данное условие обеспечивает допустимость передачи личных данных должника от кредитора соответствующему юридическому лицу.

Итак, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что коллекторская деятельность в России на данный момент является специфическим социально-экономическим феноменом. Устанавливая требования к юридическим лицам, осуществляющим возврат просроченной задолженности, законодатель старается урегулировать конфликтную сферу деятельности и не оставлять ее без внимания.

ОСОБЕННОСТИ ЗАСТРОЙЩИКА, КАК СУБЪЕКТА НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Керуенбаева К.Б. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и
процесса Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Смирновская С.И.

Исследуя вопрос о таком субъекте несостоятельности (банкротства) как застройщик, стоит отметить чёткое отсутствие как доктринальной, так и законодательной дефиниции данного понятия.

В цивилистике существуют различные подходы к пониманию «застройщика».

Мифтахутдинов Р.Т. выделяет два квалифицирующих признака для понятия «застройщик»:

- а) привлечение денежных средств или имущества дольщиков;
- б) соинвестирование строительства исключительно многоквартирного дома².

Петрухин М.В. считает, что застройщиками не могут быть государственные и муниципальные учреждения, казенные предприятия, органы государственной власти и органы местного самоуправления, которым, в соответствии с пунктом 1 статьи 20 Земельного кодекса Российской Федерации, земельные участки предоставляются в постоянное бессрочное пользование, а также юридические лица, обладающие специальной правоспособностью: банки, страховые организации, унитарные предприятия, некоммерческие организации³.

Скворцов О.Ю. полагает, что застройщиками могут выступать как

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // СПС «Консультант Плюс».

² Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. – М.: Проспект, 2016. – С. 272.

³ Биньковская А.А. Понятие «застройщик» в сфере строительства объектов недвижимости по законодательству России // Право и экономика. – 2016. – № 7. – С. 4.

коммерческие, так и некоммерческие организации, при этом, когда застройщик преследует цель извлечения прибыли, его функции может выполнять коммерческая организация или индивидуальный предприниматель, когда такая цель отсутствует - им может быть некоммерческая организация¹.

Федеральный закон от 12.07.2011 года № 210-ФЗ² внёс некую ясность в тему исследования. Глава IX Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон) дополнена параграфом 7 "Банкротство застройщиков".

Определение понятия для целей применения параграфа 7 Закона приводится в подпункте 1 пункта 1 статьи 201.1 «застройщик – это лицо, привлекающее денежные средства и (или) имущество участников строительства, юридическое лицо независимо от его организационно-правовой формы, в том числе жилищно-строительный кооператив, или индивидуальный предприниматель, к которым имеются требования о передаче жилых помещений или денежные требования»³.

Необходимо отметить, что определение понятия «застройщик», содержащееся в Законе о банкротстве, не совпадает с законодательными дефинициями, используемыми в различных отраслях частного права.

Наиболее широкое понятие «застройщика» дается в пункте 16 статьи 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ, а наиболее узкое - в пункте 1 статьи 2 Федерального закона от 30.12.2004 № 214-ФЗ «Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации»⁴.

В этом контексте представляется весьма актуальным выделить признаки застройщика как субъекта несостоятельности (банкротства), исходя из доктринального и законодательного исследования, а также правоприменительной практики.

Во-первых, застройщик должен обладать статусом юридического лица, независимо от организационно-правовой формы.

Верховный суд Российской Федерации расширил возможность применения норм параграфа 7 Закона о банкротстве на отношения банкротства гражданина при наличии прочих специальных условий, при

¹ Биньковская А.А. Понятие «застройщик» в сфере строительства объектов недвижимости по законодательству России // Право и экономика. – 2016. – № 7. – С. 5.

² Федеральный закон "О внесении изменений в Федеральный закон "О несостоятельности (банкротстве)" и статьи 17 и 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в части установления особенностей банкротства застройщиков, привлекавших денежные средства участников строительства" от 12.07.2011 N 210-ФЗ // СЗ РФ. – 2011. – №29. – Ст. 4301.

³ Федеральный закон от 26.10.2002 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – №43. – Ст. 4190.

⁴ Гурьянова Н.В. Особенности правового положения застройщиков // СПС «Консультант Плюс».

которых должник может быть признан застройщиком для целей указанного закона.

По мнению Верховного Суда РФ, отсутствие у должника-гражданина статуса индивидуального предпринимателя не должно снижать уровень правовой защищенности добросовестных участников строительства. Суд отметил, что такой подход к определению статуса застройщика обусловлен защитой прав участников строительства, которые профинансировали возведение многоквартирного дома и справедливо рассчитывают на получение встречного эквивалента в виде жилого помещения. Следовательно, суды в каждом конкретном случае должны разрешать вопрос о допустимости применения данных правил в ситуации банкротства гражданина¹.

Во-вторых, характер требований кредиторов к должнику, в число которых входят: требование о передаче жилых помещений² (квартиры, комнаты, части жилого помещения), машино-мест и нежилых помещений, а также денежные требования. Последние обязательства, в терминологии Новоселовой Л.А. могут быть поименованы как «вторичные денежные обязательства», так как они являются производными (трансформированными) от первоначально неденежных обязательств по передаче объектов недвижимости³.

В-третьих, привлечение денежных средств или иного имущества участника строительства.

Верховный Суд РФ указал на то, что п. 2 ст. 201 Федерального закона от 26.10.2022 года №127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» не исключает признания застройщиком лица, которое непосредственно не привлекает денежные средства. В обратном случае нормы параграфа 7 главы IX данного закона, не достигали бы цели института банкротства застройщика. Поэтому судам предоставлена возможность признавать сделки, заключенные участниками строительства с застройщиком и (или) с действовавшими в его интересах третьими лицами, притворными (пункт 5 статьи 201.1 Закона)⁴.

В-четвертых, объектом строительства выступает многоквартирный дом, который на момент привлечения денежных средств или иного имущества участника строительства, а также на момент обращения в арбитражный суд с заявлением о признании несостоятельным (банкротом) должника, не введен в эксплуатацию.

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда РФ от 20.08.2018 г. по делу №305-ЭС18-5428 (2); А40-180791/2016 // СПС «Консультант Плюс».

² Федеральный закон от 30.12.2021 № 476-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. – 2022. – №1. – Ст. 45.

³ Новоселова Л.А. О правовых последствиях нарушения денежного обязательства // Вестник ВАС РФ. – 1999. – № 1. – С. 90.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 22 авг. 2016 г. № 304-ЭС16-4218 по делу № А46-13473/2014 // СПС «Консультант Плюс».

В-пятых, строительство объекта осуществляется независимо от наличия или отсутствия зарегистрированного права на объект строительства и права собственности на земельный участок.

Опираясь на данные Рейтингового агентства строительного комплекса (РАСК), за весь 2020 год выявлено 162 новых случаев банкротств застройщиков, что меньше 2019 года на 12%. В совокупности данные компании возводят 374 дома общей жилой площадью 2,4 млн м². Наблюдается общее снижение числа новых случаев банкротств за 2020 год, что в итоге отразилось на существенном снижении числа объектов, строящихся застройщиками-банкротами, относительно уровня предыдущего года - снижение на 55%, а также на снижении площади строительства застройщиков банкротов - меньше прошлого года на 39%¹.

С учетом изложенного, полагаем правильным внести изменения в статью 201.1 Закона о банкротстве, а именно, прямо сформулировать дефиницию понятия «застройщик» с учётом признаков, выявленных при анализе практики высших судебных инстанций, положений законодательства (в том числе, последних изменений) и различных доктринальных точек зрения.

ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА КОРПОРАЦИИ ОДНОГО ЛИЦА

Кобзарук С.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и
процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Смирновская С.И.

Зарождение элементов корпоративной формы наблюдается в организациях, возникших в далеком античном прошлом, таких как древнеримские общества откупщиков, бравших на откуп государственные доходы, а также управлявших государственными имениями, средневековые горные и морские товарищества и т. д.²

Принято считать, что прототипами современных корпораций, созданных в форме акционерных обществ, являются английская Ост-Индская компания (1600 г.) и голландская Ост-Индская компания (1602 г.). Однако в научной литературе представлены мнения и о более раннем появлении акционерных корпораций: в частности, Н.С. Суворов считал, что формирование юридических лиц с одним участником, стоит относить к античному времени, когда фактически религия является механизмом по регулированию и определения целей ведения торговли, принимает участие в

¹ Официальный сайт Рейтингового агентства строительного комплекса. URL: <https://rask.ru/about/ob-agenstve.php> (дата обращения: 10.03.2022).

² Акционерное право России: учебник для магистров / под ред. Ю.С. Поварова. – М.: Юрайт, 2017. – С. 95.

формировании таких юридических лиц. Стоит так же отметить И. Т. Тарасов¹ ведет отсчет истории акционерных обществ от созданного в 1407 г. Генуэзского банка, путем локального участия вкладчиков.

По мнению В.В. Долинской² признание конструкции «корпорация (компания) одного лица» в европейской судебной практике началось с дела «Саломон против Саломона» и компания 1897 года (Salomon v A Salomon & Co Ltd [1897] AC 22).

Хотя и существовала судебная практика, признающая «компанию одного лица», европейские представительные органы не решались включить данную конструкции до 70-80-х годов XX века. Тогда в пяти государствах (с 1973 г. - Дания; с 1980 г. - Германия; с 1985 г. - Франция; с 1986 г. - Нидерланды; с 1987 г. - Бельгии) появилась возможность создания «компании одного лица», но только в организационно-правовой форме общества с ограниченной ответственностью. В Великобритании, Ирландии, Испании, Греции, Италии, Люксембурге и Португалии (с 1986 г. - разрешено создание «предприятий одного лица с ограниченной ответственностью») создание общества одним лицом не допускалось.

Потребность пересмотра нормативной базы СССР была продиктована созданием экономики рыночного типа, определяющей развитие частного сектора через реформу собственности.

В 1989 г. была принята Двенадцатая директива Европейского союза (далее - Директива ЕС 1989 г.), которая обязала все государства-участники предусмотреть в национальном законодательстве такую правовую конструкцию, как ООО, имеющее единственного участника³. Директива ЕС 1989 г. включала преамбулу и 9 статей. Необходимость принятия данной директивы была вызвана причинами, указанными в преамбуле Директивы ЕС 1989 г.:

- как было указано выше, некоторые страны - участницы Европейского союза в национальном законодательстве признали такую конструкцию, как «корпорация одного лица». В связи с этим возникла необходимость привести гармонизировать законодательство всех стран - участниц Европейского союза;

- конструкцию «корпорация одного лица» должна способствовать развитию малых и средних предприятий (резолюцией от 3 ноября 1986 г. была утверждена Программа действий в поддержку малых и средних предприятий)⁴.

¹ Учение об акционерных компаниях: учебник / под ред. И.Т. Тарасов. – М.: Статут, 2000. – С. 11.

² Акционерное право: основные положения и тенденции: монография / под ред. В.В. Долинской. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – С. 45.

³ Директива 89/667/ЕЭС Совета от 22 декабря 1989 г. об обществах с ограниченной ответственностью с единственным участником // Вестник ЕС - N L 395. - С. 40.

⁴ Резолюция от 3 ноября 1986 г. Программа действий в поддержку малых и средних предприятий // Вестник ЕС - N C 287. - С. 2.

В соответствии с абз.1 ст.2 Директивы ЕС 1989 г. общество может иметь единственного участника при его учреждении, а также в результате объединения всех его долей в одних руках (единоличное общество). Все государства-участники Европейского союза, не признающие конструкцию «корпорация одного лица», должны закрепить в национальном законодательстве такую конструкцию. Исключение была Португалия, т.к. в соответствии со ст. 7 Директивы ЕС 1989 г. государство-участник Европейского союза может не разрешать существование единоличного общества, если его законодательство предусматривает возможность учреждения предприятия индивидуальными предпринимателями, ответственность которых ограничивается имуществом, предоставленным для определенной деятельности (в Португалии с 1986 г. - разрешено создание «предприятий одного лица с ограниченной ответственностью»)¹.

Тем самым, одной из главных предпосылок можно смело назвать всестороннее развитие форм юридических лиц, когда появляются юридические лица, организации, имеющие фактически в своем управлении всего лишь одного лица. В силу такого развития, и появления нового субъекта в правоотношениях требовалось на законодательном уровне соответствующее закрепление.

В рамках реформирования отношений собственности в переходный период основным звеном явилось создание юридических лиц - частных компаний, представляющих основу всех преобразований. В итоге, в середине 90-х гг. были приняты основные акты.

Развитие корпоративного права в России достигло в настоящее время достаточно высокого уровня: разработано большое число законодательных и подзаконных актов, постановлений и распоряжений Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг, накоплена достаточно обширная судебная практика. Но на определенном этапе стало очевидно, что часть проблем не решить с помощью обязательных норм, так как их решение вообще находится вне правового поля. Участникам корпоративных отношений - не только в России, но и во многих других странах - становилось все очевидней, что без взаимного доверия, без соблюдения определенных этических норм, без проявления разумности и добросовестности развитие в этой сфере может остановиться.

На основе изложенного мы считаем, что можно выделить несколько основных выводов о предпосылках формирования института корпорации одного лица:

Во-первых, фактически тенденция развития бизнеса и судебной практики, а также видоизменение, образование новых юридических лиц, положило основание для формирования данного института.

¹ Директива № 2009/102/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза "В сфере корпоративного права, регулирующего частные компании с ограниченной ответственностью с одним участником" // Вестник ЕС - N L 258. - С. 20.

Во-вторых, признание на законодательном уровне института корпорации одного лица, послужило основанием, для развития законодательных основ в странах-участниках.

В-третьих, упрощенная процедура создания данной конструкции, позволяли в большей мере насыщать экономику, такими формами юридического лица, давая при этом свободу развития для корпоративных отношений в период их скорейшего роста и развития.

В дальнейшем, тот «толчок» в развитии новой организационно-правовой формы, стал основным «рычагом» для переориентирования имущественной основы деятельности уже существующих экономических формаций.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ИНДИВИДУАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Коваленко Н.С. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Для определения правового положения индивидуальных предпринимателей необходимо обратиться к гражданско-правовой основе, а именно к положениям законодательства, которое регулирует вопросы статуса субъекта права и субъекта гражданского права¹.

Гражданин вправе заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (п. 1 ст. 23 ГК РФ). К предпринимательской деятельности граждан, осуществляемой без образования юридического лица, соответственно, применяются нормы гражданского законодательства, которые регулируют деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями, если иное не вытекает из закона, иных правовых актов или существа правоотношения (п. 3 ст. 23 ГК РФ)².

Ст. 18 ГК РФ относит право заниматься предпринимательской, деятельностью к объему общей правоспособности граждан. Реализация данного права осуществляется гражданином-предпринимателем в особом юридическом статусе и с соблюдением специально установленных процедур государственной регистрации, лицензирования и др. - легализации деятельности, но, тем не менее, право на осуществление предпринимательской деятельности следует относить к объему общей

¹ Ручкина Г.Ф., Васильева О.Н., Дахненко С.С. Предпринимательское право. Краткий курс. Учебное пособие / под ред. Ручкиной Г.Ф. - М: КноРус, 2019. - 144 с.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021) // СЗ РФ. – 1994. – N 32. – Ст. 3301.

правоспособности гражданина, а не специальной, т.к. данное право закреплено и гарантировано каждому физическому лицу без исключения конституцией и гражданским законодательством.

Несмотря на кажущуюся определенность, вопрос о правовом статусе индивидуальных предпринимателей до настоящего времени остается актуальным и вызывает ряд вопросов. Как следует из законодательства и неоднократно отмечалось в науке, статус индивидуального предпринимателя носит двойственный характер, поскольку индивидуальный предприниматель по своей сути - это физическое лицо, но в то же время он наделен правами юридического лица.

С одной стороны, предприниматель является обычным гражданином, имеющим все гражданские права, которые гарантированы ему Конституцией Российской Федерации¹, а также различными законами и подзаконными актами. С другой же стороны, предприниматель может выступать в качестве субъекта предпринимательской деятельности, то есть использовать практически всю совокупность прав, предусмотренных нормативными правовыми актами для субъектов предпринимательской деятельности, прежде всего юридических лиц, так как приоритет всегда отдается им.

Причем сочетание гражданских и предпринимательских прав носит постоянный характер, вплоть до степени смешения. Например, гражданин, зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя, приходит и покупает товар. Данная покупка может быть им совершена как для собственных нужд, так и для целей осуществления предпринимательской деятельности - со стороны оценить это не представляется возможным. В то же время, в некоторых ситуациях разделение прав и обязанностей носит более четкий характер, например, при уплате налогов как простым гражданином и как предпринимателем.

Существует мнение, что «стать индивидуальным предпринимателем может лицо, обладающее полной дееспособностью». Некоторые авторы, разделяющие в целом эту точку зрения, акцентируют внимание на том, что предпринимателями могут быть физические лица, «не ограниченные в установленном федеральным законом порядке в дееспособности» (т.е. не ограниченные в дееспособности по основаниям, установленным ст. 30 ГК РФ). Такая позиция объяснима, если исходить из буквального толкования «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей». Однако, вряд ли с ней можно согласиться, имея в виду нормы ГК РФ, не запрещающие участие в индивидуальном предпринимательстве, с согласия законных представителей: а) любых несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (не эмансипированных и не вступивших в брак до достижения 18-летнего

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

возраста) и б) совершеннолетних граждан, ограниченных судом в дееспособности по основаниям, указанным в ст. 30 ГК РФ, и в порядке, установленном ГПК РФ¹.

Некоторые авторы справедливо отмечают также инициативный, творческий аспект предпринимательской деятельности. А творчество требует времени, энергии и интеллектуальных ресурсов. Кроме того, в сферу трудовой деятельности индивидуального предпринимателя входят и такие функции, как постоянный самоконтроль, анализ принятых решений и совершенных действий, «работа над ошибками», которые, к сожалению, неизбежны. Все это в совокупности дает некоторое представление о содержании самостоятельного труда гражданина-предпринимателя.

Индивидуальный предприниматель для осуществления предпринимательской деятельности и повышения ее эффективности вправе использовать не только самостоятельный, но и наемный труд, заключив в этих целях трудовые договоры с наемными работниками. В таком случае он, не переставая оставаться самостоятельным работником, выступает одновременно и в другом качестве - в качестве работодателя. Индивидуальный предприниматель - работодатель вступает в трудовые отношения с работниками по общим правилам ТК РФ с учетом особенностей регулирования труда работников, работающих у работодателей - физических лиц, установленных в гл. 48 ТК РФ².

При рассмотрении правового положения индивидуального предпринимателя необходимо принимать во внимание, что данная правовая конструкция всего лишь незначительно расширяет гражданско-правовой статус физического лица, с одной стороны, и значительно ограничивает его конституционные права (в части наступления ответственности без вины, полной имущественной ответственности, а также налоговых обязательств индивидуального предпринимателя и пр.), с другой³. В результате гражданин-предприниматель осознанно и добровольно принимает на себя дополнительные экономические и гражданско-правовые обязанности коммерческого субъекта.

П. 3 ст. 23 ГК РФ установлено общее правило, что к индивидуальной предпринимательской деятельности граждан подлежат применять правила гражданского законодательства, регулирующие деятельность юридических лиц, являющихся коммерческими организациями. Из этого следует, что предприниматель без образования юридического лица может обладать любыми правами, необходимыми для осуществления любых видов экономической деятельности в рамках закона.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 22.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.11.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3

³ Морозов Г.Б. Правовое регулирование предпринимательской деятельности. Учебное пособие для академического бакалавриата. - М: Юрайт, 2017. - 420 с.

Таким образом, правовой статус индивидуального предпринимателя можно определить, как специфическую правовую форму, созданную посредством юридической техники с целью дать возможность физическим лицам вести предпринимательскую деятельность, не прибегая к корпоративным формам предпринимательства.

Стоит отметить, что в соответствии с Конституцией РФ (п. 2 ст. 8), Гражданским кодексом РФ в России признаются и защищаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Собственник вправе по своему усмотрению совершать в отношении своего имущества любые действия, не противоречащие закону.

Сферой регулирования предпринимательских отношений является производительное потребление, отношения предпринимательства на основе различных форм собственности. Основу предпринимательской деятельности составляют отношения частной собственности, реализуемые самим собственником (группой собственников).

Наиболее широкой имущественной базой наделяются предпринимательские, коммерческие звенья, в рамках которых происходит процесс материального производства и которые для осуществления этой деятельности должны располагать всем необходимым комплексом имущества: в натурально-вещественной форме (основные и оборотные фонды); в форме денежных средств.

Для осуществления предпринимательской деятельности, участия в хозяйственных отношениях, сочетающих планово-организационные и имущественные элементы, субъект предпринимательства должен обладать определенным имуществом. Ведь предпринимательская деятельность связана с использованием имущества для достижения определенных целей, для получения прибыли.

Принадлежащее субъекту хозяйственного права имущество может находиться в частной, государственной, муниципальной и иной собственности. За государственными и муниципальными предприятиями, учреждениями и организациями имущество закрепляется путем передачи его в хозяйственное ведение или оперативное управление последних.

Субъекты предпринимательского права должны отвечать за результаты своей деятельности. Эта ответственность используется как средство экономического стимулирования. Она может выражаться в двух формах: в виде экономической ответственности и в виде имущественной ответственности¹.

Субъект хозяйственного права не только обязан отвечать за результаты деятельности, но и иметь возможность обращаться за защитой своих хозяйственных прав в случае их нарушения. Возможность осуществления предпринимательской деятельности предопределяется необходимой имущественной самостоятельностью.

¹ Балашов А.И., Беляков В.Г. Предпринимательское право для экономистов. Учебник и практикум. - М: Юрайт, 2017. - 334 с.

ИСТРЕБОВАНИЕ СВЕДЕНИЙ, ПРЕДМЕТОВ И ДОКУМЕНТОВ КАК ИНОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ ПО СОБИРАНИЮ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Кожухова Ю.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. доцент Шмелева Е.С.

Правовое регулирование запроса в уголовно-процессуальном законодательстве на сегодня не развито. Так в УПК РФ¹, содержится лишь одна норма, где упоминается подобное действие – часть 4 статьи 21. При этом, следует отметить, что ни порядка осуществления, ни процедуры закрепления результатов данного процессуального действия в уголовно-процессуальном законодательстве не зафиксировано. В.А. Семенцов, изучая иные процессуальные действия, определил запрос как процессуальное действие, осуществляемое дознавателем, следователем и судом, заключающееся в требовании о предоставлении сведений, имеющих значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию². С подобным толкованием понятия запроса в уголовно-процессуальном смысле, как нам представляется, следует согласиться, так как оно основано на имеющихся данных о данном процессуальном действии в законодательстве. Запрос как иное процессуальное действие не обладает подробным правовым регулированием в случае, если адресатом выступают не иностранные субъекты (статьи 453 и 454 УПК РФ).

Вопрос о регламентации запроса как иного процессуального действия, направленного на соби́рание доказательств, адресатом которого выступают российские государственные органы, должностные лица, учреждения, предприятия, организации, граждане, является нерешенным. Представляется, что запрос является истребованием сведений, предметов и документов. А следовательно, наиболее рациональным решением является выделение в уголовно-процессуальном законодательстве процедуры истребования сведений, предметов и документов.

Как отмечает С.Б. Россинский, истребование потенциальных доказательств необходимо отграничивать от выемки как следственного действия, предполагающего принудительное изъятие и поэтому обремененного различными гарантиями: вынесением постановления следователем о производстве подобного действия (в некоторых случаях получением судебного решения), протоколированием, разъяснением прав

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2001. – № 52 (1 ч.). – Ст. 4921.

² Семенцов В.А. О соотношении следственных и иных процессуальных действий, предназначенных для соби́рания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. – № 2. – С. 41.

участникам следственного действия и т.д. Несмотря на возможность ограничения истребования предметов и документов от выемки, в связи с отсутствием правовой регламентации истребования, практические работники, как правило, используют процедуру выемки и усложняют себе работу производством ряда формальных действий. Автор приводит наглядный пример, когда производство выемки лишь затягивает ход предварительного расследования. Так, в одном из отделов УВД Брянской области при расследовании уголовного дела потребовался договор об оказании услуг, заключенный между обвиняемым и московской коммерческой организацией. Руководитель при разговоре со следователем дал понять, что в случае поступления официального запроса, он отправит все необходимые документы по почте или иным способом. Однако, следователь выбрал иной путь: оформил командировку, приехал в офис организации в Москву и изъял договор посредством производства выемки¹. Представляется, что подобные ситуации действительно отражают эффективность истребования сведений, предметов и документов, нежели производства следственных действий, которые в силу своей природы имеют более усложненную процедуру. То есть процедура истребования сведений, предметов и документов нуждается в определении процессуального режима, который будет способствовать распространению и единообразию её использования.

Так как выемка ограничивает ряд прав граждан, истребование как иное процессуальное действие должно осуществляться лишь в случае, когда подобные права не нарушаются, так как уголовно-процессуальное принуждение в полной мере при его производстве отсутствует, не считая нормы ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Но, указанная уголовно-процессуальная норма обеспечивается весьма слабо: в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях² присутствует статья 19.7, которая устанавливает ответственность для граждан (административный штраф от 100 до 300 руб.), для должностных лиц (от 300 до 500 руб.), для юридических лиц (от 3000 до 5000 руб.) за непредставление или несвоевременное представление в государственный орган (должностному лицу) сведений (информации), представление которых предусмотрено законом и необходимо для осуществления этим органом (должностным лицом) его законной деятельности, а равно представление в государственный орган (должностному лицу) таких сведений (информации) в неполном объеме или искаженном виде. Представляется, что подобная мера не может являться эффективной и служить гарантом достоверности предоставляемых сведений. В связи с этим некоторые исследователи отрицают возможность

¹ Россинский С.Б. Истребование предметов и документов как способ собирания доказательств в досудебном производстве по уголовному делу // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 84.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (1 ч.). – Ст. 1.

использования истребования сведений, предметов и документов как способа собирания доказательств, отдавая предпочтение в этих случаях производству следственных действий, при которых допустимость полученных доказательств не подвергается сомнению¹. С данной позицией, как нам видится, следует не согласиться, так как допустимость доказательств, полученных с помощью рассматриваемой процедуры, можно укрепить введением правовой регламентации истребования как иного процессуального действия. Также необходимо отметить, что фактически в связи с отсутствием действующего механизма уголовно-процессуального принуждения при осуществлении указанного действия, его реализация – это проявление «мягких» норм в уголовном процессе. Субъект, которому направлен официальный запрос, имеет возможность не реализовать требование, обжалуя данное действие должностного лица в прокуратуру или суд. Как отмечает профессор С.А. Шейфер, при производстве истребования предметов и документов присутствует временной интервал между волеизъявлением следователя и получением объекта². Это важное отличие данного иного процессуального действия от выемки, что фактически и снижает степень уголовно-процессуального принуждения при его производстве.

Истребование сведений, предметов и документов (запрос) – это иное процессуальное действие, направленное на собирание доказательств, при помощи более упрощенной процедуры, не подкрепленное уголовно-процессуальным принуждением. Данная процедура нуждается в правовой регламентации, так как это будет способствовать распространению её использования вследствие процессуальной экономии времени на собирание необходимых доказательств. Следовательно, уголовно-процессуальную норму, регламентирующую истребование сведений, предметов и документов, думается, необходимо закрепить в статье 183.1 УПК РФ в следующей редакции:

«Статья 183.1. Истребование следователем (дознавателем) сведений, предметов и документов

1. Истребование сведений, предметов и документов осуществляется следователем (дознавателем) посредством направления письменного запроса в учреждение, предприятие, организацию, должностным лицам и гражданам, располагающим необходимыми сведениями, предметами и документами.

2. Исполнение запроса указанными в части первой данной статьи лицами осуществляется в разумный срок, определяемый следователем (дознавателем) в запросе.

¹ Головчанский А.В. К вопросу об истребовании предметов, документов при расследовании уголовных дел // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. – 2018. – № 4-1. – С. 316.

² Шейфер С.А. Собираание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. – М., 2015. – С. 55.

3. При несогласии с истребованием сведений, предметов и документов в связи с нарушением прав и свобод, указанные в части первой настоящей статьи лица могут обжаловать данное процессуальное действие в порядке ст.ст. 124 и 125 настоящего Кодекса».

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ РАССМОТРЕНИИ И РАЗРЕШЕНИИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ

Комарова О.И. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права
социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент Черепанцева Ю.С.

Цифровизация экономики, автоматизация производства, внедрение искусственного интеллекта в деятельность организаций оказывают существенное влияние на трудовые отношения, вызывая их трансформацию. В виду чего появляются новые формы и способы взаимодействия работника и работодателя, к которым, в первую очередь, относится использование информационно-коммуникационных технологий в процессе регламентации трудовой деятельности. Использование электронных средств и инструментов проникло и в сферу трудовых споров, оказав влияние на процесс их рассмотрения и разрешения.

В чем же непосредственно это проявилось?

В первую очередь, следует назвать возможность участия в судебном заседании посредством видео-конференц-связи (ВКС). Для рассмотрения трудовых споров, споров по вопросам пенсий, пособий по временной нетрудоспособности, такую возможность открыла ст. 155.1 ГПК РФ, введенная Федеральным законом от 26 апреля 2013 г. № 66-ФЗ¹. Фактически это означало использование ВКС судом по месту нахождения сторон спора. Данная процедура проявила себя особенно в период объявленной пандемии COVID-19. И несмотря на то, что она была востребована, в то же время при рассмотрении трудовых споров своего развития она не получила, т.к. при применении современных интернет-технологий, все равно предполагалась явка в тот суд, который располагал ВКС.

В связи с чем, более распространенным, стало использование сервисов по подаче в суд документов в электронном формате. При этом основной цифровой платформой является Государственная автоматизированная система «Правосудие» (www.sudrf.ru), которая позволяет направлять в суды общей юрисдикции электронные документы и электронные образы (скан-

¹ Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 66-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2013. – № 17. – Ст. 2033.

копии) бумажных документов¹. Доступ к интернет-порталу ГАС «Правосудие» возможен через личный кабинет после идентификации и аутентификации в федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемой для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» (ЕСИА) портала госуслуг (www.esia.gosuslugi.ru). Подача документов в электронном виде (в том числе в форме электронного документа) в Верховный Суд Российской Федерации осуществляется через информационную систему официального сайта Верховного Суда РФ (<http://www.vsrfr.ru>).

Подача документов в электронном виде, в свою очередь, обозначила вопрос о допустимости признания доказательствами по трудовому спору электронных документов. Текущая судебная практика неоднозначно подходит к решению этого вопроса. По мнению ряда исследователей, причина такого положения кроется, прежде всего, в том, что хотя ст. 71 ГПК РФ допускает электронную форму письменных доказательств, в то же время прямо не устанавливается их допустимость как средств доказывания². Особо отчетливо это проявляется в отношении такого вида электронных документов, как переписка по электронной почте, СМС-сообщения, страницы в сети Интернет. Нельзя не отметить, что положительным шагом в решении обозначенной проблемы стало введение практики использования электронных документов, связанных с работой. Перевод на электронное взаимодействие работника и работодателя, первоначально как эксперимент (который признан удачным), а теперь уже и основное правило, «следует расценивать в качестве еще одного шага вперед в обеспечении защиты прав и интересов работника, особенно в случае возникновения споров»³.

Однако, несмотря на безусловные «плюсы», это не стало панацеей, т.к. любому действию сопутствуют определенные риски. И прежде всего, технического плана. Для работодателя ведение документации исключительно в онлайн-формате чревато ответственностью за потерю данных, несанкционированное использование третьими лицами, ошибки программного обеспечения при обработке, хранении и передаче данных о

¹ Порядок подачи в федеральные суды общей юрисдикции документов в электронном виде, в том числе в форме электронного документа. Утвержден приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 27 декабря 2016 года № 251 // URL: https://www.vsrfr.ru/about/info/documents_regulations/6796/ (дата обращения: 13.03.2022).

² Чуча С.Ю. Правовой режим электронных доказательств в суде при рассмотрении трудовых споров // URL: <http://lexandbusiness.ru/view-article.php?id=9096> (дата обращения: 13.03.2022).

³ Саликова Н.М., Батухтина Е.М. Электронный документ как доказательства? Проблемы использования при разрешении трудовых споров // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 4. – С.103.

трудовой деятельности. Но и работник может пострадать, если его сведения будут утрачены работодателем, т.к. просто будет лишен возможности защищать свои права и законные интересы.

Кроме того, весьма проблематичным и затратным для работника продолжает оставаться приобретение и использование цифровой подписи, необходимой для подачи документов в суд.

Наряду с этим, заметим, что, несмотря на использование при рассмотрении трудовых споров ВКС, проблемой судебного процесса является и отсутствие возможности ознакомления с материалами дела в электронной форме. Такое право не закреплено на законодательном уровне.

Таким образом, не вызывает сомнения то, что развитие информационно-коммуникационных технологий открывает широкие возможности для эффективного взаимодействия работников и работодателей в процессе трудовой деятельности. Рассмотрение и разрешение трудовых споров в режиме он-лайн, на наш взгляд, совершенствует процессуальные действия. Обеспечивая информационную и технологическую поддержку судопроизводства, при соблюдении баланса между потребностью граждан, общества и государства в свободном обмене информацией и необходимыми ограничениями на ее распространение, в конечном итоге реализует действенную судебную защиту прав и законных интересов работника.

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ В УПРОЩЕННОМ ПРОИЗВОДСТВЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Корнеева У.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой гражданского права
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н., доцент Томина А.П.

Дела упрощенного производства рассматриваются по правилам искового производства с учетом особенностей, предусмотренных гл. 21.1 ГПК РФ, в частности, судебные заседания по данным делам не назначаются. Производство осуществляется посредством обмена процессуальными документами, в связи с чем устная состязательность полностью заменяется письменной.

Так, согласно ч.2,3 ст. 232.2 ГПК РФ при представлении в суд общей юрисдикции доказательств, документов и возражений лица, участвующие в деле, обязаны направить их друг другу, а также представить в суд документы, подтверждающие направление таких доказательств, документов и возражений другим участвующим в деле лицам¹. Как подчеркивается в п.25 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 апреля 2017 № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Российская газета. – 2002. – № 220.

Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве», вышеприведенное законодательное положение установлено исходя из принципов состязательности, равноправия и добросовестности сторон¹.

Таким образом, в упрощенном производстве раскрытие доказательств является обязанностью лиц, участвующих в деле. По утверждению Н.Г. Елисеева, процессуальный институт раскрытия доказательств считается составной частью принципа состязательности, то есть основным началом гражданского судопроизводства, значимым обстоятельством надлежащего исполнения права на защиту в суде и право быть выслушанным на заседании². Однако последний указанный элемент не может быть реализован в рамках упрощенного производства, а следовательно, сфера действия принципа состязательности сужается.

Это обусловлено тем, что большую роль при раскрытии доказательств играет не только юридически важная информация, содержащаяся в процессуальных документах, но и форма ее представления. Устное взаимодействие сторон в процессе предполагает более полное раскрытие сведений, представленных в письменных документах.

«Документарная» состязательность³ также ограничивает исследование отдельных видов доказательств, в частности свидетельских показаний.

Кроме того, в упрощенном производстве реализация принципа состязательности в значительной степени зависит от добросовестности лиц, участвующих в деле. Несмотря на закрепление именно обязанности по обмену лицами, участвующими в деле, представляемыми в суд доказательствами и документами, а также санкций за неисполнение данной обязанности при отсутствии подтверждения такого обмена в виде возвращения доказательств и документов судом, некоторые лица могут не исполнять ее вовсе либо исполнять недобросовестно.

Так, при направлении почтовым отправлением с описью вложения проводится лишь формальная проверка документов, что обуславливает возможность представления одним из лиц неполного пакета документов, и как следствие, нарушение права другого лица на получение информации о позиции своего оппонента.

Следует также отметить, что при должной добросовестности лица, участвующего в деле, направившего документы и доказательства другому

¹ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.04.2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» // Российская газета. – 2017. – № 88.

² Елисеев Н.Г. Раскрытие доказательств // Закон.2014. №10. С.39.

³ Соловьева Т.В. Модернизация принципов гражданского судопроизводства в свете реформы судебной системы // Арбитражный и гражданский процесс. – 2019. – № 6. – С. 8 - 13.

лицу, в любом случае присутствует риск неполучения документов, опосредованный объективными факторами.

Таким образом, налицо взаимодействие начал состязательности и добросовестности.

В упрощенном производстве стороны не лишены права на ознакомление с материалами дела, наличие которого может нивелировать недобросовестность других лиц. Однако, ознакомление проводится в здании суда, которым рассматривается дело, и лица не всегда обладают возможностью воспользоваться данным правом. При этом следует учитывать, что отслеживать все изменения материалов дела с достаточной оперативностью путем ознакомления с ними не представляется реальным.

Принцип состязательности в рамках упрощенного производства в гражданском процессе, безусловно, не всегда полноценно реализуется, что связано с особенностями рассмотрения дел в данном порядке. При этом Т.М. Яблочков отмечал, что состязание может быть облечено как в устную, так и в письменную форму¹. Главным видится в данном вопросе отнюдь не форма представления доказательственной и иной значимой информации, а установление такого механизма регулирования процессуальных отношений, при котором общие принципы гражданского судопроизводства будут действовать реально в рамках упрощенного производства также, как и в общем исковом порядке.

Видится, что на данный момент на практике заимствованный из АПК РФ механизм предоставления лицам, участвующим в деле, удаленного доступа ко всем процессуальным документам и доказательствам не реализован. Однако, электронный документооборот в рамках нормативного регулирования упрощенного производства в гражданском процессе должен являться основным инструментом соблюдения прав и законных интересов участвующих в деле лиц.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Короткова Н.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского
и природоресурсного права Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства Федеральной налоговой службы Российской Федерации по состоянию на 31 октября 2021 года число самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный

¹ Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. – Ярославль: Книгоизд-во И.К. Гассанова, 1912. – С. 30.

налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в Российской Федерации составило 3 398 382 человека. Из них 3 188 251 являются физическими лицами и 210 131 имеют статус индивидуального предпринимателя. Для сравнения, по состоянию на 31 декабря 2020 года общее число самозанятых составляло 1 603 638 человек: 1 458 792 физических лиц и 144 846 индивидуальных предпринимателей¹.

Государственная поддержка представляет собой совокупность решений и действий организационного, правового и финансового характера государственных органов власти, направленных на улучшение социального положения граждан и развитие бизнеса.

Многие эксперты отмечают, что самозанятые в своей деятельности рассчитывают исключительно на себя самих, поскольку для данной категории граждан в Российской Федерации предусмотрено минимальное количество мер государственной поддержки, и в основном данные меры касаются особенностей налогообложения и приобретения статуса самозанятого гражданина.

В самом начале внедрения правового статуса самозанятых государством для данной категории граждан были предусмотрены так называемые «налоговые каникулы». Инициатива государства была введена в действие с 2017 г.: она временно освобождала отдельные категории самозанятых граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями (ИП), от налоговых выплат. «Налоговые каникулы» подразумевали освобождение самозанятых репетиторов, лиц, занимающихся уборкой жилых помещений и ведением домашнего хозяйства, присмотром и уходом за детьми, больными и пожилыми лицами, от уплаты НДФЛ и страховых взносов на 2017 и 2018 гг. при условии их регистрации в налоговых органах и отсутствия наемных работников. Далее зарегистрированный самозанятый гражданин должен решать, платить ли ему НДФЛ по ставке 13%, оформить свою деятельность как ИП или прекратить работать таким образом, то есть закрыть свое дело. Важно отметить, что «налоговые каникулы» законом были предусмотрены только для трех категорий самозанятых, которые в общем объеме самозанятости составляют менее 3%. При этом субъекты РФ получили право устанавливать и другие виды услуг, освобождающихся от налогообложения.

В 2019-2020 гг. в условиях распространения новой коронавирусной инфекции финансовое положение самозанятых граждан оказалось под угрозой, поскольку с введением режима строгой самоизоляции населения многие граждане вынуждены были приостановить свою деятельность. Так как доходы данной категории граждан напрямую зависят от объемов предоставленных населению работ, услуг и реализованной продукции,

¹ Статистика для национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». URL: <https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html> (дата обращения: 30.11.2021).

самозанятые граждане оказались не в состоянии продолжать свою деятельность, а также уплатить налоги.

В связи со сложившейся ситуацией Постановлением Правительства Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 783¹ для самозанятых граждан предусмотрено предоставление субсидий из федерального бюджета в целях возмещения расходов, понесенных ими на уплату налога на профессиональный доход за налоговые периоды 2019 года.

Основанием для получения названной субсидии является включение в реестр, который формируется Федеральной налоговой службой в электронном виде. При этом никакого письменного заявления для включения самозанятого гражданина в реестр не требуется. Необходимо лишь наличие в мобильном приложении «Мой налог», предусмотренном Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход», сведений о действующей банковской карте получателя субсидии.

Отдельно скажем о возможности получить данную субсидию в случае, если налогоплательщик был зарегистрирован в качестве самозанятого в 2019 году и сейчас снялся с учета. Такому гражданину положена субсидия в размере уплаченного за 2019 год налога на профессиональный доход независимо от текущего статуса учета. Для получения субсидии налогоплательщику необходимо привязать банковскую карту в личном кабинете «Мой налог», в противном случае субсидия предоставлена не будет.

Предоставляемая субсидия является единовременной. Субсидия перечисляется в размере уплаченной получателем субсидии суммы налога на профессиональный доход за налоговые периоды 2019 года по состоянию на 30 апреля 2020 года. Соответственно, самозанятые получают субсидию в разных размерах в зависимости от суммы уплаченного налога на профессиональный доход за 2019 год.

Первые субсидии для самозанятых общей суммой более чем на 1 млрд руб. направлены на банковские карты, привязанные ими в мобильном приложении «Мой налог» 1 июня 2020 года².

Последние нововведения в области государственной поддержки самозанятых граждан были введены 5 октября 2020 года Правительством Российской Федерации в рамках оперативного совещания с вице-премьерами.

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 29.05.2020 №783 «Об утверждении Правил предоставления в 2020 году из федерального бюджета субсидий физическим лицам, в том числе индивидуальным предпринимателям, применявшим в 2019 году специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход», в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» // СЗ РФ. – 2020. – № 23. – Ст. 3648.

² Информация ФНС России от 01.06.2020 «ФНС России начала выплаты субсидий и налоговых бонусов самозанятым». URL: https://www.nalog.ru/rn77/news/activities_fts/9813565/ (дата обращения: 29.11.2021).

Минэкономразвития РФ обеспечило распространение мер поддержки малого и среднего бизнеса на самозанятых в рамках скорректированного нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Минэкономразвития России в целях реализации положений федерального закона обеспечило распространение мер поддержки, предоставляемых организациями инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, на создание и развитие которых бюджетам субъектов Российской Федерации выделяются средства федерального бюджета в рамках реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы».

Самозанятые могут обратиться в региональные центры «Мой бизнес» за оказанием необходимых услуг, консультационной или образовательной поддержкой. Кроме того, для них предусмотрена возможность получения финансовой поддержки, предоставляемой государственными микрофинансовыми организациями (микрозайм до 1 млн. рублей под ставку не более ключевой ставки Банка России) и региональными гарантийными организациями. Также они могут получить имущественную поддержку - взять в аренду на льготных условиях помещения коворкингов и бизнес-инкубаторов.

Говоря о поддержке самозанятых в национальном проекте нацпроекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», куратором которого является первый вице-премьер Андрей Белоусов, заместитель директора Департамента инвестиционной политики и развития предпринимательства Минэкономразвития России Олеся Тетерина отметила, что новая структура проекта сформирована с учетом всех стадий предпринимательской активности.

Основной целью является подбор мер поддержки, необходимых на каждом этапе развития предпринимательской деятельности, и обеспечение роста бизнеса из одной категории в другую. Кроме того, ключевая задача на будущее - повышение экономической эффективности существующей инфраструктуры: важен комплексный подход, нацеленный на результат для каждой целевой аудитории, а не количественные показатели оказанных услуг.

В новой версии документа самозанятые получают поддержку при работе с площадками онлайн-торговли. Как пояснила Тетерина, планируется, что специалисты центров «Мой бизнес» будут проводить обучение и сопровождать самозанятых по юридическим и организационным вопросам при выходе на маркетплейсы.

При регистрации на электронной площадке самозанятые граждане также получают доступ к потенциальным клиентам, без дополнительных затрат на маркетинг. В целом сбыт продукции является последним элементом

производственного цикла, ведь выручка начинает формироваться только после осуществления продаж. Учитывая, что у самозанятых граждан только формирующийся опыт ведения предпринимательской деятельности, готовые решения по сбыту их товаров и услуг помогут быстрее нарастить оборот и простимулируют дальнейшее развитие.

В Минэкономразвития РФ ожидают, что к концу 2021 года комплексные услуги по обеспечению доступа к сервисам по размещению продукции, товаров, работ (услуг) на коммерческих электронных площадках будут предоставлены 1,5 тыс. самозанятым гражданам¹.

По данным Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки на по состоянию на 15 ноября 2021 года господдержка оказана 34 626 самозанятым гражданам².

Итак, в заключение отметим, что указанные меры государственной поддержки самозанятых граждан будут способствовать сохранению и развитию их бизнеса. Распространение мер поддержки малого и среднего предпринимательства на самозанятых граждан фактически означает начало нового этапа существования и функционирования в Российской Федерации категории самозанятых граждан, поскольку стимулирование их деятельности способствует более широкому распространению данного явления. При этом данные меры несут в себе преимущества не только для самих самозанятых, но и для государства, так как будет расширяться база налогоплательщиков.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Коскулова А.К. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

В соответствии с Конституцией Российской Федерации прокуратура РФ представлена как «единая федеральная централизованная система органов, осуществляющих надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполняющих иные функции»³. Согласно Приказу Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 "Об обеспечении участия

¹ «Минэкономразвития распространило на самозанятых имущественную и финансовую поддержку». URL: <https://tass.ru/ekonomika/9626403> (дата обращения: 29.11.2021).

² Статистические данные Единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства – получателей поддержки. URL: <https://rmsp-pr.nalog.ru/statistics.html#statdate=15.11.2021> (дата обращения: 30.11.2021).

³ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993г. (в ред. Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 04.07.2020 г. № 1-ФКЗ // СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве" на прокуроров, обеспечивающих участие в гражданском и административном судопроизводстве, возлагаются такие обязанности как: участие в рассмотрении судами дел, возбужденных по искам, заявлениям, административным исковым заявлениям прокуроров, в том числе по заявлениям и представлениям о пересмотре судебных постановлений и актов по вновь открывшимся или новым обстоятельствам; вступление в процесс на любой его стадии и дача заключений по делам, предусмотренным частью 3 статьи 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ), частью 7 статьи 39 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, и в иных случаях, установленных федеральными законами; апелляционное, кассационное и надзорное обжалование судебных постановлений по делам, в рассмотрении которых участвовал или вправе был участвовать прокурор; рассмотрение обращений о проверке законности и обоснованности судебных постановлений по гражданским и административным делам¹.

В силу ч. 3 ст. 5 Федерального закона от 17.01.1992 г. 2202-1 «О прокуратуре РФ», ст. 45 Гражданского процессуального кодекса РФ прокурор имеет право подавать заявление в суд, а также на любой стадии процесса может вступить в дело, если требуется защита права граждан и охраняемых законом интересов общества или государств².

Институт участия прокурора в гражданском процессе постоянно развивается, если раньше в полномочия прокурора входил надзор за деятельностью судов, то в настоящее время мы видим, что он имеет возможность выступать в судебном процессе, а также осуществляет надзор за исполнением норм процессуального законодательства.

Процессуальное положение прокурора в гражданском судопроизводстве – наиболее часто обсуждаемая тема в гражданском процессуальном праве. На практике часто возникают проблемы в связи с противоречивыми точками зрения определения о необходимости его вступления в процесс. Они появились из-за того, что законодатель недостаточно уделил свое внимание роли и процессуальному положению прокурора в ныне действующих нормах ГПК РФ.

Некоторые ученые выступают за то, что прокурор, подавая исковое заявление и участвуя в судебном процессе по гражданскому делу, является истцом, то есть стороной по делу. Прокурор подает иск, в котором указывает ответчика, его наличие означает и наличие истца. Однако, стоит заметить заинтересованность прокурора в защите государственных и публичных

¹ Приказ Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 "Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве" // Законность. – 2021. – № 2.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11. 2002 г. № 138-ФЗ (в ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2021. – № 27. – Ст. 5062.

интересов. Наряду с этим он никак не должен заменять участников гражданского процесса.

Сторонники второй точки зрения процессуального положения прокурора в гражданском процессе считают, что прокурор становится истцом только в процессуальном смысле¹. Это связано с тем, что он является субъектом доказывания своих требований, имеющим процессуальные права и обязанности, в то время как материальная заинтересованность у него отсутствует. После принятия судом решения наступают материально-правовые последствия, но на прокурора они никак не влияют.

Некоторые ученые придерживаются третьей точки зрения, она заключается в том, что прокурор, являясь представителем государства и осуществляя надзор за соблюдением законности, имеет независимое процессуальное положение. Об этом говорит Рябова И.Г. в своей научной статье: «прокурор, вступающий в начатое дело, и прокурор, возбуждающий его, хотя и являются лицами, участвующими в деле, не могут не занимать в процессуальных правоотношения различного положения», таким образом, «процессуальное положение прокурора, участвующего в деле путем дачи заключения, может быть определено как государственное представительство².

Также в научных исследованиях отмечается тенденция действующего на сегодняшний день процессуального законодательства приравнивания всех, кто принимает участие в процессе, к лицам, участвующим в деле, ибо именуют стороной по делу. Ст. 34 ГПК РФ относит прокурора к лицам, участвующим в деле, а ст. ст. 35, 45 ГПК РФ наделяет общими, специальными и исключительными правами. То есть прокурор практически приравнивается к лицам, участвующим в деле. Но считается, что данная точка зрения не является правильной и приводит к размыванию его роли в современном процессуальном праве.

Так, Воробьев Т.Н. в своей диссертации настаивает на допустимости привлечения прокурора в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора в исключительном случае³.

Исходя из изучения различных позиций ученых, следует то, что рассматриваемый вопрос до сих пор имеет свою актуальность и дискуссионность.

Проанализировав существующие взгляды на аспекты определения процессуального положения прокурора в гражданском процессе, можно

¹ Аргунов В.Н. Участие прокурора в гражданском процессе // Вестник МГУ. – 1992. – № 2. – С. 114.

² Рябова И.Г. Проблемы определения процессуального положения прокурора в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы права: Материалы IV Международной научной конференции. – 2015. – С. 81.

³ Воробьев Т.Н. Теоретические и практические проблемы участия прокурора в гражданском судопроизводстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2019. – С. 21.

прийти к выводу, что прокурор является незаменимым участником процесса. Он самостоятелен и независим от других лиц, участвующих в деле, поскольку у него есть собственный интерес к происходящему процессу, вытекающий из его компетенции. Все процессуальные действия, которые совершаются прокурором, направлены на защиту нарушенных прав и интересов. Следовательно, лучшим решением проблемы определения процессуального положения прокурора было бы конкретное обозначение его статуса в гражданском процессе в нормах действующего законодательства, а также формулирование прав и обязанностей, которые имели бы отличия от других участников судопроизводства.

ПРИНЦИП ДОБРОВОЛЬНОСТИ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕДИАЦИИ

Костуганова М.Б. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

Процедура медиации представляет собой способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения¹.

Для любого процесса в праве характерно наличие определённых базовых постулатов, на основании которого оно, собственно, и функционирует. Такими базовыми постулатами являются принципы.

Профессор С.С. Алексеев определяет принципы права как основополагающие идеи, определяющие в своей совокупности идеальную конструкцию (модель) того или иного явления или процесса. Формирование же данных идей он связывает с объективными и субъективными факторами: уровнем развития культуры, науки, образования и других элементов, составляющих совокупный интеллект данной общественной системы; нравственно-духовным потенциалом общества, наличием или отсутствием стабильного механизма реализации правовых начал в деятельности государственных органов, а также степенью освоения конкретным человеком права как собственной свободы, осознанной и в необходимых случаях и необходимых пределах им самим ограниченной².

В ст. 3 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» названы принципы медиации путем простого перечисления без раскрытия их содержания. В целом, принципы медиации можно определить как основополагающие базовые

¹ Федеральный закон РФ от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Текст] // Российская газета. – 2010. – №. 168

² Алексеев С.С. Теория государства и права. – М., 1998.

идеи, постулаты, системно лежащие в основе ее организации и проведения. Одним из таких принципов является принцип добровольности.

В толковом словаре С.И. Ожегова добровольность понимается как «совершаемый или действующий по собственному желанию, не по принуждению»¹. С этой позиции принцип добровольности в медиации можно одновременно рассматривать сразу в нескольких аспектах.

Во-первых, добровольность предполагает саму возможность применения медиации. Ни одна из сторон не может быть принуждена к прохождению данной процедуры. Стороны самостоятельно определяют, стоит ли им проходить процедуру медиации.

Мы считаем, что данный аспект принципа добровольности является очень важным и дополнительно является одним из проявлений принципа диспозитивности процесса, поскольку факт обращения/необращения к медиатору зависит исключительно от воли сторон.

Во-вторых, это добровольность соблюдения медиативной оговорки. Согласно п. 3 ст. 7 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» наличие соглашения о применении процедуры медиации, равно как и наличие соглашения о проведении процедуры медиации и связанное с ним непосредственное проведение этой процедуры, не является препятствием для обращения в суд или третейский суд, если иное не предусмотрено федеральными законами.

По нашему мнению, данное положение не совсем верное, поскольку допускает обращение в суд при наличии медиативной оговорки не тогда, когда обращение к медиатору не разрешило конфликт, а вообще в любых случаях. С одной стороны, медиация – это всегда альтернативу суду и, конечно, должна применяться исключительно на добровольных началах. Но, с другой стороны, мы считаем, что принцип добровольности в данном случае был соблюден в момент заключения медиативной оговорки и, следовательно, односторонний отказ от несоблюдения данного условия является нарушением договора и своего рода ущемлением для другой стороны, которая рассчитывала на то, что в случае конфликта разрешать его придётся, прежде всего, медиативным путём, используя все его достоинства, нежели обращение в суд.

В-третьих, это свобода выхода из процедуры. Данный аспект является продолжением реализации принципа добровольности начала процедуры: как никто не может быть принуждён к прохождению процедуры медиации, так и никто не может быть принуждён к её продолжению.

В-четвертых, это свобода в определении условий медиативного соглашения. Медиативное соглашение заключается между спорящими сторонами, распространяет свои действие только на них, поэтому логично, что только сами стороны могут определять его условия. В данном случае этот аспект реализации принципа добровольности схож с принципом свободы договора в гражданском праве.

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – Москва, 2000. – С. 940.

В-пятых, добровольность предполагает возможность применения медиации на любой стадии гражданского процесса: как до обращения в суд, так и после возбуждения гражданского дела вплоть до удаления суда в совещательную комнату.

В целом необходимо отметить, что в этом подходе есть как свои достоинства, так и свои недостатки.

Несомненным плюсом обязательной медиации является тот факт, что это позволит разгрузить суды, поскольку несложные однотипные споры можно и нужно разрешать, используя альтернативные способы разрешения споров, в т.ч. и медиацию.

Однако, нельзя не принимать во внимание и тот факт, что в случае отказа стороны от ведения переговоров, медиация может оказаться бесполезной и в этом случае её обязательность может привести к затягиванию конфликта и увеличения финансовых издержек обеих сторон.

В связи с этим, в частности, К.А. Шумова предлагает ввести обязательную (императивную) медиацию лишь по строго определённым кругу дел: заявления о расторжении брака; заявления по спорам, связанным с воспитанием детей; трудовые споры о восстановлении на работе и взыскании заработной платы (возможно привлечение профсоюзов, комиссий по трудовым спорам, государственных инспекций труда)¹.

Итак, принцип добровольности является одной из важнейших основ медиации. Однако, вплоть до сегодняшнего дня в правовой доктрине активно обсуждается вопрос об ограничении данного принципа и введения медиации как обязательной процедуры, предшествующей судебному разбирательству.

ПОЛНОМОЧИЯ КАССАЦИОННОГО СУДА ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Костюченко Д.И. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

Системообразующим фактором производства в кассационном суде общей юрисдикции являются полномочия суда, а также совокупность его прав и обязанностей, которыми он пользуется и которых придерживается с момента поступления кассационной жалобы и до окончания производства по ней.

При определении полномочий кассационного суда общей юрисдикции следует учитывать как конечную цель судопроизводства, так и собственно специфику деятельности кассационных судов общей юрисдикции. В связи с этим, полномочия кассационного суда служат средством достижения цели

¹ Шумова К.А. Принципы медиации : дис. ... кандидата юрид. наук. – Саратов, 2015. – С. 199.

судебной защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов, а также одновременно с этим являются средством исправления судебной ошибки, посредством проверки законности, обжалуемого судебного акта и соответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела, установленным судами первой и апелляционной инстанции.

Таким образом, полномочия кассационного суда общей юрисдикции представляют собой совокупность предусмотренных ГПК РФ его прав и обязанностей по совершению процессуальных действий, направленных на защиту интересов сторон спора, связанных с проверкой законности судебных постановлений, проверкой соответствия выводов суда, фактическим обстоятельствам дела, установленным судами первой и апелляционной инстанции.

Из содержания ч. 1 ст. 390 ГПК РФ следует, что по результатам рассмотрения кассационный суд общей юрисдикции вправе:

1) оставить постановления судов первой и (или) апелляционной инстанций без изменения, а кассационные жалобу, представление без удовлетворения;

2) отменить постановление суда первой или апелляционной инстанции полностью либо в части и направить дело на новое рассмотрение в соответствующий суд;

3) отменить постановление суда первой или апелляционной инстанции полностью либо в части и оставить заявление без рассмотрения или прекратить производство по делу;

4) оставить в силе одно из принятых по делу судебных постановлений;

5) изменить либо отменить постановление суда первой или апелляционной инстанции и принять новое судебное постановление, не передавая дело на новое рассмотрение, если допущена ошибка в применении и (или) толковании норм материального права;

б) оставить кассационные жалобу, представление без рассмотрения по существу при наличии оснований для возвращения кассационных жалобы, представления без рассмотрения по существу, или прекратить производство по кассационным жалобе, представлению, если после принятия кассационных жалобы, представления к производству суда от лица, их подавшего, поступило заявление об отказе от кассационных жалобы, представления и отказ принят судом в установленном законом порядке.

Закрепленные в ч. 1 ст. 390 ГПК РФ полномочия кассационного суда общей юрисдикции могут быть условно объединены в три группы: 1) полномочия, в соответствии с которыми судебные акты оставляются в силе (п. п. 1, 4); 2) полномочия, в соответствии с которыми судебные акты судов первой или апелляционной инстанций отменяются или изменяются (п. п. 2, 3, 5); 3) полномочия, связанные с оставлением кассационных жалобы, представления без рассмотрения по существу (п. б).

Также в доктрине гражданского процесса классификация полномочий кассационного суда общей юрисдикции в зависимости от характера связи с

осуществляемыми судом функциями на данной стадии производства, проводится на основные и производные¹. Основные полномочия кассационного суда связаны с его функцией по проверке законности судебного акта нижестоящей инстанции. Группу производных полномочий образуют полномочия, связанные с принятием кассационным судом функций нижестоящего суда (например, принять новое судебное постановление). При этом важно подчеркнуть, что реализация кассационным судом общей юрисдикции производных полномочий, имеет пределы, которые предопределяются недопустимостью подменять суд первой инстанции.

В этой связи особую важность приобретает вопрос о разграничении случаев, когда суд кассационной инстанции наделен полномочием вынести новое решение самостоятельно, а когда обязан направить дело на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции.

Как известно, пределы рассмотрения дела в кассационном суде общей юрисдикции ограничены проверкой правильности применения судами первой и апелляционной инстанций норм материального и процессуального права, а также соответствия выводов о применении норм права установленным по делу фактическим обстоятельствам дела (ч. 1 ст. 379.7 ГПК РФ).

Таким образом, если для принятия обоснованного и законного судебного акта требуются исследование и оценка доказательств, а также иные процессуальные действия, которые невозможны в суде кассационной инстанции в силу его полномочий, то дело подлежит передаче на новое рассмотрение в суд нижестоящей инстанции.

Наибольший с научной точки зрения интерес представляет полномочие кассационного суда общей юрисдикции принять новое судебное постановление, не передавая дело на новое рассмотрение. Такое возможно лишь в том случае, если допущена ошибка в применении и (или) толковании норм материального права. Но до принятия нового решения согласно п. 5 ч. 1 ст. 390 ГПК РФ кассационный суд общей юрисдикции должен изменить либо отменить постановление суда первой или апелляционной инстанции.

Отменить – значит объявить недействительным, упраздняемым или подлежащим неисполнению². Суть отмены заключается в аннулировании судебного акта, прекращении его действия и пресечении всех его правовых последствий³. Изменение – это поправка, перемена, изменяющая что-нибудь прежнее; изменить – значит сделать иным⁴. Изменение судебного постановления предполагает внесение в судебный акт поправок, которые не

¹ Алиэскеров М. А. Проблемы кассационного производства по гражданским делам: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000. – С. 17.

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2005. С. 487.

³ Ковтков Д. И. Кассационное производство в гражданском процессе. – М., 2015. С. 159.

⁴ См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. – С. 246.

вливают на конечные выводы суда. В связи с этим изменение судебного акта не может влечь за собой принятие нового решения по делу.

Итак, отмена судебного акта предполагает аннулирование судебного акта и, следовательно, аннулирование содержащихся в нем выводов. В свою очередь, изменение подразумевает оставление судебного акта и его основного правового вывода нижестоящего суда в силе с внесением в него вышестоящим судом таких изменений, которые не влияют и не могут повлиять на итоговые выводы нижестоящего суда по существу спора.

ГПК РФ, закрепляя совместно полномочия по отмене и изменению вступивших в законную силу судебных актов, не проводит существенного различия между этими юридическими понятиями, что искажает их суть и приводит к затруднениям, связанным с разграничением случаев, когда судебный акт подлежит изменению, а когда – отмене.

Таким образом, несмотря на внесенные в 2018 году изменения, касающиеся деятельности кассационных судов общей юрисдикции, некоторые законодательные положения требуют более детального научного осмысления и дальнейшего развития.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РЕКЛАМЫ ТОВАРОВ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ СПОСОБЕ ИХ ПРОДАЖИ

Ксюпова Д.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Условия жизни в период пандемии повлияли на множество сфер жизни, на сферу торговли в том числе, в рамках данной статьи целесообразно рассмотреть измененные правила осуществления рекламы товаров при их дистанционной продаже. В период с 1 января 2021 года в силу вступили новые правила продажи товаров дистанционным способом в розницу – детализированными стали особенности регулирования интернет-торговли. В динамичных условиях развития общества вполне логичным выступил факт того, что действующие ранее правила розничной торговли устарели, поскольку перестали учитывать обновленные нюансы продажи товаров дистанционным способом – что в период карантина приобрело колоссальную популярность. Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2463¹ детализировало распространенные проблемные аспекты изучаемого нами вида торговли, регулирование которого приобрело заверченный вид.

Владельцы бизнеса при продаже товара вне зависимости от конкретной платформы для данного действия обязываются опубликовывать оферту –

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.12.2020 № 2463 // СПС «Консультант-Плюс».

теперь описания к товару недостаточно, стоит отметить, что оферта не всегда должна выступать в качестве отдельного одноименного документа. Условия о продаже товара возможно разместить на странице платформы, на которой товар продается. Правительство Российской Федерации усилило сферу защиты покупателей от недобросовестных продавцов – условия продажи/покупки товара теперь четко конкретизированы и не подвержены неоднозначной трактовке.

Момент возникновения обязанности по передаче товара теперь определяется продавцом самостоятельно – условия данного действия прописываются в оферте, данным образом государство защитило сферу бизнеса от нестабильного курса валюты, ошибок в технической деятельности платформы, где продается товар, от невнимательности при указании цены товара. Иными словами - покупатель не приобретает права на требование товара до тех пор, пока продавцом не будет осуществлено подтверждение готовности к передаче товара. В общем смысле, данное нововведение никак не ухудшает положение покупателя, поскольку в случае, когда покупатель имеет добросовестные намерения, его правовое положение в отношении покупки товара никак не изменяется, но довольно активно защищается правовое положение продавца – детализированные аспекты нами уже перечислены выше.

Определяется обязанность продавца товара указывать детализированные данные о себе, а именно: ОГРН, электронный адрес, номера телефонов. В целом, данная обязанность не меняет правового положения ни продавца, ни покупателя, существенно не изменяются условия продажи товара – лишь покупатель приобретает больше способов связаться с продавцом относительно конкретного товара, им продаваемого.

В качестве очередного нововведения стоит указать, что продавцы приобрели возможность самостоятельного выбора формы принятия заявления от покупателя в ряде случаев: брака, возврата, неудовлетворенности товаром и т.д., при этом, стоит помнить о «злоупотреблении правом», выбор формы обращения должен быть разумный и целесообразный. В том случае, если продавцом данный порядок обращения не детализирован, покупатель выберет способ обращения самостоятельно – наиболее ему подходящий: звонок, смс, почтовое обращение, личный прием и т.д.

Далее более конкретно стоит рассмотреть особенности отказа покупателя от покупки, безусловно, покупателю предоставляется право на отказ от товара в любом период времени и по любой причине – что более детально рассматривает Закон «О защите прав потребителей»¹, разительно отличаются условия отказа от товара и в случае осуществления дистанционного способа приобретения товаров. При оффлайн покупке продавцом указывается перечень товаров, возврат которых осуществить невозможно – данный перечень определен законодательной базой

¹ Закон РФ от 07.02.1992 N 2300-1 (ред. от 11.06.2021) «О защите прав потребителей» // СПС «Консультант Плюс».

Российской Федерации, условия продажи товаров онлайн не подразумевают наличия данного списка «невозвратных» товаров, исходя из чего следует логический вывод о том, что товары, включенные в перечень невозвратных при оффлайн покупке, вполне можно вернуть в случае их онлайн-приобретения. Необходимость правового урегулирования данного аспекта объясняется разрозненностью судебной практики, множество судебных решений не смогли выработать единой правоприменительной практики относительно данной проблемы, несмотря на это, в случае возврата товара обязательства покупателя остаются прежние, а именно, за ним закрепляется обязанность вернуть товар в соответствии с:

- сохраненными потребительскими свойствами;
- с надлежащим товарным видом;
- предоставить документ, свидетельствующий о факте приобретения.

Ранее законодательно не был урегулирован аспект подтверждения приобретения какого-либо товара онлайн, в настоящее время бизнес-сфера обязывается подтвердить осуществленный заказ – все подробности о нем: что именно, на каких условиях, и т.д. Выбор формы подтверждения принадлежит продавцу.

Был урегулирован аспект доставки товаров, а точнее, особенности осуществления повторной доставки. Продавец получил право на указание в оферте факта об оплате повторной доставки товара покупателем в случае, если при первой доставке покупатель не смог получить товар по собственной вине, но данный аспект не является распространенным в связи с нежеланием сферы бизнеса потерять потенциального клиента в будущем – данное правило лишь нормативно защищает продавца в случае возникновения спора между ним и покупателем.

Также в рамках данной работы считаем необходимым процитировать положения Федерального закона «О рекламе»¹, а именно – ст. 8 «в рекламе товаров при дистанционном способе их продажи должны быть указаны сведения о продавце таких товаров: наименование, место нахождения и государственный регистрационный номер записи о создании юридического лица; фамилия, имя, отчество, основной государственный регистрационный номер записи о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя».

В рамках данного вопроса стоит подытожить основные изменения особенностей осуществления рекламы товаров при дистанционном способе их продажи, так, с 1 января 2021 года в силу вступили новые правила продажи и рекламы товаров, обязывающие:

- указывать наименование, место нахождения и государственный регистрационный номер записи о создании юридического лица, ФИО, ОГРН записи о государственной регистрации физического лица в качестве индивидуального предпринимателя;

¹ Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О рекламе» (с изм. и доп., вступ. в силу с 25.08.2021) // СПС «Консультант Плюс».

- указывать оферту товара на платформе, где товар продается;
- реализовывать момент условий продажи товаров с момента подтверждения их продавцом;
- указывать детальную контактную информацию о себе продавцом;
- конкретизировано прописывать условия обращения покупателем к продавцу;
- осуществлять возврат товаров следующих категорий – бытовой техники, ювелирных украшений;
- разрешается возложение на покупателя оплаты повторной доставки – о чем необходимо прописывать в оферте;
- разрешается осуществлять продажу БАДов.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВА ЛИКВИДИРУЕМОЙ КОРПОРАЦИИ

Кудрина М.И. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Бердегулова Л.А.

Ликвидация представляет собой одну из основных форм прекращения юридического лица, т. к. прекращение является основной и обязательной чертой, образует суть этой процедуры. Ликвидация юридического лица, будучи довольно громоздкой процедурой, таит в себе немало вопросов и проблем. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о особенностях распределения имущества ликвидируемого юридического лица.

Важно отметить, что своих научных разработках основоположники современной теории предпринимательского права В.В. Лаптев, В.С. Мартемьянов, В.К. Мамутов уделяли пристальное внимание вопросам правового режима имущества субъектов хозяйствования как одного из признаков, характеризующих их юридическую самостоятельность с соответствующей обособленностью¹.

В рамках данной статьи мы хотели бы уделить внимание рассмотрению процесса юридической «смерти» (ликвидации) юридических лиц, изучить данный вопрос в отношении отдельных видов корпораций (хозяйственных обществ). Хозяйственные общества являются наиболее распространенными видами коммерческих корпораций в России. Их организационно-правовые формы – акционерные общества и общества с ограниченной ответственностью – составляют абсолютное большинство от зарегистрированных в Российской Федерации юридических лиц. Они обладают важными для потенциальных инвесторов признаками:

¹ Михайлов Н. И. Имущественные основы предпринимательской деятельности // Предпринимательское (хозяйственное) право : учебник / под ред. В.В. Лаптева, С.С. Занковского. – М. : Волтерс Клувер, 2006. – С. 12-15.

ограниченная ответственность участников общества по долгам самого общества, возможность инвесторов участвовать в управлении корпорацией, а также возможность получать часть прибыли в виде дивидендов.

Также важно уделить особое внимание такому праву участников хозяйственного общества, как получение части имущества ликвидированной корпорации в составе ликвидационной квоты. Дело в том, что получение имущественных выгод от деятельности хозяйственного общества происходит в основном путем получения дивидендов на вложенный капитал. Этот вариант достаточно понятен, изучен и урегулирован как гражданско-правовыми, так и налоговыми нормами. Но существует и другой путь получения прибыли от деятельности корпорации. Этот путь особо освещен такими авторами, как Гуцин В.В, Порошкина Ю.О, Сердюк Е.Б, он может применяться в случае ликвидации компании, если после всех необходимых расчётов с кредиторами у ликвидируемой фирмы осталось какое-либо имущество¹.

Для начала считаем необходимым проанализировать саму процедуру ликвидации, выявить особенности формирования и распределения имущественной массы ликвидируемой организации для того, чтобы понять особенности ликвидационной квоты, как основания возникновения прав участников ликвидированной корпорации на ее имущество. Определение ликвидации юридического лица дано в п. 1 ст. 61 Гражданского кодекса Российской Федерации. Согласно указанной норме, ликвидация юридического лица влечет его прекращение без перехода в порядке универсального правопреемства его прав и обязанностей к другим лицам. Анализируя указанное положение, можно сделать вывод о том, что в случае, если компания ликвидирована, то все ее права и обязанности, в том числе вещные права на имущество, обязательственные права, исключительные права на объекты интеллектуальной собственности считаются утраченными.

В процессе ликвидации уполномоченные лица (ликвидационная комиссия, ликвидатор) собирают имущественную массу ликвидируемой компании, выявляют и взыскивают дебиторскую задолженность. За счет данного имущества проводятся расчеты с кредиторами и уплачиваются все обязательные платежи. Позиция Фрадкина В.А., по данному вопросу заключается в том, что в подавляющем большинстве случаев имущественной массы достаточно для удовлетворения требований всех кредиторов. Ликвидируемая компания формирует окончательный ликвидационный баланс и подает документы на государственную регистрацию ликвидации юридического лица².

¹ Гуцин В.В. Порошкина Ю.О., Сердюк Е.Б. Корпоративное право: учебник для юридических вузов. – М., 2006. – С. 24-30.

² Фрадкин В.А. Ликвидация юридического лица с распределением его имущества между учредителями: налоговые последствия // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2019. – №3 (18). – С 4-6.

В случае положительного решения регистрирующего органа компания прекращает свое существование и исключается из Единого государственного реестра юридических лиц в связи с добровольной ликвидацией. Стоит еще раз отметить, что данный вариант закрытия компании предусматривает ситуацию, когда задолженность ликвидируемой фирмы равна стоимости принадлежащего ей имущества, что встречается крайне редко. В тех случаях, когда имущества ликвидируемого юридического лица недостаточно для удовлетворения требований всех кредиторов, ликвидация данной компании возможна только в порядке, установленном законодательством о банкротстве (абз. 2 п. 4 ст. 63 ГК РФ).

Рассмотрим очередность распределения имущества при ликвидации общества с ограниченной ответственностью и акционерного общества. В соответствии п. 1 ст. 58 Федерального закона от 08.08.1998 N 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» оставшееся после удовлетворения требований кредиторов имущество ООО передается его учредителям (участникам). Имущество ликвидируемого общества распределяется между участниками ООО в следующей очередности: - в первую очередь осуществляется выплата участникам общества распределенной, но невыплаченной части прибыли (абз. второй п. 1 ст. 58 Закона об ООО); - во вторую очередь осуществляется распределение имущества ликвидируемого ООО между участниками общества пропорционально их долям в уставном капитале общества. Доли, принадлежащие обществу, при таком распределении имущества не учитываются (п. 1 ст. 24, абз. третий п. 1 ст. 58 Закона об ООО). Согласно п. 2 ст. 58 Закона об ООО требования каждой очереди удовлетворяются после полного удовлетворения требований предыдущей очереди. Если имеющегося у общества имущества недостаточно для выплаты распределенной, но невыплаченной части прибыли, имущество общества распределяется между его участниками пропорционально их долям в уставном капитале общества (постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.06.2015 N Ф08-2778/15).

Что же касается акционерных обществ, то данный процесс регулируется ст. 23 Федерального закона от 26.12.1995 N 208-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «Об акционерных обществах». Кроме того следует сказать, что Михайлов Н.И указывает на то, что оставшееся после завершения расчетов с кредиторами имущество ликвидируемого общества распределяется ликвидационной комиссией между акционерами в следующей очередности: - в первую очередь осуществляются выплаты по акциям, которые должны быть выкуплены в соответствии со статьей 75 Закона об АО; - во вторую очередь осуществляются выплаты начисленных, но не выплаченных дивидендов по привилегированным акциям и определенной уставом общества ликвидационной стоимости по привилегированным акциям; - в третью очередь осуществляется распределение имущества ликвидируемого

общества между акционерами - владельцами обыкновенных акций и всех типов привилегированных акций¹.

Распределение имущества каждой очереди осуществляется после полного распределения имущества предыдущей очереди. Выплата обществом определенной уставом общества ликвидационной стоимости по привилегированным акциям определенного типа осуществляется после полной выплаты, определенной уставом общества ликвидационной стоимости по привилегированным акциям предыдущей очереди.

Если имеющегося у общества имущества недостаточно для выплаты начисленных, но не выплаченных дивидендов и определенной уставом общества ликвидационной стоимости всем акционерам - владельцам привилегированных акций одного типа, то имущество распределяется между акционерами - владельцами этого типа привилегированных акций пропорционально количеству принадлежащих им акций этого типа. Очередность распределения имущества в процессе ликвидации между участниками ООО и акционерами АО в вышеуказанных законах достаточно раскрыта и ясна².

Предлагаем обратиться к анализу нормы, изложенной в п. 8 ст. 63 ГК РФ и рассмотреть несколько актуальных вопросов, связанных с ее реализацией. В какой же момент происходит передача вышеуказанного имущества? На наш взгляд, он наступает после того, как исполнены все обязательства перед кредиторами, указанными в промежуточном ликвидационном балансе. Требования кредиторов удовлетворены, имущественная масса еще осталась, и учредители имеют право получить свою часть оставшегося имущества. Однако, на практике возможны случаи, когда имущество ликвидируемого общества, в нарушение п. 2, п. 3 ст. 63 ГК РФ, реализовано председателем ликвидационной комиссии до утверждения промежуточного баланса и при наличии кредиторской и налоговой задолженностей.

В соответствии с п. 9 ст. 63 ГК РФ ликвидация юридического лица считается завершенной, а юридическое лицо - прекратившим существование после внесения об этом записи в ЕГРЮЛ. В связи с этим, вопрос о распределении имущества между участниками общества должен быть решен до момента подачи документов в ФНС России о завершении процесса ликвидации общества. После внесения в ЕГРЮЛ записи о ликвидации общества правовая возможность принятия решения о распределении (передаче) оставшегося имущества общества будет утрачена.

Вместе с тем на практике возможны ситуации, когда у ликвидированного юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, остается

¹ Михайлов Н.И. Специфика правового режима имущества корпораций в составе интегрируемых структур (корпоративных комплексов) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2016. – №11 (27). – С 10-14.

² Гатаулина, Л.Ф. Понятие и общие принципы осуществления корпоративных прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – 4(105). – С. 40.

нереализованное имущество. В таких ситуациях, в случае обнаружения имущества ликвидированного юридического лица, исключенного из ЕГРЮЛ, заинтересованное лицо или уполномоченный государственный орган вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества среди лиц, имеющих на это право, в порядке, предусмотренном пунктом 5.2 статьи 64 ГК РФ. Исключение недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ влечет правовые последствия, предусмотренные ГК РФ и другими законами применительно к ликвидированным юридическим лицам (пункт 2 статьи 64.2 ГК РФ).

Стоит отметить мнение Грицай Н.В и других авторов, которые считают, что в отличие от процесса перехода прав на движимые вещи, не требующего государственной регистрации, а, следовательно, не создающего проблем для нового правообладателя, существуют определенные особенности передачи более сложных объектов гражданских прав¹. Речь идет о передаваемых в составе имущества объектов недвижимости, интеллектуальной собственности, имущественных прав и т.д.

В данном случае могут возникнуть проблемы с определением основания и самого момента перехода прав участника на имущество. Решение о передаче прав на имущество ликвидируемой организации ее участнику в составе ликвидационной квоты является основанием возникновения у участника прав на данное имущество. Так, например, если происходит регистрация смены собственника недвижимого имущества, основанием регистрации перехода собственности права является именно Решение о передаче имущества, оставшегося после расчетов с кредиторами ликвидируемой компании, ее учредителям. Помимо изложенного, ликвидируемая компания может являться кредитором по обязательствам, срок исполнения которых, на момент ее ликвидации, еще не наступил. В таком случае права требования так же могут быть переданы ее участникам в составе ликвидационной квоты.

Отдельного правового регулирования данного вопроса не существует, но, учитывая то, что законодатель в п. 8 ст. 63 ГК РФ использует понятие «имущество», а согласно ст. 128 ГК РФ под «имуществом» понимаются, в том числе, и имущественные права, в таком случае ничто не мешает передавать права требования, принадлежащие ликвидируемой компании ее учредителям.

Таким образом, следует отметить, что порядок перехода прав на имущество ликвидируемой компании к ее участникам на данный момент недостаточно урегулирован в действующем законодательстве, что является существенным правовым пробелом, требующим скорейшего устранения. На практике зачастую возникают определенные проблемы при разрешении споров по поводу распределения данного имущества.

¹ Грицай Н.В. Понятие и сущность корпорации // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2015. – №1-2 (17). – С 6-8.

Следует отметить, что ст. 63 ГК РФ могла бы быть подвергнута изменениям, которые дополнили бы ее специальными нормами, регулирующими порядок перехода данных прав. К тому же в данной статье было бы рациональным указать документы, на основании которых происходит указанный переход, а также определить момент возникновения прав у учредителей на имущество ликвидируемой компании.

УЧАСТИЕ ПРОКУРОРА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ДЛЯ ДАЧИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ПО ДЕЛУ

Кузьмина Е.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры гражданского права и
процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Кархалев Д.Н.

Целями участия прокурора в судебном разбирательстве по гражданским делам являются защита прав и свобод граждан, неопределенного круга лиц, публичных образований; укрепление законности; обеспечение верховенства закона; обеспечение законности действий участников судопроизводства; обеспечение правильности судебных постановлений; помощь суду в осуществлении правосудия.

ГПК РФ в ст. 45 закрепил две формы участия прокурора при рассмотрении гражданского дела судом первой инстанции:¹

1) обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов РФ, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований;

2) вступление в процесс для дачи заключения по делам о выселении, о восстановлении на работе, о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, а также в иных случаях, предусмотренных законом.

Третья форма участия прокурора в гражданском судопроизводстве, предполагающая возможность обжалования судебных постановлений, вытекает из контекста процессуальных норм, регламентирующих порядок пересмотра вступивших и не вступивших в законную силу судебных постановлений.

Согласно Кодексам Российской Федерации, федеральным законами и ведомственными документами обязательное участие прокурора предусмотрено по гражданским делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим; о признании гражданина недееспособным, об ограничении дееспособности гражданина; об объявлении несовершеннолетнего полностью дееспособным; о лишении родительских прав, ограничении в родительских правах, восстановлении в родительских правах; об усыновлении, отмене усыновления; о возвращении

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

ребенка или об осуществлении прав доступа; по спорам, правовым основанием которых является утрата гражданином прав на спорное жилое помещение (например, признание утратившим или прекращение право пользования жилым помещением).

Прокурор как лицо, участвующее в деле, обладает широким кругом процессуальных прав. Он может знакомиться с материалами дела, заявлять отводы и другие ходатайства, представлять доказательства и участвовать в исследовании доказательств, задавать в судебном заседании вопросы другим участвующим в деле лицам, свидетелям, экспертам, давать заключения по всем вопросам, возникающим в ходе судебного разбирательства, и по существу дела в целом, опротестовывать решения и определения, а также совершать другие процессуальные действия, предоставленные законом¹.

Задача прокурора, участвующего в гражданском судопроизводстве, состоит, прежде всего, в том, чтобы добиться вынесения законного и обоснованного решения, которым укрепляется высокий авторитет суда.

Прокурор, вступивший в процесс для дачи заключения, не должен обосновывать иски, требования, представлять доказательства, дать объяснения по делу. Он лишь доводит до суда свое мнение о том, как должен быть разрешен спор между сторонами.

Существует ряд требований, которым должно соответствовать заключение прокурора. Оно должно быть:

– обоснованным, содержать оценку исследованных в суде доказательств, указание на установленные с помощью этих доказательств существенные фактические обстоятельства;

– законным, т.е. давать полный анализ норм материального права, подлежащих применению к установленным судом фактическим обстоятельствам, и квалификацию спорного правоотношения;

– объективным, то есть позиция прокурора должна отражать интересы лица, права которого нарушены, независимо от его процессуального положения в суде;

– полным².

Однако, каким образом, с помощью каких средств должна обеспечиваться полнота заключения прокурора и какие условия должны быть соблюдены, чтобы оно признавалось мотивированным, действующие нормативные правовые акты, к сожалению, не поясняют³.

¹ Борисова В.Ф. Некоторые аспекты участия прокурора в гражданском судопроизводстве в форме дачи заключения по делу. [Электронный ресурс] / В.Ф. Борисова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 5 (88). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-uchastiya-prokurora-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve-v-forme-dachi-zaklyucheniya-po-delu/viewer>

² Артемкина А. А. Заключение прокурора как одна из форм участия прокурора в гражданском процессе. [Электронный ресурс] / А. А. Артемкина // Студенческий. – 2020. – № 34–2 (120). – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44159118>

³ Бахарева О. А. Заключение прокурора в гражданском судопроизводстве: правовая сущность и юридическое значение. [Электронный ресурс] / О. А. Бахарева // Экономика и

Отсутствие явно выраженных законодательных требований к заключению прокурора представляется проблемным аспектом. Например, закон не определяет, в какой форме (устной или письменной) должно быть оформлено заключение. В ст. 189 ГПК РФ указано лишь, что "председательствующий предоставляет слово для заключения по делу прокурору", что не вносит ясности.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

Куликова Т.А. – магистрант программы подготовки магистров «Юрист в органах власти» Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), к.и.н. Ганина О.Ю.

Право граждан на образование – одно из конституционных прав, обеспечивающих гражданам возможность в порядке, гарантированном государством, осуществлять его. Данный конституционный институт появился относительно недавно – всего лишь пару веков назад. При этом он имеет немаловажное значение для развития государства и общества.

В России право на образование конституционно было закреплено в первой Конституции РСФСР 1918 г. Оно носило исключительный характер, поскольку образование предоставлялось только «рабочим и беднейшим крестьянам», было полным, бесплатным и всесторонним. В Конституции РСФСР 1937 г. субъектами становились граждане. За ними сохранились все те же гарантии, но помимо этого добавились обязательность начального образования и выплаты стипендий. Конституция РСФСР 1978 г. закрепила обеспечение граждан не только стипендиями, но и льготами и бесплатными учебниками. К 1992 г. право на образование перестало быть исключительным для граждан, а стало всеобщим, однако безвозмездность его по-прежнему сохранялась.

Конституция Российской Федерации закрепляет право на образование в ст. 43, провозглашая гарантированность общедоступности и бесплатности дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях.

Согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека,

семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов¹.

Система государственного образования – один из важнейших элементов национальной безопасности, которое требует особого внимания со стороны государства, поскольку именно оно обязано создать все условия и, с одной стороны, обеспечить подготовку необходимых стране специалистов, а с другой – поднять общекультурный и интеллектуальный уровень общества, предоставив в соответствии с Конституцией Российской Федерации реальное право каждому гражданину на получение высшего образования на конкурсной основе².

Российская система образования входит в десятку лучших по всему миру. Некоторые российские вузы признаются авторитетными в международных рейтингах. Законодательство в образовательной сфере из-за стремительного прогресса науки и техники постоянно претерпевает какие-либо изменения.

Тем не менее, как бы сильно государство не старалось уделить внимание данной сфере, в ней по-прежнему существует ряд проблем, которые волнуют все российское общество в целом.

До сих пор встречаются многочисленные факты, когда конституционное право на образование гражданами не может быть реализовано в полной мере. К таким фактам можно отнести: несовершенство законодательства, регулирующего право на образование; вопросы доступности образования для лиц с ограниченными возможностями, общедоступности и бесплатности образования; недостаток финансирования образовательной сферы; низкий уровень заработной платы педагогов; существование коррупции на всех уровнях образовательной иерархии.

Несовершенство законодательства, регулирующего право на образование, выражается в том, что в системе прав и обязанностей участников образовательной деятельности имеется ряд несоответствий.

В ч. 2 ст. 79 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации» закреплено, что общее образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам. В таких организациях создаются специальные условия для

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 2 июля 2021 г. № 351-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).

² Рахинский Д. В. Глобальное образование: отечественные аспекты проблемы // Армия и общество. – 2015. – № 3 (46). – С. 122 – 126.

получения образования указанными обучающимися¹. На практике при реализации данной гарантии обнаруживается множество проблем, основные из которых заключаются в том, что в отдаленных районах у обучающихся возникают трудности транспортной доступности школы, отсутствуют кадры со специальной педагогической подготовкой. Именно в этом и заключается проблема доступности образования для лиц с ограниченными возможностями.

Гарантии общедоступности и бесплатности образования закреплены в Конституции Российской Федерации. Однако при реализации права на образование с этими положениями также возникают проблемы. Примером может являться позиция Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированная в Определении от 22 мая 1996 г. № 69-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цицулина Алексея Юрьевича как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации»», которая обозначила иную трактовку поставленного вопроса. Как вытекает из материалов дела, указанный гражданин неоднократно обращался в Конституционный Суд Российской Федерации с целью проверить конституционность п. 3 ст. 5 упряденного закона Российской Федерации «Об образовании». Мотивацией к обращению послужил отказ в зачислении гражданина А.Ю. Цицулина, имеющего высшее образование, на бесплатной основе в Московскую государственную юридическую академию (МГЮА). Обоснованность решения приемной комиссии МГЮА была подтверждена Государственным комитетом Российской Федерации по высшему образованию. Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению жалобы как не соответствующей положениям Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». В определении же суда по названному делу, в частности, было указано на следующее: «Одновременное участие в конкурсе лиц с высшим образованием и лиц, его не имеющих, не обеспечивало бы последним равных возможностей для поступления в вуз, то есть делало бы его менее доступным, а, следовательно, ущемляло бы их право на получение бесплатного высшего образования. В целях обеспечения законных интересов таких лиц ограничение законом прав граждан, имеющих высшее образование, в получении второго бесплатного высшего образования вполне правомерно. Право на образование, являясь одним из основных и неотъемлемых конституционных прав, может быть реализовано гражданином в различных формах и после получения бесплатного высшего образования, но уже без обязательной гарантии бесплатности»².

¹ Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп. от 2 июля 2021 г. № 351-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 10.03.2022).

² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22 мая 1996 г. № 69-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Цицулина Алексея

Ограничение прав граждан, имеющих высшее образование, в получении второго высшего образования, можно считать признанным правомерным, что по своей сути противоречит закрепленной в конституции гарантии. Данный пример – не единственный случай, когда граждане не могут в полной мере реализовать конституционное право на образование.

Недостаток финансирования образовательной сферы вызывает дефицит кадров (это обусловлено низким уровнем заработной платы), низкое материальное обеспечение образовательных учреждений. С каждым годом государственное финансирование сокращается. Примером может служить тот факт, что количество бюджетных мест в российские вузы значительно уменьшилось за последние несколько лет. В связи с вышперечисленным, возникают вопросы о росте коррупции на всех уровнях образовательной иерархии.

Таким образом, в эпоху научно-технического прогресса образование является очень важным фактором, определяющим уровень жизни человека, влияющим на его профессию и доходы. Закрепление на конституционном уровне права на образование дает индивидам множество возможностей по реализации себя в жизни. Правильная же реализация права на образование способствует развитию не только самого индивида, но и государства в целом. Однако, из-за ряда причин проблема реализации права на образование остается актуальной и по сей день.

ИНТЕРНЕТ-ТОРГОВЛЯ, КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, ОСУЩЕСТВЛЯЕМОЙ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

Куцева Н.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

На сегодняшний день Интернет является особо значимым социально-культурным и экономическим явлением, роль которого в экономике нашей страны ежедневного возрастает. Рост потребностей общества влечет за собой процесс трансформации информационных и компьютерных технологий, поэтому переход на ведение предпринимательской деятельности через сеть Интернет становится необратимым.

Большую роль в развитии интернет-предпринимательства сыграла эпидемиологическая обстановка в стране в последние годы. Введение определенных ограничений, связанных с COVID-19, еще больше ускорило

Юрьевича как не соответствующей требованиям Федерального конституционного закона «О Конституционном суде Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12111585/> (дата обращения: 10.03.2022).

переход современного бизнеса в электронное пространство. В условиях пандемии объемы продаж онлайн-магазинов за последние два года выросли в десятки раз. Хотя электронная торговля развивается уже давно, но именно в 2019-2020 годах она получила мощный стимул. Когда началось масштабное распространение коронавирусной инфекции, власти были вынуждены ограничить работу многих компаний, а в некоторых случаях и вовсе временно запретить. Поэтому руководителям предприятий и организаций приходилось выбирать: перевести сотрудников на удаленный режим или же объявить простой. Это повлекло за собой полную перестройку всех бизнес-процессов, появлению новых методов и схем работы. Изменения отразились и на поведении потребителей, которые под влиянием возникших обстоятельств, изменили свое покупательское поведение, приспособившись в условиях карантина к новым формам торговли. Благодаря тому, что интернет-бизнес стал единственным возможным каналом продаж, его развитие во время пандемии стало одним из главных трендов в ретейле, а для предпринимателей - активным источником дохода. Постоянные рыночные изменения затронули как традиционные виды бизнеса, адаптировав их к новым направлениям ведения деятельности, так и принципиально новые способы организации виртуального бизнеса¹.

Повсеместное распространение информационных технологий заметно сказывается на осуществлении предпринимательской деятельности. Сегодня трудно представить современную организацию, которая не имела бы своего сайта, не продвигала бы свой товар через Интернет, где можно найти гораздо больше потенциальных покупателей, нежели в реальной жизни. Использование возможностей сети Интернет приводит к ускорению процесса заключения договоров, существенно влияет на формирование спроса. Специалисты предсказывают, что через пять лет границы между обычной торговлей и электронной сотрутся.

Несмотря на активное развитие торговли в Интернете, в современной правовой науке и действующем законодательстве до сих пор не сформировано общих правил об электронной торговле. Также отсутствует и законодательное закрепление понятия «электронная торговля». Стоит отметить, что всё ещё не выработано даже общего понятия для данной категории сделок – в литературе можно встретить такие определения, как «онлайн-торговля», «онлайн-коммерция», «электронный бизнес», «Интернет-торговля» и многие другие².

¹ Багирян В.А. Особенности ведения предпринимательской деятельности в сети Интернет // Финансовые исследования. – 2020. – №4 (69). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vedeniya-predprinimatelskoy-deyatelnosti-v-seti-internet> (дата обращения: 30.11.2021).

² Шелков Н. А. Особенности предпринимательской деятельности, осуществляемой сети Интернет, по законодательству Российской Федерации // Молодой ученый. – 2017. № 41 (175). – С. 132-134. URL: <https://moluch.ru/archive/175/45919/> (дата обращения: 31.10.2021).

Следует обратить внимание на точку зрения А.А.Тедеева, который считает электронной торговлей некоторые договоры, которые заключаются при помощи электронных средств. К таким договорам исследователь относит: договор купли-продажи, поставки, возмездного оказания услуг, банковского счета, вклада, поручения, агентирования, доверительного управления имуществом¹. По мнению Карева Я.А., электронная торговля должна определяться как предпринимательская или иная не запрещенная законом деятельность в области обмена имуществом, включая товары, информацией, результатами интеллектуальной деятельности, в том числе исключительными правами на них (интеллектуальная собственность), осуществляемая посредством заключения и (или) исполнения сделок в электронной форме². Попытка законодательного закрепления понятия электронной торговли все же предпринималась. Так, депутатами Государственной Думы РФ Маевским Л.С., Шубиным А.В., Финько О.А., Волковским В.И. 2 октября 2000 г. в Государственную Думу РФ был внесен проект Федерального закона РФ «Об электронной торговле». Статья 3 проекта содержит следующее определение: «Электронная торговля - это заключение путем обмена документами следующих сделок, предусмотренных Гражданским кодексом РФ (но не ограничиваясь ими): купля-продажа, поставка, возмездное оказание услуг, перевозка, заем и кредит, финансирование под уступку денежного требования, банковский вклад, банковский счет, расчеты, хранение, страхование, поручение, комиссия, агентирование, доверительное управление имуществом, коммерческая концессия, простое товарищество, публичное обещание награды, публичный конкурс, а также приобретение и использование с использованием электронных средств иных прав и обязанностей в сфере предпринимательской деятельности»³. Однако, законодательный акт так и не был принят. Электронная торговля является одним из видов дистанционной (Правила, утв. постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463)⁴. Под правовое регулирование вопросов электронной торговли попадает не только розничная купля-продажа, но оказание услуг различного рода услуг, например, общественного питания. Более того, именно эти сделки занимают

¹ Тедеев А.А. «Электронная коммерция (электронная экономическая деятельность): правовое регулирование и налогообложение». – 2009. – С. 26.

² Карев Я. А. Электронные документы и сообщения в коммерческом обороте: правовое регулирование. – М.: Статут, 2006. – С. 150.

³[Электронный ресурс]: URL: <https://base.garant.ru/58177583/5ac206a89ea76855804609cd950fcaf7/> (дата обращения: 01.12.2021).

⁴ «Постановление Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. N 2463 “Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. - 21. - № 3. - Ст. 593.

большую часть всех цифровых сделок, заключаемых в настоящее время. За последние пару лет Россия демонстрирует резкое увеличение темпов распространения интернет-торговли и в настоящее время количество пользователей различных интернет-магазинов и других сервисов достигает почти 100 млн. человек, из которых около 90 % осуществляют покупки в Интернете практически ежедневно. Согласно информации, приведенной Экспертами Data Insight, покупателей, пользующихся услугами Интернет-торговли, больше всего привлекают: удобство совершения покупок; возможность круглосуточного приобретения товаров; экономия времени; возможности оперативного сравнения цен у разных онлайн-продавцов. При этом, более чем в 6 раз продемонстрировала рост за сравнительно короткий период и электронная торговля. Лидерами электронной торговли в России, по результатам 2019 года стали: «Wildberries» (210,6 млрд рублей), «Ситилинк» (90,4 млрд рублей), «Ozon» (80,7 млрд рублей) и «М.Видео» (57,5 млрд рублей)¹.

В отличие от стремительно развивающейся электронной торговли, законодательное регулирование в этой области сильно отстает от запросов рынка. На сегодняшний день особо актуальной является проблема отсутствия единого нормативно-правового акта, который бы регулировал интернет-торговлю. Предпринимательская деятельность в сети Интернет в Российской Федерации осуществляется в соответствии с «общими» законами, такими как Гражданский кодекс РФ, рядом федеральных законов, например, ФЗ «Об информации, информатизации и защите информации», «О связи», «Об электронной цифровой подписи», «О защите прав потребителей» и другими нормативными актами, которые лишь косвенно регулируют отношения в сфере интернет-предпринимательства. Специальных законов, которые бы регулировали заключение гражданско-правовых договоров сети Интернет в Российской Федерации на сегодняшний день нет. Поэтому договоры, заключаемые в сети Интернет, в том числе и договоры в сфере торговли подчиняются общим положениям о порядке заключения договоров.

Из-за того, что правовое регулирование торговли в интернете недостаточно развито, страдают и продавцы, и потребители. Владельцы интернет-магазинов часто в своей работе сталкиваются с тем, что им приходится обеспечить соблюдение требований целого ряда разрозненных законодательных и подзаконных актов из разных отраслей права. Потребителю, заказавшему товар через электронный магазин, никто не может дать гарантии того, что приобретенный им товар будет доставлен в срок, в надлежащем качестве и комплектации. Электронные магазины в большинстве случаев не помещают на web-серверах информацию о товарах (услугах) в том виде, в котором она должна быть помещена в соответствии с законодательством Российской Федерации. Кроме того, потребитель никак не защищен от интернет-мошенников, которые часто создают в соц-сетях

¹ [Электронный ресурс]: URL: <https://e-pepper.ru/news/100-krupneyshikh-internet-magazinov-2020-ot-data-insight.html> (дата обращения: 01.12.2021).

страницы с товарами, привлекая потребителей выгодными ценами, а после оплаты товара покупателем вдруг «исчезают», оставляя «покупателя» ни с чем.

Незаконное занятие предпринимательской деятельностью в сети Интернет также является актуальной проблемой. Особенность современного мира – это появление покупок в социальных сетях. Это может быть обувь, одежда, продукты питания, косметические средства и пр. Что же привлекает людей делать покупки столь сомнительным способом? Ведь часто товар оказывается не соответствующий ожиданиям - плохого качества, с изъянами и т. д. Все дело в цене и отсутствии необходимости куда-либо идти для совершения договора купли-продажи. На практике мы видим такую картину. Продавец чаще всего не является индивидуальным предпринимателем и тем самым осуществляет деятельность по розничной купле-продаже незаконно. Огромное количество денежных средств проходит через заключение данных договоров, т. к. лица, осуществляющие продажу, предоставление места для рекламы и иные способы заработка, никак не подвергаются надзору и контролю со стороны налоговых органов. А уделив данному вопросу должное внимание, государство могло бы увеличить приток налоговых доходов государства¹. Продажа товаров через интернет требует государственного регулирования и надзора, т.к. на данный момент социальные сети, это место свободного осуществления предпринимательской деятельности, реализуемой без государственной регистрации. В связи с этим зачастую возникают случаи нарушения не только гражданского законодательства, но и административного и даже уголовного.

Как уже отмечалось выше, электронная торговля в настоящее время развивается невероятно быстрыми темпами. На перспективы развития электронной торговли повлиял не только COVID-19. В наши дни жизнь в целом все больше и больше «оцифровывается». Многие делается в мобильном и портативном формате. Пользователь скорее воспользуется услугами интернет-магазина, чем отправится в обычный. Следовательно, будут заключаться электронные сделки, и термин «смарт-контракт» уже не звучит сверхъестественно². Необходимость в живом общении для решения рабочих вопросов заметно снизилась, у общества появились новые потребности. Это, с одной стороны, позволяет развиваться перспективным электронным направлениям, а с другой, приводит в упадок (а в ряде случаев и к закрытию) целые компании и даже отрасли производства. Перемены, которые происходят в хозяйственной, жизни влекут за собой необходимость развития законодательства и изменения в обсуждаемых законопроектах.

¹ Мельников И. В. Проблемы регулирования предпринимательской деятельности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет // Молодой ученый. – 2019. – № 24 (262). – С. 229-230.

² Белов В.А. Электронная торговля: понятие, правовое регулирование и судебная практика // Вестник арбитражной практики. – 2021. – №4.

Таким образом, мы можем выделить следующие пути решения основных проблем, связанных с торговлей в сети Интернет. Прежде всего, необходимо легализовать понятие «электронная торговля», «интернет-торговля», а также определить на законодательном уровне правила осуществления данного вида торговли. Для способствования дальнейшему развитию Интернет-торговли в России необходимо разработать и принять нормативные акты, которые на основе международного опыта и основных начал российского гражданского законодательства, закрепили бы основные понятия, положение субъектов Интернет-торговли, способ правового регулирования электронного сотрудничества субъектов рынка и т.д. Систематизация положений и норм об электронной торговле может быть осуществлена в рамках отдельного Федерального закона «О правилах электронной торговли». Перечисленные меры не только приблизят существующую модель российского бизнеса к стандартам, принятым в международном сообществе, но и выведут его на принципиально новый уровень¹.

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ УЧАСТНИКА КОРПОРАЦИИ

Кучерова Ю.С. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н., доцент Жолобова Г.А.

Одним из способов защиты имущественных прав корпорации, относящимся к мерам государственно-принудительного характера, выступает институт субсидиарной ответственности участника корпорации.

В условиях рыночной экономики механизм взыскания убытков или привлечения участников (учредителей) к субсидиарной ответственности получает всё большее внимание и рассматривается как один из основных источников компенсации понесенных потерь.

Основным принципом корпоративного права является «принцип отделения», который устанавливает отдельную имущественную ответственность корпорации и его участников (учредителей) в гражданском обороте². Участники (учредители) корпорации не отвечают по её обязательствам, а корпорация не отвечает по обязательствам её участников (учредителей), кроме случаев, предусмотренных законом. Законодательством

¹ Шайдуллина В.К. К вопросу о правовом регулировании электронной торговли // БГЖ, 2019. № 1 (26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-regulirovanii-elektronnoy-torgovli> (Дата обращения: 01.12.2021).

² Гутников О.В. Корпоративная ответственность участников коммерческих операций: проблемы и перспективы развития // Право: журнал Высшей школы экономики. 2019. – С. 46.

случаи дополнительной ответственности устанавливаются для отдельных видов корпораций. В связи с чем изучение темы субсидиарной ответственности участников корпорации, является одной из центральных в корпоративном праве.

В главе III.2 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в ст. 53.1 Гражданского кодекса РФ, ст. 3 Федерального закона от 08 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 3 Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» закрепляется исключение из «принципа отделения» - на участника корпорации субсидиарная ответственность по её обязательствам может быть возложена в случае недостаточности её имущества для исполнения требований и в случае, если её несостоятельность наступила по вине участника.

Субсидиарная ответственность участника часто не связана с противоправным поведением, а представляет собой ответственность обеспечительного характера.

Подробное изучение норм, посвященных гражданско-правовой ответственности в законодательстве о корпоративных юридических лицах, позволяет установить, что у субсидиарной ответственности участника существует достаточное количество особенностей, которые отличают её от общих видов гражданско-правовой ответственности.

Субсидиарная ответственность участника в корпоративных отношениях чаще всего наступает за определенные нарушения, которые в любом случае связаны с ненадлежащим управлением юридическим лицом, выражающемся в несоблюдении особых «управленческих» прав и обязанностей¹.

Вид ответственности, установленный ст. 53.1 ГК РФ, отличается как от договорной и деликтной ответственности, так и от ответственности участника за иные корпоративные правонарушения, поскольку наступает в случаях нарушения специальной обязанности участника действовать в интересах корпорации добросовестно и разумно. Согласно общему принципу гражданской ответственности, обязанность по доказыванию невиновности лежит на нарушителе, тогда как ст. 53.1 ГК РФ закрепляет иное правило: лицо, которое предъявляет соответствующее требование, должно доказать вину контролирующего участника. Это следует из того, что недобросовестные и неразумные действия, будучи противоправными, в то же время являются виновными².

¹ Морозов С.Ю. Метод юридического равенства сторон и принцип подчинения в корпоративном праве России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2017. – № 2. – С. 181.

² Суханов Е.А. Ответственность участников корпорации по ее долгам в современном корпоративном праве / Проблемы современной цивилистики: сборник памяти профессора С.М. Корнеева. – М., 2013. – С. 103.

Такие свойства корпоративных отношений, как неимущественный и управленческий характер влекут за собой проблему определения причинно-следственных связей между отрицательными имущественными последствиями корпоративного правонарушения и поведением участников¹.

В [Обзоре](#) судебной практики Верховного Суда Российской Федерации №2 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 6 июля 2016 г.) закреплено: «...из системного толкования [абзаца 2 п. 3 ст. 56](#) ГК РФ, [п. 3 ст. 3](#) Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» и [п. 4 ст. 10](#) Закона о банкротстве необходимым условием возложения субсидиарной ответственности на участника является наличие причинно-следственной связи между использованием им своих прав и (или) возможностей в отношении контролируемого хозяйствующего субъекта и совокупностью юридически значимых действий, совершенных подконтрольной организацией, результатом которых стала ее несостоятельность (банкротство)».²

Ещё одной особенностью субсидиарной ответственности участника является «правило делового решения», устанавливающего, что для привлечения к такой ответственности должны присутствовать доказательства о несоответствии действий (бездействий) участника условиям делового оборота или предпринимательскому риску³. Таким образом, такое правило позволяет участнику совершить «бизнес-ошибку». Даже некоторые действия участника, вызывающие отрицательные последствия, не влекут к привлечению его к субсидиарной ответственности, поскольку вероятность возникновения таких последствий связана с риском предпринимательской или иной экономической деятельности. В «обычной» договорной или деликтной ответственности такой принцип не применим.

Если обратиться к п.п. 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве» то можно понять, что при применении такого механизма восстановления нарушенных прав, как привлечение контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, судам нужно учитывать несколько факторов:

1. Сущность конструкции юридического лица, которая заключается в его имущественной обособленности.
2. Самостоятельная ответственность юридического лица.
3. Наличие у участников корпорации, её учредителей широкой свободы усмотрения при принятии (согласовании) деловых решений.

¹ Гутников О.В. Основания разработки категории корпоративной ответственности в гражданском праве/ Право: журнал Высшей школы экономики. – 2019. – №4. – С6.

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 3.

³ Цепов Г.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение «корпоративного контракта» // Вестник экономического правосудия РФ. – 2017. – № 10. – С. 100.

4. Запрет на причинение ими вреда независимым участникам оборота посредством недобросовестного использования института юридического лица¹.

Корпоративную ответственность участника выделяют и определенные негативные последствия корпоративных нарушений, обладающие как неимущественным (отсутствие возможностей для достижения целей деятельности юридического лица, утрата корпоративного контроля), так и имущественным характером (снижение стоимости акций, доведение до банкротства, неполучение прибыли).

Таким образом, анализ особенностей корпоративной субсидиарной ответственности участника позволяет сделать выводы о её особом статусе, выражающемся в обеспечительном характере. Данный вид ответственности является исключением из общего правила о раздельной имущественной ответственности юридического лица и его учредителей (участников), следовательно, он должен устанавливаться законом в исключительных случаях.

ОТЛИЧИЕ ГРУППОВЫХ ИСКОВ ОТ СХОЖИХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА

Лазаренко А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

Федеральный закон от 18.07.2019 г. № 191-ФЗ ввел в гражданское процессуальное законодательство институт группового иска². Подобный институт права на тот момент уже существовал в арбитражном процессе, однако, несмотря на это, актуальным все еще остается вопрос о сущности и особенностях группового иска в гражданском процессе. Групповой иск рассматривается, как и обычный иск, по правилам Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14.11.2002 г. №138-ФЗ (далее – ГПК РФ)³. Однако, имеется отличие оформления группового иска от обычного искового заявления, которое заключается в оформлении всех истцов в виде списочного состава в «шапке» этого документа и оформлении предмета иска.

¹ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 // Бюллетень ВС РФ. – 2018. – № 3.

² Федеральный закон от 18.07.2019 г. №191-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 29. (часть I). – Ст. 3858.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. №138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – №46. – Ст. 4532.

Более того, до сих пор ведутся дискуссии о соотношении данного института права со схожими институтами, например, с институтом процессуального соучастия.

Если обратиться к нормам ч. 1 ст. 40 ГПК РФ можно увидеть, что законодатель закрепил определение процессуального соучастия: «иск может быть предъявлен в суд совместно несколькими истцами или к нескольким ответчикам». В данном случае имеет место множественность лиц, как на стороне истца, так и на стороне ответчика. Анализируя данный институт права, И.А. Ивасюк пишет о том, что процессуальное соучастие – это участие в одном и том же процессе нескольких истцов или нескольких ответчиков, причем их требования или обязанности не исключают друг друга¹. Таким образом, имеет место многосубъектное правоотношение.

Одновременно, законодательного определения группового иска нет. Обобщив мнение исследователей, можно определить групповой иск как процессуальный институт, который направлен на защиту интересов большой группы лиц, персональный состав которой неизвестен на момент возбуждения дела участникам этой группы. Соответственно имеется общий для всех членов группы ответчик, предмет спора – это однородные права и интересы, все участники процесса используют одинаковый способ защиты своих прав – обращение в суд. Можно отметить то, что процессуальное соучастие схоже с институтом группового иска в процессуальном праве России по следующим признакам:

- наличие в одном процессе множественности лиц – истцов;
- взаимосвязь требований истцов;
- возможность удовлетворения в одном процессе требований всех истцов;
- общая цель обоих институтов – экономия времени, отведенного для рассмотрения дела и разгрузка судов.

Однако, имеет место и отличие процессуального соучастия от института группового иска. Оно заключается в том, что множественность в групповом иске имеется только на стороне истца, а при процессуальном соучастии она представлена, как на стороне истца, так и на стороне ответчика. Кроме того, в групповом иске указано лицо, которому поручено ведение соответствующего гражданского дела, а при процессуальном соучастии каждый истец подает исковое заявление самостоятельно. При процессуальном соучастии каждый истец выступает в процессе самостоятельно, а при групповом иске участвует лицо, которому поручено ведение дела. При процессуальном соучастии законодатель не устанавливает минимальный предел соучастников, тогда как в групповом иске – это двадцать человек.

Таким образом, несмотря на схожесть, институты процессуального соучастия и группового иска имеют большее число отличительных

¹ Ивасюк И.А. Институты процессуального соучастия и группового иска: сходство и отличие // Молодой ученый. – 2020. – № 44 (334). – С. 150-155.

признаков, что говорит о том, что они являются самостоятельными институтами процессуального права. Групповое производство представляет собой притязание о защите прав многочисленной, и возможно к моменту инициации производства, до конца определенной группы, наряду с защитой законных интересов лица, обращающегося для защиты этой группы.

Еще один схожий институт права – это иск в интересах неопределенного круга лиц. Он характеризуется так же, как групповой, поскольку круг лиц является неопределенным, то есть неизвестным суду, не установлен для личного иска с точностью в момент предъявления и рассмотрения в суде, и представляет собой судебное разбирательство в отношении многочисленной группы лиц. Он определяется следующим образом: «...предъявляемое в суд исковое заявление, решение по которому может быть вынесено в отношении многочисленной неопределенной группы лиц, состав которой в силу разных причин невозможно установить».

Решение по данному иску носит публично-правовой характер и будет иметь значение для предъявления последующих личных исков участниками неопределенного круга лиц. Иск в защиту неопределенного круга лица – это количественно не установленный, предположительно многочисленный состав потенциальных истцов, не позволяющий привлечь к участию всех пострадавших от действий одного и того же ответчика, объединенных общностью предмета и основания иска. Одновременно, в групповом иске имеет место определенный состав истцов, каждый из которых примет участие в исковом заявлении. Соответственно главное отличие заключается в том, что в иске в защиту неопределенного круга лиц – предполагаемый состав настолько многочислен, что установить и привлечь к участию в деле всех заинтересованных лиц в качестве истцов невозможно, тогда как в групповом иске количество истцов строго оговорено, и все они учувствуют в исковом производстве.

Анализируя данный вопрос, Д.В. Володарский в своем исследовании указал, что разновидностью можно также признать и модель индивидуального иска в защиту группового интереса со «стягивающим эффектом»¹. Она находит свое отражение в п. 6 ст. 181.4 ГК РФ. Особенность данной формы защиты в том, иск одного субъекта, принадлежащего к соответствующей группе, имеет провокационный характер по отношению к иным членам группы. Соответственно они должны либо присоединиться к заявленному инициатором требованию (выбрать модель соучастия или по модель группового иска), либо отказаться от права на иницирование самостоятельного процесса. При выборе последнего, принадлежащее требование «поглощается» первоначальным иском.

В рамках данной конструкции решается, во-первых, целый ряд проблем процессуального характера, а именно отказ от вступления в процесс подразумевает возможность либо индифферентность неприсоединившихся

¹ Володарский, Д. В. К вопросу о групповых исках [электронный источник]. Режим доступа: <https://zakon.ru/> (дата обращения: 28.01.2022)

участников к исходу дела, либо повышает их доверие инициатору процесса как надлежащему «представителю» их интересов. В любом случае, непосредственного участия всех участников гражданско-правового сообщества в процессе, не требуется, при том, что законная сила судебного решения будет распространена и на них. Во-вторых, учитывается интерес ответчика в ослаблении на него процессуального давления. Именно в данном моменте и возникает эффект «стягивания», поскольку он отвращает опасность предъявления в его адрес множества идентичных исков отдельных членов гражданско-правового сообщества.

Таким образом, следует указать на то, что институт группового иска отличается от иных форм коллективной защиты, поскольку имеет веское значение в системе исковой защиты прав. Именно он объединяет массу небольших требований на незначительные суммы, и тем самым дает возможность снизить судебные расходы. Такое объединение требований позволяет экономить время и разгружать суды. Отличие процессуального соучастия от группового иска в том, что множественность может образовываться и на стороне ответчиков. Одновременно, отличие группового иска от иска неопределённого круга лиц в том, что в последнем количество истцов не персонифицировано. Особенностью группового искового производства выступает то, что он защищает, как публичный интерес (пресекает противоправную деятельность ответчика), так и частноправовой (взыскание убытков в пользу участников группы).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Лаптева О.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Практика развитых стран подтверждает, что основной движущей силой фондового рынка являются именно частные инвесторы. От их активности зависит динамика рынка и спрос на ценные бумаги. Институциональные и корпоративные инвесторы оперируют гораздо большим капиталом по сравнению с инвесторами частными, но в то же время они находятся в определенной зависимости от частных инвестиций.

Так, по данным Московской биржи, количество физических лиц с брокерскими счетами в 2021 году увеличивалось в среднем на 6% в месяц. В основном это связано с доступностью инвестиций для рядового гражданина. Во-первых, речь идет о простоте и невысокой стоимости торговли на бирже с использованием онлайн-брокеров, которые взимают минимальную комиссию за транзакции и предоставляют доступ к торговле

практически в любое время с помощью мобильных приложений.¹ Во-вторых, вложения в фондовый рынок целесообразно для нивелирования растущей инфляции.

В соответствии с действующим законодательством Российской Федерации, гражданин имеет возможность совершать гражданско-правовые сделки с ценными бумагами и заключать договоры, являющиеся производными финансовыми инструментами, через посредника - брокера (или управляющую компанию), являющегося профессиональным участником рынка ценных бумаг, действующим на основании лицензии Центрального банка РФ².

В последнее время предложение на рынке значительно увеличилось, и теперь почти все крупные банки предлагают своим клиентам услуги по открытию и ведению брокерского счета с минимальными затратами, часто онлайн и даже через мобильное приложение. Физическое лицо открывает брокерский счет, размещает на нем средства и проводит операции по счету (в частности, дает указание своему брокеру провести определенную транзакцию)

Существует определенный дисбаланс между инвестором и брокером как сторонами брокерского соглашения и потенциальными сторонами в спорах, которые могут возникнуть из этого соглашения. Эта диспропорция проявляется в трех аспектах. Во-первых, это договорная диспропорция, которая существует из-за особенностей заключения потребительских брокерских договоров путем присоединения клиента к стандартным условиям, разработанным брокером. Как правило, в договоре есть ссылка на эти условия, и при подписании клиент даже не имеет возможности ознакомиться с их содержанием.

Ситуация только усугубляется с развитием практики дистанционного заключения договоров, которая еще больше распространилась во время пандемии. Фактически, инвестор не контролирует условия сделки. Информационная несбалансированность заключается в низкой осведомленности клиентов о ситуации на рынке брокерских услуг, своих правах при заключении договора и последующих взаимоотношениях с брокером, а также о механизмах работы биржи. Поэтому даже клиент, имеющий возможность полностью изучить текст заключенного договора, не всегда может понять содержание его условий, разработанных экспертами рынка ценных бумаг с использованием соответствующей терминологии. В случае возникновения спора, возникает и процессуальная диспропорция. Клиент обязан доказать факт нарушения его законных прав и интересов при отсутствии ресурсов, поскольку все отчеты, связанные с ведением брокерского счета, а также любая информация, относящаяся к ним, хранится

¹ Статистика по клиентам// Официальный сайт Московской биржи. URL: <https://www.moex.com/s719> (дата обращения: 28.12.2021).

² Федеральный закон от 22.04.1996 № 39 -ФЗ «О рынке ценных бумаг» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918.

и собирается брокером, и его предоставление и помощь противоположной стороне прямо противоречат его интересам.¹

Также с ростом числа частных инвесторов значительно возрастает нагрузка на серверные базы брокеров (зачастую банков), что приводит к системным сбоям, которые могут повлечь значительные финансовые потери для инвесторов- физических лиц. Так как возникают ситуации с невозможностью реализации ордеров на покупку или продажу активов. Зачастую брокеры-банки снимают с себя ответственность или перекалывают её на биржи.

В Банке России действует служба по защите прав потребителей и обеспечению доступности финансовых услуг. Ее основные задачи заключаются в накоплении и разрешении жалоб потребителей на финансовые учреждения, включая брокерские, а также на повышение общего уровня финансовой грамотности.

В 2019 году на эмитентов и профессиональных участников, включая брокеров, в сумме пришлось 7,4% всех жалоб, в 2020 году - 2,2%. Представляется, что в общих чертах это соотношение отражает долю финансовых услуг на бирже в общем количестве финансовых услуг (подавляющее большинство жалоб - 57,4% в 2019 году и 68,8% в 2020 году - приходятся на кредитные организации.)²

В целом, можно сделать вывод о крайней уязвимости частных инвесторов. Основными причинами этого являются: 1) незнание или искаженное понимание механизмов функционирования фондового рынка; 2) зависимость от финансовых посредников.

К сожалению, несмотря на чрезвычайно высокий уровень активности со стороны регулятора, система защиты прав и законных интересов инвесторов и физических лиц еще не полностью сформирована. В целом регулирование развивается и движется в правильном направлении, но общая нестабильность законодательства из-за постоянных изменений, а также недавние поправки, которые еще предстоит проверить на устойчивость в условиях повышенной нагрузки на систему, вызванной стремительным ростом количества розничных инвесторов, затормаживают это движение.

Основная проблема - отсутствие четкого определения прав и гарантий законных интересов неквалифицированных инвесторов - физических лиц при оказании брокерских услуг, а также обеспечения их особого статуса при взаимодействии с брокером. Возможным решением могло бы быть введение конкретных положений, брокерских соглашений на законодательном уровне и закрепление минимальных гарантий соблюдения интересов клиентов, поскольку общие и в значительной степени фрагментированные положения

¹ Травин Г.Д. Правовые проблемы системы защиты неквалифицированных инвесторов – физических лиц на рынке ценных бумаг Российской Федерации // Государственная служба. – 2021. – № 3. – С. 46–53

² Защита прав потребителей финансовых услуг // Официальный сайт Банка России. URL: https://cbr.ru/protection_rights/ (дата обращения: 28.12.2021).

Федерального закона «О рынке ценных бумаг» и соответствующие инструкции Банк России явно нельзя считать достаточным.

Подобная система существует в европейском праве в ряде специальных директив, направленных на регулирование, потребительских отношений в целом. Альтернативным решением, которое в идеале должно дополнять потенциальные положения о брокерском договоре, может быть введение требования об обязательной регистрации брокером типовых условий в Банке России, которым бы этот документ дополнительно проверялся на соблюдение прав и законных интересов клиентов.

Теоретически контроль регулятора над содержанием стандартизированных условий должен существенно ослабить существующую договорную диспропорцию на рынке, поскольку фактически условия будут согласовываться централизованно Банком России как «представителем» потребителей, причем большинство заинтересовано в притоке дополнительных средств в национальную экономику.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УСЫНОВЛЕНИЯ

Лир А.С.- магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Кархалев Д.Н.

В статье 20 Конвенции «О правах ребенка» установлено: «ребенок, который временно или постоянно лишен своего семейного окружения или который в его собственных наилучших интересах не может оставаться в таком окружении, имеет право на особую защиту и помощь, предоставляемые государством»¹.

Процесс по усыновлению, осложненный иностранным субъектом определяет потребность в совершенствовании механизма по его регулированию. Несмотря на то, что категория детей, оставшихся без опеки и попечительства защищается на международном уровне, путем подписания ряда Конвенций, а также и теоретическую проработанность рассматриваемой темы, остается ряд дискуссионных вопросов.

Усыновление является сложным правовым явлением и понятие его до сих пор не установлено законодательно. Чтобы выявить сущность данного института необходимо начать с исследования и установления его определения. Разные ученые рассматривают усыновление с различных сторон.

¹ Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) / Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 16.02.2022).

Если провести исторический анализ, то термин «усыновление» не было законодательно регламентирован и ранее. А так же, обращаясь к законодательству зарубежных стран, можно выявить, что есть страны, которые так же нормативно не закрепили данное понятие.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации¹ не закрепляет определение усыновления, как и другие кодексы. Хотя если бы оно закреплялось там, то споров в правовой природе данного явления не было. По причине отсутствия единой дефиниции в научной среде образовалось множество подходов к его определению и, следовательно, к его сущности.

Согласно статье 124 Семейного кодекса Российской Федерации² усыновление является приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей³. Приоритетной эта форма является потому что является бессрочной, а также потому что усыновленный ребенок и его потомство по отношению к усыновителю и его родственникам приравниваются в правах и обязанностях к родственникам по происхождению. Усыновление ставит перед собой цель-воспитание ребенка в семье. И если эта цель не была достигнута на национальном уровне, то допускается альтернатива-усыновление иностранными гражданами.

Традиционно усыновление рассматривается как самостоятельный семейно-правовой институт, предназначенный для обеспечения надлежащего семейного воспитания детей, лишившихся родительского попечения⁴.

Так же усыновление рассматривают как юридический факт, ведь взаимные правоотношения сторон при усыновлении возникают с момента вынесения судебного решения.

Б.С. Антимонов и К.А. Граве рассматривают усыновление как «юридический акт, в силу которого между двумя людьми (усыновителем и усыновленным) возникают правовые (личные и имущественные) отношения, существующие между родителями и детьми⁵.

Ю.Ф. Беспалов понимает под усыновлением (удочерением) «не только как форму устройства детей, оставшихся без попечения родителей, и не только как факт, имеющий юридическое значение, но и как способ,

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 22.02.2022).

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ / Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 16.02.2022).

³ Там же

⁴ Князева Е.Ю. Институт усыновления в семейном праве России: теоретический аспект // Семейное право. – 2010. – С. 191.

⁵ Антимонов Б.С., Граве К.А. Советское наследственное право. – М., 1955. – С. 120.

применяемый судом для защиты прав и интересов ребенка (способ принудительной реализации)»¹.

По мнению С.А. Муратовой, усыновление представляет собой семейное правоотношение между усыновителем и усыновленным, которое по содержанию эквивалентно родительскому правоотношению².

Семейный кодекс Российской Федерации в статье 124 устанавливает: «Дети могут быть переданы на усыновление гражданам Российской Федерации, постоянно проживающим за пределами территории Российской Федерации, иностранным гражданам или лицам без гражданства, не являющимся родственниками детей, по истечении двенадцати месяцев со дня поступления сведений о таких детях в федеральный банк данных о детях, оставшихся без попечения родителей»³. Если усыновитель иностранный гражданин, то употребляют термин «международное» или «иностранное» усыновление. У данного термина также отсутствует единое определение.

Так как усыновление сложное правовое явление и оно многогранно, мы считаем что неспроста законодательно его не установили до сих пор. Так как если бы существовала его строгая формулировка, она его бы ограничивала в рамки, что вызывало бы большие пробелы. Чтобы понимать сущность усыновления, по нашему мнению, нужно не ограничиваться одним понятием, а исследовать институт с различных сторон, изучать теорию и практику его применения, смотреть на его историческую деформацию для его совершенствования.

РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Мальцева В.А. – магистрант Частного образовательного учреждения
высшего образования «Сибирский юридический университет»
(ЧОУ ВС СибЮУ) г. Омск

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права Частного
образовательного учреждения высшего образования «Сибирский
юридический университет» (ЧОУ ВС СибЮУ), к.ю.н. Пестерова Ю.С.

Коррупционные преступления многоаспектны в проявлении и выказывают в своем содержании социальные, экономические, политические и исторические смыслы. Это негативное явление развивается вместе с цивилизацией. «Коррупция, рассматривается сегодня как альтернатива демократии, или экстремальное, полярное состояние, понимаемое в рамках

¹ Сагитова И.Ф. Специфика воспитания ребенка (детей) в замещающей семье: правовой и социально-психологический аспекты / И.Ф. Сагитова, С.А. Хасанова // Казанский педагогический журнал. – 2016. – № 1(114). – С. 2–6

² Арутюнова Э.В. Понятие и правовая природа усыновления // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 2. – С. 16–18.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ / Правовой Сервер КонсультантПлюс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/ (дата обращения: 16.02.2022).

сложившегося прогрессивного общественного знания как альтернатива общественному строю Добра – как общественный строй Зла»¹.

И если государство не будет формировать развитые механизмы борьбы с коррупционными деяниями, то в достаточно короткие сроки коррупция сможет занять одно из первенствующих мест среди экономически негативных процессов, создавая опасность для прав человека, верховенства закона и демократии в целом.

Таким образом, одно из актуальных направлений борьбы с преступностью в нашей стране является противодействие коррупционным деяниям, а также иным преступлениям, носящим экономический характер. Нельзя не заметить, что изучение указанных негативных деяний на сегодняшний день только усиливается.

Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) является ведущим правоохранительным органом, реализующим профилактику и борьбу с экономическими преступлениями, в том числе коррупционными, на территории всего государства. Президент Российской Федерации определяет декриминализацию экономики и противодействие коррупции, как приоритетную задачу МВД России¹.

Согласно утвержденному Положению о Министерстве (п. 11, ч. 84),² МВД России осуществляет противодействие коррупционным деяниям в пределах своих непосредственных полномочий. В тоже время система противодействия коррупции в МВД России входит в состав системы противодействия коррупции в Российской Федерации в качестве ведомственного блока. Так, в Указе Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. №478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021-2024 годы»³ содержатся основные направления работы МВД России:

Правовая база противодействия коррупционным деяниям;

Организационная структура противодействия коррупционным деяниям;

Концепция анализа и мониторинга.

Правовая практика свидетельствуют о том, что стратегия противодействия коррупции с опорой на репрессивные меры оказывается недостаточно эффективной. Подобное заключение связано с тем, что при этом подходе ключевые силы направляются на ликвидацию последствий уже

² Румянцева, Е. Е. Механизмы противодействия коррупции: / под ред. Е.Е. Румянцева. –М.: Директ-Медиа, 2016. – С. 126.

¹ Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru> (дата обращения: 04.03.2022).

² Указ Президента РФ от 21.12.2016 N 699 (ред. от 22.12.2021) "Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации" // СПС «Консультант Плюс».

³ Указ Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478 "О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы" // СПС «Консультант Плюс».

совершенных коррупционных преступлений. Например, «сотрудники ЭБиПК нередко доводят выявленную преступную деятельность до стадии совершения преступления и только после этого осуществляют пресечение преступлений с задержанием их участников»¹.

Поэтому стратегическим направлением борьбы, наряду с обычными карательными действиями, должна стать система мер по устранению причин, создающих коррупцию, то есть антикоррупционная профилактика.

Среди всеобщих задач по профилактике следует назвать пропаганду высоких моральных ценностей, культуры общения, общественно полезного труда, солидарности, веротерпимости, национального благородства и великодушия, общинности, вековых традиций, здорового образа жизни, гармонически сочетающего в себе единства материальной и духовной составляющих. «Успешная реализация антикоррупционных просветительских программ позволит избежать необходимости мер принуждения против коррупции и экономии ресурсов на их применение»².

Антикоррупционная пропаганда представляет собой целенаправленную работу государственных органов образования, телевидения, средств массовой информации, координируемую и стимулируемую государством просветительскую работу в обществе по вопросам противоборства коррупции во всех ее формах, возвращение в обществе чувства гражданской ответственности, в том числе укрепление доверия к правоохранительным органам.

Фундаментом пропаганды является убеждение. С помощью пропаганды формируется преимущественно пассивное правовое поведение, то есть основанное на убеждении в необходимости следования правовым предписаниям, не переступать грань запретного, недозволенного. Такое убеждение возможно при высоком уровне правосознания и правовой культуры. Так, ссылаясь на выражение профессора Гришина А.А., что правосознательный человек никогда преднамеренно не совершит проступок, тем более преступление, в том числе коррупционного характера, которое могло бы опорочить его имя, честь, достоинство как гражданина и как профессионала³.

Средствами просветительной работы могут выступать в комплексе средства массовой информации, демонстрация показательных судебных процессов против коррупционеров, художественных фильмов и

¹ Трунцевский Ю.В., Ищук Я.Г. Профилактика преступлений органами внутренних дел в сфере обеспечения экономической безопасности Российской Федерации // Безопасность бизнеса. – 2019. – № 1. – С.19-23.

² Иванцов С.В., Уткин В.А. Оптимизация антикоррупционной подготовки сотрудников внутренних дел (итоги межведомственной научно-практической конференции, состоявшейся 8 декабря 2017 г.) // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 6228.

³ Гришин А.А. Мораль и коррупция // Криминологический журнал. – 2020. – № 2. – С. 2-6.

мотивационных видеороликов антикоррупционной направленности, разъяснения прав и обязанностей граждан с разбором большинства типичных случаев коррупционных нарушений.

Кроме того, стоит обратить внимание на совершенствование информационно-пропагандистских программ с использованием ресурсов сети Интернет. Благодаря данной глобальной сети формируются оперативные источники получения информационно-пропагандистских материалов. Постепенно расширяется и присутствие МВД России в сети, реализуемое с использованием официального интернет-сайта и площадок в социальных сетях.

На основании вышесказанного, мы вправе отметить недостаточное взаимодействие МВД России и общества. Для того, чтобы профилактический инструмент направил своё действие на упразднение коррупции, обязана проводиться функциональная и полномасштабная пропаганда с непосредственным участием сотрудников органов внутренних дел и с применением самых современных и тиражируемых рекламных каналов распространения информации. По результатам чего, должны озвучиваться способы существования и функционирования жизни граждан без коррупции. В тоже время, обществу должна показываться действительная информация о способах взаимодействия с органами власти, социальными и государственными институтами, так как нередко по причине неосведомленности по взаимодействию, население начинает склоняться к коррупционным деяниям. «В связи с этим целесообразна разработка и обнародование в СМИ индексов уровня коррумпируемости, позволяющих сравнивать между собой регионы, отрасли, крупные предприятия, решения органов власти и деятельность конкретных их представителей, внедрение стандартов журналистского расследования»¹.

Общество должно быть более осведомленным о деятельности МВД России, за счет увеличения в открытом доступе материала, направленного на освещение борьбы с коррупционными преступлениями. Кроме того, у граждан должна появиться возможность получать исчерпывающую информацию о задержании, обвинении и осуждении того или иного коррупционера, какое наказание он получил и на основании чего. Проведение данного мероприятия на постоянной основе поспособствует снижению процента коррупционных правонарушений и созданию прочной связи между гражданами и правоохранительными органами.

¹ Гиниятуллина Л.И. Коррупция в правоохранительных органах: Анализ причины условий по их предотвращению // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. – 2016. – № 1. – С.110-112.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК ДОЛЖНИКА, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ ЗАКОНОМ О БАНКРОТСТВЕ

Маматенко Н.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина

(МГЮА), к.ю.н. Ершова Ю.В.

На современном этапе развития общества существует большое количество рисков, связанных с недобросовестными действиями сторон в общественных отношениях. С целью уменьшения количества данных рисков, и, как следствие этого, - защиты граждан Российской Федерации от экономических потерь и ухудшения уровня жизни населения, некоторые виды общественных отношений тщательно регулируются со стороны государства путем издания специальных правовых актов. Не стало исключением и регулирование со стороны законодателя общественных отношений в сфере банкротства, осуществляемое, в частности, Федеральным законом от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»¹ (далее - Закон о банкротстве, Закон № 127-ФЗ).

Конкурсное производство, как процедура, применяемая при банкротстве должника, на наш взгляд имеет определяющий характер, поскольку, как отмечают Пахаруков А.А., Шашков И.К., его единственной целью, в отличие от других процедур, является расчет с кредиторами и последующая ликвидация должника². И, безусловно, в рамках договорных обязательств должников, признающихся банкротами, одним из наиболее эффективных способов защиты нарушенных прав кредиторов является именно оспаривание сделок. Очевидно, что проведение процедуры банкротства, в целом, не имело бы значения, если бы в законе отсутствовала возможность признания недействительными сделок, направленных на «вывод» особо ценного имущества должника, с целью последующего уменьшения конкурсной массы при осуществлении процедуры банкротства. В отношении оспаривания сделок должника еще Г.Ф. Шершеневич в свое время отмечал следующее: «Право опровержения предполагает, что конкурсные кредиторы не в состоянии получить полное удовлетворение из наличного имущества должника. Оно представляет собой требование, обращенное к третьему лицу, о возвращении в конкурсную массу той ценности, которую это лицо получило от должника по сделке, совершенной перед объявлением несостоятельности»³.

¹ Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

² Пахаруков А. А., Шашков И. К. Особенности проведения процедуры конкурсного производства застройщиков // Global & Regional Research. 2020. Т. 2, № 3. С. 112.

³ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV: Торговый процесс. Конкурсный процесс. – М., 2003. – С. 267.

В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» указаны два специальных основания для признания такого рода сделок недействительными, по которым сделка может быть оспорена в процедурах конкурсного и внешнего производства – так называемые «подозрительные сделки» и «сделки с предпочтением»¹. Подозрительные сделки подразделяются на два вида: сделки, совершенные с встречным неравноценным исполнением обязательств (п. 1 ст. 61.2. Закона о банкротстве) и сделки, имеющие целью причинение вреда правам кредиторов (п. 2 ст. 61.2. Закона о банкротстве). Оспаривание сделок должника, влекущих за собой оказание предпочтения одному из кредиторов перед другими, регламентируются статьей 61.3. Закона о банкротстве. Виды сделок с предпочтением и их условия указаны в абз. 2-5 п. 1. ст. 61.3. Закона о банкротстве.

Как следует из разъяснений, содержащихся в п. 10 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», судам следует иметь в виду, что для признания наличия такого предпочтения достаточно хотя бы одного из этих условий. Кроме того, поскольку данный перечень является открытым, предпочтение может иметь место и в иных случаях, кроме содержащихся в этом перечне². Таким образом, законодатель достаточно конкретно указывает на виды сделок, характеризующиеся тем, что посредством злоупотребления одной из составляющих принципа свободы договора и искажением воли одной или нескольких сторон гражданских правоотношений осуществляется уменьшение конкурсной массы при осуществлении процедуры банкротства, а также детально описывается механизм, позволяющий идентифицировать данные сделки и осуществить восстановление положения, существовавшего до совершения этих действий.

Важную роль в признании рассматриваемых сделок недействительными играет критерий добросовестности. Обращаясь к положениям Закона о банкротстве, можно обозначить два основополагающих критерия добросовестности: критерий неосведомленности второй стороны сделки о признаке неплатежеспособности или недостаточности имущества (п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве) и отнесение сделки к обычным хозяйственным сделкам должника (п. 4 ст. 61.4 Закона о банкротстве).

Проблема, в данном случае, состоит в отсутствии четкого законодательного регулирования, выраженного в регламентации того, какие

¹ Кондратьева К. С. Порядок признания недействительными подозрительных сделок должника в процедурах банкротства // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 4. – С. 91.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник ВАС РФ. – 2011. – № 3.

именно обстоятельства свидетельствуют о неплатежеспособности или недостаточности имущества. Как правило, подробности о его платежеспособности тщательно скрываются даже от сотрудников строительных организаций. Руководствуясь данным выводом, Высший Арбитражный Суд указал, что размещение в картотеке арбитражных дел извещения о возбуждении дела о банкротстве не означает, что все кредиторы должны знать об этом (п. 4 Постановления Пленума ВАС № 59/2013)¹.

Системный анализ судебной практики свидетельствует о том, что подходы судов в оценке сделок, совершаемых в порядке обычной хозяйственной деятельности, являются субъективными и опираются, в большинстве своем, на постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» с изменениями и дополнениями, внесенными Постановлением Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. N 59 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»². В соответствии с ними даны рекомендации судам по вопросу отнесения сделок к совершенным в процессе обычной хозяйственной деятельности в целях оспаривания сделок при банкротстве, а какие - нет. Так, могут считаться сделками, совершенными в процессе обычной хозяйственной деятельности различные платежи по действующим обязательствам, к примеру: возврат очередной части кредита в соответствии с графиком, уплата ежемесячной арендной платы, выплата заработной платы, оплата коммунальных услуг, платежи за услуги сотовой связи и Интернет, уплата налогов и т.п. В свою очередь, не могут быть отнесены к сделкам, совершенным в процессе обычной хозяйственной деятельности, например, платеж со значительной просрочкой, предоставление отступного, не обоснованный разумными экономическими причинами досрочный возврат кредита.

Однако, на законодательном уровне такие критерии отнесения сделок к совершенным в обычной хозяйственной деятельности, и обстоятельствах, свидетельствующих о неплатежеспособности или недостаточности имущества, не установлены. На наш взгляд, было бы целесообразно установить соответствующие критерии на законодательном уровне. Это

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 3.

² Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 59 «О внесении изменений и дополнений в постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 N 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 2013. – № 10.

создало бы правовую определенность, способствовало формированию единообразной судебной практики и привело бы к значительной процессуальной экономии при рассмотрении дел соответствующей категории. В качестве основы для формулирования критериев, свидетельствующих о неплатежеспособности или недостаточности имущества должника, могли бы быть использованы приведенные выше критерии, предложенные Пленумом Высшего Арбитражного Суда РФ.

ОСОБЕННОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕНЫ ИСКА ПО ДЕЛАМ О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ

Мелкомян А.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Марченко Т.В.

При подаче искового заявления о разделе общего имущества супругов необходимо соблюсти требования, предъявляемые гражданско-процессуальным законодательством к форме и содержанию искового заявления, в том числе в части цены иска, расчета взыскиваемых или оспариваемых денежных сумм, а также необходимости оплаты государственной пошлины в соответствии с налоговым законодательством, так как в ином случае судом исковое заявление будет оставлено без рассмотрения или вовсе возвращено истцу. Так, в соответствии с налоговым законодательством при подаче исковых заявлений о разделе имущества, находящегося в общей собственности, а также при подаче исковых заявлений о выделе доли из указанного имущества, о признании права на долю в имуществе размер государственной пошлины исчисляется, если спор о признании права собственности истца на это имущество ранее не решался судом, также, как при подаче искового заявления имущественного характера, подлежащего оценке¹, то есть размер государственной пошлины исчисляется исходя из цены иска.

Согласно гражданско-процессуальному законодательству цена иска по искам по указанной категории дел определяется исходя из стоимости истребуемого имущества², в связи с чем цена иска по делу о разделе совместно нажитого супругами имущества определяется стоимостью того имущества, на которое претендует истец, а не общей стоимостью совместно нажитого имущества. Стоит отметить, что такая позиция в большинстве случаев находит свое подтверждение в сложившейся судебной практике.

¹Налоговый кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 17.02.2021) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824.

²Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 02.03.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

На первый взгляд, все просто, однако следует отметить, что определение цены иска о разделе имущества на практике вызывает значительные трудности из-за того, что установить действительную стоимость подлежащего разделу имущества иногда крайне сложно, что в свою очередь обусловлено разными причинами. Так, в первую очередь стоит отметить, что стороны разными образами определяют состав совместно нажитого имущества, подлежащего разделу. В качестве примера может быть рассмотрено гражданское дело, в соответствии с которым П. обратилась в суд с иском к Г. о разделе совместно нажитого имущества: земельного участка площадью 2101 кв. м и неразрывно связанного с ним жилого дома, автомобиля Шкода-Фелиция 1996 г. выпуска, гаража и денежного вклада в сумме 80 324 руб. и просила признать за сторонами по 1/2 доле указанного имущества, выделить ей в собственность жилой дом и земельный участок, ответчику – автомобиль, гараж, денежные средства в банке.

Г. с иском не согласился, обратился в суд с встречными исковыми требованиями о разделе совместно нажитого в браке имущества: спального гарнитура стоимостью 12 500 руб., мебельной стенки стоимостью 3000 руб., холодильника «Стинол» – 8000 руб., норковой шубы – 5500 руб., кухонного гарнитура – 20 000 руб., мягкой мебели – 15 000 руб., стиральной машины – 6000 руб., шкафа – 5000 руб., люстры – 5000 руб. Просил все указанное имущество оставить в собственности П., и взыскать с П. в его пользу стоимость 1/2 доли указанного имущества¹.

Также, проблемы при определении цены иска по данной категории дел могут быть связаны также с различной оценкой супругами стоимости конкретного имущества. Таким образом, например, при рассмотрении, приведенного выше дела гражданка П. просила произвести раздел жилого дома исходя из его стоимости на момент приобретения, а в свою очередь ответчик Г. просил также учесть стоимость произведенного ремонта, а именно пластиковых окон и натяжных потолков.

В свою очередь, стоит отметить особый порядок определения цены иска при необходимости раздела общих долгов супругов. Так, в том случае, когда долг входит в состав иного имущества супругов и подлежит разделу наряду с ним, при определении цены иска стоимость долга будет вычитаться из стоимости иного имущества, таким образом, цена иска при предъявлении требования о разделе имущества без долга становится выше, чем та же цена иска при определении ее с учетом подлежащего разделу долга². В ситуации же раздела одного лишь долга цена иска будет включать в себя только сумму этого долга, и именно с этой суммы и будет исчисляться государственная пошлина.

¹ Постановление Президиума Московского областного суда от 19.11.2008 № 605 // СПС «КонсультантПлюс».

²Черных И.И., Процессуальные особенности рассмотрения дел о разделе имущества супругов. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13081473> (дата обращения: 11.03.2022).

Также, в свою очередь у истца может отсутствовать вовсе возможность осуществления оценки имущества, подлежащего разделу, или обоснования стоимости имущества для определения цены иска. Так, истец может не обладать сведениями о местонахождении имущества, точными сведениями о изначальной стоимости имущества или у истца будет отсутствовать доступ к имуществу для осуществления оценки, документы указывающие на стоимость имущества. В таких случаях в сложившейся судебной практике стоимость имущества определяется исходя из имеющихся у истца сведениях о примерной стоимости имущества без представления каких-либо фактов, подтверждающих указанные обстоятельства, в связи с отсутствием данной возможности у истца.

Указанные особенности дел о разделе общего имущества супругов в последние годы в судебной практике часто становятся причиной оставления искового заявления без движения и в последствии в случае, если недостатки искового заявления не будут исправлены, в свою очередь и причиной возврата искового заявления истцу. Таким образом, указанные обстоятельства только ограничивают возможности граждан на защиту своих прав, в связи с увеличением требований, предъявляемым к оформлению искового заявления, в том, числе в части определения цены иска, расчета цены иска, и в последствии определения размера государственной пошлины. Таким образом данные особенности только увеличивают срок рассмотрения дела.

Так, при предъявлении иска в суд истец может уплатить госпошину, рассчитанную на основе своей оценки имущества, и в соответствии с гражданско-процессуальным законодательством в случае явного несоответствия указанной цены иска действительной стоимости истребуемого имущества цену иска определяет судья при принятии искового заявления и может предложить истцу доплатить госпошину, что в свою очередь также увеличивает срок рассмотрения дела.

Таким образом, законодатель не учитывает особенности данной категорий дел при определении цены иска, и в последствие размера государственной пошлины. Также стоит отметить, что законодатель данный вопрос не регламентирует, что приводит к нагрузке на судебную систему и увеличению сроков рассмотрения дел, в том числе учитывая особенности рассмотрения судами дел о разделе общей совместной собственности супругов, где в большинстве случаев у одной из сторон отсутствует доступ к имуществу, что в свою очередь приводит к невозможности рыночной оценки имущества до момента подачи искового заявления, и только на этапе рассмотрения дела осуществляется независимая экспертиза. В соответствии с указанной экспертизой и устанавливается стоимость имущества, подлежащего разделу, в связи с чем можно сделать вывод об отсутствии необходимости в установлении таких категоричных требований к оформлению искового заявления в суд, в том числе в части определения цены иска и оплаты государственной пошлины. Данные проблемы также

подтверждаются возможностью супругов разделить общее имущество во внесудебном порядке в случае отсутствия вышеизложенных обстоятельств и отсутствием необходимости в оформлении искового заявления в суд для осуществления раздела в судебном порядке.

Из вышеизложенного следует, что необходимо установление более мягких требований к оформлению исковых заявлений в части определения и расчета цены иска, оплаты государственной пошлины по делам о разделе общего имущества супругов, в том числе путем закрепления особых норм, регулирующих данные отношения, в связи с особенностью указанных гражданских дел, так как требования, предъявляемые в настоящий момент приводят к увеличению сроков рассмотрения дела, и никаким образом не упрощают процесс рассмотрения дел о разделе общего имущества супругов.

«ДВОЙСТВЕННЫЙ» ЭЛЕМЕНТ ПРАВОВОГО СТАТУСА ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОРПОРАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Метаев М.Ж. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Анализ содержания новелл законодательства в части введения такой формы юридического лица, как государственная корпорация предполагает решения новых проблем, связанных с необходимостью всестороннего исследования и научного анализа не только формы юридического лица – корпорации, но и исследования вопроса об особенностях ее административно–правового статуса¹.

Очевидно, что на сегодняшний день, государственная корпорация, включает особенности юридического лица и органа государственной власти. Таким образом, в роли участника административных правоотношений государственные правоотношения рассматриваются как субъект, обладающий публичными функциями.

Содержание научной литературы свидетельствует о том, что дискуссионным остается вопрос касаясь правового статуса и правосубъектности отмеченных выше образований².

¹ Федеральный закон от 12.01.1996 №7–ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О некоммерческих организациях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021) Подготовлена редакция документа с изменениями, не вступившими в силу) // СЗ РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 145.

² Потапов В. А., Лазарев В. В. Корпорации и их виды в российской правовой системе // Внешнеторговое право. – 2006. – № 2. – С. 59.

Благодаря изучению правовых норм главы пятой Гражданского Кодекса Российской Федерации, о правовой природе публичных образований как субъектов гражданских правоотношений необходимо выделить:

– данные образования, несмотря на административно–властные элементы содержания, участвуют в гражданских правоотношениях на равных началах с другими субъектами – гражданами и юридическими лицами;

– правосубъектность данных образований носит специальный характер, поскольку во многом определяется нормативно–правовыми актами, регулирующими компетенцию уполномоченных государственных и муниципальных органов.

Важное значение для реализации публично – правовым образованием своих прав и обязанностей имеет его правосубъектность. На сегодняшний день в научной литературе сложились две основные точки зрения относительно качественной характеристики данного правового института¹.

Руководствуясь первым мнением, правосубъектность публично–правовых образований выступает универсальной и полностью совпадает с правоспособностью юридических лиц.

Согласно другой позиции, правосубъектность рассматриваемых нами образований носит специальный характер. Правоспособность указанных субъектов всегда ограничена, т.к. последние, вступая в гражданские правоотношения, реализуют определенные задачи публичной власти.

Важно отметить, что говорить о «двойственности» публично-правовых образований в гражданских правоотношениях не представляется в полной мере целесообразным ввиду следующего: носителями властных полномочий публично-правовые образования могут выступать только в отраслях публичного права.

В данных правоотношениях они вправе в одностороннем порядке принимать нормативные и ненормативные правовые акты, которые способствуют возникновению, изменению и прекращению субъективных прав и юридических обязанностей иных субъектов данных правоотношений.

Следовательно, публично правовые образования вступают как в административные отношения власти подчинения, так и в гражданских, то есть горизонтальных – равноправных отношениях.

Более того, помимо указания на равенство государства с субъектами гражданского права, российское законодательство не содержит иных признаков этих субъектов, в том числе не содержит и определения понятия «публично-правовые» образования, применительно к их участию в гражданско-правовых отношениях. Указание законодателем на их равноправие с юридическими и физическими лицами не придает ясности в определении правового статуса этих субъектов, поскольку указанные субъекты относятся к области публичного права. Вместе с тем в силу особого

¹ Слыщенко В. А. Участие государства в отношениях, регулируемых гражданским правом: к вопросу о правовом положении государственных органов // Вестник гражданского права. – 2016. – Т. 10. – № 6. – С. 58–91.

статуса данного субъекта права участие публично-правовых образований в гражданском обороте не может в чистом виде носить, например, предпринимательский характер.

Современное законодательство иностранных государств также признает публично-правовые образования юридическими лицами публичного права.

Категориями, разграничивающими данную группу лиц от юридических лиц частного права, называют публичность целей, преследуемых ими, наличие властных полномочий, возникновение и прекращение их на основе специальных актов государственных органов. К ним относят: государство (казну), государственно-территориальные и муниципальные образования, организации и учреждения, осуществляющие общественно полезные функции.

Необходимо отметить, что современное российское государство перешло в новую систему хозяйствования, вступив на путь рыночных отношений. Несмотря на это, российская доктрина использует правовые конструкции (государства и его органов – юридических лиц), разработанные советскими учеными для обоснования существования в условиях советской государственности. Попытки втиснуть новые рыночные отношения в старую правовую форму социалистической экономики не приводят к успеху.

Подводя итог, говоря об административно-правовом статусе созданных и действующих на территории Российской Федерации государственных корпораций необходимо выделить, на наш взгляд, существенные признаки:

- присутствие значительного объема осуществляемых государственных функций;
- государственные корпорации обладают статусом юридического лица;
- деятельность государственных корпораций обусловлена публичным интересом;
- целью создания данных юридических лиц является осуществление предпринимательской деятельности.

Отсутствие статуса юридического лица у органа власти и управления по общему правилу должно повлечь невозможность их участия в гражданских правоотношениях.

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ НАСЛЕДНИКОВ ПРИ БАНКРОТСТВЕ

Минебаева А.И. – магистрантка Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Залавская О.М.

В соответствии с ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несет

субсидиарную ответственность по обязательствам должника. При этом привлечению к субсидиарной ответственности подлежит лишь лицо, которое фактически имело возможность определять принимаемые организацией-должником хозяйственные решения, т.е. исключительно контролирующее должника лицо, действия которого привели к нарушению прав и имущественных интересов кредиторов юридического лица, либо к существенному затруднению проведения процедур, применяемых в деле о банкротстве.

Статистика последних лет свидетельствует об увеличении количества поданных заявлений о привлечении к субсидиарной ответственности, увеличивается также и процент их удовлетворения, что свидетельствует о том, что такой механизм восстановления нарушенных прав кредиторов как привлечение к субсидиарной ответственности на сегодняшний день перестает быть исключительным и переходит в разряд ординарных.

Судебная практика в настоящее время идет по пути расширения круга лиц, подлежащих привлечению к субсидиарной ответственности в качестве контролирующих должника лиц. Между тем, как отмечает Гутников О.В., в доктрине уже давно сформировалось представление о деликтном характере субсидиарной ответственности при банкротстве и как следствие возможности привлечения к субсидиарной ответственности наследников контролирующего должника лица¹.

Таким образом, в случае смерти контролирующего должника лица иск подлежит предъявлению либо к наследникам, либо к наследственной массе и может быть удовлетворен только в пределах стоимости наследственного имущества.

По мнению Морхата П.М. данная позиция имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К положительной стороне следует отнести недопущение получения наследниками незаконно приобретенного (сохраненного) наследодателем за счет кредиторов имущества. К отрицательной стороне следует отнести то, что в число наследников может входить широкий круг лиц, включая тех, кто не проживал с наследодателем, не был в курсе его хозяйственной деятельности и после смерти наследодателя не имеет возможности объяснить причины всех его управленческих решений².

Говоря о привлечении к субсидиарной ответственности наследников, необходимо рассмотреть вопрос применения к ним презумпций, предусмотренных ст. 61.10 Закона о банкротстве. В Определении ВС РФ от

¹ Гутников О.В. Ответственность руководителя должника и иных лиц в деле о банкротстве: общие новеллы и недостатки правового регулирования // Предпринимательское право. – 2018. – №1. – С. 48-60.

² Морхат П.М. Субсидиарная ответственность в делах о банкротстве как самостоятельная (основная) ответственность контролирующего должника лица за нарушение обязанности действовать добросовестно и разумно по отношению к кредиторам подконтрольного лица // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2019. – № 4. – С. 68 - 79.

16.12.2019 №303-ЭС19-15056 указание на нераспространение на наследников презумпций, применимых при доказывании субсидиарной ответственности, отсутствует. На основании чего следует вывод о том, что все презумпции по доказыванию субсидиарной ответственности применяются и к наследникам. Однако данная позиция не лишена недостатков.

Во-первых, она противоречит цели установления презумпций, которой является устранение неравенства между неосведомленными в делах кредиторами и контролирующим должника лицом, которое может предоставить значительное число доказательств в обоснование своей позиции. Лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности, обладает полной информацией о своей деятельности, в связи с чем, ему легче представить доказательства, а, следовательно, опровергнуть презумпцию контролирующего должника лица. Однако в той ситуации, когда речь идет о наследниках, данный информационный дисбаланс исчезает, поскольку наследники в большинстве случаев не обладают информацией о деятельности наследодателя.

Во-вторых, обособленный спор о привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности часто возникает в давно начавшемся процессе, когда в отношении ряда обособленных споров (например, об оспаривании сделок) уже были вынесены определения суда. Получается, что наследники не имели возможности участвовать в основном процессе и повлиять на уменьшение размера требований, которые впоследствии будут к ним предъявлены.

Более того, вышеуказанное определение Верховного суда Российской Федерации не дает ответа на вопрос о лице, являющемся представителем в споре в момент, когда наследники еще не успели вступить в наследство. В такой ситуации наследственная масса до принятия наследства находится без защиты, что дает кредиторам возможность просудиться без какого-либо оппонирования со стороны контролирующего лица, что в свою очередь является нарушением принципа состязательности сторон.

Обобщая изложенное, следует сказать о том, что с целью предоставления наследникам возможности ознакомления с материалами дела, их подробного изучения, а также соблюдения принципов равенства и защиты интересов наследников необходимо закрепить на законодательном уровне обязанность суда по приостановлению производства по делу о банкротстве до вступления наследников в наследство.

В-третьих, в случаях, когда размер субсидиарной ответственности равен стоимости наследственного имущества либо превышает его, принятие наследства становится нецелесообразным, а также влекущим дополнительные расходы наследников на участие в судебном процессе. Во избежание такой ситуации потенциальные наследники должны иметь возможность ознакомления с материалами дела о банкротстве до принятия наследства, несмотря на то, что формально они не являются лицами, участвующими в деле. Такой механизм предоставил бы потенциальным

наследникам возможность выбора принятия или отказа от наследства, «обремененного» субсидиарной ответственностью, а также позволил бы предупредить несение неоправданных расходов на его оформление.

В-четвертых, к моменту предъявления требования о привлечении к субсидиарной ответственности наследственная масса может быть уже растрочена, что приведет к тому, что наследники уйдут в «минус». В соответствии с п. 5 ст. 61.14 Закона о банкротстве¹ срок на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности равен 3 годам с момента, когда лицо узнало или должно было узнать о наличии оснований, но не позднее 3 лет со дня признания должника банкротом и не позднее 10 лет с момента возникновения оснований для привлечения к субсидиарной ответственности. Итак, наследники не защищены от возможных притязаний к наследственной массе в течение продолжительного периода времени.

Таким образом, позиция Верховного суда РФ о возможности привлечения к субсидиарной ответственности наследников, несмотря на обязанность судов оказывать им содействие в сборе доказательств, не в полной мере соответствует принципу равенства участников гражданского оборота, а также справедливости и, безусловно, требует дальнейшего совершенствования.

Привлечение к субсидиарной ответственности является сложным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов, ввиду того, что определение контролирующего должника лица на практике весьма долгая и кропотливая процедура. Более того, в настоящее время арбитражные суды, рассматривая заявления о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по обязательствам несостоятельного предприятия, расширяют круг лиц, к которым возможно предъявить соответствующее требование, в связи с чем, в судебной практике зачастую возникает неопределенность.

СУЩНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КРЕДИТА КАК ПРАВОВОЙ КАТЕГОРИИ

Мирзоян С.И. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Рахматуллина О.В.

Государственный кредит является достаточно важным финансовым инструментом регулирования как общенациональных, так и региональных экономико-правовых отношений. Вместе с тем, в современном российском законодательстве понятие государственного кредита прямо не закреплено, в связи с чем возникает вопрос о необходимости или, напротив, об отсутствии

¹Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

необходимости внесения изменений в действующие нормативные правовые акты.

В правовой науке же складываются различные позиции относительно определения понятия государственного кредита, разработаны несколько подходов к его детерминированию.

По мнению М.В. Карасевой, государственный кредит – это самостоятельный институт финансового права, представляющий собой совокупность финансово-правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе привлечения государством временно свободных денежных средств юридических и физических лиц на условиях добровольности, возвратности, срочности и возмездности в целях покрытия бюджетного дефицита и регулирования денежного обращения¹.

Такой же позиции придерживаются И.И. Кучеров², а также экономисты С.И. Берлин³, Г.В. Попова⁴.

Согласно иному подходу, категории «кредитная деятельность государства» и «государственный кредит» являются взаимосвязанными, а значит, если в процессе осуществления кредитной деятельности государство может выступать как в качестве заемщика, так и кредитора, то и категория «государственный кредит» также должна охватывать как государственное заимствование, так и государственное кредитование. Такую позицию разделяют Е.Ю. Грачева⁵, А.А. Евтеева⁶.

В соответствии с третьим подходом к пониманию государственного кредита допускается расширительное толкование указанного понятия как отношений, в которых государство предстает не только в качестве кредитора или должника, но и гаранта исполнения обязательств третьих лиц (Л.Г. Вострикова⁷, С.С. Карпов⁸, А.В. Карташов⁹, Ю.А. Крохина¹).

¹ Финансовое право Российской Федерации: Учебник / Отв. ред. М.В. Карасева. – М.: Юристъ, 2004. – С. 448-449.

² Финансовое право: учебник / под ред. И.И. Кучерова. М.: Эксмо. 2011. С. 255.

³ Берлин, С. И. Теория финансов: Учебное пособие. – М.: Изд-во «Приор», 2000. С. 106.

⁴ Попова, Г. В. Государственный кредит и его роль в финансировании бюджетного дефицита: учебное пособие. – Ростов н/Д: РГЭА, 1999. – С. 5.

⁵ Финансовое право: учеб. – 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. Е. Ю. Грачевой, Г.П. Толстопятенко. – М.: Проспект, 2010. – С. 274.

⁶ Евтеева А.А. Правовые основы государственного кредита в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Евтеева, Анна Анатольевна. – Москва, 2003. – С. 59-60.

⁷ Вострикова, Л.Г. Финансовое право: учебник для вузов. - 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2009. – С. 153.

⁸ Карпов, С.С. Финансово-правовые основы государственного кредита в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 // Карпов, Сергей Сергеевич. – Москва, 2011. – С. 26.

⁹ Карташов, А.В. Государственный кредит как инструмент реализации регулирующей функции финансов: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / Карташов, Александр Викторович. – Москва, 2006. – С. 22.

Несмотря на то, что последний из указанных подходов на сегодняшний день получил наибольшее распространение в научной среде, большинство его последователей, включая в состав отношений по государственному кредиту отношения по предоставлению государственных гарантий, либо обуславливают это неразрывной связью с кредитными отношениями (через гарантирование возврата кредитов), либо вовсе никак не комментируют свою позицию.

Однако, на наш взгляд, с указанным мнением довольно легко поспорить. Заем и гарантия являются различными видами обязательств, существующих в рамках разных видов общественных отношений. Заем осуществляется в рамках кредитного отношения на условиях возвратности, срочности и возмездности. Гарантия же является одним из способов надлежащего обеспечения исполнения обязательств третьего лица.

Богданова А. В. предлагает рассматривать государственный кредит в узком аспекте как совокупность кредитных отношений с участием государства на стороне кредитора или заемщика и в широком аспекте – как урегулированные нормами права общественные отношения по поводу получения и предоставления государством денежных средств физическим и юридическим лицам и иным субъектам права, приводящие к формированию государственного долга или государственных долговых активов (долга перед государством)².

На сегодняшний момент прослеживается тенденция к расширению понятия государственного кредита за счет включения в него правоотношений, возникающих по поводу распределения государством денежных средств на кредитных началах.

Бюджетный кодекс Российской Федерации (далее – Бюджетный кодекс РФ, БК РФ) содержит лишь более узкое понятие «государственные заимствования», под которыми в соответствии со ст. 103 понимается привлечение от имени публично-правового образования заемных средств в бюджет публично-правового образования путем размещения государственных ценных бумаг и в форме кредитов, по которым возникают долговые обязательства публично-правового образования как заемщика³.

При этом согласно ст. 122 БК РФ выделяются государственный финансовый кредит и государственный экспортный кредит, как формы бюджетного кредита. Однако, эти термины применимы лишь в отношении внешних долговых требований Российской Федерации.

На сегодняшний день в научных кругах не выработано единого определения понятия государственного кредита, равно как и отсутствует

¹ Крохина Ю.А. Финансовое право России: учебник. - 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2008. – С. 610.

² Богданова, А. В. Правовое регулирование государственного кредита субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 // Богданова, Александра Викторовна. – Москва, 2017. – С. 14.

³ Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ (с изм. и доп. от 29 ноября 2021 г. № 384-ФЗ) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

законодательно закрепленное определение, что явилось причиной смешения понятий «государственный кредит», «государственный долг» и «государственный займ».

А.И. Худяков указывает на взаимосвязанность данных категорий финансового права, говоря, что понятия «кредит», «заем», «долг» и «ссуда» зачастую используются в качестве однозначных¹.

А.К. Саркисов отмечает, что государственный кредит диалектически взаимосвязан с такой финансово-правовой категорией, как государственный долг. Существование государственного кредита неминуемо ведет к образованию государственного долга².

Л.В. Заровная, анализируя данный вопрос, выдвигает версию, согласно которой государственный долг представляет собой результат функционирования государственного кредита³.

Вместе с тем, среди неоспоримых особенностей названного института необходимо отметить, что обязательным участником отношений по государственному кредиту является государство в лице Российской Федерации и ее субъектов. В связи с этим, несмотря на договорный характер указанного института метод правового регулирования преимущественно императивный. Предметом государственного кредита выступают денежные отношения.

Таким образом, принимая во внимание существующее многообразие научных мыслей относительно понимания государственного кредита, его следует определять как общественные отношения, урегулированные нормами права, по поводу получения и предоставления государством денежных средств физическим и юридическим лицам, публично-правовым образованиям и иным субъектам права, приводящие к формированию государственного долга или государственных долговых активов.

При этом, необходимо иметь в виду, что отсутствие в бюджетном законодательстве понятия государственного кредита, и, как следствие, разногласия в научной среде по данному вопросу неизбежно создают затруднения в правоприменении. Несомненно, наиболее благоприятным способом решения данной проблемы стало бы внесение изменений в действующий Бюджетный кодекс РФ.

¹ Худяков А.И. Правовые основы государственного и муниципального кредита // Финансовое право. – 2010. – № 3. – С. 10.

² Саркисов А.К. Финансово-правовое регулирование государственного кредита в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. – 2010. – № 1. – С. 12.

³ Заровная Л.В. О правовых категориях «государственный долг» и «государственный кредит» // Право и образование. – 2015. – № 3. – С. 171.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОРЯДКА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УСЛУГ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ

Мирославский А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.и.н. Ганина О.Ю.

На современном этапе развития общества правовое регулирование предоставления государственных услуг в электронной форме имеет значительную государственно-правовую ценность. По мнению Л.А. Бершадской, в процессе эволюции технологий электронного правительства происходит формирование новых демократических институтов – новых форм электронной демократии¹. Граждане и организации всё активнее взаимодействуют с государством. Электронная форма такого взаимодействия представляется наиболее удобной и совершенной, поскольку позволяет оперативно обмениваться информацией, избегая волокиты при обработке запросов, зачастую избавляет от необходимости бумажного оборота, а также сокращает общее время взаимодействия.

Определение государственной услуги закреплено законодательно. Согласно п. 1 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (далее – Федеральный закон № 210-ФЗ) государственная услуга – это «деятельность по реализации функций соответственно федерального органа исполнительной власти, государственного внебюджетного фонда, исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации, а также органа местного самоуправления при осуществлении отдельных государственных полномочий, переданных федеральными законами и законами субъектов Российской Федерации, которая осуществляется по запросам заявителей в пределах установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации полномочий органов, предоставляющих государственные услуги»². Перечень органов, предоставляющих государственные (муниципальные) услуги, является закрытым³.

¹ Бершадская Л. А. Электронные государственные услуги: структура потребления в России // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 5. – С. 7 – 9.

² Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изм. и доп. от 2 июля 2021 г. № 351-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2022).

³ Методические рекомендации по осуществлению антимонопольного контроля предоставления государственных (муниципальных) услуг, утверждены протоколом Методического совета ФАС России от 8 декабря 2010 г. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 11.02.2022).

Среди основных способов получения государственных услуг можно выделить следующие¹: лично; через представителя по доверенности; с использованием многофункциональных центров; с использованием порталов в сети Интернет.

М.В. Курганова справедливо отмечает, что электронный формат – лишь способ предоставления государственных услуг, способствующий, главным образом, увеличению эффективности государственного управления, изменению качества жизни населения, сами по себе электронные государственные услуги не следует рассматривать в качестве самостоятельного вида государственных услуг².

Анализируя дефиницию, изложенную в п. 6 ст. 2 Федерального закона № 210-ФЗ, можно выделить следующие признаки предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме³:

1. предоставление услуг осуществляется с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;
2. используется как единый портал, так и региональные порталы государственных и муниципальных услуг;
3. между органами публичной власти, организациями и гражданами осуществляется электронное взаимодействие.

Свойства и признаки электронных государственных услуг анализируются и в юридической литературе. Так, Н.Н. Щербинина выделяет следующие основные свойства электронных государственных услуг: это способ реализации государственного управления; ориентация на совершенствование эффективности деятельности органов государственной власти; обеспечение за счёт реализации передовых коммуникационных технологий⁴.

Одним из основных принципов предоставления государственных и муниципальных услуг является принцип возможности получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме, если это не запрещено законом.

¹ Логинова А. С., Шубина Е. А. Предоставление электронных государственных услуг в Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Российский юридический журнал. – 2018. – № 4. – С. 137 – 144.

² Курганова М. В. Популяризация электронных государственных услуг в Российской Федерации // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 7. – С. 106 – 109.

³ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» (с изм. и доп. от 2 июля 2021 г. № 351-ФЗ). URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 11.02.2022).

⁴ Щербинина Н. Н. Электронные государственные услуги в Российской Федерации: административно-правовой аспект: автореф. дис ... канд. юрид. наук. – Воронеж, 2017. – С. 8.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 2280¹ определены категории государственных (муниципальных) услуг в электронной форме, составляющие:

1) добровольный перечень (о возможности предоставления которых через Единый портал принимает решение высший орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации) – присвоение звания «Ветеран труда субъекта Российской Федерации», предоставление регионального материнского (семейного) капитала и др.;

2) обязательный перечень (услуги предоставляются через официальные сайты органов, с равноценной возможностью предоставления через Единый портал), например, государственный кадастровый учет и (или) государственная регистрация прав на недвижимое имущество и сделок с ним, прием налоговых деклараций по налогу на доходы физических лиц, и др.;

3) перечень равноценно предоставляемых услуг (предоставление которых осуществляется через Единый портал, при отсутствии возможности предоставления через региональный) – предоставление выписки из государственного лесного реестра, лицензирование фармацевтической деятельности и др.

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 861² урегулированы вопросы, касающиеся порядка ведения, функционирования, обеспечения доступа заявителей к федеральным государственным информационным системам, обеспечивающим предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг – от процедуры обращения за государственной услугой до определения порядка оплаты и предоставления результата государственной услуги. Определены общие требования к региональным порталам государственных и муниципальных услуг, в частности, доступ заявителей к сведениям об услугах, возможность регистрации и авторизации, передача истории обращений за услуги. Состав дополнительных требований к региональным порталам регулируется на уровне субъектов – определяется высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

В ходе проведенного исследования нами проанализированы нормативные правовые акты, методические материалы, научная литература по вопросу правового регулирования государственных услуг в электронной

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 2280 «О размещении сведений об отдельных государственных и муниципальных услугах в федеральной государственной информационной системе «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» и обеспечении возможности их предоставления с использованием указанной информационной системы // СЗ РФ. – 2021. – № 52 (часть I). – Ст. 9137.

² Постановление Правительства Российской Федерации от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» // СЗ РФ. – 2011. – № 44. – Ст. 6274.

форме, что позволяет сделать следующие выводы. Электронная форма взаимодействия граждан и организаций с государством наиболее предпочтительна в условиях развития информационных технологий, при этом электронный формат государственных услуг способствует повышению эффективности государственного управления. Электронные государственные услуги оказываются посредством порталов, требования к которым регулируются на федеральном и региональном уровнях.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ СВОБОДЫ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Мордвинова А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и
международного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Борисов Я.Е.

Международные документы, которые провозглашают свободу выражения мнения, свободу информации и право на доступ к информации (Всеобщая декларация прав человека, Конвенция по правам человека и Международный пакт о гражданских и политических правах), не содержат упоминания цензуры и, тем более, ее определения. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция) в ч. 5 ст. 291¹ впервые в истории России закрепила запрет цензуры. Конвенция по правам человека содержит следующую формулировку: «Каждый имеет право свободно выражать свое мнение без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей»². При буквальном толковании данной нормы можно сделать вывод: процесс реализации свободы выражения мнения должен проходить без процесса изъятия какой-либо части информации. Можно предположить, что в данном документе идет речь о запрете цензуры.

Толковый словарь определяет цензуру как систему государственного надзора³.

В комментариях к Конституции Е.Ю. Бархатовой, В.Д. Зорькина, Л.В. Лазарева также не дается определение цензуре. Так, Е.Ю. Бархатов утверждает, что не может быть лиц, надзирающих за работой средств массовой информации и обладающих правом запрещать распространение

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

² О защите прав человека и основных свобод: Конвенция (Рим, 4 нояб. 1950 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

³ Толковый словарь Ожегова онлайн [Электронный ресурс]. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=34707> (дата обращения: 08.02.2022).

какой-либо информации¹. В.Д. Зорькин и Л.В. Лазарев, соглашаясь с К. Экштайном, говорят, что запрет цензуры распространяется не только на свободу массовой информации, но и является содержанием всех основных прав и свобод. К этому следует добавить также интернет-сайты, так как они могут содержать всю перечисленную информацию. В совокупности это означает, что под запретом цензуры подразумевается запрет цензуры не только в контексте свободы массовой информации, но и в иных сферах, связанных с распространением какой-либо информации.

Таким образом, в настоящее время цензуру в общепринятом смысле можно понимать двояко: как контрольно-надзорный институт и как процесс изъятия какой-либо части информации по различным мотивам. При этом не уточняется, должно ли изъятие производиться органом государственной власти или иным органом. Если общепринятый смысл цензуры предположительно понятен, то с легальным определением цензуры ситуация обстоит сложнее.

Статья 3 Закона «О средствах массовой информации» определяет цензуру массовой информации как требование от редакции средства массовой информации предварительно согласовывать сообщения и материалы и налагать запрет на их распространение².

Аналогичное понимание цензуры содержится и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16, в данном документе упоминается исключительно редакция средства массовой информации, понятие «запрет цензуры» сужается до запрета цензуры в СМИ³.

Также можно предположить, что конституционный запрет цензуры, в первую очередь, говорит о запрете цензуры именно для средств массовой информации. Например, Е. В. Тарибо и С. А. Куликова выступают за то, чтобы считать запрет цензуры, в контексте свободы массовой информации, абсолютным и жестким запретом, который ограничивает дискрецию законодателя⁴.

И все же и эта позиция не находит своего подтверждения на практике. Так, в вышеупомянутом Постановлении Пленума ВС РФ говорится о том, что «несмотря на общий запрет цензуры положения ст. 56 и 87 допускают

¹ Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://constitution.garant.ru/science-work/comment/5817497/chapter/7a69fb6632f5876efd3160114_758a106/ (дата обращения: 08.02.2022).

² О средствах массовой информации: федер. закон от 27 дек. 1991 г. № 2124-1 (ред. от 01.05.2019) // Рос. газ. – 1992. – № 32.

³ О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 // Рос. газ. – 2010. – № 132.

⁴ Каракотов Р. М. Конституционно-правовые основы и проблемы реализации свободы массовой информации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 23 с.

возможность ограничения свободы массовой информации в качестве временной меры в условиях чрезвычайного или военного положения».

Следует заметить, что в данном решении Верховный Суд попытался устранить очевидное противоречие, заключающееся в том, что, с одной стороны, цензура применительно к СМИ запрещена, а с другой стороны, цензура в СМИ возможна в рамках чрезвычайного и военного положения. Для этого Верховный Суд апеллировал к положению ст. 56 Конституции, которое закрепляет основания для ограничения прав и свобод. На основании изложенного можно предположить, что Верховный Суд РФ исходит из того, что цензура полностью не запрещена. Р.М. Каракотов, несмотря на существующий конституционный запрет цензуры, считает возможным признание на законодательном уровне применения в России последующей цензуры продукции СМИ в целях защиты государства, общества, прав и свобод личности¹. М.С. Трофимов говорит о том, что необходимо толкование Конституционного Суда РФ ч. 5 ст. 29 Конституции РФ на предмет разрешения последующей и запрещения предварительной цензуры продукции средств массовой информации².

Противоположная точка зрения высказывается в особом мнении судьи Кононова, где говорится, что мнения, согласно которым цензура может выступать и в качестве меры обеспечения информационной безопасности, имея положительное содержание³, являются не только не этичными, поскольку оправдывают институт цензуры, который является грубым нарушением прав и свобод человека, но и антиконституционными, так как цензура запрещена Конституцией⁴.

Отдельно необходимо отметить специфический подход к определению цензуры в Интернете. Так, Рональд Дейберт, говоря о режиме интернет-цензуры в Китае, указывает, что интернет-цензура может состоять из сочетания обстоятельств, таких как: самоцензура, правовые ограничения, страх наказания и т. д. В свою очередь Freedom House выделяет следующие признаки цензуры: принудительное удаление контента, кибератаки,

¹ Каракотов Р. М. Конституционно-правовые основы и проблемы реализации свободы массовой информации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – 23 с.

² Трофимов М. С. Реализация права на свободу массовой информации в субъектах Российской Федерации, находящихся в пределах Южного федерального округа: автореф. дис.. канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2005. – 23 с.

³ Курсаев А. В., Терехов А. Ю. Уголовно-правовая оценка цензуры // Вестн. Казан. юрид. ин-та МВД России. – 2016. – № 3 (25). – С. 52-56.

⁴ По делу о проверке конституционности Указов Президента РФ от 23 авг. 1991 г. № 79 «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР», от 25 авг. 1991 г. № 90 «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР» и от 6 нояб. 1991 г. № 169 «О деятельности КПСС и КП РСФСР», а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР: постановление Конституционного Суда РФ от 30 нояб. 1992 г. № 9-П // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 11. – Ст. 400.

блокировка и фильтрация, заключение блогеров в тюрьмы, судебное преследование, манипулирование контентом, выключение интернета и т. д.¹.

Несмотря на различные подходы к закреплению положений о цензуре в конституциях различных государств или даже их отсутствие, противоречивость отечественной и зарубежной теории и практики, мы исходим из необходимости формирования единого подхода к определению понятия цензуры в рамках отечественной науки конституционного права. Ис этой точки зрения возникает вопрос о разнице между необходимым (допустимым) ограничением свободы информации и цензурой. Разграничение² этих понятий имеет значение для того, чтобы исключить отождествление ограничения свободы массовой информации от термина «цензура», чтобы институт цензуры не выступал в качестве возможной трактовки (фактически синонима) института допустимого ограничения свободы массовой информации, а был равнозначен недопустимому ограничению свободы.

О ПРАКТИКЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОСВЕННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Музирова И.М. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

Характерной особенностью современного цивилистического процесса является усиление его состязательности. Негативным последствием непредставления стороной суду необходимых и достаточных доказательств является недостижение целей ее участия в судопроизводстве.

В научной литературе выделяется несколько способов использования косвенных доказательств: в качестве самостоятельного средства установления искомых фактов, как средства подкрепления (ослабления)

¹ Spotlight on censorship. URL: <https://freedomhouse.org/article/spot-light-censorship> (датаобращения: 08.02.2022).

² Критерии для ограничения прав и свобод были выработаны Конституционным Судом РФ в Постановлении Конституционного Суда РФ от 14 нояб. 2005 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» и в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 февр. 2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 5 Федерального закона "О прокуратуре Российской Федерации" в связи с жалобой гражданина Б.А. Кехмана».

прямых доказательств, как обстоятельства, задающие для суда направление исследования по делу¹.

Анализ правоприменительной практики свидетельствует о широком применении косвенных доказательств в гражданском процессе. При этом в большинстве случаев суды положительно относятся к данному юридическому явлению как к виду доказательств, также позволяющему установить истину по делу.

Кроме того, косвенные доказательства позволяют выстроить систему непротиворечивых доказательств, то есть они служат подтверждением прямых доказательств. Так, например, в деле о возмещении работником суммы причиненного фактического ущерба суд установил отсутствие вины В. в причинении ущерба, указав, что АО «ПТК», работником которой является В., не были созданы достаточные условия для обеспечения сохранности своего имущества. Из решения суда следовало, что косвенным доказательством этого обстоятельства служит подтвержденное в судебном заседании опоздание прибытия на объект по поступившему сигналу на пульт охраны ООО ЧОП «Дельта» на одну минуту².

В другом случае косвенное доказательство (справка Никольской РБ № 824 от 13.06.2019 г., подтверждающая факт нахождения К. в родильном отделении в период с 10.04.1991 г. по 26.04.1991 г.) в совокупности с иными помогло установить факт постоянного проживания К. на территории г. Никольска, что позволило признать решение УПФР г. Городище Пензенской области в части отказа в зачете периода в льготный стаж К. в целях назначения ей досрочной страховой пенсии по старости с учетом снижения пенсионного возраста в связи с тяжелыми условиями труда и проживанием на территории с льготно-экономическим статусом³.

Достаточно часто в правоприменительной практике встречается ситуация, когда факт исполнения сторонами договора фиксируется посредством отражения в соглашении сведений о факте: оплата произведена полностью, товар передан, работы выполнены и т.д. Однако, иные доказательства (платежные документы, акт приема-передачи и т.д.) отсутствуют.

Изучение судебных решений позволяет констатировать отсутствие единообразного подхода в разрешении судами данного вопроса. В одних случаях суды перераспределяют бремя доказывания и предлагают несогласной стороне доказать, что в действительности отраженные в соглашении факты не имели место быть (отрицательный факт). Так, например, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ

¹ Осипов Ю.К. Косвенные доказательства в советском гражданском процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1954. – С. 7.

² Решение Белорецкого городского суда Республики Башкортостан по делу № 2-1159/2020 от 10 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Решение Никольского районного суда Пензенской области по делу № 2-205/2020 от 29 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.02.2022).

указывает, что факт платежа может подтверждаться не только платежными документами, но и указанием в договоре на то, что расчет полностью произведен до заключения договора или что подписание договора подтверждает факт передачи заемщику определенной суммы денег. В такой ситуации бремя доказывания того, что фактически деньги заемщику не передавались, лежит на самом заемщике¹.

Напротив, Центральный районный суд Калининграда указал, что само по себе указание в договоре купли-продажи на то, что оплата производится в момент передачи морского судна по акту приема-передачи в отсутствие доказательств фактической передачи продавцу денежных средств, не свидетельствует об оплате имущества покупателем².

Правоприменительной практике известны случаи, когда судом в основу судебного решения были положены исключительно косвенные доказательства, с помощью которых был установлен искомый факт. Так, например, суд в своем решении указал, что косвенным доказательством заключения между сторонами договора купли-продажи пиломатериалов служит выписка из ЕГРЮЛ, согласно которой С. является индивидуальным предпринимателем, основным видом деятельности которого указывается оптовая торговля лесоматериалами, а также карточка предприятия, генеральным директором которого является Р. Таким образом, у сторон имелись основания для заключения договора купли-продажи пиломатериала³.

В другом случае на основании косвенного доказательства судом был установлен факт, что Б. предпринимались меры, связанные с компенсацией расходов на лечение ребенка⁴. В основу решения Сергиево-Посадского городского суда легло заключение эксперта. При этом суд, ссылаясь на ст. 86 ГПК РФ, указал, что сведения о фактах, изложенных в заключении эксперта, могут быть использованы в качестве косвенных доказательств и наряду с другими фактическими данными являться положительными или отрицательными аргументами. Не доверять заключению экспертизы у суда оснований не имеется⁵.

Сложность использования косвенных доказательств для установления истины по делу обусловлена их различной степенью убедительности,

¹ См., например: Определение СК по гражданским делам ВС РФ от 17 июля 2018 г. № 46-КГ18-20. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.02.2022). Определение СК по гражданским делам ВС РФ 29 января 2019 г. № 4-КГ18-93. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.02.2022).

² Решение Центрального районного суда г. Калининграда по делу № 2-1280 от 20 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.02.2022).

³ Решение Уссурийского районного суда Приморского края по делу № 2-2206/2020 от 8 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.02.2022).

⁴ Решение Гурьевского районного суда Калининградской области по делу № 2-2130/2019 от 2 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.02.2022).

⁵ Решение Сергиево-Посадского городского суда по делу № 2-2011/2020 от 3 июля 2020 г. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 26.02.2022).

которая, в свою очередь, зависит от устанавливаемого этим доказательством факта. Определить относимость косвенных доказательств значительно труднее ввиду малозаметной их связи с предметом доказывания, а их значение для дела может быть определено лишь после рассмотрения в совокупности с другими имеющимися в деле доказательствами, в том числе и косвенными¹.

По мнению Д.И. Смольникова, косвенные доказательства не дают судье полной картины произошедшего события, оставляя место сомнению, что напрямую может влиять на субъективное восприятие (внутреннее убеждение)².

Из этого следует, что прямые и косвенные доказательства не следует противопоставлять друг другу, между ними не должно быть иерархии. Частое применение в практике судов общей юрисдикции косвенных доказательств обусловлено наличием (отсутствием) прямых доказательств, соответствующих фактам объективной действительности. Любое доказательство, независимо от того, относится ли оно к числу прямых или косвенных, должно восприниматься критически и подлежать оценке на общих основаниях.

Таким образом, представляется возможным вынесение решения, основанного исключительно на оценке косвенных доказательств, при отсутствии прямых. Возможным средством разрешения существующей в правоприменительной практике проблемы применения косвенных доказательств может стать, в частности, разъяснение правил их использования и оценки на уровне высшей судебной инстанции, а также обобщение судебной практики по отдельным категориям дел.

ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПО ДЕЛАМ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ (УДОЧЕРЕНИИ)

Музычук А.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н Буянова Е.В.

На сегодняшний день перед обществом стоят фундаментальные цели – построение демократического правового государства, гражданского общества. В этой связи обеспечение и защита прав и законных интересов детей является одним из важнейших направлений деятельности государства. Дети – это ячейка гражданского общества, от которой зависит дальнейшее

¹ Осипов Ю.К. Косвенные доказательства в советском гражданском процессе: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Свердловск, 1954. – С. 7.

² Смольников Д.И. Косвенные доказательства в гражданском судопроизводстве России: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2015. – С. 17.

благополучие и процветание государства. Примерно до середины 20 века ребенок не расценивался как обладатель каких-либо прав. С древних времен положение детей определялось главенствующим положением отца в семье¹. Осознав значимость определения правового статуса ребенка, законодатель начал модернизировать правовые основы путем регулирования и укрепления мер по защите несовершеннолетних. В 1990 г. Россия ратифицировала Конвенцию о правах ребенка, принятую 20 ноября 1989 г. на 44-ой сессии Генеральной ассамблеи (далее – Конвенция о правах ребенка)². Следствием этого явилось обновление российского законодательства в области определения и защиты правового статуса несовершеннолетнего. Согласно ст. 1 Конвенции о правах ребенка ребенком является каждое человеческое существо до достижения 18-летнего возраста, если по закону он не достигает совершеннолетия ранее. Последнее положение определяется по национальному законодательству государства.

На сегодняшний день институт семьи – это сложный социальный феномен, где при благоприятных отношениях реализуются потребности человека. Право ребенка на семейное воспитание биологическими родителями не всегда реализуемо в связи с наличием различных обстоятельств. Конвенцией о правах ребенка провозглашено, что ребенку для полного и гармоничного развития его личности необходимо расти в семейном окружении, в атмосфере счастья, любви и понимания. Государство создает условия для полноценного воспитания ребенка в семье, в частности, определяет формы воспитания детей, оставшихся без попечения родителей: усыновление (удочерение), опека и попечительство, приемная семья, патронатная семья, передача в организации для детей сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (ст. 123 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ³)). Приоритетной формой устройства детей, оставшихся без попечения родителей является усыновление, поскольку усыновленные дети и их потомство по отношению к усыновителям и их родственникам приравниваются в личных неимущественных и имущественных правах и обязанностях к родственникам по происхождению. Усыновление осуществляется посредством особого производства, который характеризуется отсутствием спора о праве и сторон. Однако, по данным делам участвует заявитель и других заинтересованные лица. Заявителями являются лица или лицо, желающее усыновить ребенка. Заинтересованными лицами выступают биологические родители. Органы опеки и попечительства вступают в процесс как орган государственной власти для дачи заключения по делу в защиту интересов несовершеннолетних. Согласно ст. 125 СК РФ в

¹ Мазанко Д.А., Ильина В.С. Правовой статус ребенка в Российской Федерации. – М., 2016. – С. 62.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) (вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. – 1993.

³ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп.от 2 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

делах об усыновлении обязательное участие принимает прокурор в форме дачи заключения по делу.

Таким образом, всех лиц, участвующих по делам об усыновлении, можно разделить на две группы: лица, имеющую личную заинтересованность в исходе дела (заявитель, заинтересованные лица), и лица, имеющую государственную заинтересованность в исходе дела (орган опеки и попечительства, прокурор)¹.

Вопрос о процессуальном положении усыновляемого ребенка является дискуссионным, поскольку в законодательстве Российской Федерации не определено его положение. Как отмечает С.А. Иванова, правильное определение процессуального положения лиц, участвующих в деле, имеет большое теоретическое и практическое значение, поскольку от этого зависит круг процессуальных прав и обязанностей участников процесса². Отсутствие в законодательстве Российской Федерации четко закрепленного процессуального положения несовершеннолетнего можно объяснить двумя причинами. Во-первых, отсутствие у несовершеннолетнего полной дееспособности. Так, согласно ст. 37 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (ГПК РФ)³ способность своими действиями осуществлять процессуальные права, выполнять процессуальные обязанности принадлежит в полном объеме гражданам, достигшим возраста восемнадцати лет. Согласно Постановлению Пленума Верховного суда РФ от 20 апреля 2006 года № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел об усыновлении (удочерении) детей»⁴ с четырнадцати до восемнадцати лет ребенок по делам об усыновлении подлежит обязательному привлечению. Статьей 273 ГПК РФ предусмотрено, что заявление об усыновлении может рассматриваться с участием ребенка в возрасте от десяти до четырнадцати лет. Таким образом, с одной стороны, у ребенка, не достигшего возраста 18 лет, отсутствует полная гражданская дееспособность, однако с десяти до четырнадцати лет он может быть привлечен к участию в деле, а с четырнадцати до восемнадцати лет его привлечение является обязательным.

В настоящий момент процессуальное положение несовершеннолетнего по делам об усыновлении не определено в законодательстве Российской Федерации. Следствием этого является отсутствие закреплённого статуса в

¹ Мардахаева П.Н. Лишение родительских прав как мера семейно-правовой ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 15.

² Иванова С.А. Судебные споры о праве на воспитание детей. – М., 1974. – С. 59.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г. № 243-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532; 2018. – № 47. – Ст. 7523.

⁴ Постановление Пленума Верховного суда РФ от 20 апреля 2006 г. № 8 «О применении судами законодательства при рассмотрении судами дел об усыновлении (удочерении) детей» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2006. – № 10.

решениях суда об усыновлении. При необходимости указания в решениях суда на усыновленного ребенка используется термин «несовершеннолетний».

В силу статьи 57 СК РФ ребенок может быть заслушан в ходе любого судебного или административного разбирательства независимо от возраста, если его участие в деле не будет противоречить его интересам и затрагивать основополагающий принцип тайны усыновления. В данном случае при заслушивании мнения ребенка можно рассмотреть его процессуальное положение в качестве свидетеля. Согласно ст. 69 ГПК РФ свидетелем является лицо, которому могут быть известны какие-либо сведения об обстоятельствах, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела. Однако, свидетель не является лицом, участвующим в деле, субъектом материально-правовых отношений и не имеет юридической заинтересованности в исходе дела.

Полагаем наиболее правильным определять процессуальное положение несовершеннолетнего по делам об усыновлении в качестве заинтересованного лица, поскольку при рассмотрении заявления об усыновлении и вынесении решения затрагиваются его права, свободы и законные интересы. Отсутствие у ребенка полной дееспособности не является основанием, которое препятствует ему участвовать в судебном процессе. Однако, с учетом отсутствия полной дееспособности у несовершеннолетних, по нашему мнению, необходимо определить обязательное участие представителя, не заинтересованного в исходе дела с высшим юридическим и педагогическим образованием.

ПОНЯТИЕ И КРИТЕРИИ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Назарян Ш. – магистрант Оренбургского института (филиала) ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА»).

Научный руководитель – профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права, д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Принятие Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹ способствовало оформлению на законодательном уровне формы осуществления гражданами предпринимательской деятельности без государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. Возможность ее осуществления предусматривается в отношении отдельных видов деятельности, установленных законом. В целях легализации дохода таких физических лиц был принят Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению

¹ Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 199-ФЗ «О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2017. – № 31 (часть I). – Ст. 4748.

специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – Закон № 422-ФЗ)¹. Ключевая задача легализации состоит в определении субъектов, вводимых в правовое поле в качестве налогоплательщика. Для раскрытия содержания отношений, связанных с налогом на профессиональную деятельность, используется термин «самозанятые граждане».

Законодательное закрепление понятия «профессиональный доход» не способствовало раскрытию содержания понятия «самозанятый». Правовая природа деятельности самозанятых граждан может быть квалифицирована в качестве предпринимательской, трудовой, приносящей доход либо иной экономической деятельности².

Успешному разрешению ряда практических вопросов будет способствовать формулирование понятия «самозанятый гражданин» и определение его места в системе других (известных) понятий, отражающих формы экономической деятельности граждан.

Сущность понятия «самозанятость» раскрывается в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 г.³, в Разделе 5 которой таковой рассматривается в качестве субъекта, осуществляющего приносящую доход деятельность и не зарегистрированного в качестве индивидуального предпринимателя.

Такая дефиниция позволяет рассматривать понятия «предпринимательство» и «самозанятость» как однокоренные, содержание которых составляет деятельность, приносящая прибыль (доход). Отличаются они друг от друга по признаку формальной легализации. Индивидуальные предприниматели зарегистрированы официально в этом качестве, а самозанятые граждане – нет.

В правоприменительной практике отсутствует единообразная трактовка исследуемого понятия. Так, например, в Определении Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 1144-О к числу самозанятых граждан отнесены нотариусы и адвокаты⁴, чья деятельность не относится к предпринимательской. Напротив, в Определении Конституционного Суда РФ

¹ Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (в ред. от 8 июня 2020 г. № 166-ФЗ) // СЗ РФ. – 2018. – № 49 (часть I). – Ст. 7494; 2020. – № 24. – Ст. 3740.

² Ершова И.В. Экономическая деятельность: понятие и соотношение со смежными категориями // *Lex russica*. 2016. N 9 (118). С. 46 - 61; Она же: Понятие предпринимательской деятельности в теории и судебной практике // *Lex russica*. 2014. – Т. ХСVI. – №N 10. – С. 2142 - 2150.

³ Распоряжение Правительства РФ от 02 июня 2016 г. № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. – 2016. – № 24. – Ст. 3549.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2016 г. № 1144-О // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2016. – № 6.

от 29 мая 2014 г. № 1116-О самозанятые граждане определены как индивидуальные предприниматели¹.

В научной литературе также отсутствует единый подход к понятию и месту самозанятых граждан в системе субъектов правоотношений. По мнению Ж.Г. Попковой к их числу следует отнести три группы граждан:

«1) индивидуальные предприниматели;

2) адвокаты, нотариусы, занимающиеся частной практикой, арбитражные управляющие, оценщики, медиаторы, патентные поверенные и иные лица, занимающиеся в установленном законодательством Российской Федерации порядке частной практикой;

3) физические лица, не являющиеся индивидуальными предпринимателями и оказывающие без привлечения наемных работников услуги физическому лицу для личных, домашних и (или) иных подобных нужд»².

Е.А. Абрамова, учитывая предлагаемую Международной организацией труда классификацию экономически активного населения, к числу самозанятых граждан относит:

1) владельцев микро и малых предприятий;

2) предпринимателей, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица;

3) занятые в домашнем хозяйстве граждане³.

Ученый отмечает, что «статическим признаком, позволяющим отделить самозанятых граждан от наемных работников, является самостоятельное обеспечение себя работой за счет организации и руководства собственным делом»⁴.

Е.Г. Крылова самозанятых граждан относит к числу граждан-предпринимателей, наделенных особым статусом⁵. Они самостоятельно занимаются своей деятельностью. Однако, последняя напрямую связана с экономическими рисками и в качестве основной цели преследует извлечение прибыли от оказания услуг, выполнения работ, производства товаров. Занятие индивидуальной предпринимательской деятельностью в данном случае осуществляется в целях получения средств к существованию. Это, указывает Е.Г. Крылова, исключает необходимость устраиваться на работу⁶.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2014 г. № 1116-О. URL:<http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.12.2020).

² Попкова Ж.Г. Новая категория самозанятых лиц: проблемы правового статуса // Право и экономика. – 2017. – № 2. – С. 5.

³ Абрамова Е.А. Кризисная самозанятость в России: квалификация, структура и уровни развития // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2012. – № 4. С. 6.

⁴ Там же. – С. 6.

⁵ Крылова Е.Г. Особенности экономического регулирования предпринимательской деятельности самозанятых в России и за рубежом // Юрист. – 2017. – № 6. – С. 11.

⁶ Там же. – С. 11.

Учитывая положения Федерального закона от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования»¹ А.В. Бурлак к числу самозанятых граждан причисляет к группе лиц, самостоятельно обеспечивающих себя работой². Самозанятые граждане, отмечает ученый, одновременно являются собственниками капитала, работодателями и управленцами.

С теоретической и практической точек зрения особую актуальность приобретает вопрос о соотношении самозанятых граждан с индивидуальными предпринимателями. Действующее законодательство проводит различие между ними по признаку предоставляемых налоговых льгот и других преимуществ.

В ч. 2 ст. 4 Закона № 422-ФЗ закреплён перечень видов деятельности, которые не вправе осуществлять самозанятые граждане. К таким относятся:

1) лица, осуществляющие реализацию подакцизных товаров и товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации в соответствии с законодательством Российской Федерации;

2) лица, осуществляющие перепродажу товаров, имущественных прав, за исключением продажи имущества, использовавшегося ими для личных, домашних и (или) иных подобных нужд;

3) лица, занимающиеся добычей и (или) реализацией полезных ископаемых;

4) лица, имеющие работников, с которыми они состоят в трудовых отношениях;

5) лица, ведущие предпринимательскую деятельность в интересах другого лица на основе договоров поручения, договоров комиссии либо агентских договоров, если иное не предусмотрено пунктом 6 настоящей части;

6) лица, оказывающие услуги по доставке товаров с приемом (передачей) платежей за указанные товары в интересах других лиц, за исключением оказания таких услуг при условии применения налогоплательщиком зарегистрированной продавцом товаров контрольно-кассовой техники при расчетах с покупателями (заказчиками) за указанные товары в соответствии с действующим законодательством о применении контрольно-кассовой техники;

7) лица, применяющие иные специальные налоговые режимы или ведущие предпринимательскую деятельность, доходы от которой облагаются налогом на доходы физических лиц, за исключением случаев, предусмотренных частью 4 статьи 15 Закона № 422-ФЗ;

¹ Федеральный закон от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования» (с изм. и доп. от 03 августа 2018 г. № 306-ФЗ) // СЗ РФ. – 1999. № 29. – Ст. 3686; 2018. – № 32. – Ст. 5099.

² Бурлак А.В. К вопросу о понятии «самозанятые граждане» // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2016. – № 4(49). – С. 173.

8) налогоплательщики, у которых доходы, учитываемые при определении налоговой базы, превысили в текущем календарном году 2,4 миллиона рублей.

С точки зрения гражданско-правового подхода в отношении индивидуального предпринимателя применяются правила ГК РФ о деятельности коммерческих организаций (за отдельными исключениями). Различны применяемые нормы об ответственности, их несостоятельности (банкротстве), режима обязательств (п. 2 ст. 322, п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Системный анализ положений ст. 83, п. 70 ст. 217 ГК РФ позволяет выделить налогово-правовые признаки самозанятых граждан:

– постановка на учет в налоговом органе по месту жительства в любом налоговом органе;

– осуществление определенных видов деятельности, доходы от которой не подлежат налогообложению (в том числе, репетиторство, уборка жилых помещений, ведение домашнего хозяйства и др.).

Руководствуясь вышеизложенным, выделим признаки самозанятых граждан:

– самостоятельность осуществления деятельности;

– выполнение установленных законодательством перечней видов деятельности;

– осуществление деятельности без привлечения наемных работников;

– отсутствие трудового договора с работодателем.

Итак, самозанятые граждане – физические лица, не зарегистрированные в качестве индивидуального предпринимателя, осуществляющие основанные на личном участии и в соответствии с установленным законодательством виды деятельности в целях удовлетворения личных, домашних и (или) иных нужд и предоставившие в налоговый орган уведомление об осуществлении указанной деятельности. Сам термин «самозанятые граждане» в первую очередь выступает категорией налогового законодательства РФ.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕНИЯ И ИСПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ КОНТРАКТОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Никитенко М.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

В настоящее время все государственные бюджетные учреждения осуществляют закупку на контрактной основе, когда оплата подрядчикам (исполнителям) производится за счет средств, предоставляемых из бюджетов бюджетной системы Российской Федерации и иных средств, в соответствии с

требованиями Федерального законодательства, а именно: Федерального закона от 5 апреля 2013 года № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»¹. Согласно названному Федеральному закону, государственным контрактом признается гражданско-правовой договор, предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) и который заключен от имени Российской Федерации, государственным заказчиком для обеспечения государственных нужд. Основная цель при заключении государственного контракта, которая стоит как перед государственным заказчиком, так и перед организацией, является достижение наиболее выгодных условий. Однако, при его заключении может возникнуть ряд трудностей.

Одной из основных трудностей при заключении государственного контракта является сложная процедура участия в аукционе, а также повышенные требования к самим организациям, невыполнение которых может привести к тому, что организация будет занесена в реестр недобросовестных поставщиков, и, как следствие, лишится не только возможности заключить желаемый контракт, но и получит определенные ограничения на участие в торгах в течение двух лет.

Наиболее распространенными основаниями для отказа при проведении процедуры закупок являются:

- не предоставление документов, определенных Федеральным законом № 44-ФЗ, либо предоставление ложных или недостоверных сведений;
- несоответствие заявки требованиям документации;
- наличие у главного бухгалтера, руководителя организации или членов органов управления организации судимостей за экономические преступления;
- несоответствие участника закупки установленным требованиям;
- наличие организации в реестре недобросовестных поставщиков.

Кроме общепринятых оснований прекращения процедуры заключения государственного контракта, которые перечислены выше, существует так же ряд проблем встречающихся на этапах заключения и исполнения государственных контрактов. Наиболее часто встречающимися из них являются:

а) одной основной из основных проблем является акцент на стоимости закупки. Данный вопрос возникает в связи с тем, что зачастую, снижая цену государственного контракта, государственный заказчик получает не только менее компетентного поставщика, но и более низкое качество товаров, работ

¹ Федеральный закон от 05.04.2013 №44-ФЗ (ред. от 30.12.2021) « О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) / СПС КонсультантПлюс, www.consultant.ru. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144624/ (дата обращения: 10.01.2022).

и услуг. В связи с этим государству необходимо переплачивать, чтобы достигнуть определенного соотношения «цена-качество», поскольку занижение качества товаров, работ и услуг ведет к более быстрому износу материалов или к фактическому сокращению объема услуг, например, за счет отказа исполнителя совершать сопутствующие действия для улучшения качества работы.

б) проблемы с финансовым сопровождением государственных контрактов. В данном случае речь идет о «Казначейском сопровождении». Это связано с тем, что органы федерального казначейства выдвигают определенные требования, которые затрагивают как непосредственно процесс заключения государственного контракта (форма составления, сложность в формулировке некоторых пунктов контракта, формирование лицевых счетов для государственных контрактов по оборонным заказам, с последующим оформлением документации для получения организациями – исполнителями средств, полагающихся им за выполнение контракта), так и дальнейшему исполнению по нему (оплата, где органами казначейства выдвигаются определенные требования к форме документа, по которому производится оплата в рамках государственного контракта). Кроме того, казначейство отслеживает изменения в государственных контрактах посредством проверки дополнительных соглашений и утверждения внесенных изменений в уже действующий государственный контракт. Изменения вносятся в части стоимости контракта, в части изменения реквизитов сторон и в иных случаях, являющихся существенными для работы обеих сторон в рамках действующего государственного контракта, а также в случае изменений законодательства Российской Федерации, которые касаются условий контракта¹. Существующее расширенное сопровождение позволяет не только контролировать движение целевых средств по каждому государственному контракту, но и проконтролировать достижение целей государственных организаций².

в) проблемы, связанные с описанием объекта закупки. Данный вопрос чаще всего встает в информационных и высокотехнологичных отраслях, при осуществлении закупки техники, программного обеспечения и сложного оборудования. В данном случае сложность составляет формирование краткого, емкого и доступного для широкого круга лиц описания предмета закупки. Стоит отметить, что описание не должно содержать аббревиатур, но возможно сокращение некоторых слов, если это не искажает общего смысла.

г) проблема применения регулирующих норм из-за постоянных изменений и дополнений законодательства. Государственный контракт один

¹ Письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 19 августа 2014 г. № Д28и-1616 «О разъяснении положений Федерального закона от 5 апреля 2013 г. №44-ФЗ / ЭПС «Система ГАРАНТ», www.base.garant.ru. – URL: <http://www.base.garant.ru/70727672/> (дата обращения: 10.01.2022)

² Юдин В.А. Правовое регулирование казначейского сопровождения государственных контрактов // Финансовое право. __ 2018. __ N 7. __ С. 4 _ 48.

из самых строго регламентированных договоров, в нем государственный заказчик прописывает множество различных пунктов, таких как: цена контракта, сроки поставки, штрафные санкции, сроки оплаты, и даже проведение экспертиз. Однако, для составления грамотного, отвечающего всем нормам действующего законодательства государственного контракта, необходимо постоянно отслеживать изменения в законодательстве Российской Федерации, так как поправки внесенные в нормативно-правовые документы могут потребовать изменения условий действующих контрактов, для того чтобы заключенное ранее соглашение не противоречило действующему законодательству.

д) проблемы сложности процедур закупки. Государственный контракт может быть заключен только на основании результата закупочной процедуры. В Федеральном законе № 44-ФЗ выделяют следующие виды:

1. Конкурс (выделяют: открытый, с ограниченным участием, двухэтапный, закрытый, закрытый с ограниченным участием, закрытый двухэтапный).

2. Аукцион (электронный, закрытый).

3. Запрос котировок.

4. Запрос предложений.

5. Закупка у единственного поставщика.

Первые два способа являются конкурентными, основанными на принципе состязательности участников, посредством предложения заказчику более выгодных условий, чем у конкурента. Для заказчика негативным фактором является демпинг цен, который возникает в результате торгов. В результате этого проводятся особые проверки антимонопольного органа на законность действий организаций, желающих заключить государственный контракт.

Аукцион – это процедура, в которой побеждает тот, кто предложит самую низкую цену закупки, это добивается пошаговым снижением стоимости контракта. Основной проблемой является создание компетентной комиссии для совершения выгодной закупки, и недопущения демпинга цены государственного контракта.

Закупка у единственного поставщика – это процедура, при которой государственный контракт заключается с организацией-монополистом. Данный вид закупки не являющийся конкурентным. Существенной проблемой является цена контракта, поскольку нет конкуренции, цена существенно завышена.

Запрос котировок и запрос предложений – во многом схожие процедуры, в результате которых отбираются предложения, подходящие под требования к товару и работе. Отличие запроса предложений является дополнительные критерии отбора, в то время как в запросе котировок цена – это единственный критерий при определении поставщика.

В 2019 году появилась возможность проводить торги до 100 тысяч в электронном формате через единый агрегатор торговли «Березка». Данный

агрегатор является электронной площадкой для проведения торгов, где заказчик выставляет требования, которые будут предъявляться к исполнителю по государственному контракту, и подписывается договор с тем поставщиком, кто согласится на предложенные условия и представит более выгодную цену контракта.

Таким образом, можно сказать, что в настоящее время в Российской Федерации продолжается процесс корректировки законодательства в области государственных закупок. Данный процесс направлен на устранение коррупционных составляющих. В связи с этим происходит переход к полностью электронным процедурам размещения государственных контрактов, ужесточение требований к участникам торгов, ведется реестр недобросовестных поставщиков. Все эти меры направлены на совершенствование законодательства в области государственных закупок. Приведенные выше проблемы могут быть решены путем соблюдения требований Федерального закона № 44-ФЗ и совместной работой бюджетных учреждений с организациями-исполнителями по государственным контрактам.

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ СИСТЕМЫ ВНУТРЕННЕГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СООТВЕТСТВИЯ ТРЕБОВАНИЯМ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (АНТИМОНОПОЛЬНОГО КОМПЛАЕНСА)

Никулин В.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Антимонопольный комплаенс является новым институтом в правовой системе Российской Федерации, поэтому следует обратить внимание на определение данного термина. Если его переводить буквально (от английского compliance), то он означает “соответствие, подчинение” каким-либо требованиям или нормам, однако такой подход не выявляет всех признаков данной дефиниции, поэтому обратимся к формулировкам научного и экспертного сообщества, а также к иным источникам.

Ряд авторов понимают под комплаенсом систему мер, которые направлены на борьбу с нарушениями норм законодательства, игнорированием регламентов внутреннего характера и этических положений в бизнесе как управленцами, так и штатными сотрудниками¹.

Некоторые исследователи понимают комплаенс как управленческие процедуры, которые касаются лишь антикоррупционных действий:

¹ Дорикова Е. Антикоррупционный комплаенс: как избежать обвинения во взятке.
URL: [http:// www.garantra/artide/606329/#ixzz4xfF5gaNi](http://www.garantra/artide/606329/#ixzz4xfF5gaNi).

1. Оценка коррупционных рисков.
2. Выработка этических и правовых норм локального характера, целью которых является недопущение вовлечения компании и ее сотрудников в совершение правонарушений и преступлений коррупционной направленности.
3. Определение хозяйствующими субъектами применимых правовых норм.

Исходя из этих точек зрения, мы можем понять, что комплаенс-системы преследуют следующие цели: оценивание деятельности сотрудников с точки зрения соответствия принимаемых управленческих решений нормам законодательства для снижения финансовых и репутационных рисков из-за возможных правонарушений. Значит, комплаенс непосредственно связан с рисками. В науке существует специальный термин “комплаенс-риск”, означающий те потенциально возможные события, факторы и обстоятельства, которые возможно определить и вычислить, и которые влияют на наступление такого неблагоприятного события, как нарушение антимонопольного законодательства.

Если мы обратимся к стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период 2013-2024 годов¹, то обнаружим, что разработка и осуществление комплекса мер по адвокатированию антимонопольного комплаенса выступает в качестве основного направления сокращения антимонопольных правонарушений хозяйствующих субъектов. Кроме того, на ежегодной конференции «Антимонопольное регулирование в России» 2015 г руководитель ФАС И.Ю. Артемьев высказывался о необходимости определения антимонопольного комплаенса и механизме его действия². При этом он подчеркнул, что комплаенс-системы должны внедряться на добровольной основе, что соответствует общемировой практики³. Обязанность же возникает в тех случаях, если хозяйствующий субъект на добровольной основе принимают на себя обязательства по выработке комплаенс-программы.

В связи с этим при совместной работе ФАС России с представителями научного и экспертного сообщества в сфере конкурентного права в 2016 г. был разработан соответствующий законопроект. Авторы законопроекта утверждали, что добровольное принятие предпринимателями минимальных требований самоконтроля придаст дополнительный стимулирующий эффект, который будет способствовать снижению антимонопольных правонарушений, а значит и снижению штрафных санкций.

¹ URL: https://fas.gov.ru/netcat_files/File/Str_razv_konk_i_antimonop_reg.pdf

² URL: <https://events.vedomosti.ru/events/anti15/>

³ Аналитический доклад Управления по конкурентной политике Аналитического центра при Правительстве РФ «Антимонопольный комплаенс: текущая практика и перспективы развития». – 2015. – С. 18.

Чтобы понять, что проблемы с нарушениями антимонопольного законодательства действительно существуют, приведем слова заместителя руководителя Федеральной антимонопольной службы Российской Федерации Сергея Пузыревского: «Около 90% привлекаемых к ответственности юридических лиц, как правило, не понимают, какое именно нарушение законодательства о защите конкуренции они допустили. Внедрение в компании антимонопольного комплаенса способно, с одной стороны, повысить уровень знаний предпринимателей о возможных рисках и способах их устранения, а, с другой, снизить административную ответственность в том случае, если такой риск все же наступил. Важно, чтобы комплаенс был организован юридическим лицом до момента совершения такого правонарушения, а само нарушение антимонопольного законодательства на момент возбуждения административного дела было прекращено»¹.

Так, разработанный законопроект предлагал считать внедрение комплаенс-системы в компании обстоятельством, смягчающим административную ответственность за следующие правонарушения:

– злоупотребление доминирующим положением на товарном рынке (ст. 14.31 КоАП);

– манипулирование ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии (ст. 14.31.2 КоАП РФ);

– заключение ограничивающего конкуренцию соглашения, осуществление ограничивающих конкуренцию согласованных действий, координацию экономической деятельности (ст. 14.32 КоАП РФ);

– недобросовестную конкуренцию (ст. 14.33 КоАП РФ).

Видится, что такие меры положительно повлияли бы на внедрение комплаенс-систем в российских компаниях. Однако, существуют опасения намеренного избегания либо снижения ответственности посредством данного инструмента (формальное принятие комплаенс-системы)². Данный аспект относится уже к правовой культуре конкуренции в целом. Отметим, что подобный опыт уже имеет место в зарубежной практике. Пузыревский подчеркнул, что необходимо разработать формулу для привлечения к наказанию тех компаний, которые внедряют комплаенс преимущественно для ухода от ответственности³.

В Федеральной антимонопольной службе РФ считают, что внедрение комплаенса повысило бы знания предпринимателей в сфере антимонопольного законодательства, и как следствие, снизило количество

¹ Добрикова Е. «ФАС России: антимонопольный комплаенс-это механизм легальной минимизации рисков» 31.08.2017 URL: <http://www.garant.ru/news/1132698/>

² Громова Е.А. Антимонопольный комплаенс: проблемы внедрения / Е.А. Громова // Юрист. - 2017. - № 17. - С. 30-31.

³ Пузыревский С. О новых законодательных инициативах ФАС. «Обязательным комплаенс для бизнеса не будет» / С. Пузыревский // Газета Коммерсантъ. - 2018. - Июль. - С. 2.

правонарушений, и тем самым снизило нагрузку на антимонопольные органы¹.

1 марта 2020 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 33-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции», касающийся организации хозяйствующими субъектами системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства, но с некоторыми поправками. Так, были исключены поправки в КоАП РФ, содержавшие условие о смягчении административной ответственности для хозяйствующих субъектов, которые внедрили комплаенс-систему. В свою очередь данное обстоятельство не запрещает предпринимателям использовать факт наличия комплаенс-системы в качестве обоснования отсутствия вины. Это способно установить, были ли предприняты те меры, и была ли возможность их предпринять для предотвращения правонарушения. Однако, тем не менее, в данном случае всё будет зависеть от лояльности контролирующих и судебных органов.

Но Высший Арбитражный Суд Российской Федерации признавал, что с управляющего возможно взыскать ущерб, если из-за его недобросовестного поведения организация привлечена к административной ответственности вследствие некачественного контроля за сотрудниками или недостаточной организации в системе управления²

Закон закрепляет легальное определение антимонопольного комплаенса, под которым понимается совокупность правовых и организационных мер, предусмотренных внутренним актом (внутренними актами) компании (или группы компаний) и направленных на соблюдение требований антимонопольного законодательства и предупреждение его нарушения.

В Законе содержится перечень необходимых элементов антимонопольного комплаенса, которые в совокупности должны содержать внутренние акты хозяйствующих субъектов:

1. порядок проведения оценки рисков нарушения антимонопольного законодательства, связанных с деятельностью компании;
2. меры, направленные на снижение рисков нарушения антимонопольного законодательства;
3. меры, направленные на осуществление контроля за функционированием системы антимонопольного комплаенса;
4. порядок ознакомления работников с внутренними актами;
5. информация о должностном лице, ответственном за функционирование антимонопольного комплаенса.

¹ Цыганов А. Г. Комплаенс - стимул, предупреждение или инструмент контроля? / А.Г. Цыганов // Конкуренция и право. - 2016. - № 2. - С. 5-9.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» п.п. 4 и 5

Кроме указанных элементов предприниматели могут разработать дополнительные требования к системе антимонопольного комплаенса.

Таким образом, комплаенс может выражаться в форме публичных обязательств компаний в совокупности с непубличной политикой руководства (например, разъяснения для сотрудников о рисках и последствиях нарушения законодательства, аттестация сотрудников, алгоритмы принятия решений в условиях риска, аудит и мониторинг), а также может представлять собой маркетинговую политику (критерии отбора контрагентов, торговые планы).

Хотелось бы подчеркнуть, что отдельно взятый антимонопольный комплаенс компании не способен учесть соблюдение всех требований и запретов, закрепленных во всех нормативно-правовых актах, касающихся антимонопольного законодательства: он, как правило, учитывает требования, которые предъявляются к определенной сфере деятельности предпринимателя и круга возможных правонарушений (например, в сфере тарифного регулирования, деятельности естественных монополий, государственных и корпоративных закупок, торговой деятельности и иные). Поэтому комплаенс-система индивидуальна.

Тем не менее, вопреки всем мерам, предпринятым для адаптации системы антимонопольного комплаенса, остается дискуссионным вопрос о выработке таких систем субъектами среднего и малого бизнеса. Ведь данная корпоративная модель управления предназначена, в первую очередь, для крупных компаний. Мы считаем, что малый и средний бизнес пока что не готов нести такие издержки по разработке комплаенса ввиду его дорогой стоимости. И, если бы системы внутреннего обеспечения соответствия требованиям антимонопольного законодательства не базировались на принципе добровольности, то их реализация была бы бременем для данной категории субъектов.

Что касается практики зарубежных государств, то там отсутствует единый подход к внедрению комплаенса хозяйствующими субъектами, и к последствиям его внедрения. Итак, обратимся к опыту других стран.

В антимонопольном праве Великобритании отсутствуют нормы, прямо освобождающие от ответственности или смягчающие ответственность компаний за нарушение антимонопольного законодательства в случае наличия комплаенса. Однако, британское антимонопольное ведомство имеет прецеденты учета обстоятельств внедрения компаниями – нарушителями комплаенс-систем как смягчающего ответственность при определении размера санкции¹.

Наличие комплаенс-системы учитывается в качестве смягчающего обстоятельства при реализации норм антимонопольного воздействия, в том

¹ OFT's guidance as to the appropriate amount of a penalty (OFT423). URL https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/284393/oft423.pdf

числе и снижения штрафных санкций от 10% во Франции и Великобритании, 15% – в Италии, до 20% – в Южной Корее¹.

Практика антимонопольного ведомства Сингапура выделяет внедрение комплаенс-системы в компании в качестве обстоятельства, смягчающее ответственность. В то же время ведомство не уточняет процент уменьшения суммы штрафа, оставляя решение данного вопроса на усмотрение антимонопольной комиссии².

В США наличие у хозяйствующего субъекта системы комплаенса также является основанием для смягчения ответственности или освобождения от ответственности. Вместе с тем антимонопольное ведомство - Министерство юстиции США исключает применение данных положений³. Однако суды при вынесении приговора пользуются Руководством США, где рекомендуется учитывать наличие эффективной комплаенс системы при назначении наказания за нарушение антимонопольного законодательства.

Опыт внедрения антимонопольного комплаенса имеется и в Казахстане. Данный институт легализован в ст. 195-1 Предпринимательского кодекса Казахстана от 29 октября 2015 г. В данной статье приводится его определение (это система мер по предупреждению нарушений законодательства Казахстана в области защиты конкуренции); предусматривается право субъекта рынка принимать внешний акт, предусматривающий политику и правила добросовестной конкуренции субъекта (субъектов) рынка на соответствующем товарном рынке, а также внутренний акт, содержащий методы, способы оценки рисков, порядок организации работ субъектом (субъектами) рынка по управлению рисками совершения нарушений законодательства Республики Казахстан в области защиты конкуренции.

Вместе с тем наличие комплаенса не влечет каких-либо материальных и иных преимуществ для субъекта рынка, а также не освобождает от ответственности, однако минимизирует риски его нарушения (п. 3).

В международной практике встречаются случаи, когда разработчиком методических рекомендаций о внедрении комплаенса является международная ассоциация. Так, Международная торговая палата разработала примерный документ с разной степенью детализации, что позволяет компаниям различного размера и с различными потребностями выбирать необходимый им уровень детализации.

В итоге, иностранный опыт внедрения антимонопольного комплаенса показывает, что в зарубежных государствах, за редкими исключениями

¹ Аналитический доклад Антимонопольный комплаенс: текущая практика и перспективы развития//Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации, 2015. [Эл. ресурс]. URL: <https://www.google.com/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s>

² Полозов Н. «Как государству поощрять внедрение программ антимонопольного комплаенса. Международный опыт. Интернет-ресурс: <http://legalinsight.ru/polozov/>. (дата обращения 28.09.2020).

³ Глубокая, Ю. Антимонопольный комп-лаенс в США и Европе. По какому пути пойдет Россия? / Ю. Глубокая // Конкуренция и право. - 2015. - № 4. - С. 5-9.

(Казахстан, Франция), нет нормативного закрепления института антимонопольного комплаенса, чаще всего положения о нём носят ведомственный характер в виде рекомендаций, а компании сами вправе решать, необходимо им это или нет. В большинстве государств правовое закрепление возможности снижения санкций за нарушение антимонопольного законодательства в случае наличия у компании системы комплаенса отсутствует. Решение о рассмотрении наличия программы комплаенса (в случае признания ее эффективной) в качестве смягчающего обстоятельства при вынесении решения о санкциях за нарушение остается в сфере ответственности антимонопольного ведомства.

Проанализировав правовую сущность антимонопольного комплаенса, можно подвести итоги:

1. В правовой системе Российской Федерации данный институт является новым (определение и основные элементы содержатся в ст. 9.1 Федерального закона о защите конкуренции).
2. Относится к публично-частной сфере.
3. Антимонопольный комплаенс суть превентивный инструмент, направленный на предотвращение антимонопольных правонарушений путём снижения рисков.
4. Основной принцип внедрения комплаенса - его добровольность.
5. В системе антимонопольного регулирования комплаенс в какой-то степени выступает как альтернатива государственному контролю¹.
6. Зарубежная практика не даёт единообразного подхода к институту антимонопольного комплаенса.

МИРОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПОНЯТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Орлова Д.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Позднякова А.С.

В свете последних изменений и дополнений гражданского процессуального законодательства, касающихся содержания и действия примирительных процедур, возрастает теоретическое и практическое значение института мирового соглашения.

На современном этапе развития научных достижений и технического прогресса требуются все более эффективные способы предупреждения и разрешения усложнившихся гражданско-правовых споров. Необходимость в заключении мирового соглашения в гражданском судопроизводстве зависит

¹ Хохлов Е.С. Меры предупредительного воздействия на хозяйствующих субъектов, занимающих доминирующее положение / Е. С. Хохлов // Закон. - 2017. - № 4. - С. 13-16.

от интереса сторон в скорейшем урегулировании конфликта. При этом мирное урегулирование спора позволяет сократить как временные, так и финансовые издержки лиц, участвующих в рассмотрении дела. Наблюдается весомое преимущество мирного урегулирования спора, однако на практике оно применяется достаточно редко.

Так, например, по данным Управления Судебного департамента в Оренбургской области в 2020 году¹ из 854 гражданских дел, возникших из семейно-правовых споров, производство по которым прекращено, всего лишь по трем делам были заключены мировые соглашения как итог проведения процедуры медиации и судебного примирения. К сожалению, в 2021 году ни одно гражданское дело из вышеназванной категории дел не было урегулировано посредством проведения примирительных процедур².

Несомненно, на количество утвержденных судом мировых соглашений влияет множество факторов, порой зависящих только от личных убеждений конфликтующих сторон. Участники процесса иногда предпочитают властное разрешение спора даже в тех случаях, когда существуют предпосылки заключения мирового соглашения. Необходимость более широкого практического применения обуславливает актуальность всестороннего исследования мирового соглашения.

Сложность рассматриваемой категории заключается в отсутствии закрепленного законом определения «мирового соглашения». Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации оперирует данным понятием, не раскрывая его сути. В отдельных актах высших судебных органов помимо практики применения разъясняется и понятие мирового соглашения. Так, Конституционный Суд Российской Федерации определяет мировое соглашение как «соглашение сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок»³. В Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 18 июля 2014 года № 50 мировое соглашение также рассматривается как особого рода соглашение, «сделка сторон»⁴.

В юридической литературе мировое соглашение рассматривается в непосредственной связи с деятельностью суда. По мнению Я.А. Кищук

¹ Отчет о работе мировых судей по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2020 г. // Управление Судебного департамента в Оренбургской области. URL:<http://usd.orb.sudrf.ru> (дата обращения: 28.02.2022).

² Отчет о работе мировых судей по рассмотрению гражданских, административных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2021 г. // Управление Судебного департамента в Оренбургской области. URL:<http://usd.orb.sudrf.ru> (дата обращения: 28.02.2022).

³ Пункт 3 определения Конституционного Суда РФ от 24 февраля 2004 г. № 1-О «О прекращении производства по жалобе закрытого акционерного общества «Энергопромкомплект».

⁴ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда от 18.07.2014 года № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // СПС «Консультант Плюс».

мировое соглашение представляет собой «комплексное явление, объединяющее в себе действия сторон, направленные на процессуальные отношения, акт суда, а также гражданско-правовую сделку, так как мировое соглашение включает в себя два взаимосвязанных элемента, во-первых, деятельность сторон по урегулированию гражданско-правового спора, определение условий такого соглашения, выраженных во взаимных уступках и т.д.; во-вторых, согласованное волеизъявление сторон, направленное на прекращение производства по делу путем представления мирового соглашения в суд для проверки его законности и дальнейшего его утверждения»¹. Е.А. Нефедьев утверждает, что мировое соглашение является договором, «посредством которого стороны оканчивают возникший спор или предотвращают возникновение спора»². Близки к данной точке зрения и В.А. Бобреньев, О.Н. Диордиева, Г.Т. Ермошин, определяя мировое соглашение как «соглашение, которое истец и ответчик заключают при нахождении дела в суде, по обоюдному волеизъявлению»³.

По мнению В.Р. Авхадеева, В.С. Асташовой, Л.В. Андриченко отличие мирового соглашения от иных сделок (включая несудебные мировые сделки) обусловлено его процессуальными последствиями - утверждение судом мирового соглашения влечет прекращение производства по делу. Кроме того, принудительное исполнение его условий производится без нового обращения в суд⁴.

С учетом вышеприведенных утверждений можно сделать вывод о том, что мировое соглашение представляет собой особого рода соглашение, договор, содержащий компромиссные положения по волеизъявлению участников спорных правоотношений, установленные в последующем в определении суда об утверждении мирового соглашения. Следует заметить, что утверждение судом мирового соглашения является основанием для прекращения производства по делу, что свидетельствует о ликвидации в итоге спора относительно субъективных прав и (или) охраняемых законом интересов сторон.

Мировое соглашение между истцом и ответчиком является наиболее благоприятным разрешением спорных отношений. Необходимо понимать, что мировое соглашение является способом разрешения конфликтной ситуации, а не способом, создающим ситуацию удобную для обеих сторон благодаря которой возникает возможность предъявлять имущественные претензии другим участникам.

¹ Кищук Я.А. Мировое соглашение в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс, 2013. № 5. – С. 23-26.

² Склонение сторон к миру в гражданском процессе: Е.А. Нефедьев – Казань: Губ. правл., 1890. – С. 92.

³ Организация судебной деятельности: учебник / В.А. Бобреньев, О.Н. Диордиева, Г.Т. Ермошин [и др.]; под ред. В.В. Ершова. - Москва: РГУП, 2016. - 390 с.

⁴ Договор как общеправовая ценность: монография / В.Р. Авхадеев, В.С. Асташова, Л.В. Андриченко [и др.]. - Москва: Статут, 2018. – С. 381.

В результате внесенных изменений¹ в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации появилась новая глава 14.1 «Примирительные процедуры. Мирное соглашение», в которой мирное соглашение рассматривается как результат примирения лиц, участвующих в деле (статья 153.7 ГПК РФ), приведен перечень примирительных процедур, раскрыты их особенности. Указанные новшества, безусловно, способствуют дальнейшему развитию института мирного соглашения, а также систематизации его правового регулирования.

В силу ч. 1 ст. 153.1 ГПК РФ суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора, руководствуясь при этом интересами сторон и задачами судопроизводства. Представляется, что акцентировать внимание участников спорных правоотношений на возможности заключения мирного соглашения необходимо еще до обращения в суд. В этих целях предлагается на стадии составления искового заявления обязать истца сформулировать и отразить в иске свое мнение о возможности заключения мирного соглашения с указанием приемлемых вариантов. Соответственно, и ответчик, получив копию такого искового заявления, будет нацелен на поиски способов мирного урегулирования спора. Данная возможность позволит сократить временные расходы рассмотрения правовых конфликтов, расширит практику применения примирительных процедур при разрешении разногласий в суде.

Таким образом, предлагается дополнить часть 2 статьи 131 ГПК РФ пунктом 9 в следующей формулировке: «имеется ли возможность разрешения спора посредством мирного соглашения и каковы его варианты».

Говоря о положительном и стремительном развитии института примирительных процедур, в заключение необходимо отметить и необходимость повышения уровня информированности общества о преимуществах заключения мирного соглашения.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВЫЕ РЕАЛИИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА

Парфенов Р.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Васякина Е.В.

В настоящее время во главе уголовно-правового законодательства, регламентирующего вопросы противодействия терроризму, находится Конституция Российской Федерации. Важно обозначить, что в Основном

¹ Федеральный закон от 26.07.2019 № 197-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4099.

законе не содержится конкретных норм, предусматривающих механизм противодействия преступлениям террористической направленности, тем не менее, нормы данного законодательного акта распространяют своё действие на все сферы жизнедеятельности общества и государства, в том числе и на антитеррористическую политику Российской Федерации.

Состав субъектов, деятельность которых направлена на противодействие терроризму, достаточно обширен. Конституция Российской Федерации предусматривает вопросы разделения полномочий между всеми субъектами государственного управления. Во исполнение Конституции Российской Федерации приняты соответствующие федеральные законодательные акты, конкретизирующие вопросы антикоррупционной политики Российского государства.

Преступления террористической направленности представляют собой проблему мирового масштаба, несут повышенную угрозу национальной и международной безопасности. Исходя из этого, проблема противодействия терроризму и совершенствование механизма предупреждения преступлений террористической направленности является ключевой задачей современного государства. Терроризм оказывает непосредственное воздействие на конституционные основы общества и государства. Данный вид преступления несет большую угрозу для территориальной целостности страны, крайне негативно отражаются на межнациональных отношениях.

Антитеррористическая политика государства предусматривает три основных направления:

- профилактика преступлений террористической направленности,
- борьба с терроризмом;
- минимизация негативных последствий террористических проявлений¹.

Конституция Российской Федерации закрепляет основополагающие права и свободы личности, суверенитет, территориальную целостность, что выступает в качестве основ конституционного строя и является гарантом защиты безопасности общества и государства.

Среди ключевых норм Конституции РФ, предусматривающих отдельные вопросы противодействия и предупреждения терроризма можно обозначить ст. 13, в которой предусматривается запрет функционирования таких общественных объединений, которые направлены на насильственное изменение конституционного строя и имеют сепаратистский характер, подрывают безопасность государства и способствуют разжиганию межнациональной розни.

На основании ч. 2 ст. 29 Конституции Российской Федерации запрещается какая-либо агитационная деятельность, направленная на разжигание ненависти и вражды по различным признакам, в частности по

¹ Варгузова А.А., Агабалаев М.И. Роль и значение административного права в обеспечении общественной безопасности Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 28. – С. 18.

признакам национальности, расовой принадлежности, религиозных воззрений и т.д. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации также основывается на нормах Конституции страны, предусматривает необходимость реализации единой государственной политики по противодействию и предупреждению терроризму и обеспечению национальной безопасности страны¹.

Конституция Российской Федерации предусматривает общие принципы, основные начала реализации антитеррористической политики Российской Федерации, в основании которой должны находиться защита и обеспечение прав и свобод граждан, материальных и духовных ценностей, конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности всего государства.

Важно обозначить, что конституционные нормы закрепляют основополагающие принципы противодействия терроризму, которые наиболее явно выражены в следующих статьях Основного закона:

– на основании ч. 5 ст. 13 запрещено функционирование общественных организаций, деятельность которых направлена на изменение основ конституционного строя и нарушение целостности государства, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни;

– на основании ст. 14 религиозные объединения отделены от государства, Россия является светским государством, никакая религия не может быть признана в качестве государственной или обязательной;

– на основании ст. 19 провозглашается равенство прав и свобод личности, исключаются дискриминационные факторы;

– ст. 26 Конституции РФ закрепляет право самостоятельно определять и указывать свою национальную принадлежность, а также пользоваться родным языком, свободно выбирать язык общения, воспитания, обучения и творчества;

– ст. 28 гарантирует право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними.

– на основании п. 2 ст. 29 запрещена пропаганда или агитация, возбуждающая социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства².

Таким образом, нормы Конституции РФ формируют основы правового регулирования антитеррористического законодательства, именно на нормах

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2014. – №1523. – Ст.2651.

² Бродская В.А. Конституционно-правовые основы противодействия терроризму // Молодой ученый. – 2019. – № 22 (260). – С. 280.

Основного закона выстраивается система правового регулирования государственной политики в сфере противодействия преступлениям террористического характера. Вместе с этим, на конституционном уровне требуется конкретизация основных направлений и механизмов противодействия терроризму.

Несмотря на то, что доля числа преступлений террористической направленности в общем объеме преступности в стране не высока, тем не менее, они выступают в числе основных предпосылок дестабилизации обстановки на региональном уровне и всего государства в целом. Множество ученых, в частности А.В. Дегтярёв, А.К. Киселёв¹, Э.А. Юнусов, Н.В. Жезлов² и др., обращают внимание на проблему несовершенства конституционно-правового регулирования вопросов противодействия правонарушениям и преступлениям террористической направленности.

Таким образом, остро назрела необходимость совершенствования конституционно-правового механизма, административной и уголовно-предупредительной деятельности сотрудников полиции по противодействию правонарушениям террористической и экстремистской направленности. Добиться совершенства правовой регламентации противодействия терроризму представляется возможным посредством модернизации конституционно-правового механизма. Именно на уровне Конституции РФ должны закрепляться общие и единые принципы борьбы с терроризмом, основные направления антитеррористической политики.

СОСТОЯНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ

Пахомов Д.И. – магистрант Сибирского юридического университета (СибЮУ), г. Омск

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Сибирского юридического университета (СибЮУ), к.ю.н.
Пестерева Ю.С.

Для современного мирового сообщества в целом и для Российской Федерации, в частности, актуальной проблемой является оказание противодействия экстремистским проявлениям и тесно связанным с ними действиями террористического характера. Россия не может в одиночку бороться с данными социальными явлениями, так как они уже давно стали интернациональными.

¹ Дегтярёв А.В., Киселёв А.К. Проблемы правового регулирования преступлений террористической направленности // Юридическая наука. – 2014. – № 18. – С. 51.

² Юнусов Э.А., Жезлов Н.В. О динамике преступлений террористической и экстремистской направленности и необходимости ужесточения порядка отбывания лишения свободы за их совершение // Сибирское юридическое обозрение. – 2016. – № 57. – С. 105.

На современном этапе основной угрозой выступает повышенная активность различного рода деструктивных экстремистских организаций религиозной направленности, которые, действуя на территории России, вовлекают в свою деятельность все новых последователей. Речь идет, например, о таких организациях, которые запрещены в России, как Исламское государство, ХизбутТахрир и т.д. В случае уничтожения государственными правоохранительными органами отделения указанных организаций, действующих на определенной территории, сохраняется высокая вероятность оставления так называемых «спящих» ячеек террористических и экстремистских организаций. Соответственно, будет сохранена высокая террористическая угроза¹.

В соответствии с Указом Президента РФ от 23.03.1995 года № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации»² подчеркивается особая общественная опасность экстремистских проявлений, а борьба с ними определена в качестве одного из главных направлений деятельности правоохранительных органов. Для нормативного обеспечения данной деятельности принимаются соответствующий комплекс нормативных правовых актов.

По мнению специалистов, специфика экстремизма в XXI веке, обуславливающая его повышенную угрозу для общества, заключается в следующих особенностях:

1. В экстремистскую деятельность вовлекаются теперь не отдельные личности, а целые социальные группы, сформированные по признакам национальности, религиозной принадлежности, политических пристрастий и т.д.;

2. Разнообразие целей, решаемых экстремистскими организациями. Они могут быть конкретными, то есть распространяться на ограниченный участок территории, или глобальными (например, создание всемирного халифата);

3. Построение целых государств на экстремистской идеологии и практике.

Возможности международного экстремизма постоянно растут, что проявляется в следующем:

- в состав экстремистских группировок постоянно вступают новые члены, которые обычно привлекаются для совершения непосредственных актов насилия;

¹Дьяченко И.В. Исторический аспект возникновения и развития экстремизма в современном мире // В сборнике: Безопасность жизнедеятельности: наука, образование, практика. – 2016. – С. 216-218.

²Указ Президента РФ от 23.03.1995 года №310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 1995. – N 13. – Ст. 1127.

- выделение в структуре экстремистских организаций активных участников, занимающихся снабжением организации оружием, взрывчатыми веществами и т.д.;

- наличие большого круга лиц, основной задачей которых является вовлечение новых людей в состав организации;

- существование широкой прослойки пособников, постоянно или время от времени принимающих участие в содействии насильственным актам.

С каждым годом увеличивается количество людей, непосредственно пострадавших от террористических актов и других проявлений экстремистской деятельности. К числу потерпевших также следует относить родственников погибших от рук экстремистов, а также случайных лиц, оказавшихся рядом с местом террористического акта. Ведь последние из названных категорий лиц в связи с увиденным могут испытывать чувство страха за свою жизнь и жизнь своих близких, чувство неуверенности и недоверия к правоохранительным органам.

Для стран Европейского союза также актуальным является вопрос о противодействии радикальным исламистам, в первую очередь, Исламского государства. Несмотря на военные поражения в Сирии и Ираке, сторонники данной террористической и экстремистской организации могут действовать подпольно, в том числе на территории Европы при помощи европейских граждан, которые поехали в Сирию для оказания помощи Исламскому государству. По данным за 2018 год европейскими службами правопорядка пресечено три террористических акта, сопряженных с использованием биологического и химического оружия. В 2018 году общее количество арестованных за терроризм и экстремизм граждан составило 1056 человек, из них около половины арестованных принадлежали к религиозным экстремистам¹.

По мнению аналитиков, причиной распространения преступлений экстремистской направленности в странах Европы является ухудшение социально-экономической ситуации в большинстве европейских стран. Еще больше ситуация усугубилась вследствие пандемии коронавируса. Последствия пандемии и введенных в ряде европейских государств локдаунов активно используются лицами, заинтересованными в разжигании ненависти и розни по различным критериям в странах Европы². Стоит отметить, что в соответствии с данными Европола религиозные экстремисты начали активизироваться еще в 2016 году, когда Исламское государство стало активно перебрасывать свои силы на территорию Европы. Распространению экстремистских идей в то время способствовал резкий

¹Кавсаров Т.Р. Основные факторы и элементы проявления религиозного экстремизма в Европе // Архонт. – 2020. – №1. – С. 112-119.

²Шулбаев О.Н. Противодействие исламскому экстремизму в странах Западной Европы на современном этапе (на примере Федеративной республики Германии) // В сборнике: профилактика и противодействие экстремизму и терроризму в информационной среде как условие обеспечения гармонизации межнациональных и этноконфессиональных отношений. – Абакан, 2021. – С. 123-129.

приток мигрантов в Европу, которые покидали свои, преимущественно, мусульманские страны в связи с тотальной нищетой и отсутствием каких-либо жизненных перспектив.

Чтобы минимизировать террористические и экстремистские угрозы требуется создать эффективный правовой механизм, направленный на регулирование использования современных робототехнических комплексов, обеспечение защиты ключевых инфраструктурных объектов.

Таким образом, экстремизм и связанная с ней деятельность являются одной из актуальнейших угроз безопасности для России и для большинства современных государств. Несмотря на то, что в нашей стране на протяжении последних лет наблюдается снижение показателей экстремистской преступности, это ни в коей мере не свидетельствует об устранении названной угрозы. Социально-экономические условия и предпосылки появления и развития экстремизма в основном сохранились, и государству требуется значительный период времени для проведения соответствующих реформ, способствующих оздоровлению российского общества на более-менее длительный временной промежуток.

ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ ИНФОРМАЦИИ, ПРИЧИНЯЮЩЕЙ ВРЕД ИХ ЗДОРОВЬЮ И РАЗВИТИЮ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ПРАКТИКА

Пеннер Н.В. – магистрантка Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., Васякина Е.В.

По данным сайта «Интернет-контроль», детская аудитория пользователей Интернета составляет более 10 миллионов детей в возрасте до 14 лет, три четверти из которых пользуются сетью без контроля со стороны взрослых¹. Таким образом, современный ребенок знакомится с информационными технологиями уже в детстве, процессы взросления, обучения и социализации детей проходят в пространстве гиперинформационного общества, в котором родители и законные представители зачастую становятся неконкурентоспособны и отстают от информационной грамотности своего ребенка, не подозревая, какой опасности он подвергается в информационно-коммуникационных сетях². В этой связи важнейшей проблемой становится наличие эффективного механизма правового регулирования, позволяющего максимально защитить подрастающее поколение от негативного влияния информации, доступ к

¹ Официальный сайт «Интернет-контроль» (сайт для умных родителей). URL: <http://www.internet-kontrol.ru/stati/deti-v-internete.html> (дата обращения: 09.02.2022).

² Рыбаков О. Ю. Ребенок и интернет-пространство: вопросы правового обеспечения безопасности // Информационное право. – 2018. – № 1. – С. 27-31.

которой беспрепятственно обеспечивается посредством глобальной информационно-телекоммуникационной сети.

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 12 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹ государственное регулирование в сфере применения информационных технологий направлено в первую очередь на обеспечение информационной безопасности несовершеннолетних.

Правовой механизм обеспечения информационной безопасности детей развивается в положениях Федерального закона № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»², который направлен на регулирование отношений, связанных с защитой детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, в том числе распространяемой посредством интернет-сети. В указанном законе под информационной безопасностью детей понимается такое состояние защищенности детей, при котором отсутствует риск, связанный с причинением информацией вреда их здоровью, физическому, психическому, духовному, нравственному развитию (п. 4 ст. 2). Также данным нормативным правовым актом закрепляются виды информации, причиняющей вред здоровью и (или) развитию детей, запрещенной для распространения среди детей. В частности, информация, побуждающая детей к совершению действий, представляющих угрозу их жизни и (или) здоровью; способная вызвать агрессию и провоцировать жестокое поведение и насильственные действия по отношению к людям или животным и др.

Согласно статистике Следственного комитета Российской Федерации в 2018 году в России зафиксировано 788 случаев детского суицида, одной из главных причин которого является свободное времяпрепровождение детей в сети Интернет³. Так, хаотичный, бессистемный поток информации гигантских масштабов берет в заложники несформировавшееся детское сознание, не позволяет детям критично и адекватно оценивать негативность информационно-психологического давления, сопротивляться его последствиям, что влечет за собой развитие интернет-зависимости с перерастанием ее в серьезные психологические проблемы, жестокость, агрессию, девиантное поведение подростков⁴.

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 30 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3448.

² Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 1 июля 2021 г.) // Российская газета. – 2010. – 31 декабря. – № 297.

³ Баландина А. «Крик о помощи»: почему подростки не хотят жить. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2019/04/25/12321139.shtml> (дата обращения: 14.02.2022).

⁴ Архирейская Т. Ю. Правовая защита детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – 2018. – № 5(35).

Общественный резонанс, вызванный последующими публикациями в СМИ, обозначил проблему так называемых «групп смерти» (F57, 4.20, «Синий кит», «Тихий дом», «Беги или умри»). Организаторы данных игр посредством общедоступных популярных социальных сетей координированно и последовательно пропагандировали самоубийство путем выполнения однотипных заданий, таких как прослушивание депрессивной музыки, написание предсмертной записки, нанесение незначительных телесных повреждений, и в конечном итоге психологически подготавливали подростка к конечной цели - совершению самоубийства.

Реальная угроза жизни детям со стороны «групп смерти» заставила законодателя выступить с инициативой о введении уголовной ответственности за действия, направленные на склонение к совершению самоубийства. Так, в 2017 году в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) были введены следующие составы преступлений: ст. 110.1 УК РФ («Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства»), ст. 110.2 УК РФ («Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства») и ст. 151.2 УК РФ («Вовлечение несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего»).

Развитие информационно-коммуникационных технологий влечет за собой новые виды противоправных деяний в отношении несовершеннолетних. В настоящее время возникла новая форма угрозы безопасности ребенка в сети Интернет, такая как кибербуллинг – намеренное запугивание, оскорбление, угрозы, шантаж с помощью современных средств коммуникаций¹. По словам экс-Уполномоченного по правам ребенка Анны Кузнецовой, это явление приобрело большой масштаб, часто травля становится публичной, выходит за пределы школы. Согласно проведенному исследованию Регионального общественного центра интернет-технологий (РОЦИТ), в 2017 г. почти половина российских подростков подвергались кибербуллингу².

Таким образом, современная ситуация в России свидетельствует о том, что в нашей стране система защиты несовершеннолетних от агрессивного интернет-контента функционирует, но требует постоянного усовершенствования. В связи с этим актуальным является принятие следующих мер. Во-первых, создание безопасного интернет-пространства для детей, включающего образовательные и игровые ресурсы, поисковую систему, школьные социальные сети, а также рекламирование этих ресурсов среди родителей и преподавателей. Во-вторых, необходима образовательная и просветительская деятельность, направленная на повышение уровня осознания проблемы агрессивного контента в сети Интернет в органах

¹ Смирнова А. А., Захарова Т.Ю., Синогина Е. С. Кибеугрозы безопасности подростков // Научно-педагогическое обозрение. – 2017. – № 3 (17). – С. 99-107.

² Кузнецова обеспокоена детским буллингом в интернете // URL: <http://tass.ru/obschestvo/4292749> (дата обращения: 20.02.2022).

государственной власти, интернет-сообществе, гражданском обществе. Например, создание интернет-ресурсов, посвященных теме безопасности Интернета и описывающих современные способы защиты несовершеннолетних от вредного интернет-контента. В-третьих, тщательная проверка и верификация всех регистрируемых лиц на сайтах в сети Интернет, с целью дальнейшего возможного их обнаружения и привлечения к ответственности за противоправные действия. В-четвертых, оптимизация и улучшение работы государственных органов по обеспечению безопасности в сети Интернет, в первую очередь, совершенствование системы поиска запрещенной информации и сокращение времени от момента ее обнаружения до фактического удаления.

РОЛЬ КОДЕКСА КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ

Петренко А.К. – магистрантка Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Смирновская С.И.

Начиная с 2020 года экономика России столкнулась с достаточно серьёзными проблемами экономического и социального характера – пандемия и последовавшие «ковидные ограничения», а следом – ограничительные меры экономического характера в отношении РФ, вводимые с конца февраля 2022 года.

Несомненно, эти события оказали и продолжают оказывать прямое негативное воздействие на бизнес-среду, в частности на деятельность коммерческих корпоративных юридических лиц. Ряд из них обанкротились, другие, не находя спроса на свою продукцию и услуги, вынуждены были прекратить свою деятельность. Таким образом, на сегодняшний день уровень конфликтности деловой среды в российском бизнесе приблизился к максимальному¹.

В складывающейся ситуации, помимо уже сложившихся «классических» способов разрешения корпоративных конфликтов, предлагаем выделить ещё одну группу – способы, направленные на избежание возникновения корпоративных конфликтов.

Одним из таких способов можно считать принятие документа, устанавливающего основы корпоративного управления и взаимодействия. Наиболее часто в практике в качестве указанного документа выступает корпоративный договор.

¹ Независимая газета. URL: https://nvo.ng.ru/economics/2022-02-16/4_8373_business.html (Дата обращения: 03.03.2022).

Как альтернативный вариант, может быть рассмотрен кодекс корпоративного управления.

Кодекс корпоративного управления был разработан ЦБ РФ, а затем одобрен Правительством РФ 21 марта 2014 года (далее – Кодекс). Следует отметить, что Кодекс рекомендован к применению акционерными обществами, ценные бумаги которых допущены к организованным торгам¹ (далее – ПАО).

На сегодняшний день, кодексы корпоративного управления приняты ПАО «Сбербанк», ПАО «РусГидро», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Аэрофлот» и др.

Кодексы вышеуказанных компаний основаны на кодексе, разработанном ЦБ РФ, дублируя его полностью или в части.

Кодекс основан на принципе «соблюдай или объясняй», являющимся одним из подходов мягкого регулирования, согласно которому определенные принципы, содержащиеся в Кодексе, носят рекомендательный характер, исключая жесткие требования по их обязательному применению ПАО. При этом устанавливается, что в случае если акционерное общество не применяет соответствующую рекомендацию, оно должно раскрыть информацию об этом и указать причины, по которым соответствующие рекомендации не применяются.

Необходимо отметить, что большинство корпоративных конфликтов возникает из-за того, что партнеры не договорились «на берегу», на каких принципах основана их деятельность, как они будут действовать в случае возникновения проблемных ситуаций.

Кодекс, на наш взгляд, представляет собой некий свод стандартов корпоративного управления, на которых основывается управление и принятие решений при осуществлении деятельности ПАО, и имеет своей целью, помимо прочего, установить основы взаимоотношений участников (учредителей), взаимодействие органов управления, а также отразить в форме наилучших стандартов деятельности выработанные за прошедшие годы подходы в области разрешения корпоративных проблем, возникающих в процессе деятельности.

Кодекс, в том числе, может содержать отдельную главу, посвященную разрешению корпоративных конфликтов, либо предусматривать такие права органов управления и участников, которые минимизируют возможность возникновения конфликтов.

Даже несмотря на то, что законодательно уже урегулированы многие вопросы, затрагивающие принципы корпоративного управления, в законе их невозможно полностью детализировать и унифицировать по следующим причинам: специфика деятельности различных ПАО; стремительное изменения практики корпоративного управления и сложностью процесса внесения изменений в законы; связь вопросов корпоративного управления с

¹ Письмо Банка России от 10 апреля 2014 г. № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. – 2014. – № 40.

этическими и моральными категориями, общепринятой деловой практикой и обычаями.

На наш взгляд, законодательно следует закреплять лишь те нормы, эффективность которых подтверждена практикой.

Теперь необходимо выделить роль Кодекса в предотвращении возникновения корпоративных конфликтов через призму достоинств и недостатков внедрения Кодекса в деятельность ПАО.

Среди достоинств стоит выделить: закрепление принципов и основ корпоративного управления, взаимоотношений участников в отдельном корпоративном документе; возможность «подстроить» документ под специфику деятельности ПАО; учитывать наиболее эффективные принципы и модели управления при создании Кодекса, основываясь на рекомендациях ЦБ РФ по итогам мониторинга практического опыта внедрения Кодекса ПАО, акции которых были включены в котировальные списки первого и второго уровней ПАО Московская Биржа, а также ПАО, акции которых были включены в третий уровень списка ценных бумаг, допущенных к торгам ПАО Московская Биржа (далее – мониторинг).

Учитывая указанные достоинства, появляется возможность предотвращения возникновения корпоративных конфликтов, то есть – минимизируются и исключаются причины их появления.

Вместе с тем, практика складывается таким образом, что в некрупных корпорациях указанный способ используется редко ввиду упрощенного механизма управления, меньшего количества участников, убежденности, что корпоративный конфликт возникает лишь в крупных корпорациях.

Необходимо также отметить, что мониторинг носит субъективный характер, поскольку основан на информации, содержащей оценку соблюдения ПАО принципов Кодекса, которую такие ПАО проводят самостоятельно. Данное обстоятельство указывает на возможность «завышения» результатов, и не гарантирует достоверности предоставляемой информации ввиду отсутствия, в том числе, контрольного механизма. Более того, это подтверждается и самим ЦБ РФ: «Информация, содержащаяся в настоящем разделе Обзора, не является свидетельством того, что Банк России осуществил проверку в отношении такой информации, и не становится подтверждением достоверности приведенных обществами объяснений.¹».

Помимо прочего, рекомендательный характер применения воспринимается с учетом сложившегося менталитета как нечто не нужное, лишнее.

Вместе с этим, даже несмотря на то, что использование Кодекса рекомендовано только для ПАО, не исключается возможность внедрения такого документа также для АО и ООО.

¹ Обзор практики корпоративного управления в российских публичных обществах по итогам 2020 года. Банк России. – Москва. 2021. – № 6. – С. 8.

Как нам представляется, всегда легче предупредить проблему, в данном случае корпоративный конфликт, чем в последующем его разрешать.

О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УЧАСТИЯ ГОСУДАРСТВА В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВ

Полевщикова А.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Ершова Ю.В.

Государственный сектор в Российской Федерации за последние 30 лет сильно изменился под воздействием двух экономических явлений:

1) приватизация в 90-е гг. XX в. – результатом которой стала передача части государственного имущества в руки частных собственников;

2) приобретение государством контрольных пакетов акций в крупных компаниях, а также формируются холдинги для управления группами предприятий с государственным участием. До сих пор государство остается в числе крупнейших собственников.

Российская Федерация – особый участник процесса управления акционерной собственностью, который осуществляет права акционера в акционерных обществах (далее - АО) всегда опосредованно, т.е. через соответствующие федеральные органы исполнительной власти либо посредством передачи акций в доверительное управление (ст. 39 Федерального закона от 21.12.2001 № 178-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О приватизации государственного и муниципального имущества»)¹.

На данный момент в реестре федерального имущества есть сведения более чем о 1000 компаниях, в капитале которых участвует государство. В реестре находятся:

- 543 хозяйственных обществ и товариществ, в уставных (складочных) капиталах которых есть доля государства;

- 759 акционерных общества².

«Положение об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами («золотой акции»)» от 3 декабря 2004 г. № 738 устанавливает, что права акционера АО, акции которых находятся в собственности Российской Федерации, от имени государства осуществляет Федеральное

¹ Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества» // СЗ РФ. – 2002. – № 4. – Ст. 251.

² Официальный сайт Федерального агентства по управлению государственным имуществом. URL: <https://rosim.gov.ru/activities/reestr/rfi/stock?page=0> (дата обращения: 01.03.2022).

агентство по управлению федеральным имуществом (далее – Росимущество)¹.

Например, доля государства в ПАО «Нефтяная компания «Роснефть»» всего одна акция или 0,000000009%². Дело здесь в том, что Росимущество может владеть компаниями не только напрямую, но и через другие акционерные общества.

Прямая доля Росимущества в «Россети ФСК ЕЭС» составляет всего 0,59%, однако она на 80,13% принадлежит компании «Российские сети»³, которые в свою очередь на 88,04% принадлежат Росимуществу⁴. Таким образом, федеральное агентство все равно является фактическим владельцем контрольного пакета акций «ФСК ЕЭС».

«Банк ВТБ»: государству принадлежит не 12,13%, а 92,2% акционерного капитала, так как еще 32,88% принадлежит Министерству финансов РФ (далее- Минфин) напрямую, а 47,22% корпорации «Агентство по страхованию вкладов»⁵. При этом Росимущество, является агентством в составе Минфина.

Например, права акционера ПАО «Сбербанк» от имени Правительства Российской Федерации осуществляет Министерство финансов Российской Федерации⁶.

Вопрос об эффективности компаний с государственным участием очень важен потому, что такие предприятия играют ключевую роль в наиболее значимых секторах экономики, таких как энергетический (ПАО «Газпром нефть»), финансовый (ПАО «Сбербанк»), сектор цифровых услуг (ПАО «Ростелеком»), добыча полезных ископаемых (ПАО «АЛРОСА») и другие.

Указом Президента РФ «Об утверждении перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ»¹ определены АО,

¹ Постановление Правительства РФ от 3 декабря 2004 г. № 738 «Об управлении находящимися в федеральной собственности акциями акционерных обществ и использовании специального права на участие Российской Федерации в управлении акционерными обществами ("золотой акции")» // СЗ РФ. – 2004. – № 50. – Ст. 5073.

² Официальный сайт ПАО «Нефтяная компания «Роснефть»». URL: [https://www.rosneft.ru/Investors/structure/share_capital/#:~:text=Прямая%20доля%20государства%20\(в%20лице,5%2C4%25%20от%20общего%20количества%20акций](https://www.rosneft.ru/Investors/structure/share_capital/#:~:text=Прямая%20доля%20государства%20(в%20лице,5%2C4%25%20от%20общего%20количества%20акций) (дата обращения: 01.03.2022).

³ Официальный сайт ПАО «ФСК ЕЭС». URL: https://www.fsk-ees.ru/shareholders_and_investors/information_on_shares/shareholding_structure/ (дата обращения: 01.03.2022).

⁴ Официальный сайт ПАО «Россети». URL: <https://www.rosseti.ru/investors/capital/share/> (дата обращения: 01.03.2022).

⁵ Официальный сайт ПАО «Банк ВТБ». URL: <https://www.vtb.ru/akcionery-i-investory/raskrytie-informacii/struktura-akcionernogo-kapitala/> (дата обращения: 01.03.2022).

⁶ Постановление Правительства Российской Федерации от 09.08.2021 г. № 1316 // СЗ РФ. – 2021. – № 26. – Ст. 4982.

которые обеспечивают стратегические интересы, обороноспособность и безопасность государства, защиту нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан РФ, их список достаточно мал (42). В это список вошли ПАО «АЛРОСА», «Банк ВТБ», ПАО «Нефтяная компания «Роснефть»» и др.

До сих пор нет однозначного ответа на вопрос о характере влияния участия государства в капитале таких компаний. Ведь, с одной стороны, государство – это публичная власть, осуществляющее нормативно-правовое регулирование таких отношений, устанавливает правила корпоративных отношений. С другой стороны, государство – собственник активов, участник внутрикорпоративных отношений, подчиняющийся этим же правилам государственного участия в капитале АО. Это приводит к двойственности и противоречивости положения государства как акционера и как регулятора.

В международном праве существует «Руководство Организации экономического сотрудничества и развития по корпоративному управлению на государственных предприятиях», где под государственными предприятиями понимается предприятия, которые государство контролирует через значительную долю собственности.

На основании этих рекомендаций на организации с государственным участием должны распространяться те же законодательные нормы, что и в отношении частных компаний. Однако, нормативная правовая база РФ не предусматривает этой практики.

Рекомендации предусматривают, что государству необходимо сконцентрировать функцию собственника в руках одного агентства. Однако механизм реализации прав государства как акционера в России достаточно сложен и предусматривает участие нескольких государственных структур, о чем было сказано ранее.

Например, Федеральный закон «О банкротстве» предусмотрены барьеры для инициирования процедур банкротства:

- на предприятиях стратегического значения принимаются во внимание требования, составляющие в совокупности не менее чем 1 млн руб.;
- для остальных предприятий эта сумма составляет 300 тыс. руб.²

Подводя итоги, считаем, что необходимо принять во внимание некоторые принципы международного права при регулировании участия государства в уставном капитале акционерных обществ. Структура АО с участием государства нуждается в особой модели корпоративного управления. Существование таких организаций должно преследовать цель повышения их конкурентоспособности наравне с частными компаниями, без применения к организациям с государственным участием специальных

¹ Указ Президента РФ от 4 августа 2004 г. № 1009 «Об утверждении перечня стратегических предприятий и стратегических акционерных обществ» // СЗ РФ. – 2004. – № 32. – Ст. 3313.

² Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

правовых норм, потенциально существенно влияющих на развитие конкурентной среды.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПО ВОПРОСАМ КОНТРАБАНДЫ АЛКОГОЛЬНОЙ ПРОДУКЦИИ И ТАБАЧНЫХ ИЗДЕЛИЙ

Полуянов В.А. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Хмелевская Т.А.

Конституция РФ¹ в ст. 34 регламентирует право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности. С целью защиты данного права Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 530-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий»² в УК РФ была криминализована контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий, а именно введена статья 200.2 УК РФ «Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий».

Контрабанда представляет собой тайный провоз через таможенную границу обложенных пошлиной или запрещённых товаров. Перечень таких товаров устанавливается законодательством конкретного государства³. При этом контрабанда наносит значительный ущерб экономическим интересам и общественной безопасности государств⁴.

Исторический анализ появления контрабанды и борьбы с ней показывает её формирование и эволюцию, неразрывно связанными с развитием таможенного дела, экономикой страны, внутренней и внешней торговлей. Первое упоминание о контрабанде появляется в древние века, когда появляется введение пошлины на ввоз и вывоз отдельных товаров и продукции. Несмотря на постоянное развитие уголовного отечественного законодательства, масштабы контрабанды растут ровно с той же скоростью, с которой растут государственные пошлины.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. – 2009. – № 4. – Ст. 445.

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления мер противодействия обороту контрафактной продукции и контрабанде алкогольной продукции и табачных изделий» от 31.12.2014 № 530-ФЗ // СПС «Консультант плюс».

³ Чучаев А.И. // Конго – Крещение. – М. : Большая российская энциклопедия, 2010. С. 143.

⁴ Евдокимов В.Б., Михайленко К.Е. Международная правовая помощь по гражданским и уголовным делам на примере стран СНГ: Учебник. – М., 2014. – С. 51.

На сегодняшний день проблемы, связанные с контрабандой алкогольной продукции и табачных изделий наносят вред не только экономическим интересам Российской Федерации, но и нарушают порядок контроля безопасности товаров для окружающей среды и здоровья населения.

В соответствии со ст. 200.2 УК РФ¹ под контрабандой алкогольной продукции и (или) табачных изделий понимается незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции и (или) табачных изделий в крупном размере.

В условиях сотрудничества Евразийского экономического союза, присутствуют некоторые сложности при применении уголовного законодательства, которое взаимосвязано с ответственностью за контрабанду.

Государства-участники ЕАЭС теоретически стремятся к унификации законодательства, однако такие государства, как Казахстан, Армения, Беларусь не урегулировали вопрос уголовной ответственности за экономическую контрабанду, а Российским законодателем данная норма декриминализована.

Стоит отметить, что в 2011 году законодатель² в корне пересмотрел правовое регулирование ответственности за контрабанду.

В первую очередь, были введены специальные уголовно-правовые нормы о контрабанде. Следующим шагом послужило признание административно-правовым деликтом экономической (товарной) контрабанды.

Обоснованность декриминализация экономической (товарной) контрабанды у специалистов вызывает определенные сомнения, общественная опасность деяния представляется искусственно заниженной³.

Следующим проблемным аспектом является отсутствие единого документа, в котором было бы закреплено понятие контрабанды, поскольку страны – участницы ЕАЭС имеют единое таможенное пространство, а ввоз и вывоз алкогольной продукции и табачных изделий в части определения места совершения контрабанды разнятся.

Борьбе с контрабандой в развитых государствах необходимо уделить особое внимание. Поскольку общественная опасность данного преступления достаточно высока, необходимо провести модернизацию уголовного законодательства так, чтобы нормы отражали реальное положение дел и закрепить такие меры ответственности, которые были сопоставимы с

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.01.2022) // СПС «Консультант плюс».

² Федеральный закон от 07.12.2011 № 420-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс».

³ Чучаев А.И. Ответственность за контрабанду.— Режим доступа: https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6513/file/sdrs03_s17_20.pdf (дата обращения: 05.03.2022).

прибылью, полученной в результате контрабанды алкогольной продукции и табачных изделий.

Контрабандисты пытаются прибегнуть к новым способам «обхода» закона, но не всегда им это удается.

По данным сайта portnews.ru в 2021 году на судне, прибывшем во Владивосток из Пусана (Республика Корея), в порту Владивосток таможенники обнаружили партию алкоголя и табачной продукции на 355 тыс. руб. Контрабанда была спрятана в нежилой каюте в кормовой части теплохода, чтобы в дальнейшем затруднить обнаружение контрабанды сотрудниками таможенных органов.

В ходе проверки было обнаружено 93 бутылки алкоголя и 50 блоков сигарет. В поданной декларации о личных вещах у членов экипажа данные товары не были заявлены.

Таким образом, мужчина планировал ввезти алкоголь и сигареты без таможенного декларирования и уплаты таможенных платежей. По данному факту¹ Дальневосточной оперативной таможней возбуждено уголовное дело по ч.1 ст.200.2 УК РФ.

Следующим примером применения ст. 200.2 УК РФ выступает является прецедент, который произошёл 19 апреля 2020 года в зоне деятельности таможенного поста Гавань Балтийской таможни Северо-Западного таможенного управления, на территории постоянной зоны таможенного контроля ЗАО «Контейнерный терминал Санкт-Петербург» Замбржицкий Б.О., осуществляя внешнеэкономическую деятельность от имени компании ООО «ЛЕСЭКС», умышленно, из корыстных побуждений, с целью извлечения материальной выгоды для себя, путем сокрытия от таможенного контроля, совершил незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза табачных изделий - сигарет торговой марки «Minsk capital» в количестве 107791 пачек, общей стоимостью 5281759 рублей, что является крупным размером.

Замбржицкий Б.О. ранее не судим и впервые привлекается к уголовной ответственности, подозревается в совершении преступления, которое отнесено законодателем к категории средней тяжести, загладил причиненный своими преступными действиями ущерб, а именно перечислил на счет ГБОУ «Брянская областная школа-интернат Героя России А.А. Титова» денежные средства в размере 30 000 рублей, о чем свидетельствует исследованная в судебном заседании копия соответствующей квитанции.

Суд постановил назначить Замбржицкому Б.О. меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 50 000 (пятьдесят

¹ Контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий // Новостной ресурс Портньюс.– Режим доступа: <https://portnews.ru/news/310503/> (дата обращения: 06.03.2022).

тысяч) рублей, который должен быть уплачен в течение 60 дней после вступления настоящего постановления в законную силу¹.

В данном случае, на наш взгляд, санкции несоразмерны совершенному преступлению. Так, Замбрицкий Б.О. попытался провести контрабанду общей суммой свыше 5 миллионов рублей, а в итоге санкции, направленные против него, оказались в 100 раз меньше той суммы, которую обвиняемый мог нанести национальной экономике государства.

Вышеуказанные проблемы являются следствием пробелов в уголовном законодательстве как Российской Федерации, так и иных государств – участников ЕАЭС. Решение проблем будет эффективным лишь в случае общесоюзного обсуждения единого законодательства по вопросам контрабанды, установления юридической сущности контрабанды и мер ответственности за совершение данного деяния. Лишь общие усилия позволят разработать в дальнейшей перспективе эффективные меры борьбы с контрабандой алкогольной продукции и табачных изделий

Контрабанда в любом её проявлении влечет за собой угрозу национальной экономике государства. Несмотря на создание базы единообразия мер правового характера странами – участницами ЕАЭС, остается открытым вопрос о разобщении законодательства данных стран по вопросам контрабанды, а также отсутствие результативной системы борьбы с указанным преступлением.

Таким образом, контрабанда алкогольной продукции и табачных изделий на территории Российской Федерации не сокращается, а лишь наращивает оборот, всячески лавируя среди норм законодательства, и потому данная тема не теряет своей актуальности в настоящее время.

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Полшкова А.А.– магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени

О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Колодина М.В.

На данный момент ни в России, ни в мире нет единого мнения относительно признания или не признания криптовалюты, ее правового положения, правового положения ее пользователей. Как отмечает А.А. Максуров, признание цифровой валюты во многом зависит от степени технического и экономического развития страны. Государства со слабой экономикой не готовы к внедрению подобных платежных систем.

¹ Приговор суда по ч. 1 ст. 200.2 УК РФ № 1-848/2020 | Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий // Sud-praktika.ru. – Режим доступа: <https://sud-praktika.ru/precedent/551587.html> (дата обращения: 09.03.2022).

И, наоборот, высокоразвитые страны все же стремятся урегулировать электронные платежи, взяв их под свой контроль и обложить налогами¹.

В России до сих пор ведутся споры относительно правового положения криптовалюты. Первоначально мнения были до крайности поляризованы: от полной криминализации майнинга, владения и пользования криптовалютой до легализации и признания валютой наравне с рублем и иностранной валютой. С принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ «О цифровых финансовых активах») криптовалюта была легализована и обозначена как «цифровая валюта»². Данный закон заложил основу правового положения криптовалюты, в том числе путем внесения изменений в отраслевые законы. Однако, многие аспекты создания, владения, пользования и распоряжения криптовалютой и цифровыми финансовыми правами остаются неосвещенными. Также серьезной критики подвергается терминология данного закона: вместо сложившихся и активно применяемых криптосообществом, общественностью и складывающимся иностранным и международным законодательством терминов, используются искусственно навязанные. В ФЗ «О цифровых финансовых активах» нет понятий криптовалюта, токен (ICO – Initial Token Offering), майнер, цифровой кошелек, а также электронного договора (смарт-контракта). На наш взгляд, учитывая, что криптовалюта является международным общественным институтом, получившим свое распространение через сеть Интернет, необходимо максимально унифицировать терминологию. Вице-спикер Госдумы РФ Алексей Гордеев высказал схожее мнение о необходимости использования уже сложившегося понятийного аппарата³.

На сегодняшний день владельцы криптовалюты в России подлежат судебной защите, только если о факте обладания цифровой валютой и совершения с ней сделок информированы налоговые органы (ч. 6 ст. 14 ФЗ «О цифровых финансовых активах»), однако порядок уведомления до сих пор не принят.

В данный момент в процессе принятия находится законопроект № 1065710-7 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации», который предусматривает самодекларирование факта владения и использования криптовалют. При этом для случаев, когда за календарный год сумма поступлений цифровой валюты или списаний цифровой валюты лицом, которое вправе ею распоряжаться, превысит сумму, эквивалентную в денежном выражении 600

¹ Максуров А.А. Блокчейн, криптовалюта, майнинг: понятие и правовое регулирование: Монография. – М.: Дашков и К, 2020. – С. 97.

² Федеральный закон от 31 июля 2020 г. N 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. – 2020. – № 173.

³ Вице-спикер Думы посетовал на отсутствие в законах терминов «криптовалюта» и «майнинг» // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/812000>

тыс. руб., предполагается установить уже не право, а обязанность таких лиц сообщать в налоговый орган о получении права распоряжаться цифровой валютой, а также представлять отчеты об операциях (гражданско-правовых сделках) с цифровой валютой и ее остатках. При этом, для криптовалют нет специальных правил, отражающих их особенности.

Проблемы регулирования налогообложения связаны в том числе с отсутствием единого мнения относительно правового положения криптовалюты и полномочий контрольных органов и банков (в рамках их публичных обязанностей по предоставлению информации в налоговые органы и контролем за банковскими операциями). Разногласия между Центральным банком РФ и Минфином РФ в вопросах контроля за криптовалютами, споры в комитетах Госдумы РФ относительно степени признания криптовалюты серьезно тормозят принятие закона. Предполагается, что законопроект № 1065710-7 с внесенными поправками будет принят в первой половине 2022 года, хотя первоначально его принятие планировалось на первую половину 2021 года.

Пока ведутся споры о содержании поправок в Налоговый кодекс РФ, у крипто-сообщества и юристов возникают все новые и новые вопросы, выявляющие пробелы в законодательстве. Одной из наиболее проблемных тем из-за ежедневных изменений курса криптовалют является определение стоимости криптовалюты для обложения налогом. И если при обмене криптовалюты на фиатные деньги налоговую базу определить не так сложно, то при определении суммы дохода без продажи за фиат, а в виде обмена на криптовалюты, токены, затруднительно. Возникает риск того, что налоговые органы не признают стоимость криптовалют, расчет курсов декларанта. Поэтому если криптовалюты меняются на другие криптовалюты, пока неизвестно, с какой именно суммы платить доход и как считать налоговую базу.

Также возникает вопрос относительно того каким образом будет высчитываться налогооблагаемая сумма, если, купив криптовалюту сегодня, можно получить прибыль, а затем уйти в убыток на полгода. На данный вопрос нет ответа на сегодняшний день от налоговых органов – ни комментариев, ни разъяснений.

Еще более сложной представляется ситуация, в которой нужно уменьшить прибыль на расходы, произведенные для покупки цифрового имущества. Уменьшение прибыли несет большой риск для налогоплательщика: налоговые органы будут стремиться не признать любые расходы, не подтвержденные документально. Любые документы должны содержать дату, сумму операции, исходить от конкретного лица. Электронная форма возможна, но не всегда. Учитывая особенности оборота криптовалют, предоставления данных документов может быть затруднительно.

Отсутствие комментариев и разъяснений, практики, которые могли бы указать, какой курс признавать правильным для расчетов, какие колебания,

какой периодичности будут приниматься для расчета, способы получения и предоставления документации, ее форма – все это затрудняет исполнение обязанности по уплате налогов, а также отталкивает потенциальных добросовестных налогоплательщиков от исполнения обязанностей по уплате налогов. Стоит отметить, что жесткое регулирование, невыгодное для владельцев криптовалюты, отсутствие ясной политики относительно будущего криптовалюты приводит к оттоку капиталов из страны.

По мнению специалистов по криптовалюте, законопроект является преждевременным – нецелесообразно говорить о налогах в отсутствие норм, устанавливающих правила оборота криптовалют, также законопроект нуждается в серьезной корректировке того, что понимается под прибылью от использования криптовалют для целей налогообложения.

Предполагается, что в 2022 году налоговое право будет активно изменяться в сторону урегулирования налогообложения цифровых финансовых активов, однако для того, чтобы не допустить существенного оттока бизнеса и инвестиций, заинтересованных в кибернетике, законодателю и правоприменителю необходимо будет понять сущность криптовалюты, токенов и майнинга и отразить это в принимаемых и применяемых ими нормах.

ПОЛНОМОЧИЯ И КОМПЕТЕНЦИЯ СУДА АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ

Попова С.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н Марченко Т.В.

Согласно ст. 118 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)¹ судебная власть в Российской Федерации осуществляется посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Особой процессуальной деятельностью суда является защита гражданских прав посредством гражданского судопроизводства.

В доктрине вопрос о понятии гражданского судопроизводства является дискуссионным. В узком понимании под гражданским процессом понимается исключительно деятельность суда по осуществлению правосудия в Российской Федерации². В широком понимании в гражданский процесс

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993г. (с изм. и доп. от 1 июля 2020 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.

² Пучинский В.К. Понятие, предмет, источники советского процессуального права. – М., 1966. – С. 33.

включается не только деятельность суда по осуществлению правосудия в Российской Федерации, но и деятельность других субъектов¹.

По мнению К.И. Малышевой, гражданский процесс – это юридическое отношение, возникшее между судом и сторонами, с целью раскрытия и разрешения спорного вопроса о правах или о гражданском материальном отношении между истцом и ответчиком².

Гарантией осуществления конституционного права на судебную защиту, закрепленного в ст. 46 Конституции РФ, является возможность обжалования решения, не вступившего в законную силу, посредством подачи жалобы в суд апелляционной инстанции.

Исходя из предложенных определений «гражданского процесса» при рассмотрении жалобы в суде апелляционной инстанции всех субъектов, участвующих в деле, можно подразделить на две группы. В первую группу входят лица, участвующие в деле и обладающие материальной или процессуальной заинтересованностью в исходе дела. Во вторую группу входит суд апелляционной инстанции. Суд выступает в качестве властного субъекта и может совершать только те действия, которые предусмотрены гражданским процессуальным законодательством Российской Федерации. Таким образом, суд апелляционной инстанции является особым субъектом процессуальных отношений, носителем властных полномочий по рассмотрению и разрешению гражданских дел.

Права и обязанности суда апелляционной инстанции необходимо рассматривать в единстве его полномочий. Основанием для реализации полномочий суда апелляционной инстанции является подача апелляционной или частной жалобы лицами, участвующими в деле.

В толковом словаре С.И. Ожегова понятие «полномочие» определяется как «официально предоставленное кому-либо право деятельности, ведения дел»³. По мнению Б.М. Лазарева, полномочие – это права и обязанности осуществлять управленческие функции к определенным управляемым объектам⁴. В доктрине Л.М. Карапетян определял полномочие как предоставленное законом или иным нормативным правовым актом право субъекта принимать решение и совершать конкретные действия⁵.

На основании изложенных позиций авторов можно сделать вывод о том, что под полномочием понимается закрепленная совокупность прав и

¹ Советский гражданский процесс / под ред. К.И. Комиссарова, В.М. Семенова. – М., 1988. – С. 11-12.

² Курс гражданского судопроизводства: Учебник / Отв. Ред. К.И. Малышев. – Спб, 1879. – С. 448.

³ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80 тысяч слов и фразеологических выражений. – М.: ООО «А ТЕМП», 2007. – С. 536.

⁴ Лазарев Б.М. Компетенция органов управления. – М.: Юридическая литература, 1972. – С. 280.

⁵ Карапетян Л.М. Федеративное устройство Российского государства. – М.: Изд-во НОРМА, 2001. – С. 352.

обязанностей субъектов по осуществлению действий в сфере определенных общественных отношений.

По мнению П.Ф. Елисейкина, неосуществление судом своего права приравнивается к неисполнению им своих обязанностей¹.

Согласно положениям ч. 4, ч. 6 ст. 167 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ²) суд наделяется полномочиями рассмотреть дело в отсутствие лиц участвующих в деле, извещенных надлежащим образом³. Суд обладает полномочием по выбору любого удобного для него способ извещения лиц, участвующих в деле.

Однако данная норма права определяет, что лицам, участвующим в деле, судебные извещения и вызовы должны быть вручены в разумный срок, чтобы указанные лица имели время для подготовки к делу (ч. 1 и ч. 3 ст. 113 ГПК РФ). Таким образом, суд имеет право на выбор способа извещения и обязанность направить судебное извещение заблаговременно.

Данный пример подтверждает правильность суждения о единстве прав и обязанностей суда при осуществлении им своих полномочий. Суд апелляционной инстанции, как государственный орган, являясь властным субъектом гражданского процессуального правоотношения, реализует свои права и обязанности в сочетании, то есть осуществляет свои полномочия в пределах представленной ему компетенции.

Термин компетенция определяется С.С. Алексеевым как совокупность прав и обязанностей, возникших с момента образования в качестве органа государственной власти⁴. По мнению М.Ю. Осипова, компетенция органов государственной власти и должностных лиц, может быть охарактеризована как круг закрепленных в законе полномочий, которые признаются их обязанностями⁵.

Таким образом, под компетенцией следует понимать совокупность установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица.

Компетенция суда апелляционной инстанции как субъекта гражданского процесса заключается в первую очередь в том, что суд апелляционной инстанции должен иметь законный состав. Также суд вправе рассматривать только подсудные ему гражданские дела, то есть только те, которые отнесены к его компетенции законом.

¹ Елисейкин П.Ф. Защита субъективных прав и интересов и компетенция суда в советском гражданском процессе // Уч. записки «Вопросы государства и права». – 2014. – № 7. – С. 15.

² Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.02.2022) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

³ Осипов М. Ю. О методике определения эффективности правовых процессов // Правоведение. – 2011. – № 3. – С. 60

⁴ Теория права: Учебник / Отв. Ред. С.С. Алексеев. – М., 1995. – С. 197.

⁵ Осипов М.Ю. О методике определения эффективности правовых процессов // Правоведение. – 2011. – № 3. – С. 60.

Следовательно, именно компетенция определяет предмет деятельности суда как органа государственной власти.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что под компетенцией суда апелляционной инстанции следует понимать его деятельность по осуществлению правосудия, а под полномочиями – единство прав и обязанностей суда, обеспечивающих разрешение и рассмотрение гражданских дел.

Самостоятельная процессуальная функция суда апелляционной инстанции определяется как закрепленная процессуальная деятельность по реализации нормативно установленных полномочий, которые обеспечивают достижение цели апелляционного судопроизводства, в том числе проверку правильности принятого судом первой инстанции судебного акта и исправление допущенных судом первой инстанции материальных и процессуальных ошибок.

На основании этого, можно сделать вывод о том, что компетенция и полномочия суда не тождественные понятия. Суд, являясь государственным органом, выполняет важнейшую государственную функцию по отправлению правосудия. Выполняя эту функцию, суд реализует в своих решениях волю, исходящую от государства.

ЗАЩИТА ПРАВ ГРАЖДАН В ЭПОХУ РАЗВИТИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Поротько Е.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии

Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина

(МГЮА), к.ю.н. Бессонова И.В.

Современное общество справедливо называют информационным, так как именно информация становится основополагающим фактором управления социумом. Развитие информационных систем и технологий, многократно увеличивающих возможности информационного воздействия, позволяет констатировать факт формирования нового пространства - информационного, в котором находят свое отражение все стороны общественной жизни.

Современный цифровой мир со всем своим потенциалом и технологиями в контексте права на неприкосновенность частной жизни ежедневно ставит серьезные и острые задачи как перед теорией основных прав человека, так и в юридической практике. Надежный уровень защиты предполагает изучение опыта таких органов международного правосудия, как Европейский суд по правам человека и Суд Европейского Союза, зарубежных конституционных и верховных судов, и соотнесение с ними национальных подходов и развития практики, особенно в сфере обеспечения

баланса между защитой частной жизни и необходимостью укрепления собственной безопасности, предупреждения и раскрытия преступлений.

Общий регламент о защите данных (General Data Protection Regulation) от 27 апреля 2016 г. № 2016/679 в странах Европейского Союза вступил в силу 25 мая 2018 г. и рассматривался в качестве инструмента для решения обозначенных проблем. Однако, указанное регулирование, по мнению исследователей, не дает адекватных ответов на растущую тревогу среди европейских граждан, поскольку оно не предназначено для сегодняшней цифровой реальности.¹ Представляются интересными мысли видного французского политика Андре Сантини, предложившего сетевому сообществу «Декларацию прав цифрового человека», ставшую важной частью более обширного документа «Белая книга». Автор в указанном проекте исходит из того, что выполнение правом своего предназначения гарантируется обеспечением свободы слова, плюрализма мнений, свободы предпринимательства и конкуренции, защиты собственности. По его мнению, защита прав и свобод человека в цифровом мире – это то, с чего законодатель должен начинать и без чего дальнейшее законотворчество лишается всякой опоры и основания.

Уникальность российской Конституции в том, что она, гарантируя в ясной форме право на неприкосновенность частной жизни (ст. 23), специально предусматривает возможность сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица исключительно на основании его согласия (ст. 24). Названное регулирование, находясь в общеевропейском русле, позволяет реализовывать национальные доктрины с учетом выработанных на международном уровне концепций защиты частной жизни, соотносить собственные позиции с достижениями других правовых систем. Обоснованно отмечается, что проблема обеспечения прав человека в цифровом мире выходит на первый план.

Защита прав заключается в том числе в изучении и своевременном заимствовании многих элементов применяемых доктрин, законодательных регулирований и судебных интерпретаций, особенно практик многих стран надежда быстрого реагирования на новые вызовы ввиду технологического и технического развития. По мнению В. Д. Зорькина, какой бы ни была цифровая реальность по степени ее развитости, она в конечном счете должна подпадать под действие Конституции как нормативного акта, имеющего высшую юридическую силу в российской правовой системе, в том числе по отношению к законоположениям, регулирующим указанную сферу новых отношений.²

Среди ожидаемых нововведений в российском законодательстве – внедрение концепции Big Data. Большие данные позволяют повторно

¹ De Hingh A. E. Some Reflections on Dignity as an Alternative legal Concept in Data Protection Regulation // German Law Journal. 2018. Vol. 19. No. 5. P. 1274.

² Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. – 2018. – 29 мая.

идентифицировать человека из набора данных, которые не имеют прямой связи с конкретным лицом, но их интерпретация дает возможность извлекать персональные данные, которые человек не предоставил, посредством анализа огромных объемов информации. Примером такой опосредованной идентификации является взлом набора данных пользователей Netflix в 2019 г., включающих идентификатор пользователя и оценки фильмов. Сами по себе эти данные не позволяют идентифицировать человека. Однако, в сочетании с другой информацией, такой, как пользовательские рейтинги фильмов в базе данных Internet Movie Database, данные позволили идентифицировать клиентов Netflix¹.

Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни лица в ст. 137 УК РФ, однако в данной норме содержатся не все известные на сегодняшний день способы совершения такого деяния. В частности, отсутствует упоминание на использование систем искусственного интеллекта. Вместе с тем современные технологии имеют широкую возможность по получению большого объема информации о личности, в том числе сведений медицинского характера, что приобрело актуальность в период пандемии.

В настоящее время использование сети Интернет предусмотрено в диспозициях как минимум двадцати норм действующего уголовного закона, включая квалифицирующие признаки отдельных составов преступлений. В связи с этим не совсем понятно, почему законодатель обошел вниманием соответствующий признак в диспозиции нормы ст. 137 УК РФ, ограничившись лишь указанием на средства массовой информации, под понятие которых не подпадают интернет-ресурсы, не зарегистрированные в установленном законом порядке. Такой вывод следует из буквального толкования ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 г. № 2124-1.

Решением выявленной нами проблемы может стать дополнение нормы ст. 137 УК РФ указанием на совершение преступления в сети Интернет, в том числе с использованием нейронных сетей и искусственного интеллекта. Представляется, что такие действия обладают повышенной степенью общественной опасности, а, следовательно, должны быть помещены в ч. 2 ст. 137 УК РФ.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что необходимо усовершенствовать законодательство и считаем необходимым проведение дальнейших комплексных исследований с обширным погружением в указанную проблематику.

¹ Отписавшиеся пользователи Netflix пожаловались на взлом аккаунтов – хакеры используют их данные для перепродажи подписки // <https://vc.ru/services/95127-otpisavshiesya-polzovateli-netflix-pozhalovalis-na-vzлом-akkauntov-hakery-ispolzuyut-ih-dannye-dlya-pereprodazhi-podpiski> (дата обращения: 14.03.2022).

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Потоцкий Д.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Не так давно в правовой системе России появился институт банкротства граждан, который уже достаточно эффективно функционирует в настоящее время. Это значительный шаг для развития экономики, для поддержки банковской системы и социальной стабильности в стране, который позволяет реализовывать гражданам свои конституционные права на достойную жизнь¹.

В России введение института банкротства физического лица имеет не простую историю, которая завершилась на 20 с лишним лет позже принятия Закона о банкротстве в 1992 году. Многие ученые-цивилисты говорили в свое время о необходимости введения данного института.

В итоге с 1 октября 2015 года вступили в силу нормы, посвященные потребительскому банкротству физических лиц. Кроме всего, судебная практика и доктрина и раньше сталкивались с банкротством физического лица при рассмотрении дел о банкротстве индивидуальных предпринимателей. Данный характер таких норм показывает, что при принятии законоположений, которые посвящены банкротству граждан, был учтен и зарубежный правовой опыт в сфере потребительского банкротства в частности США (глава 13 Кодекса о банкротстве 1978 года).

Согласно мировой практике регулирование таких процедур исходит из признания института потребительского банкротства благом для добросовестного гражданина, так как это позволяет ему в ходе одного процесса освободиться от долгов, предоставив в качестве расчетов кредиторам свое имущество.

Во-первых, в России институт банкротства развивался постепенно, изначально не было такой необходимости в процедуре банкротства именно физических лиц. Тем не менее с развитием экономики и банковской системы, это стало необходимой частью. Перед тем, как закон стал актуальным, он пережил ряд изменений и поправок.

Во-вторых, для того, чтобы начать процедуру и возбудить производство по делу о банкротстве гражданина-должника, конкурсный управляющий или уполномоченный орган должны доказать наличие признаков банкротства с предоставлением заявлением в арбитражный суд о признании гражданина банкротом. При обнаружении признаков,

¹ Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

основывающихся на критериях, суд принимает данное заявление на рассмотрение¹.

В-третьих, сама процедура может быть инициирована как гражданином, так и заинтересованным лицом. Процедура реструктуризации является подлинной реабилитационной процедурой, потому что она полагает наличие утвержденного плана, согласно которым и кредиторы, и должник, соблюдают баланс интересов, приходят к общим договоренностям, за счет которых восстанавливается платежеспособность должника, не доводя его до банкротства, а применение реализации имущества физического лица к должнику, уже который является банкротом, и направлена на соразмерное удовлетворение кредиторских требований, являясь завершающим этапом в признании гражданина финансово несостоятельным. После этого процесс приходит в логическое завершение. Также предусматривается еще одна процедура — это мировое соглашение, оно позволяет договориться должнику с кредиторами на взаимовыгодных условиях при сложившемся материальном положении должника, тем самым значительно ускоряет процесс.

В-четвертых, доказывание факта преднамеренного банкротства приобретает для кредиторов особый смысл в делах о банкротстве граждан. Благодаря комплексному изучению можно сделать вывод, действительно ли должник находится в затруднительном финансовом положении или же, это лишь нежелание расплачиваться с кредиторами. Освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если вступившим в законную силу судебным актом он привлечен к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное или фиктивное банкротство².

Судебные приставы - исполнители лишены возможности выезда по месту жительства должников, без которого окончание исполнительного производства согласно п. 4 ч. 1 ст. 46 ФЗ "Об исполнительном производстве" просто невозможно. В связи с этим граждане попадают в ситуацию, при которой в более выгодном положении оказываются те, в отношении которых судебные приставы - исполнители до введения вышеуказанных ограничений уже успели провести все необходимые мероприятия, включая выезды по месту жительства и, не обнаружив имущества, за счет которого возможно принудительное исполнение, могут окончить исполнительное производство по "необходимой" статье. Остальные, включая граждан, исполнительное производство в отношении которых было возбуждено после введения ограничений, просто лишены возможности подать заявление о признании их несостоятельными во внесудебном порядке.

Однако, даже при снятии ограничений после 1 июля 2021 года судебные приставы - исполнители не смогут окончить производство в отношении граждан, которые имеют хотя бы малейший доход. В эту

¹ Там же.

² Там же.

категорию попадают и пенсионеры, так как согласно нашей практике, судебные приставы - исполнители осуществляют взыскания с любых доходов, в том числе которые необходимы для выживания граждан¹.

Однако, стоит отметить, в ФЗ "О несостоятельности (банкротства)" ст. 223.3 в первоначальной редакции, предложенной в Законопроект, предусматривалось включение сведений в ЕФРСБ спустя только 12 дней после получения саморегулируемой организацией заявления, что в 3 раза дольше установленного срока для включения таких сведений многофункциональным центром.

Из сказанного можно сделать вывод, что в ходе редактирования и анализа Законопроекта Законодатель в последней редакции Закона ввел максимально короткие сроки для опубликования сведений в ЕФГСБ.

Если многофункциональный центр при проверке обнаруживает несоответствие гражданина требованиям, предъявляемым к нему на основании п. 1 ст. 223.2 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", то он возвращает заявителю заявление которое он подавал в течении 3-ех рабочих дней. При том, что в соответствии п. 6 и п. 7 ст. 223.2 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)" у гражданина имеется возможность обратиться в многофункциональный центр с подобным заявлением не ранее чем через 1 месяц со дня возврата такого заявления.

Данный срок также был сокращен законодателем, так как внесенный в Законопроект рассчитывал, что в случае выдачи арбитражным управляющим отказ в удостоверении соблюдения требований, указанных п. 1 и п. 2 ст. 223.2 ФЗ "О несостоятельности (банкротстве)", гражданин имел бы право на повторное заявление о его несостоятельности во внесудебном порядке не раньше чем через пол года.

Опубликование сведений о ходе внесудебного банкротства гражданина осуществляется в том же порядке, как и при введении процедуры банкротства гражданина в судебном порядке.

Согласно статистики и расчетов, проведенных специалистами "Банкрот Консалт" в среднем признание неплатежеспособности физического лица обходится заявителю не меньше 52 300 рублей². Однако есть и "скрытые" затраты - они являются дополнительными расходами финансового управляющего - в частности, если будет проводиться реализация имущества гражданина-банкрота (почтовые, информационные - публикации в ЕФРСБ, привлечение независимых экспертов и др.). Поэтому создали другой аспект

¹ Федеральный закон от 20.07.2020 № 215-ФЗ "Об особенностях исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также возврата просроченной задолженности в период распространения новой коронавирусной инфекции": КонсультантПлюс: справ. правовая система. Версия Проф. Электрон. дан. М., 2020 Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

² Милантьев К. Реальная стоимость банкротства физических лиц (цена процедуры для граждан) // Банкрот Консалт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://bankrotconsult.ru/skolko-stoit-bankrotstvo-fizicheskikh-lits> (дата обращения: 11.12.2021). Режим доступа: локальная сеть Науч.б-ки Том. гос. ун-та.

решении проблемы - относительно небольшое вознаграждение арбитражных управляющих малопривлекательно для участия физического лица в процедуре банкротства, а среди граждан-должников не все могут себе позволить серьезные расходы ввиду сложившейся ситуации.

Согласна данным Российского союза саморегулируемых организаций арбитражных управляющих (далее - РСО АУ) 56% составляют издержки финансирование процедуры от конкурсной массы гражданина-должника¹.

В следствии чего, процедура банкротства может помочь не всем физическим лицам избавиться от долговых обязательств, которые ранее он не сам выполнить. Поэтому данную процедура будет являться не столь эффективной и в меньшей степени социально направленной.

Государство обратило внимание на такой изъян. Очень долго обсуждалась данная идея, чтоб создать упрощенную процедуру списание долгов физических лиц, но долго не могла реализоваться из-за того, что законодатель не мог выбрать, как должен выглядеть сам механизм и какими критериями должники должны соответствовать, имеющие на него право.

Министерство экономического развития РФ уже на протяжении нескольких лет ведет разработку проекта внесения изменений в Федеральный Закон "О несостоятельности (банкротства)". Рассчитывалось, что Федеральный Закон "О несостоятельности (банкротства)" будет более доступной и простой процедурой упрощенного производства и которое будет иметь возможность получить большее количество граждан².

ПРАВОВЫЕ АКТЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО ОРГАНА МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ

Прищепо К.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., профессор Щепачев В.А.

Полномочия представительного органа местного самоуправления принимать в пределах своей компетенции нормативно-правовые акты закреплены положениями ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».³ Так, к исключительным вопросам ведения представительного органа муниципального образования закон относит возможность принимать нормативные правовые акты по

¹Первый опыт: закону о банкротстве физлиц исполнился год // [Электронный ресурс]. доступа: http://www.russianit.ru/news/practice/view/_t_/id=401191 (дата обращения: 12.12.2021) Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

² Ключевская Н. Внесудебное банкротство гражданина: новая процедура списания безнадежных долгов // URL: <https://www.garant.ru/article/1409808/> (дата обращения: 03.11.2021). Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

³ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2003. – № 40. – Ст. 3822.

вопросам принятия, а равно внесения любых корректировок в текст устава муниципального образования. Правовым актом представительного органа должен быть утвержден местный бюджет, а также отчет об исполнении бюджета. Вопросы установления, изменения и отмены положений местного налогового законодательства также лежат в плоскости нормотворческих компетенций представительного органа местного самоуправления. Кроме того, нормами права представительного органа может быть утверждена стратегия развития муниципального образования в социальной и экономической сфере. Порядок управления и распоряжения имуществом комплексом муниципального образования также определяется правовыми актами представительных органов. Правовыми актами данного органа муниципальной власти формируется порядок принятия решений о создании, реорганизации и ликвидации муниципальных предприятий, устанавливается тариф на услуги, работы таких организаций. Муниципальное образование сотрудничает с прочими муниципальными образованиями в соответствии с правовыми актами его представительного органа. Представительный орган муниципального образования вправе осуществлять правовое регулирование порядка материально-технического и организационного обеспечения деятельности органов муниципальной власти. Кроме того, правила благоустройства муниципального образования также относятся к нормотворческой компетенции представительного органа. Как видно, выделенные правотворческие полномочия представительного органа муниципального образования представляют собой обширный перечень. При этом федеральный законодатель не ограничивает их одной статьей, предоставляя муниципальным образованиям самостоятельно его дополнять по мере необходимости, хотя на практике сами муниципальные образования редко пользуются предоставленным им правом расширить исключительную правотворческую компетенцию своих представительных органов. Как правило, на муниципальном уровне перечень правотворческих полномочий представительного органа муниципального образования дублирует компетенции, закрепленные на федеральном уровне.

Учитывая достаточно широкий перечень нормотворческих компетенций представительного органа муниципального образования, важным становится закрепление жизнеспособного порядка принятия органом правовых актов. Так, принимаемый представительным органом местного самоуправления правовой акт в обязательном порядке должен быть направлен главе муниципального образования в целях подписания и обнародования подготовленного проекта. При этом сам глава муниципального образования обладает правом отлагательного вето, что сохраняет за ним возможность мотивированно отклонить полученный от представительного органа проект правового акта. В случаях реализации главой муниципального образования права отлагательного вето, отклоненный проект вновь поступает в представительный орган вместе с предложениями по его доработке. Законом предусматривается возможность

преодоления права вето главу муниципального образования: для этого в отношении возвращенного проекта правового акта должно снова пройти голосование внутри представительного органа, и по итогам голосования проект акта в прежней редакции должен получить поддержку не менее двух третей депутатов от общей их численности в представительном органе. В изложенной ситуации глава муниципального образования обязан будет подписать и обнародовать проект акта, утвержденный большинством состава представительного органа местного самоуправления.

В силу того, что правовые акты представительного органа муниципальных образований представляют собой муниципальный акт, как и в прочих случаях принятия правовых актов муниципального образования к нему применимы все стадии правотворчества муниципального акта: предпроектная работа, подразумевающая проработку проекта муниципального правового акта; вынесение проекта правового акта представительного органа местного самоуправления на рассмотрение; непосредственно рассмотрение акта, согласование и его принятие представительным органом; подписание и обнародование акта, обладающее в случае с правовыми актами представительного органа особенностями в виде возможности применения вето главой муниципального образования в отношении предложенного для подписания и обнародования проекта правового акта.¹ Завершающей стадией муниципального правотворчества является вступление правового акта в силу. В качестве дополнительных стадий муниципальным образованием могут быть установлены дополнительные, такие как: оценка эффекта принимаемого правового акта; экспертная оценка проекта правового акта; публичные слушания по проекту. Муниципальным образованием может быть установлена необходимость применения и прочих дополнительных стадий.

Принимая во внимание широкий круг вопросов, по которым представительный орган обладает правотворческой инициативой, а также значительное влияние этих вопросов на образ жизни проживающего в муниципальном образовании населения, особое значение приобретает введение в процесс правотворчества представительного органа этапа публичных слушаний, проведение которых становится обязательным в определенных случаях. Так, народное обсуждение должно проводиться в отношении таких правотворческих инициатив представительного органа как принятие, изменение устава муниципального образования. Обсуждаться должен и проект местного бюджета, проект принимаемой стратегии развития муниципального образования социального и экономического характера. В прочих случаях применение процедуры публичного слушания остается на усмотрение самого муниципального образования.

¹ Галицков В.А., Крысанов А.В. Муниципальное нормотворчество: отдельные вопросы теории и практики // Вестник Уральского юридического института МВД России. – 2017. – № 1. – С. 9-13.

В рамках публичных слушаний происходит народное обсуждение предполагаемых к принятию правовых актов. В научной литературе публичные слушания именуют примером делиберативной демократии¹, поскольку она представляет собой одну из форм активного участия граждан в управлении муниципальным образованием². Особенностью данной процедуры является то, что наиболее перспективные возможности ее применения открываются именно на муниципальном уровне ввиду самой технической возможности обсуждения проекта меньшим количеством участников и удобством учета мнений. Большая приближенность населения муниципального образования к вопросам местного значения обеспечивает большую вовлеченность граждан в процесс обсуждения проектов правовых актов³.

Несмотря на высокий потенциал публичных слушаний как процедуры принятия представительным органом правового акта, наблюдается большой формализм в подходе к организации народного обсуждения⁴. Таким образом, проблема формального подхода к проведению публичных слушаний является важной проблемой правотворческого процесса не только представительного органа, но и всего муниципального образования.

В целях преодоления выявленной проблемы мы подготовили ряд предложений по совершенствованию процедуры, которые позволят наиболее эффективно задействовать предусмотренный законодателем механизм демократии.

1. Прежде чем проект правового акта представительного органа будет представлен для общественного обсуждения, необходимо проверить, что текст проекта изложен логичным и ясным языком.

2. В ходе проведения публичных слушаний важно обратить внимание на то, является ли поддержка предложенного на обсуждение проекта пассивным общественным согласием или она достигнута в ходе проявления активного общественного мнения.

3. В ходе проведения публичного слушания организаторам важно поддерживать логичность своих умозаключений даже несмотря на порой нелогичные высказывания участников обсуждений.

4. Для участия в публичных обсуждениях участники со стороны общественности должны получить возможность реально подготовиться к

¹ Киселев К.В., Ляпустина М.В., Руденко В.Н. Публичные слушания в муниципальных образованиях / под ред. М.Ф.Казанцева. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007. – С. 152.

² Козырева Л.Д. Публичные слушания как институт гражданского общества: проблемы организации и проведения // Управленческое консультирование. – 2015. – № 3. – С. 116-122.

³ Агапова Е.В., Баранова Е.А. Публичные слушания как форма народовластия в России // Марийский юридический вестник. – 2015. – № 4. – С. 121-123.

⁴ Астанин А. В. Мониторинг обеспечения и состояния качества нормотворческой деятельности органов местного самоуправления // Мониторинг правоприменения. – 2016. № 4. – С. 4–13.

участию, для чего перед самим процессом слушания общественность должна быть достаточным образом информирована о повестке обсуждений. Такое информирование не должно оставаться формальным набором минимума данных.

5. Организаторы слушаний должны рассматривать данный процесс как шаг к уменьшению существующих разногласий, ввиду чего слушание следует начать с объявления его цели как возможного улучшения проекта правового акта и запроса конкретных предложений. Подробные предложения, скорее всего, будут более тщательно продуманы, чем спонтанные комментарии в процессе обсуждений.

6. Основная возможность для уменьшения площади конфликта проявляется после слушания. Рекомендуются давать письменный ответ на каждое поступившее предложение по проекту. В максимально возможной степени без неблагоприятного воздействия на общественные интересы предложения или компромиссы в отношении поступивших предложений должны быть приняты. Если невозможно достичь компромисса, не ставя под угрозу законные общественные цели, должны быть четкие и убедительные аргументы, почему это так.

Таким образом, представленные предложения должны позволить преодолеть формальный подход в организации народных обсуждений проектов правовых актов представительного органа муниципального образования и повысить эффективность самого процесса, задействовав максимум его потенциала.

НОТАРИАЛЬНОЕ ДЕЙСТВИЕ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ: ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ

Прокудина Е.В. - магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Томина А.П.

В современном периоде нотариат решает задачи обеспечения стабильного гражданского оборота, уменьшения количества незаконных сделок. Предотвращение гражданско-правовых споров, рассматриваемых судами, является важными функциями нотариата. Значение нотариальных действий в гражданском судопроизводстве достаточно велико выражается в следующем.

Главной целью нотариата в Российской Федерации является охрана беспорных прав и законных интересов граждан и юридических лиц, которая осуществляется путем совершения нотариусами предусмотренных

законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации¹.

Легальное определение понятия «нотариальное действие» в законе не закреплено, но вместе с тем законодателем данное понятие широко используется в нормах права. В научной литературе мы можем найти множество подходов относительно определения данного понятия.

Например, Г.Г. Черемных предлагает понимать под нотариальным действием «совершаемое в соответствии со строго определенным законодательством порядком именем Российской Федерации действие нотариуса или уполномоченного должностного лица по совершению имеющего юридическое значение акта, направленного на защиту прав и законных интересов субъектов в сфере бесспорной юрисдикции»².

А.А. Шахбазян предлагает под нотариальным действием понимать «определенную форму нотариальной деятельности, которая выражается либо в удостоверении отдельных юридически значимых обстоятельств, либо в обеспечении сохранности документов и доказательств, либо в совершении распорядительных действий в защиту бесспорных прав, либо в содействии по передаче заявлений между субъектами права»³.

Нотариус при совершении нотариального действия соблюдает строго установленную законом процедуру. Такая процедура предусматривает детальную проверку как предоставляемых лицами документов, так и фактов, имеющих значение для законности нотариального действия.

В связи с данными обстоятельствами актуальным является вопрос об особой доказательственной силе нотариальных актов в гражданском процессе.

Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации⁴ устанавливает правило, согласно которому суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств. При такой оценке никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы⁵.

Вместе с тем стоит сказать о том, что закон устанавливает основания для освобождения от доказывания. К таким, в частности, законодатель относит обстоятельства, подтвержденные нотариусом при совершении нотариального действия. Такие обстоятельства не требуют доказывания, если

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. 02.07.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

² Нотариальное право Российской Федерации: учебник / под ред. Г.Г. Черемных. – М.: Юрид. Лит., 2005. – С. 206.

³ Шахбазян А.А. Правовая природа защитной функции нотариата в гражданском обороте // Сборник материалов и статей к 10-летию центра нотариальных исследований. – 2012. – № 2. – С. 109.

⁴ Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

⁵ Там же.

подлинность нотариально оформленного документа не опровергнута в порядке заявления о подложности доказательств или не установлено существенное нарушение порядка совершения нотариального действия¹.

Данное положение при введении его в ГПК РФ породило разногласия как в правоприменительной практике, так и в научном сообществе.

Следует отметить, что нотариальные акты, удостоверяющие определенные юридические акты, всегда имели лишь повышенную убедительность, как доказательства этих фактов в суде, но не имели предустановленной силы и не исключали судом их оценку наряду с другими доказательствами по делу².

Еще одним важным аспектом при определении обстоятельств, которые в деле доказываются нотариальным актом, является понимание, какие обстоятельства устанавливаются при совершении того или иного нотариального действия, а какие не подлежат установлению.

Например, свидетельствуя подлинность подписи, нотариус удостоверяет, что подпись на документе сделана определенным лицом, но не удостоверяет фактов, изложенных в документе³.

Так же свидетельствуя верность копий документов и выписок из них, нотариус не подтверждает законность содержания документа, соответствие изложенных в нем фактов действительности, личность, дееспособность и полномочия подписавших его лиц, правоспособность юридического лица, от которого исходит документ⁴.

При удостоверении завещаний нотариус не требует от завещателей доказательств, подтверждающих их прав на завещаемое имущество⁵.

Но достаточно очевидно процесс создания нотариусом бесспорных обстоятельств проявляется при удостоверении им сделок.

Нотариальное удостоверение сделки означает проверку законности сделки, в том числе наличия у каждой из сторон права на ее совершение, и осуществляется нотариусом или должностным лицом, имеющим право совершать такое нотариальное действие, в порядке, установленном законом о нотариате и нотариальной деятельности.

При удостоверении сделок по отчуждению имущества, к примеру, нотариус первоначально устанавливает личности участников сделки, их волю на заключение договора, устанавливает факт отсутствия дела о банкротстве или исполнительном производстве, производит проверку документов, подтверждающих право собственности на недвижимое имущество,

¹ Гражданский процессуальный кодекс от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

² Шахбазян А.А. Правовая природа защитной функции нотариата в гражданском обороте // Сборник материалов и статей к 10-летию центра нотариальных исследований. – 2012. – № 2. – С. 111.

³ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. 02.07.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

устанавливает отсутствие арестов и обременений на данное имущество¹. На данном примере видно, какой большой круг обстоятельств проверяется нотариусом при совершении нотариального действия

Именно поэтому при применении судами ч. 5 ст. 61 ГПК РФ следует учитывать специфику нотариальной деятельности и сущности отдельных нотариальных действий. Необходимо понимать объем обстоятельств, которые могут быть подтверждены тем или иным нотариальным актом.

Таким образом, совершение нотариусом нотариальных действий, соответствующих строго установленным законом правилам, обеспечивает бесспорность обстоятельств, подтвержденных нотариусом. Но ч. 5 ст. 61 ГПК РФ не освобождает суд от обязанности оценки всех доказательств. При применении данной нормы суду следует учитывать специфику того или иного нотариального действия при решении вопроса о том, какие обстоятельства имеют бесспорный характер из-за совершения такого действия, а какие обстоятельства суду еще следует установить в процессе.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ УЧАСТИЯ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Прунова А.А. – магистрант программы подготовки магистров «Юрист в органах власти» Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.и.н. Ганина О.Ю.

Законодательный процесс в Российской Федерации состоит из ряда стадий, на каждой из которых участвуют определенные субъекты. Положение Президента Российской Федерации в законотворческой деятельности, безусловно, значимо, поскольку глава государства как орган государственной власти и непосредственный участник законодательного процесса оказывает воздействие на систему законодательной власти в России².

Согласно Конституции Российской Федерации Президент России – глава государства. При этом он не входит ни в одну из ветвей власти и не возглавляет ни одну из них. При этом он обладает обширным спектром полномочий в различных сферах деятельности государства и правотворческого процесса, выступает типичным субъектом права законодательной активности.

¹ Основы законодательства Российской Федерации о нотариате от 11.02.1993 № 4462-1 (ред. 02.07.2021) // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.

² Бошно С.В. Законодательная инициатива: внесение законопроектов в Государственную Думу. – М.: Эксмо, 2018. – С. 152 – 169.

Как субъект права законодательной инициативы Президент Российской Федерации вправе:

- а) готовить текст законопроекта;
- б) вносить на рассмотрение Государственной Думы законопроект.

Одновременно с указанным выше глава государства обязан следовать установленному Конституцией Российской Федерации порядку при реализации законодательной инициативы и рассмотрении ее в Федеральном Собрании. В свою очередь Государственная Дума должна проанализировать правотворческую инициативу Президента Российской Федерации.

Участие Президента России в законодательном процессе проявляется также в качестве лица, которое полномочно подписывать и обнародовать федеральные законы и федеральные конституционные законы. Только глава государства вправе совершать такие действия, что также свидетельствует о реализации через этот механизм его права на участие в законодательной деятельности. Также Президент Российской Федерации обладает правом вето в отношении принятых законов. Если он считает, что тот или иной закон не соответствует действующему законодательству, то вправе не подписывать его, отклонить¹. Преодолеть это полномочие главы государства палаты Федерального Собрания могут только двумя третями голосов в каждой палате. Таким образом, право вето есть одно из преимуществ Президента Российской Федерации, позволяющее ему отклонить принятый Государственной Думой закон, опираясь на его качество и соответствие действующему законодательству. То есть в праве отрицательного надзора реализуется полномочие главы государства регулировать законотворческий процесс органов публичной власти.

Таким образом, Президент Российской Федерации обладает широкими полномочиями в законодательном процессе, которые реализуются через установленные в законодательстве способы и механизмы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПРОКУРОРА, КАК ФОРМА УЧАСТИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ: ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Рафиков И.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

Вступление прокурора в начатый другими лицами процесс, с целью дачи заключения по делу, является одной из двух форм участия прокурора в гражданском судопроизводстве в суде первой инстанции, предусмотренных действующим российским процессуальным законодательством.

¹ Окуньков Л. А. Президент Российской Федерации. Конституция и политическая практика. – М.: Просвещение, 1996. – С. 74.

И, несмотря на нормативное закрепление обеих форм участия прокурора, некоторыми авторами высказывается мнение, согласно которому, обращение прокурора в суд в защиту чужих прав, свобод и законных интересов (инициативная форма участия) имеет более определенный характер, чего нельзя сказать про вступление прокурора в процесс для дачи заключения по делу¹.

Полагаем, есть основания согласиться с указанным мнением, и выделить ряд теоретических и практических проблем, связанных с реализацией неинициативной формы участия прокурора в гражданском процессе в суде первой инстанции.

Прежде всего, следует указать на то, что в процессуальной доктрине отсутствует единое мнение относительно оправданности существования данной формы участия прокурора в гражданском процессе.

Так, Ю.В. Корулина определяет важность рассматриваемой формы участия прокурора, но при этом отмечает, что заключение прокурора носит больше рекомендательный, чем императивный характер и способно лишь ориентировать суд на вынесение правильного решения².

А.В. Китаева указывает, что данная форма участия в гражданском процессе нецелесообразна и, в целом, противоречит таким принципам гражданского судопроизводства как диспозитивность и состязательность, предлагая исключить из ГПК РФ положения о вступлении прокурора в процесс с целью дачи заключения³. По нашему мнению, достаточно спорным является вопрос о влиянии указанной формы участия прокурора в деле на действие принципов диспозитивности и состязательности. Поскольку прокурор является самостоятельным субъектом, отдельно названным лицом, участвующим в деле, он не выступает в поддержку какой-либо из сторон спора при даче заключения по делу, а в основу его деятельности ставится вопрос о соблюдении закона, а не интересов какой-либо из сторон. В связи с чем, полагаем, что вступление прокурора в процесс для дачи заключения по делу является дополнительной гарантией, направленной на правильное рассмотрение дела судом в случаях повышенной социальной значимости, а потому является оправданным.

Другим проблемным аспектом является вопрос унификации процессуального законодательства в части регулирования вступления прокурора в процесс для дачи заключения по делу. Сравнивая возможность участия прокурора в неинициативной форме в цивилистических отраслях, следует отметить отсутствие единого подхода по данному вопросу.

¹ Бывальцева С.Г. Заключение прокурора в гражданском процессе // Законность. – 2010. – № 5. – С. 56.

² Корулина Ю.В. Критерии допустимости прокурорского вмешательства // Законность. – 2010. – № 10. – С. 49.

³ Китаева А.В. Актуальные проблемы участия прокурора в гражданском процессе // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2016. – № 3. – С. 59.

Законодательство об административном судопроизводстве отчасти повторяет положения гражданского процессуального законодательства и выделяет в качестве отдельной формы участия прокурора вступление для дачи заключения по делу (ч. 7 ст. 39 КАС РФ). Однако, арбитражное процессуальное законодательство, на наш взгляд, не содержит положений, касающихся участия прокурора в рассмотрении дела для дачи заключения по нему, в силу того, что формулировка ч. 5 ст. 52 АПК РФ значительно отличается от соответствующих положений ГПК РФ и КАС РФ и больше подходит для обозначения возможности обращения в суды проверочных инстанций, например, подача апелляционной жалобы. В результате чего, стоит согласиться с позицией Т.Н. Казариной, отмечавшей необходимость унификации форм участия прокурора в гражданском процессе¹.

Еще одной проблемой является несовершенство законодательной техники при закреплении в действующем ГПК РФ положений об участии прокурора в неинициативной форме.

В частности, видится не совсем удачным решение законодателя при принятии ГПК РФ, указать на выступление прокурора с заключением по делу в статье 189 ГПК РФ, посвященной окончанию рассмотрения дела по существу, что по сравнению с положениями ранее действовавшего ГПК РСФСР 1964 г.², содержащего самостоятельную норму, посвященную заключению прокурора (ст. 187 ГПК РСФСР 1964 г.), похоже на некое упущение. В связи с чем, при принятии ГПК РФ, не просто изменилось расположение нормы о даче прокурором заключения, но и также была искажена ее сущность, в результате закрепления в статье «Окончание рассмотрения дела по существу»³.

Среди практических сложностей реализации, рассматриваемой формы участия прокурора в гражданском судопроизводстве проблемным остается вопрос с определением формы и содержания заключения прокурора по делу. ГПК РФ не содержит положений, которые определяют или хоть как-то касаются формы и содержания заключения прокурора по делу. Помимо этого, однозначных ответов не содержится и в ведомственных актах.

Так, в п. 6 Приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве»⁴ (далее – Приказ № 2) предусмотрено,

¹ Казарина Т. Н. Прокурор как субъект гражданско-процессуальных правоотношений в контексте унификации процессуального законодательства Российской Федерации // Российский судья. – 2021. – № 3. – С.8.

² Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. (с изм. и доп. от 31 декабря 2002 г.) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

³ Казарина Т. Н. Прокурор как субъект гражданско-процессуальных правоотношений в контексте унификации процессуального законодательства Российской Федерации // Российский судья. – 2021. – № 3. – С. 10.

⁴ Приказ Генерального прокурора РФ от 11 января 2021 г. № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» // Законность. 2021. – № 2.

что в случае участия прокурора в рассмотрении дела по правилам упрощенного (письменного) производства, если его участие является обязательным, в суд должно быть направлено заключение в письменной форме. В связи с чем, однозначного ответа об исключительно письменной форме заключения прокурора законом не предусмотрено. О содержании заключения прокурора по делу в п. 5 Приказа № 2 говорится лишь то, что оно должно быть мотивированным.

В результате подобной неопределенности, рядом исследователей предпринимались попытки по определению требований, которым должно соответствовать заключение прокурора по делу. Так, С.Г. Бывальцева отмечала, что в содержании заключения прокурора должны указываться: сущность требований заявителя (истца); обстоятельства, установленные в ходе судебного разбирательства; доказательства, подтверждающие эти обстоятельства; закон, которым суд должен руководствоваться при разрешении дела; выводы о том, подлежит ли, в соответствии с законом, заявленное требование (иск) удовлетворению (полностью или в части) и др.¹

Еще одной проблемой практического характера остается вопрос надлежащего извещения прокурора и его явки в судебное заседание для дачи заключения по делу. Будучи обязательным участником судебного разбирательства по предусмотренным законом категориям дел, прокурор извещается о начавшемся судебном процессе. При этом, в силу ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, неявка прокурора, извещенного о времени и месте рассмотрения дела, не является препятствием к разбирательству дела, что, по нашему мнению, имеет определенные противоречия. Поскольку с одной стороны закрепляются ограниченные случаи, когда прокурор должен участвовать при рассмотрении гражданского дела, в силу закона, а с другой стороны выходит, что не совсем и обязательно его участие, поскольку допускается разрешение дела и без учета его правовой позиции.

Таким образом, в настоящее время, реализация такой формы участия прокурора в гражданском процессе, как дача заключения по делу имеет ряд сложностей как теоретического, так и практического характера, решение которых возможно, посредством совершенствования процессуального законодательства и активной правоприменительной деятельности.

¹ Бывальцева С.Г. Заключение прокурора в гражданском процессе // Законность. 2010. – № 5. – С. 60.

СПЕЦИФИКА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ В КОНТЕКСТЕ КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Садоводова Я.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры гражданского права и
процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Жолобова Г.А.

Правомерность и эффективность корпоративной деятельности в отношениях с другими участниками гражданского оборота напрямую зависит от того, насколько урегулированы отношения между самими участниками или акционерами со стороны органов управления корпорации. Злоупотребление правом может иметь место лишь при наличии у лица соответствующего права, что означает, что лицо, допускающее злоупотребление, должно быть участником хозяйственного общества и обладать корпоративными правами, возникающими у него с момента возникновения членства (участия) в хозяйственном обществе¹. Когда происходит злоупотребление корпоративными правами внутри организации, недобросовестное осуществление прав проявляется в деятельности органов управления или ее исполнительных органов, которые направляют внешнюю деятельность корпорации.

Говоря о корпоративных правах участников хозяйственных обществ, стоит отметить такую особенность, как общие стандарты для реализации субъективного права конкретным участником и установленные ограничения, которые не позволяют участникам выходить за пределы реализации предоставленных прав. В противном же случае действия участников хозяйственных обществ приравниваются к злоупотреблению корпоративным правом².

Ключевые факторы в причинах корпоративных злоупотреблений обусловлены комплексным характером корпоративных правоотношений. Поведение, квалифицируемое в качестве злоупотребления правом, характеризуется рядом признаков, в числе которых обозначаем специфическую целевую направленность, неразумное и нецелесообразное в конкретный момент времени осуществление права путем использования экстраординарных способов. Критерий неразумности раскрывается через направленность действий субъекта права, неподкрепленную необходимостью реализации законного интереса либо связанную с использованием права в

¹Смирнова Я.А. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Смирнова Яна Александровна. – Москва, 2019. – 21 с.

²Овчинникова С.П., Ващенко А.В. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях: понятие, особенности, признаки // Философия права. – 2018. – №3 (86). – С. 4.

противоречии с его назначением для достижения недопустимых целей. Неразумное осуществление корпоративных прав ставит своей целью извлечение необоснованной выгоды, получение сверхприбыли и иное наступление желанных последствий для лица, злоупотребляющего правом, исключительно за счет контрагентов в лице корпорации или ее участников.

Наиболее злостными злоупотреблениями со стороны корпоративной организации, нивелирующими права участников на участие в управлении, являются: проведение общего собрания участников в недоступном или несуществующем месте в отсутствие надлежащего извещения¹; смена адреса юридического лица с целью парализации деятельности корпорации и исполнительного органа²; совершение сделок, направленных на вывод активов с целью имущественной дискриминации участников корпорации в форме уклонения от выплаты действительной стоимости доли участнику, членство которого в корпорации прекращено³. Также судам часто приходится сталкиваться со злоупотреблениями в виде предъявления требований об исключении других участников⁴, оспариванием решений органов корпорации в связи с утратой, по мнению акционера, корпоративного контроля⁵, а также злоупотреблением правами на информацию и получение документов⁶, неявки на голосование с намерением в дальнейшем обратиться в суд с иском об оспаривании решения корпорации.

В вопросе ответственности за допущенные злоупотребления правом нами также выявлена качественная специфика. Виды и порядки применения санкций прописаны в пункте 5 главы 1 ГК РФ. Понятие санкции в соответствии с п. 2 ст. 10 ГК РФ определяется как отказ в защите прав как частично, так и полностью. В том случае, когда злоупотребление правами повлекло за собой нарушение прав другого лица, такое лицо вправе предъявить свои требования на возмещение убытков, причиненных этим лицом.

В последнее время в юридической литературе обосновывается необходимость выделения особого вида корпоративной ответственности,

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18 марта 2019 г. № 305-ЭС19-1356 по делу № А40-43986/2017. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-18032019-n-305-es19-1356-po-delu-n-a40-439862017> (дата обращения: 20.12.2021).

² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 5 марта 2019 г. по делу № А40-107406/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 2 апреля 2019 г. № 305-ЭС19-3602 по делу № А40-184488/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Решение Арбитражного суда города Москвы от 23 апреля 2019 г. по делу № А40-71796/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 ноября 2018 г. по делу № А40-28351/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Определение Верховного Суда от 9 января 2019 г. № 305-ЭС18-21749 по делу № А40-254704/2017. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-09012019-n-305-es18-21749-po-delu-n-a40-2547042017> (дата обращения: 20.12.2021).

существующей наряду с договорной и деликтной. В рамках корпоративной ответственности обосновывается существование корпоративного деликта, отличающегося от общегражданского деликта как особый вид правонарушения, имеющий место в случае причинения вреда «относительным имущественным правам субъектов корпоративных отношений в связи с нарушением своих корпоративных обязанностей, связанных с управлением юридическим лицом»¹.

Проблемными моментами в области применения санкций к участникам корпоративных отношений в хозяйственных обществах выступают некорректные правовые нормы в гражданском законодательстве, отсутствие обобщенной и однородной судебной практики, большое количество диспозитивных норм, которые участники используют с выгодой для себя и трактуют с нарушением принципа добросовестности. Также в Гражданском кодексе отсутствуют положения в отношении юридической ответственности за нанесенный имущественный вред, причиненный лицом, злоупотребившим правом и не закреплен четкий состав правонарушения, по которому должно квалифицироваться злоупотребление². Н.А. Механошина инициирует внесение соответствующих дополнений в законодательство, закрепляющих правовые последствия нарушения пределов реализации корпоративных прав³. Отечественные правоведы предлагают перенять зарубежный опыт, дополнив российское законодательство следующими санкциями за нарушения, квалифицирующиеся как злоупотребление правом: принудительный выкуп доли, который лишает участника членства в хозяйственном обществе; возмещение потерь пострадавшей стороне (в частности, применительно к корпоративным правоотношениям); исполнение обязательств в натуре, а в случае неисполнения – возмещение убытков и уплата неустойки⁴.

В качестве основного вывода следует отметить, что использование категории «злоупотребление правом» в предпринимательских и корпоративных отношениях представляется целесообразным при условии законодательного закрепления формально определенных границ этого явления с позиции добрых нравов и разумности и при условии применения механизма оценки конечной цели реализации права. Применительно к России, представляется крайне необходимым в ближайшее время провести обобщение судебной практики по вопросам корпоративных споров, с целью

¹ Гутников О.В. Гражданско-правовая ответственность в отношениях, связанных с управлением юридическими лицами: дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 2018. – С. 19.

² Воронская М.В., Василенко О.Е. Злоупотребление правом участниками хозяйственных обществ // Территория новых возможностей. Вестник ВГУЭС. – 2020. – № 4. – С. 3.

³ Механошина Н.А. Злоупотребление правом в корпоративных отношениях // Известия Алтайского государственного университета. – 2018. – № 6. – С. 2.

⁴ Ответственность за нарушение условий корпоративного договора URL: https://zakon.ru/blog/2020/04/17/otvetstvennost_za_narushenie_uslovij_korporativnogo_dogovora (дата обращения 17.12.2021).

унификации применения норм о запрете злоупотребления правом, и отразить критерии для стандартизации подходов к квалификации злоупотреблений в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, что, в свою очередь, послужит материалом для дальнейшего развития отечественной теории злоупотребления правом.

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ЭКСТРЕМИЗМУ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ С УЧЕТОМ ЕЕ СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ

Середа Н.Н. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н., доцент Плотников А.И.

Одной из наиболее серьезных проблем, с которой столкнулись современные общества, является терроризм и экстремизм как его изначальная форма.

Термин «экстремизм» берет свое начало из латинского языка «*extremus*», это слово переводится на русский язык как «крайний». Одним из первых данный термин начал употреблять француз Шарль Монтескье, раскрывая его с отрицательным значением.

Основу регулирования профилактики и борьбы с экстремизмом в первую очередь составляют нормы международных нормативно-правовых актов. Такими являются:

1. Всеобщая декларация прав человека Организации объединенных наций (далее – ООН) от 10.12.1948 г.;
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод ООН от 04.11.1950 г.;
3. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации от 21.12.1965 г.;
4. Международный пакт о гражданских и политических правах ООН от 16.12.1966 г.;
5. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15.06.2001 г.

Стратегия противодействия экстремизму в современной России в свете требований Указа Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 года № 344 «Стратегия противодействия экстремизму в современной России до 2025 года» определила основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед Российской Федерацией вызовов и угроз. Стратегия разработана в целях конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ

«О противодействии экстремистской деятельности».¹ Важной частью этого документа стратегического планирования являются цель и задачи по воспрепятствованию проникновению радикальных взглядов и идеологии экстремизма в сознание молодежи, сосредоточенных на подрыве общественной безопасности, государственной целостности России, как многонационального государства.

Для понимания существа социально-психологической характеристике молодежного экстремизма особое значение приобретают исследования о наиболее значимых тенденциях антиобщественных проявлений, на основе которых можно сделать прогностическую оценку о тенденции развития неформальных молодежных организаций (группировок) экстремистско-националистической и иной направленности. С позиции психологии экстремизм – это зависимость от крайних взглядов определенной категории молодых людей с неустойчивой психикой, трудностями в адаптации, стеничностью, слабой ориентацией на общественно значимые ценности людей.

За период прошлого года в структуре экстремистской направленности 473 (53,1%) совершены с использованием сети Интернет. Информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет», стали основным средством связи для экстремистских организаций, которое используется ими для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии.²

К сожалению, и это подтверждается исследованиями, сегодня значительное число молодежи вовлекается в совершение экстремистской деятельности. Так, согласно исследованиям общественной организации «Центр экономических и политических реформ», более половины осужденных по «экстремистским» статьям – это молодежь до 25 лет.³

По данным МВД в России на учете в органах внутренних дел состоит свыше 450 молодежных группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тысяч человек. Большинство активных участников различных антиправительственных акций не имеют представления об истинных целях деятельности и не отдают себе отчет в действиях, в которых их призывают принять участие. Например, проведенное исследование представителями МВД, позволило выяснить, что более 60% опрошенных

¹ Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 “Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года” // СПС «Консультант Плюс».

² Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 “Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года” // СПС «Консультант Плюс».

³ В России четверо выросло количество осужденных за репосты, разжигание вражды и призывы к насилию. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3607022> (дата обращения 14.03.2022).

подростков шли на протестные акции из любопытства, 17% – за компанию с друзьями.

Следует констатировать, что правоохранительные органы активно участвуют в реализации положений Стратегии. Об этом ярко свидетельствуют показатели такой профилактической работы подразделений МВД России с несовершеннолетними. По данным статистики, количество преступлений, совершенных ими и при их участии, в 2020 году уменьшились на 9,1%.¹

На сегодняшний день остается открытым вопрос об отсутствии уголовной ответственности за оправдание экстремистской деятельности, что позволяет распространять те же репосты в поддержку экстремистских организаций, что имеет место среди молодежи в соцсетях.

Согласно разъяснениям, изложенным в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», публичное распространение информации, оправдывающей противоправные действия в отношении лиц по признаку расы, национальности, религиозной принадлежности и т.д., следует квалифицировать по статье 282 УК РФ при наличии иных признаков этого состава преступления.²

Однако, полагаем, что признаки состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, не в полной мере охватывают ситуации действий лиц в сети Интернет, связанные с распространением путем репостов информации экстремистского характера.

Соответственно, в контексте широкого распространения экстремизма в сети Интернет, нельзя не обратить внимание на необходимость решения вопроса о внесении в ст. 280 УК РФ дополнений, предусматривающих уголовную ответственность за публичное оправдание экстремизма, и изложить ч.1 ст. 280 УК РФ в следующей редакции «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, а также действия, направленные на публичное оправдание экстремистской деятельности».

Своевременное привлечение лиц, совершающих такие действия, будет являться эффективным способом противодействия идеологии экстремизма в обществе.

¹ По данным МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения 14.03.2022).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8.

ПРАВОВОЙ СТАТУС МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

Симаева Е.М. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры трудового права и права
социального обеспечения Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Кобзева С.И.

В современном трудовом праве правовой статус медицинского работника включает в себя права, обязанности и ответственность, однако раньше медицинский работник занимал иное положение в обществе, не имея как таковых прав. В своем исследовании мы ставим целью анализ становления правового статуса медицинского работника в истории отечественного права дореволюционного периода.

На первых этапах существования Русского государства еще не приходилось говорить о правовом статусе медицинских работников в современном понимании.

В одном из первых источников древнерусского права – «Церковном Уставе» Владимира Святославича (996 г.) – упоминаются «лечцы» и их принадлежность к церкви, никаких прав и обязанностей им не устанавливаются. В «Русской Правде» (X–XI вв.) впервые на уровне закона обозначается возмездный характер медицинской деятельности: было установлено право на так называемую мзду, то есть право «лечцов» брать вознаграждение за лечение потерпевшего за счет виновного в причинении вреда.

Централизация власти в Московском государстве (XIV–XV вв.) и укрепление позиций князя не привели к положительным изменениям в законодательстве. Напротив, на тот момент «лечцы» находились в наиболее уязвимом положении, поскольку они были полностью зависимыми от пациентов, среди которых преобладали высокопоставленные лица, имеющие негативное влияние на судьбу врача в случае неудовлетворительного лечения, вплоть до смертной казни.

Российское государство XVI века характеризовалось развитием экономических отношений, напряжением международных отношений, что потребовало новых реформ, в частности, в сфере государственного управления системой здравоохранения. В 1581 г. был учрежден Аптекарский приказ, среди функций которого была выдача разрешения на осуществление медицинской деятельности. Эта функция осуществлялась как в отношении иностранных, так и отечественных медицинских работников, которые в обязательном порядке должны были получить разрешение на право заниматься медицинской деятельностью. Данный разрешительный порядок стал показателем того, что в России XVI–XVII вв. началось «формирование

реальных механизмов государственно-правового контроля над медицинской деятельностью»¹.

Дальнейшее развитие правового регулирования статуса медицинских работников связывают с эпохой правления Петра I, когда была предпринята попытка систематизировать законодательство о медицинском деле. В 1690 г. был издан Указ «Об улучшении постановки аптечного и медицинского дела в Аптекарском приказе», который закреплял обязанность медицинских работников принимать присягу и давать клятву. Впоследствии медицинские работники стали состоять на государственной службе, в силу чего они были наделены правами по чинопроизводству, на государственные награды и пенсии.

В 1716 г. был издан Воинский Устав, в отдельных главах которого были определены особенности различных медицинских профессий. Устав подробнее раскрывал понятия, определения которых ранее нигде не были даны, несмотря на упоминания: «доктор» (врач, получивший диплом зарубежного медицинского факультета), «лекарь» (врач, прошедший подготовку в отечественных учебных заведениях либо ремесленным путем), «подлекарь» (средний медицинский персонал и учащиеся госпитальных школ)². Таким образом, впервые была осуществлена унификация понятийного аппарата, заложившая основы для дальнейшего совершенствования законодательства. Большое значение Устава заключается также в том, что в нем была прописана обязанность докторов лечить всех, прибывающих в войска, без взимания платы, за это они получали жалованье. То есть здесь идет речь о безвозмездной системе оказания медицинской помощи, которая применялась, за исключением случаев, когда у офицеров были заболевания и травмы, полученные вне службы. Воинский Устав, изначально задуманный как специальный акт в военной сфере, получил свое распространение и на сферу гражданских отношений, благодаря чему он приобрели значение основного источника права, регулирующих медицинскую деятельность в России на протяжении всего XVIII в.

В период правления Екатерины II, а именно в 1775 году, появилась так называемая приказная медицина, практическую реализацию которой осуществляли врачи, находящиеся на государственной службе в губернских больницах. Они оказывали бесплатную медицинскую помощь для бедных и неимущих, в отношении остальных предусматривалась возмездная основа лечения.

В 1864 г. правопреемником приказной медицины стала земская медицина, развитие которой сказалось и на правовом статусе медицинского работника и на отношении к медицине в целом. Произошло расширение прав

¹ Стеценко С.Г. Медицинское право: учебник для юридических и медицинских вузов. – М., 2011. – С. 46.

² Куранов В.Г. Развитие медицинского законодательства в России в дореволюционный период // Социальная медицина. – Пермь, 2013. – Том XXX № 5. – С. 138.

медицинских работников: они получили возможность воздействия на принимаемые административные решения в области здравоохранения. К тому времени в России вступил в действие новый Врачебный Устав (1857 г.), который стал первым систематизированным актом, определившим права и обязанности медицинских работников, а также требования, предъявляемые к их профессиональной деятельности государством. Согласно Уставу, для того чтобы иметь право заниматься врачебной практикой, отечественные и иностранные медицинские работники должны были пройти соответствующее обучение и получить диплом или свидетельство университетов и военно-медицинской академии, а иностранцам также необходимо было знать русский язык.

Врачебный Устав отмечал особенности статуса медицинского персонала земств и медицинских работников, занятых на коронной службе. Во-первых, помимо Устава положение земских врачей регулировалось решениями земских собраний, к компетенции которых относилось определение штатов и окладов медицинских кадров. Во-вторых, закреплялось подчинение медицинских работников земским управам, которые занимались подбором кандидатур на врачебные должности, увольнением и контролем деятельности медицинских работников.

На одного земского врача был возложен такой объем работы, который в современности разделен между несколькими работниками: к его обязанностям, например, относились заведование больницей или приемным покоем и аптекой, наблюдение за стационарными и приеме амбулаторных больных, посещение тяжелобольных на дому, санитарный надзор за школами¹. Вместе с тем, при такой нагрузке вопросы рабочего времени и времени отдыха не были закреплены на должном уровне: продолжительность рабочего дня вовсе не регламентировалась, а количество рабочих дней в году могло превышать 350 дней.

Что касается особенностей привлечения медицинских работников к ответственности, то в «Уложении о наказаниях» (1845 г.) устанавливались санкции за неправильное и недозволенное врачевание и неисполнение врачами обязанностей – штраф или отрешение от должности. Врачебная ошибка, приведшая к смерти или серьезному причинению вреда, влекла для медицинского работника религиозное порицание, он предавался церковному покаянию. Применение низших мер наказаний показывает, что профессии медицинского работника придавалось большое значение.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что с возрастанием роли медицинских работников в обществе произошли положительные изменения в их правовом статусе в России дореволюционного периода. Начав с полной зависимости от властимущих, медицинские работники достигли определенной степени самостоятельности, пройдя путь от бесправия до формирования механизмов защиты медицинских работников.

¹ Смирнова Е.М. Врач и земство. // Новый исторический вестник. – Ярославль, 2021. – № 1 (67). – С. 10.

СТОРОНЫ МИРОВОГО СОГЛАШЕНИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

Ситдиков Э.З. - магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г.Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Саттарова З.З.

Мировое соглашение представляет собой соглашение сторон о прекращении спора на основе добровольного урегулирования взаимных претензий и утверждения взаимных уступок, что является одним из процессуальных средств защиты субъективных прав¹. Мировое соглашение должно являться результатом разумного компромисса между интересами сторон, не допуская злоупотребления права лиц, заключивших такое мировое соглашение². Субъектами мирового соглашения являются: стороны (истец, ответчик), третьи лица, заявляющие самостоятельные требования, суд.

Достигнуть мирового соглашения, согласно положениям ст. 153.2 ГПК РФ, могут только стороны, иным участникам судебного процесса данное право не предоставляется, что подтверждается также ч. 1 ст. 35 и ч. 1 ст. 39 ГПК РФ, согласно положениям которых право окончить дело мировым соглашением предоставлено только сторонам. Следует обратить внимание, что согласно ч. 2 ст. 45 ГПК РФ прокурор, обладая всеми процессуальными правами и обязанностями истца, также не имеет права на заключение мирового соглашения.

Сторонами мирового соглашения являются стороны гражданского процесса (истец и ответчик). Согласно ч. 1 ст. 153.9 ГПК РФ мировое соглашение заключается в письменной форме и подписывается сторонами или их представителями при наличии у них полномочий на заключение мирового соглашения, специально предусмотренных в доверенности или ином документе, подтверждающих полномочия представителя.

Из буквального толкования этой нормы следует, что мировое соглашение может быть заключено только сторонами спора, которыми являются истец и ответчик (ч. 1 ст. 38 ГПК РФ). Относительно третьих лиц действуют следующие правила (ч. 1 ст. 153.8 ГПК РФ): если такое лицо заявляет самостоятельные требования относительно предмета спора, то вправе участвовать в качестве стороны. Если лицо не заявляет самостоятельных требований, то оно вправе выступать участником, если по

¹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 24.02.2004 № 1-О // СПС «Консультант Плюс».

² Пешкова О.А. Мировое соглашение как правовая категория // Вестник экономической безопасности. – 2018. – № 2. – С.68-73.

его условиям такое лицо приобретает права либо на него возлагаются обязанности¹.

Особую сложность представляют случаи, когда истец предъявляет взаимосвязанные требования к нескольким ответчикам и с одним из них заключает мировое соглашение. Условия мирового соглашения в таком случае не должны затрагивать прав и законных интересов другого ответчика.

При заключении мирового соглашения по конкретному делу стороны при урегулировании разногласий по договору согласовали выкупную цену имущества, правомерность которой может быть установлена путем исследования рыночной стоимости, определенной независимым оценщиком, который также является стороной по делу.

Поскольку в рамках дела было заявлено также требование о признании недостоверной рыночной стоимости имущества, определенной в отчете оценщика, которое взаимосвязано с требованием об урегулировании разногласий о выкупной цене имущества, суд, утверждая мировое соглашение, фактически дал правовую оценку отчету оценщика, при этом оценщик стороной мирового соглашения не является, в судебном заседании, в ходе которого утверждено мировое соглашение, участия не принимал².

В случае, когда один из ответчиков не участвует в мировом соглашении, но четко выражает свое согласие с ним, вопрос в отношении него суд должен решить в порядке, установленном процессуальным законом (например, принять отказ истца от иска в отношении второго ответчика)³.

Недопустимо участие лишь одного из нескольких солидарных должников в заключении мирового соглашения по спору, вытекающему из солидарного обязательства. Заключение мирового соглашения предполагает достижение правовой определенности между всеми его участниками и прекращение спора в целом, а не в отношении отдельных лиц, участвующих в деле. Участие одного из нескольких солидарных должников в заключении мирового соглашения, освобождающего его от исполнения солидарной ответственности, нарушает права и законные интересы остальных должников, предусмотренные нормами Гражданского кодекса Российской Федерации о солидарной ответственности⁴.

Мировое соглашение может быть подписано только лицами, обладающими полномочиями на это действие. Составить соглашение могут не только стороны, но третьи лица, которые заявили самостоятельные требования. Представитель вправе обратиться с заявлением о мировой

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации [принят Гос. Думой 23 октября 2002 г. № 138-ФЗ: одобрен Советом Федерации 30 октября 2002 г.: по состоянию на 08 декабря 2020г.] // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

² Постановление ФАС Уральского округа от 22.03.2013 № Ф09-369/13 по делу № А76-23492/2011 // СПС «Консультант Плюс».

³ Постановление ФАС Северо-Западного округа от 20.02.2009 по делу № А56-45423/2007 // СПС «Консультант Плюс».

⁴ Постановление ФАС Уральского округа от 16.03.2009 № Ф09-403/09-С5 по делу № А60-1704/1998-С2 // СПС «Консультант Плюс».

договоренности, если в доверенности на его имя прямо указано полномочие на совершение данного действия. Полномочие представителя стороны на заключение мирового соглашения должно быть действующим и подлежит проверке судом на момент утверждения мирового соглашения¹.

При анализе судебной практики выявлены случаи, когда невыяснение судом вопроса об ограничении полномочий генерального директора общества и выхода последнего за пределы таких полномочий явились основанием для отмены определения суда об утверждении мирового соглашения. Суду надлежит проверить полномочия не только лица, на имя которого выдана доверенность на подписание мирового соглашения, но и лица, выдавшего такую доверенность².

Особого внимания заслуживает вопрос относительно возможности заключения мирового соглашения процессуальными соучастниками (ч.1 ст. 40 ГПК РФ). Представляется вполне естественным, что не является допустимым заключение мирового соглашения между соучастниками только на стороне истца или только на стороне ответчика, так как его заключение допускается только между сторонами, которые преследуют различные материально-правовые интересы³. Одновременно с этим, не понятен общий механизм заключения мирового соглашения при наличии процессуального соучастия, что вполне обоснованно требует дополнительной правовой регламентации. Кроме того, в действующем законодательстве предлагается предусмотреть норму, в соответствии с которой, не допускается заключение мирового соглашения между процессуальными соучастниками одной из сторон.

ПОДДЕРЖКА СУБЪЕКТОВ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: АКТУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПОДДЕРЖКИ В УСЛОВИЯХ АНТИРОССИЙСКИХ САНКЦИЙ

Слатова Т.А. – магистрантка Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) к.ю.н. Поставная Н.П.

В соответствии с п. 1 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 г. № 209 – ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» к субъектам малого и среднего

¹ Постановления ФАС Уральского округа от 15.12.2009 № Ф09-10072/09-С5 по делу № А60-30387/2009-С11 // СПС «Консультант Плюс».

² Постановление ФАС Уральского округа от 02.07.2009 № Ф09-449709-С4 по делу № А60-8147/2009-С3 // СПС «Консультант Плюс».

³ Котляров В.В. О субъектном составе участников мирового соглашения в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 11 (34). – С. 100.

предпринимательства относятся зарегистрированные в соответствии с законодательством Российской Федерации и соответствующие условиям, установленным в ч. 1.1, хозяйственные товарищества, хозяйственные партнерства, производственные кооперативы, потребительские кооперативы, крестьянские фермерские хозяйства и индивидуальные предприниматели¹.

Малое и среднее предпринимательство является одним из приоритетных направлений развития в Российской Федерации. В связи с этим, в Российской Федерации утверждена Стратегия развития малого и среднего предпринимательства на период до 2030 года.

Согласно разделу II Стратегии «Малый и средний бизнес в Российской Федерации, будучи новым экономическим явлением 25 лет назад, в настоящее время состоялся и является важнейшим способом ведения предпринимательской деятельности.

Малые и средние предприятия - это 5,6 млн. хозяйствующих субъектов, рабочие места для 18 млн. граждан. Около одной пятой валового внутреннего продукта Российской Федерации, а во многих субъектах Российской Федерации треть и более валового регионального продукта создаются такими организациями.

В Российской Федерации сформированы нормативно-правовые и организационные основы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. Создана Правительственная комиссия по вопросам конкуренции и развития малого и среднего предпринимательства.

Реализуется ряд масштабных программ финансовой поддержки, в рамках которых во всех регионах страны предприниматели имеют возможность получать субсидию для возмещения затрат на ведение бизнеса, микрозаймы, гарантию по кредиту или кредит на льготных условиях. Для малых предприятий предусмотрены специальные налоговые режимы, позволяющие оптимизировать систему учета и налоговых платежей»².

В связи с этим, необходимо определить, что подразумевает собой налоговая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства.

Раскрывая данное понятие, необходимо исходить из следующего: государственная поддержка – это совокупность решений и действий организационного, правового и финансового характера государственных органов власти, направленных на улучшение социального положения граждан и развитие бизнеса.

На основании изложенного, можно прийти к выводу, что налоговая поддержка субъектов малого и среднего предпринимательства – это совокупность решений и действий организационного, правового и финансового характера, установленные органами исполнительной власти,

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209 – ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.

² Стратегия развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года // СПС «Консультант Плюс».

направленные на поддержку и развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации.

На фоне антироссийских экономических санкций в 2022 году Правительством Российской Федерации было принято решение о введении новых мер поддержки для бизнеса. В частности, Председатель Правительства Российской Федерации Мишустин М.В. заявил, что ситуация в экономике требует быстрых и эффективных решений и важно не допустить снижения темпов развития IT-отрасли в РФ в условиях санкций. В связи с этим, Правительством было принято решение о продлении сроков уплаты налогов на федеральном и региональном уровне, введен мораторий на проверки ИП и малого бизнеса до конца 2022 года. На программу поддержки по выплате зарплат ФОТ 3.0 выделяют дополнительно 6,2 млрд руб., на полгода продлевается программа, по которой субъектам малого и среднего предпринимательства компенсируют расходы по использованию российской системы быстрых платежей, для поддержки сельскохозяйственных предприятий по льготным кредитам будет выделено 5 млрд руб.

2 марта 2022 г. Президентом Российской Федерации был подписан Указ № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации».

Согласно данного Указа, устанавливается нулевая ставка налога на прибыль для аккредитованных IT – организаций до конца 2024 г. Кроме того, указанные организации освобождаются на 3 года от налогового, валютного и иных видов государственного (муниципального) контроля, устанавливаются налоговые льготы и преференции для аккредитованных IT-организаций, получающих доходы от отечественных решений в области IT-технологий, от рекламы, а также от дополнительных услуг с использованием их приложений и онлайн-сервисов¹.

В качестве мер поддержки также необходимо выделить следующие.

С 10 марта по 31 декабря 2022 г. введен мораторий на плановые проверки индивидуальных предпринимателей, малых и средних предприятий. Исключениями являются только случаи, когда существуют риски для жизни и здоровья граждан.

Кроме того, особо необходимо отметить, что в период с 1 января по 31 декабря 2022 года Правительство Российской Федерации сможет принимать решения о приостановлении, отмене или переносе на более поздний срок мероприятий налогового контроля, а также о продлении сроков уплаты налоговой, сборов и страховых взносов. В дополнение к данной мере поддержке, также необходимо отметить, что ФНС России принято следующее решение: до 1 июня 2022 года налоговые органы не будут блокировать операции по счетам. Данная мера направлена на снижение рисков неплатежеспособности, связанных с ущербом в результате введения

¹ Указ Президента Российской Федерации № 83 от 02.03.2022 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».

ограничительных мер иностранными государствами и международными организациями. Мораторий на блокировку операций по счетам налогоплательщика направлена на предотвращение таких последствий как банкротство¹.

Кроме того, новым приоритетом налоговых органов является содействие реструктуризации налоговой задолженности и отказ от возбуждения дел о несостоятельности налогоплательщиков.

Современные реалии, несмотря на свои негативные проявления, подталкивают на решение серьезных вопросов в области развития малого и среднего предпринимательства, что способствует укреплению бизнеса в Российской Федерации.

Меры поддержки российского предпринимательства, активно разрабатываемые в 2022 году, являются эффективным инструментом, сдерживающим субъектов предпринимательства от таких негативных последствий как банкротство, а вместе с ним безработица и другие социально – экономические явления.

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ ТЕХНИЧЕСКИ-СЛОЖНЫХ ТОВАРОВ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Соболев Е.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Толочкова Н.Г.

В наше время технически-сложные товары (далее – ТСТ) составляют обширнейшую сферу розничной торговли. Технологии развиваются с каждым днем, а в нашей деятельности применяется все больше сложных устройств. Даже Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» уделяет отдельное внимание данной категории товаров в п. 4.1 ст. 4, ст. 18.

При всем этом, если говорить о понятии «технически-сложный товар», то в законодательстве РФ на сегодняшний день отсутствует его нормативное закрепление. Законодатель исходит из позиции установления самого перечня ТСТ в Постановлении Правительства РФ от 10.11.2011 № 924 «Об утверждении перечня технически сложных товаров» (далее – Перечень 1).

В свою очередь, Роспотребнадзор в Информации от 17.02.2021 г. указывает, что «прежде всего технически сложные товары - это потребительские товары длительного пользования, имеющие сложное внутреннее устройство и выполняющие пользовательские функции на

¹ Официальный сайт ФНС России. URL: <http://www.nalog.ru> (дата обращения: 09.03.2022).

высоко технологическом уровне с использованием различных энергоресурсов»¹. Данная дефиниция является очень сложной и запутанной. Давая такое определение, необходимо разъяснять каждый его элемент, чего сделано не было.

В связи с этим, несмотря на наличие понятия ТСТ (при том, что оно не закреплено в соответствующем нормативно-правовом или подзаконном акте), четко определить, что относится к данной категории товаров, не представляется возможным. Перечень 1, в свою очередь, также не способствует восполнению данного пробела в полной мере. Это связано с тем, что не все товары можно однозначно отнести к какому-либо пункту Перечня 1. К примеру, видеокарты.

Согласно п. 7 Перечня 1 к ТСТ относятся системные блоки, компьютеры стационарные и портативные, включая ноутбуки, и персональные электронные вычислительные машины. Видеокарта представляет собой одну из составляющих системного блока. Возникает вопрос: относится ли часть ТСТ (которая, при этом, может быть отделена от системного блока без ущерба последнему) к ТСТ? Судебная практика по данному вопросу пока не выработала единого подхода. К примеру, согласно Постановлению Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13.05.2020 № 88-11197/2020, Определению Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 13.04.2020 по делу № 88-4941/2020 видеокарта является составной частью компьютера, а, следовательно, относится к ТСТ. Однако, все тот же Первый кассационный суд в Определении от 14.02.2020 г. № 88-2871/2020 не относит видеокарту к ТСТ, исходя из того, что она отсутствует в Перечне ТСТ. Также и в Апелляционном определении Санкт-Петербургского городского суда от 11.02.2020 № 33-4150/2020 изложена позиция, согласно которой, несмотря на то, что видеокарта является составной частью системного блока, который указан в п. 7 Перечня ТСТ, она «не является самостоятельной электронной вычислительной машиной», поэтому суд пришел к выводу, что «она не является технически сложным товаром по смыслу, придаваемому данному термину Законом РФ «О защите прав потребителей»².

По моему мнению, наиболее обоснованной является позиция, согласно которой перечень ТСТ подлежит расширительному толкованию. В таком случае следует обращаться к «ОК 034-2014 (КПЕС 2008). Общероссийский классификатор продукции по видам экономической деятельности» (утв. Приказом Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст), поскольку в нем содержится наиболее обширная информация относительно вопроса отнесения той или иной продукции к конкретной группе товаров.

¹ Информация Роспотребнадзора от 17.02.2021 «О правилах возврата и обмена технически сложного товара». СПС «КонсультантПлюс».

² Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 11.02.2020 № 33-4150/2020. СПС «КонсультантПлюс».

Рассматривая в целом группу товаров, можно соотнести ее с соответствующими пунктами Перечня 1.

Исходя из вышеизложенного, следует вывод, что ни в законодательстве, ни в судебной практике не сложился единый подход как к понятию «технически-сложный товар», так и к тому, какие товары следует относить к технически-сложным. Данный пробел в праве является очень большим препятствием в рассмотрении споров о защите прав потребителей, поскольку каждый суд формирует собственный подход, что негативно сказывается на обеспечении единства судебной практики. Помимо прочего, потребителю, как уязвимой стороне в отношении с продавцом, тяжело будет оценить все риски, которые возникают в случае рассмотрения спора в судебном порядке.

Помимо понятия «технически-сложный товар», которое используется в ЗПП, законодатель также использует другое понятие – «технически сложные товары бытового назначения». Данный термин употребляется в Постановлении Правительства РФ от 31.12.2020 № 2463 «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (далее – Правила торговли). Данное понятие является еще более неразработанным, чем «технически-сложные товары». В п. 11 Перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, законодатель указывает в качестве таких товаров, «технически сложные товары бытового назначения, на которые установлены гарантийные сроки не менее одного года».

С одной стороны, дать правовую оценку данному понятию можно исходя из общих положений ЗПП. Согласно преамбуле ЗПП «потребитель - гражданин, имеющий намерение заказать или приобрести либо заказывающий, приобретающий или использующий товары (работы, услуги) исключительно для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». К этим самым «личным, семейным, домашним или иным нуждам» и можно отнести бытовое назначение товара, т.е. не связанное с осуществлением предпринимательской деятельности.

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что к «технически сложным товарам бытового назначения» относятся все те же ТСТ, которые приобретаются не для целей осуществления предпринимательской деятельности.

Следует также упомянуть, что в предыдущих Правилах торговли, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 19.01.1998 № 55

дополнительно перечислялись технически сложные товары бытового назначения, а именно: станки металлорежущие и деревообрабатывающие бытовые; электробытовые машины и приборы; бытовая радиоэлектронная аппаратура; бытовая вычислительная и множительная техника; фото- и киноаппаратура; телефонные аппараты и факсимильная аппаратура; электромузыкальные инструменты; игрушки электронные, бытовое газовое оборудование и устройства; часы наручные и карманные механические, электронно-механические и электронные, с двумя и более функциями. Как можно заметить, данный перечень товаров отличается от Перечня 1, который имел силу и на момент действия Правил торговли от 19.01.1998 г. В связи с этим, можно было проводить различие между Перечнем 1 и перечнем, перечисленным в Правилах торговли от 19.01.1998 г. В настоящее же время, когда действуют новые Правила торговли, провести разграничение между Перечнем 1 и п. 11 Перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, не представляется возможным.

Учитывая сказанное, считаю целесообразным дать следующее понятие технически–сложных товаров – это товары, которые относятся к установленному Постановлением Правительства РФ от 10.11.2011 № 924 перечню технически-сложных товаров и используются в личных, семейных, домашних и иных целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЭЛЕКТРОННОГО ДИСТАНЦИОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Солдатова А.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и
международного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Бровченко Н.В.

Главное условие демократизма любой избирательной системы заключается в наличии реальных гарантий реализации избирательных прав граждан РФ и применения в практике всех принципов избирательного права. Гарантии защиты избирательных прав являются одними из значимых конституционных гарантий, которые обеспечивают действительное исполнение в жизнь принципов избирательного права.

В связи со стремительным распространением заболевания Covid-19 законодатель был вынужден в неотложном порядке принять необходимые меры для поддержания безопасности граждан. Во многих субъектах РФ был введен режим повышенной готовности - режим функционирования, который

подразумевает степень готовности органов управления и сил единой системы для устранения угрозы чрезвычайной ситуации¹.

В сложившейся ситуации законодателю пришлось внести новеллы не только в сферу реализации социально-экономических прав, но и политических прав, в частности, избирательных. В связи с распространением коронавирусной инфекции в законодательство вводится право на новый вид голосования - дистанционное электронное голосование. К сожалению, законодательного определения термина «дистанционное голосование» нет, но А.В. Павлушин и А.Е. Постников предложили рассматривать дистанционное электронное голосование избирателей как разновидность электронного голосования².

Следует отметить, что дистанционное электронное голосование проводится без бумажного бюллетеня с применением специального программного обеспечения. Принять участие в голосовании можно при помощи телефона или компьютера, то есть избирателю не нужно находиться на территории своего избирательного участка в дни выборов.

Рассматривая дистанционное электронное голосование как новый вид голосования в РФ, нужно отметить как его достоинства, так и недостатки. К плюсам данного голосования можно отнести: охрана здоровья граждан во время эпидемий и пандемии; повышение электоральной явки (гражданин может находиться в любой точке мира и реализовать свое активное избирательное право, имея только доступ к Интернету); повышение легитимности процедуры голосования (предполагается, что технология блокчейн позволит бороться с фальсификациями различного вида); повышение удобства избирательного процесса и экономия времени избирателей; снижение затрат на организацию и проведение выборов.

К сожалению, при проведении дистанционного электронного голосования были выявлены ряд сложностей: страх избирателей продажи персональных данных мошенникам или попадание их в интернет; отсутствие необходимых технических способов для организации такого голосования; недостаток опыта и навыков со стороны избирательных комиссий, полиции и наблюдателей в контроле процедуры.

Следует заметить, что при проведении электронного голосования возникает проблема определения правомерности участия конкретного избирателя в выборах, так как он не ставил подпись о получении избирательного бюллетеня. Для аутентификации избирателя ему приходит код, который выполняет роль подписи. Таким образом, законодательство в

1 Постановление Правительства РФ от 30 декабря 2003 г. № 794 «О единой государственной системе предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.01.2022).

2 Павлушин А.В. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) / А.В. Павлушин, А.Е. Постников // Журнал российского права. - 2009. - № 11. - С.8.

сфере избирательного права должно регулировать механизм создания и последующего трансфера такого кода.

Необходимо уделить внимание и протоколу итогов голосования на избирательном участке. Так, электронный вариант протокола, распечатанный в бумажном виде, по сути не может иметь юридической силы. Распечатанные протоколы - это всего лишь копии электронных протоколов. Члены участковой избирательной комиссии подписывают их, хотя самостоятельно не производили подсчет голосов (по факту все проводит программное обеспечение). Это связано с обязанностями членов избирательной комиссии в подведении итогов голосования. Для правомерности данных действий нужно наделить членов избирательной комиссии электронной подписью.

Тем не менее в настоящее время постоянно разрабатываются новые и совершенствуются имеющиеся программы для электронного дистанционного голосования. В перспективе электронное (в том числе и дистанционное) голосование позволит отказаться от бумажного варианта бюллетеня, исключить человеческий фактор негативного влияния на результаты голосования, а также случайные или намеренные ошибки. Как отмечают ученые, задача состоит в том, чтобы обеспечить идентификацию, анонимность, одновременно исключить возможность мошеннических манипуляций со стороны администрации сервера, избирателя и любой третьей стороны¹.

В свое время бывший председатель ЦИК РФ В.Е. Чуров сказал: «...использование электронных средств на выборах – путь, с которого уже нельзя свернуть», что и подтверждает преемственность в работе ЦИК РФ и его нынешнего председателя Э. Памфиловой².

Но не только программное обеспечение нуждается в развитии и совершенствовании, но и избирательное законодательство. В связи с опытом применения дистанционного электронного голосования на выборах в 2019 - 2021 годах в экспериментальном режиме возникла необходимость нормативного закрепления основных принципов и параметров проведения данного голосования, которые будут едины для всех выборов и референдумов на территории РФ.

Думается, что можно будет дополнить статьями о дистанционном голосовании Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», поскольку этот закон является основополагающим в сфере регулирования выборов и референдумов, которые проводятся в Российской Федерации. Как полагают А.В. Павлушин и А.Е. Постников, «...в данный Закон следует

1 Unger Security Assets in E-Voting TITEL / A. Prosser et al. // Electronic Voting 2010: Proceedings of the 4th Conference on Electronic Voting P-167, LNI GI Series / Eds. R. Krimmer, A. Prosser. - Bonn, 2010. - P. 171.

2 Митяева Ю.В. Опыт проведения интернет-голосования на выборах и референдумах в России и за рубежом // Официальный сайт РЦОИТ. URL: <http://www.rcoit.ru/news/17065> (дата обращения: 29.01.2022).

внести дополнения, касающиеся конкретных способов проведения дистанционного электронного голосования. При этом в нем целесообразно закрепить именно основные гарантии и положения о проведении дистанционного электронного голосования»¹. В том числе, отмечают ученые, развитие данных положений должно осуществляться в иных законодательных актах (имеются в виду федеральные законы о выборах Президента РФ и выборах депутатов российского Парламента).

Таким образом, из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что избирательное законодательство РФ в части дистанционного электронного голосования еще только начинает складываться. Учитывая консервативный уклад российского общества, большую работу нужно будет совершить органами государственной власти и избирательными комиссиями по разъяснению участникам избирательного процесса порядка работы новой системы, ее преимуществ и безопасности, по информированию их об избирательном законодательстве и избирательной кампании. Сегодня Россия выбрала данный путь развития избирательных технологий и нацелена на демократизацию избирательных процедур.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУДОМ РАЗМЕРА КОМПЕНСАЦИИ ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВА НА СУДОПРОИЗВОДСТВО В РАЗУМНЫЙ СРОК ИЛИ ПРАВА НА ИСПОЛНЕНИЕ СУДЕБНОГО АКТА В РАЗУМНЫЙ СРОК

Стрекаловская А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

В результате рассмотрения административного искового заявления о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, как правило, суд общей юрисдикции выносит решение, которое представляет собой акт суда первой инстанции, которым административное дело разрешается по существу заявленных требований, вследствие чего устраняется правовая неопределенность и обеспечивается защита прав, свобод, законных интересов граждан и организации в сфере административных и иных публичных правоотношений.

В мотивировочной части решения суда указываются фактические и иные обстоятельства дела, установленные судом, доказательства, на которых основаны выводы суда об обстоятельствах дела и доводы в пользу принятого решения, мотивы, по которым суд отверг или принял те или иные

¹ Павлушин А.В. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) / А.В. Павлушин, А.Е. Постников // Журнал российского права. - 2009. - № 11. - С. 8.

доказательства, в соответствии с которыми присуждается компенсация или отказывают в ее присуждении, законы, которыми руководствовался суд при принятии решения, сведения об общей продолжительности судопроизводства по делу, об общей продолжительности исполнения судебного акта, обоснование размера компенсации.

При рассмотрении дела суд осуществляет индивидуальный подход к определению размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, который рассчитывается с учетом требований административного истца, фактических обстоятельств дела, продолжительности нарушения права, наступивших последствий, их значимости для лица, обратившегося в суд с административным иском, а также с учетом практики Европейского Суда по правам человека и размер сумм компенсаций вреда, присуждаемых этим судом за аналогичные нарушения.

Следует отметить, что согласно части 2 статьи 1 Закона № 68 компенсация не присуждается, если длительность судопроизводства по делу или исполнения судебного акта вызвана исключительно действиями административного истца, заявителя либо чрезвычайными и непредотвратимыми при данных условиях обстоятельствами (непреодолимой силой)¹.

По мнению И.В. Решетниковой и Е.Г. Сироты², существуют определенные проблемы в правоприменительной деятельности при установлении размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок.

В научном сообществе выработаны две основные правовые позиции на этот счет. Одни ученые указывают, что закон не предусматривает исчерпывающего перечня критериев, из которых должен исходить суд при определении размера компенсации, и учитываться должны все обстоятельства дела³.

Иной позиции придерживаются те, кто отстаивал публично–правовую природу рассматриваемого нами вида производства. По их мнению, механизм определения данной компенсации не связан с разрешением вопросов о правах заявителя в частно–правовых (гражданских, жилищных или иных) отношениях. Размер компенсации не может определяться величиной предполагаемых убытков лица, обращающегося с административным иском, вследствие нарушения гражданско–правовых обязательств, для которых законодательством установлены иные

¹Федеральный закон от 30.04.2010 № 68–ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (с изм. и доп. от 19.12.2016 № 450–ФЗ) // СЗ РФ. – 2010. – № 18. – Ст. 2144.

²Решетникова И.В., Сирота Е.Г. Закон о компенсации: первый правоприменительный опыт // Закон. – 2012. – № 11. – С. 113.

³Тетерина Т.В. О праве граждан на судопроизводство в разумный срок в судах общей юрисдикции // Российский судья. – 2013. – № 3. – С. 36.

гражданско–правовые способы защиты прав, следовательно, он определяется только с учетом критериев, установленных в законе, о которых говорилось ранее¹.

Значительные трудности возникают для правоприменителей при определении размера компенсации на основании субъективных критериев – степени страдания в результате длительного неисполнения судебного акта, степени разочарования с учетом тех чувств, которые испытывает потерпевший².

При рассмотрении данного вопроса также интересна позиция законодателя, согласно которой суды должны учитывать практику ЕСПЧ при определении размера компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок.

Как было сказано нами ранее, российскими судами используются не все критерии, имеющие существенное значение для ЕСПЧ при установлении размера присуждаемой компенсации, например: предмет спора, возраст заявителя или состояние здоровья, а также период правовой неопределенности, в которой пребывало заинтересованное лицо до момента вынесения судебного решения по делу. Данные обстоятельства ведут к правовой неопределенности, что не позволяет в полной мере сформироваться внутригосударственному механизму, в соответствии с которым возможно во всех случаях нарушения права на судопроизводство разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок его восстановить.

По нашему мнению, необходимо внести изменения в норму права, определяющую основания для присуждения компенсации, дополнив ее недостающими критериями, которые использует ЕСПЧ в своей деятельности. Так, абзац 3 пункт 60 Постановления Пленума № 11 от 29.03.2016 № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» предлагаем изложить следующим образом: «При определении размера присуждаемой компенсации суду следует также принимать во внимание следующие обстоятельства: возраст заявителя, состояние его здоровья, предмет спора и его юридическое значение для заявителя, период правовой неопределенности, в которой пребывало заинтересованное лицо и значимость ее последствий для заявителя, а также размер сумм компенсаций вреда, присуждаемых судом за аналогичные нарушения (часть 2 статьи 2 Закона о компенсации)».

¹Доровских Л.И. Рассмотрение дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного постановления в разумный срок судами общей юрисдикции // Исполнительное право. – 2012. – № 1. – С. 3.

²Симонов И.Д. Проблемы позиционирования дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок в качестве дел искового производства // Вестник гражданского процесса. – 2012. – № 1. – С. 245.

Таким образом, установление максимального перечня критериев определения размера компенсации, присуждаемой за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, обеспечивает полную и своевременную защиту нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций.

ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ В ПРЕСТУПЛЕНИИ, ПРЕДУСМОТРЕННОМ СТАТЬЕЙ 264 УК РФ

Студенников В.О. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Багун Э.А.

Дорожные преступления – это одни из самых распространенных преступлений, существующих в Российской Федерации. Это вызвано как ростом и увеличением числа водителей, так и проблемными аспектами, связанными с дорожной ситуацией в Российской Федерации. Актуальность темы подтверждают статистические данные. В 2019 году, по данным ГИБДД, в России произошло 164 358 дорожно–транспортных происшествий (далее – ДТП), в которых погибло 16 981 человек, пострадали 210 887. В их числе, 19 994 аварий произошло с участием детей. Также, зафиксировано 48 734 случаев ДТП с пешеходами. Число аварий с участием общественного транспорта составило 6 926. Число ДТП с участием водителей с признаками опьянения, составило 19 300, жертвами таких происшествий стали 4 400 человек. Несмотря на то, что данные преступления существуют достаточно давно и ответственность за них предусмотрена в статье 264 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 г. №63–ФЗ (далее – УК РФ), правоприменителю бывает сложно квалифицировать соответствующее деяние по указанной статье¹. Большая часть проблем возникает при установлении обязательных признаков объективной стороны преступления и причинной связи.

Для уточнения данного вопроса необходимо обратиться к нормам Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» (далее – Постановление от 09.12.2008 г. № 25), в котором указано, что уголовная ответственность наступает, если: «... имела техническая возможность избежать дорожно–транспортного происшествия и между его действиями и наступившими последствиями установлена причинная связь»².

¹ СЗ РФ. – 1996. – №25. – Ст. 2954.

² Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 09.12.2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил

Следовательно, уголовная ответственность водителя наступит, если между его действиями и наступившими последствиями установлена причинная связь. Однако, не совсем понятно о каких именно действиях водителя идет речь, так как причинная связь ставится в зависимость от наличия или отсутствия технической возможности избежать дорожно-транспортное происшествие. При таком условии действия водителя должны быть направлены на предотвращение или непредотвращение общественно опасных последствий. Кроме того, перед действиями должно иметь место конкретное нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

Отсюда возникает другой вопрос – имеет ли значение установление причинной связи между нарушениями правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств и последствиями, как между каждым элементом из перечисленных, или по отдельности. Анализируя данный вопрос В. Н. Бурлаков отметил, что объективную сторону транспортного преступления недопустимо рассматривать, как общественно опасное деяние¹. Следовательно, по мнению автора, причинную связь следует устанавливать между соответствующими нарушениями и наступившими последствиями.

С.В. Проценко также указывает на то, что нарушение – это создание необходимого условия, но не причина для наступления преступного результата. Следовательно, первый этап развития объективной стороны преступления – это соответствующее нарушение правил, которое и порождает за собой причину, общественно опасное деяние². При этом, причинная связь – это одна из форм зависимости, которая рассматривается в двух аспектах:

– между нарушенными правилами безопасности движения или эксплуатации и общественно опасным деянием, которые влекут за собой или тяжкий вред здоровью человека (ч. 1), или смерть человека (ч. 2) или смерть двух или более лиц (ч. 3);

– между общественно опасным деянием и преступным результатом (наступившими последствиями).

Не менее важное значение имеет и то, что уголовная ответственность по статье 264 УК РФ наступает только в том случае, если у водителя имелась техническая возможность избежать транспортное происшествие. Однако, в законодательстве не определен термин «техническая возможность». Анализируя толковый словарь, можно отметить то, что техническая возможность – это возможность транспортного средства за счет исправного

дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Российская газета. – 2008. – № 265.

¹ Бурлаков В.Н. Сложные вопросы квалификации транспортных преступлений // Известия вузов. Правоведение. – 2009. – № 1. – С. 121 – 129.

² Проценко С.В. Установление причинной связи в процессе квалификации транспортного преступления // Юридический мир. – 2010. – № 7. – С. 59 – 63.

механизма и конструкции выполнять свойственные ему задачи и полноценно функционировать.

Соответственно, если технической возможности нет, то уголовная ответственность по статье 264 УК РФ исключается. Однако, данное положение не выступает обязательным признаком объективной стороны как по статье 264 УК РФ, так и по любому другому преступлению, и, следовательно, ее отсутствие не исключает уголовную ответственность по соответствующей статье. Кроме того, при таком условии возникает равенство между технической невозможностью избежать общественно опасные последствия и непреодолимой силой, хотя техническая невозможность, как правило, порождается виновным деянием лица, а непреодолимая сила возникает по независящим обстоятельствам.

Анализируя данный проблемный аспект, можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, промежуток времени, возникающий между нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств и последствиями этого нарушения, всегда крайне мал, а потому для установления причинной связи требуется достаточно много усилий. В данном случае особое значение имеет скорость движения транспортных средств, погодные условия, опыт водителя и иные обстоятельства, в связи с чем не каждое транспортное средство способно избежать ДТП. Тем самым и исключается та самая «техническая возможность».

Во-вторых, если же промежуток времени гораздо больше, то техническую возможность нельзя отделить и от субъективных факторов:

- реакция водителя;
- способность контролировать и управлять транспортным средством;
- способность маневрировать.

Тем не менее, вопросы, связанные с производством процессуальной проверки и расследованием уголовных дел по ДТП весьма специфичны и требуют обширных знаний именно технической составляющей механизма ДТП. В связи с этим приоритетными будут заключения экспертов, подтверждающие наличие обстоятельств преступления: наличие тяжких телесных повреждений (судебно-медицинская экспертиза); установление самого факта нарушения правил дорожного движения и наличие либо отсутствие реальной технической возможности избежать ДТП (автотехническая судебная экспертиза). Два этих факта неразрывно связаны и именно они и образуют ту самую обязательную причинно-следственную связь между действием и последствием.

Таким образом, наиболее верной представляется позиция, согласно которой механизм совершения преступления включает в себя несколько этапов. Следовательно, установление причинной связи между только соответствующим нарушением и последствиями вычленяет промежуточный этап, что и нарушает целостность обстоятельств. Это подтверждает то, что причинная связь должна устанавливаться между каждым фактическим обстоятельством дорожно-транспортного происшествия.

Исследование подчеркивает то, что установление причинной связи в преступлении, предусмотренном в статье 264 УК РФ, является сложным процессом. Одним из факторов, способствующим осложнению, является критерий наличия или отсутствия технической возможности избежать дорожно–транспортное происшествие. Однако, данный термин выступает также крайне сложным, а потому необходимо внести соответствующие изменения в Постановление от 09.12.2008 г. №25. В Постановлении от 09.12.2008 г. №25 необходимо уточнить, в каких случаях имеет место техническая возможность избежать дорожно–транспортное происшествие, как на нее влияют субъективные и объективные факторы ДТП и как это повлияет на квалификацию преступления.

УЧАСТИЕ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА В СУДЕ ОБЩЕЙ ЮРИСДИКЦИИ

Суриков В.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Позднякова А.С.

Одним из видов защиты прав и законных интересов граждан является судебная защита. В суде права граждан могут отстаивать не только заинтересованные лица, но и органы государственной власти. Одним из таких органов является прокуратура. В соответствии с Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации»¹ (далее – Закон о прокуратуре) правовой статус прокурора, принимающего участие в судебном рассмотрении дел, обуславливается процессуальным законодательством Российской Федерации. Ныне действующий Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации² (далее – ГПК РФ) урегулировал процедуру участия прокурора в гражданском процессе. Положениями ст. 45 ГПК РФ предусмотрено две формы участия прокурора в гражданском процессе, такие как обращение в суд за защитой интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц, а также дача заключения по делу. В зависимости от формы участия в гражданском процессе у прокурора существуют определенные права и обязанности.

Безусловно, когда мы говорим об участии прокурора в гражданском процессе мы подразумеваем стандартного прокурора из системы гражданской прокуратуры, но не стоит забывать и о специализированном лице – военном прокуроре.

¹ Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации (с изм. и доп. от 1 июля 2021 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (с изм. и доп. от 30 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

Для рассмотрения особенностей участия военного прокурора в гражданском процессе обратимся к ст. 47 Закона о прокуратуре, в соответствии с которой Главный военный прокурор и подчиненные ему прокуроры обладают в пределах своей компетенции полномочиями, определенными данным Федеральным законом, и осуществляют их независимо от командования и органов военного управления в соответствии с законодательством Российской Федерации. В приказе Генпрокуратуры России от 11.01.2021 № 2 «Об обеспечении участия прокуроров в гражданском и административном судопроизводстве» также указывается на единый процессуальный статус территориального и военного прокурора. Указанное позволяет сделать вывод о том, что вне зависимости от принадлежности территориального и военного прокурора к разным видам органов прокуратуры, они наделены в гражданском судопроизводстве одинаковыми правами и обязанностями.

Стоит отметить, что приказом Генпрокуратуры РФ от 07.05.2008 г. № 84 «О разграничении компетенции прокуроров территориальных, военных и других специализированных прокуратур» установлено, что военные прокуроры принимают участие в пределах установленной компетенции в гражданском и арбитражном процессе. Что следует понимать под установленной компетенцией? Имеются ли особенности участия военного прокурора в гражданском процессе?

Так, В.Г. Петров указывает на то, что исковое заявление предъявляется прокурором в защиту интересов конкретных военнослужащих и членов их семей, тем самым ставится вопрос о том, что военный прокурор может только вступать в защиту прав военнослужащих¹. Таким образом, можно говорить о том, что военный прокурор выступает только по делам, связанным с интересами военнослужащих, но с процессуальными правами и обязанностями как общего субъекта судопроизводства – прокурора.

Рассматривая вторую форму участия прокурора, В.Г. Петров отмечает, что заключение по гражданскому делу должно быть мотивированным, основанным на нормах материального и процессуального права; в нем содержатся выводы, к которым пришел прокурор в результате тщательного анализа всех обстоятельств дела в их совокупности, всестороннего, полного и объективного исследования представленных суду доказательств, а также мнение прокурора о том, как надлежит разрешить иск (заявление)². Тем самым утверждается его общий процессуальный статус, закрепленный в ГПК РФ, но с одним главным и единственным отличием в том, что военные прокуроры принимают участие по гражданским делам в военных судах по делам о правах военнослужащих.

¹ Организация работы в органах военной прокуратуры: Учебное пособие / В.Г. Петров, В.В. Ершов. – М., 2018. – С. 144.

² Организация работы в органах военной прокуратуры: Учебное пособие / В.Г. Петров, В.В. Ершов. – М., 2018. – С. 145.

Безусловно, велика доля участия военных прокуроров в военных судах, но это не лишает их права обращения в суды общей юрисдикции. Так, военной прокуратурой Оренбургского гарнизона в 2020 году направлено исковое заявление в Ленинский районный суд г. Оренбурга к Минобороны России и ФКУ «Дом офицеров Оренбургского гарнизона» с требованием текущего и капитального ремонта здания Дом офицеров¹. Причем, в декабре 2021 года данный иск был удовлетворен. Другой пример. Военный прокурор Черкесского гарнизона обратился в Октябрьский районный суд г. Ростова-на-Дону с иском в интересах неопределенного круга лиц к войсковой части ФКУ «Объединенное стратегическое командование Южного военного округа» об обязанности провести специальную оценку условий труда на рабочих местах по должностям гражданских служащих в войсковой части². Данный иск также был удовлетворен. Тем самым, можно констатировать, что военный прокурор имеет право обратиться за защитой нарушенных прав неопределенного круга лиц в суд общей юрисдикции, то есть он неограничен деятельностью только в военных судах.

На основании изложенного следует сделать ряд выводов. Во-первых, военный прокурор при участии в гражданском процессе приравнен по статусу к территориальному прокурору. Во-вторых, военный прокурор может обращаться за защитой прав как неопределенного круга лиц, так и вполне конкретных субъектов гражданских правоотношений, давать заключения по гражданским делам. В-третьих, участие военного прокурора в гражданском судопроизводстве допускается как в судах общих юрисдикции, так и в военных судах, но с одной важной отличительной особенностью – категории дел или споров, по которым участвует военный прокурор так или иначе затрагивают права военнослужащих или интересы органов военного управления.

¹ Решение Ленинского районного суда г. Оренбурга по гражданскому делу № 2-79/2021 (2-4336/2020) URL: https://leninskyorb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=134386567&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения 27.02.2022).

² Решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону по гражданскому делу № 2-2494/2018 URL: https://oktyabrsky--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=140658213&delo_id=1540005&new=0&text_number=1 (дата обращения 27.02.2022).

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сырцов М.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой конституционного и
международного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Архирейская Т.Ю.

Смена технологического уклада и четвертая промышленная революция привели к активному внедрению цифровых технологий во многие сферы общественной жизни. Указанное обусловило необходимость поиска оптимального подхода к регулированию создания и внедрения цифровых инноваций. По мнению экспертов, развитию цифровых технологий препятствует, в том числе, несовершенство действующего законодательства, которое не в состоянии в полной мере учесть их особенности¹. В качестве ответа на этот вызов цифровизации разрабатываются новые экспериментальные подходы к регулированию, объединяемые термином «экспериментальные правовые режимы».

В Российской Федерации для реализации масштабного и доступного механизма правовых экспериментов в сфере цифровых инноваций был разработан и принят Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» (Далее – Закон об ЭПР). Под экспериментальным правовым режимом законодатель понимает применение в отношении участников экспериментального правового режима в течение определенного периода времени специального регулирования по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций, что закреплено в п. 1 ст. 2 указанного закона².

Исходя из концепции названного закона, главной целью введения экспериментального режима является апробация цифровых инноваций для их ускоренного внедрения. Сокращение срока между этапами разработки и внедрения новой технологии (сервиса, продукта) позволит, надо полагать, с одной стороны, сократить издержки разработчиков, а также протестировать все бизнес-процессы, связанные с ее эксплуатацией, а с другой – оперативно отказаться от нерабочей модели. Кроме того, возможность совершенствования по итогам реализации экспериментального режима общего регулирования позволит без каких-либо проблем тиражировать апробированные новые решения.

¹ Достов В.Л. Институт «регулятивных песочниц» как инструмент поддержки финансовых инноваций // Деньги и кредит. – 2016. – № 10. – С. 51.

² СЗ РФ. – 2020. – (№ 31). – Ст. 5017.

Помимо указанных выше преимуществ, применение нового механизма стимулирования цифровых инноваций может столкнуться с определенными проблемами.

Во-первых, в настоящий момент отсутствуют критерии оценки эффективности реализации экспериментальных правовых режимов. По итогам эксперимента принимается решение о нецелесообразности внедрения той или иной инновации или же наоборот распространение успешного опыта на всю территорию страны. Однако, помимо извлечения исключительно практических результатов из правового эксперимента, необходимо провести его комплексный анализ и оценку по завершении. Поскольку даже негативный опыт должен приниматься органами власти в расчет для коррекции направлений осуществления государственного управления¹. Исходя из содержания Закона об ЭПР, функционирование эксперимента проходит при постоянном мониторинге и оценке эффективности. Тем не менее, конкретные критерии не содержатся в законодательных и подзаконных актах, регулирующих данный институт. Предполагается, что они будут определены для каждого эксперимента отдельно, в его программе. С одной стороны следует положительно оценить индивидуальный подход, с другой – может возникнуть сложность в подсчете экономической эффективности отдельно взятого экспериментального режима.

Во-вторых, возможна проблема затягивания сроков изменения нормативных правовых актов по итогам проведения экспериментального правового режима. Согласно ст. 18 Закона об ЭПР, уполномоченный орган после проведения оценки реализации указанного режима принимает решение либо по приданию экспериментальным нормам права свойств общего регулирования с внесением изменений в необходимые акты, либо о невозможности распространения экспериментального регулирования на более широкий круг лиц. В случае необходимости внесения изменений исключительно в акты Правительства Российской Федерации или иных органов исполнительной власти страны вероятность затягивания данного процесса практически исключена. Однако, при необходимости внесения изменений в законодательные акты существует вероятность слишком долгого принятия соответствующего закона, в связи со спецификой законодательного процесса. В качестве возможного решения этой проблемы видится целесообразным закрепление приоритетного порядка рассмотрения законов, принимаемых после оценки результатов экспериментального правового режима.

В-третьих, продолжает свое функционирование «Регулятивная песочница» Банка России. Её появление предусматривалось «Основными направлениями развития финансовых технологий на период 2018-2020 годов». Процедура создания экспериментального правового режима для

¹ Дегтярев М. В. Экспериментальное законодательство: вопросы теории // НОМОТНЕТКА: Философия. Социология. Право. – 2021. – №1. – С. 128.

конкретной финансовой инновации практически идентична той, что закреплена в нынешнем законе. После принятия Закона об ЭПР «Регулятивная песочница» Банка России должна была прекратить свое действие. В частности, это обусловлено тем, что Центральный Банк отныне является уполномоченным органом по созданию и мониторингу экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций на финансовом рынке. Однако, регулятором не было принято соответствующего акта по прекращению действия «Регулятивной песочницы», поэтому в данном случае наблюдается правовая коллизия. Безусловно, что в соответствии со ст. 76 Конституции Российской Федерации, Закон об ЭПР имеет большую силу, тем не менее сложившаяся ситуация вводит в заблуждение потенциальных субъектов правового эксперимента, если взять во внимание, что на официальном сайте Банка России до сих пор можно заполнить форму заявки на участие в «регуляторной песочнице».

В-четвертых, существует проблема, связанная с перечнем технологий, для которых возможно создание экспериментальных правовых режимов. Закон об ЭПР устанавливает открытый перечень сфер применения нового механизма внедрения инноваций, при этом выделяя приоритетные направления, такие как медицинская деятельность, эксплуатация транспортных средств или предоставление государственных, или муниципальных услуг. Несколько иная ситуация обстоит с технологиями, применяемыми в рамках экспериментальных правовых режимов. Их закрытый перечень установлен соответствующим Постановлением Правительства Российской Федерации. В этом списке фигурируют технологии искусственного интеллекта, работы с большими данными, робототехники, распределённого реестра и другие¹. Не оспаривая тот факт, что указанный перечень является обширным и закрепляет все сквозные цифровые технологии, существующие на данный момент и необходимые для построения цифровой экономики в России, следует отметить, что скорость появления инноваций в последнее время существенно увеличилась. Данный факт может создать ситуацию, в которой технология не сможет пройти апробацию без внесения соответствующих изменений в нормативные акты. Более целесообразным видится установление открытого перечня технологий применяемых в рамках экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций.

В целом российской и зарубежный опыт позволяет нам сделать вывод об эффективности такого инструмента как экспериментальный правовой режим. На наш взгляд, механизм экспериментального регулирования как никакой другой соответствует требованиям современных реалий – его гибкость и вариативность позволяют внедрять инновационные решения без вреда для потребителя, а также позволяют экономить миллиардные средства на запуске непротестированных технологий в глобальном масштабе.

¹ СЗ РФ. – 2020. – № 44. – Ст. 7003.

ОСОБЕННОСТИ ДОКАЗЫВАНИЯ ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ НАСЛЕДНИКА НЕДОСТОЙНЫМ

Тарасова В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Янева Р.Р.

Важной частью судебного разбирательства по делам о признании наследника недостойным является деятельность суда по доказыванию, которая позволяет суду установить фактические обстоятельства конфликта, разрешить дело по существу и вынести законное и обоснованное судебное решение.

Наибольший практический интерес вызывают особенности доказывания обстоятельства злостного уклонения граждан от выполнения лежавших на них в силу закона обязанностей по содержанию наследодателя (ч. 2 ст. 1117 ГК РФ). Обусловлено это тем, что процедура признания наследника недостойным по данному основанию немыслима без системного толкования с положениями семейного права и законодательства о здравоохранении и социальной поддержке населения.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что именно с подобным инструментом наиболее часто возникают споры, что связано с буквальным пониманием истцами приведенных законодательных положений. Кроме того, при рассмотрении подобных споров и установлении факта «злостного неисполнения» наследниками обязательств перед наследодателем судом реализуется предоставленное ему законом дискретное полномочие по правовой квалификации оценочных обстоятельств¹.

Анализ судебных решений по делам о признании наследника недостойным по ч. 2 ст. 1117 ГК РФ позволяет установить, что судами под злостностью подразумевается осознанное игнорирование своих обязанностей в течение продолжительного времени или намеренное уклонение от их исполнения². Злостность уклонения от исполнения обязанностей по содержанию наследодателя предполагает осведомленность наследника о нуждаемости наследодателя в материальной помощи, наличие у него

¹Фиошин А.В. О судебской дискреции при рассмотрении дел, связанных с оценочными понятиями наследственного и семейного права // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 4. – С. 250 - 264.

² Спор о признании недостойным наследником (на основании судебной практики Московского городского суда) // Помощник адвоката. 2022. URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).

предусмотренной законом обязанности по предоставлению такой помощи и умышленное уклонение от ее исполнения¹.

Особенности доказывания и перечень необходимых доказательств в отношении данного основания признания наследника недостойным разъясняются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 9)². Так, анализ положений п. 20 указанного Постановления позволяет констатировать, что основанием для признания наследника недостойным по п. 2 ст. 1117 ГК РФ может стать только невыполнение обязанностей, возложенных на него нормами раздела V Семейного кодекса Российской Федерации, определяющих порядок выполнения алиментных обязательств членами семьи.

Доказательствами злого и умышленного уклонения от исполнения названных обязанностей могут служить, например, приговор суда об осуждении за злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей; решение суда об ответственности за несвоевременную уплату алиментов; справка судебных приставов-исполнителей о задолженности по алиментам и другие доказательства. В каждом случае наличие злого намерения в действиях или бездействии одного из наследников (ответчика по иску) определяется судом с учетом продолжительности и причин уклонения (абз. 3 п. 20 Постановления Пленума ВС РФ № 9).

Так, например, Московский городской суд, отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы ответчика М., указал, что «злостное уклонение может иметь место при наличии судебного акта о взыскании средств на содержание наследодателя, которое фиксирует нуждаемость последнего в таком содержании и соответствующую обязанность наследника. Поскольку систематическое неисполнение ответчиком М. обязанности по выплате алиментов на содержание его матери К. (наследодателя) подтверждается постановлениями судебного пристава-исполнителя о расчете задолженности по алиментам, вступившим в законную силу решением суда о взыскании с ответчика неустойки по алиментам, длительностью просрочки исполнения алиментных обязательств (с 11 декабря 2015 года по 28 февраля 2017 года, с 01 марта 2017 года по 20 мая 2018 года), суд первой инстанции пришел к правомерному выводу об отстранении ответчика от наследования. Факт погашения накопившейся задолженности, а также неустойки указанного вывода не опровергает, поскольку злостное уклонение от уплаты алиментов в период, когда мать в них нуждалась, непредоставление ей ежемесячной материальной поддержки в виде взысканных решением суда

¹ Определение Владимирского областного суда от 20 июня 2012 г. по делу № 33-1776/2012. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 7.

алиментов по делу доказано»¹.

В качестве злостного уклонения от выполнения указанных обязанностей могут признаваться не только непредоставление содержания без уважительных причин, но и сокрытие алиментнообязанным лицом действительного размера своего заработка и (или) дохода, смена им места работы или места жительства, совершение иных действий в этих же целях².

В правоприменительной практике нередкими бывают случаи, когда в обоснование заявленных требований о признании наследника недостойным по ч. 2 ст. 1117 ГК РФ истцами приводятся доводы о том, что ответчик уклоняется от выполнения основанной на родственных отношениях обязанности осуществлять уход за нетрудоспособным нуждающимся наследодателем, оказывать ему необходимую помощь, в том числе материальную. Однако судами они не принимаются во внимание, поскольку не отнесены законом к числу оснований признания наследника недостойным. Так, например, Мотовилихинский суд г. Перми, рассмотрев гражданское дело по иску В.С.В., В.В.В. к В. А.В. о признании недостойным наследником, указал, что доводы истцов о том, что только они несли расходы, оказывая помощь матери в приобретении лекарственных препаратов, средств гигиены, продуктов питания; что ответчик не оказывал необходимой помощи и ухода престарелой и больной матери, практически не общался с родителями не могут быть приняты во внимание и положены в основу решения об удовлетворении исковых требований, поскольку данные обстоятельства не свидетельствуют о злостном уклонении ответчика от выполнения лежавших на нем в силу закона обязанностей по содержанию. При таких обстоятельствах суд считает, что доказательств злостного уклонения ответчика от содержания матери истцами не представлено³. К аналогичному выводу пришла Судебная коллегия по гражданским делам Владимирского областного суда⁴.

Таким образом, обязанности по содержанию наследодателя носят семейно-правовой характер и связаны с выполнением алиментных обязательств членами семьи. Уклонение именно от этой группы обязанностей, носящее злостный характер и подтвержденное вступившим в силу судебным актом, будет служить основанием для признания наследника недостойным. Недостаточными для удовлетворения исковых требований следует признать такие доказательства, как объяснения истца и показания

¹ Апелляционное определение Московского городского суда от 26 марта 2019 г. по делу № 33-6704/2019. URL: <https://client.consultant.ru/site/list/?id=1014119412> (дата обращения: 01.03.2022).

² Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2019 г. № 18-КГ19-111. URL: <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 01.03.2022).

³ Решение Мотовилихинского районного суда г. Перми от 16 мая 2011 г. по делу № 2-1507/2011. URL: <http://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 01.03.2022).

⁴ Определение Владимирского областного суда от 20 июня 2012 г. по делу № 33-1776/2012. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).

свидетелей. Кроме того, факт возбуждения в отношении ответчика уголовного дела или наличия иного разбирательства, не завершено на момент рассмотрения спора о признании наследника недостойным, не является допустимым доказательством и не будет принят судом¹.

Исключение судами приведенных ранее доводов истцов о невыполнении обязанностей по уходу за нетрудоспособным членом семьи не может рассматриваться в качестве искусственного сужения оснований для удовлетворения исковых требований.

ЗАЩИТА ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ В АСПЕКТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Тимошкин М.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и
международного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Борисов Я.Е.

В настоящее время информация является главным условием развития общества. Научный прогресс, развитие инновационных технологий привели к возрастанию объёма информации, который получил название «информационный взрыв». Настала эра «информационного общества», в котором большинство работающих заняты не в сфере создания материальных благ, а непосредственно объединены с поиском новых знаний, с получением, накоплением и распространением информации. В новом типе общества особенно информация, ее эффективное применение создаёт ритм социально-экономического развития. Выросла потребность к информатизации всех сторон социальной жизни, увеличились ресурсы дистанционного образования, сфера активного пользования глобальной компьютерной сети Интернет.

Если раньше пределы сферы частной жизни имели относительное физическое выражение и проходили по стенам жилища («мой дом – моя крепость»), то сейчас они становятся информационными. В современных реалиях наибольшую ценность обретает охрана информации о личности, особенно персональных данных как составляющую часть института неприкосновенности частной жизни. До правового регулирования информации и использования информационных систем стоит ещё одна задача – установление правового режима персональных данных.

Настоящее объяснение права на неприкосновенность частной жизни в рамках взятых на себя Россией обязательств в связи с ратификацией Конвенции о защите прав человека и основных свобод предполагает защиту, во-первых, деятельности лица в частной сфере, его поступков, образа жизни

¹ Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 29 октября 2019 г. по делу № 88-15/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 01.03.2022).

и поведения и, во-вторых, информации персонального характера. Как отмечает И.М. Хужокова, объектом права на частную жизнь выступают две большие группы общественных отношений, первая из которых сопряжена с действиями, вторая с информацией.

Действительно, право на защиту персональных данных тесным образом связано с правом на неприкосновенность частной жизни, подобно тому, как персональные данные личности связаны с частной жизнью. Поэтому для охраны и защиты права на неприкосновенность частной жизни в условиях автоматизированной обработки данных о гражданах в Европе около 30 лет назад был введен особый институт правовой охраны личности – так называемый институт защиты персональных данных.

Разница же между правом на защиту персональных данных и правом на неприкосновенность частной жизни заключается в том, что право на неприкосновенность частной жизни предусматривает защиту, наряду с прочим, информации, относящейся к частной жизни, а право на защиту персональных данных – справедливую и законную обработку этих данных независимо от их характера и сферы применения¹. Для неприкосновенности частной жизни объектом является сама частная жизнь, а для защиты персональных данных – персональные данные, то есть различная информация, которая относится к определённому физическому лицу. Эта информация имеет прямое отношение к частной жизни индивида, но главным условием является то, что все эти сведения должны быть закреплены на материальном носителе, в то время как информация, составляющая тайну частной жизни лица, не требует подобной фиксации, поэтому и механизмы защиты отличны.

Частную жизнь можно трактовать как сумма специфических сфер, которые человек не желает предавать огласке (например, относят семейные отношения, быт, общение, отношение к религии, внеслужебные занятия, увлечения, отдых и т.д.). Согласно положениям Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, можно сделать вывод о том, что сведения о частной жизни лица, в том числе персональные данные, отнесены к информации, охраняемой законом, доступ к которой без согласия лица, к которому она относится, не допускается. Можно сделать вывод, что одной из основных черт защищенности персональных данных является гарантирование их конфиденциальности².

Проблема, обуславливающая необходимость специального правового регулирования, состоит в том, что особенностью персональных данных является возможность соотнести составляющую их информацию с конкретным человеком, персонифицировать или идентифицировать ее. Именно поэтому сбор персональных данных в разных системах

¹ Прудентов Р. В. Метод правового регулирования: вопросы теории и конституционного права: Учебник. – М., 2019. – 325 с.

² Блажеев В.В., Егорова М.А. Цифровое право: Учебник. – М., 2021. – С. 640

представляет серьезную опасность их владельцу в случае неправомерного использования.

С этой точки зрения право на конфиденциальность персональных данных, как отмечает А.С. Федосин, является правомочием конституционного права на защиту персональных данных, его суть составляет исключение возможности распространения таких данных оператором их обработки в отсутствие согласия носителя персональных данных. Причем в данном случае предполагается, что сбор персональных данных осуществлено операторами обработки с согласия их носителя или иным законным способом.

Установление в отношении персональных данных режима конфиденциальности позволяет соблюдать конституционное право человека на неприкосновенность частной жизни и информации о ней. Хотя следует отметить, что в федеральном законодательстве закреплены случаи, когда конфиденциальность персональных данных не обеспечивается, следовательно, ограничивается неприкосновенность частной жизни. Поэтому некоторые авторы призывают ввести в законодательный оборот термин «конфиденциальные персональные данные», на которые и распространялся бы режим конфиденциальности. Впрочем, в данном случае снижается уровень защиты персональных данных в целом. Если в формулировке действующего закона по общему правилу в отношении персональных данных действует режим конфиденциальности, а ограничение конфиденциальности рассматривается как исключение, то в предлагаемой трактовке – противоположная ситуация. В то же время стоит заметить, что в Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» были внесены ряд изменений, которые в целом способствовали гарантированности конфиденциальности персональных данных, в частности, из ст. 7 Закона исключена ч. 2, предусматривающая исключения из режима обеспечения конфиденциальности персональных данных. В соответствии с Федеральным законом персональные данные – это любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу, то есть субъекту персональных данных¹. Родовым понятием здесь является информация, а главным признаком – отношение к конкретному физическому лицу.

Федеральный акт Канады 1985 г. о защите неприкосновенности частной жизни (Privacy Act), как и большое количество других законов провинций, определяет понятие «данные» как «персональную информацию», что, в свою очередь, трактуется как сведения об идентифицируемом лице, составленные без соблюдения какой-либо специальной формы.

Понимание «персональных данных» в США, используемое в Законе о неприкосновенности частной жизни 1974 г., немного шире и включает

¹ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» в редакции от 02.07.2021 // Материалы официального портала правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>

единицу, подборку или группу информации об индивиде, которой располагает ведомство (в том числе сведения об образовании, финансовых сделках, о состоянии здоровья, криминальную и трудовую биографию) и которая содержит указание на его имя, идентификационный номер, символ или иной идентифицирующий признак (например, отпечатки пальцев или фотографию)¹.

По мнению В.П. Иванского, персональные данные являются данными в машинно-ориентированной форме, которые включают сведения о частной жизни живого индивида (субъекта данных), который может быть идентифицирован на основе такой информации (или с помощью этой и иной информации), если, с точки зрения любого нормального человека, наделенного обычной чувствительностью, субъект данных вправе считать такую информацию конфиденциальной и контролировать ее распространение².

В окончании изучения понятия и содержания персональных данных хотелось бы отметить, что российское законодательство о персональных данных в настоящее время находится в периоде формирования. Взять для сравнения: европейская история создания законодательной базы защиты персональных данных составляет более чем тридцатилетнюю историю. Наверное, у отечественного законодательства в данной сфере свой путь, который еще предстоит пройти. Постановка задачи обеспечения реальной защиты прав личности, повышения уровня информационной безопасности государства требует серьезных изменений в этой сфере.

ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СТАТЬИ 205.2 УК РФ

Титова Д.Е. – магистрант 2 курса очной формы обучения
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и
криминологии Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Хмелевская Т.А.

Статья 205.2 была введена в Уголовный Кодекс РФ в 2006 году³. Конвенция совета Европы о предупреждении терроризма обязала участвующие в ней государства установить в рамках своего внутреннего законодательства уголовную ответственность за публичные призывы к

¹ Горячев А. В., Павлов М. Ю. Цифровое преимущество. Искусство конкурировать в эпоху искусственного интеллекта: Учебник. – М., 2021. – 320 с.

² Долганова И. В. Актуальные проблемы гражданского права: Учебник. – М., 2019. – С. 288

³ Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» (с изм. и доп. от 06 июля 2016 г. № 375-ФЗ) // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3452 (Ч. 1).

совершению террористических преступлений¹. Криминализация данного деяния обусловлена высокой общественной опасностью распространения идеологии терроризма, а также необходимостью реализации международных стандартов в области прав и свобод человека. Конвенция обязывает ее участников в своем законодательстве устанавливать уголовную ответственность за распространение информации способствующей развитию терроризма, независимо от того, осуществляется ли пропаганда непосредственно террористической идеологии или совершения преступлений террористической направленности.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 205.2 УК РФ, является информация, оправдывающая терроризм. Объективная сторона заключается в действиях, посредством которых такая информация распространяется. Таких альтернативных действия три: публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма и пропаганда терроризма. Важно заметить, что законодатель использует различную терминологию: «террористическая деятельность» и «терроризм». Оба этих понятия определены в статье 3 Федерального закона «О противодействии терроризму»².

Призывы к осуществлению террористической деятельности представляют собой обращение, направленное на возбуждение желания совершения деяний террористического характера. Согласно Постановлению Пленума ВС РФ это выраженные в любой форме обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению террористической деятельности, то есть к совершению преступлений террористической направленности³.

З.А. Шибзухов выделяет два основных критерия, по которым информация должна признаваться террористическим призывом: объективный критерий, т. е. внешняя форма выражения в виде сообщения, предложения, лозунга, воззвания или другая форма обращения к адресатам, и субъективный критерий, т. е. передача такой информации с субъективной стороны должна сопровождаться специальной целью побуждения адресатов осуществлять террористическую деятельность, а сами сообщения должны формировать такое побуждение⁴.

При этом призывы обязательно должны осуществляться публично, то есть в общественном месте и быть направленными на неопределённую

¹ Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма. Заключена в г. Варшаве 16 мая 2005 г. // СЗ РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2393.

² Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (с изм. от 29 марта 2019 г. №16-П) // СЗ РФ. – 2006. – № 11. – Ст. 1146.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 3 ноября 2016 г.) // Российская газета. – 2012. – 17 февраля.

⁴ Шибзухов З.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2014. – С. 10.

группу лиц, численное количество которой должно составлять два и более человека. Если такие призывы совершаются в отношении конкретно определённой группы лиц или в отношении одного человека, то отсутствует критерий публичности. В этом случае мы можем говорить о подстрекательстве к преступлению или преступлениям террористической направленности или же о содействии террористической деятельности (ч. 1 ст. 205.1 УК РФ). Призывы могут осуществляться в различных формах: как письменно, так и устно, с использованием видео- или аудиозаписи, на листовках и других агитационных материалах.

Публичные призывы не предполагают склонение лиц к совершению определённых преступлений или преступления террористической направленности, поэтому не являются подстрекательством.

Обратимся к публичному оправданию терроризма, т. е. публичному заявлению о признании идеологии и практики терроризма правильными, нуждающимися в поддержке и подражании¹. Данное преступление окончено с момента публичного выступления лица с соответствующим заявлением². На практике правоприменители сталкиваются с отсутствием конкретики в понятии «оправдание терроризма». Так, под оправдание терроризма подпадает понимание и объяснение причин данного явления и деяний определённых лиц, что можно рассматривать как нарушение конституционного права граждан на выражение мнения. Указанные уголовно-правовые ограничения свободы слова в полной мере соответствуют статьям 29 и 55 Конституции России, поскольку лишь определяют границы его использования, однако имеет место недостаточная определенность диспозиции ст. 205.2, что создаёт предпосылки для её противоречивого толкования и произвольного применения.

Верховный Суд в своем обзоре от 2020 года говорит, что распространение лицом материалов, направленных на формирование идеологии терроризма, убежденности в ее привлекательности либо представления о допустимости осуществления террористической деятельности, подлежит квалификации как пропаганда терроризма³. Спорным является вопрос о публичных заявлениях, в которых одобряют и прославляют лиц, осуществляющих террористическую деятельность. Учитывая, что такие деяния носят пропагандистский характер, обладают высокой общественной опасностью и широкой распространенностью, представляется необходимым в Постановлении Пленума ВС отнести подобные действия к пропаганде терроризма.

¹ Примечание 1 ст. 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 4 марта 2022 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (ред. от 3 ноября 2016 г.) // Российская газета. – 2012. 17 февраля.

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2020 г. № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г. // СПС «Консультант Плюс».

Часть 2 статьи 205.2 УК РФ предполагает ответственность за те же деяния, совершённые с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе через Интернет. Здесь сложность заключается в установлении личности субъекта преступления, поскольку не всегда возможно установить личные данные пользователя сети.

З.А. Шибзухов считает, что криминализация публичного оправдания практики терроризма полностью оправдана, так как это соответствует предписаниям статьи 5 Конвенции совета Европы о предупреждении терроризма, в то время как криминализация публичного оправдания идеологии терроризма представляется ошибочным, поскольку понятие «идеология терроризма» не обладает достаточной степенью определенности, к тому же террористическими являются не сами идеи и взгляды террористов, а способы их практической реализации¹.

По моему мнению, в законе действительно присутствует неопределённость относительно понятия «идеология терроризма». С целью исключения противоречий в толковании диспозиции статьи 205.2 УК РФ необходимо через руководящие разъяснения высшей судебной инстанции конкретизировать понятие «оправдание терроризма» и отнести к пропаганде терроризма одобрение деяний лиц, осуществляющих террористическую деятельность.

Уголовно-правовые меры по данной статье требуют дальнейшего изучения для повышения их эффективности и совершенствования судебной практики.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ПРИ ПРИВЛЕЧЕНИИ ЛИЦ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕУПЛАТУ СРЕДСТВ НА СОДЕРЖАНИЕ ДЕТЕЙ ИЛИ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РОДИТЕЛЕЙ

Ткачев В.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и

криминологии Оренбургского

института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

к.ю.н. Хмелевская Т.А.

На сегодняшний день внесены изменения в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), в соответствии с которыми состав преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, образуют действия родителя, совершившего неоднократную неуплату алиментов на содержание несовершеннолетних детей либо нетрудоспособных детей, достигших

¹ Шибзухов З.А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – М, 2014. – С. 11.

восемнадцатилетнего возраста, в нарушение решения суда или нотариально удостоверенного соглашения, без уважительных на то причин. При этом законодателем устранен такой критерий этого преступления, как «злость»¹.

Таким образом, в связи с изменением законодательства возникают вопросы уголовно-правовой квалификации рассматриваемых деяний, такие как определение сроков нарушений, в течение которых родитель, допустивший неуплату алиментов, может быть повторно привлечен к ответственности. Уголовным законом, положениями ст. 157 УК РФ, четко не регламентирован временной период неуплаты алиментов после вступления в силу решения о привлечении лица к административной ответственности за административное правонарушение подобной категории.

Отмечается, что продолжающаяся неуплата лицом алиментов в период, когда оно считается подвергнутым административному наказанию, не может квалифицироваться как повторное административное правонарушение, предусмотренное ст. 5.35.1 кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), поскольку это деяние, совершенное неоднократно, в соответствии с диспозицией ст. 157 УК РФ уже содержит признаки указанного преступления².

К примеру, судебная практика Ярославского районного суда, после привлечения к административной ответственности, т.е. в период, когда подсудимый являлся лицом, подвергнутым административному наказанию, должных выводов для себя не сделал и умышленно, повторно совершил аналогичное деяние. Действия подсудимого суд квалифицирует по ч.1 ст. 157 УК РФ как неуплата родителем без уважительных причин в нарушение решения суда средств на содержание несовершеннолетнего ребенка, если это деяние совершено неоднократно³.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что должник, подвергнутый административному наказанию по ст. 5.35.1 КоАП РФ и впоследствии осужденный за совершение преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, в случае дальнейшего неисполнения алиментных обязательств в течение срока, когда он считается подвергнутым административному наказанию, подлежит повторному привлечению к уголовной ответственности за неуплату средств на содержание детей.

Возникает вопрос о том, являются ли два или более эпизода тождественных деяний единым сложным продолжаемым преступлением

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 09.03.2022) // СПС «Консультант плюс».

² Романов А. Н. Уголовная ответственность за неуплату родителями средств на содержание несовершеннолетних детей // Законность. – 2019. – № 9. – С. 55-56 .

³ Приговор Ярославского районного суда от 19 марта 2021 г. по делу № 1-63/2021 // Sudact.ru. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/wUAFgQwyBA6n/> (дата обращения: 09.03.2022).

либо двумя самостоятельными преступлениями, который требует анализа всех объективных и субъективных признаков преступления.

На основании вышеизложенного, в целях оптимизации уголовного законодательства в данной сфере, предлагается дополнить ст. 157 УК РФ квалифицирующими признаками: «Совершение преступления лицом, имеющим судимость за совершение преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ».

СУБСИДИАРНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ, КОНТРОЛИРУЮЩИХ ДОЛЖНИКА, ПРИ ЕГО БАНКРОТСТВЕ

Томин А.О.– магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н., доцент Бердегулова Л.А.

Из общих положений гражданского законодательства известно, что если должник не погашает свои долги, то в оговоренных в законодательстве ситуациях кредитор имеет право предъявить требование к другому лицу, которое именуется субсидиарным должником.

В процессе ведения дела о банкротстве важным понятием является «субсидиарная ответственность». К ней при банкротстве приводят ошибки и недобросовестные действия, допущенные при управлении компанией. Привлечение к субсидиарной ответственности хоть и является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов, однако, это очень действенный механизм для пополнения конкурсной массы.

По общему правилу, под лицом, контролирующим должника, имеется ввиду физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом, заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий. (п.1 ст. 61.10 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»).

Данная норма закона не исключает возможность привлечения контролирующего лица к другим видам юридической ответственности за действия (бездействие), совершенные за пределами указанного трехлетнего срока.

В части 2 ст. 61.10 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» установлен ряд признаков, руководствуясь которыми можно установить наличие у лица статуса контролирующего. К ним относятся¹: лица, находящиеся с должником в отношениях родства или свойства, лица,

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26 окт. 2002 г. №127-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. - № 43. – Ст. 4190.

имеющие полномочия, совершать сделки от имени должника, на основании доверенности, нормативном правовом акте или ином специальном полномочии, лица, которые замещали должности главного бухгалтера, финансового директора должника либо лиц, имеющих право самостоятельно распоряжаться более 50% акций акционерного общества, либо более половиной уставного капитала общества с ограниченной ответственностью и т.д.;

Федеральная налоговая служба в письме ФНС от 16.08.2017 года № СА-4-18/16148@, указывается, что основаниями для признания лица, контролирующим должника могут послужить любые неформальные личные отношения, в частности совместное проживание, длительная совместная служебная деятельность, совместное обучение и т. д.

Следовательно, можно утверждать, что контролирующим может быть признан достаточно широкий круг лиц, входящих в органы управления должника.

Понятие лица, контролирующего должника расширяется, в настоящее время к субсидиарной ответственности могут быть привлечены члены семьи лица, контролирующего должника, в пользу которых было отчуждено его имущество, либо которые принимали участие в управлении должником¹. По нашему мнению привлечение родственников к субсидиарной ответственности несёт в себе ряд проблем. Если лицо участвовало в бизнесе, вело его, оно понимает, какие сделки совершались, как происходило управление, следовательно, это лицо может аргументированно возражать против привлечения к субсидиарной ответственности, что нельзя сказать о родственниках. Так долги лица, контролирующего должника, возникшие в результате привлечения его к субсидиарной ответственности, входят в состав его наследственной массы, и в случае смерти переходят к наследникам. Нам представляется, что такая практика такая представляется спорной, потому как наследник не может отвечать по бизнес рискам лица, у которого он является наследником². Также компании холдинга, неправомерно получившие выгоду, за счёт должника могут быть привлечены к субсидиарной ответственности как соучастники³.

Законодательно также установлен ряд опровержимых презумпций облегчающих доказывание факта наличия у лиц статуса контролирующих. Следовательно, доказывать отсутствие статуса контролирующего лица будет вынужден субсидиарный ответчик.

Законодатель установил следующие опровержимые презумпции наличия у лица статуса контролирующего, если:

1 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.12.2019 № 305-ЭС19-13326 по делу № А40-131425/2016

2 Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16.12.2019 № 303-ЭС19-15056 по делу № А04-7886/2016

3 Определение Верховного Суда РФ от 25.09.2020 N 305-ЭС20-12829 по делу № А40-30641/2016

– лицо являлось руководителем должника или управляющей организации должника, членом исполнительного органа должника, ликвидатором должника, членом ликвидационной комиссии;

– лицо имело право самостоятельно либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться пятьюдесятью и более процентами голосующих акций акционерного общества, или более чем половиной долей уставного капитала общества с ограниченной (дополнительной) ответственностью, или более чем половиной голосов в общем собрании участников юридического лица либо имело право назначать (избирать) руководителя должника;

– лицо извлекало выгоду из незаконного или недобросовестного поведения лица, уполномоченного выступать от имени организации.

Согласно позиции ФНС презумпция выгоды содержит два юридических факта: факт основание и факт предположение. При этом, для того чтобы доказать факт предположения достаточно установить факт получение выгоды.

ФНС в письме от 16.08.2017 № СА-4-18/16148@ «О применении налоговыми органами положений главы III.2 Федерального закона от 26.10.2002 N 127-ФЗ» как пример приводит такой вариант недобросовестного поведения, использование преимуществ, которые предоставляет возможность ведения бизнеса через корпоративную форму, и построение бизнес-модели с разделением на рискованные и безрисковые части, позволяющие в случае проблем с оплатой поставщикам, подрядчикам, работникам или бюджету в короткие сроки обанкротить рискованную часть и заменить её на новую. При этом важно, что так называемый «центр прибыли» сохраняется, а следовательно, сохраняются и активы. Естественно в такой ситуации страдают кредиторы, которые несут в связи с этим убытки.

Также предполагается, что контролирующим должника является третье лицо, которое получило существенный актив должника, выбывший из владения последнего по сделке, совершенной руководителем должника в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов¹.

Субсидиарную ответственность несут не только формальные контролирующие должника лица, но и фактические, если будет доказано, что на самом деле, за формальными контролирующие должника лица стоял конечный бенефициар и давал указания на совершение соответствующих действий.

Также позитивно следует оценить позицию Верховного суда², согласно которой не допускается признание наличия у лица статуса, контролирующего

¹ Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих 158 - Юридические науки должника лиц к ответственности при банкротстве» {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

² Постановление пленума Верховного суда Российской Федерации от 21 декабря 2017 года № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих 158

только на основании родства или свойства с членами органов должника, замещения лицом должностей финансового директора, главного бухгалтера или передачи лицу полномочий на совершение ординарных сделок в рамках обычной хозяйственной деятельности должника. Безусловно, в отношении таких лиц судам необходимо устанавливать степень вовлеченности в процессы управления должником и степень их влияния на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что законодательство о банкротстве развивается и принятые меры должны сократить количество недобросовестных должников, а также способствовать привлечению реально контролирующих должника лиц к ответственности, то есть конечных бенефициаров.

К ВОПРОСУ О ПОРЯДКЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ДОЛЕЙ СУПРУГОВ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СПОРА О РАЗДЕЛЕ ОБЩЕЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

Трофимов С.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н., доцент Янева Р.Р.

Разрешение любого спора, возникающего из брачно-семейных отношений, всегда связано с установлением оптимального соотношения интересов каждого члена семьи. При рассмотрении судами дел о разделе общей собственности супругов интересы ребенка – субъективный, но исключительно важный, приоритетный критерий, подлежащий оценке.

Одной из ключевых особенностей семейного законодательства является наличие в нем большого количества оценочных понятий, ситуационных норм. В этой связи суды обладают большой свободой усмотрения при разрешении имущественных споров между супругами.

По общему правилу, установленному в п. 1 ст. 39 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)¹ при разделе общего имущества супругов и определении долей в этом имуществе последние признаются равными, если иное не предусмотрено договором между супругами. Вместе с тем суд может в отдельных случаях отступить от начала равенства долей супругов, учитывая интересы несовершеннолетних детей и (или) заслуживающие внимания интересы одного из супругов (п. 2 ст. 39 СК РФ,

- Юридические науки должника лиц к ответственности при банкротстве» {Электронный ресурс} // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (с изм. и доп. от 2 июля 2021 г № 310-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16; 2021. – № 27 (часть I). Ст. 5138.

п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака»¹).

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, разъясняет понятие «заслуживающие внимания интересы» только в отношении одного из супругов, не определяя при этом, что именно следует понимать под заслуживающими внимания интересами несовершеннолетних.

Не содержит перечня заслуживающих внимания интересов несовершеннолетних детей, с учетом которых суд вправе отступить от начала равенства долей супругов в общем имуществе, и семейное законодательство. Указанные причины (обстоятельства) устанавливаются в каждом конкретном случае, с учетом представленных сторонами доказательств.

В научной литературе отсутствует единство мнений относительно понимания того, какие именно интересы несовершеннолетних подлежат учету при применении п. 2 ст. 39 СК РФ. Большинство авторов считают их имущественными². Другие авторы полагают, что в данном случае имеются в виду и неимущественные интересы детей в необходимости сохранения вещей и иных материальных благ, к которым ребенок привык и которые составляют его обычную домашнюю обстановку, так как их исчезновение может повлечь проблемы психологического характера³.

Правоприменительная практика свидетельствует об отсутствии устойчивого подхода в определении четких критериев, наличие которых позволило бы отступить от принципа равенства долей супругов в интересах несовершеннолетних детей. Тем более, что законодателем норма п. 2 ст. 39 СК РФ сформулирована как право, а не обязанность суда.

Как правило, подобного рода отступления применяются судами в отношении движимого имущества, которое приобреталось непосредственно для нужд ребенка (спортивный инвентарь, книжные полки, мягкая мебель и т.д.) и для удовлетворения его потребностей⁴. В удовлетворении требования о применении правил п. 2 ст. 39 СК РФ в отношении недвижимого имущества суды, как правило, отказывают, аргументируя свою позицию, например, тем, что «раздел квартиры не ограничивает право детей в пользовании имуществом обоих родителей, в связи с чем права детей при

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05 ноября 1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 1.

² См., напр.: Гладковская Е.И. Имущественные права ребенка // Общество и право. 2011. № 4 (36); Евсеев Е. Неравный раздел // Юридическая газета. 2011. № 18; Самсонова И.В. Раздел имущества супругов: Практическое пособие // СПС КонсультантПлюс, 2010.

³ Расторгуева А. А. Некоторые особенности определения долей при разделе общего имущества супругов // Нотариус. – 2012. – № 1.

⁴ См., например, Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 19 декабря 2021 г. по делу № 2-7894/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 01.02.2022).

разделе квартиры затронуты не будут»¹. В другом случае судом апелляционной инстанции была признана обоснованной позиция суда первой инстанции, отказавшего истцу в отступлении от начал равенства долей супругов в их общем имуществе ввиду отсутствия в законодательстве указания на то, что в случае направления денежных средств на улучшение жилищных условий за счет средств материнского (семейного) капитала должны быть определены доли детей².

Вместе с тем анализ позиций судов по делам данной категории позволяет выделить несколько оснований для отступления от принципа равенства долей супругов. При этом важно подчеркнуть, что такие требования подлежат удовлетворению, если стороной будет доказано наличие именно исключительных обстоятельств, к числу которых, как правило, суды относят: нахождение на иждивении нескольких несовершеннолетних детей, в том числе, разнополых³; низкий уровень дохода родителя, с которым проживает ребенок⁴; болезнь или инвалидность ребенка и обусловленная этим необходимость покупки дорогостоящих лекарств⁵; неучастие в воспитании и содержании ребенка вторым супругом⁶; личность родителя⁷. При этом факт совместного проживания ребенка с одним из родителей не является безусловным основанием для отступления от принципа равенства долей супругов.

Полагаем, что интересы ребенка носят комплексный, имущественный и неимущественный характер, и представляют собой совокупность его потребностей в материальных и духовных благах, обеспечивающих его полноценное личностное развитие.

¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 17 марта 2015 г. по делу № 2-1731/2014. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 01.02.2022).

² Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 24 февраля 2015 г. по делу № 33-1414/2015. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 01.02.2022).

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Оренбургского областного суда от 17 ноября 2021 г. по делу № 2-7894/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 01.02.2022).

⁴ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 19 мая 2020 г. по делу № 2-7007/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 01.02.2022).

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Свердловского областного суда от 30 мая 2019 г. по делу № 2-9871/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 01.02.2022).

⁶ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 17 апреля 2018 г. по делу № 2-463194/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 01.02.2022).

⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Рязанского областного суда от 19 декабря 2020 г. по делу № 2-1279/2021. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 01.02.2022).

Целесообразным представляется в п. 17 Постановления Пленума ВС РФ № 15 раскрыть содержание понятия «интересы несовершеннолетних детей».

Таким образом, наличие интересов, если заявлено об отступлении от начала равенства долей супругов в их общем имуществе, является юридически значимым по делу обстоятельством и должно быть подтверждено соответствующими доказательствами. В случае определения судом с учетом обстоятельств конкретного дела необходимым отступить от принципа равенства долей супругов с учетом конкретных обстоятельств и фактов, в обязательном порядке в решении суда указываются все доказательства и установленные на их основе обстоятельства, на которых основаны эти выводы суда.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ

Тукаева Д.Е. – магистрантка Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры теории государства и права
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Шабетя И.В.

Охрана здоровья граждан является одним из неотъемлемых прав, гарантируемых Конституцией Российской Федерации (ст.41).

Легальное определение данного понятия дается в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации" (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022). Под охраной здоровья граждан понимается: «Охрана здоровья граждан - система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи»¹.

Осуществление конституционного права на охрану здоровья является комплексным, поскольку в его структуру входит ряд факторов, способствующих реализации здорового образа жизни граждан (уровень санитарно-гигиенической культуры человека; качество питания, соблюдение

¹ Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // СЗ РФ. – 2011. – № 48. – Ст. 6724; 2021. – № 27. – Ст. 5143.

норм экологической чистоты; уровень безработицы; уровень маргинализации и криминализации общества (алкоголизм, наркомания, преступность и т.д.);

Государство гарантирует охрану данного права, на него возложена обязанность обеспечить его реализацию всеми возможными способами. Но государство не в силах в полном объеме урегулировать все факторы, которые влияют на состояние здоровья граждан. Поэтому «право на охрану здоровья» можно охарактеризовать как желаемый результат, как достижимый уровень психофизического состояния здоровья.

Для обеспечения реализации данных прав со стороны государства предусмотрены определенные гарантии: проведение мероприятия по охране здоровья на основе признания и соблюдения прав граждан в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права, обеспечение граждан охраной здоровья независимо от пола, расы, возраста, национальности, языка, наличия заболеваний; гарантии защиты от любых форм дискриминации и др.

Одной из главных гарантий является – гарантия своевременного, высококвалифицированного и доступного медицинского обеспечения. В настоящее время основным источником государственного финансирования оказания медицинской помощи является обязательное медицинское страхование¹. Однако, в последнее время существует разрыв между тем, что гарантировано законодательством, и действительной ситуацией в обществе. На данный момент усилилась коммерциализация системы здравоохранения. Граждане не желают обращаться в государственные учреждения из-за их чрезмерной загруженности, отсутствия должной медицинской техники. В надежде получить эффективное лечение, люди отдают предпочтение платной медицине, вместо того, чтобы использовать услуги государственного учреждения. При обращении в частные медицинские учреждения, пациентам необходимо заключить соответствующий договор, чтобы данные услуги им были предоставлены. Требования к порядку и условиям оказания платных медицинских услуг установлены Постановлением Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг»². Данный перечень носит открытый характер. На практике это приводит к навязыванию гражданам дополнительных, и зачастую ненужных, медицинских услуг, с целью получения большей выгоды. Для разрешения этого вопроса возможно предусмотреть использование типовых форм договоров, нежели закрепление требований о существенных условиях

¹ Федеральный закон от 29 ноября 2010 г. №326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (ред. от 06 декабря 2021 г.) // СЗ РФ. – 2010. – № 49. – Ст. 6409; 2021. – № 50. – Ст. 8412.

² Постановление Правительства РФ от 04.10.2012 № 1006 «Об утверждении Правил предоставления медицинскими организациями платных медицинских услуг» // СЗ РФ. - 2012. - № 41 - Ст. 5628.

договора, несогласование которых может поставить под сомнение сам факт заключения договора.

Еще одной существенной проблемой, в сфере реализации прав граждан в области охраны здоровья, выступает проблема кадрового обеспечения медицинского сектора. Многие молодые специалисты отказываются работать по специальности. Данные выводы были сделаны в поле исследования миграционных процессов в медицине, которое было проведено по заказу Министерства здравоохранения при поддержке Национальной медицинской палаты Российской Федерации¹. На данный момент крайне высоки нагрузки на врачей, многие вынуждены совмещать работу на нескольких ставках. Уровень оплаты труда врачей и среднего медперсонала зачастую не превышает среднюю зарплату по соответствующему региону, а престиж труда медработника в последние годы сравнительно невысок. Для повышения престижности данного рода деятельности целесообразным было бы применить дополнительные меры по стимулированию к осуществлению трудовой деятельности медицинского персонала, привлечению новых специалистов, посредством закрепления на законодательном уровне пакета социальных гарантий, таких как предоставление служебного жилья, полная или частичная компенсация арендной платы, решение вопросов жилищно-коммунального характера, внеочередное получение медицинской помощи, включая высокотехнологическую, обеспечение бесплатного санаторно-курортного лечения.

Нельзя не отметить такой процесс, как сокращение числа больничных и рост числа амбулаторно-поликлинических учреждений. В результате программы по оптимизации здравоохранения число больниц в России в 2022 году может уменьшиться до трех тысяч, по данным из информации Центра экономических и политических реформ (ЦЭПР). В наибольшей степени эта проблема коснулась сельских жителей: за пределами городов количество больниц сократилось более, чем в три раза. В исследовании ВШЭ «Доступность медицинской помощи: Россия в европейском контексте», следует, что в первую очередь недоступность медицинских услуг ощущают жители сельских районов (26% населения). Больше трети из них (35,2%) говорят об отсутствии элементарной медпомощи, каждый четвертый (25,6%) оценивает ее как труднодоступную, каждый десятый – как недостижимую². В целом, так или иначе, данные проблемы связаны с финансированием всей системы здравоохранения. Необходимо предусмотреть оснащение государственных медицинских учреждений хотя бы минимально качественным оборудованием, создание приемлемых

¹ Исследование по изучению миграционных процессов в здравоохранении // Российская Фармацевтика. Эффективность, Безопасность, Качество. Режим доступа: <http://pharmpractice.ru/96853> (дата обращения: 03.02.2022).

² Панова Л.В. Доступность медицинской помощи: Россия в европейском контексте // Журнал исследований социальной политики. – 2019. – Т. 17. – № 2. – С. 187.

условий труда и заработной платы для врачей по всем регионам Российской Федерации.

Здоровье граждан является одним из первостепенных и наиболее значимых благ человека, на основе которого строятся и берут свое начало многие другие блага. В связи с этим право на охрану здоровья должно выступать одним из ведущих направлений государственной политики, поскольку позволяет создать условия для дальнейшего развития страны. Специфика данного вида общественных отношений вызывает неоднородность со стороны государственного регулирования. Базовое законодательство в сфере охраны здоровья является достаточно полным, но в условиях постоянной модернизации сферы здравоохранения требуется усовершенствование норм действующего законодательства и принятие новых законов, способных обеспечить реализацию данного конституционного права гражданами.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И ЕЕ ОТРАЖЕНИЕ В МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ

Туктаров Д.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

к.ю.н., доцент Черепанцева Ю.С.

Везде, где трудится человека, должны быть созданы такие условия труда, которые каждому работнику обеспечивали бы право на получение вознаграждения за свой труд.

Не вызывает сомнения тот факт, что значительная роль в сфере охраны заработной платы принадлежит именно правовым мероприятиям. Трудовое право, как одна из важнейших отраслей российского права, призвано обеспечить каждому работнику получение за его личную трудовую деятельность заработной платы. Подобные нормы принимаются на всех уровнях правового регулирования, которые охватывают, как международный, так и национальный.

Включение международных правовых актов в совокупность норм, призванных обеспечить правовую охрану заработной платы, объясняется тем, что они оказывали и продолжают оказывать огромное влияние на развитие государств и народов. В силу признания в п. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации международных актов частью российской правовой системы¹, важно понимать, какие положения международного трудового

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от

права следует рассматривать в качестве базисных и руководящих при формировании российского трудового регулирования.

Характеризуя международно-правовую основу охраны заработной платы, следует отметить, в первую очередь, Всеобщую декларацию прав человека 1948 года¹. Согласно ст. 23 указанного акта, каждый человек имеет право на равную оплату за равный труд без какой-либо дискриминации (п. 2); на справедливое и удовлетворительное вознаграждение, обеспечивающее достойное человека существование и дополняемое при необходимости другими средствами социального обеспечения (п. 3). Значение данного акта определено в преамбуле, где говорится, что он является задачей, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства. Однако, Декларация только провозглашает право на равную оплату, но не устанавливает конкретных гарантий реализации указанных прав.

Свое дальнейшее развитие нормы, закрепленные во Всеобщей декларации, получили в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 года². В нем раскрываются основные условия, устанавливающие вознаграждение, обеспечивающее, как минимум, справедливую заработную плату за труд равной ценности, без какого-то ни было различия. Вознаграждение должно обеспечивать удовлетворительное существование для работников и их семей. Женщинам должны гарантироваться условия труда не хуже тех, которыми пользуются мужчины. Однако Пакт не содержит указания на конкретные действия, которые должен предпринять работодатель с целью обеспечения перечисленных прав.

Реальные гарантии по реализации закрепленных основных трудовых прав в сфере оплаты труда и охраны заработной платы можно найти в конвенциях и рекомендациях Международной организации труда. Так, Конвенция МОТ № 95 относительно защиты заработной платы (1949 г.) закрепляет право каждого трудящегося на получение вознаграждения за свой труд³. Заработная плата, согласно п. 1 ст. 3 Конвенции, выплачивается наличными деньгами, имеющими законное хождение. Данным актом разрешено закрепить в национальном законодательстве возможность выплаты заработной платы в натуральной форме в тех отраслях промышленности или профессиях, где она принята в обычной практике или желательна ввиду их характера. Кроме того нормы Конвенции № 95 содержат запрет на выплату заработной платы в виде спиртных напитков или наркотических средств (п.1 ст.4). Таким образом, данные положения Конвенции мы можем с полной уверенностью отнести к охране заработной

30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ)) // Российская газета. – 2020. – № 144.

¹ Библиотечка Российской газеты. – 1999. – № 22-23.

² Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. 1978. Вып. XXXII. С. 36.

³ URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c095_ru.htm (дата обращения: 04.03.2022).

платы. Кроме того, нельзя не отметить ст.5 Конвенции, в которой говорится, что заработная плата выплачивается непосредственно заинтересованному трудящемуся.

Конвенция МОТ № 100 о равном вознаграждении мужчин и женщин за труд равной ценности (1951 г.) обязывает применять ко всем трудящимися принцип равного вознаграждения мужчин и женщин за труд равной ценности¹, чем подкрепляет предусмотренное Международным пактом 1966 года право работников. Термин «равное вознаграждение за труд равной ценности» относится к ставкам вознаграждения, определяемым без дискриминации по признакам пола. При этом включается в себя основную или минимальную заработную плату или обычное, основное или минимальное жалование и всякое другое вознаграждение, предоставляемое прямо или косвенно, в деньгах или в натуре предпринимателем трудящемуся, в силу выполнения последним какой-либо работы. Следовательно, нормы данной Конвенции охраняют заработную плату каждого работника путем указания конкретной формы вознаграждения.

Однако, бывают ситуации, когда работнику сложно или даже не возможно реализовать свое право на получение заработной платы. Подобное имеет место в случае принуждения к труду. Конвенция № 26 о принудительном труде (1930 г.) в ст.2 дает определение такому труду, понимая под ним всякую работу или службу, требуемую от лица под угрозой наказания, для которого это лицо не предложило добровольно своих услуг². Конвенция № 105 об упразднении принудительного труда (1957 г.)³ указывает, что каждый член МОТ, ратифицировавший акт, обязуется упразднить принудительный труд и не прибегать к какой-либо его форме в качестве средства воздействия, наказания или дискриминации. Анализ данных международных документов свидетельствует о направленности установления правовой охраны заработной платы путем введения запрета принудительного труда. Тем самым, закрепляют право каждого трудящегося на свободный труд и на достойную заработную плату.

Важным аспектом охраны заработной платы следует признать нормы, запрещающие запрет дискриминации в оплате труда. Так, Декларация о ликвидации дискриминации в отношении женщин (1975 г.) в ст. 10 провозглашает право женщин на равную с мужчинами оплату в равное материальное обеспечение за равный труд⁴.

Конвенция № 111 о дискриминации в области труда и занятий (1958 г) запрещает всякое различие, недопущение или предпочтение, проводимое по признаку расы, цвета кожи, пола, религии, политических убеждений, национального происхождения или социальной принадлежности,

¹ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1956. – № 10. – Ст. 202.

² Ведомости Верховного Совета СССР. – 1956. – № 13. – Ст. 279.

³ Бюллетень международных договоров. – 2002. – № 2.

⁴ Ведомости Верховного Совета СССР. – 1982. – № 25. – Ст. 46.

приводящее к уничтожению или нарушению равенства возможностей или обращения в области труда и занятий.

Указанные положения в полной мере нельзя назвать нормами, закрепляющими правовую охрану заработной платы. Они лишь провозглашают право каждого трудящегося на справедливую заработную плату без каких-либо ограничений, предпочтений, различий, но не устанавливают конкретные способы такой охраны.

Наряду с названными, можно привести примеры и актов, которые касаются вопросов охраны труда отдельных категорий работников, в первую очередь, социально незащищенных. Так, Декларация о правах инвалидов (1975 г.), закрепляя право инвалидов на удовлетворительный уровень жизни, в то же время устанавливает право заниматься вознаграждаемой деятельностью в соответствии со своими возможностями. Инвалиды, согласно п.10 Декларации, должны быть защищены от какой бы то ни было эксплуатации, от любых видов регламентации и обращения, носящих дискриминационный, оскорбительный или унижающий характер. Декларация о правах умственно отсталых лиц (1971 г.) признает за такими лицами право трудиться и получать вознаграждение за труд (п.3)¹.

Таким образом, рассмотрение международно-правовых актов позволяет с уверенностью говорить о том, что на международном уровне провозглашено право каждого трудящегося, вне зависимости от состояния здоровья, на получение за свой труд справедливой, без какого-либо различия, заработной платы. И это право не просто провозглашено, оно может быть реализовано, так как для этого предусмотрены основные гарантии.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ПОНЯТИЕ, СУЩНОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Тулегенова Д.Б. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

В соответствии со ст. 7 Конституции² Российской Федерации наше государство является социальным. Цель такого государства заключается в создании условий для достойной жизни и свободного развития человека. Именно поэтому государство обязано заботиться о благополучии граждан, поддерживать нормальный уровень социальной защищенности, а также

¹ URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/retarded.shtml (дата обращения: 04.03.2022).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 2020. – N 31. – Ст. 4398.

способствовать развитию связей в данной сфере. Однако несмотря на закрепление данного положения в Конституции, существует множество проблем. Именно они, на мой взгляд, должны быть решены не только силами и ресурсами государства в лице органов и должностных лиц, но и гражданами. Только совместными, интеграционными силами мы сможем добиться действительно положительного результата.

По различным данным статистического учёта, можно сделать вывод о том, что уровень социальной обеспеченности имеет низкие показатели. Безработица, нехватка кадров, сложная, а иногда и невозможная адаптация инвалидов в социальную сферу, недостаточная финансовая поддержка молодых семей, в том числе одиноких матерей и отцов, а также пенсионеров приводят к созданию своих «конгломератов» поддержки и помощи. Именно одной из таких форм взаимодействия является институт социального предпринимательства.

Истоки социального предпринимательства ведут нас к 13 веку. Здесь можно назвать основателя ордена францисканцев Святого Франциска Ассизского, а также Роберта Оуэна. Позднее, в 19 веке начинают появляться первые кооперативные движения, в связи с чем социальное предпринимательство начинает обретать осязаемую форму. Так, можно назвать Флоренса Найтингейла, который основал первое училище для медсестёр в Великобритании, а также Винобу Бхаве, создавшего индийское движение «Земля в дар». Основателем же первого социального предприятия можно назвать американского профессора Уильяма Дрейтона, который создал некоммерческое общество «Ашока». В 1980 году организация была преобразована в фонд «Ашока», а на сегодняшний день она насчитывает множество филиалов в разных странах. Деятельность данной организации связана с финансовой и консалтинговой поддержкой социальных предпринимателей, которая направлена на создание необходимой инфраструктуры для развития этого сектора в экономике.

В Российской империи первые зачатки социального предпринимательства зарождаются на рубеже 19-20 веков, когда повсеместно начинают появляться Дома Трудолюбия. В таких пристанищах каждый мог найти себе работу и крышу над головой. Однако, пройдет ещё очень много времени перед тем, как понятие социального предпринимательства закрепится на законодательном уровне и в сознании людей.

Классическое определение социального предпринимательства принадлежит Грегори Дизу, который впервые ввёл данный институт, как профессию и область для академического изучения, посвятив этому большое количество книг и научных статей. Термин был получен с помощью добавления социального аспекта к обычному определению предпринимательства. По мнению Диза, социальные предприниматели являются некими агентами в социальном секторе, благодаря:

- 1) Принятию миссии, которая направлена на создание и поддержание социальной ценности;
- 2) Выявлению и реализации новых возможностей;
- 3) Участию в процессе постоянных инноваций, адаптации и обучения;
- 4) Действиям, которые не ограничиваются имеющимися ресурсами;
- 5) Обостренному чувству ответственности за судьбу социальных групп, для которых они работают, и за результат своей деятельности.

Наиболее содержательное определение даёт Ю.Н. Арай¹. Она предлагает разделить понятие социального предпринимательства на две большие группы – в узком и широком смыслах. В узком смысле социальное предпринимательство понимается как применение некоммерческими организациями инновационных подходов с целью получения дохода. Определение в широком смысле подразумевает социально ориентированную инновационную деятельность как в коммерческом, так и в некоммерческом секторе, либо на стыке – в организациях смешанного типа. А.А. Московская² говорит о том, что социальное предпринимательство – это новый способ социально-экономической деятельности, в котором интегрируется социальное назначение организации с предпринимательским новаторством и достижением устойчивой самоокупаемости. Как мы видим, ученые вкладывают различный смысл в данное понятие, однако так или иначе существует ряд базисных признаков социального предпринимательства, которые полностью раскрывают сущность этого института.

Так, здесь важно сказать, что важным признаком социального предпринимательства является превалирующая социальная миссия, ради которой действует организация. Это, конечно, не исключает, факта получения прибыли как таковой, но эта цель не должна быть первостепенной. Второй признак заключается в устойчивом коммерческом эффекте, который обеспечивается самоокупаемостью и конкурентоспособностью предприятия.

Только доход, полученный от продажи товаров и услуг, может выступать гарантией, дополнительными же финансовыми ресурсами могут быть благотворительность и гранты. Ещё одним признаком будет являться новаторство, связанное с желанием изменить текущее положение в социальной сфере. Помимо этого важными критериями социального предпринимательства являются: бизнес, распределение прибыли, где четко определено сколько процентов идет на социальную цель, или например, на реинвестирование бизнеса, а также демократическое управление.

Так какие же все-таки предприятия можно отнести к социальным?

¹ Арай Ю.Н. Бизнес-модели в социальном предпринимательстве: типология и особенности формирования: автореф. дис. ...канд. экон. наук. – СПб., 2015.

² Моложенный центр профориентации «Мой выбор»/ Социальное предпринимательство России, Гран-при. 2014-2015. URL: <http://coindex.ru/companies/view/311>.

Ответ на этот вопрос кроется в ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в РФ»¹. В 2019 году в данный закон внесли существенные изменения, которые от части коснулись данного института. Социальное предпринимательство было закреплено на законодательном уровне. Так, согласно закону, под социальным предпринимательством понимается предпринимательская деятельность, направленная на достижение общественно полезных целей, способствующая решению социальных проблем граждан и общества, повышению уровня занятости инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, пенсионеров и людей предпенсионного возраста, выпускников детских домов и других категорий граждан.

Предприятия с социальным назначением должны брать на работу людей с ограниченными возможностями, и других социально уязвимых категорий граждан, или производить для них товары (работы, услуги), реализовывать товары, произведенные такими гражданами, а также осуществлять деятельность, направленную на достижение общественно полезных целей и способствующую решению социальных проблем общества, например, деятельность по оказанию психолого-педагогических и иных услуг, направленных на укрепление семьи, обеспечение семейного воспитания детей и поддержку материнства и детства или деятельность по организации отдыха и оздоровления детей и др.

В России, к сожалению, отсутствует информация о точном количестве социальных предпринимателей, но по данным различных оценок, таких предприятий около 70 тыс. Однако, несмотря на общепризнанную значимость и важность социального предпринимательства для решения социальных задач в обществе, в процессе своего функционирования и развития оно сталкивается с широким кругом проблем. Это:

– слабость нормативно-правовой базы социального предпринимательства, так как одной статьи для такого обширного правового явления очень мало;

– финансово-экономические барьеры, связанные с недостаточностью прямой государственной поддержки, нежеланием банков выдавать представителям социального предпринимательства денежные средства для финансирования социальных проектов, что обусловлено слабой кредитной привлекательностью социальных предприятий²;

– недостаточное понимание властью, бизнесом и обществом тех преимуществ, которые предоставляет развитие социального предпринимательства;

¹ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021) // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3434.

² Антонникова Н.А. Использование концепции социального предпринимательства для решения социальных проблем: применимость в российском контексте // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 344.

– слаборазвитая инфраструктура поддержки социального предпринимательства;

– незнание общества о явлении социального предпринимательства и др.

Именно поэтому, на наш взгляд, способами решения проблем будет являться дальнейшее совершенствование законодательства, принятие отдельного ФЗ «О социальном предпринимательстве в Российской Федерации», в котором будет четко определено, что относится к социальным предприятиям, будет расширен их круг, а также установлены минимальные гарантии государственной поддержки. Помимо этого, нужно выработать программы развития социального предпринимательства на всех уровнях власти, провести стимулирующую налоговую политику, а также сформировать источник финансовой, организационной и информационной поддержки для социальных проектов.

СООТНОШЕНИЕ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА В БАНКОВСКОМ СЕКТОРЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Тулинцева А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры административного и финансового права Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Рахматуллина О.В.

Банковская система в любой стране является важнейшей составной частью экономики. Банки, управляя денежными потоками, влияют на скорость их оборота, на перераспределение денежного капитала между экономическими субъектами.

Особая экономическая и социальная природа банков, их социальная значимость для развития экономики страны является основой регулирования банковской деятельности. Во-первых, это объясняется тем, что банк является общественным институтом, аккумулирующим и размещающим денежные средства населения, организаций и всего общества. Во-вторых, банк в рыночной – это коммерческое предприятие, зарабатывающее прибыль и подвергающее себя разнообразным рискам¹.

Кредитные организации становятся объектами банковского регулирования, подлежат банковскому надзору, а также обязательному аудиту. Учитывая значимую роль рынка капитала в экономике, а также существенную роль коммерческих банков в институциональной структуре финансового рынка, можно понять, почему банковская деятельность является наиболее регулируемой сферой национальной экономики. Как любая рыночная подсистема, банковская система способна и к саморегуляции.

На современном этапе развития экономики вопросы государственного регулирования банковской деятельности приобретают особую актуальность.

¹ Братко А.Г. Банковское право России. – М. : Юридическая литература, 2003. – С.478.

Истоки и причины зарождения государственного регулирования банковской деятельности носят специфический характер. Банковский надзор в масштабе мировой экономики представляет собой наиболее развитую область надзора за деятельностью финансовых институтов.

Банковский надзор можно определить как комплекс мер, проводимых уполномоченными банками в целях получения необходимой информации о состоянии конкретного банка, так и всей банковской системы, а также с целью проверки соблюдения коммерческими банками законодательных и нормативных актов и принятия адекватных мер реагирования.

Банковское регулирование и надзор необходимо рассматривать на национальном и международном уровне. Базельский комитет по банковскому надзору является примером института, осуществляющего международное банковское регулирование. Несмотря на то, что документы Базельского комитета носят рекомендательный характер, а сам он не имеет права требовать их соблюдения, тем не менее, международное регулирование соответствует всем признакам банковского регулирования.

Заметим, что вопрос о соотношении понятий «банковский надзор» и «банковское регулирование» в научной сфере является дискуссионным. Согласно одной из распространённых точек зрения банковский надзор является понятием более узким, чем банковское регулирование, поскольку является разновидностью банковского регулирования, основанного на специфических для данной сферы регулирования технологиях, инструментах и процедурах. Другая точка зрения говорит о наличии надзора в широком смысле, имеющего в качестве одного из объектов банковскую систему, тогда как банковское регулирование есть лишь средство надзора за указанной сферой экономики. Согласно последней точке зрения надзор в узком смысле, объектом которого является банки, является средством обеспечения пруденциального регулирования.¹

Ранее было отмечено, что банковский надзор является одной из стадий процесса банковского регулирования. Определив границы регулирования, установив нормы, определив принципы и стандарты регулирования, регулятору необходимо вести наблюдение за соблюдением банками указанных норм, правил и стандартов. Важно при этом учитывать макроэкономическую ситуацию в экономике, банковском секторе в целом, в том или ином кластере банков. Только тогда у надзорного органа появляются необходимые предпосылки для оценки ситуации в конкретном банке и основания для применения к нему превентивных либо корректирующих мер на микроуровне, а также (при необходимости) применения указанных мер на макроуровне².

Для корректного понимания сущности банковского надзора необходимо его сопоставление с понятием контроля. К сожалению, часто

¹ Лаутс Е.Б. Рынок банковских услуг: правовое обеспечение стабильности. –М.: Издательство Волтерс Клувер, 2008. – С. 9.

² Тавасиева А.М. Банковское дело. Управление и технологии. –М., 2001. - С. 176.

указанные понятия отождествляются. Разграничение указанных понятий имеет как теоретическое, так и прикладное значение, помогающее корректно понимать статус органа банковского надзора, определять основные аспекты его деятельности. Немаловажное значение имеет характер и природа взаимоотношений надзорного органа с поднадзорными институтами, контрольного органа – с подконтрольными субъектами.

Отождествление понятий «банковский контроль» и «надзор», причем на уровне теоретических определений, приводимых в научных исследованиях, а вслед за ним подобное отождествление в законодательстве и нормативных актах подменяет надзорную деятельность Банка России контролем со стороны регулятора. Это приводит к ненужной регламентации ряда процессов в системе управления кредитной организацией, при том что ответственность за результаты функционирования этой системы управления остается лежать на самих кредитных организациях.

Для более точного разграничения понятий контроля и надзора полезно использовать следующие критерии их различия (заимствованные из административного права)¹.

1. Как правило, подконтрольный орган связан с контролирующим органом отношениями подчиненности. Это могут быть также отношения подведомственности. Напротив, надзор уполномоченного органа надзора направлен на систематическое наблюдение за деятельностью хозяйствующих субъектов, которые не находятся с ним в отношениях подчинения. Банковская сфера является специфической. В условиях двухуровневой банковской системы отношения подчиненности (подведомственности) между центральным и коммерческими банками исключены. Банк России не включен в число органов государственной власти, а, следовательно, не должен выполнять в отношении кредитных организаций функции министерства, то есть контролировать их деятельность.

2. Объектом контроля является законность и целесообразность деятельности подконтрольного субъекта, в то время как объектом надзора является законность в деятельности поднадзорного по довольно узкому перечню специальных вопросов. Это могут быть пруденциальные нормы, правила бухгалтерского учета, требования, стандарты, закрепленные в национальных нормах права. Таким образом, объектный состав надзорной и контрольной деятельности весьма специфичен.

3. Контролирующий орган имеет право вмешиваться в деятельность, как хозяйственную, так и административную, подконтрольного субъекта. Примеры подобного вмешательства со стороны Банка России в деятельность кредитных организаций мы наблюдаем последние несколько лет наряду с отсутствием ответственности со стороны ЦБ РФ за принятые меры. При надзоре подобного происходить не должно.

4. Контролирующий орган часто имеет право отменять решения подконтрольного субъекта. В процессе надзора указанное недопустимо.

¹ Грачева Е.Ю. Финансовое право. – М., 2014. – С. 34-35.

Таким образом, анализ действующей национальной нормативной правовой базы позволяет сделать вывод о том, что банковский надзор тождественен и, как правило, идентичен категории внешнего банковского контроля. При этом по вопросу компетенции Банка России следует исходить из того, что надзорный орган реализует контрольно-надзорные, а не только надзорные полномочия, хотя они, несомненно, превалируют, несмотря на смешение терминологии в банковском законодательстве.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НА ОБРАЩЕНИЕ

Туюшева А.Р. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и
международного права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Варлен М.В.

Поддержанию баланса во взаимоотношениях государства и личности во многом способствует постоянное развитие и совершенствование норм и институтов, которые позволяют гражданину оказывать эффективное воздействие на публичную власть, осуществляя при этом контроль за ее деятельностью. Закрепленное в ст. 33 Конституции Российской Федерации право на обращение выступает в качестве одного из таких механизмов, которое при этом является важным средством защиты прав, свобод граждан¹.

Впервые в Основном Законе это право было закреплено в Конституции СССР 1977 г., а также в Конституции РСФСР 1978 г. Конституция РФ 1993 г., признала данное право за всеми гражданами страны, которое стало частью не только правового статуса гражданина России, но и конституционного. Верной представляется позиция А.А. Дворака о том, что конституционное признание права граждан на обращение говорит о качественно новом витке в развитии государства².

В научной литературе сложилось несколько подходов к определению юридической природы конституционного права на обращение. По мнению ряда ученых данное право представляет собой средство, позволяющее

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2022).

² Дворак А.А. Реализация конституционного права граждан на обращение в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – С. 8.

осуществлять и охранять права личности; укреплять связи органов государственной власти и органов местного самоуправления с населением; разрешать возникающие противоречия в общественной и политической жизни. Кроме того, право на обращение – есть средство контроля за деятельностью органов государственной власти¹.

С точки зрения другого подхода конституционное право на обращение являет собой форму волеизъявления² или участия граждан в управлении делами государства.

Существует также позиция, согласно которой право на обращение – это гарантия участия граждан в управлении делами государства³, а также источник информации для урегулирования вопросов общественной жизни⁴.

Следует отметить, что каждая из приведенных позиций не в полной мере отражает все аспекты института обращений. Полагаем наиболее верным при определении юридической природы права на обращение использовать комплексный подход, который способен в полном объеме раскрыть специфику права на обращение.

На сегодняшний день правовое регулирование конституционного права на обращение осуществляется большим массивом нормативных правовых актов, которые, однако, не лишены недостатков. Данное обстоятельство, безусловно, сказывается на их эффективности. Определенные сложности в правоприменительной практике связаны с определением гражданами вида обращения при его составлении; затруднения вызывает отражение в обращении конкретных требований. Достаточно частыми бывают случаи направления обращения в некомпетентный орган, что негативно сказывается на сроке его рассмотрения и подготовке ответа по существу поставленных вопросов.

Право на обращение граждан раскрывается в ст. 33 Конституции Российской Федерации, согласно которой «граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления». Анализ приведенной дефиниции позволяет выявить отсутствие указания в ней на цель подачи обращения, его предмет, форму, содержание, адресата (органы публичной власти). Конституционная норма определяет только круг субъектов и сам факт наличия у гражданина Российской Федерации права обращаться. Данное обстоятельство

¹ Скрябина М.В. Реализация конституционного права граждан на обращение в органы публичной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2007. – С. 8.

² Савоськин А.В. Система обращений граждан в соответствии с объективной стороной волеизъявления граждан РФ (подсистемы устных, письменных и конклюдентных обращений) // Актуальные проблемы российского права. – 2014. – № 7. – С. 1345.

³ Соловьев С.Г., Попов И.Е. Необходимость реформирования законодательства об обращениях граждан // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 6. – С. 38.

⁴ Бархатова Е.Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации: новая редакция (постатейный). – М., 2020. – С. 107.

свидетельствует о некоторой его декларативности, что порождает появление в доктрине мнений о необходимости отнесения права на обращение к числу объективных прав¹ – общеобязательной юридической нормы, установленной и охраняемой государством².

Детальную регламентацию право на обращение находит в Федеральном законе от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ)³, анализ положений которого позволяет выделить юридическое содержание исследуемого права граждан.

Так, элементами-правомочиями права на обращение являются:

- право свободно (лично) обращаться в органы публичной власти;
- право свободно направлять в органы публичной власти личные и коллективные петиции (обращения);

- право требовать от государственных органов, органов муниципальной публичной власти и должностных лиц исполнения соответствующей обязанности по рассмотрению обращений и принятию по ним мотивированных решений;

- право обращаться к вышестоящим должностным лицам или в суд в случае неисполнения органами публичной власти обязанности по рассмотрению обращений граждан либо в случае неудовлетворительного, по мнению гражданина, исполнения указанной обязанности;

- право на возмещение убытков и компенсацию морального вреда, причиненных незаконным действием (бездействием) государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица при рассмотрении обращения, по решению суда.

Гарантиями свободной реализации рассматриваемого конституционного права служат:

- обязательность принятия обращений граждан к рассмотрению (ст. 9 Закона № 59-ФЗ);

- их бесплатное рассмотрение в органах публичной власти (ч. 3 ст. 2 Закона № 59-ФЗ);

- запрет на преследование гражданина в связи с его обращением в органы власти или к должностным лицам с критикой их деятельности, а также запрет на разглашение сведений, содержащихся в обращении, и сведений, касающихся частной жизни гражданина, без его согласия (ст. 6 Закона № 59-ФЗ).

В широком смысле слова обращение гражданина представляет собой его волеизъявление, адресованное органам публичной власти. Такое

¹ Явич Л. С. Общая теория права. Л., 1976. С. 162; Перевалов В. Д. Теория государства и права: Учебник. – М., 2013. – С. 77.

² Абдулаев М. И. Теория государства и права. – М., 2004. – С. 27.

³ Федеральный закон от 02 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (ред. от 27 декабря 2018 г.) // СЗ РФ. – 2018. № 53 (часть I). – Ст. 8454.

обращение всегда связано с личным интересом гражданина, но при этом затрагивает вопросы не частного характера, а связанные с областью управления делами государства.

Анализ положений Закона № 59-ФЗ позволяет выявить различные группы обращений граждан. Так, в зависимости от вида публичной власти обращения могут быть направляемыми в органы государственной власти и направляемыми в органы муниципальной власти. По форме обращения подразделяются на письменные, устные, электронные. Обращения могут быть составлены как индивидуально, так и коллективом граждан. По субъекту, в который направляется обращение, можно выделить направленные в органы законодательной власти Российской Федерации, органы исполнительной власти Российской Федерации, правоохранительные органы. По порядку принятия обращения подразделяются на обращения, составленные по индивидуальной инициативе, принятые на публичном мероприятии, принятые по инициативе членов общественного объединения, принятые по инициативе двух и более человек¹.

Нормативная конституционная характеристика права на обращение позволяет выявить его сложную юридическую природу. Оно обладает всеми характеристиками субъективных правомочий, которые отражают личную и публичную потребность индивида в эффективной организации государственной и общественной жизни. В этом смысле право на обращение следует рассматривать как политическое право, связанное с обеспечением участия граждан в реализации публичной власти, выступающее при этом гарантией иных конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Кроме того, право на обращение может быть рассмотрено как ключевая форма установления связи между органами публичной власти и гражданами (их коллективами), с помощью которой обеспечивается контроль за соответствием между содержанием государственного воздействия и его результатами, проявляющимися в конкретной сфере общественной жизни.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Право на обращение обладает не только субъективно-личной, но и публичной направленностью.

2. Как субъективное право исследуемое право представляет собой гарантированную законом область возможности волеизъявления личности, которая выражена в законодательно определенной форме, способствует обеспечению и защите прав, свобод и интересов личности посредством установления правоотношений с органами власти и организациями, реализующими публично значимые функции.

3. Право на обращение является необходимым условием реализации иных прав граждан, в том числе и политических.

¹ Титов А.А. Право граждан Российской Федерации на обращение в органы государственной власти: конституционно-правовое исследование: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. – Орел, 2018. – С. 21.

ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА, СОВЕРШЕННОГО С ОСОБОЙ ЖЕСТОКОСТЬЮ

Ургенишбаева А.К. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Жовнир С.А.

Особая жестокость является квалифицирующим признаком убийства, закрепленным в п. «д» ч.2 ст.105 УК РФ. В УК РФ не раскрывается понятие особой жестокости, поэтому возникают трудности при квалификации данного вида убийства. В учебной литературе по уголовному праву также нет единого мнения относительно трактовки понятия «особая жестокость».

По мнению Попова А.Н., «особая жестокость при убийстве заключается в причинении потерпевшему особых физических и (или) нравственных страданий, то есть сильных, достаточно продолжительных, многократных или однократных страданий»¹. Питерцев С.К. считал, что «убийство, признаваемое особо жестоким, должно характеризоваться крайней степенью жестокости – жестокостью сверхобычной, из ряда вон выходящей, исключительной»².

Согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» при квалификации убийства по п. "д" ч. 2 ст.105 УК РФ следует исходить из того, что «понятие особой жестокости связывается как со способом убийства, так и с другими обстоятельствами, свидетельствующими о проявлении виновным особой жестокости». Исходя из Пленума можно выделить следующие признаки объективной стороны убийства с особой жестокостью:

- 1) применение пыток, истязаний;
- 2) глумление над жертвой;
- 3) причинение особых страданий (нанесение большого количества телесных повреждений, использование мучительно действующего яда, сожжение заживо, длительное лишение пищи, воды и т.д.)
- 4) совершение убийства в присутствии близких потерпевшему лиц.

Говоря про субъективную сторону, для признания убийства совершенным с особой жестокостью необходимо установить, что умыслом виновного охватывалось совершение убийства с особой жестокостью, т.е., субъективная сторона убийства с особой жестокостью характеризуется прямым или косвенным умыслом. Субъект должен осознавать каждое из

¹ Попов А.Н. Убийство при отягчающих обстоятельствах. – СПб, 2003. – С.898

² Питерцев С.К. Оценка множественности ранений в посягательствах на жизнь. – Москва, 1973. – С.19

названных обстоятельств особой жестокости, которое ему вменяется. При этом не имеет значения для квалификации по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ, желал ли виновный наступления смерти потерпевшего, сознательно ее допускал или относился к ней безразлично¹.

Как правило, особая жестокость при убийстве связана именно со способом его совершения. Наиболее распространенным при этом является нанесение множества ударов (например, ножом в жизненно важные органы потерпевшей), что указывает на проявление виновным особой жестокости. Но само по себе нанесение множества телесных повреждений не является достаточным основанием для квалификации действий виновного лица по п. «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ (иногда оно может быть лишь результатом возбужденного состояния виновного, проявлением желания ускорить наступление смерти, следствием активного сопротивления жертвы и т. д.). Необходимо установить, что виновный, нанося множество телесных повреждений потерпевшему, сознавал, что причиняет ему особые мучения и страдания. «Нанесение потерпевшему множественных ударов руками само по себе (при отсутствии доказательств умысла на причинение особых страданий) не может служить основанием для признания убийства совершенным с особой жестокостью²».

Понятие «особая жестокость» является оценочным. И как всякое оценочное понятие оно оценивается различно как различными субъектами правоприменения, так и самим виновным. Иными словами, то, что могут считать особо жестоким следователи, прокуроры и судьи, виновный может считать отнюдь не особо и даже просто не жестоким. Но, если виновный не считает свои действия особо жестокими, то можно ли признавать их таковыми, ведь закон требует, чтобы виновный действовал именно заведомо и именно с особой жестокостью? Если исходить из объективных признаков убийства, то мы можем скатиться к объективному вменению. Однако, и считать не особо жестоким убийство только потому, что у виновного извращенное понимание жестокости, было бы несправедливо. Наличие или отсутствие особой жестокости определяет суд. Виновный должен не оценивать свои действия как особо жестокие, а осознавать те объективные обстоятельства, наличие которых и оценивается судом как проявление особой жестокости³.

В литературе предлагались различные варианты, направленные на избежание неоднозначности в понимании понятия «особая жестокость» как квалифицирующего признака состава преступления. Но, наиболее правильным видится вариант закрепления в УК РФ легального определения

¹ Долголенко Т.В. Преступления против жизни и здоровья: учебное пособие. – Москва, 2016. – С. 128.

² Постановление Президиума ВС РФ от 21 января 2004 г. № 908п-2003 // КонсультантПлюс

³ Бабий Н.А. Квалификация убийств при отягчающих обстоятельствах. – М., 2014. – С.288.

понятия «особая жестокость», в котором акцент должен быть сделан на очевидное для виновного причинение потерпевшему или другому лицу чрезмерных физических или психических страданий.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОШИБКИ ПРИ НАЗНАЧЕНИИ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Урынбасарова Р.М. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н., доцент Резепкин А.М.

На сегодняшний день в уголовном судопроизводстве Российской Федерации одним из востребованных видов следственных действий выступает судебная экспертиза. Правовое регулирование обозначенного следственного действия базируется на положениях главы 27 УПК РФ¹, ФЗ №73 «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»². По причине видовой многообразия, специфики, уровня сложности экспертиз, а равно действия других как объективных, так и субъективных факторов, в практической деятельности нередко возникают проблемы, связанные с назначением судебной экспертизы. Следствием чего, являются ошибки, допущенные уполномоченными должностными лицами, которые будут составлять предмет настоящего исследования, в целях их профилактики и обеспечения эффективности экспертной деятельности, а главное защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Применительно к ошибкам, возникающим при назначении судебной экспертизы, следует отметить две категории, а именно формальные и

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ. [Российская газета. № 0\(2861\)](https://rg.ru/2001/12/22/upk-dok.html). URL: <https://rg.ru/2001/12/22/upk-dok.html>

²Федеральный закон от 31.05.2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». [Российская газета. № 0\(2718\)](https://rg.ru/2001/06/05/sudeks-dok.html). URL: <https://rg.ru/2001/06/05/sudeks-dok.html>

предметные. Разграничивая данные категории, нужно учитывать, какие ошибки по содержанию встречаются в том или ином виде. Так, к формальным относятся те, которые имеют место в процессуальном документе, в частности, в постановлении следователя. Одним из примеров может служить неверная классификация экспертиз.

Следующий вид в категории формальных ошибок – это неверное указание на так называемый правовой статус, иными словами, установленный уголовно-процессуальным законом вид экспертизы, а равно неверный выбор экспертного учреждения, например, в случае недостаточного оснащения материально-технической базы в самом экспертном учреждении, отсутствия эксперта соответствующей специальности. Вследствие чего, материалы возвращаются должностному лицу, назначившему экспертизу.

Таким образом, формальные ошибки при назначении судебных экспертиз встречаются при составлении процессуальных документов. Вследствие чего, часто встречаются неверные формулировки наименования (вида) судебной экспертизы, выбора экспертного учреждения.

Помимо рассмотренных нами формальных ошибок, выделяется категория предметных ошибок, касающихся предмета судебной экспертизы, а именно обстоятельств и фактов, подлежащих установлению¹. Выражаются такие ошибки в постановке некорректных вопросов. В практической деятельности встречаются примеры с постановкой правовых вопросов, не входящих в компетенцию эксперта.

Одним из видов предметной ошибки следует назвать неправильное, неполное указание на объекты, предоставляемые на экспертизу, так как эти данные составляют заключительную часть постановления, их целесообразно относить к вышеназванной категории ошибок.

Нужно отметить такой специфический, обусловленный процедурой, вид процессуальной ошибки, как несвоевременное ознакомление подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, представителя с постановлением о производстве судебной экспертизы².

Целесообразно отметить следующие пути решения рассматриваемой проблематики: во-первых, выделить необходимость обжалования действий должностных лиц в ходе досудебного производства в порядке главы 16 УПК РФ.

Во-вторых, по нашему мнению, следует усилить контроль «непосредственных руководителей» за соответствующими должностными лицами. На наш взгляд, целесообразно принять отдельный подзаконный акт,

¹ Обобщение судебной практики о назначении и производстве по уголовным делам Судебной коллегии Иркутского областного суда. URL: <https://pravo163.ru/obobshhenie-sudebnoj-praktiki-o-naznachenii-i-proizvodstve-sudebnyh-ekspertiz-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 27.02.2022).

² Типичные ошибки при назначении, производстве судебной экспертизы и оценке ее результатов. URL: <https://www.ugpr.ru/article/31-red-tipichnye-oshibki-pri-naznachenii-proizvodstve-sudebnoy-ekspertizy-i-otsenke-ee-rezultatov> (дата обращения: 27.02.2022).

посвященный правилам постановки вопросов по различным видам экспертиз, что позволит должностным лицам избежать некорректных формулировок. При этом в качестве основы данного нормативного документа могут выступать выработанные практикой справочные пособия, рекомендации, отвечающие современным условиям развития уголовного и уголовно-процессуального законодательства РФ.

В-третьих, одним из вариантов решения обозначенных выше проблемных вопросов, является своевременное реагирование экспертных учреждений, а также экспертов на неполноту представленных объектов для проведения исследования, отсутствие в переданных материалах необходимых документов и неверную постановку вопросов, посредством составления письменного уведомления¹, ходатайства² о невозможности производства экспертизы, которое руководитель ГСЭУ направляет органу или лицу, назначившему экспертизу.

Как мы полагаем, представленные выше меры позволят избежать процессуальных ошибок и снизить риски признания заключения эксперта недопустимым доказательством.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Устименко Е.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Одна из проблемных сторон применения системы коммерческой концессии для организации бизнеса на основе договора коммерческой концессии состоит в том, что договор коммерческой концессии регламентирован как самостоятельный вид договора. На практике же часто не проводят четкой границы между коммерческой концессией и смежными институтами, что приводит к неправильному применению соответствующих правовых норм.

Как отмечает О.Н. Савинова, поскольку коммерческая концессия оформляет передачу прав от одного лица к другому, необходимо провести

¹Приказ Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12.05.2010 № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/>

²Приказ Министерства внутренних дел России от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru/>

различия между ней и уступкой права (гл. 24 ГК РФ)¹. Уступка права – это универсальный институт обязательного права. Закон регламентирует уступку лишь требований в обязательствах (п. 1 ст. 382 ГК РФ), причем таких, которые могут существовать в отрыве от личности кредитора (ст. 383 ГК РФ). Переход абсолютных прав данным институтом формально не охватывается.

В то же время по договору коммерческой концессии передаются исключительные (абсолютные) права на результаты интеллектуальной деятельности, которые неразрывно связаны с личностью правообладателя.

Договор коммерческой концессии необходимо отличать от договора комиссии и агентского договора: их правовое содержание различно. Так, комиссионер и агент действуют в интересах и по поручению комитента (принципала), оказывая последнему определенные услуги за то, что получают от него вознаграждение. Отношения сторон по договору коммерческой концессии построены иначе. Здесь пользователь действует без поручения от правообладателя. Он осуществляет самостоятельную предпринимательскую деятельность с использованием средств индивидуализации правообладателя, непосредственно, с использованием его идеи и коммерческого опыта, за что и выплачивает правообладателю вознаграждение.

Важным представляется мнение о том, что коммерческая концессия – разновидность лицензионных договоров. Данная точка зрения основана на том, что основное обязательство по договору коммерческой концессии – предоставление правообладателем пользователю исключительных прав на использование объектов интеллектуальной собственности. При этом обычно ссылаются на ст. 138 ГК РФ, где нет определения лицензионного договора.

Далее, поскольку коммерческая концессия предполагает передачу прав пользования, мы проведем различия между ней и арендой (гл. 34 ГК РФ). В соответствии с заключенным договором аренды у арендатора возникает право пользования имуществом (п. 1 ст. 607 ГК РФ). Коммерческая концессия предполагает передачу права пользования исключительными правами на результаты интеллектуальной деятельности.

В случае если бы он не был включен в нормативные источники (назван в ГК РФ), его можно было бы рассматривать как смешанный договор, то есть договор не предусмотренный законодательными актами, но содержащий элементы других, предусмотренных ими договоров (лицензионных договоров, договоров о передаче ноу-хау, возмездного оказания услуг и другие).

В свою очередь А.Ю. Кабалкин, относя коммерческую концессию также к договорам об оказании услуг, включает его в группу договоров об оказании юридических (в форме действий, имеющих признаки юридических

¹ Савинова О.Н. Правовое регулирование отношений по франчайзингу в Российской Федерации: [монография] / Савинова О. Н.; Ин-т экономики, упр. и права (г. Казань). – Казань: Таглитат, 2006. – С. 22

фактов) и фактических (соответственно, не имеющих таких признаков действий) услуг. Договор коммерческой концессии, на взгляд ученого, нельзя относить к лицензионным, поскольку он предоставляет права на использование только охраняемых патентом объектов (изобретений). При этом предлагается рассматривать в одном ряду с договорами поручения, комиссии, агентирования, доверительного управления имуществом, банковского вклада, банковского счета¹.

Можно также провести параллель между договором коммерческой концессии и доверительным управлением имуществом. Поскольку исключительные права могут быть объектами доверительного управления имуществом, а значит, право их использовать может перейти к доверительному управляющему. Здесь стоит заметить, что последний обязан в интересах выгодоприобретателя. Доверительный управляющий действует также за чужой счет, то есть за счет доходов от использования имущества, переданного в управление. В отличие от него пользователь по договору коммерческой концессии действует в своих интересах и за свой счет. Помимо вышесказанного он еще должен уплачивать правообладателю обусловленное вознаграждение.

В частности, В.В. Витрянский отмечает, что «в системе гражданско-правовых договоров договор коммерческой концессии может быть отнесен (с некоторыми оговорками) к категории договоров о возмездном оказании услуг. Предоставление пользователю права на использование комплекса исключительных прав, принадлежащих правообладателю, в сочетании с обязанностями последнего передавать пользователю техническую и коммерческую документацию, инструктировать и обучать работников, оказывать консультационное содействие, представляет собой определенную услугу со стороны правообладателя»².

Взаимоотношения сторон во франчайзинге могут регламентироваться такими правовыми нормами, которые применимы к договорам вообще (общие договорные нормы), а также нормами, имеющими непосредственное отношение к специфическим договорам (например, нормы специальных законодательных актов по франчайзингу).

К общим договорным нормам относят нормы отдельных нормативных актов, так или иначе регулирующие франчайзинговые взаимоотношения. Эти правовые нормы могут действовать, как на национальном, так и на международном уровне. К ним относят:

- 1) Нормы, регулирующие взаимоотношения сторон на основании агентских и дистрибьюторских соглашений.
- 2) Правовые нормы по защите инвестиций.

¹ Кабалкин А.Ю. Толкование и классификация договоров // Российская юстиция. – 1996. – № 7.

² Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг / М.И. Брагинской, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 2002. – С. 986.

3) Нормы по защите интеллектуальной собственности.

4) Нормы антимонопольного законодательства.

5) Нормы по налогообложению.

6) Нормы о страховании, нормы, направленные на регулирование отношений валютного контроля, нормы, регламентирующие создание и деятельность совместных предприятий, также могут использоваться для регламентации франчайзинговых правоотношений.

Важно отметить, что Международной ассоциацией франчайзинга принят этический и моральный кодекс, который, на мой взгляд, может и должен применяться и российскими франчайзи.

Итак, несмотря на внешнее сходство договора коммерческой концессии с другими договорами, проведенное сравнение позволяет сделать вывод о том, что договор коммерческой концессии является самостоятельным видом гражданско-правового договора. Это значит, что при отсутствии среди норм, содержащихся в главе 54 ГК РФ специальных правил, регулирующих правоотношения, вытекающие из договора коммерческой концессии, исключается применение каких-либо иных норм, предназначенных для регламентации других договорных форм.

НЕГАТИВНЫЕ СТИМУЛЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ СУБЪЕКТОВ В ПРОЦЕССЕ НАСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федотова М.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Толочкова Н.Г.

В юридической науке сложилось мнение, что правовое регулирование представляет собой особую форму воздействия права на общественные отношения с помощью системы специальных юридических (правовых) средств¹. По мнению С.А. Карелиной «концептуальную основу государственного регулирования отношений несостоятельности (банкротства) составляет положение, согласно которому возникающие отношения являются предметом повышенного интереса государства» к указанной сфере. С.А. Карелина также обращает внимание на то, что институт несостоятельности (банкротства) в самом широком его понимании состоит во вмешательстве государства в отношения по уплате долгов для защиты прав и интересов должника и кредиторов. С этой точки зрения данный институт необходимо рассматривать как инструмент государства в

¹ Общая теория государства и права. Академический курс: В 2-х т. / Под ред. М.Н. Марченко Т. 1. – М., 1998. – С. 776.

обеспечении стабильности, сбалансированности прав и законных интересов участников хозяйственного оборота, в конечном итоге всего рынка в целом»¹.

Правовое регулирование института несостоятельности (банкротства) содержит отдельные элементы, реализующие концепцию добросовестного поведения субъектов института несостоятельности. Указанные элементы представляют собой преимущественно негативные стимулы, среди которых в правовой доктрине выделяют:

- ответственность за противоправное поведение;
- иные меры правоохранительного характера (негативные последствия для правонарушителя за поведение, неодобряемое либо прямо запрещенное правопорядком).

В науке теории государства и права ответственность традиционно понимается как «применение к лицам, совершившим правонарушение, предусмотренных законом мер принуждения в установленном процессуальном порядке», а также разделение ее на два вида: штрафная (карательная) и компенсаторная (правовосстановительная) ответственность.

Законодательство о несостоятельности (банкротстве) включает в себя значительное количество норм, устанавливающих штрафную (карательную) ответственность за недобросовестное поведение субъектов, прежде всего это относится к нормам уголовного и административного законодательства. Предусмотренные за фиктивное и преднамеренное банкротство в Уголовном кодексе и Кодексе об административных правонарушениях составы правонарушений и преступлений, в целом дублируют друг друга и дифференцируются преимущественно по размеру ущерба (уголовное законодательство предусматривает ответственность за деяния, повлекшие причинение ущерба в крупном размере).

Компенсаторные (правовосстановительные) механизмы привлечения к ответственности предусмотрены непосредственно самим ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 N 127-ФЗ в совокупности с нормами Гражданского кодекса РФ. Указанные механизмы установлены специальными нормами о привлечении к материальной ответственности – возмещению вреда, причиненного действиями (бездействием) отдельных субъектов. К таким механизмам относится взыскание убытков, привлечение к ответственности лиц, контролирующих должника, судебные расходы².

Установленный Гражданским кодексом РФ механизм возмещения вреда действует также и в отношении всех иных лиц, участвующих в деле о несостоятельности должника, а также лиц, участвующих в процессе по делу о несостоятельности³. В частности, отдельно в Законе о несостоятельности

¹ Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности / С.А. Карелина. – М., 2008. – С. 258.

² Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.10.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) [федер. закон: принят Гос. Думой 22.12.1995 г.: по состоянию на 01.07.2021 г.] // СЗ РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.

установлена ответственность в форме возмещения вреда, причиненного арбитражным управляющим в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на него обязанностей в деле о несостоятельности, факт причинения которого установлен вступившим в законную силу судебным актом.

Помимо мер ответственности в качестве негативного стимула, обеспечивающего добросовестное поведение субъектов отношений несостоятельности, законодательством также предусмотрен ряд механизмов, относящихся к категории «иных мер правоохранительного характера», среди которых можно назвать:

– средства обеспечения добросовестности арбитражного управляющего при выполнении им своих функций в деле о несостоятельности (установленный порядок реализации полномочий и специальные условия членства в саморегулируемой организации);

– средства обеспечения добросовестности должника, руководителей и лиц, контролирующих должника (ограничение правоспособности должника в процедурах наблюдения и финансового оздоровления, возможность оспаривания сделок должника по общим основаниям и специальным основаниям.

Необходимо также обратить внимание на меры, которые подлежат применению в условиях тяжелой экономической ситуации, сложившейся в связи с распространением новой коронавирусной инфекции – COVID-19. Так, в законодательство о банкротстве были включены нормы, предусматривающие возможность введения моратория на возбуждение дел о банкротстве (ст. 9.1 Закона). Особый интерес вызывает норма, п.п. 1 п. 4 ст. 9.1, предусматривающая исчисление периодов, предусмотренных ст.ст. 61.2, 61.3 Закона, с даты введения моратория и включающих в себя соответствующие периоды до введения моратория, период моратория, а также в течение одного года с момента прекращения действия моратория. Не касаясь существа и не углубляясь в телеологическое толкование данной нормы отметим, что подобное продление сроков на период действия моратория служит дополнительным стимулом, побуждающим должников отказаться от причинения имущественного вреда интересам кредиторов.

По итогам рассмотрения имеющих место в правовом регулировании отношений несостоятельности средств обеспечения добросовестности субъектов мы можем сделать однозначный вывод о том, что в действующем законодательстве в необходимом объеме закреплены средства негативного стимулирования. Их разновидности и правовые возможности влияния на субъектов отношений, существующих в сфере несостоятельности (банкротства), непрерывно расширяются правоприменительной практикой. В то же время механизмы положительного стимулирования также имеют место быть, но в значительно меньшем, по нашему мнению, – недостаточном объеме, что представляет собой базу для дальнейшего исследования способов обеспечения добросовестности субъектов и правовых средств,

необходимых для использования законодателем и правоприменителем в целях создания системы стимулирования добросовестного поведения субъектов несостоятельности (банкротства).

СУБЪЕКТЫ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА КАК УЧАСТНИКИ ФИНАНСОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Федюнин Е.С. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры административного и
финансового права Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Рахматуллина О.В.

Актуальность рассматриваемой темы заключается в том, что субъекты малого предпринимательства являются важной частью рыночных и финансовых отношений в государстве, среди которых выделяются такие, как налоговые, бюджетные, кредитные, валютные, страховые и др.

В ст. 8 Конституции Российской Федерации (далее - Конституция РФ)¹ устанавливается, что на территории страны гарантируется свобода экономической деятельности, а также поддерживается конкуренция. Как участники финансовых отношений субъекты малого предпринимательства создают новые рабочие места, снижают уровень безработицы, служат инструментом, развивающим конкуренцию, что благоприятно влияет на экономику государства. Именно поэтому в отношении малого бизнеса действуют различные налоговые режимы, призванные для снижения их налоговой нагрузки.

При этом субъектами малого предпринимательства признаются действующие юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые подпадают под соответствующие признаки, установленные ст. 4 Федерального закона от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»².

В настоящее время вопросы поддержки субъектов малого предпринимательства в финансовых отношениях являются одними из важнейших, поскольку на их положение влияет финансовая деятельность государства и наоборот. Указанная деятельность с организационной стороны производится в форме образования и применения централизованных и

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (ред. от 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

² Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (ред. от 02.07.2021) // СЗ РФ. – 2007. – № 31. – Ст. 4006.

децентрализованных фондов денежных средств. Субъекты малого предпринимательства принимают участие как в формировании государственных денежных фондов в связи с уплатой ими налогов и сборов, так и в применении бюджетных средств, при получении разных видов ссуд из бюджета и кредитов через фонды поддержки малого предпринимательства.

Значение субъектов малого предпринимательства для государства и экономики велико, поскольку для стабильного функционирования экономики любого государства, развитие и укрепление малого бизнеса признается одним из важнейших направлений экономической политики государства. Кроме того, его эффективное развитие определяет уровень демократизации и открытости экономики страны¹.

В финансовых отношениях с участием рассматриваемых субъектов проявляется действие принципа прямых и обратных связей в государстве: средства государства для поддержки малого предпринимательства, а также благоприятных налоговых условий для них, повышают объем продукции, работ и услуг, образуемые в данном секторе экономики государства, что, в свою очередь, увеличивает основу для налогообложения у субъектов малого предпринимательства и способствует оздоровлению бюджета и выделению дополнительных средств на такое поддержание.

Распоряжением Правительства РФ «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года»² установлены различные меры поддержки, оказываемые малому бизнесу, в форме:

- 1) стимулирования спроса на производимую ими продукцию;
 - 2) создание условий для повышения производительности труда, обеспечение доступности для них финансовых ресурсов;
 - 3) совершенствование политики в области налогообложения и неналоговых платежей;
 - 4) повышение качества государственного регулирования;
 - 5) стимулирование развития предпринимательской деятельности на отдельных территориях;
- б) укрепление кадрового и предпринимательского потенциала и др.

К мерам также относится повышение предельного размера дохода, с помощью которого у плательщиков налога на прибыль появится возможность перейти на квартальный способ оплаты авансовых платежей; снижение контрольно-надзорной нагрузки за субъектами.

Кроме того, в число мер, связанных с финансированием малого бизнеса, включается:

¹ Гудкова О.В. Роль и значение малого бизнеса, положение в современной экономике // Хроноэкономика. – 2020. – № 3 (24). – С. 98-102.

² Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (ред. от 30.03.2018) // СЗ РФ. – 2016. – № 24. – Ст. 3549.

- 1) осуществление субсидирования процентной ставки по кредитам, выдаваемым малому бизнесу;
- 2) произведение компенсации расходов данных субъектов на приобретение оборудования;
- 3) повышение капитализации специальной инфраструктуры поддержки малого и среднего предпринимательства и др.

В настоящее время особо актуальными мерами поддержки являются также и те, которые были применены в условиях противодействия распространения коронавирусной инфекции. Так, актом, регулирующим данные отношения, является Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»¹, которым установлен, в том числе, запрет на проведение проверок в отношении малого бизнеса.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что для субъектов малого предпринимательства как участников финансовых отношений предусматриваются различные меры поддержки, льготы и послабления, поскольку они являются важными составляющими рыночной экономики Российской Федерации. Кроме того, для них устанавливаются специальные налоговые режимы, призванные снизить их налоговую нагрузку и увеличить доход таких субъектов.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ РЕБЕНКА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Халафутдинова Э.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), к. ю. н., доцент Лапочкина Е.П.

Формирование института Уполномоченных по правам ребенка в России происходило нестандартным путем. Впервые детские омбудсмены появились в 1998 году в пяти регионах (Волгоградская, Калужская, Новгородская, Свердловская области, г. Санкт-Петербург).

Официально на федеральном уровне должность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка была введена указом Президента РФ от 1 сентября 2009 г. № 986.

Данный указ Президента РФ в пункте 5 закреплял норму рекомендательного характера об учреждении должности уполномоченного по правам ребенка органами государственной власти субъектов. В связи с

¹ Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» (ред. от 30.12.2021) // СЗ РФ. – 2020. – № 14. – Ст. 2028.

этим у регионов не было обязанности учреждать подобную должность. Порядок и способ учреждения подобной должности в субъекте никак не регламентировались, что обусловило наличие нескольких способов закрепления института детского омбудсмена.

Так, П. Л. Лихтер отмечает, что в некоторых субъектах РФ Уполномоченный по правам ребенка входит в аппарат Уполномоченного по правам человека, который играет ключевую роль при назначении детского омбудсмена. В ряде других областей детский омбудсмен назначается и подчиняется в своей деятельности главе региона. При «парламентской» модели Уполномоченного основную роль в формировании института играет законодательный орган субъекта Российской Федерации. В начале 2000-х годов был распространен вариант, при котором институт детского омбудсмена был организован и действовал под эгидой общественных организаций, а не государственных органов. В связи с наличием различных моделей учреждения должности детского омбудсмена, возникает вопрос о том, влияет ли этот факт на исполнение им своих обязанностей? На наш взгляд, при «парламентском» способе образования института уполномоченного, он обладает большей самостоятельностью и независимостью, что расширяет его возможности в сфере защиты прав ребенка. Именно поэтому подобная модель кажется нам более удачной и эффективной. Полагаем возможным закрепить в законодательстве данный вариант учреждения института детского омбудсмена на региональном уровне в качестве обязательного.

Долгое время детский омбудсмен не имел полноценной правовой регламентации своей деятельности. Лишь в 2018 году произошли серьезные подвижки в законодательстве, и 27.12.2018 г. принят Федеральный закон № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации».

Данный закон восполнил недостатки регулирования правового статуса и деятельности Уполномоченных по правам ребенка, установив требования к кандидатам, порядок назначения и освобождения от должности, расширив круг полномочий и т. п. Однако, остались вопросы, которые законодатель обошел стороной. Например, как отмечает Д.Н. Степанова, в законодательстве не перечисляются принципы деятельности Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, и это является пробелом, который не позволяет четко определить правовой статус института и его место в системе органов государственной власти.

Действительно, принципы деятельности как основополагающие аспекты, руководящие начала необходимы для понимания сущности института, целей его деятельности. Опыт регионов показывает, что далеко не все субъекты РФ задаются подобным вопросом. Чаще всего вопрос о принципах деятельности детского омбудсмена региональным законодателем также не рассматривается. С положительной стороны стоит отметить опыт Нижегородской области. Закон Нижегородской области от 28.12.2012 № 167-

з «Об уполномоченном по правам ребенка в Нижегородской области» в ст. 4 закрепляет принципы деятельности Уполномоченного. Так, деятельность Уполномоченного строится на основе принципов законности, независимости, справедливости, ответственности, гуманности, открытости, объективности и доступности. На наш взгляд, подобные принципы необходимо закрепить не только на региональном, но и на федеральном уровне. Имея четкое представление об основополагающих началах своей деятельности и ориентируясь на них, омбудсмен будет осознавать свое место в системе государственных органов.

М.В. Мархгейм, А.Е. Новикова отмечают, что опыт работы региональных Уполномоченных по правам ребенка свидетельствует, что данный институт стал важным звеном в государственной системе обеспечения прав и законных интересов детей, заняв в сложившейся сегодня системе государственных органов, содействующих соблюдению и защите прав детей, свою нишу, не подменяя деятельность других субъектов, но действуя в тесном контакте с ними. Вместе с тем, отметим, что как на федеральном, так и на региональном уровне достаточно слабо урегулирован вопрос о порядке и способах взаимодействия Уполномоченных по правам ребенка как между собой, так и с органами власти, должностными лицами и т. п. Этот вопрос требует детальной проработки и четкой регламентации, поскольку пробелы и недостатки законодательства препятствуют эффективному осуществлению защиты прав ребенка и координации органов в указанном направлении.

Отметим, что проанализированные нами недостатки законодательства не являются исчерпывающими. Однако, положительных примеров правовой регламентации деятельности детских омбудсменов все-таки больше. Законодательство постоянно дополняется, институт развивается, что свидетельствует о внимании государства к сфере защиты прав ребенка.

ЗНАЧЕНИЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ДЕЛАХ О ЗАЩИТЕ АВТОРСКИХ ПРАВ

Хасина А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Бердегулова Л.А.

Конституция Российской Федерации, согласно ст. 44, гарантирует право каждого на судебную защиту субъективных прав, свобод и законных интересов. Защита нарушенных интересов также определяется как цель гражданского судопроизводства в ст. 2 ГПК РФ. Обеспечительные меры в гражданском судопроизводстве направлены на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя и представляются как временные меры,

которые направлены непосредственно на обеспечение иска или имущественных интересов заявителя.

Осокина Г.Л. определяет обеспечение иска как деятельность суда по применению предусмотренных законом мер, направленных на предотвращение невозможности реального исполнения в будущем решения суда об удовлетворении иска как требования о защите права или охраняемого законом интереса в связи с угрозой исчезновения к моменту исполнения судебного акта объекта признанного судом субъективного права или законного интереса¹.

Обеспечительные меры заключаются в совершении судом процессуальных действий, с помощью которых гарантируется исполнение судебных актов. Обеспечительные меры подразделяются на меры обеспечения иска и предварительные обеспечительные меры². В отношении находящегося в производстве суда иска применяются меры обеспечения иска, до возбуждения дела в суде применяются предварительные обеспечительные меры. Для обеспечительных мер присущи признаки: срочность, временный характер, соразмерность мер заявленным требованиям и защита интересов заявителя. В соответствии с пунктом 2 статьи 1252 ГК РФ, обеспечительные меры должны быть соразмерны объему и характеру правонарушения.

Дикарева Н.Ф. рассматривает теоретические вопросы возможности применения обеспечительных мер к искам о присуждении и к искам о признании приводя в пример иск о признании права автора, по которому в качестве меры обеспечения иска применяется запрет опубликования литературного произведения³. Исходя из содержания ст. 140 ГПК РФ, суд может возложить на ответчика обязанность совершать определенные действия, касающиеся предмета спора о нарушении авторских и (или) смежных прав, кроме прав на фотографические произведения и произведения, полученные способами, аналогичными фотографии, в информационно-телекоммуникационных сетях, с том числе в сети «Интернет». Могут применяться дополнительные обеспечительные меры, предусмотренные статьей 1302 ГК РФ в делах о защите авторских и смежных прав. Такими мерами может служить запрет для нарушителя авторских прав совершать такие действия в отношении объекта авторского права, как продажа, воспроизведение, транспортировка и т.д., так как ставится под сомнение их принадлежность. Наряду с запретом выделяется ограничение доступа к материалам, содержащим незаконно используемые произведения и арест на экземпляры произведения, контрафактность которых

¹ Осокина Г.Л. Гражданский процесс. Общая часть. – М.Инфра-М, 2013. – С. 508.

² Крашенинников П.В. Гражданское процессуальное право. Том 1. Общая часть. – М. Статут. 2020. – С. 243.

³ Дикарева, Н. Ф. Процессуальные особенности рассмотрения и разрешения дел о защите авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Дикарева Наталья Федоровна. М., 2003. – С.32-33.

предполагается. Порядок ограничения доступа к материалам устанавливается статьей 15.2 Федерального закона № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹.

Предварительные обеспечительные меры для защиты авторских и (или) смежных прав в сети Интернет применяются до подачи искового заявления, согласно части 1 статьи 144.1 ГПК РФ. Для этого требуется заполнение формы на официальном сайте Московского городского суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». К заявлению, заполняемому в электронной форме на сайте, заявителю необходимо приложить доказательства принадлежности прав на используемые в сети Интернет объекты авторского права и доказательства использования таких объектов нарушителем авторского права². Заявление обязательно должно быть подписано квалифицированной электронной подписью в установленном законодательством порядке.

Обеспечение не должно основываться только на материально-правовом требовании, поэтому истец в заявлении должен доказать, что непринятие мер по обеспечению иска может затруднить или сделать невозможным исполнение решения суда. Необходимость обеспечения иска определяется судом на основании конкретных обстоятельств дела.

Для того чтобы суд удовлетворил заявление истца об обеспечении иска, необходимо соблюдать условия, определенные ст. 131-132 ГПК РФ. В п. 51 Обзора судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав разъяснено, что в заявлении о принятии предварительных обеспечительных мер должно быть указано наименование и место жительства (местонахождение) лица ответственного за нарушение авторских прав³. Однако, не всегда истец может установить самостоятельно нарушителя авторских прав или идентифицировать личность нарушителя, тем более в делах о защите авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Проанализировав решения, выносимые Московским городским судом за вторую половину 2021 года, можем увидеть, что иски о защите авторских прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» подаются к компаниям, которые создают технические условия, которые обеспечивают размещение, распространение и использование на странице сайта произведения авторского права. Например, Решение Московского городского

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. – 2006. – № 31. – Ст. 3448.

² Беспалов Ю.Ф. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный; 3-е изд., перераб. и доп.). – М.: Проспект, 2020. – С. 260.

³ Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.09.2015 г. URL: <http://vsrf.ru> (дата обращения: 14.03.2022).

суда от 27 декабря 2021 года¹ было вынесено в отношении нескольких ответчиков, которые являлись интернет-хостингами и было направлено на запрет создания технических условий, обеспечивающих размещение, распространение и иное использование на страницах сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» аудиовизуального произведения.

Также особенностью предварительных обеспечительных мер является то, что при принятии соответствующих мер до подачи искового заявления на заявителя возлагается обязанность подать исковое заявление в тот срок, который указывается в определении о принятии обеспечительных мер, который в соответствии с частью 5 статьи 144.1 ГПК РФ не должен превышать пятнадцати дней. Если в течение указанного срока исковое заявление не было подано, то суд отменяет определение о принятии обеспечительных мер.

Исполнение определения суда об обеспечении иска осуществляется по правилам исполнительного производства – суд выдает истцу исполнительный лист с обеспечительными требованиями и направляет ответчику копию определения суда, согласно ч. 2 ст. 142 ГПК РФ, после чего истец обращается к органам принудительного исполнения для реализации меры обеспечения иска.

Таким образом, в делах о защите авторских прав предварительные обеспечительные меры имеют большое значение. Они позволяют воздействовать на нарушителя быстро и эффективно, что служит пресечению нарушений авторских прав в разумные сроки. Любая задержка, длительный характер нарушения, как, например, нахождение на сайте нарушителя, способствует потере репутации и денежных средств правообладателей. Поэтому предварительные обеспечительные меры служат защите интересов авторов и правообладателей. Для удовлетворения требований о предварительном обеспечении иска о защите авторских прав необходимо учитывать, что заявление должно отвечать общим требованиям к содержанию и порядку подачи процессуальных документов.

ПЕРЕСМОТР СУДЕБНЫХ АКТОВ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ В СУДЕБНОЙ КОЛЛЕГИИ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ В СИСТЕМЕ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ АКТОВ АРБИТРАЖНЫХ СУДОВ

Хижня А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) к.ю.н. Буянова Е.В.

¹ Решение Московского городского суда от 27 декабря 2021 г. по делу № 3-1344/2021. URL: <https://mos-gorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/6ce152e1-0671-11ec-b27f-3f86fce0054b> (дата обращения: 14.03.2022).

В Постановлении от 2 июля 1998 г. № 20-П Конституционный Суд указал, что ст. 46 Конституции Российской Федерации, гарантирует каждому право на судебную защиту. Право на справедливое и публичное разбирательство дела компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, провозглашено во многих международных правовых актах¹. В качестве одного из существенных элементов этого права является возможность обжалования в суд решений и действий (или бездействия) органов государственной власти и должностных лиц, включая судебные органы. Закрепленное в этой конституционной норме положение предполагает, что заинтересованным лицам предоставляется возможность добиваться исправления допущенных судами ошибок и что в этих целях вводится порядок процессуальной проверки вышестоящими судами законности и обоснованности решений, принимаемых нижестоящими инстанциями, поскольку правосудие по самой своей сути признается таковым лишь при условии, если оно отвечает требованиям справедливости и обеспечивает эффективное восстановление в правах. Справедливое публичное судебное разбирательство в разумный срок независимым и беспристрастным судом возведено в ранг задачи судопроизводства в арбитражных судах (ст.2) в действующей редакции Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)².

До 2014 года высшим судебным органом по разрешению споров в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности являлся Высший Арбитражный Суд (далее - ВАС РФ). С началом судебной реформы и принятием Закона РФ о поправке к Конституции РФ № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации», ВАС РФ был упразднен, а все вопросы осуществления правосудия, входящие в его компетенцию, были переданы в юрисдикцию Верховного Суда РФ (далее - ВС РФ). Существовавшая до этого судебно-арбитражная система, включая ее надзорную инстанцию - Президиум ВАС РФ, успешно справлялась с ролью специализированного юрисдикционного механизма, предназначение которого заключалось в рассмотрении споров и иных дел, возникающих из предпринимательской и иной экономической деятельности.

В составе ВС РФ была образована Судебная коллегия по экономическим спорам в соответствии со ст. 3 Федерального конституционного закона от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде

¹ Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека (1995 г.), Хартия основных прав Европейского Союза (2000 г.).

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. №95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – №30. – Ст. 3012.

Российской Федерации»¹. Судебная Коллегия по экономическим спорам ВС РФ была создана как «вторая» кассационная инстанция, ее функции формально сводятся к выявлению и исправлению ошибок, допущенных нижестоящими судами. В контексте развития судебно-правовой системы современной России появление второй кассации в арбитражном процессе было довольно неожиданно. В юридической доктрине вопрос о необходимости создания такой инстанции, по большому счету, даже не обсуждался. В теории порой ставились вопросы: почему появилась вторая кассация; является ли это недоверием к первой?; какова вероятность того, что это повысит качество проверки судебных актов? Тем не менее, на тот момент у законодателя не имелось достойной альтернативы. Вопрос о доверии к первой кассации не имел решающего значения. Гораздо важнее было решить проблему нивелирования разницы в подходах при применении и толковании норм права окружными кассационными судами. Эта задача становилось чрезвычайно актуальной, ввиду упразднения Президиума ВАС РФ и очевидной невозможностью ее решения Президиумом ВС РФ. В этой связи иных - кроме кассационного - вариантов проверки вступивших в законную силу судебных актов нижестоящих арбитражных судов в рамках единого ВС РФ, по большому счету, не оставалось. За весь период существования Судебной коллегии по экономическим спорам, специальных монографических исследований, посвященных ее процессуальной деятельности, не опубликовано. Есть однако, много научных статей, посвященных тем или иным конкретным проблемам деятельности второй кассации². Некоторые публикации носят прикладной, практический или учебный характер³. Таким образом, осмысление в доктрине процессуальной деятельности Судебной коллегии по экономическим спорам пока находится на начальном этапе.

Несмотря на то, что процессуальная деятельность Президиума ВАС РФ как надзорной инстанции довольно благосклонно оценивалась Европейским судом по правам человека, нельзя не отметить положительные итоги ликвидации ВАС РФ и передачи его полномочий в ВС РФ.

¹ Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 6 февраля 2014 г. (дата обращения: 14.03.2022).

² Павлова М.С. Проблема определения срока на подачу кассационной жалобы в Судебную коллегию Верховного Суда Российской Федерации // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 9. – С. 51-56; Терехова Л.А. Доказывание в судах кассационной и надзорной инстанций // Вестник гражданского процесса. – 2019. – № 1. – С. 157-169.

³ Арифудин А.А. Производство в суде кассационной инстанции // Арбитражный процесс: учебник / под ред. С.В. Никитина. М.: РГУП, 2017. – С. 256-258; Решетникова И.В. Пересмотр судебных актов по второй кассации // Практика применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации / отв. ред. И.В. Решетникова. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2020. – С. 441-443.

Во-первых, вступление в структуру ВС РФ представителей арбитражной системы значительно оживило высшую судебную инстанцию. Исходя из статистических данных, а именно, количества рассмотренных жалоб, документов с обобщением практики, законодательных инициатив, обновленный ВС РФ и его коллегии показывают сравнительно большую эффективность и динамику, чем до реформы. Так, согласно статистике, уже в течение первых 12 месяцев после своего создания Судебная коллегия по экономическим спорам ВС РФ превысила показатели ВАС РФ по рассмотрению поступающих к ней жалоб, существенно уменьшив при этом сроки рассмотрения дел (в среднем в 1,3 раза).

Во-вторых, ВС РФ стало проще выработать единую позицию по какому-либо вопросу, поскольку коллегиям одного Верховного суда проще согласовывать позиции, чем двум, независимым друг от друга, судам. В настоящее время законодатель, хотя и не ставит перед Судебной коллегией по экономическим спорам задачу обеспечить единство судебно-арбитражной практики, при сложившемся правовом регулировании указанная задача фактически ею реализуется, в том числе в качестве суда кассационной инстанции при использовании имеющихся в ее распоряжении процессуальных инструментов.

Судебная коллегия по экономическим спорам, как структурное подразделение ВС РФ, влияет на формирование единообразной судебно-арбитражной практики через участие в подготовке в соответствующих частях постановлений и обзоров. В последних находят отражение казусы, модель разрешения которых Судебной коллегией по экономическим спорам, поддержанная Президиумом ВС РФ, по общему правилу, воспринимается как ориентир для нижестоящих арбитражных судов при применении и толковании норм как материального, так и процессуального права.

В-третьих, анализ ч. 1 ст. 291.1 АПК РФ позволяет сделать вывод о том, что объектом обжалования в Судебной коллегии ВС РФ могут быть вступившие в законную силу решения и определения всех нижестоящих судов. То есть на законодательном уровне установлена процессуальная возможность обращения с кассационной жалобой в Судебную коллегию ВС РФ исключительно после прохождения кассационного порядка пересмотра судебных актов в арбитражных судах округов.

В-четвертых, значительное и все возрастающее число кассационных жалоб, направляемых в ВС РФ указывает на то, что вторая кассация по сути дела рассматривается субъектами экономической деятельности как высшая судебная инстанция, предназначенная для исправления допущенных нижестоящими инстанциями судебных ошибок. Они заинтересованы в том, чтобы все большее количество кассационных жалоб передавалось на рассмотрение по существу в судебном заседании.

Таким образом, в результате проведенной судебной реформы в России положено начало для построения эффективной системы последовательного

пересмотра путем консолидации кассационного и надзорного пересмотрана уровне ВС РФ.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАЩИТЫ ПРАВА РАБОТНИКА НА ПОЛУЧЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В УСЛОВИЯХ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТИ (БАНКРОТСТВА) РАБОТОДАТЕЛЯ

Хотенов М.Д. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),

к.ю.н., доцент Черепанцева Ю.С.

Необходимость правового регулирования вопросов банкротства организаций обусловлена тем, что данное явление в нашей стране, начиная с 90-х годов, стало повседневным, вызывая многочисленные экономические проблемы и приводя к серьезным нарушениям трудовых прав работников. Использование института банкротства, несомненно, позволяет избавляться от неэффективных участников гражданского оборота, играет роль механизма оздоровления и интенсификации экономики. Но особую тревогу вызывает то обстоятельство, что банкротство работодателей влечет за собой серьезные социальные последствия для работников, которые выражаются в потере рабочих мест, в утрате заработка и лишении средств к существованию, как для самого работника, так и членов его семьи.

Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации в части 3 ст. 37 закрепляет право каждого на вознаграждение за труд без какой-либо дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда¹ в качестве одного из основополагающих трудовых прав, невыплата заработной платы работникам в России продолжает оставаться характерной чертой современных производственных отношений.

¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 2020. – № 144.

К сожалению, приходится констатировать, что Трудовой кодекс Российской Федерации¹ не смог кардинально исправить ситуацию в решении вопросов ликвидации задолженности по невыплаченной заработной плате. Эффективный институт защиты заработной платы в рамках трудового права так и не создан. Поэтому, с точки зрения совершенствования трудово-правовых аспектов защиты прав работников, важным представляется анализ комплекса нормативных актов, которые определяют основу регулирования трудовых отношений в подобных условиях.

В Российской Федерации с 1962 года действует Конвенция Международной организации труда № 95 (1949) «Относительно защиты заработной платы»¹. В статье 1 Конвенции дано определение термина «заработная плата», под которой следует понимать независимо от названия и метода исчисления всякое вознаграждение или заработок, исчисляемые в деньгах и устанавливаемые соглашением или национальным законодательством, в силу письменного или устного договора о найме уплачиваемые работодателем трудящемуся за труд, который либо выполнен, либо должен быть выполнен, или за услуги, которые либо оказаны, либо должны быть оказаны.

Конвенцией МОТ № 173 «О защите требований трудящихся в случае неплатежеспособности предпринимателя» (1992) (ратифицированной Российской Федерацией в 2012 году) в третьем разделе предусматривается выплата заработной платы работникам специализированными учреждениями в случаях недостаточности имущества у должника². Однако, оговорки, сделанные Россией при ее ратификации, делают необязательным для исполнения положения о создании гарантийных учреждений.

В случае банкротства предприятия или ликвидации его в судебном порядке трудящиеся, занятые на этом предприятии, будут пользоваться положением привилегированных кредиторов либо в отношении заработной платы, которую они должны получить за услуги, оказанные в предшествующий банкротству или ликвидации период, которые будут определены национальным законодательством, либо в отношении заработной платы, сумма которой не превосходит суммы, предписанной национальным законодательством (ст. 11). В тоже время четко определено, что заработная плата, составляющая подобный привилегированный кредит, будет выплачена до того, как обычные кредиторы смогут потребовать их долю. При этом сам порядок очередности погашения привилегированного кредита, должен определяться национальным законодательством.

Что же касается норм, содержащихся в российском законодательстве, то сразу укажем на то, что в ТК РФ есть только нормы общего действия,

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ (с изм. от 22.11.2021) // СЗ РФ. – 2002. – № 1 (часть I). – Ст. 3.

¹ URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/normes/documents/normativeinstrument/wcms_c095_ru.htm (дата обращения: 26.02.2022).

² Бюллетень международных договоров. – 2014. – № 3.

применимые в случаях защиты права на заработную плату, и при банкротстве в том числе. Речь идет о целом ряде статей: 131, 135, 136, 138 и др. Особое место занимает в этом ряду статья 236 ТК РФ, предусматривающая материальную ответственность работодателя за факт задержки выплаты заработной платы работникам.

Помимо ТК РФ, особенности регулирования трудовых отношений в условиях банкротства предусмотрены Федеральным законом от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ (с изм. от 30.12.2021) «О несостоятельности (банкротстве)»³ (далее - Закон о банкротстве), который выступает в качестве комплексного акта, объединяющего нормы различной отраслевой принадлежности: гражданско-правовые, процессуальные, административные, социально-трудовые. Однако, нормы, регулирующие правовое положение работника предприятия-банкрота, не скомпонованы в нем в единый блок. И даже напротив они содержатся в разных его частях, а также иных актах, регулирующих гражданские, в том числе и процессуальные отношения (это и в ГК РФ, и в АПК РФ, и в ГПК РФ).

Кроме того, достаточно большое количество актов носит дополняющий характер по отношению к Закону о банкротстве, предусматривая частные вопросы удовлетворения требований работников и проведения процедуры несостоятельности того или иного вида организаций. Например, Федеральным законом от 24 июля 1998 года № 125-ФЗ (с изм. от 30.12.2021) «Об обязательном социальном страховании на производстве и профессиональных заболеваний»¹ работодатель, застраховавший свою ответственность по возмещению вреда здоровью работника, передает свои обязательства по возмещению вреда единому страховщику – Фонду социального страхования Российской Федерации.

Нельзя не отметить и тот факт, что гарантийные нормы, предусматривающие особенности регулирования трудовых отношений при несостоятельности работодателя, могут быть закреплены и в актах социального партнерства – соглашениях и коллективных договорах. Ресурсы коллективно-договорного регулирования рассматриваются как дополнительная возможность решения тех вопросов, которые не нашли своего отражения на нормативном уровне.

Стороны коллективного договора, в силу содержания ст.41 ТК РФ, абсолютно свободны в определении его содержания и структуры, а следовательно, вправе расширять круг вопросов, включаемых в коллективный договор. Главное, чтобы эти обязательства принимались сторонами добровольно, с учетом основных принципов социального партнерства, и являлись обеспеченными. В виду этого определенные меры по защите прав работников до момента признания организации несостоятельной (банкротом) необходимо включать в содержание коллективного договора с учетом экономических и финансовых возможностей работодателя.

³ СЗ РФ. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.

¹ СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст.3803.

Несомненно, особое внимание должно уделяться вопросам трудоустройства высвобождаемых работников. При этом могут разрабатываться «социальные планы»², отличительной чертой которых, является разработка и принятие как результата истинного диалога между работодателем и работниками в лице их представителей. Перспективным представляется нам и использование аутплейсмента³, как кадровой технологии позволяющей смягчить негатив от самого факта увольнения, проявить заботу о человеке и, таким образом, кроме помощи в дальнейшем трудоустройстве, сохранить хорошее мнение о компании в глазах увольняемого персонала. Предпочтительным видится именно договорный уровень регулирования, как позволяющий более быстро реагировать на возникающие потребности на рынке труда. Для обеспечения действенности данного механизма на законодательном уровне, возможно было бы, закрепить рекомендацию о включении в коллективные договоры условия об оказании работодателями консультативной и иной помощи в трудоустройстве увольняемым (сокращаемым) работникам и внести его в ст. 41 ТК РФ как условия коллективного договора.

Таким образом, рассмотрение вопроса правового регулирования защиты права работника на получение заработной платы в условиях признания работодателя несостоятельным, продолжает оставаться актуальным, прежде всего, в силу того, что обозначился он значительно позже, чем институт банкротства. Но необходимость его решения в современных условиях очевидна, т.к. утрата средств существования для работников и их семей влечет существенные отрицательные последствия.

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИЗНАСИЛОВАНИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Хрусталева А.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и
криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Бессонова И.В.

Исследование пути исторического развития законодательства регламентирующего различные виды отношений является достаточно важным фактором понимания становления процесса правового регулирования и его изменений на протяжении долгого периода времени. Процесс правового регулирования уголовной ответственности за

² Улюмджиев Е. А. Правовое регулирование статуса работника: проблемы эффективности: автореф. дисс...канд. юрид.наук: 12.00.05. – М., 2009. – С. 24.

³ Камарова Т. А. Применение программы аутплейсмента при высвобождении персонала организации // Управленец. – 2013. – № 5 (45). – С.40.

изнасилование имеет прочную историческую основу в уголовном законодательстве многих государств, в том числе и в уголовном законодательстве России. Посягательство на половую неприкосновенность женщины было признано одним из самых тяжких преступлений, но необходимо признавать, что формирование уголовной ответственности за данный вид преступления происходило в условиях различных этапов становления государства и общества в России и постепенной разработки различных институтов уголовного права.

В Древней Руси изнасилование признавалось преступлением против основ христианской нравственности, которое посягало на женщину и ее статус. Законодательство Древней Руси носило, прежде всего, каузальный характер, что было связано с тем, что законодатель в этот период времени формулировал конкретный вид правонарушения, придавая ему прообраз правовой нормы, исходя из уже совершавшихся неправомерных действий, которые осуждались обществом в этот период времени и соответственно подлежали наказанию.

Указание об этом преступлении мы находим в различных законодательных памятниках Древнерусского государства этого периода, но необходимо помнить прежде всего о том, что законодательство этого периода времени не знает такого понятия как «преступление», все неправомерные действия нарушавшие общественный порядок, в том числе и изнасилование признавались – «обидою», то есть причинение морального или материального вреда в силу неразвитости законодательства, как системы правовых норм направленных на регулирование охраны различных сфер общественных отношений посредством мер уголовного законодательства. А.И. Исаев в связи с этим пишет следующее: «Уголовное правонарушение в законе не отграничивалось от гражданско-правового. Объектами преступления были личность и имущество».¹

Статья 3 Устава князя Ярослава о церковных судах (пространная редакция) предусматривала ответственность за изнасилование, что выражалось в следующем положении: «Аще кто пошибает боярскую дочь или боярскую жену, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота; а меньших бояр - гривна золота, а епископу - гривна золота; а нарочитых людей 3 рубли, а епископу 3 рубли; а простой чади 15 гривен, а епископу 15 гривен, а князю казнити».² Устав, по сути, предусматривает ответственность в виде возмещения материального ущерба и за нанесенный моральный вред, но оценивая юрисдикционность процесса привлечения к ответственности, мы можем видеть, что он фактически был двухэтапным, так как возмещение вреда в виде материальной составляющей приносилось потерпевшей, церкви в лице конкретных священнослужителей, а государство

¹ Исаев И. А. История государства и права России: Учебник. – М.: Юрист, 2004. – С. 47.

² Янин В.Л. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси / Отв. ред. В. Л. Янин. – М., 1984.–С. 189-208.

в лице князя вершило уже уголовное правосудие посредством казни. В этом аспекте, мы можем видеть, что государство и церковь придавали важное значение охране отношений, связанных с защитой половой свободы женщин, что было обусловлено также и фактором христианской веры и нравственности.

Помимо ответственности за прямое изнасилование, в целях сохранения нравственности, веры, пресечения прелюбодеяния, как одного из грехов христианской веры и чести женщины, в ст.ст. 23, 25-27 Устава князя Ярослава о церковных судах устанавливалась ответственность за связь между близкими свойственниками, половые сношения с двумя родными братьями или сестрами, между мачехой и пасынком. За эти нарушения был установлен штраф, который уплачивался митрополиту в размере 12 гривен, а в ст. 27 – штраф 30 гривен. Установление этих норм было вызвано необходимостью обеспечить нормальное функционирование древнерусской семьи и искоренение асоциального поведения субъектов правоотношений, посредством наложения денежного штрафа, что фактически показывает и еще один немаловажный аспект, заключающийся в следующем – церковь была «выгодоприобретелем» при уплате штрафа, в случае выявления и осуждения церковным судом подобных неправомерных действий. Статья 24 Устава князя Ярослава о церковных судах предусматривала ответственность за прелюбодеяние отчима с падчерицей, со штрафом равным 12 гривнам. В свою очередь, ст. 28 Устава устанавливала более строгую ответственность в виде санкции за сожительство отца с дочерью, в виде 40 гривен митрополиту и наложения епитимьи по закону, поскольку здесь имело место кровосмешение. Оценивая правовое регулирование изнасилования, как неправомерного действия в древнерусском законодательстве, В.Ф. Земба пишет следующее: «В сфере борьбы с половыми преступлениями древнерусское право, во-первых, относилось к церковной юрисдикции; во-вторых, рассматривало их с позиций христианского отношения к сексуальности; в-третьих, четко определяло круг преступных деяний, включающий внебрачные сексуальные связи, изнасилование, сожительство между родственниками».¹

Говоря о периоде Русского (Московского) государства и вплоть до XVII в., можно выделить следующее: правовое регулирование ответственности за изнасилование не отличалось четкой системностью и проработанностью, последовательностью и стремлением законодателя к регулированию ответственности. Ни один из Судебников 1497 г., 1550 г. и 1583 г. не упоминал изнасилование как самостоятельное преступление в системе наказуемых деяний против личности. Лишь в положениях Соборного Уложения 1649 г., неполно и нечетко изнасилование, как преступление, было выделено законодателем, и подобная непоследовательность выражалась в

¹ Земба В. Ф. Ответственность за насильственные преступления против половой свободы и половой неприкосновенности в древнерусском праве // История государства и права. – 2006. – № 9. – С.27.

отказе прямого регулирования ответственности за изнасилование, лишь показывая косвенное регулирование в виде: фактического пособничества феодально-зависимых виновным в надругательстве над «госпожой» (что влекло для них вместе с главными виновниками смертную казнь); насилие над женщиной совершенное служилыми людьми на государевой службе при следовании на службу или во время возвращения с нее (гл. VII ст. 30).

Несмотря на то, что процесс правового регулирования в исследуемый период времени нельзя назвать достаточно четко последовательным и логически выстроенным с точки зрения защиты женщины, в некоторых правовых актах исследуемого периода половая неприкосновенность женщины вообще не подвергалась защите, необходимо отметить следующее:

Во-первых, в правовых источниках этого периода времени, законодатель стремится к регулированию ответственности за посягательство на половую неприкосновенность женщины, все же ответственность не имеет характер уголовно-правовой, а носит характер имущественной ответственности.

Во-вторых, в период становления Русского (Московского) государства, в процессе правового регулирования наблюдается последовательный переход к смертной казни, как меры наказания за совершенное преступление против женщины, но все же с прежним отказом законодателя от полноценного последовательного процесса регулирования преступлений против половой неприкосновенности женщины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ СОГЛАШЕНИЯ ОБ УПЛАТЕ АЛИМЕНТОВ: ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Чепрасова А.Ю. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

На сегодняшний день соглашение об уплате алиментов, позволяющее без судебных разбирательств разрешить вопросы по обязательным выплатам, является значимой новеллой семейного законодательства¹.

Говоря о добровольном способе уплаты алиментов, несмотря на все преимущества, предоставляемые сторонам при заключении ими данного соглашения, официальная статистика показывает, что на сегодняшний день граждане отдают предпочтение все-таки судебному порядку взыскания

¹ Антокольская М.В. Семейное право: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2013. С. 309; Гражданское право: Учебник: В 3 т. Т. 3. 4-е изд., перераб. и доп. / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М., 2007. – С. 369 (автор главы - Медведев Д.А.); Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации, Федеральному закону «Об опеке и попечительстве» и Федеральному закону «Об актах гражданского состояния» / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М., 2012 (автор главы - Б.М. Гонгалов) // СПС «КонсультантПлюс».

алиментов, хотя и наблюдается тенденция к увеличению числа заключенных соглашений между сторонами алиментных обязательств. Так, согласно данным Федеральной нотариальной палаты РФ, в 2013 году, по сравнению с 2012 годом, количество алиментных соглашений увеличилось на 17,2%, что составило 19 740 нотариальных действий. Одновременно статистика указывает на снижение количества таких дел в 2014 году по сравнению с 2010 годом на 4,8%.

Низкий уровень внесудебного порядка разрешения алиментных правоотношений сопровождается, в первую очередь, недостаточным уровнем знаний граждан в данной сфере, а также неосведомленностью о предоставляемых законодателем возможностях по разрешению вопросов в области алиментирования.

В настоящее время в юридической литературе дискуссионным является вопрос о правовой природе соглашения об уплате алиментов. Так, одни авторы стоят на позиции того, что алиментное соглашение представляет собой самостоятельную семейно-правовую конструкцию. Другие авторы придерживаются мнения о том, что алиментное соглашение – это гражданско-правовой договор, заключаемый между участниками гражданских правоотношений. Данной позиции придерживается и М.В. Антокольская, по мнению которой алиментное соглашение представляет из себя гражданско-правовой договор, заключаемый между сторонами гражданских правоотношений.

В качестве доказательства того, что соглашение об уплате алиментов является самостоятельным механизмом в области разрешения семейно-правовых вопросов, исследователи указывают на тот факт, что такое соглашение одновременно имеет силу исполнительного документа, который ввиду неисполнения, либо ненадлежащего исполнения одной из сторон алиментных обязательств может быть непосредственно предъявлен судебному приставу-исполнителю.

Следовательно, на данный момент в доктрине имеются два основных подхода по анализируемому вопросу: «материально-правовой» и «процессуальный», на формирование которых оказало влияние различных мнений по поводу отраслевой принадлежности такого института, как соглашение об уплате алиментов¹.

Согласно ст. 106 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)² при отсутствии соглашения об уплате алиментов лица, определенные в законе, вправе обратиться в суд с требованием о взыскании алиментов. Данное положение напрямую связывает право на обращение за судебной защитой с наличием либо отсутствием соглашения об уплате

¹Шеменева О.Н. Последствия заключения соглашения об уплате алиментов: процессуальный аспект // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 2. – С. 25.

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Российская газета. – 1996. – № 17.

алиментов. В настоящее время данную позицию поддерживает большинство ученых процессуалистов.

В то же время существует и иной подход по данному вопросу. Так, И. Оськина, А. Лупу говорят о том, что добровольный порядок уплаты алиментов не может и не должен ограничивать права взыскателей алиментов по обращению в судебные инстанции в целях защиты своих законных прав¹. Очевидно, что данные высказывания напрямую противоречат смыслу ст. 106 СК РФ.

Возникает вопрос: как следует поступить суду в случае обращения лиц с иском о взыскании алиментов при наличии у последних ранее заключенного алиментного соглашения?

Разумно будет обратиться к положениям ст. 123 ГПК РФ, а также ст. 220 ГПК РФ, устанавливающих исчерпывающие случаи отказа в принятии искового заявления, а также случаи прекращения производства по делу. Данные нормы содержат в себе закрытый перечень оснований, а именно: отсутствие права на предъявление иска, а также добровольный отказ лица от этого права, и не конкретизируют основания для отказа в принятии искового заявления о взыскании алиментов, либо в прекращении уже возбужденного дела ввиду наличия заключенного между сторонами алиментного соглашения.

По нашему мнению, разумно будет упомянуть такую правовую категорию, как аналогия закона. Так, Н.М. Кострова говорит о том, что в целях устранения несоответствий процессуальных правил нормативно-правовых норм различной иерархии, необходимо не признание преимущества норм процессуального законодательства, а своевременное реагирование в целях дополнения действующего законодательства. В случаях необходимости корректировки процессуальной нормы, она сможет включать в себя бланкетные правила, отсылающие правоприменителя к отдельным нормам процессуального законодательства, либо дополнения, исходящие из процессуального регулирования². Полагаем, что следует поддержать автора в том, что для устранения пробелов в действующем законодательстве необходимо применение как норм материального, так и норма процессуального права, не придавая при этом приоритет какой-либо отрасли.

Вышесказанное предоставляет возможность рассматривать правовую норму, содержащуюся в ст. 106 СК РФ, в качестве процессуальной, а соглашение об уплате алиментов в качестве юридического факта, имеющего процессуальное значение.

В целях разрешения данной дискуссии, разумно предложить внесение правовых изменений в ст. 134 ГПК РФ, а также 220 ГПК РФ, которые содержат исчерпывающий перечень оснований для отказа в принятии

¹Оськина И., Лупу А. [Соглашение об уплате алиментов](#) // ЭЖ-Юрист. – 2013. – № 33 // СПС «КонсультантПлюс».

²Кострова Н.М. Теория и практика взаимодействия гражданского процессуального и семейного права. – Ростов н/Д, 1988. – С. 67

искового заявления, а также для прекращения производства по делу, положение следующего содержания: «а также по иным основаниям, установленным иными федеральными законами». Внесение данных изменений позволит правоприменителю использовать как нормы материального, так и нормы процессуального права в единстве, а также исключить возможные пробелы в праве при реализации права граждан на судебную защиту по делам, связанным со взысканием алиментов.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о смешанной правовой природе соглашения об уплате алиментов, предопределяющей не только материально-правовые особенности его заключения, но и процессуальные особенности рассмотрения судами дел о взыскании алиментов при наличии заключенного между сторонами соглашения об уплате алиментов.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЯ «ТОВАРНЫЙ РЫНОК» В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Чиркова А.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и природоресурсного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д. ю. н. Ефимцева Т.В.

Проблема определения понятия «товарный рынок» неоднократно поднималась в науке. Особую остроту она приобретает в рамках права, вследствие того, что ученые чаще рассматривают «товарный рынок» как экономическую категорию, характеризующую, в первую очередь, экономические отношения, связанные с оборотом материальных благ, игнорируя при этом правовые аспекты понятия «товарный рынок». Очевидно, однако, что далеко не вся совокупность таких отношений может быть урегулирована правом. Так, к примеру, аспекты действия механизма спроса, предложения и тому подобные термины остаются в рамках сугубо системы экономических отношений и не могут быть регламентированы нормами права. В связи с этим первые определения понятия «рынок» носили именно сугубо экономический характер.

Существует два основных подхода к определению рынка (в том числе и товарного).

Первый подход основан на выделении политико-идеологического и философского содержания. Рынок рассматривается как способ организации общественного производства, поведения хозяйствующих субъектов, мышления

Второй подход акцентирует внимание на его конкретном экономическом содержании. Рынок рассматривается как механизм,

объединяющий спрос и предложение для обеспечения процессов купли - продажи товаров в данное время и в определенном месте.¹

Кроме основных двух подходов, существует и множество других. Например, интересен «территориальный» подход к пониманию рынка. Так, некоторые исследователи характеризуют рынок как особую территорию. По мнению А. Курно, под рынком подразумевается не какое-то определенное место, где осуществляются продажи и покупки, а вся территория, части которой связаны отношениями свободной торговли таким образом, что цены быстро и легко выравниваются². Именно исходя из данной трактовки термина «рынок» проводится разделение рынков на местные, региональные, национальные и международные.

Стоит заметить, что первая легальная дефиниция понятия «товарный рынок» была сформулирована в Законе РСФСР от 22 марта 1991 г. «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках»³ и основывалась именно на «территориальной» концепции. Получалось, что товары должны были считаться обращающимися на различных товарных рынках, а, следовательно, исключалась и конкуренция между ними.

Попытка исправить сложившуюся ситуацию была предпринята с разработкой Государственной программы по демонополизации экономики, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 9 марта 1994 г. № 191.⁴ Новелла определения понятия «товарный рынок» для целей антимонопольного законодательства заключалась в том, чтобы свести понятие товарного рынка не к конкретным границам области, округа и т. п., а ввести понятие географических границ товарного рынка, следующих за товаром, а не привязывающих товар к определенной законом территории.

Затем Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»⁵ (далее – Закон о защите конкуренции) вводит новое понятие товарного рынка. В частности, в п. 4 ст. 4 этого Закона товарный рынок определяется как сфера обращения товара (в том числе товара иностранного производства), который не может быть заменен другим товаром, или взаимозаменяемых товаров, в границах которой (в том числе географических) исходя из экономической, технической или иной

¹ Радостева Э.М., Антинескул Е.А. Рынки потребительских товаров: учебное пособие. ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА. – Пермь: изд-во ФГБОУ ВПО Пермская ГСХА, 2014. –145 с.

² Курно А. Исследование математических принципов теории богатства. Барр Р. Политическая экономика. – М., 1995. – Т. 1. – 454 с.

³ Ведомости СНД и ВС РСФСР. 1991. № 16. Ст. 499.

⁴ Постановление Правительства РФ от 09.03.1994 N 191 (ред. от 04.09.1995) "О Государственной программе демонополизации экономики и развития конкуренции на рынках Российской Федерации (основные направления и первоочередные меры)" - Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1994. – № 14. – Ст. 1052.

⁵ Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // СЗ РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3434.

возможности либо целесообразности приобретатель может приобрести товар, и такая возможность либо целесообразность отсутствует за ее пределами.

Данное определение содержит два ключевых с точки зрения целей антимонопольного законодательства признака. Во-первых, товарный рынок рассматривается либо как сфера обращения конкретного товара, не имеющего какого-либо заменителя, либо как сфера обращения взаимозаменяемых товаров. Во-вторых, границы такого рынка должны определяться на основе наличия или отсутствия возможности (целесообразности) приобрести данный товар конкретным приобретателем. Однако недостатками формулировок этих двух признаков является их неопределенность. В частности, на основе текста упомянутого в п. 4 ст. 4 Закона о защите конкуренции определения невозможно выяснить с достаточной степенью ясности, по каким конкретно критериям должны определяться взаимозаменяемые товары, т.е. товары, входящие в один и тот же рынок. Поэтому проанализированное определение само страдает теми же недостатками, что и определяемый им термин «товарный рынок», и поэтому нуждается в дополнительном толковании. Этот же недостаток свойственен и для категории «взаимозаменяемые товары» (п. 3 ст. 4 Закона о защите конкуренции).

«Товарный рынок» в качестве правового понятия используется в четырнадцати статьях Закона о защите конкуренции, что составляет более четверти от общего количества его статей. В силу этого данное понятие является одной из самых используемых юридически значимых категорий отечественного антимонопольного законодательства. Оно не относится ни к вспомогательным, ни к субсидиарным понятиям, ведь главное место ему законодатель отводит при описании элементов составов нарушений антимонопольного законодательства (ст. 4-13 Закона о защите конкуренции). Так, например, состав злоупотребления хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением (ч. 1 ст. 10 Закона о защите конкуренции) может быть установлен только после выявления границ релевантного товарного рынка. Неслучайно поэтому в российской судебной-арбитражной практике вопросы установления состава нарушений Закона о защите конкуренции увязываются с определением географических и продуктовых границ товарного рынка¹.

Аналогичное значение применительно к антитрестовскому праву США и европейскому конкурентному праву придается категории «релевантный рынок» соответственно в решениях Верховного Суда США (например, по

¹ См.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 22 декабря 2009 года N КА-А40/13005-09-п по делу N А40-13771/08-94-138; Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 декабря 2008 года N Ф04-7731/2008(17510-А03-23); Постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13 мая 2009 года № А19-11048/08-Ф02-1492/09 (СПС «КонсультантПлюс»).

делу «USvE.I. duPontdeNemours&Co» в 1956 году)¹ и в решениях Европейского Суда (в частности, по делам 66/86 «AhmedSaaed» (1989 год), С-53/92Р«Hilti» (1994 год) и С-333/94Р «Tetrapak» в 1996 году)².

Поскольку запреты с условием о товарном рынке, изложенные в ст. 10-13 Закона о защите конкуренции, обеспечиваются средствами административной и уголовной ответственности, то понятие «товарный рынок» имеет значение и для применения этих видов санкций. Так, административная ответственность по ст. 14.31 КоАП РФ за злоупотребление доминирующим положением возможна лишь в отношении хозяйствующего субъекта, занимающего такое положение на определенном товарном рынке.³ Этот же вывод можно сделать и в связи с тем, что законодатель в соответствии с указанной статьёй считает административным правонарушением лишь те злоупотребления доминирующим положением, которые признаются таковыми в соответствии с антимонопольным законодательством (имеется в виду ст. 10 Закона о защите конкуренции).

Как мы видим, в статьях КоАП РФ законодатель прямо упоминает термин «товарный рынок» в перечне признаков состава административного правонарушения.

Аналогичное значение этого понятия можно обнаружить и в уголовном законодательстве. В ст. 178 УК РФ установлена уголовная ответственность за недопущение, ограничение или устранение конкуренции в форме двух наиболее опасных деяний: антиконкурентных соглашений (согласованный действий) и неоднократного злоупотребления доминирующим положением⁴. И хотя прямой отсылки к антимонопольному законодательству (в отличие от упоминавшихся выше статей 14.31-14.32 КоАП РФ) в анализируемой статье УК РФ нет, тем не менее, подразумевается, что квалификация этих нарушений должна осуществляться на основе исходных понятий и запретов антимонопольного законодательства.

Всё вышеизложенное свидетельствует о существенной роли категории «товарный рынок» в качестве элемента состава антиконкурентных нарушений и правовых последствий, применяемых уполномоченными должностными лицами за их совершение. Этот вывод подтверждается в пунктах 7, 9 и 12-13 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 г. № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с

¹ Andersen W.R., Rogers III C.P. Antitrust Law: Policy and Practice. N.Y., 1999. P.73-81.

² Goyder D.G. EC Competition Law. Oxford, 2003. P.275-277.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 09.11.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021)// <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2021).

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.12.2021)// <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2021).

применением арбитражными судами антимонопольного законодательства»¹. Однако практическое применение правового понятия «товарный рынок» затруднено в связи с его неопределенностью.

Между тем, требование определенности правовых понятий и норм является общепринятым в российской и зарубежных правовых системах.

В преодолении неопределенности немаловажную роль играют нормативные правовые акты, разъяснения и рекомендации по вопросам применения антимонопольного законодательства ФАС Российской Федерации, содержащие пояснения относительно понятия «товарный рынок» и его легального определения, а также российская и зарубежная судебно-арбитражная практика. Так, в соответствии с п. 1.3 Приказа ФАС России от 28.04.2010 N 220 "Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке"² проведение анализа состояния конкуренции на товарном рынке включает такие этапы, как определение продуктовых границ товарного рынка, определение географических границ товарного рынка, определении уровня концентрации товарного рынка. При помощи раскрытия таких понятий как «продуктовые границы», «географические границы» и тому подобных, мы понимаем, что включает в себя понятие «товарный рынок» и, соответственно, его смысловое наполнение.

В российской судебно-арбитражной практике порядок анализа товарного рынка используется судами для проверки правомерности действий антимонопольных органов. К сожалению, высшие судебные инстанции Российской Федерации в своих документах проблеме неопределенности понятия «товарный рынок» адекватного внимания не уделяют. Издано три ключевых для этой отрасли законодательства обобщающих документа Высшего Арбитражного Суда РФ. Речь идёт о Письме ВАС РФ от 22 марта 1994 г. № С1-7/ОП-169 «О практике рассмотрения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства», об Информационном письме Президиума ВАС РФ от 30 марта 1998 года № 32 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства» и о Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30.

Ни один из перечисленных документов не внёс существенного вклада в исправление административных (судебных) ошибок и не оказал значимого влияния на стабилизацию (предсказуемость) административной и судебной практики в части определения границ товарного рынка. Так, в Письме ВАС РФ от 22 марта 1994 г. лишь воспроизводилось существовавшее на тот

¹ Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июня 2008 года № 30 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства» // Вестник ВАС РФ. – 2008. – № 10. – С. 97-98.

² Приказ ФАС России от 28.04.2010 N 220 (ред. от 12.03.2020) "Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке" // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2010. – N 34.

момент легальное определение понятия «товарный рынок» и делался вывод о том, что границы товарного рынка должны определяться с учётом мнения и интересов потребителей¹.

В свою очередь в Обзоре практики применения антимонопольного законодательства 1998 года ВАС РФ лишь в одном пункте 10 этого документа обратился к проблеме правильного установления границ товарного рынка². В нём было сделано два вывода. Во-первых, правильное определение границ товарного рынка влияет на законное установление доли хозяйствующего субъекта на рынке и в силу этого на доказывание доминирующего положения такого субъекта. Во-вторых, для обоснования своего решения по поводу границ товарного рынка антимонопольный орган должен использовать Порядок оценки конкурентной среды 1996 года³ (эти правила являлись на тот момент обязательными при определении границ рынка и расчете доли, занимаемой на нем хозяйствующим субъектом). В проанализированном Президиумом ВАС РФ деле антимонопольный орган нарушил эти правила, поскольку не выявил все товары-заменители (не учёл, что «товары организации - заявителя имеют multifunctional назначение (сахарницы, хлебницы, чайники, кастрюли и т.д.) и некоторые из них могут быть заменены изделиями из дерева, стекла, фарфора, фаянса, пластика и т.д., выпускаемыми как в самом регионе, так и за его пределами»), что привело к ошибочному определению границ товарного рынка. В результате решение антимонопольного органа было правомерно признано недействительным. Однако оба приведенных выше вывода вполне очевидны и прямо вытекают из текстов действовавших на тот момент нормативных правовых актов.

Подобные тривиальные и поэтому не способные оказать существенную помощь арбитражным судам выводы были сделаны ВАС РФ и в п.13 Постановления Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 г. № 30¹. В нём Пленум ВАС РФ фактически повторил сделанный ещё десять лет назад в п. 10 Обзора практики применения антимонопольного законодательства 1998 года вывод о том, что «установление доминирующего положения хозяйствующего субъекта производится с учетом его доли на рынке определенного товара». Кроме того, Пленумом ВАС РФ подчеркивалась возможность проведения экспертизы по поводу определения доли (следовательно, и границ товарного

¹ Письмо ВАС РФ от 22 марта 1994 года № С1-7/ОП-169 «О практике рассмотрения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства» // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2021)

² Информационном письме Президиума ВАС РФ от 30 марта 1998 года № 32 «Обзор практики разрешения споров, связанных с применением антимонопольного законодательства» // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2021).

¹ Постановлении Пленума ВАС РФ от 30 июня 2008 года № 30 (ред. от 04.03.2021) "О некоторых вопросах, возникающих в связи с применением арбитражными судами антимонопольного законодательства" // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2021).

рынка) хозяйствующего субъекта, но только «при возникновении разногласий относительно обстоятельств, связанных с определением доли хозяйствующего субъекта на рынке определенного товара». Это суждение прямо вытекает из ст. 82 Арбитражного процессуального кодекса РФ¹ и вряд ли нуждается в специальном упоминании в Постановлении Пленума ВАС РФ. В то же время в данном документе не упоминаются проблемы, связанные с содержанием, выбором и применением критериев определения товарного рынка, зафиксированных в Порядке анализа товарного рынка.

В консультативном заключении от 04.04.2017 Суд ЕАЭС² остановился на вопросе соотношения понятий "любой товарный рынок" и "товарный рынок товара, являющегося предметом вертикального соглашения". Необходимость данного разъяснения была обусловлена тем, что Республика Беларусь в своем запросе указала возможную редакцию нормы национального законодательства, в котором доля рынка анализировалась на "любом товарном рынке".

Как указал Суд, использование данной формулировки будет означать, что доля хозяйствующих субъектов будет анализироваться применительно не только к товарному рынку, затрагиваемому вертикальным соглашением, но также к любым иным товарным рынкам, на которых активны соответствующие предприятия. Такое правило способно привести к существенному ухудшению положения хозяйствующих субъектов, поскольку превышение 20%-ного порога на одном рынке будет автоматически лишать их права заключать соответствующие соглашения на всех остальных.

В итоге ни принятие федеральным антимонопольным органом нормативного Порядка анализа товарного рынка, ни проанализированные выше документы ВАС РФ не способствуют существенному сокращению количества ошибочных решений по этой категории дел. Имеющиеся в них недостатки носят двусторонний характер. С одной стороны, федеральный антимонопольный орган допускает грубые ошибки при определении границ товарного рынка, попытки исправить которые предпринимаются в рамках судебного контроля. Решения принимаются вопреки требованиям Порядка анализа товарного рынка (утвержденного самой ФАС России), без учёта приоритета критерия, основанного на опросе приобретателей (потребителей), и без надлежащего обоснования выбранных методов установления границ рынка. Так, по одному из типичных дел арбитражный суд вынужден был констатировать в качестве обоснования своего вывода по делу, что «анализ и оценка состояния конкурентной среды на рынке услуг по деповскому и капитальному ремонту грузовых вагонов не является доказательством

¹ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 16.11.2021) // <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.12.2021).

² Консультативное заключение Суда Евразийского экономического союза от 04.04.2017 N CE-2-1/1-17-БК <О разъяснении положений статей 74, 75, 76 Договора о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014>URL: <http://courteurasian.org/doc-22643> (дата обращения: 20.12.2021).

доминирующего положения заявителя на данном рынке, поскольку не соответствует требованиям Порядка проведения анализа и оценки состояния конкурентной среды на товарном рынке, содержит общие сведения, имеет противоречия и не содержит достоверных оценок»¹. В результате такого анализа антимонопольного органа были неправильно определены продуктовые границы и не указано, «какой именно метод анализа из допустимых был применен, а также каким образом он был применен». С другой стороны, сами арбитражные суды² весьма формально подходят к проверке соблюдения Порядка анализа товарного рынка, руководствуясь не столько Законом о защите конкуренции, сколько именно этим Порядком, который был утверждён подзаконным актом, появившимся ещё до вступления в силу нынешнего Закона о защите конкуренции. Арбитражные суды не проверяют соответствие этого Порядка содержанию и смыслу Закона о защите конкуренции 2006 года, зачастую ограничиваясь лишь констатацией того, что антимонопольным органом «...при установлении продуктовых границ рынка определены основные свойства услуги, определен состав взаимозаменяемых услуг, указан метод определения и выводы о продуктовых границах товарного рынка»³.

Таким образом, наличие в судебной и административной практике значительного числа спорных и даже явно ошибочных выводов, связанных с применением понятия «товарный рынок», свидетельствует о том, что ни законодатель, ни федеральный антимонопольный орган, ни высшие судебные инстанции, с помощью перечисленных способов не решили в полной мере проблему определенности юридической категории «товарный рынок».

Обобщая вышесказанное, можно выделить следующие недостатки понятия «товарный рынок»:

1) для раскрытия смысла обобщающего понятия “товарный рынок” используется еще более общая политэкономическая категория - “сфера обращения товара”;

2) для раскрытия смысла понятия “товарный рынок” не используются понятия «продавцы» и «покупатели», которые самым тесным образом связаны с интуитивными представлениями о товарном рынке;

3) еще одним недостатком рассматриваемого нормативного определения является отсутствие в нем фактора «время». Между тем, очевидно, что, например, рынок углей в России, который существовал, скажем, сто лет тому назад, мало похож на сегодняшний рынок российских углей.

¹ Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 22 декабря 2009 года № КА-А40/13005-09-п по делу № А40-13771/08-94-138 (СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 30 декабря 2009 года № КА-А40/14666-09 по делу № А40-57616/09-152-436 (СПС «КонсультантПлюс»).

³ Постановление Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11 декабря 2008 г. N Ф04-7731/2008(17510-А03-23) (СПС «КонсультантПлюс»).

В монографии В.В. Радаева предложено следующее определение понятия «товарный рынок»: «Рынок – совокупность структурно увязанных продавцов и покупателей определенного товара (товарной группы), деятельность которых регулируется сходными правилами и разделяемыми большинством участников концепциями контроля»¹.

Очевидно, что это определение, с одной стороны, не противоречит нормативному определению понятия «товарный рынок», а, с другой стороны, не имеет отмеченных выше логических дефектов, свойственных нормативному определению. Правда, и в данном определении отсутствует фактор «время». Базируясь на определении понятия «товарный рынок», предложенном В.В. Радаевым, можно сформулировать следующее определение: товарный рынок – совокупность (множество) хозяйствующих субъектов, которые в определенный период связаны между собой отношениями купли - продажи определенного товара (товарной группы), обозначаемого термином «продуктовые границы рынка», и расположены на определенной территории, обозначаемой термином «географические границы рынка».

Итак, невозможно переоценить значение четкого определения понятия «товарный рынок» для целей конкурентного права в целом. Современное легальное определение категории «товарный рынок» хоть и претерпело существенные изменения под влиянием меняющейся экономической ситуации и правовых реалий, тем не менее не является совершенным и требует дальнейшей проработки. Одним из ключевых моментов, требующих уточнения, является вопрос об определении территориальных границ товарного рынка в каждом конкретном случае, который на сегодняшний день является достаточно сложным и юридически недостаточно проработанным. На наш взгляд, рационально необходимым было бы включение понятия «географических (территориальных) границ» именно в легальное определение товарного рынка. Поскольку понятие товарного рынка является ключевым для многих последующих норм антимонопольного законодательства, его максимально четкая и однозначная дефиниция просто необходима для единообразия правоприменительной практики, в целях ясности и прозрачности применения антимонопольного законодательства для всех участников рыночных правоотношений.

НЕОБХОДИМЫЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ПО ДЕЛАМ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ ОТЦОВСТВА

Черникова К.Д. – магистрантка Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н., доцент Смирновская С. И.

¹ Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. – М. ГУ ВШЭ, 2003. – 328 с.

Установление отцовства в судебном порядке прежде всего понимается в качестве особой меры, предполагающей защиту прав и интересов ребенка. Для правильного рассмотрения и разрешения дел об установлении отцовства особое значение приобретает определение круга необходимых доказательств. В литературе существуют различные взгляды на правовую природу необходимых доказательств и обязательность существования такой категории в гражданском процессе.

Одним из первых процессуалистов, обозначивших значимость для гражданского процесса использования определенных средств доказывания при установлении тех или иных юридических фактов, связав эту обязательность с правилом допустимости судебных доказательств, является М.К. Треушников. Так, исследователь разработал правило, согласно которому для установления тех или иных обстоятельств гражданского дела обязательно использование того средства доказывания, которое определено законом, но при этом использование дополнительных доказательств, способных подтвердить или опровергнуть конкретный факт, также возможно¹.

Кроме М.К. Треушникова вопрос использования необходимых доказательств в гражданском процессе исследовался и другими учеными.

Так, А.С. Козлов в своих работах выделял особое правило необходимых доказательств, которое заключалось в обязанности использования конкретного вида доказательства по гражданскому делу, а нарушение указанного правила, по мнению исследователя должно повлечь признание необоснованным и отмену соответствующего судебного акта². Данная позиция в свою очередь была поддержана многими известными процессуалистами, такими как И.М. Зайцевым³, В.В. Молчановым⁴, М.А. Фокиной⁵, а также другими учеными, что безусловно является одним из оснований для признания ее обоснованной.

Кроме названных исследователей рассматриваемым вопросом занимался и Д.В. Зотов, который в своей работе отмечал, что необходимые доказательства обязательно должны быть использованы в рамках

¹ Треушников М.К. Относимость и допустимость доказательств в гражданском процессе. – М.: Юрид. лит., 1981. – С. 65 - 66.

² Козлов А.С. Доказательства, необходимые для разрешения гражданско-правовых споров // Советская юстиция. – 1979. – № 2. – С. 21. Козлов А.С. Актуальные проблемы теории доказательств в науке гражданского процесса. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1980. – С. 43.

³ Зайцев И.М. Понятие необходимых доказательств в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы теории юридических доказательств: сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1984. – С. 83 - 90.

⁴ Молчанов В.В. Необходимые доказательства в гражданском судопроизводстве // Законодательство. – 2006. – № 3. – С. 65 - 68.

⁵ Фокина М.А. Теория и практика доказывания в состязательном гражданском судопроизводстве. – Домодедово: Изд-во ВИПК МВД России, 2000. – С. 186 - 194.

рассмотрения гражданского дела для обеспечения достаточности доказательств¹.

До сих пор в научной литературе вырабатываются предложения по совершенствованию действующего законодательства. Так, С.В. Никитин предлагает закрепить в процессуальном законодательстве обязательность использования конкретных средств доказывания по гражданским делам, а перечни таких необходимых доказательств определить в соответствующих постановлениях высшего судебного органа, касающихся той или иной категории гражданских, административных или арбитражных дел².

Таким образом, существующее в литературе многообразие точек зрения на вопрос правовой природы обязательности использования необходимых доказательств при рассмотрении гражданского дела подтверждает сохранение актуальности этой темы, а также наличие определенной специфики набора необходимых доказательств в зависимости от категории гражданского дела.

Исследуя особенности рассмотрения дел об установлении отцовства необходимо изучить вопрос о необходимых доказательствах, используемых в данной категории дел.

Семейным кодексом РФ в ст. 49 установлено, что при рассмотрении дела об установлении отцовства суд принимает во внимание любые доказательства, с достоверностью подтверждающие происхождение ребенка от конкретного лица³. Таким образом, суд в данном случае может использовать все известные современной науке методы и средства, чтобы установить отцовство⁴.

Прежде всего, необходимым доказательством по делу об установлении отцовства является копия свидетельства о рождении ребенка. Обязательность предоставления такого доказательства обусловлена тем, что подача искового заявления об установлении отцовства возможна только после рождения ребенка, что является определенной гарантией защиты прав и интересов последнего.

Исходя из необходимости правильного определения предмета спора и состава лиц, участвующих в деле, необходимым доказательством по делу также является копия актовой записи о рождении ребенка, запрашиваемая судом в порядке подготовки дела к судебному разбирательству из органа

¹ Зотов Д.В. Необходимые доказательства в гражданском судопроизводстве: допустимость или достаточность? // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2014. – № 4. – С. 73 - 78.

² Никитин С.В. Необходимые (обязательные) доказательства в гражданском процессе // Вестник гражданского процесса. – 2021. – № 5. – С. 61 – 70.

³ Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ «Семейный кодекс Российской Федерации» (с изм. и доп. от 02 июля 2021 г. № 310-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

⁴ Гришаев С.П. Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. 2017. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18540#DSoXszS4zBICjWnB> (дата обращения: 11.03.2022).

загса по месту регистрации рождения, указанному в свидетельстве о рождении ребенка¹. Учитывая то, что, если требования об установлении отцовства будут удовлетворены судом, а в записи акта о рождении ребенка отцом ребенка значится другое лицо, прежние сведения должны быть исключены из такой записи, наличие в материалах дела копии актовой записи о рождении ребенка позволит судье установить необходимость привлечения лица, указанного в соответствующей записи в качестве отца ребенка, к участию в деле, что впоследствии повлияет на правильность рассмотрения дела.

Кроме вышеуказанных доказательств, необходимыми также можно назвать справку о месте жительства ребенка, нахождении его на иждивении лица, обратившегося в суд, нахождении на постоянном или временном попечении, под опекой и другие документы, подтверждающие подобные обстоятельства². Указанные доказательства обязательны для предоставления в суд по делу об установлении отцовства поскольку позволяют определить круг лиц, участвующих в деле и верно определить статус лица, обратившегося в суд, по отношению к ребенку, следовательно, обстоятельства и условия его жизни.

Учитывая положения ч. 3 ст. 48 Семейного кодекса РФ, а также п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей», в случае установления отцовства по заявлению лица, не состоящего в браке с матерью ребенка, в случае смерти матери ребенка, признания ее недееспособной, невозможности установления места ее нахождения либо лишения ее родительских прав, если орган опеки и попечительства не дал согласия на установление отцовства этого лица в органе записи актов гражданского состояния, необходимыми доказательствами, подтверждающими наличие вышеуказанных обстоятельств будут: копия свидетельства о смерти матери ребенка, справка органов внутренних дел о розыске матери, копия решения суда о признании матери недееспособной либо о лишении ее родительских прав, постановление органа опеки и попечительства об отказе в даче согласия лицу, желающему зарегистрировать свое отцовство в органе ЗАГС³.

Обращаясь к литературе, посвященной вопросу доказывания в гражданском судопроизводстве, можно отметить, что некоторые исследователи называют в качестве необходимых доказательств по данной

¹ Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / А.В. Закарлюка, Л.М. Звягинцева, М.А. Куликова и др.; под ред. И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2021. – С. 251.

² Там же. – С. 251.

³ Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ «Семейный кодекс Российской Федерации» (с изм. и доп. от 02 июля 2021 г. № 310-ФЗ) // СЗ РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16. О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 // Российская газета. – 2017. -24 мая (№ 110).

категории дел заключения судебной экспертизы, как документа, подтверждающего происхождение ребенка от конкретного лица¹.

Вместе с тем, Пленум Верховного суда РФ в своем постановлении отмечает, что судья по делу об установлении отцовства вправе с учетом мнения сторон и обстоятельств по делу назначить экспертизу, но заключение такой экспертизы не может иметь для суда установленной силы и должно учитываться им в совокупности с другими доказательствами по делу².

Следует отметить обоснованность такой позиции и указать, что отнесение заключения судебной экспертизы к необходимым доказательствам по делу об установлении отцовства негативно скажется на всестороннем и правильном рассмотрении дела, поскольку не во всех случаях существует необходимость назначения такой экспертизы, а наличие соответствующего заключения в материалах дела позволит судье без учета других доказательств принять решение по делу. Вместе с тем, судебная экспертиза по своей сути представляет собой сложное производное доказательство, основанное на иных доказательствах, имеющихся в деле³. При этом на достоверность результатов судебной экспертизы влияют как объективные факторы, так и субъективные факторы, от ошибки не может быть защищен ни один даже высококвалифицированный эксперт. Следовательно, суд при принятии решения по делу об установлении отцовства должен исследовать всю совокупность доказательств по делу и принимать решение на основе анализа такой совокупности.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ И ИСТРЕБОВАНИЕ АУДИО- И ВИДЕОЗАПИСЕЙ В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Шарафиева А.И. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

Аудио- и видеозаписи выделены законодателем в качестве самостоятельного средства доказывания. Впрочем, до введения специальных норм суды были вынуждены использовать в отношении аудиозаписей и видеозаписей нормы о вещественных доказательствах по аналогии, так как полностью исключить их из процесса доказывания было бы недопустимым

¹ Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / А.В. Закарлюка, Л.М. Звягинцева, М.А. Куликова и др.; под ред. И.В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. – Москва: Норма, ИНФРА-М, 2021. – С. 251.

² О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных с установлением происхождения детей: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 № 16 // Российская газета. – 2017. -24 мая (№ 110).

³ Новицкий В.А., Новицкая Л.Ю. Проблемы назначения и особенности проведения судебной экспертизы (на примере кейса об установлении отцовства) // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 1. – С. 229 - 237.

упущением. Причиной выделения их в качестве самостоятельного средства доказывания явилось появление не только нового носителя, но и новой формы восприятия и изучения доказательственного материала¹.

Содержательный элемент аудиозаписи заключается в выражении информации в звуковой форме, а также в том, что аудиозаписи могут содержать не только сведения о доказываемых действиях (бездействии), но также предшествующие и сопровождающие их обстоятельства. С помощью видеозаписи возможно сохранение любой визуальной информации, которая впоследствии может как сопровождаться, так и не сопровождаться звуковой информацией. Как отмечают ученые-процессуалисты, при воспроизведении качественно осуществленной видеозаписи имеется возможность наиболее полно воссоздать обстоятельства, имевшие место в действительности.

Согласно п. 2 ст. 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ)² (п. 3 ст. 64 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)³) доказательства, полученные с нарушением закона не имеют юридической силы. Данное требование имеет своим основанием положение, закрепленное в ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)⁴, в соответствии с которым недопустимо использовать в процессе осуществления правосудия доказательства, полученные с нарушением федерального закона.

Представляется, что суд, руководствуясь [ч. 2 ст. 12 ГПК РФ](#), [ч. 2 ст. 14 КАС РФ](#) и [ч. 3 ст. 9 АПК РФ](#), во исполнение полномочия содействовать сторонам в реализации их процессуальных прав, может потребовать от лица, от которого получена аудио- или видеозапись, указать, какой именно фрагмент записи имеет доказательственное значение, и представить ее расшифровку.

В доктрине процессуального права неоднократно поднимался вопрос о представлении в материалы дела расшифровки аудио- и (или) видеозаписей. А.Т. Боннер указывал на уже вполне сложившийся процессуальный обычай использования «расшифровок» аудио- и (или) видеозаписей, которые обычно приобщаются к материалам дела⁵. По мнению М.В. Колосовой, подобные расшифровки аудиозаписей и видеозаписей, следует рассматривать в

¹Ворожбит С.П. Электронные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. – СПб., 2011. – С. 161.

²Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138–ФЗ (с изм. и доп. от 12 января 2021 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

³Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95–ФЗ (с изм. и доп. от 8 декабря 2020 г.) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

⁴Конституция Российской Федерации Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 2020. – №144.

⁵Боннер А.Т. Аудио- и видеозаписи как доказательство в гражданском и арбитражном процессе // Законодательство. – 2008. – № 3. – С. 81.

качестве производных доказательств¹. С.А. Короткий предлагает закрепить в процессуальном законодательстве право лица, представляющего аудио- и (или) видеозапись, прикладывать к ней расшифровку в письменном виде².

Судебная практика также свидетельствует о доказательственном значении расшифровки аудиозаписей и (или) видеозаписей при рассмотрении дела по существу. В частности, Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 20.08.2020 по делу № 33-4467/2020³, в отличие от решения Ленинского районного суда г. Оренбурга от 18.02.2020 г. по делу 2-849/2020⁴, содержит расшифровку аудиозаписи разговора, состоявшегося между истцом, Х. и ответчиком С.Л. 02.12.2015 г., записанного на диктофон, из детализации которой следует:

«Х. Лариса Владиславовна, вот мы переживаем, пройдет время, а у нас нет ни расписки, ни квитанции, ничего нет.

С.Л. Вот у меня, получается, договора действуют до полной выдачи вам документов. Пройдет год, не будет документов, чуть позже я их отдам. Ваш договор не теряет силу, то есть вы ничего не теряете.

Х. Вы про нас не забудьте, что мы заплатили?

С.Л. Ну, конечно, там в договоре сказано, что в день подписания договора оплата производится наличным или безналичными. У вас оплата произведена, поэтому договор подписан. Единственное, что у меня платежки прошли на его фамилию. Поэтому второй раз я никак не могу вам подтвердить. Получается, что я брала два раза одно и то же. А я фактически один раз брала. Теперь понятно? »

Как видно из содержания разговора, его участники С.П. и Х. называют третьего участника, обращаясь к нему, по имени и отчеству «Лариса Владиславовна», что позволяет в отсутствие возражений ответчика идентифицировать данного участника под таким именем и отчеством как ответчика С.Л.». Однако, суд первой инстанции не принял в качестве допустимого доказательства данную аудиозапись, поскольку из нее, по мнению Ленинского районного суда г. Оренбурга, было невозможно достоверно установить лиц, ведущих разговор. По мнению автора, в случае представления в суд первой инстанции расшифровки диалога, аудиозапись была бы признана допустимым доказательством.

Следует обозначить, что расшифровка не замещает собой аудио- или видеозапись, а является сопутствующим доказательством. Предварительная

¹ Колосова М.В. Аудио- и видеозапись как разновидность письменного доказательства // Конституция Российской Федерации и современное законодательство: проблемы реализации и тенденции развития (К 10-летию Конституции России). – Саратов, 2004. – С. 75.

² Короткий С.А. Аудио- и видеозаписи как средства доказывания в гражданском процессе: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С.85.

³ Апелляционное определение Оренбургского областного суда от 20.08.2020 г. по делу № 33-4467/2020, 2-849/2020.

⁴ Решение Ленинского районного суда г. Оренбурга от 18.02.2020 по делу 2-849/2020 // Электронный ресурс. URL: <https://clck.ru/dYoCe> (Дата обращения: 10.03.2022).

проверка достоверности доказательства, а тем более оценка аудио- и видеозаписи судом могут быть осуществлены только в результате ознакомления с самой аудио- или видеозаписью.

Лицо, участвующее в деле и представляющее в качестве доказательства аудио- или видеозапись, либо ходатайствующее перед судом об ее истребовании, обязано указать условия, при которых осуществлялась запись. В ходатайстве о приобщении или об истребовании аудио- или видеозаписи должны быть указаны обстоятельства дела, в подтверждение которых запись представляется. Данный вывод основан на ст. 59 ГПК РФ, [ст. 60 КАС РФ](#) и [ст. 67 АПК РФ](#), согласно которым суд принимает только те доказательства, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения дела и обязан отказать в приобщении к материалам дела не относимых доказательств. Следовательно, в ходатайстве о приобщении доказательства должно быть указано конкретное обстоятельство, подлежащее установлению при рассмотрении дела и включенное в пределы доказывания. Ходатайство об истребовании доказательства, согласно [ч. 2 ст. 57 ГПК РФ](#) и [ч. 4 ст. 66 АПК РФ](#), должно содержать обстоятельства дела, в подтверждение которых оно представляется.

Следовательно, современная практика сводится к тому, что право на представление расшифровки аудио и видеозаписей трансформируется в обязанность сторон, которая в настоящее время законодательно не закреплена. Отсутствие расшифровки, как минимум, предоставляет возможность противоположной стороне заявить возражение в ходе приобщения доказательств, расшифровка записи может позволить судье отклонить ходатайство о приобщении аудио- или видеозаписи, а также избежать необходимости неоднократного прослушивания записи сторонами в ходе судебного разбирательства.

НЕКОТОРЫЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ ДЕЛ ОБ УСЫНОВЛЕНИИ (УДОЧЕРЕНИИ) ДЕТЕЙ-ГРАЖДАН РОССИИ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ И ЛИЦАМИ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА

Шарин В.Ю. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н. Марченко Т.В.

Согласно ст. 125 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)¹ усыновление на сегодняшний день производится по заявлению лиц

¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. – 1996. – № 1.

(лица), которые желают усыновить ребенка. При этом рассмотрение дел об усыновлении производится судом в порядке особого производства.

Под особым производством обычно понимают вид гражданского судопроизводства, в порядке которого устанавливаются юридические факты (действия, события). Цель особого производства состоит в выявлении и констатации тех или иных обстоятельств, с которыми норма права связывает возникновение, изменение или прекращение у заявителя определенных прав и обязанностей¹.

Основные положения, закрепляющие возможность иностранных граждан усыновлять (удочерять) детей из Российской Федерации, что, также называют международным усыновлением (удочерением), изложены в статье 165 СК РФ. Ключевая идея основана на приоритете прав и интересов ребёнка, поэтому если они нарушаются, то усыновление (удочерение) не производится, а уже произведённое - отменяется в судебном порядке.

Если имеет место усыновление (удочерение) ребёнка, который проживает за пределами России, то оно признаётся действительным только при получении предварительного разрешения от органа исполнительной власти того субъекта РФ, на территории которого ребёнок или его родители проживали до выезда за рубежом. Когда процесс усыновления (удочерения) успешно завершился, это не значит, что на этом российская юрисдикция в отношении такого ребёнка прекращается: в трёхмесячный срок с момента въезда в государство проживания усыновителей они обязаны поставить ребёнка на учёт в соответствующем консульском учреждении (или консульском отделе посольства РФ за рубежом).

В то же время усыновление ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации и проживающего за пределами Российской Федерации, может быть произведено компетентным органом иностранного государства, гражданином которого является усыновитель, при условии получения предварительного разрешения на усыновление соответствующего органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого ребенок или его родители (один из них) проживали до выезда за пределы территории Российской Федерации.

Документы усыновителей должны быть легализованы в установленном порядке. После легализации они должны быть переведены на русский язык, перевод должен быть нотариально засвидетельствован в дипломатическом представительстве или консульском учреждении Российской Федерации либо в органах нотариата на территории Российской Федерации.

На основании представленных документов орган исполнительной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого ребенок или

¹ Буянова Е.В. Некоторые процессуальные способности рассмотрения исковых дел об усыновлении (удочерении) детей // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2015. – № 23. – С. 44.

его родители (один из них) проживали до выезда за пределы территории Российской Федерации, принимает решение о разрешении усыновления¹.

Если усыновляемый ребенок или его родители, являющиеся гражданами Российской Федерации, никогда не проживали на территории Российской Федерации, предварительное разрешение на усыновление такого ребенка дает Министерство образования и науки Российской Федерации в аналогичном порядке².

Усыновление ребенка в этих случаях производится компетентным органом государства, гражданами которого являются усыновители (при усыновлении ребенка лицами без гражданства - компетентным органом государства, в котором эти лица имеют постоянное место жительства). Факт усыновления подлежит обязательной регистрации в дипломатическом представительстве или консульском учреждении Российской Федерации.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что наличие иностранного элемента в отношениях по усыновлению предопределяет наличие множества особенностей в рассмотрении дел указанной категории как на досудебном этапе, так и в процессе рассмотрения судами дел о международном усыновлении. Процессуальные особенности рассмотрения дел указанной категории объясняются также необходимостью учета судами, помимо положений национального законодательства, также норм международного права, положений международных актов и международных соглашений. Рассмотрение указанных дел, и постановление судебного решения должно производиться исключительно в интересах усыновляемых несовершеннолетних детей.

ЗНАЧЕНИЕ ПОДГОТОВКИ ДЕЛА К СУДЕБНОМУ РАЗБИРАТЕЛЬСТВУ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ, КАК МЕХАНИЗМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАЗУМНЫХ СРОКОВ РАССМОТРЕНИЯ ДЕЛА

Шашина А.О. - магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург.

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина
(МГЮА), к.ю.н. Томина А.П.

Актуальность определения роли и установления значения подготовки дела к судебному разбирательству заключается в необходимости совершенствования механизмов проведения подготовки дела к судебному

¹ Зими́на Е.В., Витько О.В. Международное усыновление в российской системе устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: проблемы функционирования и развития / Е.В. Зими́на, О.В. Витько // *Baikal Research Journal*. – 2017. – № 1. – С. 25.

² Кузнецова О.В. Проблемы усыновления российских детей иностранными гражданами / О.В. Кузнецова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2015. – № 23 (378). – С. 20.

разбирательству, а также преследует цели соблюдения разумных сроков рассмотрения дела.

Подготовка дел к судебному разбирательству играет важную роль для проведения судебного разбирательства с наибольшей степенью эффективности по всем делам, рассматриваемым судами, а также для принятия законного и обоснованного решения.

Правильное и своевременное рассмотрение дела является определяющим фактором обеспечения защиты прав граждан и организаций, что соответствует ч.1 ст. 46 Конституции РФ. Данные положения поддержаны и международными актами, в частности ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и п. 3 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах.

В п. 1 Постановления Пленума № 11, указывается, что основное назначение стадии подготовки дела заключается в «...своевременной и полной подготовке дела к судебному разбирательству имеет определяющее значение для качественного рассмотрения дела в установленные законом сроки»¹.

История внесения изменений в законодательное регулирование подготовки дела к судебному разбирательству в первую очередь была связана с двумя основными проблемами при рассмотрении дел – это многократное отложение слушаний и неоднократная отмена решений в вышестоящих инстанциях. В качестве способа решения указанных проблем было выбрано совершенствование подготовки дела к судебному разбирательству.

Важно понимать, что подготовка дела к судебному разбирательству не может и не должна подменять судебное заседание, так как подготовка не связана с рассмотрением и разрешением дела по существу, там не должны исследоваться доказательства, устанавливаться факты материально-правового значения, взаимное положение субъектов спора и другие вопросы, относящиеся к существу спора. Однако, формально подготовка дела сходна, по сути, с проведением судебного заседания.

При этом, если при подготовке дела не могут быть осуществлены действия, позволяющие рассмотреть дело сразу, то появляется вопрос о том, каким образом подготовка может способствовать соблюдению разумности сроков рассмотрения дела.

Ответом на вопрос может послужить рассмотрение подготовки дела к судебному разбирательству, как «специальной процедуры разрешения наиболее важных с точки зрения сторон вопросов процесса, позволяющей обеспечить надлежащий уровень процессуальных гарантий реализации ими

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // Российская газета. – 2008. – № 140.

своих прав, выполнение задач подготовки дела к судебному разбирательству и экономии средств правосудия»¹.

Роль подготовки дела вытекает из его цели, а именно из необходимости успешной подготовки дела для разрешения в судебном разбирательстве либо окончания дела на данной стадии без дальнейшего судебного разбирательства.

По мнению В. Грекова, подготовка гражданских дел к судебному разбирательству имеет своей целью обеспечить возможность рассмотрения их в одном судебном заседании в срок, установленный законом, и правильно².

Необходимо согласиться с позицией Е.А. Царегородцевой о том, что подготовка дела к судебному разбирательству является действенным средством обеспечения разумных сроков рассмотрения дела.

Положения закона пусть не прямо, но поддерживают вектор направления регулирования сроков рассмотрения дела с помощью подготовки дела к судебному разбирательству. Так исходя из положений ч. 3 ст. 152 ГПК РФ³, судья в определенных ситуациях может назначить срок проведения предварительного судебного заседания, выходящий за пределы установленных ГПК РФ сроков рассмотрения и разрешения дел. При этом фактически судья не выйдет за разумные сроки рассмотрения дела.

Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации (далее также – АПК РФ) в ст. 152⁴ устанавливает срок рассмотрения дела арбитражным судом первой инстанции – в течении трёх месяцев со дня поступления заявления в арбитражный суд, включая срок на подготовку дела к судебному разбирательству и на принятие решения по делу, если АПК РФ не установлено иное. В то же время ст. 134 АПК РФ не устанавливает конкретные сроки для подготовки дела к судебному разбирательству, а говорит о том, что суд сам определяет время, необходимое ему для подготовки дела.

В итоге можно сделать вывод, что законодатель, устанавливая сроки подготовки дела к судебному разбирательству или давая право увеличения этих сроков как раз преследует цель проведения одного или как можно меньшего числа судебных заседаний.

Следовательно, подготовка дела к судебному разбирательству устремлена на выявление правоотношений, сложившихся между сторонами, и подготовку доказательств, для обоснования сторонами своих требований или возражений. Таким образом, подготовка дела к судебному

¹Плешанов А.Г. К вопросу о сущности предварительного судебного заседания // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 10 – С. 46.

²Греков В. Высокое качество подготовки гражданских дел – условие эффективности судебного разбирательства // Советская юстиция. – 1977. – № 6. – С. 21.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 220.

⁴ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Российская газета. – 2002. – № 137.

разбирательству показывает, насколько дело готово к судебному разбирательству, и выступает в качестве механизма обеспечения разумных сроков рассмотрения дела.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА МЕДИАЦИИ В РОССИИ

Шейда Т.Г. – магистрант Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Буянова Е.В.

Согласно Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон о процедуре медиации)¹ под процедурой медиации понимается способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения. В статье 3 данного закона перечислены принципы, на основе которых проводится данная процедура: добровольность, конфиденциальность, сотрудничество и равноправие сторон, беспристрастность и независимость медиатора.

Принцип добровольности означает, что медиатор и стороны участвуют в процессе по своему желанию. Конфиденциальность подразумевает неразглашение информации, полученной медиатором в ходе проведения процедуры. В соответствии с принципом сотрудничества и равноправия стороны равны в своих правах в ходе процесса: вносить предложения, обсуждать их, принимать решения. В случае если стороны обладают разным статусом, материальным положением, медиатор должен принять меры по обеспечению баланса между ними. Принцип беспристрастности и независимости подразумевает, что медиатор является независимым посредником между сторонами. Медиатор не должен быть заинтересован в исходе дела, а также не может быть связан (материально, родственно) с одной из сторон.

Значение медиации состоит в том, что такая процедура помогает избежать судебного разбирательства, а также решает некоторые психологические аспекты межличностных отношений. Осуществляя сотрудничество и добровольно выполняя все предписания, согласно достигнутому соглашению, участники конфликта не только устанавливают мирные отношения, но и закладывают фундамент для дальнейшего бесконфликтного сосуществования². Обращение к медиатору позволяет

¹ Федеральный закон от 27. 07. 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп. от 26. 07. 2019) // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

² Волкова Д.С. Проблемы развития и перспективы медиации в России // Медиация в современном мире: проблемы и перспективы развития: материалы всероссийской

сторонам сохранить доверительные отношения и продолжить деловое сотрудничество в результате найденного компромисса. Кроме того, такая альтернативная процедура разрешения спора без обращения к судебным органам способствует оперативности разрешения спора, экономии времени и сохранения конфиденциальности спорного правоотношения.

Однако, несмотря на наличие очевидных достоинств медиации, существуют определенные трудности с распространением и использованием данной процедуры для разрешения конфликтов. В частности, в научной литературе отмечается, что основные проблемы связаны с отсутствием информации о процедуре и отсутствием достаточного количества медиаторов. Так, согласно сведениям из реестра саморегулируемых организаций в настоящее время в России действует всего одна саморегулируемая организация медиаторов: Ассоциация профессиональных медиаторов и организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации «Национальная организация медиаторов», членами которой являются четыре организации и 115 физических лиц, при этом большая часть организаций и лиц, осуществляющих медиативную деятельность, сосредоточена в Москве и Санкт-Петербурге. Таким образом, у лиц, желающих прибегнуть к альтернативной процедуре урегулирования споров, могут возникнуть трудности с поиском информации о медиаторах и их образовании.

Еще одним важным фактором, препятствующим распространению медиации, является отсутствие доверия к незнакомому сторонам медиатору. Большую роль играет сложившийся менталитет населения, стороны конфликта не всегда понимают, зачем нужна данная процедура и поможет ли она в разрешении спора. В теории предлагают несколько способов решения данной проблемы. Во-первых, медиация нуждается в регламентации порядка назначения или избрания медиатора. Если медиатора предлагает одна из сторон спора, то недоверие к нему второй стороны вполне ожидаемо. Если же медиатора или список медиаторов предлагает суд, выступающий в качестве авторитетного, независимого арбитра, то доверия к такому медиатору будет больше¹. Кроме того, по мнению ряда авторов, решением данной проблемы может стать закрепление в законе обязательной предварительной встречи с медиатором по некоторым категориям дел. На такой встрече медиатор мог бы проинформировать стороны о возможности урегулирования спора с помощью процедуры медиации, а стороны могли бы принять решение о приемлемости данной процедуры для себя.

Кроме того, еще одна проблема связана с экономическим вознаграждением медиаторов. В статье 10 Закона о процедуре медиации

научно-практической конференции (Курск, 30 апреля, 2019 г.). – Курск: Юго-Запад. гос. ун-т., 2019. – С. 58 – 59.

¹ Гугкаева З. А. Правовые особенности реализации примирительной процедуры медиации в гражданском процессе // Молодой ученый. – 2020. – № 23. – С. 199.

указано, что деятельность по проведению процедуры медиации осуществляется медиатором, медиаторами как на платной, так и на бесплатной основе, деятельность организаций, осуществляющих деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации, – на платной основе. Оплата осуществляется сторонами в равных долях, если они не договорились об ином¹. При этом не установлен размер вознаграждения, порядок его расчета. В научной литературе отмечается, что для развития медиации необходимо, чтобы такое вознаграждение было достаточным для компенсации затрат на обучение медиаторов, повышения квалификации, оплаты членских взносов и физического существования без совмещения медиации с другой деятельностью. Однако, не все граждане обладают материальной возможностью оплатить услуги медиатора, в особенности, если результат процедуры не гарантирован.

В качестве одного из вариантов решения проблемы предлагается разработка профессионального стандарта, который бы стал базой для разработки разных программ по обучению медиаторов, в таком стандарте бы указаны необходимые условия для вхождения в профессию и поддержания высокого уровня навыков специалистов, основания расчета вознаграждения медиаторов за оказываемые услуги. Предполагается, что в таком стандарте должны быть закреплены следующие группы компетенций: профессиональные; надпрофессиональные, относящиеся к охране труда и профессиональному общению; базовые компетенции, относящиеся ко всем видам деятельности медиатора и предполагающие его способность получать новые знания². Приказом Минтруда России от 15.12.2014 г. № 1041н утвержден профессиональный стандарт «Специалист в области медиации (медиатор)», однако, в нем содержатся лишь обобщенные сведения относительно образования и трудовых функций медиатора³.

Таким образом, основная цель медиации заключается в добровольном и эффективном разрешении споров, без вмешательства суда. Важнейшими проблемами, тормозящими развитие медиации, являются несформированный институт медиации экономические проблемы, касающиеся компенсации затрат за организацию и проведение медиации. Пути решения данных проблем должны совместно разрабатываться, как органами государственной власти, так и профессиональным медиативным сообществом.

¹ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (с изм. и доп. от 26.07.2019) // СЗ РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

² Карпенко А. Д., Меренкова Е. А. Современное состояние развития медиации в России // Конфликтология XXI века. Пути и средства укрепления мира: материалы Второго Санкт-петербургского международного конгресса конфликтологов (Санкт-Петербург, 3 – 4 октября, 2014 г.). – Санкт-Петербург, 2014. – С. 287.

³ Приказ Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 15 декабря 2014 г. № 1041н «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист в области медиации (медиатор)»: // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – 2015. – № 30.

**АЛКОГОЛЬНАЯ ПРОДУКЦИЯ, ТАБАЧНЫЕ ИЗДЕЛИЯ,
КАК ПРЕДМЕТ КОНТРАБАНДЫ:
ПОНЯТИЕ, ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ КВАЛИФИКАЦИИ**

Шибин Д.Ю.– магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права и
криминологии Оренбургского института (филиала) Университета имени
О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Хмелевская Т. А.

Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий - экономический вид преступлений. Обязательным признаком состава, предусмотренного ст. 200.2 УК РФ, является предмет - алкогольная продукция и (или) табачные изделия.

Согласно положениям Федерального закона «О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции» понятие алкогольной продукции необходимо отграничивать от таких категорий товаров как «этиловый спирт» и «спиртосодержащая продукция». Соглашением о регулировании алкогольного рынка в рамках Евразийского экономического союза этиловый спирт, произведенный из пищевого сырья, относится к алкогольной продукции¹.

Основываясь на анализе положений действующего российского законодательства спиртосодержащую продукцию нельзя признать алкогольной продукцией или отнести к стратегически важным товарам. В связи с чем, мы соглашаемся с выводом А.В. Федорова, что спиртосодержащая продукция не является предметом преступлений как по ст. 200.2 УК РФ, так и по ст. 226.1 УК РФ².

По мнению О.Г. Соловьёва, в этом вопросе можно прийти к заключению о законодательном сбое. В связи с чем, возникает необходимость дополнения рассматриваемой уголовно-правовой нормы³.

Соглашаясь с изложенными выше теоретическими оценками закрепления предмета контрабанды по ст. 200.2 УК РФ, с целью устранению

¹ Распоряжение Коллегии ЕЭК от 10.11.2015 № 124 «О проекте решения Совета Евразийской экономической комиссии «О проекте Соглашения о регулировании алкогольного рынка в рамках Евразийского экономического союза» // Таможенные документы: онлайн-справочник URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/15r00124/> (дата обращения: 26.11.2021).

² Фёдоров А. В. Контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий (научно-практический комментарий ст. 200.2 УК РФ) // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 3. – С.20.

³ Соловьёв О. Г. К вопросу о бланкетности признаков предмета контрабанды алкогольной продукции и (или) табачных изделий (ст. 200.2 УК РФ) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. – 2019. – № 1. – С. 43.

названного пробела, предлагаем изложить часть 1 указанной статьи в следующей редакции: «Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза алкогольной продукции, спиртосодержащей продукции ... (далее по тексту)».

На практике в качестве предмета контрабанды по ст. 200.2 УК РФ выявляют фальсифицированные, контрафактные или недоброкачественные виды алкогольной продукции и табачных изделий. В этом случае появляется дополнительный непосредственный объект - здоровье личности, что повышает общественную опасность содеянного и должна быть установлена более строгая уголовная ответственность. Предлагаем дополнить ст. 200.2 УК РФ частью 1.1 в следующей редакции: «Незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза контрафактной и (или) недоброкачественной алкогольной продукции и (или) контрафактных и (или) недоброкачественных табачных изделий ...».

Обязательной характеристикой предмета преступления является его количественный показатель. Незаконное перемещение алкогольной продукции и табачных изделий влечёт за собой уголовную ответственность, если совершается в крупном размере. Согласно Примечанию 1 к ст. 200.2 УК РФ стоимость алкогольной продукции и (или) табачных изделий должна превышать двести пятьдесят тысяч рублей на момент деяния.

В соответствии с соглашением между Правительством РФ, Правительством Республики Беларусь и Правительством Республики Казахстан от 18 июня 2010 г. «О порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через Таможенную границу Таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их выпуском» (в ред. от 10 октября 2014 г.)¹ установлены нормы алкогольной продукции и табачных изделий, которые разрешены к провозу через границу для личного потребления.

В примечании 2 к ст. 200.2 УК РФ установлен метод расчета размера стоимости незаконно перемещенных алкогольной продукции и (или) табачных изделий. Согласно ему из всей стоимости незаконно перемещенных алкогольной продукции и (или) табачных изделий подлежит исключению та часть стоимости указанных товаров, которая таможенным законодательством Таможенного союза разрешена к перемещению без декларирования и (или) была задекларирована. Так, 09.09.2019 было возбуждено уголовное дело по факту совершения 14.09.2020 А. Я. покушения на контрабанду табачной продукции – сигарет в общем количестве 13 850 штук стоимостью 431 238 рублей. Оценка стоимости табачных изделий была произведена исходя из договора купли-продажи от 31.05.2019 г. за вычетом стоимости 200 штук сигарет².

¹ СЗ РФ. – 2010. – № 50. – Ст. 6615.

² Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции по уголовным делам Псковского областного суда от 3 декабря 2020 года по делу №22-806/2020 //

При перемещении через границу несертифицированного товара то его стоимость определяется экспертом на основе существующих на рынке цен аналогичных предметов. Такое правило при квалификации предмета контрабанды было сформировано следственно-судебной практикой. Примером является следующая ситуация. На территории зоны таможенного контроля должностными лицами таможи был проведен таможенный досмотр товара находящегося в контейнере. Внутри него были обнаружены, незаконно перемещенные табачные изделия – пачки сигарет общим количеством – 759082 пачки.

По заключению эксперта товар, представленный на исследование, не отвечал требованиям российского законодательства. На образцах отсутствовали акцизные марки, без которых они не могли быть реализованы на территории России. Кроме того контрафактная продукция не имеет рыночной стоимости на территории РФ. В ходе анализа рынка табачных изделий была установлена рыночная стоимость товара аналогичного исследуемому, который отвечал требованиям российского законодательства. Общая стоимость незаконно перемещенной продукции была определена с учетом количества партии и страны происхождения по состоянию на день совершения деяния и составила 28 870 451 рубль 08 копеек¹.

В ст. 200.2 УК РФ законодатель отказался от термина «табачная продукция», которая предполагает упаковку в потребительскую тару. В таком понимании предмета преступления незаконное перемещение через таможенную границу Таможенного союза не упакованной табачной продукции также образует объективную сторону состава исследуемого преступления.

В случае если предметом контрабанды по ст. 200.2 УК РФ является контрафактная или фальсифицированная продукция, то стоимость алкогольной продукции и табачных изделий определяется на основе стоимости товара с аналогичными характеристиками. Такое правило при квалификации предмета контрабанды было сформировано следственно-судебной практикой.

Представленный выше анализ предмета контрабанды показал, что конструкция состава преступления, предусмотренного ст. 200.2 УК РФ, требует законодательной конкретизации и дополнения предмета преступления с целью точной квалификации деяния, соответствующей общественной опасности содеянного.

ФИНАНСОВОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ОБОРОННО-ПРОМЫШЛЕННОГО КОМПЛЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шишкин С.В. – магистрант Оренбургского института (филиала)

Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры административного и
финансового права Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Колодина М.В.

Судебные и нормативные акты РФ URL: <https://sudact.ru/regular/doc/fhjruyYYi8W4/> (дата обращения: 22.11.2021)

¹ Приговор Кировского районного суда Санкт-Петербурга по уголовному делу № 1-851/2020 по обв. Суворова С. А. по ч. 1 ст. 200.2 УК РФ // Sud-praktika.ru URL: <https://sud-praktika.ru/precedent/551585.html> (дата обращения: 22.11.2021).

Выделение в отдельную главу Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» от 31.12.2014 № 488-ФЗ особенностей регулирования промышленной политики в сфере оборонно-промышленного комплекса (далее—ОПК) объясняется высоким значением сектора ОПК для развития промышленности в целом. Вопреки распространенному мнению о том, что предприятия ОПК производят оборонную продукцию, данные предприятия производят продукцию следующих видов:

- продукция военного назначения;
- продукция двойного назначения;
- продукция гражданского назначения.

В зависимости от характера производимой продукции меняется правовой статус предприятий ОПК в конкретных правовых отношениях.

В сфере ОПК ведущим инструментом экономического взаимодействия с государством является государственный оборонный заказ (далее—ГОЗ РФ), урегулированный Федеральным законом «О государственном оборонном заказе» от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ.

Согласно части 1 статьи 2 Федерального закона «О государственном оборонном заказе» от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ правовое регулирование отношений в сфере государственного оборонного заказа основывается на Конституции Российской Федерации и осуществляется в соответствии с Бюджетным кодексом Российской Федерации, Гражданским кодексом Российской Федерации, федеральными законами в области обороны и безопасности Российской Федерации, поставок продукции для обеспечения федеральных нужд, законодательством Российской Федерации о контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, а также принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами Российской Федерации.

Легальное определение государственного оборонного заказа дается в Федеральном законе «О государственном оборонном заказе» от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ¹. Так, согласно п. 1 ст. 3 указанного закона, государственный оборонный заказ – это «установленные нормативным правовым актом Правительства Российской Федерации задания на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для федеральных нужд в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также поставки продукции в области военно-технического сотрудничества Российской Федерации с иностранными государствами в соответствии с международными обязательствами Российской Федерации». Исходя из этого положения, ГОЗ РФ можно охарактеризовать как нормативно-правовой акт, то есть официальный документ, в рамках которого Правительство РФ определяет задание по материально-техническому обеспечению органов

¹ Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ (ред. от 25.02.2022) «О государственном оборонном заказе // СЗ РФ. – 2012. – № 53. – Ст. 7600.

власти, которые непосредственно выполняют функции обороны государства и поддержания его безопасности (например, Министерство обороны РФ, Росгвардия РФ и многие другие), исходя из их потребностей. Также посредством ГОЗ РФ реализуется исполнение договорных обязательств по снабжению вооруженных сил на международном уровне.

Безусловно, связь ГОЗ РФ с такими категориями, как выполнение работ, поставки товаров, оказание услуг и исполнение обязательств, имеющими гражданско-правовой характер, а также тот факт, что ГОЗ РФ реализуется посредством осуществления публичными органами своих властных полномочий, являются подтверждением прямой связи государственного оборонного заказа с бюджетным правом в частности и с финансовым правом в целом. Такой вывод можно сделать на основании положений, содержащихся в Постановлении Правительства РФ от 26.12.2013 №1255 «О Правилах разработки государственного оборонного заказа и его основных показателей»¹. Так, согласно п. 19 данного Постановления ГОЗ РФ формируется Правительством РФ по предложениям государственных заказчиков на основе проекта федерального закона о федеральном бюджете на очередной финансовый год. Таким образом, ГОЗ РФ является составным элементом федерального бюджета, не может выходить за его рамки и составляется в рамках планируемых объемах финансирования.

Очевидна связь ГОЗ РФ с финансовым правом и с точки зрения субъектов правоотношений по его исполнению. Так, главным системообразующим элементом понятия ГОЗ РФ, приведенного в законе, является «задание», определение которого содержится в ст. 6 Бюджетного кодекса Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ². Согласно данной норме, государственное задание представляет собой «документ, устанавливающий требования к составу, качеству и (или) объему (содержанию), условиям, порядку и результатам оказания государственных (муниципальных) услуг (выполнения работ)». Выполнение государственного задания является непосредственной обязанностью соответствующего участника бюджетного процесса – публичного образования, которое для выполнения своей обязанности вступает в правоотношения посредством заключения с контрагентами государственного контракта. Сущность государственного контракта непосредственно связана с понятием «закупка». В ст. 3 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ³ под закупкой понимается

¹ Постановление Правительства РФ от 26.12.2013 № 1255 «О Правилах разработки государственного оборонного заказа и его основных показателей» (ред. от 17.11.2021) // СЗ РФ. – 2014. – № 2. – Ст. 90

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 №145-ФЗ (ред. от 09.03.2022)) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3823.

³ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ (ред. от 08.03.2022) // СЗ РФ. –2013. – № 14. – Ст. 1652.

последовательный порядок действий, выполняемых государственным заказчиком в целях удовлетворения нужд государства. Порядок осуществления государственной закупки строго установлен в законе; начинается закупка с принятия решения заказчиком о выборе контрагента и заканчивается с исполнением сторонами государственного контракта своих обязательств. Следовательно, субъектами отношений в рамках Государственного оборонного заказа следует считать исполнителя заказа – государственного заказчика в лице органа исполнительной власти, государственного учреждения, и хозяйствующие субъекты, которые не являются участниками бюджетного процесса. Как известно, обязательное участие публичных органов в имущественных отношениях присуще именно отношениям, регулируемым нормами финансового права.

О.В. Елисеев под понятием ГОЗ РФ предлагает понимать «перечень государственных потребностей в продукции (товарах), работах и услугах применительно к рассматриваемой сфере отношений с привязкой к финансированию в очередном финансовом году и плановом периоде»¹. Однако большинство ученых придерживаются точки зрения о сложном системном характере Государственного оборонного заказа как нормативно-правового акта. Например, в своем исследовании правовед А.В. Бабкин предлагает рассматривать ГОЗ РФ как многогранную высокоорганизованную систему. В частности, он предлагает рассмотреть ГОЗ РФ в совокупности отношений в конкретных сферах, а именно как «элемент военной, экономической, бюджетно-финансовой подсистем и как совокупность плановых документов...»².

Таким образом, государственный оборонный заказ формирует самостоятельную подсистему государственного регулирования промышленности, а формирование и реализация промышленной политики должна основываться на специфических принципах отрасли ОПК.

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОНТРОЛЯ И НАДЗОРА ЗА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧАСТНЫХ ОХРАННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Щанькин Д.Ю. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

¹ Елисеев О.В. Повышение эффективности выполнения государственного оборонного заказа на основе развития контрактного механизма: дис. ... канд. экон. наук. – М., 2014. – С. 117.

² Бабкин А.В. Методология управления государственным оборонным заказом: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. – СПб., 2001. – С. 10.

Деятельность частных охранных организаций на территории Российской Федерации начинает развиваться с 1992 года, после принятия Закона РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и частной охранной деятельности»¹, который регулирует данную сферу, связанную с оказанием услуг по обеспечению общественного порядка, защите жизни и здоровья граждан, обеспечению целостности имущества и рядом других вопросов, тесно связанных с обеспечением прав и защищенности. Частная охранная деятельность представляет собой вид предпринимательской деятельности. Правовая сущность данной сферы представляет собой слияние публично-правового и частноправового методов ее регулирования, которое вытекает из непосредственной специфики данной отрасли. Поэтому деятельность частных охранных организаций должна подлежать обязательному лицензированию, следовательно, за деятельностью этих субъектов устанавливается контроль и надзор со стороны уполномоченных субъектов власти.

Основой правового регулирования осуществления контроля и взаимодействия контролируемого и контролирующего субъектов является Федеральный закон от 26 декабря 2008 года № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля». В данном акте закрепляется дефиниция контроля как деятельности уполномоченных на то органов власти по предупреждению, выявлению и пресечению нарушений юридическими лицами лицензионных требований, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Контрольные функции основываются на организации проверок, а также проведении отдельных мер по устранению выявленных нарушений.

Тенденция развития общественных отношений свидетельствует о том, что сфера государственного контроля находится в постоянном развитии, так как устанавливаются новые правовые требования и стандарты, а также появляются новые контролирующие органы, особенно в сфере предпринимательской деятельности. Так, одной из задач, определенной Президентом Российской Федерации на этапе формирования Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации, является функция по осуществлению государственного контроля в некоторых сферах деятельности². Данный субъект имеет полномочия в сфере контроля за частными охранными организациями, в которые входит соблюдение требований и условий, предусмотренных законодательством Российской Федерации, для осуществления частной охранной деятельности, в

¹ О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации: закон Российской Федерации от 11 марта 1992 г. № 2487-1 (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. - 1992. - № 17. - Ст. 888.

² Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 (ред. 17.06.2019) // СЗ РФ. - 2016. - № 15. - Ст. 2072.

соответствии с выданной им лицензией. Стоит отметить, что в данный перечень включены полномочия рассмотрения заявлений о выдаче, переоформлении и продлении срока лицензий соискателям и лицензиатам.

Форма контроля устанавливается в виде плановых и внеплановых проверок субъектов охранной деятельности, проверка обеспечения условий хранения оружия, ведение учетных дел и сбор информации. Учетные дела заводятся на каждую частную охранную организацию, что позволяет установить сроки окончания лицензии и, соответственно, права заниматься данной деятельностью.

Основные отличия плановых и внеплановых проверок в сроках и частоте их проведения. Плановые проверки проводятся не чаще, чем раз в три года, в соответствии с установленными графиками, а внеплановая проводится только в установленных законом случаях с уведомлением прокурора соответствующего субъекта Российской Федерации.

Анализ практики осуществления контрольных функций свидетельствует о том, что практически у каждого субъекта частной охранной деятельности выявляются нарушения. Наиболее встречаемыми нарушениями являются: неуведомление или несвоевременное уведомление лицензирующего органа о начале или об окончании оказания услуг, связанных с частной охранной деятельностью; использование труда работников, не имеющих обязательную специальную квалификацию; нарушение порядка хранения и использования служебного оружия; необеспечение социальными гарантиями сотрудников частных охранных организаций.

Главной проблемой является контроль за сотрудниками и штатным персоналом субъектов частной охранной деятельности. Так, зачастую многие сотрудники не имеют удостоверения частного охранника, что свидетельствует об отсутствии контроля со стороны руководителей частных охранных организаций. Также, важно заметить, что большую массу сотрудников охранной деятельности составляют лица с криминальной направленностью, которые получают легальный доступ к огнестрельному оружию и специальным средствам, либо доступ к особо охраняемым объектам.

Диссонансом звучит следующая проблема, заключающаяся в осуществлении частной охранной деятельности без специальной лицензии. Многие сотрудники частных охранных предприятий не обладают специальными навыками профессиональной подготовки и халатно относятся к осуществлению своих обязанностей.

Наличие данных проблем напрямую свидетельствует о большом глобальном вопросе действенности и эффективности контроля и надзора за субъектами частной охранной деятельности. Действующая нормативная база в сфере осуществления контроля, по мнению многих авторов, нуждается в совершенствовании. Тенденциями развития российского права является наличие большой нормативной базы, на сегодняшний день постоянно

разрабатываются и вступают в силу новые регламенты органов государственной власти, регулирующих контроль за деятельностью частных охранных предприятий, однако данные формы остаются декларативными и неэффективными, а также зачастую противоречат не только между собой, создавая коллизии, но и федеральному законодательству. Контроль со стороны уполномоченных субъектов слаб и не справляется с заявленными задачами¹.

Путем решения выявленных проблем является внесение изменений в действующее законодательство в форме закрепления нового вида контроля лицензирующим органом деятельности частных охранных организаций – профилактической работы. Данный формат будет выражаться в ежегодных совещательных собраниях контролирующих органов с представителями субъектов частной охранной деятельности о наиболее частных правонарушениях и проблемах в правоприменении, а также в создании координационных советов и комиссий по вопросам повышения качества предоставляемых услуг.

Такой вид сотрудничества позволит уменьшить количество нарушений не только в сфере оказания охранных услуг, но и в сфере трудовой деятельности по отношению к работникам, в сфере налоговых правоотношений, а также в сфере взаимодействия с иными общественными организациями.

Таким образом, анализ контроля и надзора в сфере частной охранной деятельности, позволяет сделать вывод о том, что на сегодняшний период в Российской Федерации этот институт является малоэффективным, о чем свидетельствует большое количество нарушений субъектами частной охранной деятельности при осуществлении лицензируемой деятельности. На наш взгляд, целесообразно внесение изменений в законодательство Российской Федерации, регулирующее сферу частной охранной деятельности.

Во-первых, необходимо закрепить в законодательстве возможность создания профилактических и координационных центров и советов при контрольных органах, а также установить периодичность заседаний и собраний.

Во-вторых, немаловажное значение имеют единые сроки проведения плановых и внеплановых проверок. На данный момент, существует противоречивая ситуация между ведомственными актами контролирующих органов и федеральным законодательством, что создает дополнительные проблемы в осуществлении контроля и надзора за частными охранными организациями.

В-третьих, существующие требования к сотрудникам частных охранных организаций не отвечают основным критериям достижения целей деятельности данных субъектов. Особую проблему вызывают споры,

¹ Кинчус Е.В. Осуществление контроля за негосударственной (частной) охранной и сыскной деятельностью // Общество и право. - 2008. - № 1. - С. 251-253.

связанные с возможностью использования огнестрельного служебного оружия определенными категориями лиц, ведь многие нарушения совершаются вследствие неопытности и отсутствия квалификации сотрудников. В данном случае необходимо выстроить более четкую систему критериев отбора сотрудников частных охранных организаций, установить возрастные ограничения, физические ограничения в форме профессиональной физической подготовки и отсутствия определенных заболеваний, усложняющих осуществление профессиональной деятельности. Также немаловажное значение в формировании штата сотрудников частных охранных организаций играет морально-этический критерий, так как данные лица должны осознавать специфику своей работы и ответственности за ее исполнение.

ОСОБЕННОСТИ МЕХАНИЗМА НАСЛЕДОВАНИЯ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

Юсипенко К.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и процесса
Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Бердегулова Л.А.

На сегодняшний день в Российской Федерации наиболее распространенной организационно-правовой формой для юридических лиц является Общество с ограниченной ответственностью. В связи с чем, важную роль играет разрешение на законодательном уровне вопросов, связанных с передачей комплекса корпоративных прав участника Общества (доли участия).

В последнее время российское законодательство внесло огромный вклад в развитие корпоративного права. Таким образом, законодатель устранил ряд недостатков в сфере правового регулирования деятельности корпораций. Однако, некоторые вопросы остались без ответа. Это касается, в том числе, вопросов наследования долей в уставном капитале Общества, а именно:

- момент вступления в наследство;
- не определен порядок действий, которые необходимо предпринять наследнику для вступления в наследство;
- отсутствие в законе конкретных корпоративных процедур, связанных с необходимостью выражения согласия участников общества на принятие наследства;
- судебные споры с участием Общества и наследников.

По общему правилу в случае смерти одного из участников Общества принадлежащая ему доля в уставном капитале может быть передана по наследству. При наследовании имущество умершего участника Общества

переходит к наследникам в порядке универсального правопреемства, то есть в неизменном виде как единое целое и в один и тот же момент. Однако, наследование доли не всегда означает то, что наследник автоматически становится участником этого общества.

Исходя из восприятия права на участие в управлении обществом как права, неразрывно связанного с личностью участника, которое не входит в наследственную массу, в судебной практике нет единообразного мнения о механизме наследования доли в уставном капитале общества.

С одной стороны, суды считают, что при отсутствии согласия участников общества на переход доли к третьему лицу, у нотариуса отсутствуют основания для предоставления наследнику свидетельства о праве, включающее наследуемую долю во избежание корпоративных конфликтов с другими участниками Общества. С другой стороны, судебная практика склоняется к тому, что судам необходимо оценивать свидетельство о праве на наследство лишь в качестве основания для постановки вопроса о переходе к наследнику доли в уставном капитале. В связи с чем, нотариусу нет необходимости в получении согласия остальных участников Общества для предоставления наследнику свидетельства о праве на наследство.

Для того чтобы разобраться какая позиция является наиболее корректной, необходимо понять правовую природу доли в уставном капитале общества. Так, из анализа научной доктрины можно выделить несколько основных позиций относительно правовой природы доли в уставном капитале:

Первый подход исходит из обязательственно-правовой природы доли в уставном капитале. Например, В. Залесский полагает, что доля участника общества с ограниченной ответственностью в уставном капитале определяет размер обязательственного требования, принадлежащего участнику по отношению к обществу¹. Другая концепция отталкивается от вещно-правовой природы доли в уставном капитале, определяя долю в уставном капитале как имущественное право².

Наиболее современный подход рассматривает долю в уставном капитале как категорию, которая синтезирует в себе различные по своей природе права, в частности, как комплекс имущественных и неимущественных прав (Д.В. Ломакин)³; как совокупность имущественных (корпоративных и связанных с ними) прав и обязанностей участника

¹ Залесский В. Общество с ограниченной ответственностью в системе хозяйственных товариществ и обществ // Право и экономика. – 1998. – № 3. – С. 14.

² Мингазов Т.А. Правовая квалификация доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Правовое государство: теория и практика. – 2013. – № 2. – С. 155.

³ Ломакин Д.В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ: автореф. дис. ... доктора юридических наук. – М., 2009. – С. 10.

общества (Л.А. Новоселова)¹; право на участие в делах общества (В.П. Мозолин) и другие.

На наш взгляд, доля участника в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью представляет собой самостоятельный объект корпоративных правоотношений, сочетающий в себе комплекс имущественных и неимущественных прав участника общества, носящих корпоративный характер.

Исходя из дуалистической структуры и содержания прав (имущественных и корпоративных прав), вытекающих из доли в уставном капитале, мы считаем, что механизм наследования доли в уставном капитале общества обладает схожей двойственностью, которая проявляется в следующем:

1. Свидетельство о праве на наследство, по нашему мнению, является доказательством наследования доли, на основании которого наследник приобретает статус наследника имущественных прав, выраженных в праве требования выплаты стоимости доли.

2. В свою очередь, «корпоративная часть» прав из доли, возникает, во-первых, при соблюдении условия, которым является согласие других участников общества на переход доли к третьему лицу (наследнику), а во-вторых, через определенный промежуток времени, связанный с переходом к наследнику «имущественной части прав». При этом, по мнению Козиной Е.А.: «имущественная составляющая прав, предоставляемых долей, в последующем трансформируется в права на получение прибыли и ликвидационный квоты, которые могут быть реализованы участником только при наступлении ряда условий (принятие общим собранием участников решения о распределении прибыли/части прибыли и окончание процедуры ликвидации общества)».²

С учетом изложенного считаем, что гражданско-правовой режим доли в уставном капитале допускает переход к наследникам лишь части «прав из доли» в силу их дуалистического характера. К сожалению, действующее российское законодательство, регулирующее корпоративные правоотношения, не дает исчерпывающего ответа на ряд принципиальных вопросов, касающихся наследования корпоративных прав. В связи с чем, представляется оправданным дополнение положений ГК РФ и Закона об ООО нормами, позволяющими конкретизировать переход «имущественной» и «корпоративной» части доли в порядке наследования.

¹ Новоселова Л.А. Оборотоспособность доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Объекты гражданского оборота: сборник статей под ред. М.А. Рожкова. – М., 2007. – С. 117.

² Козина Е.А. К вопросу о причине правовых проблем наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью. // Право и политика. – 2015.

ОСОБЕННОСТИ УЧАСТИЯ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ТРЕТЬИХ ЛИЦ, НЕ ЗАЯВЛЯЮЩИХ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ТРЕБОВАНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕДМЕТА СПОРА

Якунина Д.А. – магистрантка Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: доцент кафедры гражданского права и
процесса Оренбургского института (филиала) Университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н. Томина А.П.

В Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – ГПК РФ)¹ предусмотрено, что судебная защита публичных интересов, то есть интересов неопределенного круга лиц, может осуществляться определенной категорией субъектов, как в различных процессуальных статусах, так и в различных формах.

Так, участие в деле органов власти возможно в порядке ст. 43 ГПК РФ в тех случаях, когда привлечение третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, обусловлено реализацией возложенных на них законодательством полномочий, выражающихся, в частности, в осуществлении различных функций в интересах общества, и определенной заинтересованностью в исходе дела.

Также участие в деле органов власти возможно посредством обращения в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов других лиц либо неопределенного круга лиц² (ст. 46 ГПК РФ).

Кроме того, согласно ст. 47 ГПК РФ участие в деле органов власти возможно посредством дачи заключения по делу в целях осуществления возложенных на них обязанностей и защиты прав, свобод и законных интересов других лиц или интересов публично-правовых образований.

В связи с чем, органы государственной власти и органы местного самоуправления, участвующие в деле в защиту публичных интересов в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, довольно часто смешивают с органами власти, вступающими в процесс также в защиту публичных интересов, но лишь посредством дачи заключения по делу, что является недопустимым, поскольку, указанные лица вступают в процесс в абсолютно разных процессуальных статусах.

В связи с чем, возникает вопрос, в чем состоят различия между указанными категориями лиц, участвующих в деле.

Первое отличие касается процессуальной формы их участия.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. №138-ФЗ (с изм. и доп. от 29 июня 2021 г. №234-ФЗ) // СЗ. – 2002. – №46. – Ст. 4532.

² Там же.

В частности, обращаясь к обзору практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, можно сказать о том, что дача заключения по существу спора является исключительно компетенцией органа опеки и попечительства, основанием участия в деле которого является интерес государства в правильном разрешении дел, имеющих важную социальную направленность, и защита интересов несовершеннолетних¹. Тем самым, именно на органы власти, которые участвуют в деле посредством дачи заключения, возлагается соответствующая обязанность, тогда как третьи лица, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, такую обязанность не несут.

Кроме того, различается порядок выступления указанных лиц в ходе проведения судебного заседания по делу. Так, если объяснения третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, заслушиваются непосредственно после доклада дела, то есть в начале судебного заседания, то заключение по делу предоставляется органами власти лишь после исследования всех доказательств, представленных лицами, участвующими в деле.

Помимо прочего, органы власти, участвующие в деле в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, обладают большим количеством полномочий по сравнению с теми, кто участвует в деле для дачи заключения. Так, например, право выступать участником мирового соглашения, право выступать в судебных прениях принадлежит третьим лицам, тогда как органы, дающие заключение по делу такими правами не наделены.

Наконец, главным отличием третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, от лиц, дающих заключение по делу, является цель их участия в гражданском процессе.

Цель участия в деле третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, связана непосредственно с возможностью оказания влияния на их права и обязанности принятого по делу судебного постановления. В то время как, цель участия лиц, дающих заключение по делу, вызвана необходимостью предоставления ими правовой оценки обстоятельствам дела путем выражения правовой позиции по делу.

Примером участия в деле органа государственной власти, в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, является, в частности, Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Северная Осетия - Алания от 06 февраля 2018 г. Так, в рамках рассмотрения гражданского дела №33-175/2018 по иску о признании гражданина утратившим право пользования жилым помещением в жилом доме и снятии его с регистрационного учета судом в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельные

¹ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20 июля 2011 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – №7.

требования, было правомерно привлечено Управление МВД России по г. Владикавказу¹. Участие в деле данного органа обусловлено наличием у него публично-правовых полномочий по осуществлению регистрационного учета граждан. В связи с чем, вынесенное по делу судебное решение в пользу заявителя послужит предпосылкой для возникновения у Управления МВД России по г. Владикавказу обязанности по снятию с регистрационного учета ответчика.

Примером участия в деле органов государственной власти в качестве лиц, дающих заключение по делу, является, в частности, Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 октября 2013 г. №2-КГ13-3. Так, по делам об определении места жительства ребенка органы опеки и попечительства по месту жительства каждого из родителей обязаны участвовать в деле в качестве государственных органов, компетентных дать заключение по существу спора, а не в качестве третьих лиц². В данном случае участие в деле органов власти обусловлено наличием у них компетенции по доведению до суда своей правовой позиции по существу спорных вопросов судебного разбирательства.

Тем самым, учитывая положения гражданского процессуального законодательства, проведя анализ судебной практики по вопросам привлечения органов власти к участию в деле, можно сказать о том, что в настоящее время достаточно актуальным является вопрос об определении критериев, по которым возможно будет установить случаи, когда защита публичных интересов осуществляется лицами, участвующими в деле в качестве третьих лиц, а когда лицами, участвующими в деле посредством дачи заключения.

Таким образом, определение цели участия в деле в каждом конкретном случае имеет важное правовое значение, поскольку позволяет судам определить процессуально-правовой статус лица, вступающего в дело. Так, органы власти в качестве третьих лиц, не заявляющие самостоятельных требований относительно предмета спора, участвуют в деле с целью создания наиболее благоприятных условий для реализации и защиты своих и публичных интересов в рамках материального правоотношения, возникающего в связи с вынесением судебного решения. В то же время, участие в деле органов власти, дающих заключение по делу, предопределено исключительно исполнением ими обязанности по доведению до суда своей правовой позиции по делу. На права и обязанности данных органов в отношении одной из сторон спора принятый по делу судебный акт никакого влияния оказать не может.

¹ Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Северная Осетия - Алания от 06 февраля 2018 г. по делу №33-175/2018. Документ опубликован не был. Доступ из справочно-поисковой системы «Гарант».

² Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 октября 2013 г. №2-КГ13-3 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2014. – №7.

О ПРОБЛЕМАХ ЗАКЛЮЧЕНИЯ АРБИТРАЖНОГО СОГЛАШЕНИЯ В ЭЛЕКТРОННОЙ ФОРМЕ

Ямщикова К.О. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург

Научный руководитель: доцент кафедры уголовного права Оренбургского
института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
к.ю.н. Томина А.П.

Пятилетний период существования в Российской Федерации постреформенного третейского разбирательства свидетельствует о постепенном формировании корректного понимания его сущностного содержания как формы правосудия. Данные Российского арбитражного центра позволяют выявить тенденцию увеличения количества рассмотренных споров в арбитраже. Так, в 2020 г. было рассмотрено 394 иска¹ против 253 в 2019 г.².

Немаловажное значение в этом смысле отводится и электронным средствам коммуникации, использование и активное применение которых значительно облегчает взаимодействие субъектов гражданского оборота.

Активное развитие электронных средств коммуникации, применение современных способов передачи и хранения данных с неизбежностью влекут за собой нарушение традиционной формы заключения арбитражного соглашения. Пандемия COVID-19 ускорила тенденцию использования технических возможностей для повышения эффективности и качества третейского разбирательства.

Пункт 1 ст. II Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений

¹ Годовой отчет Российского института современного арбитража за 2020 г. URL: https://modernarbitration.ru/uploads/annual_report_2020_RUS_f9f2af7cd3.pdf (дата обращения: 03.02.2022).

² РАЦ в цифрах. Информация о делах, рассмотренных в 2019 г. URL: <https://centerarbitr.ru/wp-content/uploads/2020/03/РАЦ-в-цифрах-2020.pdf> (дата обращения: 03.02.2022).

1958 г.¹ указывает на письменное соглашение сторон о передаче споров в арбитраж. При этом в п. 2 ст. II названной Конвенции «письменное соглашение» определяет как «подписанное сторонами или содержащееся в обмене письмами или телеграммами». Отечественные суды последовательны в применении к внутреннему арбитражу сходных подходов, сложившихся в международной практике. При этом ЮНСИТРАЛ рекомендовала применять данный пункт «исходя из признания того, что содержащееся в нем описание обстоятельств не носит исчерпывающего характера»².

Положение о возможности заключения арбитражного соглашения в электронной форме прямо предусмотрено в нормах п. 2 и п. 3 ст. 7 Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (далее – Закон № 382-ФЗ)³, нашедшие последующее разъяснение в п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 53)⁴, согласно которому «арбитражное соглашение также считается заключенным в письменной форме в виде электронного сообщения, если содержащаяся в нем информация является доступной для последующего использования и если арбитражное соглашение заключено в соответствии с требованиями закона, предусмотренными для договора, заключаемого путем обмена документами посредством электронной связи».

Следует положительно оценить установление такого законодательного регулирования способствует внедрению электронного документооборота в целях определения дополнительных легальных механизмов удаленного взаимодействия участников бизнес-процессов, повышения эффективности и оперативности принятия решений, устранения излишних барьеров при

¹ Конвенции Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений 1958 г. // Вестник ВАС РФ. – 1993. – № 8.

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 4 декабря 2006 г. № 61/33 «Пересмотренные статьи Типового закона Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли о международном торговом арбитраже и рекомендация относительно толкования пункта 2 статьи II и пункта 1 статьи VII Конвенции о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, совершенной в Нью-Йорке 10 июня 1958 года» // Официальный сайт ООН. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/61/33> (дата обращения: 03.02.2022).

³ Федеральный закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (ред. от 27 декабря 2018 г.) // СЗ РФ. – 2016. № 1 (часть I). – Ст. 2; 2018. – № 53 (часть I). – Ст. 8457.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 декабря 2019 г. № 53 «О выполнении судами Российской Федерации функций содействия и контроля в отношении третейского разбирательства, международного коммерческого арбитража» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2020. – № 3.

налаживании деловых связей и создания тем самым благоприятных условий для осуществления хозяйственной и иной деятельности.

Специфика арбитражного соглашения, заключаемого в электронной форме, состоит лишь в том, что согласование воли сторон о передаче в арбитраж споров, осуществляется с помощью технических средств связи и коммуникации.

Зарубежный опыт регулирования третейского законодательства свидетельствует об отсутствии в национальном законодательстве норм о формальных требованиях к арбитражному соглашению (Франция)¹. Так, например, Закон Швеции об арбитраже 1999 г. предусматривает, что арбитражное соглашение может быть заключено и в устной форме.

Существующая практика указанных стран показывает, что отсутствие требований к обязательной письменной форме арбитражного соглашения не привело к какому-либо злоупотреблениям в рассматриваемой сфере, поскольку сторона, ссылающаяся на наличие арбитражного соглашения, заключенного в устной форме, должна доказать его содержание, в случае, если вторая сторона его оспаривает. При отсутствии таких доказательств арбитры и суды приходят к выводу об отсутствии и самого арбитражного соглашения.

Обращает на себя внимание тот факт, что в п. 3 ст. 7 Закона № 382-ФЗ устанавливает требование достоверности отправителя электронного документа, передаваемого по каналам связи, как стороны по договору. Вместе с тем анализ законодательства стран с развитыми традициями третейского разбирательства, а также рекомендации Комиссии ЮНСИТРАЛ применительно к толкованию положений Нью-Йоркской Конвенции не содержат подобного рода требования.

Кроме того, в содержащихся в п. 22 Постановления Пленума ВС РФ № 53 разъяснениях, уточняется, что заключенным в письменной форме в виде электронного сообщения будет считаться такое арбитражное соглашение, которое одновременно соответствует двум условиям:

1. содержащаяся в нем информация является доступной для последующего использования;
2. заключено в соответствии с требованиями закона, предусмотренными для договора, заключаемого путем обмена документами посредством электронной связи.

Подобного рода формулировки могут приводить к толкованию, при котором в качестве «электронных документов» могут рассматриваться только лишь документы, подписанные электронно-цифровой подписью, поскольку лишь они позволяют «достоверно» установить отправителя. При таких обстоятельствах электронная переписка не будет рассматриваться в качестве электронных документов.

¹ Статья 1507 Гражданского процессуального кодекса Франции (в ред. 2011 г.).
URL: http://www.iaiparis.com/pdf/FRENCH_LAW_ON_INTERNATIONAL_ARBITRATION.pdf (дата обращения: 03.02.2022).

Однако, полагаем, что электронная форма заключения арбитражного соглашения предполагает согласование воли сторон не только посредством обмена письмами по электронной почте, но и с использованием иных средств коммуникации – мессенджеров и социальных сетей (WhatsApp, Viber, Telegram, Facebook, Одноклассники, Вконтакте, Twitter и т.д.). Ясно следующее из существа переписки достижение договоренности о том, что стороны согласовывали рассмотрение определенного вопроса в третейском суде (отправка фотографий или скан-образов документов, содержащих условия о третейском соглашении), должно служить достаточным доказательством его заключения.

В этой связи считаем необходимым, во-первых, исключить из п. 3 ст. 7 Закона № 382-ФЗ требование о «достоверности», а также дополнить ст. 7 данного закона п. 3.1 следующего содержания: «Арбитражное соглашение считается заключенным в письменной форме, если его содержание зафиксировано в какой-либо форме, независимо от того, заключено ли арбитражное соглашение или договор или нет в устной форме, на основании поведения сторон или с помощью других средств».

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Яничкина В.А. – магистрант Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Оренбург
Научный руководитель: профессор кафедры предпринимательского и
природоресурсного права Оренбургского института (филиала)
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), д.ю.н. Ефимцева Т.В.

Из сферы сугубо государственного интереса рассматриваемая сфера становится областью сосредоточения интересов государства, муниципальных образований (публичного интереса) и интересов субъектов предпринимательской деятельности (частного интереса). Возникает потребность в обеспечении баланса интересов государства, муниципальных образований и субъектов предпринимательской деятельности, что приводит к становлению контрактной системы как публично-правового института¹.

Сущность контрактной системы, ее основная функция состоит в том, что она представляет собой механизм обеспечения баланса интересов государства, муниципалитетов и субъектов предпринимательской деятельности, участвующих в удовлетворении государственных и муниципальных нужд.

¹ Ильина О.В. Контрактная система в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд: вопросы правового регулирования // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 6 (137). – С. 135.

Обращение к отечественному и зарубежному опыту организации и проведения закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд показывает, что организационно-правовые формы удовлетворения государственных и муниципальных нужд в национальных правовых порядках значительно различаются, в том числе на различных этапах их развития. Различия эти проявляются в системе и статусе субъектов, участвующих в удовлетворении государственных и муниципальных нужд, принципах их взаимодействия, процедурах.

Распространение норм Закона о контрактной системе на коммерческие организации хотя и возможно⁴⁹, но приводит к результатам, прямо противоположным целям его регулирования. Специалистами в сфере публичных закупок прогнозировалось, что это приведет к снижению конкурентоспособности коммерческих организаций государственной и муниципальной форм собственности, снижению эффективности их экономических результатов, а в ряде случаев нецелесообразности их дальнейшей деятельности. На практике эти прогнозы нашли подтверждение. Так, ФАС России указала, что по итогам 2021 года в связи с распространением норм Закона о контрактной системе на унитарные предприятия отдельные предприятия перестали получать доход и несли убытки¹.

В целях минимизации вышеуказанных негативных последствий Федеральным законом от 29.06.2018 № 174-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» и Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» государственным и муниципальным унитарным предприятиям предоставлено право осуществлять закупки за счет средств от приносящей доход деятельности в соответствии с Федеральным законом от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Вместе с тем целесообразность и экономическая эффективность такого разделения закупочной деятельности также ставятся под сомнение.

По мере развития контрактной системы значительное развитие получили процедуры поддержки отечественных производителей и поставщиков товаров, работ, услуг, явившиеся одним из средств достижения стратегической цели государства – импортозамещения. Была сформирована разветвленная система запретов, ограничений и условий допуска иностранной продукции (ст. 14 Закона о контрактной системе), установлены особенности осуществления закупок для целей достижения заказчиком минимальной доли закупок товаров, работ, услуг российского происхождения (ст. 30 Закона о контрактной системе).

¹ Коробкова И.В. Современное состояние системы закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Финансы и учетная политика. – 2019. – № 9 (13). – С. 24-33.

На контрактную систему значительное влияние оказывают экономические (развитие производственных отношений, трансформация платежеспособного спроса государства и муниципалитетов), социальные и иные процессы, протекающие в обществе. В частности, с принятием Федерального закона от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» в контрактной системе сформированы процедуры, учитывающие необходимость вновь сформировавшихся производственных отношений (ст. 111³, 111⁴ Закона о контрактной системе)¹.

Организационно-правовая форма удовлетворения государственных и муниципальных нужд совершенствуется по мере развития технологий и их внедрения в государственное управление. Так, повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий, а впоследствии цифровизация государственного управления привели к цифровой трансформации контрактной системы.

Таким образом, имеет место диалектическое единство организационно-правовой формы удовлетворения государственных и муниципальных нужд и сложившейся модели государственного управления. При этом, с одной стороны, содержание организационно-правовой формы удовлетворения государственных и муниципальных нужд обуславливается структурой, методами, приемами и факторами эффективности конкретной модели государственного управления, реализуемой посредством сочетания административно-правовых и организационно-экономических инструментов, с другой стороны – она совершенствуется в результате развития технологий, производственных отношений и трансформации платежеспособного спроса государства и муниципалитетов.

Наличие такой связи между контрактной системой и сложившимся в рамках российского правопорядка государственным управлением предопределяет принадлежность норм, лежащих в основе данной системы, к отрасли административного права.

Во-первых, нормами административного права обеспечивается формирование организационной структуры удовлетворения государственных и муниципальных нужд в части определения системы соответствующих органов публичной власти и их компетенции как участников контрактной системы, а также их организационной структуры (контрактные службы, комиссии по осуществлению закупок и иные уполномоченные лица заказчиков)².

Во-вторых, нормами административного права обеспечивается установление порядка (административных процедур) осуществления

¹ Горчакова М.С. Принципы контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // *Ius Publicum et Privatum*. – 2021. – № 1 (11). – С. 109.

² Щукина И.В. Анализ развития системы закупок для обеспечения государственных нужд: на примере города Севастополь // *Экономика: вчера, сегодня, завтра*. – 2019. – Т. 9. – № 3-1. – С. 452.

деятельности, направленной на удовлетворение государственных и муниципальных нужд, в части определения правовых форм, методов и процедур деятельности органов публичной власти – участников контрактной системы, в том числе той, которая связана с применением норм других отраслей права.

Нормами административного права регулируются только те возникающие при реализации контрактной системы общественные отношения, которые носят публично-властный характер.

Структура предмета административно-правового регулирования в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд с учетом «специфики вида управленческих отношений и особенности субъектного состава» включает отношения, складывающиеся в рамках¹:

- разработки и принятия органами публичной власти – участниками контрактной системы подзаконных нормативных правовых актов;
- деятельности органов публичной власти – участников контрактной системы по организации закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд;
- деятельности органов публичной власти – участников контрактной системы по проведению закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд;
- деятельности органов публичной власти – участников контрактной системы по осуществлению контрольно-надзорной деятельности;
- деятельности органов публичной власти – участников контрактной системы по внесудебному разрешению жалоб;
- привлечения участников контрактной системы к дисциплинарной и административной ответственности.

При регулировании значительной части из перечисленных отношений нормы административного права тесным образом связаны и взаимодействуют с нормами иных отраслей права. Так, необходимость правовой регламентации финансовой деятельности органов публичной власти, информационного взаимодействия участников контрактной системы, деятельности органов местного самоуправления предопределила включение в законодательство о контрактной системе норм соответственно финансового, информационного и муниципального права.

В результате отдельные направления деятельности органов публичной администрации – участников контрактной системы становятся объектом комплексного правового регулирования, а именно: планирование и нормирование закупок, финансовый контроль в сфере закупок, а также их информационное обеспечение. Соотношение норм административного и иных отраслей права при регулировании соответствующих отношений различно.

¹ Илаева З.М. Теоретические аспекты контрактной системы в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных нужд // Вестник научной мысли. – 2021. – № 6. – С. 335.

При регламентации планирования и нормирования закупок нормы административного права занимают главное, определяющее место. Нормами финансового права урегулированы расчет и утверждение объема финансового обеспечения при осуществлении закупок; установление обязательных требований к предельным ценам товаров, работ, услуг. Для основного же массива отношений, складывающихся при планировании и нормировании закупок (определении идентификационного кода, объекта, сроков и периодичности государственной (муниципальной) закупки и установлении обязательных требований к качеству, потребительским свойствам и иным характеристикам товаров, работ, услуг) публичные денежные средства не являются материальным объектом. Это классические организационно-управленческие отношения, регулируемые нормами административного права¹.

С учетом этого отношения, складывающиеся непосредственно при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, представителями науки гражданского права в полном объеме были охарактеризованы в качестве гражданско-правовых. Представителями науки административного права такой подход к определению правовой природы рассматриваемых отношений был оспорен.

Обращение к опыту зарубежных государств показывает, что в значительной части стран континентальной правовой семьи (Франция, Италия, Испания, Австрия) правовое регулирование отношений, возникающих при определении поставщика (подрядчика, исполнителя), прошло схожий путь развития: сначала гражданско-правовое регулирование; потом наполнение законодательства нормами административного права; наконец, качественный переход, признание отношений, возникающих при определении поставщика (подрядчика, исполнителя), административно-правовыми, включение их в предмет административного права.

При этом сам нормативно установленный порядок определения поставщика (подрядчика, исполнителя), принципы, на которых строилось взаимодействие заказчиков и участников закупок, не менялись. Аналогичная трансформация возможна и в российском праве по мере развития правового регулирования контрактной системы.

¹ Ключко В.А. Система закупок для государственных и муниципальных нужд // Форум. Серия: Гуманитарные и экономические науки. – 2020. – № 3 (20). – С. 164.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ПРАВА**

Материалы научной конференции магистрантов
(18 марта 2022 года)